

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

СКАЗКИ ТЕРСКОГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ
Д. М. БАЛАШОВ

Издательство
«НАУКА»
Ленинградское отделение
Ленинград
1970

Ответственный редактор
Э. В. Померанцева

7-3-3

166-69 (II пол.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основную часть настоящего сборника составляют сказки, но попеременно с ними мы помещаем былички и бывальщины, что объясняется общими задачами предпринятой работы: представить в возможно более полном объеме и цельности устную народную художественную культуру Терского района Белого моря.¹ Подобная композиция впервые была принята в классическом сборнике Н. Е. Ончукова,² а затем многими позднейшими собирателями.

Задача представить народную культуру в границах района заставила нас расположить материал по селам, а внутри села — по исполнителям, не избегая повторений вариантов одного и того же сюжета в тех случаях, когда эти варианты представляют самостоятельный художественный интерес. Во вступительной статье сказочный репертуар района охарактеризован по жанровым группам: сказки о животных, волшебные, легендарные, новеллистические, сатирические (анекдоты). В приложениях к сборнику дана опись всех собранных материалов со ссылками на указатель сказочных сюжетов Аарне—Андреева.³ Все это дает возможность читателю представить материал в целом и одновременно увидеть художественные особенности вариантов и стиля каждого из рассказчиков.

¹ Уже вышел словесно-музыкальный сборник: Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Составители Д. М. Балашов и Ю. Е. Красовская. Изд. «Музыка», Л., 1969. Планируется также сборник лирических песен Терского района.

² Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908.

³ Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Изд. Гос. Русского геогр. общ., Л., 1929.

Как образец расположения материала нами взято издание «Севернорусских сказок в записях А. И. Никифорова» (М.—Л., 1961), подготовленное В. Я. Проппом. Это же издание, а кроме того специальная статья В. Я. Проппа «Текстологическое редактирование записей фольклора»⁴ были использованы как руководство при подготовке полевых записей к печати. Мы остерегались при этом как нивелировки, так и нарочитой архаизации живой речи исполнителей, сохраняя типичную для наших дней непоследовательность проявления диалектных особенностей в местном говоре.

Дополнительные трудности при этом вызывала подготовка к печати старых записей. Например, в записи 1947 г. учительницы Т. Н. Пашкиной от А. А. Мошниковой (см. № 6): «А на етом съезде царь расхвастался, что сидит у меня в тюрьме золотой мужицёк и есть золотой конь». По «правильному» терскому говору допущено минимум шесть ошибок, следовало бы: «А на етом съезде царь росхвасталсе, что сидит у меня в тюрьмы золотой мужицёк и есь золотой конь». Но можно ли так править? Сама А. А. Мошникова соблюдает говор крайне непоследовательно. Отгадать, где тут ошибки записи, а где — изменение говора рассказчицы, невозможно. Ряд наших записей от этой же сказочницы был сделан на магнитофонную ленту и при самой тщательной расшифровке дал еще большую непоследовательность произношения. Мы предпочли в старых записях не добиваться единообразной транскрипции, исправив лишь явные ошибки и разноречия собирателей.

Непоследовательность цоканья в речи северян фиксируется во всех изданиях севернорусского фольклора (см. названное издание В. Я. Проппа). Трудности усугубляются невозможностью точной фиксации звука, ибо местное «ц» — это, строго говоря, не «ц», а нечто среднее между «ц» и «ч», — не то «цъ», не то «чъ». Точнее передать этот звук можно было бы ставя после «ц» не «а», а «я», т. е. «цяръ», «цяревидъ», «овця», «девиця», «красавиця».

Но, во-первых, такое написание очень трудно для глаза, а во-вторых, оно тоже далеко от истины, ибо на концах слов в местном

⁴ Русский фольклор. Материалы и исследования, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 196—206.

говоре все же звучит «а», а не «я». Поэтому от подобного написания мы предпочли, где можно, отказаться. Трудно было решить также, как писать окончания глаголов на «ся» и «се», в которых звучит в местном говоре ясный звук «ц»: «дожидатьце», «свататьца». Поскольку «ц» слышится и в литературном произношении этих окончаний, мы предпочитали писать «дожидаться», «свататься», что более удобно для глаза. Вместе с тем чередование «ся» и «се» в окончаниях (непоследовательное!) мы оставляем, как очень выразительный штрих местного говора: «молился, каналсе ему».

Оставляем, опять же непоследовательную, замену «я» на «е» под ударением в ряде слов, как «тёнется», «опётъ» (наряду с «тянется» и «опять»), которая также очень характерна для местного говора.

Все особенности народной лексики и синтаксиса нами сохраняются без изменений.

Особо надо сказать о частице «дак», которая является своеобразной «точкой», заключающей фразу или ее часть. Например: «Жону не любил дак, оставил ее в лесу»; здесь «дак» является заключением первой части фразы («Жону не любил»), а не началом второй, как могло бы показаться.

На мелких фонетических особенностях местного говора, свойственных вообще народной речи, вроде стяжения гласных («быват», «зеленет» вместо «бывает», «зеленеет» и пр.), нет нужды останавливаться. В целом надо сказать, что у людей пожилых местные особенности речи проявляются в большей мере, чем у молодых, и у женщин сильнее, чем у мужчин, служивших в армии; кроме того, можно отметить, что у жителей восточной части Терского берега диалектные особенности и цоканье выражены ярче, чем у жителей западной части.

Сказки в сборнике озаглавливаются всюду, где это было возможно, так, как их называют сами рассказчики. В прочих случаях мы ориентировались на традиционные названия сюжетов. Нумерация принята сплошная.

В очерке мы постарались показать современное состояние сказочной традиции на Терском берегу, с попутными замечаниями о других жанровых группах устной народной прозы.

Не рискуем утверждать, что сказочная традиция Терского берега исчерпана. Да и кто бы мог исчерпать живое, вечно меняю-

щееся море устного рассказа? Но все же перед читателем итог пяти экспедиций на Терское побережье (1957—1964 гг.) и определенной полноты он достигает.

Время идет быстро. Некоторые из сказителей, чей репертуар вошел в сборник, уже умерли, в том числе лучшая из них — Е. И. Сидорова. Пусть же эта книга будет им доброй памятью и передаст память о них нашим детям.

Д. М. Балашов.

СКАЗОЧНИКИ И СКАЗОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ НА ТЕРСКОМ БЕРЕГУ

Терским берегом называется южное, лесистое побережье Кольского полуострова. Скандинавское «Тре» означает землю, покрытую лесом. Когда-то и весь Кольский полуостров назывался Тренесом. В XI—XII вв. Господин Великий Новгород в споре с воинственными «мурманами» (норманнами) захватил этот богатый пушниной и рыбой, ловчими соколами и речным жемчугом дикий край. Между XII и XIV столетиями происходила русская колонизация Терского берега. К настоящему времени русские поморы почти без остатка ассимилировали семьи карел и саамов, встречавшиеся в селах побережья еще полтора-два столетия тому назад.

Прошлое Терского берега изучено далеко не достаточно. Скучны и неясны древние летописные свидетельства. Дали ли Ярослав Мудрый Тренес с норвежским королем Олафом Триггвасоном в XI в.? А Семьон Петрилович, «търьский данник» (собиратель дани), убитый в Липицкой битве в 1216 г., только ли наезжал он сюда или на Терском берегу, среди местных карел и лопи, уже сидели прикащики боярина?

В договорных грамотах Новгорода с тверскими князьями область «Тре» упоминается постоянно с 1264 г., причем Великий Новгород каждый раз заботливо оставляет ее за собою.

При Грозном в Варзуге (главном селении края) было 125 дворов — большой город по тем временам. Варзуга соперничала с Холмогорами, и Грозный, всюду стремившийся уничтожить остатки новгородского демократического влияния и новгородской самостоятельности, послал военный отряд во главе с Басаргой Федоровичем Леонтьевым для усмирения и сбора внеочередной дани с терчан. «И запустела от глады и от мору и от Басаргина правежу» Варзужская волость.¹ Едва треть дворов оставалась в Варзуге через семь лет после этой расправы, по переписи 1575 г.

По-видимому, первые поселения русских появились на Терском берегу уже в XII—XIII вв.; они располагались у моря. После же ослабления Новгорода норманны стали сильно разорять

¹ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 462, № 10.

здесь берега. Так, Новгородская четвертая летопись под 1419 г. сообщает: «...пришедши мурмане войною в 500 человек с моря, в бусах, в шнеках, и повоеваша в Варзуге погост Корельский, и в земли Заволоцкой погосты...». Спасаясь от погромов, жители переселялись в глубь берега, поднимаясь по рекам выше порогов, чтобы оберечься от морских кораблей «мурманов». Так возникли Умба — погост в 12 км от моря, выше порогов, Вялозеро — деревня в глубине района, на озере, также отгороженная от моря порожистой рекой, и Варзуга, стоящая в 25 км от устья одноименной реки и тоже за порогами. Мне в Варзуге в 1961 г. рассказали по случаю одно из местных преданий, восходящее, видимо, еще к XIII—XV вв. Мы косили чуть пониже порогов, на речном острове, называемом Кровавым.

— А почему остров Кровавый? — спросил я одну из женщин.

— Точно не скажу. Битва какая-то здесь была, вот потому и Кровавый остров. Здесь много таких названий. Вот выше по реке есть Немецкая падь, и такое предание: шли немцы, сорок человек; наши молились — и те сквозь землю прошли, исчезли, словом. Осталось сорок рукавиц.

— С одной руки, — подсказала вторая женщина.

— И все с одной руки. Так вот и пошло: Немецкая падь. И до сих пор осталось название.

Рассказчица пояснила при этом:

— У нас ведь как раньше? Кто говорит не на нашем языке, тех немцами звали. А там, может, шведы, а может кто, мы уж не знаем!

Но уже в XVI—XVII столетиях начался обратный процесс: жители спускались к морю и создавали новые селения на берегу, поближе к рыбным ловищам. Так, Кузомень, большое село в устье реки Варзуги, — это выселок деревни Варзуги, основанный в 1665 г. К концу XVII столетия все деревни Терского берега уже существовали, кроме поселка Лесного (административный центр района), бурно выросшего в годы Советской власти на базе лесозавода и порта по вывозке и экспорту древесины.

Современный Терский район начинается на западе по выходе из Кандалакшской губы деревней Порьей, или Порьей губой. За ней по направлению к востоку, с промежутками в 30—40 км, следуют остальные поселения. Рядом с древней Умбой находится поселок Лесной, потом маленькая Кузрека, дальше Оленица, а от Оленицы в глубь материка — Вялозеро. За Оленицей расположены Кашкаранцы, некогда подаренные Марфой Борецкой Соловецкому монастырю. Да и много других мест, лесов, рыбных угодий на Терском берегу с XV столетия попадает в руки соловецкой братии. Впрочем, монастырь не вмешивался в дела внутреннего крестьянского самоуправления терских сел, довольствуясь получением доходов. После Кашкаранцев следует Кузомень, а от нее выше по реке — Варзуга, старинный центр Терского района,

место дореволюционных ежегодных зимних Никольских ярмарок и до сих пор признанный центр местной народной художественной культуры. В Варзуге находится и самый экономически крепкий колхоз Терского берега. За Кузоменью следует Чаваньга, сравнительно молодое село, за ней Тетрино, основанное в 1660 г., дальше небольшая Стрельна, Чапама и, наконец, деревня Пялицы, самый крайний, восточный пункт Терского района.

Население здесь устойчиво и в прошлом столетии росло довольно медленно: на Терском берегу в 1858 г. было 2955 жителей, в 1928 г. — только 4489, и лишь к 1939 г. общая численность подскочила сразу до 12 тысяч, целиком за счет роста поселка Лесного и окружающих его лесопунктов. В Варзуге же, например, при Грозном было 125 дворов, в начале века — 200, а сейчас — 127. Дорог здесь нет, связь только самолетами и морем. Терский берег, особенно его восточная часть, все еще почти не затронут промышленным прогрессом.

Сейчас и понятие «Терский берег», некогда включавшее Кандалакшу, сузилось. Даже в районном центре Терского района, Лесном, нет-нет да и услышишь: «Откуда? — С Терского берега!», как будто Терский берег это еще дальше на восток, за Лесным, за Умбой, за Кузрейкой... в дали и в прошлом, в глубине времен.

Устная память капризна. Еще поминают Басаргу, именем которого несколько столетий старухи пугали детей. А спокойные годы, «без событий», уплывают, изглаживаются из памяти. Остаются перечни имен, по которым в древности вели счет все народы, да легенды.

В Кашкаранцах помнят, что первыми жителями села были Дворниковы, Гундоловы, Панкратовы и Кузнецовы. Но когда это было? В конце XV—XVI в. в Кашкаранцах сидел дворник Соловецкого монастыря — может быть, от него и пошла самая частая в селе фамилия Дворниковых?

В Чаваньге бабушка Ирина Андреевна Кожина рассказывала:

— Старики тут поселились когда, так еще свет на улице, а уже пойдут ставни закрывать, чужь какая-то ходила, пугала. Как вечер, так по улицам заходит, засвистит.

— А давно ли здесь жители появились?

— У нас самый первый житель из Оленицы приехал — Кожин Герасим, как будто. А другой — Киприян, сын его Киприян. А третье-то поколение — дедушка наш, Сергей Киприянович. Киприян-то женился, двум молодым-то полтора-то годов, по семидесяти пяти годов, вот какие молодые были! Невестки говорят: нать уходить на покос, а детей не бросить, так, говорят, давай ищи нам няньку! А он вместо того ушел в Тетрино и женился, жену привез... Так вот: Сергей Киприянович, сын его Андрей Сергеевич, а дочь вот уж я.

— А вам сколько лет, Ирина Андреевна?

— Семьдесят девять. Я уж не из первых. Первые-то дочери замужем были, тогда я родилась. Мать сорока годов была, я родилась... Дочь замуж отдала, так еще три дитя было после того.

— А второй житель был Стрелков, из Золотицы ли был, — подсказывает невестка.

— Так двести, двести пятьдесят лет деревне?

— Так около того и будет. Варзужска старуха в третий дом пришла замуж, так она померла ста лет, а дети были еще маленькие, ее запомнили. Тому тоже уже около ста лет прошло.

— А название откуда?

— Речка Чаванга. Деревня названа по речке...

— Вот, маленьки-то были, так лучину нащепят, а как я помалюхне была, так уже сальники были. Наловят тюленей, так тюленьего жиру, трубочку такую и тряпочку в ней. Ну, а больше-то стали, так керосину стали покупать, лампы-мошни. Избы стали красить да кленть, а раньше-то не красили. А теперь и до электричества дошли.

— Ты, бабушка, помрешь, так мертвецам-то Расскажи про это! — подала голос внучка.

* * *

Этнографы прошлого века как-то обходили Терский берег стороной. Местный фольклор — эпос и лирика — впервые стал известен лишь после экспедиции А. В. Маркова, А. А. Маслова и Б. А. Богословского летом 1901 г.² Сказки же Терского берега вообще не записывались.

Между тем на соседнем, Карельском берегу сказочная традиция была особенно сильна именно на севере, ближе к Терскому берегу.³ Семужники-терчане сидели на тонях невдалеке от деревень, подчас целыми семьями. Здесь долгими осенними вечерами было раздолье для сказывания сказок и всякого рода легенд.

К сожалению, наши экспедиции «запоздали» лет на двадцать-тридцать, и мы застали местную сказочную традицию уже, по-видимому, в очень разрушенном состоянии. Говорю «по-видимому», так как и то, что записано, отличается сплошь и рядом высоким художественным совершенством. Хотя, судя по воспоминаниям жителей, и сказок, и мастеров сказа еще лет тридцать назад было гораздо больше.

В западной части района нами было записано очень немного, частью в силу неудачного времени записи (покося), частью же по-

² Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 114, М., 1911.

³ Сказки Карельского Беломорья. Издание подготовил А. Н. Нечаев. Т. I. Сказки М. М. Коргуева, кн. 1—2. Петрозаводск, 1939.

тому, что разрушение фольклорных традиций вокруг Лесного шло быстрее, чем на востоке Терского берега. В Порьей не записали почти ничего. Записи из Умбы и Лесного — это в основном коллекция, собранная в 1947—1948 гг. школьниками и учителями местной школы, любовно обработанная, сбереженная и переданная нам учительницей-пенсионеркой Н. Е. Сергеевой. Не могу не воспользоваться случаем, чтобы не выразить ей здесь нашу самую горячую благодарность. Кроме того, ряд сказок и быличек были записаны членами наших экспедиций Т. И. Орнатской, А. С. Тупицыной, Ю. Е. Красовской и автором статьи от известной сказочницы из Лесного Авдотьи Анисимовны Мошниковой, чаваньжанки родом. Про Авдотью Анисимовну я слышал еще в 1957 г., возвращаясь домой, на борту грузового корабля.

— Она раз три дня подряд рассказывала сказки со сцены, и все разные! — говорил матрос. — Ее в Умбе все знают. От ней тогда учителя школы записывали...

Но так получилось, что встретиться с нею я сумел только через пять лет.

Улыбчивая, спокойная, она сидела на кухоньке своей небольшой квартиры и ласково отнекивалась:

— Раньше много я знала, учителя записывали от меня, так то еще до войны; не знаю, куда та тетрадка девалась... (часть записей от нее нашлась в собрании Н. Е. Сергеевой). Про Ивана-царевича еще сказку знала — «Зверь-норка», не слышал ли? Как в лесу нашли подземелье, подземный ход был. Это большой был зверь.

— Ой, расскажите!

Но Авдотья Анисимовна улыбается, покачивая головой:

— Нет-нет, теперь не помню... Еще до того-то года помнила, как голова у меня стала болеть... Еще сказку знала «Золотой мужик»...

— Может, вспомните? — с надеждой начинаю я.

— Ничего, ничего не помню! «Полкан-девица» — сорок девиц, полк ехал, и одна Полкан-девица.

— Авдотья Анисимовна, вспомните!

— Мне двенадцать лет было, вот тогда выучила.

— Авдотья Анисимовна!

— Нет, не помню, не помню теперь, уж не проси! Раньше помнили сказки эти, на озерах, на тони сказывали. На озерах сидели, так выйдешь посмотреть, зашло ли солнце, — нарочно мужики часы уберут, чтобы время не знать. Солнце-то летом на час какой закатаитце! Так выйдешь, а солнце высоко уж, до утра договоришь...

Рыбу, ловят и сейчас, конечно, но обстановка на тонях изменилась радикальным образом. Впервые попав на тоню, где-то между Тетрином и Чаваньгой, я увидел, кроме обычной рыбацкой утвари и развешанной на просушку одежды, хороший радио-

приемник на столе, тут же несколько иллюстрированных журналов и газет, две-три книги. Верхняя была, помню, роман Майн-Рида. Сказка в этих условиях, естественно, перестала быть единственным развлечением рыбака-помора, как было когда-то.

До небольшой деревушки Оленицы мы добрались в 1963 г. Здесь уже гораздо больше и сказок, и сказителей. С Павлой Никитичной Кожинной я оказался знаком еще по Варзуге, откуда она сама была родом. Пора для записи была неудачная, сенокосная. Павла Никитична разрывалась по хозяйству: сама — вдова, дома большая дочь, а тут покос, а тут же работа на скотнике (куда я несколько раз провожал ее, чтобы хоть ночью записать очередную сказку). При всем том она постоянно сохраняла бодрое и жизнерадостное настроение.

— Отец-то у нас любил божественное читать, а я такая уродилась раскольница, в бога не верю! — заявляла она и, посмеиваясь, вспоминала то новую загадку, то пословицу, то озорную сказку. Песен она тоже знала множество. «Они, варзужанки-то, памятли!» — говорят про варзужских женщин в других селах побережья.

Павла Никитична не только рассказывала сама, но и приводила и знакомила с другими сказочниками деревни. Сказки, впрочем, забывались и ими. Так, Иосиф Федорович Кожин когда-то знал много, но подзабыл, путался.

— Вот отец мой, — рассказывал он, — тот три вечера подряд одну сказку сказывал, такая была длинная, а я уже не помню... Вечера-то были долги, темно, так вот и сказывали сказки эти!

Но зато прекрасной рассказчицей оказалась Кристина Лукинична Талых. Она принадлежала к типу рассказчиков-импровизаторов; очень жалею, что не удалось записать ее на магнитофон: сказывать для записи, прерываясь, ей было трудно. Поэтому, возможно, и рассказала она немного. Но по мастерству рассказа и художественному совершенству текстов Кристина Лукинична оказалась, пожалуй, одной из лучших сказочниц Терского берега.

С Елизаветой Ивановной Сидоровой в Кузомени я познакомился по рекомендации ее брата, краеведа П. И. Пирогова, еще в 1957 г. В деревне о ее таланте сказочницы почти не знали, хотя вспоминали потом, что прежде, на тонях, она сказывала сказки.

Елизавета Ивановна оказалась сущим кладом. Я ходил к ней днем, когда сын и невестка были на работе. Елизавета Ивановна садилась напротив меня за стол в простом будничном сарафане — одевалась она по-старому — и, поглаживая сморщенной, чуть дрожащей старческой рукой клеенку, начинала рассказывать. Тексты своих сказок она помнила твердо (я проверял некоторые четыре года спустя) и не сбивалась, хотя в первую нашу встречу и пожаловалась, что теперь многое забыла, да и болеет:

— Раньше-то я про Илью Муромца сказку знала да про Бову, теперь тех и не знаю. На тонях сидишь, так сказываешь,

а теперь-то я стала забывать уж... — Помолчав, она добавила: — Бабушка кузнецка была родом, да така памятна. Она сказывала нам. Так я от ней научилась. — И, еще помолчав, сказала: — Ну, записывайте.

И началось очарование сказки:

«... Вот другая ночь приходит. Этот молодец выходит на крыльцо, покатился клубком, выкатился в чисто поле, рассыпался в триста три травинки, постоял, подумал: „Тут мне не место, тут меня царь найдет!“. Собрался из травы в клубок, из клубка в голубя, взлетел на сушину, посидел, подумал: „Тут мне не место, не местешо, тут меня царь найдет!“. Взлетел на небо, рассыпался в триста три звезды и тут ночь простояла...». Записал ли? Ну вот. «Утром царь встает ранешенько, умывается белешенько, берет волшебную книгу в руки: „Да, — говорит, — этот похитрее будет“...».

Сказка течет и течет. Рассказав несколько, Елизавета Ивановна прибавляет:

— Ну, будет на сегодня, устала. Сколько бумаги-то исписал, покажи? — и ее доброе морщинистое лицо улыбается: — Ну, завтра приходи в то же время, еще тебе вспомню!

Приведенный отрывок принадлежит одной из поэтичнейших сказок ее репертуара. По манере сказа Е. И. Сидорова очень канонична, сказочные формулы, типические места у нее были как-то особенно чеканны, и она любовно повторяла их, не меняя, не комкая и не варьируя. Сказку Елизавета Ивановна чувствовала удивительно живо и подчас, отвлекаясь, поясняла сказочные эпизоды примерами из окружающего, даже из собственной жизни. Например, сказочному герою приснилось, что лисица откусила ему ногу.

— Он уж видит, что сон нехорош, — говорит Елизавета Ивановна, отвлекаясь от сказки. — Это уж верно, вот на факте расскажу. Я жила со свекровью, такая бранчлива была, все к свекру ревновала! А мне стыдно. Ну, она ненависть на меня поимела. И вот я ушла в лу избу-то, холодно, — дедушка уехал на филиппов день в лес — вот я затенулась туда и поревела, поревела и заснула. И привиделось, что выскочила лисица, кусила меня в ногу и убежала. И это вот через шестнадцать лет сбылось. Ужо на то и была лиса до меня. А через год и муж помер.

Сказка была для нее и поэзией и одновременно реальностью, лишь поэтически преображенной. Да в сущности, если отвлечься от сказочного сюжета и волшебных условностей и иметь в виду лишь бытовые подробности и психологию сказки, так, пожалуй, Елизавета Ивановна и права.

На прощание Елизавета Ивановна порадовала меня сюрпризом. Когда я достал чистый лист для записи очередной сказки, она, подумав, сказала вдруг:

— А сейчас я расскажу — это уже не сказка будет, а историческое предание, как англичанка здешни берега разоряла, как она ходила на здешний край.

Я, уже записывая, понял, что речь идет об известном эпизоде Крымской войны — обстреле англичанами Соловецкого монастыря в 1854 г. Предание это помещено в настоящий сборник (см. № 63). В нем с лукавой иронией описан бесславный исход этого набега; интересно наивное заключение о дани, которую будто бы стали платить англичане русским. Представить себе позорный разгром России в Крымской войне местные жители, привыкшие считать свою страну сильной и недоступной вражеским нашествиям, разумеется, не могли.

Вновь встретился я с Е. И. Сидоровой четыре года спустя. Она еще похудела, высохла, стала прозрачной, но память сохранила. Сохранила и трогательный, живой интерес к окружающему. Записал я от нее две новых сказки и пять заговоров с попутным объяснением способов лечения. Открылась целая область народной медицины, перемешанной с суевериями.

Елизавета Ивановна улыбается доброй улыбкой волшебницы и говорит неспешно старинные, чудные слова: «На синем на море, на сером камени сидит старец однозуб, двоезуб, троезуб. Не имеет этот старец ни скорби, ни болезни, ни уроку, ни призору, ни лихого человека оговору...».

Старец представляется почему-то по картине Рериха: «У дивного камня неведомый старик поселился» — во всем этом причудливом соединении древних дохристианских магических заклятий с позднейшими религиозными формулами.

— Это от призору, — поясняет Елизавета Ивановна. — А вот от земли и от воды заговор: «Прости, мать сыра земля, меня, грешного. Прости, моя матушка родная, меня, грешного. Простите, все сырые бережочки, все серые валючи камешочки, прости, река-кормилица и вода-девица, меня, грешную, в чем я согрешила, словом или делом, веденьем или неведеньем. Во имя отца и сына и святого духа, аминь».

— И все?

— Все. Воду зачерпнуть и помыться этой водой или обкатиться... Лучше вечером, на ветру можно попрощаться, тогда всюду дойдет, а к реке не ходить.

— Это от чего именно?

— От всякой боли, какая от воды бывает.

В 1964 г. мы узнали, проезжая через Кузомень, что Елизавета Ивановна год назад умерла.

Варзуга даже внешне отличается от других сел Терского района. После них, особенно после Кузомени, полузасыпанной, утопающей в песчаных барханах, надвигающихся на поселок с моря, впервые увидеть Варзугу — наслаждение. С горы, в прорыве леса, неожиданно открывается взору речная долина, кра-

сивый разлив Варзуги и ряды изб основательной старинной стройки по обе стороны реки, а среди них на высоком обрыве затейливое завершение рубленой шатровой церкви, похожее издали на пышную остроконечную ель. Варзужская Успенская церковь 1674 г. постройки — одно из выдающихся творений русской шатровой архитектуры. Но, конечно, самое замечательное в Варзуге — ее жители: их гостеприимство, добродушие, юмер, их культура; тут нет скандалов, пьяные драки отсутствуют совсем, работают здесь с исключительным подъемом и очень дружно; во время покоса, например, решительно не найти ни одной праздной фигуры во всем селе. И здесь удивительно поют. До сих пор Варзуга — самое «фольклорное» село района, а варзужский хор старинной народной песни, организованный самими крестьянами, был отмечен недавно как один из интереснейших на всесоюзном смотре сельской художественной самодеятельности.

С Евдокией Дмитриевной Коневой я познакомился тоже в 1957 г., и прежде всего ради песен, которых она знала множество, а также эпических «стихов». Сказки она рассказывала уже, так сказать, в заключение своего обширного репертуара. Обойдя, кого мог, на низкой, Никольской стороне Варзуги, я перебрался на высокую, Успенскую, и тут-то узнал Евдокию Дмитриевну. Жила она на покое, с сыном и невесткой.

Мне очень запомнилась первая встреча с нею. Небольшая изящная женщина, темноволосая, с долговатым носом, от которого, когда она улыбалась, разбегались хитрые морщинки, читала, сидя за столом. Она отложила на постель книгу, обложкой вверх. Потом, поколебавшись, прикрыла окошко: «А то как-то стыдно, не по возрасту, скажут». Села за прялку и стала петь одну за другой старинные баллады: «Князь Роман», «Про Михайлау», «Про князя Митрия». Пела она превосходно, и лишь иногда прерывалась: «Заулавала, говорить придется» — сказывался возраст.

Отец Евдокии Дмитриевны был столяром, семья жила зажиточно. Еще до революции выписывали газеты с литературным приложением, которое сохраняли, подшивая в обложки. Евдокия Дмитриевна, несомненно, обладала еще к тому же особой одаренностью и повышенной восприимчивостью к искусству. Сказки у нее особенно хороши маленькие, комические, и рассказывает она их «на голоса», очень интересно. Большинство этих сказок о животных. Но по манере сказа сюда же хочется включить несколько сказок, где животные не участвуют: «Ворынское царство», «Кислая кума и пресная кума» и сказка о том, как старик тащил старуху в мешке на небо.

Тексты свои Евдокия Дмитриевна помнила едва ли не тверже, чем Е. И. Сидорова. Ряд сюжетов записан от нее одной, другие, распространенные, всего лучше именно в ее исполнении. По природе своего дарования Е. Д. Конева очень чувствует комическое.

Превосходны поэтому у нее в сказках сатирические, слегка озорные детали, с элементом неожиданного, как например конец сказки «Потомбалка», и пр.

Позднее Евдокия Дмитриевна переехала вслед за сыном в Княжью губу. Встретились мы с нею через четыре года по счастливой случайности — она как раз приезжала в Варзугу погостить. Вот тогда-то, проверяя отдельные записи, я увидел, что при живой и очень непринужденной манере сказа тексты свои она передает почти дословно. Особенно это относилось к песням, но и сатирические сказки Е. Д. Коневой, с их отточенной, отобранной словесной тканью, записанные нами на магнитофонную ленту, почти не дали расхождений со старыми записями.

«Детские» сказки в Варзуге рассказывали многие, прежде всего Марина Поликарповна Дьячкова, соперница Е. Д. Коневой по знанию фольклора. Марина Поликарповна также в основном была знатоком песен, сказки помнила потому, что сказывала детям, внукам.

— Дети-то, беда с има, такие баловны росли! Вот я их соберу, скажу: «сидите, буду сказку сказывать».

Несколько хороших вариантов, вспомнила Ольга Николаевна Приданникова, дочь сказителя Николая Ивановича Коворнина. По одной, по две-четыре сказки вспоминали и другие варзужанки, тоже из тех, кому приходилось нянчить ребят.

— Эти-то я запомнила. Маленьки все, бывало, просят сказку, старший-то еще говорить не умел, так: «Скажи, у лиши триши!» — а это у лисы было три сына...

Большая часть этих сказок повторялась по несколько раз. Удивительно повторяются в одной деревне те же самые типичские места, заключительные концовки, которых, кажется, на всю Варзугу только две, — все это свидетельствует о едином стиле, традиции, передававшейся из поколения в поколение.

К сожалению, мастеров-сказителей и в Варзуге становится все меньше. Мне уже не удалось повидать замечательного сказочника Ефима Никифоровича Коворнина, последнего из династии варзужских Коворниных, организатора местного хора и драматической самодеятельности, такого же самородка, как и Николай Иванович Коворнин, его дядя. Ефим Никифорович переехал в Пялицу и там умер. В 1957 г. я его не застал, он гостил у сына в Мурманске, а в 1961 г. мне уже сообщили о его смерти. Не раз и не два приходилось слышать: «Коворнинские, они сказительны». На тонях, бывало, мужики упрашивали Ефима Никифоровича рассказывать сказку. «Уж до того красивые были сказки, до того красивы! Как три-то царства в одном мешку волочили, толь не красива сказка! А уж не помню ничего, все из ума вышли, только то-то и запомнила, что три царства в одном мешку», — рассказывала

одна из варзужанок про сказки Ефима Никифоровича Коворнина. Серия таких рассказов, перечень забытых сюжетов и имен знаменитых, ныне покойных сказителей убеждают, что устная культура сказки умирает, и умирает на глазах.

Вот я захожу к Федоре Николаевне Коворниной, дочери знаменитого Николая Ивановича Коворнина, старой своей знакомой.

— Федора Николаевна, может, вы что-нибудь все-таки помните! Вот эту сказку про Яропулку...

— А, Яропулка-то!.. На свет народился... как-то там еще: хлеб за щеку, другой за другу, третий в рот, да четвертым подпихнет... нет, не помню! У таты красивые были сказки. И записи он вел все, как какой восход, да закат когда, к какому погоды. Эти-то записи у него все взяли, приезжала экспедиция... Прежние-то сказки про царей да царевен. Сколько царей да с царицами было в сказках, да мачех, да бабы-яги были, да костяны ноги, а нынче ничего не помнишь этих сказок! Какая-то царевна была, прогонила Иванушку-дурачка, он пошел по морю, в одно море придут, там корабли не ходят, отступаются. Спустился, а там дьяволá спорят: золото или серебро дороже? Он: «Золото!», — говорит...

— Рассказите!

— Да уж не знаю, ни с каких выходов, ни с каких концев! Еще «Царь-девица, всем полкам богатырица», тоже пошел... царица там: из косточки в косточку мозги переливаются, вот тоже, толь не красива! Как он от ней убегал, да как она пособляла... Да бабы-яги пособляли, потом царица приехала... Где уж они эти сказки знали? В книжках вычитывали, верно! А нынче прибаутки эти и знаю только.

— И «Кузьму Серафоновича» не помните?

— Не помню. Красивая была сказка! А ни к чему они нынче! Не говорится, все из ума вышли. Раньше сказывали, бывало, сказки и на вечеринках тоже. А теперь читают. Раньше читать не умели, так сказывали. А Афоня был Коворнин — так вот знал сказки! К ним приедешь, так заливают всякое. Теперь уж сами читают, дак кого уж сказывать? Раньше читать не умели. Нынче слушаешь радио, дак как будто и сказка! У Овдотьи Митревны не был, не слышали?

— Был, как же! Я у нее двадцать сказок записал.

— Сколь не памятливы люди!

И вот такой разговор — самое «типичное» сейчас в нашей собирательской работе. Помнят сказки те, у кого дети или внуки; помнят маленькие «детские» сказки. Длинных, волшебных уже почти не сыскать. И к тому же чуть не в каждой избе истрепанная книжка сказок — традиция далеко не вчерашнего дня. Еще Елизавета Ивановна Сидорова (в 1957 г. ей уже было за семьдесят) выбирала из своего репертуара те сказки, которые переняты от старух. Прочие, по словам Елизаветы Ивановны, ее мать выучила

из книжки, еще в конце прошлого столетия. Впрочем, в те времена книжка была редкостью, и потому сказки выучивались и переходили в устное бытование.

Надо сказать также, что объяснять упадок сказки грамотностью не совсем верно. Дело не только и даже не столько в этом. В сборнике помещена сказка, записанная в Варзуге от Анны Васильевны Мошниковой (№ 107). Сказку слушали Александра Капитоновна, хозяйка избы, и еще две гости. Все их ремарки, замечания по ходу действия, как и замечания самой Анны Васильевны, я записал (они приводятся в тексте сказки). Замечания эти любопытны. Они показывают, что сказка, хотя она и воспринималась как вымысел («а знаешь ведь, что все врут, все; толь не беда!»), вызывала аналогии из своей собственной жизни. Аналогии эти были возможны, пока существовал почти неизменный крестьянский быт. Быт этот теперь уходит в прошлое. Потеря сопоставимости с жизнью — вот та главная причина, которая приводит к гибели сказки.

Два типичных направления, старающихся как-то разрешить это противоречие, наметить связь между сказкой и действительностью, ярко отразились в творчестве двух варзужских сказочников-мужчин — Александра Александровича Попова и Сергея Дорофеевича Заборщикова.

У А. А. Попова рельефнее всего выразилось стремление показать «историческую перспективу», придать сказке значение «исторической литературы» («Тогда телефонов не было, на трех километрах расставили всадников для сообщения о бое со змеем»). С. Д. Заборщиков прибегает к шуточным зачинам. Начиная серьезную волшебную сказку, он насыщает ее комическими современными деталями, а затем незаметно уводит слушателя в вымышленный, сказочный мир: и вот уже исчезают телеграф и телефон, пропадают пароходы и вместо них качаются по волнам парусные корабли; забывается, что царские дети учились в институтах, и уже огненная река встает на пути героя и волшебные звери помогают ему...

Сергей Дорофеевич — фронтовик, и, наверно, вот так же рассказывал он свои сказки где-нибудь на солдатском привале, так же шутейно-неприметно уводил своих слушателей в милую с далекого детства сказочную страну. На фронте он потерял зрение. Слепоту поначалу переносил тяжело, подумывал уже и о конце. Поддержали его врач, жена (писала: «возвращайся какой есть, хоть костье одно осталось...»), колхоз, выписавший ему журнал для слепых, да и все сельчане.

Варзужане постоянно заходят к Сергею Дорофеевичу; в праздники, зимой, сюда обязательно наведываются многочисленные ряженые — «шелюханы» по местному наименованию, — ради известной и уважаемой в нем любви к шутке, к веселью, не убитой его тягостным состоянием.

Александр Александрович Попов — один из лучших рыбаков артели, глава большой семьи. Познакомились мы с ним зимой, под Новый год. Дело было к вечеру: Александр Александрович, недавно вернувшийся с Колоники, где шел подледный лов семги, слез с печки, где отдыхал, прошелся в вязаных носках по полу, улыбнулся и стал рассказывать «Еруслана Лазаревича». Был он невысокий, с лицом жестким, прорезанным трещинами морщин, — типичным лицом помора. Рассказывал он не торопясь, спрашивая иногда — записал ли? — и усмекаясь временами.

— Ну, ты отдохни, — сказал он к концу третьего часа, — еще столько же осталось! Перекурить надо.

Впоследствии от него же я записывал сатирические сказки «с салом», как определил сам Александр Александрович, — типичный репертуар мужских компаний где-нибудь на промыслах (впрочем, хорошо известный и женщинам).

Новеллистическая и сатирическая сказки разрушаются сейчас едва ли не скорее, чем волшебная, и причина того — изменение рыбацкого быта. Сказки подобного типа были ближе к литературе, и поэтому быстрее вытеснялись книгой. Кроме того, новеллистические и сатирические сказки рассказывались преимущественно в холостых мужских компаниях, собиравшихся на промыслах. Но ежегодные поездки на тюлений промысел в горло Белого моря давно прекратились, а там как раз и процветали сатирическая («про попов») и новеллистическая сказки. В Чаваньге — следующей к востоку деревне после Кузомени — нам об этом интересно рассказывал председатель сельсовета Ефим Григорьевич Клецов.

Познакомился с Е. Г. Клецовым я еще в 1957 г., когда записал от него несколько песен. Вторично свиделись мы уже в 1962 г. зимой. Ефим Григорьевич высокий, прямой; время еще подсушило его, но не согнуло, и седина стала лишь виднее — будто изморозью подернулись щеки и подбородок. Встретил он нас радушно, вспомнил, помог устроиться. Вечером мы встретились с ним уже специально ради песен. Он и сказочником был отменным в свое время, т. е. когда еще ездили «на тороса» к Поюною промыслять тюленя, но уже слишком много прошло времени с тех пор, и память стала сдавать. «Я тут говорю содержание только, — добавлял он, — да и того не помню, а начнут ведь сказывать, да из слова десять сделают, и весь вечер одну сказку! Есть ведь люди сказительные... Они, сказки эти, передавались между стариками, так и шло. А что про попов — у нас был один, семьдесят семь попов знал, семьдесят семь сказок про попов! Тоже что и из книг брали. В 1909 или в 1910 году я жил год в Соловецком монастыре, и мне попала книга „Историческая хрестоматия“, и вот я ряд этих сказок заучил, рассказывал слово в слово».

Пример с «Исторической хрестоматией» показателен. Прекращение регулярных поездок на промысла потому только смогло так

скоро убить «мужскую» сказку, что уже задолго до того она стала для взрослых «литературой прошлого», сохраняясь лишь в силу бытовой традиции и потому очень легко уступая место литературе исторической и иной. Не забуду, как старик-сказочник в Шуерцкой, на Карельском берегу (в 1957 г.), сообщил, что рассказывает «Марракотову бездну» А. Конан-Дойля. А один из прежних терских сказителей, «Понойский Федор», как передают, «всю тысячу и одну ночь» знал наизусть.

В той же Чаванге нам рекомендовали как сказочника Михаила Михайловича Кожина. Но оказалось, что он сказок уже не знал, а пересказывал печатную продукцию лубочных изданий конца XIX в.: «В Кузомени был поп, так от него, из библиотеки. Такие издания были небольшие, дешевые, я и брал эти книжечки».

Раздевшись, он залез на печь, свесив ноги в толстых вязаных носках, и начал длиннейшую повесть «Гуак, или Царица Амазонская», где в нескладный и запутанный авантюрный сюжет были вставлены персонажи с именами греческих богов и римских императоров, а фантастические происшествия нагромождались одно на другое явно без всякого чувства меры.

Сморенный «Гуаком» и теплом избы, я изнемог и уже едва сидел на табурете. Но тут неожиданно из соседней комнаты доброй медведицей вышла бабушка, Ирина Андреевна, и, поглядев на меня с лукавым прищуром, спросила:

— А вот как по-вашему, беси есть али нет? (Сон с меня как ветром сдуло.)

— Так вот. Я была маленькая, а брат был старше меня на двенадцать лет, так вот он рассказывал, а он был еще годов девяти, как это случилось, с дедушкой ходили в Архангельско...

Каждая быличка, самая фантастическая, всегда начинается этаким «реальным» зачином: кто, где, когда, с кем случилось, кто рассказывал, хотя бы вся история относилась к ходячим по всей стране, традиционным сюжетам.

Рассказав одну, Ирина Андреевна тотчас начала следующую быличку: — Вот раньше-то рассказывали, что овяргывались животными люди, а нынче-то машины делают, а овернуться не могут! — словом, началась поэзия.

Оказалось, что вера в то, что «пугает», еще очень крепка и что рассказы об этом до сих пор составляют особый, живой и чрезвычайно занятный жанр устного творчества.

Самые простые из подобных быличек взяты прямо из жизни, в них ничего не выдуманно, даже бессознательно. Например, Федора Николаевна рассказывала про Кицкое озеро, что там «пугат»:

— Все говорят: Марья Кицкая ходит, пугат. Тата не верил в это ни во что, а раз поехали по сеткам в Малаху курью, или в Боровуху, — не помню уж, там две курьи. Едим, тихо-тихо так,

и на озере-то песню-то и запели. Я говорю: кузомляна, верно! А выехали из курьи — и никого нет.

Многие из этих видений можно объяснить галлюцинацией, воображением, обманом слуха, чему способствовали пустота и тишина северных лесов и тундр; отдельные детали порождены вымыслом, увеличивающимся по мере распространения рассказа. В сборнике приведено несколько рассказов про унесенную нечистым и спасенную девочку из Пялицы (самый полный записан от И. А. Кожиной), которые показывают, как прямо на глазах создавалась легенда. А начало ее нам объяснил Ефим Григорьевич Клещов: «потерялась в лесу девочка, ее искали, на третий день нашли, вот и все».

Но все же одни естественнонаучные объяснения тут явно недостаточны. За быличками ощутимо встают законы развития социальной психологии, массового сознания народа. Законы эти очень мало изучены, но во всяком случае то, что принято воображением большинства, может в свою очередь влиять на человеческую жизнь, как и сугубо реальные явления действительности.

В заключение разговора о быличках хочется обратить внимание на ту интересную эволюцию, которую за полстолетия претерпел образ лешего в местных преданиях. Если раньше он был одет в серый домотканый кафтан, как раз такой, какие носили местные жители, лишь подоткнутая пола свидетельствовала о том, что это такой, то теперь «костюм» лешего стал варьироваться, и леший, явившийся герою рассказа Арсения Дмитриевича Заборщикова (Варауга), был уже чуть ли не в генеральской форме, с лентой через плечо. Случай пусть и частный, но показательный. Так своеобразно повлияла реальная действительность на эволюцию этого старинного персонажа народных легенд.

В Тетрино сказок мы почти не записали, кроме нескольких детских от Анны Марковны Клещовой, знатока самых разных жанров фольклора, но в основном песенного. Так же не нашлось сказочников в Чапаме. Зато много сказок было записано в Пялище, а в Стрельне удалось познакомиться с замечательной сказочницей и песенницей Авдотьей Петровной Стрелковой.

Фольклор восточной части Терского района, начиная от Тетрина, заметно отличается по сюжетам, напевам песен, особенностям свадебного обряда от фольклора предшествующих деревень. Впечатление такое, что позднейшие влияния, распространявшиеся со стороны Архангельска, гораздо сильнее повлияли именно на эти села. Отличается и сказочный репертуар восточных деревень. Сказки здесь, как правило, короче, менее «эпичны», ряд сюжетов сатирического характера (о дураках, о бедном и богатом брате) известен только тут. В этих сюжетах зачастую действуют помещики, незнакомые Русскому Северу, социальная действительность груба, контрасты богатства и бедности болезненно обнажены. Те же сюжеты наличествуют в репертуаре переселенцев из Воло-

годской области (см. сказки А. И. Тетериной). Не будет большой ошибкой предположить, что особенности сказочной традиции восточных сел Терского берега вызваны влиянием на нее репертуара переселенцев из южных (по отношению к Северу) областей — той же Вологодской и других.

В Пялице зимой 1962 г. наибольшее количество сказок записано от Демиды Егоровича Кузнецова, ныне покойного. Он уже несколько лет лежал в параличе, и многие сельчане удивлялись: «Как, Демид еще живой?». Свели меня к нему ребята, перед тем записавшие от него сказку. Сказка была записана не полностью.

— Можно к нему?

— Можно, он звал.

На кровати у входа лежал старик с седой всклокоченной головой и бородой. Старуха сидела в стороне у огонька и прядла.

— Здравствуй! — Хриплым голосом он позвал жену: — Погили!

Усевшись с ее помощью, заговорил озорную сказку, возбуждаясь, задыхаясь на фразах и глядя чуть сумасшедшими, веселыми глазами. Тяжело отдышавшись, начинал снова. Кончив, махнул рукой, застыл, свесив голову, будто уснул. Устал.

Я шевелинулся, собираясь уходить. Он поднял голову, посмотрел:

— Ладно. Завтра приходи, «Еврюху Стукольника» тебе расскажу.

Я был у него каждый день. Он рассказывал одну-две сказки, сколько хватало сил и дыхания. Рассказывая, распалялся, кричал: «А он сильный был! И по всему земному шару известный был, как Еврюха-стукольник родился!». Кончая, приговаривал: «Вся!». Потом тяжело дышал. Я упрашивал его говорить потише.

Как рассказчика, Д. Е. Кузнецова отличала любовь к резким контрастам, дикий преувеличениям, иногда озорного свойства, выходящим за грани традиционно допустимого. Кто не знает традиционного эпизода добывания героем в шапке-невидимке золотых волос с головы чудесного старца. Но вот как эта сцена выглядит у Демиды Егоровича: «... Ну вот, девушки опять запоезжали. Есть дедушко, у него золоты волосы, — поехали к нему. И он туда запоезжал. Они — котора почешет, та золоты волосинки вырвет, а он оплошал как-то, да у старика и голову оторвал, совсем, с волосами! Свистнул в воду голову-то, волос осталось сколько в руки. Сам заскочил в шляпку и поехал...».

Как говорилось выше, в восточных селах очень популярны сказки о дураках. Лучшей рассказчицей сатирических сказок в Пялице оказалась Федора Степановна Низовцева. Ей принадлежат и самые остроумные варианты среди записанных. Истинное наслаждение было слушать, как Федора Степановна рассказывает те же сказки в компании. От Федоры Степановны записан и очень

стройный вариант лубочной сатирической повести «О лисе и куре» («Лиса-исповедница»).

Стрельна — маленькая, в несколько домов деревушка между Тетрином и Чапамой. От Чапамы до Стрельны всего десять километров вдоль берега.

Сани переваливаются через засыпанные снегом бревна, изобильно устилавшие берег. Миновали почернелую, полуразвалившуюся церковь, и я сошел чуть ли не у самого крыльца дома Авдотьи Петровны Стрелковой. Две женщины, молодая и старая, несли от колодца на двоеручном коромысле на плечах оледенелую бадью с водой.

— Не вы Авдотья Петровна?

— Счас. Проходи!

Вылили воду, и Авдотья Петровна тяжело перевела дух, отирая круглое лицо. В избе было полно внучат. Я объяснил, зачем пожаловал, сели пить чай. Здесь все было патриархально. На завтра я наблюдал, как пекли хлеб в русской печи. За чаем Авдотья Петровна рассказывала про жизнь, про гибель сына на фронте, о том, как работали в войну.

— Ну, напились, наелись, в цесном мести насиделись!

Авдотья Петровна грузно поднялась из-за стола:

— Ну, пойдем в комнату, что ли. Стану сказывать. Андел, кто выдумает только эти сказки! Нынче-то я забыла много. Как-то считала — писатель один у меня записывал из Мурманска, — так сорок две сказки насчитала. Сейчас, как голова стала болеть, так забываю.

Она строго окликнула детей:

— Не болтайте-то! Сказку буду рассказывать, так молчите, сидьте все!

Вплоть до ужина мы погрузились в океан народной поэзии.

Как сказочница Авдотья Петровна в свое время, видимо, мало уступала Елизавете Ивановне Сидоровой. Записывал я от нее и былички, и песни, и присловья, и загадок она вспомнила немало. Загадки я главным образом записывал прежде в Варзуге, обнаружив походя любопытную деталь. «Озорной» загадка считается не по содержанию, а по отгадке. Очень «сомнительная», с нашей точки зрения, загадка считается вполне «цензурной», если загадан какой-нибудь невинный бытовой предмет или действие. Наоборот, «невинная» загадка с неприличной отгадкой считается очень «озорной». Когда-то загадками обменивались на вечеринках, испытывая взаимную сообразительность.

Через день я покидал Терский берег.

Последний ночлег в Чапаме, где мне рассказывают деревенские новости, о случившемся за время моей отлучки, поят чаем и укладывают на уже знакомой лавке, под теми же шубами, так что

испытываешь странное ощущение, источником которого служит редкостное гостеприимство терчан: уж не домой ли вернулся?

Утром, распрощавшись с хозяевами, я вышел из дому. Море шумно накатывалось на камни, обросшие сталактитами бело-рыжего льда. Темная гряда облаков лежала на дальнем его краю, и над ними, на светлеющем чистом и бледном небе, догорала звезда.

Хотелось запомнить все это надолго, накрепко, навсегда — и край, и людей, и жизнь их, суровую и простую, у этого ледяного моря, на этом холодном берегу.

* * *

Как охарактеризовать в целом сказки Терского берега? Эта книга — только публикация материала, а не исследование, и потому те немногие наблюдения, которые будут изложены ниже, никак не претендуют ни на полноту, ни на законченность, хотя бы и относительную.

Терские сказки прежде всего отражают общерусскую, точнее — севернорусскую, сказочную традицию. В этом убеждает сравнение их с классическим сборником «Северных сказок» Н. Е. Ончукова, так же как и с упомянутым выше сборником сказок А. И. Никифорова.⁴

Сплошь да рядом повторяются одинаковые сюжеты, сходные сказочные коллизии, типичен в какой-то мере сам подбор репертуара, вкус и психология сказителей. Вместе с тем сказки Терского берега обладают особым, своим «ароматом», если можно так выразиться, конкретные проявления которого трудно назвать, но очень легко почувствовать, сопоставляя собрание терских сказок с материалом названных сборников.

Бросается в глаза при этом значительная сохранность терской сказки. Несмотря на то что мы постоянно встречались с фактами угасания сказки, гибели целых сюжетов и пр., несмотря на то что собрание Никифорова составлялось более тридцати, а Ончукова — более шестидесяти лет тому назад, целый ряд сходных сюжетов, повторяющих изданные Ончуковым, на Терском берегу записаны в более полных, более стройных и художественно совершенных вариантах.

Своеобразие терского сказочного репертуара заключается, в частности, в том, что он впитал в себя сказочные традиции карел и саамов. Терская сказка переняла от карельской значительно больше, как кажется, чем русская сказка Поморья и даже Прионежья, что можно объяснить спецификой заселения берега (поскольку русские ассимилировали живших тут ранее карел). Впро-

⁴ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. Издание подготовил В. Я. Пропп. М.—Л., 1961.

чем, заонежские сказки не изучены и почти не изданы, так что настаивать на таком утверждении нельзя. Вообще говоря, взаимосвязи терской сказки с карельской требуют специального исследования. Ниже я касаюсь их только в порядке постановки вопроса. Что касается русско-саамских сказочных связей, то саамы очень много переняли от русских, но и русские усвоили какое-то количество саамских сюжетов. При этом наблюдается следующая интересная и исторически очень последовательная закономерность. Русские переняли от саамов главным образом сюжеты сказок о животных, поскольку у народов, находящихся на ранних ступенях развития, именно «животные» сказки доминируют над прочими. Саамы переняли от русских сюжеты волшебных и новеллистических сказок, отразивших социальные отношения средневековья, незнакомые саамам. Наоборот, карельские «влияния», если можно так выразиться, прослеживаются преимущественно на сюжетах волшебных сказок. Наконец, и сам «русский» пласт терских сказок, как уже говорилось, неоднороден. В западной части района сказывается влияние поздней сатирической сказки, оперирующей понятиями крепостного права, неизвестного Русскому Северу.

Для раздела «Сказки о животных» в указателе Аарне—Андреева приведено вместе с разновидностями 140 номеров.⁵ На Терском берегу нами записано около двадцати сюжетов, из них три — не указанные у Андреева: «Кислая кума и пресная кума» (своеобразная перелицовка «Медведя на липовой ноге»), «Звери у корыта» и «Кораблик мыши» («Мышка-норушка»). Последний сюжет чрезвычайно популярен на Терском берегу. Он известен, насколько мы могли установить, только здесь и, по-видимому, обязан своим происхождением саамскому фольклору.⁶

Русская «Мышка-норушка» заключается обычно сюжетом «Звери в яме». Столь же часто сюжет «Звери в яме» присоединяется к сказке «Испуг зверей». Очень любима терчанами сказка «Волк (или медведь) и лиса» («Ледяная и лубяная хатки»). Чуть ли не самой распространенной сказкой из раздела сказок о животных является на Терском берегу сказка «Кот, лиса и петух». Также очень любимы сказки про медведя, пением, выманивающего у старика скот. В варианте Е. Д. Коневой песенка медведя начинается со слов: «У стрюб на горке...». По Далю: «Стрый, стрій, строй (старинное) — брат отцу, дядя по отцу». Указание на родство с медведем — возможно, остаток широко распространенного у северных народов культа медведя — родствен-

⁵ Номера, не встречающиеся в русском фольклоре, Андреев пропускает, и мы их также не учитываем.

⁶ Саамские сказки. Вступительная статья и подготовка текста А. Ермолаева. Мурманск, 1959, стр. 43 (далее: Ермолаев); Саамские сказки. Запись, перевод, обработка, предисловие и примечания В. В. Чарнолуцкого. М., 1962, стр. 202 (далее: Чарнолуцкий).

ника человека. И, по-видимому, древний смысл сказки заключался в том, что старик не может отказать медведю именно в силу кровнородственных связей с ним.

Чрезвычайно популярна у терчан сказка «Медведь и де-вушка», также имеющая аналогии в саамском фольклоре. Там это зачастую людоед, Тала, иногда одновременно являющийся и медведем.⁷ Впрочем, сюжет этот имеет общерусское распространение. Лиса-плачя, съедающая разбившуюся во время неудачного путешествия на небо старуху, также имеет аналогии в саамском фольклоре, причем в саамских сказках лиса — более активный и более центральный персонаж этого сюжета.⁸ Исключительно полный и красочный вариант сказки «Баран, золотые рога», записанный от Е. Д. Коневой, почти текстуально совпадает с саамской сказкой «Олешка, золотые рожки».⁹ Поскольку в других областях этот сюжет излагается гораздо беднее и суше, можно и здесь подозревать влияние именно саамского фольклора на русский, а не наоборот.¹⁰

Прочие, довольно многочисленные совпадения саамских сказок с русскими, как сказано выше, обязаны по преимуществу влиянию русских сказок на саамские, а не наоборот.

Хотя сказок о животных записано на Терском берегу не так уж много, следует подчеркнуть их бóльшую сохранность: тексты полны и стройны, исполняются «на голоса», песенки в текстах поются рассказчицами, что соответствует древней традиции. Особенно хороши, как уже говорилось выше, сказки Е. Д. Коневой из Варзуги.

Полнее всего на Терском берегу представлены сказки волшебные. Этот раздел в указателе Аарне—Андреева обнимает 203 номера. На Терском берегу, на сравнительно небольшой территории, нам удалось записать сказки, охватывающие 100 номеров Андреевского указателя, а постоянные воспоминания стариков заставляют признать, что и бóльшая часть «недостающих» сюжетов здесь обращалась в недалеком прошлом.

Общим для терской волшебной сказки является очень ярко выраженный патриархальный демократизм. Цари тут зачастую мало отличимы от крестьян. Очень естествен такой поворот сюжета, когда царь умирает, а дети остаются одни. Видно, что у этого царя нет даже подданных.¹¹

Северный пейзаж, безлюдность Кольской тундры также накладывают известный отпечаток на эти сказки («Прежде житель-

⁷ Чарнолуцкий, стр. 35, 135; Ермолаев, стр. 51.

⁸ Ермолаев, стр. 76.

⁹ Чарнолуцкий, стр. 159.

¹⁰ Карельский вариант сюжета см.: Карельские народные сказки. Подготовила У. С. Конька. М.—Л., 1963, № 18.

¹¹ Можно предположить, что местная сказка сохранила очень древнюю традицию, для которой название «царь» было еще новым, неусвоенным.

ство-то было редко!»). Особенно прочувствованы эта пустота и безлюдье, потически преобразованные в картины подземного царства — «земляной орды», в одноименной сказке Е. И. Сидоровой.

Непременной характерной чертой терских сказок (как волшебных, так и новеллистических) является также упоминание моря. Море, морские путешествия, морской царь, берег моря, куда выходит герой, проплутав в лесу, постоянно наличествуют в сказках. Интересно, что город, куда ездят сказочные герои, почти всегда «Архангельско», если уж они не отправляются за границу.

Затруднительно выделить в волшебных сказках Терского берега наиболее излюбленные сюжеты — столь обильна и разнообразна местная сказочная традиция. Очень упрощая, можно сказать, что особой популярностью пользуются сказки двух групп. Сюжет первой — поездка героя, совершающего ряд подвигов, заканчивающаяся его женитьбой на царевне (борьба со змеем, добывание «молодильных яблок», путешествие в подземное царство, куда герой попадает благодаря предательству своих спутников или братьев, и пр.). Сюжет второй группы — поиски героиней исчезнувшего мужа (реже — героем жены); здесь подвижничество заключается уже не в совершении богатырских деяний, а в терпении, настойчивости и самоотверженности героини. Впрочем, сюжеты той и другой группы популярны и в целом по Русскому Северу.

Из отрицательных персонажей особенно излюблены у терчан бабы-яги (яга, ягишня, сын яги, и т. д.), образы которых определенно соответствуют образу бабы Сююятар карельского фольклора. Здесь я позволю себе сослаться на исследование У. С. Конкка, специально занимавшейся карельской сказкой.¹²

У. С. Конкка в предисловии к своему сборнику отмечает различный характер общерусской бабы-яги, встречающей героя на пути, в избушке на курьей ножке, и, после угрозы съесть, помогающей ему в его поисках, и бабы Сююятар, выступающей и в роли мачехи, и в роли женщины — соперницы героини, и пр. Баба-яга, аналогичная бабе Сююятар карельского фольклора, почти непременный персонаж каждой терской сказки (по замечанию Е. И. Сидоровой: «Вот какие-то яги-бабы прежде были, все они вредили. В редкой сказке их нет, чтобы они не вредили в чем-нибудь!»). Наряду с нею в терских сказках существует и баба-яга из избушки на курьих ножках, которая как раз чаще всего бабой-ягой и не называется, а просто «старушкой», — видимо, чтобы не путать ее с вышеназванным персонажем.

¹² См.: Карельские народные сказки. Подготовила У. С. Конкка. М.—Л., 1963. В дальнейшем я пользуюсь не только данной книгой, но и любезно предоставленными мне У. С. Конкка устными консультациями по вопросу связей терских сказок с карельскими.

Одной из популярнейших терских волшебных сказок является сказка на сюжет «поисков мужа» («Амур и Психея»). Герой тут «неведомый мужик», приходящий к девушке по ночам, или необычайный жених-шар — «золота головка» (персонаж, имеющийся также у северных карел). Идя на поиски, героиня всегда берет железные лапти, посох, просвору, а потом выкупает мужа у бабы-яги, добываясь, чтобы он проснулся и узнал ее. Иногда героиня выполняет тяжелую работу или поручение бабы-яги, связанные со смертельным риском. Заметно, что сказки этого характера достигли некоторого максимального обобщения в образах и конструкции сюжета.

Может быть, рискованно сказку сопоставлять с жизнью. Сказка, как произведение «сочиненное», может как раз «восполнять недостающее», то, чего нет в жизни. Но, кажется, можно все же провести параллель между судьбами местных женщин-поморок, с постоянными долгами и опасными отлучками мужей, и излюбленным сюжетом сказок о самостоятельной и мужественной героине, разыскивающей потерянного супруга.

Другой популярнейший сюжет с центральным женским персонажем — типа «Золушки». Терская Золушка — это третья сестра, «пульница-слинница», неумелая грязнуля, но она не бросает встречного старика в дороге, обмывает и обихаживает его, за что и получает от старика чудесные дары, превращающие ее в красавицу (обычно волшебную ключечку, открывающую «камень Латырь», в котором находятся богатства и чудесный конь). Показательно, что как раз то, что Золушка — третья (младшая) сестра, и то, что она получает от старика чудесную ключечку, является особенностью этого сюжета у северных карел (см. настоящий сборник, № 25).

В сюжете «Чудо чудное, диво дивное», где поповы гости по слову работника прилипают друг к другу, работник получает свой необыкновенный дар от дерева в лесу — это тоже подробность, встречающаяся в карельском фольклоре.

Впрочем, перечислять здесь все сюжеты терских волшебных сказок, как и все частные параллели их с карельскими сказками, излишне.

В отличие от волшебных сказок, сказок легендарного характера, отмеченных в указателе Аарне—Андреева, мы почти не встретили, как и житийных легенд, которых можно было бы ожидать, учитывая влияние Соловецкого монастыря.

Из народных легенд тут распространена лишь одна — про ангела, сосланного на землю за то, что он пожалел вынуть душу из женщины (обработанная некогда Л. Н. Толстым). Любопытно, что в одном из рассказов (он помещен в комментарии) легенда эта приурочена к жизни одного из варзужских крестьян. Варианты этого сюжета ярко различны, от атеистического по ряду за-

мечаний рассказа П. Н. Кожиной до узорно-сказочного варианта Е. И. Сидоровой.

Зато чрезвычайно популярны и очень живы на Терском берегу легендарные рассказы про нечистую силу — былички. Тут и великолепное предание про старика, видевшего бесов, и целый ряд повестей о проклятых или похищенных и подмененных лешим детьях. Некоторые из подобных рассказов, как уже говорилось, мы помещаем в разных редакциях. В быличках, наряду с их легендарным содержанием, зачастую рельефно показан типичный быт рыбака-помора. Таким образом, эти рассказы о «чертовщине» оказываются одновременно драгоценными новеллами о жизни и труде. Некоторые из быличек являются дополнением к сюжетам, указанным у Аарне—Андреева, но большая часть может быть лишь условно отнесена к разделу дополнений. Добавим, что многие былички терчан можно смело признать высокохудожественными произведениями этого любопытного жанра.

Преданиями исторического характера край этот, через который не прокатывались волны войн и мятежей народных, беден. Записано лишь одно предание, относящееся к событиям Крымской войны, — «Как англичанка здешни берега разоряла». «Стих», сложенный по тому же поводу («три дни били и палили, убить чайки не могли»), нам уже не удалось записать. Предания XIV—XVI вв. позабыты; «родовые предания» — летописи семей и бытовых событий — скудны. Рассказы о гражданской войне не оформились в предания, не получили определенных жанровых форм; это воспоминания современников да бытовые анекдоты, вроде рассказа про старуху, которая кормила корову порошком какао с затопленного белогвардейского парохода, думая, что это «горелая мука».

Новеллистических сказок записано также немного («Оклеветанная девушка», «Гордая невеста», «Мудрые ответы», «Мать и львица», «Предназначенная жена», «Непутевый сын», «Счастье на чужбине», «Золотая гора», «Ловкие воры»). Из сравнительно небольшого круга новеллистических сюжетов самый популярный — «Оклеветанная девушка», с переодеваниями и поездками на чужбину (всегда, конечно, на кораблях по морю). Сюжет каким-то образом перекликается с жизнью поморов — долгими отлучками мужей, в отсутствие которых женщины вели все хозяйство. Чрезвычайно популярна также сказка «Девушка у разбойников» (сказка эта распространена также у северных карел, но с некоторыми отличиями: отсутствует мотив насильственного замужества и пр.). Сюжет этот любовно разработан в многочисленных и всегда интересных вариациях. Все лучшие сказочники Терского берега непременно имеют его в своем репертуаре.

Чем объяснить популярность этой довольно мрачной сказки? Тут, видимо, и любовь к «ужасному», ставшая одной из заметных черт эстетики позднего фольклора (вспомним «жестокую» бал-

ладу), отразившего начавшееся разложение патриархальной деревни (кстати, Север, особенно Терский берег, совершенно не знал разбоя как такового); но нельзя не увидеть в любви к этому сюжету и своеобразный идеологический протест против института насильственного замужества, который окончательно устарел и накануне революции стал восприниматься как социальное уродство.

При всех изменениях сюжета сказки «Девушка и разбойники» он начинается с одного и того же: девушку насильно выдают замуж. Иногда она даже знает, что попадет к разбойникам-убийцам. Далее героиню спасают лишь ее личные исключительные мужество и самообладание, а также здравый смысл, гораздо больший, чем у ее незадачливых родителей. Активная в устройстве своей судьбы героиня — вот то новое, что приносит новеллистическая сказка (в волшебной девушка ищет суженого, мужа, момент активного замужества там еще отсутствует; даже царь-девица становится женой героя не по своей воле, герой овладевает ею во сне; предбрачный выбор здесь целиком предоставлен мужчине).

Параллелью к этим сказкам может служить мещанский романс, проникший в деревню в конце XIX в., с теми же идеями женского равноправия и свободы девушки прежде всего в выборе жениха.

Раздел сатирических сказок и анекдотов в сборнике, по-видимому, в несколько раз скуднее, чем мог бы быть 40—50 лет назад (стоит вспомнить рассказ Е. Г. Клецова про сказочника, который «77 попов знал», т. е. семьдесят семь сказок про попов, и реальное количество тех же сказок про попов, записанных нами по всему берегу, — менее двадцати сюжетов).

Как специфически местное явление, тут почти отсутствуют сюжеты о барине и мужике, так как бар здесь никогда не было. Иногда в сказке на соответствующую тему барин заменен царем или попом.

Самых устойчивых тем две: поп и работник, солдат и черт. Работник обманывает попу, изводит попов скот, сходится с попадшей, поповнами и пр.; очень популярен здесь сюжет обманутого мужа («Ворынское царство»). Среди сказок на тему «солдат и черт» излюблен сюжет игры с чертом в шелкуны с помощью железного человека, а также «Лиха-баба». Прекрасный сюжет, кстати, отсутствующий в указателе Аарне—Андреева, — сказка «Солдат Симкин» А. А. Попова.

Заметно разнообразнее сюжетика сатирических сказок, как уже говорилось, в восточном конце района. Вместе с тем сказки здесь короче, иногда грубее и резче. Именно здесь появляется в виде осмеиваемого героя барин, бытуют сюжеты типа «Покойница-воровка» — о бедном и богатом братьях, отражающие в известной мере капиталистическое разорение крестьянства, выделение кулачества и отчаянное положение деревни пореформенной

поры. Очень популярны на востоке Терского района также сатирические сказки о дураках («Семь Фалилеев», «Улита и Богдан» и пр.), юмор которых несколько мягче юмора вышеперечисленных сюжетов, посвященных социальным контрастам.

Новизна для местной сказочной традиции сатирических сказок, бытующих в восточной части района, особенно заметна на примере сказок о ловком воре. На востоке, в Пялице—Стрельне, сказок о ловких ворах много («Посол за дождем», «Покойница-поровка», «Старуха-гадалка», «Мужик, зовущий свиней в гости», «Рыбак Клыга», обманывающий пола). Репертуар центральных деревень подобных сюжетов почти не знает. В той же Варзуге есть «плутовские» сюжеты, но «воровских» нет. Единственная сказка про воров у Е. И. Сидоровой (на международную тему «Сокровищница Рампсинита») поражает наивностью разработки. Ловкого вора ловят, поставив под окном магазина бревно, намазанное салом, и кадку смолы, куда вор срывается, ползя по бревну, т. е. так, как можно поймать разве глупого медведя, но никак не человека (на Терском берегу до сих пор не запирают домов).

В сборнике помещены также коротенькие «докучные сказки» и присказки, иногда, возможно, несколько вольные, но всегда неподдельно живые и остроумные.

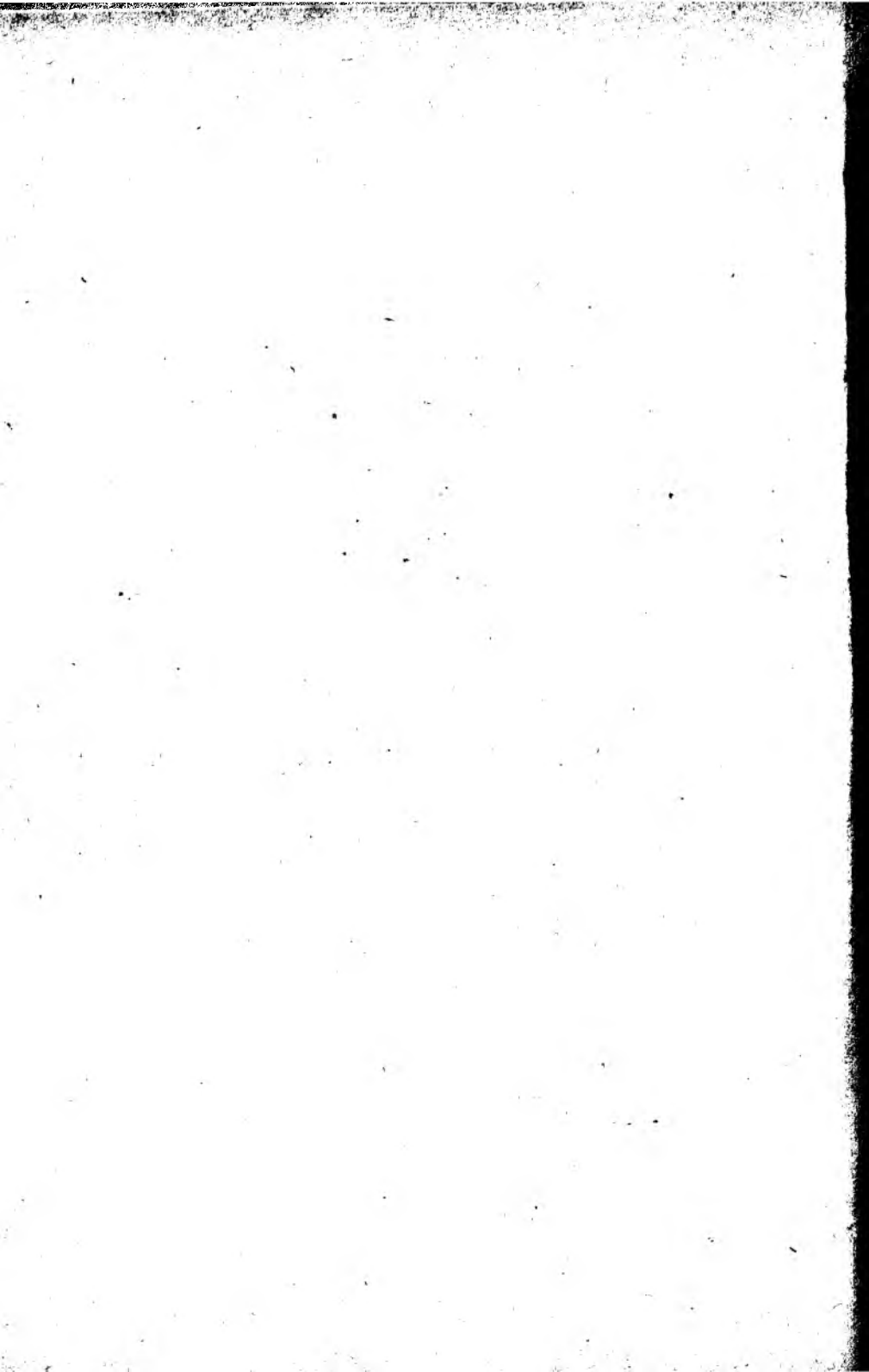
СКАЗОЧНИКИ ТЕРСКОГО БЕРЕГА ¹

- Дьячкова Марина Поликарповна (Варзуга) 16, 299—314, 423—424.
 Егולהва Фекла Тимофеевна (Умба) 38, 419.
 Заборщиков Арсений Дмитриевич (Варзуга) 21, 343, 426.
 Заборщиков Сергей Дорофеевич (Варзуга) 18, 314—324, 424.
 Заборщикова Клавдия Капитоновна (Варзуга) 342, 426.
 Заборщикова Мария Федоровна (Варзуга) 325, 425.
 Клецов Ефим Григорьевич (Чаваньга) 19, 21, 30, 345—352, 426.
 Клецова Анна Марковна (Тетрино) 21, 363—365, 427.
 Коворнин Ефим Никифорович (Варзуга) 16.
 Коворнин Николай Иванович (Варзуга) 16.
 Коворнина Федора Николаевна (Варзуга) 17, 20, 426.
 Кожин Иосиф Федорович (Оленица) 12, 90—97, 420.
 Кожин Михаил Михайлович (Чаваньга) 20, 355—356, 427.
 Кожина Анна Степановна (Оленица) 97—100, 421.
 Кожина Иринея Андреевна (Чаваньга) 9, 20, 356—362, 427.
 Кожина Павла Никитична (Оленица) 12, 29, 100—120, 421.
 Конева Евдокия Дмитриевна (Варзуга) 15, 25—26, 217—258, 422—423.
 Кузнецов Василий Аксенович (Пялица) 413—417, 430.
 Кузнецов Демид Егорович (Пялица) 22, 393—401, 429.
 Кузнецов Паша (Пялица) 412, 430.
 Кузнецов Петр Аксенович (Пялица) 407—411, 429.
 Кузнецов Тимофей Васильевич (Пялица) 430.
 Кузнецова Анна Архиповна (Пялица) 431.
 Кузнецова Ольга Никифоровна (Пялица) 430.
 Михайлова (Лесной) 46, 419.
 Мошникова Авдотья Анисимовна (Лесной) 11, 48—76, 419—420.
 Мошникова Анна Васильевна (Варзуга) 18, 335—341, 426.
 Мошникова Еликонидя Иоакимовна (Варзуга) 341—342, 426.
 Неизвестный исполнитель (Лесной) 44—46, 419.
 Низовцева Федора Степановна (Пялица) 22, 401—407, 429.
 Ногина Е. (Лесной) 41—44, 419.
 Попов Александр Александрович (Варзуга) 18—19, 30, 258—298, 423.
 Попова Аксинья Ивановна (Варзуга) 333—335, 425.
 Попова Парасья Ерофеевна (Умба) 35—38, 419.
 Приданникова Ольга Николаевна (Варзуга) 16, 327—332, 425.
 Самохвалова Ольга Ивановна (Пялица) 411—412, 430.
 Семенихина Марья Андреевна (Чаваньга) 352—355, 427.
 Сидорова Елизавета Ивановна (Кузомень) 12—14, 27, 31, 121—216, 422.
 Стрелкова Авдотья Петровна (Стрельна) 23, 366—390, 428.
 Стрелкова Александра Васильевна (Чапама) 391—392, 428.
 Талых Кристина Лукинична (Оленица) 12, 77—90, 420.
 Тарасов Иван Николаевич (Порья Губа) 418—419.
 Тетерина Афанасия Ивановна (Пялица) 22, 429—430.
 Устинова Анастасия Кузьмовна (Пялица) 430.
 Чеченина Калисвения Евдокимовна (Чапама) 428.

¹ Цифры обозначают страницы настоящего издания.

**СКАЗКИ
И БЫЛИЧКИ
ТЕРСКОГО БЕРЕГА**

УМБА

ПАРАСЬЯ ЕРОФЕЕВНА ПОПОВА

1. Храбрая Олеконида

Бывал-живал дед и баушка, и было у них три дочери: одну звали Анной, втору — Марьей и третью — Олеконидой. Дед стал стар и умер. Сидит баушка одна по месяцу и говорит:

— Ой, детоцки, никакой жених-то нейдет за вас свататься!

Вдруг мужчина подкатился на лыжах, поставил лыжи, постучался и вошел в избушку. Сел молодец на лавоцку и говорит:

— Баушка, отдай мне каку-нибудь дочь взамуж.

Бабка говорит:

— Ну, так отдам я вам, дитятко, старшую — Анну.

И привязала жаркую лентоцку к лямке, к сарафану, двери открыла и говорит:

— Поди, бог с тобой, дитятко!

Ах, батюшки, баушка и спохватилась: забыла спросить, как зовут-то и где живет-то, у молодца. Дверь открыла и спросила:

— Молодец удалой, как тебя зовут?

— Зовут, баушка, меня Иваном.

— А живешь-то где?

— А где, баушка, топорки падают.

Вот и сидит баушка, и говорит об етом:

— Опять хотя бы приехал жених, да еще одну выдать!

Вот опять сидит по месяцу, и опять таким же путем приехал молодец и вошел в избу. Попросил попить и говорит:

— Баушка, отдай мне дочь взамуж.

— Возьми, дитятко, возьми, — говорит баба.

Спросила баушка:

— Скажи, молодец удалой, как тебя зовут?

— Зовут меня, баушка, Кустодеяном.

— А где живешь, дитятко?

— Живу, баушка, где собачки лают.

Ну, баушка опять привязала жаркую лентоцку, открыла двери и говорит:

— Поди, дитятко, бог с тобой, Марьюшка!

Ну, опять баушка сидит, горекует:

— Пока я, детоцка, жива, так надо и последнюю отдать.

Опять прикатился молодец и зашел в избу. Сел на лавоцку, вздохнул тяжело и говорит:

— Баушка, бедно вы живете, отдай доцку за меня взамуж.

Спросила баушка:

— Как тебя зовут, дитятко?

— А зовут меня, баушка, Трифоном.

— Где живешь, дитятко?

— Живу, баушка, где рыбу ловят.

Баушка обрадела, жарку лентоцку привязала Олекониде, двери открыла, да и говорит:

— Забота теперь спала, выдала дочерей взамуж, пока жива. Поживу немного, пойду по гостям к зятьям.

Живет баушка худо, нищо, скучно баушке, говорит баушка:

— Давно я детоцек не видала, пойду к первой в гости.

Пошла к зятю. Идет баушка в лес, приходит к тому месту, где топоры падают. Топорки падают — сарафан рвет. Баушка вернулась. Пришла домой, поплакала, поплакала, — голодная, исть нечего. Подумала:

— Пойду к другой доцери, не могу ли добрести.

Пошла баушка. Зашла в лес. Слышит — в лесу собацки лают. Стала подходить к собацкам, как собацки залают на ей! Готовы баушку загрызти. Подумала:

— К этой доцери, видно, не пройти будет.

Пошла домой. Чуть дотенулась до пецки, вся, бедная, устала. Зашла домой, повалилась на пецку, отогрелась. Говорит баушка сама про себя:

— Помру я голодной смертью, пойду к третьей доцери.

Набрала баушка сил, пошла к третьей доцери. Шла, шла, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, шла лесом густым. Подходит баушка к озеру. Идет об озеро, ницего нигде нету. Вдруг видит — на другой стороне белье полощет. Приморщилась баушка, посмотрела: «Ой, да ведь это моя Олеконидушка!». Баушка закричала перевозу:

— Перевези дитятко, Олеконидушка, матушка идет в гости! Олеконида встала, посмотрела, увидела свою мать.

— Сейчас, мамушка ты голубушка, перевезу, — закричала Олеконида, — шириночку раскину и перевезу!

Раскинула шириночку и перевезла мать. Приехали в избу.

Баушка стала спрашивать:

— Как ты, дитятко, живешь, где у ты муж?

— Муж, мамушка, прилетает у меня по ноцам домой лебедью. Лебедью прилетит, кожушки скинет и ляжет. на приступоцек спать. Я, — говорит, — кожушки у него сожгала. Проснулся он и говорит: «Ну, теперь до свиданья, больше ты меня не увидишь, прощай, Олеконида, крестьянска дочь!».

Баушка старая, пожила немного и умерла. Похоронила она баушку. Сходила Олеконида в кузницу, сковала три посоха, схо-

шла к лапотнику, сшила три лапти, сходила к просвиrne, закачала три просворы. Пошла мужа искать. Идет Олеконида, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, приходит к избушке в лесу; избушка на курьих ножках, на петушьей головке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне ворочайся, откройся, избушка, мне не век вековать, одну ночь пощадь!

Зашла в избу и видит: лежит старуха, титки через грядку виснут, языком мосток подпахивает, а носом в жаратке ворочает и уголье грабастит.

— Здравствуй, баушка!

— Фу, ты, — говорит, — жончѣнка, кака нахальная пришла! По Руси налеталась, русского духу нахваталась, Русью пахнет! Куда же ты, жонка, идешь?

Олеконида заплакала:

— Иду я, баушка, мужа искать.

Ну, баушка себя по одной щеки хлопнула, по другой приправила:

— Сядь, Олеконидушка, поищи в головушке.

В головушке села искать. Баушка спрашивает у Лекониды:

— Какой же у тя, жонка, муж-то был?

Она ей рассказывает:

— Прилетал он ко мне лебедью по ногам.

— О, да он у ягой-бабы был овернутой! Бежи, жонка, скорей, на пути будет моя сестра, она тебе расскажет!

Шла, шла, шла Олеконида и наконец дошла до сестры. Вторая бабка послала ей к своей сестры, к третьей. Пришла Олеконида к третьей сестры, та и говорит:

— Бежи, жонка, скорей, сегодня у моей старшей сестры свадьба, и твой женится на ее на дочери. На вот тебе, жонка, скатертку-хлебосолку. Когда придешь в деревню, просись к ним ночевать. У их все уж на свадьбу приготовлено, и они тебя в избу не пустят. Скажи им: пустите меня хоть на костерок.

Пришла жонка, подавалась,

— Некуда, самим тесно!

— Ой, жоночка, пусти хоть на костерок. Тепло, так и на костре ночьку проночую.

— Ну, так поди же на костер!

Проночевала она на костре. Разбудили ей пойво нести. Дает ей бабка коромысло, впереди идти.

— Ой, баушка, я на веку впереди не ходила!

Ну и пошла взади. На втору ночь жонка собирается спать на костре. Раскинула скатертку-хлебосолку и говорит:

— Налейся всех вин, всё, что душе моей нужно.

Ну, на скатертке появилось питья, еденья, всякого угощенья. А невеста в окно и увидела.

— Поди, — говорит, — мать, созови жонку в избу!

Мать пошла звать жонку в избу, а она отвечает:

— Вам самим тесно, некуда мне!

Невеста к ней пришла:

— Продай мне, жонка, скатеретку!

— Не продажна, — говорит, — а оветна.

— Что за овет?

— А такой: пусти с твоим мужиком ноцевать.

— Ну так, — говорит, — меня не убудет, а тебя не прибудет, ноууй, ноууй!

Ну, жонка пришла, повалилась с Трифоном спать. Та напоила Трифона пьяного. Жонка над ним ночью и заплакала:

— Я до тебя доходила, я до тебя доступала, три посоха приломала, трои лапти истоптала, трои просворы в зубах прогрызала.

Она ему со своей на егову шею крест повесила. Пришло утро, опять бабка пришла и говорит:

— Пойдем пойво носить.

И дает коромысло, чтобы вперед шла. А Леконида говорит:

— О, да я на веку не ходила впереди!

Ну, она опять пошла как первый раз. На ночь стали опять поить Трифона. А он-то по кресту догадался, да и льет за отворот, а не в рот. А спать-то стали, так Леконида привязала ему жарку ленточку, он и догадался, что она егова жонка.

На утро, как пошла нести пойво, у ведьмы котел со смолой для нее приготовленный. А она идет по лесенке, ведьму потолкнула, на второй поддериула, на третьей подтолкнула, а на четвертой в котел столкнула. На крик прибежала невеста, а Леконидушка наша и ту в котле утопила. Прибежал муж и все окончательно узнал. И стали они жить да быть. Да до сей поры живут, и нас переживут.

ФЕКЛА ТИМОФЕЕВНА ЕГОЛАЕВА

2. Про угольщика

У царя был сын. И вот он пошел на охоту. Пошел-то он на охоту, а пришел к морю. А у моря сидит старенький старичок. Сидит, пишет на бумажках, а бумажки в море бросает. Ну, он и спросил:

— Вы что, дедушка, здесь делаете? Что пишете?

— А я, — говорит, — судьбу решаю.

— Так вот, — говорит, — дедушка, срейш мою судьбу, как я, на ком женюсь?

— А твоя судьба уж давно решена. Ты, — говорит, — женись у угольщика на дочери.

А он раздумался: что как это так, я, царский сын, а у угольщика на дочке женюсь?

И вот пошел, и зашел в этот домик в лесу, старенькой. Зашел в этот домик. Спросили: кто такой?

— Да вот, я царский сын, пошел на охоту. А ты кто?

— А я угольщик.

— А что у вас семья-то какая?

— Да вот я со старухой. Да еще дощка у нас есть. Да она совсем домой не приходит, все там, в ямах, в уголье.

(Варят ли, что ли, как это там делается?)

Ну, вот, он поспал, полежал и пошел, а сам думает:

— Все равно я найду ей и убью ей; не может быть, что я, царский сын, женюсь у угольщика на дощке!

Пошел и в эту яму зашел. А она там в ямы спит. Он подошел, ножом ей ткнул, думал, что до смерти, а сам ушел. А около ей денег оставил много — в сумочке такой, — в головы ей бросил.

Вот утром встали отец с матерью, думают: «Что ж это у нас дощ-то не идет? Вечер не была, да и сейчас не идет! Давай-ка сходим, посмотрим».

Пришли, а она лежит вся окровавлена там, а около — сумочка с деньгами.

— Да кто тебя, кто?

— Сама не знаю, кто, какой приходил человек, кто меня ткнул.

Ну вот, ей взяли домой. Надо в деревню везти к врачу. К врачу приехали, стал он лечить. Обмыли всю кровь, всё, вымыли лицо, все лекарства дали на эти деньги. Она стала скоро поправляться.

— Ну, что с этими деньгами делать будем? Давай сначала ей окрутим, всю одежду купим.

Ну и снарядили. А она красива была! Потом говорят:

— Денег у нас лишку есть, давай сработаем домик!

Состроили. Уж она наряжается, одевается — прямо хорошо так. Балкон выстроили, она ходит на балконе.

Ну, а царский сын долго ходил, пришел домой. Там пожил, и говорит:

— Ну, мать, пеки этих подорожников, я опять пойду на охоту.

Опять пошел. Ходил, ходил, пришел опять сюда; на этот домик и наткнулся:

— Ой, какой домик красивый! Я сколько ходил, никогда не видел! Кто же это построил такой домик?

И видит — ну, прямо красавица ходит по балкону, гуляет. Ну, спросил ее:

— Чья ты есть?

И влюбился в ей: прямо красавица такая! Вот нашел отца да мать, посватал ей и сказал, что вот кака красавица, обязательно женюсь! Посватал ей и домой поехал. Ну, а родители:

— Где это видно, чтобы царский сын да на простой женился?

— Ну, кака бы ни была, а она мне пригляделась, да и всё.

Ну, свиту царску собрали, поговорили: можно ли на простой женитьце?

— Ну, — говорят, — раз уж приохотилась, так что ж!

Уехали туда отец, мать, все; свадьбу сыграли.

Ну, пожил там сколько, пошли в баню мытьце. Он увидал ей и говорит:

— Это что у тебя такой шрам-то?

А она говорит:

— А я сама не знаю, кто меня ткнул. Я, — говорит, — была в ямы и не знаю, кто меня ткнул. Меня лечили, и еще денег оставлено было.

Он тогда ей и пал в ноги:

— Прости, — говорит, — это все я!

Ну и потом стали жить, поживать. Все дело уладилось
И сказка вся.

ЛЕСНОЙ

Е. НОГИНА

3. Каменная царица

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь Громобой. У него был сын Вецислав Громобоевиц. Был он очень красивый. И вот в этом городе была мящанская дочка Светлана, она была очень красивая. И поглянись же ему эта Светлана, и вот он стал каждый вечер выезжать на своем добром коне мимо Светланина окошечка, чтобы она позагляделась на него. Но Светлана никого не любила. И вот в один прекрасный день поехал наш Вецислав на своем добром коне прогуляться на берег взморья. И вот видит — стоит старушка и спрашивает Вецислава:

— Что же ты, царский сын Вецислав, очень грустный, какая тебя грусть-тоска съедает? Чем ты недоволен иль кто на тебя нападает?

— Нет, бабушка, никто на меня не нападает, а вот обидеть-то — ты отгадала. Дак вот, бабушка, есть у нас в городе одна девица, она очень красивая, вот она-то мне и пригленулась. Но она на меня даже и не смотрит.

— Дак вот, добрый молодец, я тебе и могу помочь в етой беде. Поедём-ко ко мне в избушку, а там я сама все сделаю.

Вот поставил Вецислав своего коня, а сам в избушку со старушкой ушел.

— Садись, Вецислав, цего я буду говорить тебе дома делать: приди домой, которое лекарство я дам тебе — встань утром и намажь себе лице, и ты будешь оцень красивый, тогда-то уж Светлана и полюбит тебя.

Поблагодарил Вецислав старушку, вышел, сел на своего коня, поехал к себе в город и думает: «Вот теперь-то полюбит меня Светлана». Приехал домой, заперся к себе в спальню, даже всю ночь уснуть не мог. Цютъ свет взял Вецислав старухино лекарство и давай мазать себе лице. Поглядел в зеркальце — оцень стал красивый. Вышел в конюшню, взял своего коня и поехал с утра пораньше прокатиться по городу, возле Светланина окна. В ето время Светлана вышивала у окна и увидела, что царский сын едет на коне, а все лице в саже. И так она засмеялась над ним, что Вецислав осерцал и поехал, не заезжая домой, прямо к той старушке. Поцему над ним смеется Светлана, думал Веци-

слав. Подъехал к избушке, слез с коня, постучал в дверь, а старуха знает, что Вецислав приехал. Отвещает:

— Добро пожаловать, царский сын.

Вецислав заходит в избу, бросает кошелёк денег на стол и кричит:

— Старая карга, чего ты наделала! Не любит меня Светлана, даже сегодня рассмеялась надо мной. Чего мне теперь делать!

— Дак вот, добрый молодец, садись-ко на лавочку, да не ругай меня, старую, дак, может, и помогу в твоей беде. Вот возьми етот клубочик, куда он покатится, туда ты и иди за им. Он приведёт тебя к моему брату.

Поблагодарил Вецислав старуху, заплатил ей денег и поехал домой. Приезжает домой и говорит своей матери:

— Милая матушка, насыши-ко мне сухарьков. Я поеду по белу свету, поезжу, людей погляжу, сам себя покажу, да невесту посмекаю.

Встал Вецислав рано утром, оседлал своего коня и поехал в путь-дорогу. Опустил клубочик. Куда клубок катится, туда и Вецислав едет. Подъезжает к одному постоялому двору и стучится в ворота. Выходит хозяин и спрашивает, какой и откуда пожаловал ко мне гость? Запустили гостя в избу, а коню дали пшеницы белояровой. Посадили гостя за дубовый стол и стали угощать дорогима винами и закусками. Потом уложили гостя спать в отдельной комнатке на мягкую перину. И слышит Вецислав за стеной какую-то музыку и слова: «Вецислав, спаси меня... Вецислав, спаси меня...».

Встал утром Вецислав и спрашивает хозяина:

— Что там у вас за стеной за музыка?

— Дак вот, Вецислав Громобоевиц, если уж хочешь знать, то я тебе расскажу. Сто лет тому назадь был здесь город, и жил царь с царицей, и была у их одна дочь, очень красивая, во сто раз красивей матери. И вот в один прекрасный день отец уезжает на войну со своима войсками и оставляет свою жену со своей любимой дочерью. И невзлюби же мать свою дочь, потому что все говорили: «Доць у тебя очень красивая». Однажды направляет царица свою свиту слуг на прогулку в лес. В это время попадает царице та же самая старуха с берега возморья. И говорит старуха: «Что же ты пецальна, царица-матушка?». «Как мне не пецалиться. У меня есть доць. Все говорят, что она красивей меня. Помоги моему горю. Как ее со свету сжить?». И отвечает старуха: «Помоць-то помогу, но сделаешь, как я тебе велю. Приходи ко мне сегодня вецером. Я тебе такого вещества дам — товда-то ты избавишься от своей доцери». Попрощалась старушка с царицей и пошла к себе на возморье. Как только возвратилась царица к себе домой, и задумала сотворить недоброе дело со своей дочерью. Как только все утихло, не сказавшись никому, царица отправилась к волшебнице-старушке. Как только заходит

царица к волшебнице, а старуха уже подготовила волшебное зельё. И подает горшочек и говорит царице: «Как придешь домой, попроси у своей дочери, чтобы ты поискала у нее в голове. Как только она сядет, так ты сразу незаметно облей ее этим волшебным зельём. Так она окаменеет на сто лет». Благодарила царица волшебницу и пошла к себе во дворец. Как только пришла царица во дворец, и вызывает свою дочь в горницу: «Давай, милая доченька, поищу я у тебя в голове, поперебираю твои русые волосы». А молодая царица не чуяла такой беды. Покорно пошла и села на стул. В это время злая мать-царица облила ее незаметно волшебным зельём. Тогда увидела царица, что ее дочь окаменела по плечи на сто лет. В скором времени окончилась война, воротился царь-батюшка домой и спрашивает, где любимая дочь, Наташа. Отвечает царица: «Умерла Наташа пять лет тому назад». Но была у Наташи любимая няня, она-то вот и раскрыла всю тайну царю, что его любимая дочь Наташа окаменела, в горенке сидит. Когда зашел царь в горенку, хотел разрушить волшебные чары — мецц его разлетелся напополам. Тогда пошел царь в спальню, отрубил царице голову и решил себя самоубийством. С тех-то пор сидит в этих стенах красавица Наташа и ждет своего спасителя.

Еще ночь переночевал Вецислав, встал на утро, запряг своего доброго коня, положил клубочек на дорожку. Клубочек покати́лся, а Вецислав пошел за ним. Катился, катился клубочек и прикатился к подземному ходу. Стал спускаться наш Вецислав по мраморным лестницам, подходит к дверям и стучится в дверь. И отвечает волшебник:

— Добро пожаловать, Вецислав Громобоевиц, давно я тебя ожидаю.

Садит его за стол и угощает его разными винами и закусками. В одном кубке сильное вино, в другом — слабое. И подает старик в серебряном кубке слабое вино Вециславу, а себе берет в золотом кубке сильное вино. Вецислав в это время догадался — что-то будет с ним неладное:

— Старче, я и дома пью из золотого кубка, то как гость я должен и у тебя пить из золотого кубка.

Как старик-волшебник ни уговаривал его, но пришлось уступить Вециславу золотой кубок. Тогда-то и почувствовал Вецислав в себе большую силу. И попросил он у волшебника волшебный мецц, чтобы разрушить волшебные чары и освободить Наташу. Дал ему старик мецц, пожелал счастливого пути ему, чтобы и вперед заезжал к старику: я помогу всякой беде.

Как только приехал Вецислав к постоялому двору, ударил меццем стену, в которой сидела Наташа. Разрушилась стена, и бросилась к нему Наташа на шею, поцеловала и сказала:

— Ты мой спаситель! Не ты бы — и по сие время сидела бы и в этой темнице.

А она какая была заколдована, такой и осталась. Уж очень она была красивая! Когда хозяин узнал, что совершилось такое дело, сразу справил вечер. Переночевали ночь, Вецислав забирает хозяина и хозяйку и увозит к себе в город вместе с молодой красавицей-женой. Приезжали домой — овендуались. Справили свадьбу; весь город там был, и я там была, мед-пиво пила, пиво тепло, по усам текло, а в рот не попало.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ

4. Куричья пастушка

Жил старик со старухой. У них была одна дочь. Мать скоро умерла и дала старику кольцо и сказала: если оно кому подойдет, на той и женись, а если никому не подойдет, то и не женись.

Старик ездил, ездил, всю свою губернию, и не мог найти невесту по кольцу: то мало, то велико. Так старик решил не жениться.

Дочь у старика все росла и росла. Однажды, когда ей было семнадцать лет, она убиралась в комнате и увидела кольцо. Она надела его, и ей оно было точно: не велико, не мало. Отец в это время лежал на кровати. Она сказала ему про это. Старик встал с кровати и говорит:

— Теперь я буду на тебе жениться, раз мне такой наказ дала твоя мать.

Она и говорит отцу:

— Вот что, батюшка, достань мне солнечное платье, тогда я пойду за тебя замуж.

Старик объехал весь свет и достал солнечное платье. Потом дочь говорит: достань мне месяшное платье, а потом и звездное. Старик все это достал и отдал ей. Потом она сказала, чтобы он достал подвенечные башмаки и серьги. Отец уехал это искать, а дочь одела сначала солнечное платье, потом месяшное, а потом уж звездное. Она пошла, заколола свинью, содрала с нее шкуру и одела поверх всего. И ушла из дому на все четыре стороны. Пришла она в одно царство, и наняли ее ухаживать за курами. Потому ее и называли «куричья пастушка». Она спала вместе с курами.

У царя был сын. И один раз пришло, что подошло три праздника подряд, и ему пришлось идти в церковь. Он приходит в кухню и говорит:

— Няньки, мамки, подайте мне мыло.

Девушка выскочила из курятника и подает ему мыло. Он схватил мыло, и стукнул ее в голову, и сказал:

— Не твое дело, сиди, знай, в курятнике.

Он умылся, оделся и ушел. Куричья пастушка пошла к царице и попросила у нее какого-нибудь платья сходить в церковь и помолиться. Царица ей дала платья, и она пошла. Она ушла в одно место, сняла свою свиньячью шкуру, свернула вместе с платьем, которое дала царица, а сама пошла в звездном платье. Все попы, и вся публика, и молодой принц — все смотрят на ее. Когда кончилась обедня, ударили в «достойну», тот молодой королевич ждал её уже на паперти. Когда она вышла, то он ее спросил:

— Скажите, пожалуйста, какого вы, барышня, города?

Она ответила:

— Я такого города, где мылом бьют в голову.

Королевич пришел домой, перерыл весь архив, но не мог найти этого города. На другой день опять нужно идти в церковь. Королевич пришел на кухню и говорит:

— Няньки, мамки, подайте мне гребень.

Она выскочила из курятника и подает ему гребень. Он взял гребень, и стукнул ее им в голову, и сказал:

— Не твое дело, сиди со своими курами.

Она ускочила на свое место. Королевич умылся, причесался и ушел в церковь. Она опять пошла и попросила платья. Царица ей опять дала. Она сняла свою шкуру и платье и пошла в месяшном платье. Теперь больше того все только и смотрели на ее. А королевич не может ее дождаться. Вот она выходит, он спрашивает:

— Барышня, скажите, какого вы города?

А она и говорит:

— Я такого города, где гребнем бьют в голову.

И сама пошла. Когда королевич пришел домой, то куричья пастушка была уже дома. Он, не дождавшись обеда, стал перебирать свой архив, но не мог найти такого города, где гребнем бьют в голову. Вот уже последний день. Королевич вошел в кухню и говорит:

— Няньки, мамки, дайте мне ковшик.

Пастушка выскочила и подала ему ковш. Он опять ее стукнул ковшом по голове и сказал:

— Сиди со своими курами, тебя не спрашивают.

И она упрыгнула в свой курятник и сидит там. Когда королевич ушел в церковь, она опять пошла к царице и попросила у нее платья, и та ей дала. Пастушка раздела свою свиньячью шкуру и убрала вместе с платьем, которое дала царица. А сама пошла в солнешном платье. Теперь уже все смотрели на ее, а королевич не мог никак удержаться и спросил:

— Барышня, скажите, из какого вы города?

А она и говорит:

— Я из того городу, где ковшами бьют в голову.

Королевич пришел домой и говорит отцу:

— Папа, я никак не могу найти одного города.

Потом он вспомнил, что когда он пойдет в церковь и зайдет на кухню, то ему подавала все пастушка, а он то мылом, то гребнем, то ковшом стучал ее, так это не она ли есть? Он пришел на кухню и говорит:

— Куричья пастушка, поищи у меня в голове.

А она и говорит:

— Что ты, я такая грязная!

А он и говорит.

— Я тебе приказываю.

Она стала у него искать в голове, а он разрезал на ней в одном месте шкуру и увидал звездошное платье, потом он разрезал всю шкуру. Все так и удивились. Королевич ее увел в свой кабинет, а сам пошел к отцу-матери. И говорит, что он хочет жениться, а отец и говорит: ну что ж, из какого царства он хочет брать себе невесту?

А он и говорит.

— Я беру из своего царства, нашу куричью пастушку.

Отец так и удивился. Тогда королевич привел ее к ним. Она была очень красивая и понравилась царю. Королевич женился на ней и стали жить да поживать, да добра наживать. У них был пир, на котором была я.

МИХАЙЛОВА

5. Про солдата

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею. У этого царя было большое войско. И вот один солдатик стоял на посту. Ему очень курить захотелось. А ларька поблизости не было. И вдруг видит — стоит на поляне в шагах ста от него ларечик, и он думает: «Сбегаю-ко я, тут близко, никто не увидит». И солдатик пошел. Идет, идет, а до ларька дойти не может. Вот идет час, другой и видит — стоит на большой поляне двухэтажный дом. Зашел он туда. Все комнаты обошел, зашел в последнюю. А там на дубовом столе двенадцать блюд с разными кушаньями. Солдатик изо всех блюд поел помаленьку и наелся. И вот в двенадцать часов прилетают двенадцать лебедей. Стукнули клювами по столу, и оказалось двенадцать девиц. А солдатик за печь спрятался. Они и говорят:

— Выходи, кто тут есть. Если старый старичок, то будешь нам дедушкой, если старая старушка — будешь бабушкой, если молодая девица — будешь сестрицей родной, если молодой мальчик — будешь братцем родным.

И вышел солдатик к им. Поклонился во все четыре стороны, извинился перед ними, сел с девицами за стол. Покушали, и говорят девицы солдатiku:

— Сегодня прилетит двухглавый змей обедать сюда. А ты все время тверди букву «а» — он тебя не убьет.

Опять девицы обратились в лебедей и, улетели. Только они улетели, как вдруг прилетел двухглавый змей. Сел на стол и ползет к солдатiku. А солдатик не смотрит на его и все твердит букву «а». Змей прополз, только хвостом солдатика ударил, что он сразу в обморок упал. Очнулся солдатик, когда перед ним уже опять те девицы, и говорят они:

— Сегодня ты тверди букву «о».

Опять они покушали и улетели. Вот летит опять змей. Ползет он по столу, а солдатик все время твердит букву «о». Змей прополз и так ударил солдатика хвостом, что солдатик сразу упал в обморок. Очнулся, когда уже перед ним двенадцать девиц. Они солдатiku и говорят.

— А сегодня, солдатик, тверди букву «у». Когда он к тебе будет подползать, ты возьми вилку и воткни ему в голову, тогда увидишь, что будет.

Покушали они и улетели. А солдатик взял вилку и ждет змея. Вот змей подползает к ему. Солдатик не растерялся. Он из всех сил вонзил вилкой в голову змею. Змей как ни бился, а все же умер. Когда он умер, из его вышли двенадцать девиц. И говорят:

— Спасибо тебе, солдатик, ты спас нас от этого змея.

И начали дарить кто чего. Одна дала кошелек-самотряс, другая — шапку-невидимку, третья дала волшебный меч, и другие тоже солдатiku дарили. И солдатик спросил, почему они у змея жили? И они рассказали:

— Когда мы были маленькие, змей унес нас от наших родителей. А теперь мы возвратимся домой к нашим родителям.

Вот попрощались они и пошли своей дорогой.

Идет, идет солдатик и пришел в один город. А город украшен траурными флагами. Солдатик спросил первого попавшего ему человека, почему в городе траур? А тот ему отвечает, что сегодня в десять часов вечера повезут царскую дочь на съедение к змею.

— А где он ее будет есть?

— На берегу моря.

Вот солдатик дождался десяти часов и пошел на берег померять свои силы с змеинными. Сел на бережок и ждет змея. Вдруг везут царевну-дочь, всю одетую в траур. Солдатик подошел к ей и говорит:

— Вы идите в будочку, а я буду змея ждать, — и остался один.

Ровно в десять часов зашумело море, и выходит змей и говорит:

— О, мне еще на закуску солдатика дали!

Солдатик, долго не думая, подбегает к нему, срубил ему две головы. Открыл плиту, бросил туда туловище и головы, закрыл плиту и лег спать.

На утро прибегают слуги царя и говорят, что дочь царская жива. В другую ночь тоже солдатик убил змея. Туловище бросил в яму и закрыл плитой. На третью ночь опять везут царскую дочь к морю. Солдатик подошел к ей и говорит:

— Идите вы в будку и сидите. А я буду драться со змеем.

Вот зашумело море, и выходит трехглавый змей и говорит:

— Ты убил моих братьев, так я тебе покажу.

Солдатик, долго не думая, отрубил ему все три головы и опять туловище спрятал под плиту. Подходит к солдатику царевна и дает ему на память золотое кольцо. Когда солдатик уснул, к царевне подходит один человек и говорит:

— Если ты не скажешь царю, что я убил змея, то я тебе сейчас отрублю голову.

— Ладно, — сказала царевна.

Этот человек подошел к солдатику, снял с его руки золотое кольцо, одел себе на палец. Взял царевну, и они пошли к царю. Она сказала:

— Это мой спаситель.

На утро стали играть свадьбу. А солдатик узнал это и пошел к царскому замку. Царевна увидела его и говорит отцу:

— Обождите, дайте мне сбежать вон за тем солдатиком.

Она привела к царю его и говорит:

— Вот, батюшка, мой спаситель. Он убил змея.

Тогда этот человек стал с им спорить, что он убил змея. А солдатик и говорит:

— А пойдем. Если ты откроешь плиты, то ты убил змея.

Пошли. Приходят — человек даже не мог плиты с места сдвинуть. А солдатик открыл плиты и показал убитых змей.

Тогда царь, долго не думая, подходит к тому человеку, срубает ему голову. А царевна берет солдатика и ведет его на свадьбу. Сыграли свадьбу. Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

АВДОТЬЯ АНИСИМОВНА МОШНИКОВА

6. Иван-поваренка

Был-жил царь Данило. У его был сын Иван. Вот росли у его в саду яблоки. Кто-то стал ходить и эти яблоки воровать. Очень царь стал педалиться, как бы эти яблоки сохранить. Послал прислугу похранить этих яблоков, подежурить. Походил, посидел этот прислуга.

— А что я буду здесь мерзнуть, лучше пойду я к любушке своей.

Ночь проспал и пришел царю доложил, что ночь прошла и никого не видал. На другой день царь опять послал прислугу сменного. И второй так же сделал: ушел к своей любушке, ночь проспал и ничего не видал. На третий день царь послал старикашку. Этот старикашка всё поле обходит, всё дежур с себя не сводит.

Вдруг слышит: лес хрустит, выезжает золотой мужицёк на золотом кони. Стал яблоки рвать и в мешок класть. Вот один мешок был большой, он хотел укласть, наклонился, а в это время подскочил старикашка, схватил его за ноги и в мешок, и дал тревогу. Тут провода зашумели, колокола забречели, тревога вся подошла. Золотого мужицка захватили и к царю провели. К царю приводили, в тюрьму посадили. А на это время у них стал съезд в других городах. Царь поехал на съезд. А своему сыну Ивану сделал стрелоцку. Этот Иванушко стрелял стрелоцку и застрелил в тюрьму в окошечко. И вот просит:

— Отдай, золотой мужицёк, мне стрелоцку.

Он говорит:

— Не отдам, пока ты меня из тюрьмы не выпустишь.

Вот он сходил, ключи взял, выпустил золотого мужицка и дал ему золотого коня — тоже выпустил. Сел мужицёк и уехал.

А на етом съезде царь росхвастался, что сидит у меня в тюрьме золотой мужицёк и есть золотой конь. Задумали цари в етом городе побывать и золотого мужицка повидать. Когда приехали, нет ни коня и ни золотого мужицка — все убежало.

Очень царь опецалился, не знает, кто и выпустил. Сказал ему свой любимый сын:

— Татушка, я выпустил: не отдал он мне-ка стрелоцки.

Тут цари сказали:

— Царского сына не бьют, не казнят, а на волю спускают.

Вот тут царь с царицею поплакали, погоревали, подорожничков напекли и на волю спускали сына. И дали с собой слугу-поваренку, крест и пояс, и кольцё золотое на память.

Пошел царский сын путем-дорогой. С отцом, с матерью простился и в путь-дорогу спустился. Шли долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли. Захотелось царскому сыну напиться. Попросил у слуги-поваренки поваренки из котомки.

— Дай, — говорит, — мне напиться в етом колодеце.

А слуга отвечает:

— Неохота котомки открывать, спустись в колодець, сам напейся. Когда напьёшься, я тебя вытяну.

Спустился он в колодець, а назад выйти не может.

— До тех пор не вытяну, — [слуга] говорит, — пока платья с себя не отдашь, пояса, креста с ворота.

Подумал, подумал:

— Ну, ладно! Все отдаю с себя, только спаси, вытяни.

Вот тот его вытянул, и все отдал он с себя, а его во на себя одел, котомку взял. И дальше пошли. Идут, самы не знают куда. Увидали — огромный город перед ними. В етом городу жил царь. Ну вот, они приказали, чтобы доложить про спутников, какие в город пришли. Царю доложили, их в палату спустили. Царь принял спутников, накормил, напоил и спать уложил.

Етот Иван-поваренка сказал, что я — царский сын. У царя была дочь Марья. Стал Иван ей сватать, а царь вздумал ей замуж отдать. А ета дочь отвечала:

— Я еще помешкаю, не пойду. Трои сутки на него погляжу, какой он есть.

Иван-поваренка и говорит:

— А вы возьмите мрего прислугу и пошлите его коней пасти, что ему жить без дела.

Путру стал Иванушко ранехонько. Выпустили ему коней табун. Погонил он в чисто поле. Пригонил в чисто поле, сам стал и расплакался:

— Жил я у батька, жил я у матки, пил-ел чего хотел. Теперь ходи да паси коней.

Вдруг слышит: лес хрустит. Выезжает золотой мужик на золотом коне. Подъехал к царскому сыну, сказал:

— Здорово, царский сын Иванушко. Сослужил ты мне службу, сослужи и я тебе. Выручил меня из беды, выручу и я тебя. Садись на моего коня и поедом ко мне в гости.

— Нельзя, — говорит, — мне ехать, у меня коней табун.

— Твои кони никуда не уйдут, кругом их я объеду, через мой след не перейдут.

Сел Иванушко на золотого коня и поехал. Привез мужик его к себе домой и сказал старшей дочери:

— Напой етого гостя, накорми и спать уложи. Через два цаса со сна разбуди. Дай ему подароцек: скатерётку-хлебосолку, всякого питенья, еденья и кушанья.

Ну и снова повез золотой мужицёк царского сына во чисто поле. В чисто поле опустил, протился и в лесу скрылся. Обошел Иван весь табун — все кони сохраним. Взял погонил коней домой. Так кони скакали, что все ворота разломали: хорошо больно накормил. А царь на балхоне стоял, со своим зятем, встречал. Стоял да хвалил, что хорошо слуга коней пасет.

Иванушко поворотился, в свою комнатку явился. Прибежала тут прислуга Марфа.

— Цего тебе, Иванушко, нужно?

— Мне огонь неси да питье неси, — говорит.

Принесла огонь и питье, сама стоит, на Иванушка глядит. Развернул свою скатерётку-хлебосолку, всякое питенье, еденье и кушанье. Прибежала Марфа к Марье-царевне, сказала. Марья-царевна снова Марфуху посылает: спроси, не продажная ли? Спросила:

- Иван-поваренка, не продажна ли твоя скатерётка?
- У меня, — говорит, — не продажная, а оветная.
- А какой овет?
- А с царвной ночь провести.

Вот она послала Марфу, пригласила уж ночь провести. Ночь провел — скатерётку отдал. Утром встал, опять в поле пошел ко-ней пасти. Опять пригонил в чисто поле, сам стал да и распла-кался:

- Жил я у батька, жил я у матки, пил-ел цего хотел.

Опять слышит: лес хрустит. Показался золотой мужик на зо-лотом коне:

- Здорово, Иван-царевич, поедем в гости.
- Боюсь я ехать: кони уйдут.
- Кругом табуна объеду, через мой след никуда не перейдут.

Посадил на золотого коня и повез опять домой. Гостя приво-зил, средней дощери говорил:

- Накорми, напой и спать уложи. Через два цаса со сна раз-буди. Дай ему подароцек: бутылочку с двенадцатима горлышками. Из горлышка в горлышко сливается, а наливка с наливкой не мешается.

Посадил на золотого коня и повез в чисто поле. В чистом поле опустил и сам в лесу скрылся. Иван к коням подходит, кру-гом табун обходит. Домой табун погнал, кони поскакали, взараз все ворота разломали. Царь с зятем на балхоне стоят и похвали-вают: хорошо коней пасет!

Когда коней сдал, сам в квартиру забежал. Прибегает Марфа-прислуга:

- Цего тебе, Иванушка, нужно?
- Исть неси да огонь неси, больше ничего не нужно.

Принесла, на стол поставила, сама стоит. Вынул бутылочку, поставил на стол. Из горлышка в горлышко сливается, наливка с наливкой не мешается. Марфа спросила, не продает ли?

- У меня, — говорит, — не продажная, а оветная.
- А какой овет?
- С царвной ночь провести.

Марья-царевна его пригласила.

Ну вот, он ночь прогулял, утром стал и опять коней погнал. Опять пригонил в чисто поле, стал, расплакался:

- Жил я у батька, жил я у матки, пил-ел чего хотел.
- А теперь, — говорит, — стою да коней пасу.

Вдруг лес захрустел, опять приезжает золотой мужик на золо-том коне:

- Ну, Иван-царевич, поедем в гости.
- У меня, — говорит, — табун коней, нельзя мне ехать.
- Кругом табуна объеду, а через мой след, — говорит, — никуда не перейдут.

И сел на золотого коня и поехал. Привез и младшей дочери говорит:

— Напой, накорми и спать уложи. Через два часа со сна разбуди. Дай ему подароcek: драгоценный камень. Всякими разныма огням разливается, огонь с огнем не мешается.

Напоила она, накормила и спать уложила. Через два часа со сна разбудила. Тут ему на память камешок подарила. Тут подъехал золотой мужицек на золотом коне. Со всема распростился, в чисто поле спустился. Когда привез в чисто поле, сказал:

— Ну, сослужил ты мне службу, сослужил и я тебе. Выручил ты меня из беды, выручил и я тебя. Сейчас с тобой распростимся и больше не увидимся.

Пришел Иванушко ко своему табуну. Погнал коней опять домой. Так кони поскакали, что у царя все ворота разломали. Стоит царь со своим зятем на балхоне. Зять улыбается, своим прислугой похвывается.

Загнал Иванушко табун и сам в квартиру побежал. Прибежала Марфа-прислуга:

— Цего тебе, Иванушко, нужно?

— Пить неси да исть неси, только огня не носи.

Притащила питье и еденье, поставила на стол. Сама стала и стоит, на Иванушка глядит. Вынул Иванушка свой драгоценный камень, склал на стол. Всякими разныма огням разливается, огонь с огнем не мешается. Побежала Марфа к Марье-царевне, сказала. Марья-царевна послала спросить, не продает ли?

— У меня, — говорит, — не продажный, а оветный: ночь провести с царевой.

Марья-царевна его пригласила. До утра прогулял, а утром рано со сна стал.

Царь собирает пир на весь мир, ладит свадьбу играть да царевну замуж отдавать. Иванушко подходит к своему прислуге, тот и говорит:

— Сегодня коней не паси, а дома посиди. Когда будет у меня свадьба, так на печке посиди да на свадьбу погляди.

Ладно, думает Иван. Приходил и сам на печьку садился.

Ето время идет пир на весь мир. Пировали, столовали, вышла молода рюмок носить. К своему отцу подошла и благословенья попросила:

— Благослови меня, родимый батюшка, етому прислуге рюмку поднести.

Отец благословил:

— Он нам верный слуга, — говорит.

Она рюмку поднесла и в уста поцеловала.

— Тут, — говорит, — мой суженый-ряженный, Иван-царевич. А за столом сидит Иван-поваренка.

Тут струны запели, провода зашумели, слуги подбежали, Ивана забрали. Тут с его снесли крест и пояс, обручальное кольцо и платье царское. Тут снова стали пировать, да столовать, да весело свадьбу играть.

А этот Иван-поваренка отправился к думным боярам: «Что бы мне-ка присудили, как бы Ивана со света сгонить?». Сидели думные бояра, день до ночи думали, ничего надумать не могли. Тут вышел из запецки старицёк, сам с ноготь, а борода с локоть.

— Ох вы, думные бояра, день до вечера думаете, а надуматься не можете. Скажите царю, доложите: «Твой зять в глаза и не хвалится, а позади глаз похваляется. Хочет в одну ночь сделать церковь с попам, с дьякам, с пономарям, зазвонить и царя со сна разбудить».

Вот сходили, царю доложили. Царь зятя призывает:

— Почему же ты в глаза не хвалишься, а позади глаз похваляешься? Хочешь в одну ночь сделать церковь с попам, с дьякам, с пономарям, зазвонить и меня со сна разбудить?

Иванушко царю отвечает:

— Я того не говаривал.

— А если ты мне этого не сделаешь, то и голова с плеч.

Пошел царский сын невесел, буйну голову повесил. Приходил к своей к Марье, к царевне.

— Цего ты, Иванушко, невесел, свою головушку повесил?

Тут ей Иван отвечает, что на меня думные бояра думу выдумали: велят сделать церковь с попам, с дьякам и с пономарям, велят зазвонить и царя со сна разбудить.

— Ето нам не служба, а служба еще вся впереди, — говорит, — спи, так утром все будет готово.

Взяла шубенку на левую плечёнку, а ту плетцёнку в правую руцёнку и стукнула об угол:

— Баенны, овинны, морски, озерски, все ступайте на работу!

Прибежали:

— Что тебе, Марья-царевна, нужно?

— Делайте мне-ка церковь с попам, с дьякам, с пономарям. Зазвоните и царя со сна разбудите. Слейте колокола из песку.

Слить не могли, с церкви украли и приташили. Так зазвонили, что царя со сна разбудили. Царь пробудился, видит — церковь перед окном. В церковь зашел: попы, и дьяки, и пономари — все поют.

— Ну, — говорит, — и зять, что за зять! В одну ночь сделал церковь. В глаза не хвалился, по-за глаза похвалился, а все-таки приказанье исполнил.

Тут думные бояра опять пошли думать: как бы царевна со свету изжить. Опять сидят день до вечера, все надуматься не могут. Вышел опять из запецек старицёк, сам с ноготь, борода с локоть.

— Ох вы, думные бояра, день до вечера думаете, надуматься не можете. Сходите, царю доложите, что твой зять в глаза не хвалится, а позади глаз похваляется. Хочет твой зять сделать корапъ, чтоб тридевять морей обходил, тридевять горей, в тридевятое царство, от царя Салтана письмо привез, скрозь игольные уши прошел и царю в ворота зашел.

Вот пришли думные бояра к царю, доложили.

— Почему же ты, зять, в глаза не хвалился, позади глаз похвалялся? Хочешь сделать корапъ в одну ночь, чтобы тридевять морей обходить, тридевять горей, в тридевятое царство сходить, от царя Салтана письмо принести, скрозь игольные уши пройти, а ко мне в ворота зайти.

Иван-царевич отвечает:

— Я етим не хвалился.

— А ты мне етой службы не сделаешь, так и голова с плеч.

Пошел Иванушко невесел, свою головушку повесил. Приходит к Марьи-царевны. Она его спрашивает:

— Почему ты, Иван, невесел, свою головушку повесил?

— Вот мне думные бояра приказ дали. Велят, — говорит, — построить в одну ночь корапъ, чтобы тридевять морей обходил, тридевять горей, в тридевятое царство сходил, от царя Салтана письмо принес, скрозь игольные уши прошел и царю в ворота зашел.

— Ето еще не служба, а службишка, а служба у нас с тобой еще вся впереди. Спи, так в утрях все будет готово.

Взяла шубенку на левую плечёнку, ту плетцёнку в правую рущёнку. И стукнула об угол.

— Все баенны, овинны, морски, озерски, ступайте на работу! Сделайте мне корапъ в одну ночь, чтобы тридевять морей обходил, тридевять горей, в тридевятое царство сходил, от царя Салтана письмо принес, скрозь игольные уши прошел и к царю в ворота зашел.

Ивана-царевича с Марьей-царевной разбудили, на корапъ посадили, тридевять морей обходили, тридевять горей, к царю Салтану сходили, там погостили и царю письмо привезли. Скрозь игольные уши прошли и к царю в ворота зашли. Царь пробудился, стоит и дивится: в воротах корапъ. Царю письмо вручили, а царь зятя хвалит:

— Вот так зять. Все мои службы исполняет!

Опять думные бояра не могли с Иваном ничего сделать. Опять пошли думу думать, как бы Иванушку со света изжить. Опять думали день до вечера, надумать ничего не могли. Вышел старик из запечки, сам с ноготъ, борода с локотъ.

— Ох вы, думные бояра, день до вечера думаете, ничего надумать не можете. Сходите царю доложите, что твой зять в глаза не хвалится, а позади глаз похваляется; хочет твой зять достать «страшно и ужасно».

Утром стали, царю доложили. Царь зятя призывает, в глаза ему пеняет:

— Почему, зять, в глаза не хвалился, а позади глаз похвлялся? Хочешь достать «страшно и ужасно»?

Зять царю отвечает:

— Я этого не говаривал.

— А не сделаешь эту службу, то голова с плеч.

Пошел Иванушко невесел, свою головушку повесил. Приходит к Марьи-царевны. Марья-царевна Иванушка спрашивает:

— Цего, Иванушко, невесел, свою головушку повесил?

Иванушко царевне отвечает:

— Думные бояра на меня службу наложили: велят достать «страшно и ужасно».

— Ето служба и службам всем служба, а сделать нужно. Порато не грусти, а немного подожди.

Тут Марья-царевна с Иванушком простилась, сама в дорожку торопилась.

— Ты, — говорит, — обо мне не грусти, а немного подожди.

Сходила, купила шубку-невидимку, шапку-невидимку и сапоги-скороходы. И к Ивану принесла. Подорожничков напекла и в путь-дорогу отправила.

— Поди, Иванушко, не грусти и обратно вернись. Придешь ты к синему морю. Стоит избушка. В этой избушке живет старицк. К ему придешь, его попроси, чтобы он тебе сослужил службу. За это старицка награди. И придё из моря корапъ, на етом корабле есть «страшно и ужасно». Пускай он тебя на корапъ свезет, а ты будешь ему невидимым-слугой. Когда на корапъ приедешь, к капитану поди. Когда капитан за стол пригласит, ты ему бокал поднеси.

Вот сели пить и кутить, а слуга невидимый — служить. Капитан сидит, пьет, улыбается, над слугой издивляется.

— Продай, — говорит, — старикашка, етого слугу.

— Я, — говорит, — не продаваю, только меняю.

— А что тебе нужно?

— Мне нужно «страшно и ужасно».

Капитан согласился, клубок ему в руки вручил. Променял старикашка своего слугу. Капитан кричит:

— Слуга, неси пить!

Слуга перед ним явился с бокалом.

Тут старикашка простился и в сине море спустился. Старикашка на берег, а корапъ в море. Капитан крепким сном заснул. Со сна пробудился, кричит к себе слугу. Сколько ни кричал, даже голос потерял, а слуга совсем пропал.

Старикашка на берег приехал и с царевицем в путь-дорогу отправился, не смел больше тут жить. Вот и прибыли к Марьи,

к царевны. Старикашку до смерти опедалили.¹ С Марьей-царевной к царю пошли. Клубок ему подарками принесли. Тут царицу царю говорит:

— Служил я тебе службу, сослужил и ты мне: собери пир на весь мир. Собери и бояр, и дворян, и всех. Устрой в чистом поле скамеек. Скамья скамьи выше. А нам с тобой всех выше трибун устрой. На самой на нижней ряд бояр сади.

Собрал царь пир на весь мир. Всех пригласил, бояр всех ниже сажал. Сами на трибун ставали, клубок развивали. Царь за дело принялся. Весь клубок развил, весь народ погубил. Царь сильно испугался и царицу говорил:

— Что ты это мне-ка, царицу, наделал?

— Как вы меня губили, так же и я вас. Не страшись царь, я не вольный человек, это служба моя такая.

Стал клубок свивать, стали люди ставать. До думных бояр дошло. Царевна ножницы подала и прядь отрезала. Все люди восстали, а думные бояра пропали. С той поры стали жить да быть, и теперь живут, да и нас переживут.

7. Про Арапулку

Был-жил царь с царицей. У царя и царицы была дочь Елена и три сына. Жили-пожили. Пошла Елена в сад гулять с няньками. Погуляли тамotka, вот она и говорит нянькам:

— Вы, посидите, а я пойду погуляю.

Пошла она к яблоне, и вот прилетел Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович, Семигородович, взял ей и утащил. И потом забегали няньки, тревогу сделали. Видели, что поднялся, а не знают где-ка, ведь уж на небо не пойдешь!

Ну вот, этот царь сделал сыновьям стрелки, те просили стрелять, где жениться будут. Старшой выстрелил бабушке-задворенке в окно, она его ругать:

— Такой ты, эдакой, а еще царской сын! У тебя, — говорит, — сестру-то унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович, и ты туды хочешь попасть?

Вот он пришел к отцу и матери, рассказал все, попросил напечь ему в дорогу и отпустить его искать сестру, ее унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович.

Перва-то родители не хотели отпускать, а потом дали благословение. Ну и дали ему коня: поезжай, говорят, Михайлушко!

Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли. Едет и сам не знает куда, все едет да едет. И вдруг видит — стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке.

¹ Т. е. обеспечили.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротамы!

Избушка повернулась к лесу глазами, а к нему воротамы. Зашел в избушку, [там] сидит старушка: нос на опилки, глаза на полилки, губами горшки волочит, а языком печь пашет:

— Фу, фу, — говорит, — русской дух, русским духом пахнет, давно я его не слыхала. Хороший, — говорит, — кусок мяса пришел ко мне!

— Нет, — говорит, — бабушка, ты кусочком не лакомясь. Сперва дорожного человека напой, накорми, в бане вымой, а потом и лакомясь.

Бабушка захлопотала, баенку затопила, обед наварила. Намылся, напарился он, напился, накушался и спать повалился. Со сна пробудился, она стала его выпрашивать и выведывать:

— Чей ты такой да откуда?

— А я, — говорит, — царский сын, иду сестру искать. У меня ее унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович.

— Много, — говорит, — дитятко, туда ходцов, а мало выходцов. Далеко он от меня живет, у меня сестра там дальше есть, бат она чего-нибудь знает, — говорит. — Царского коня оставь здесь, я буду за им ухаживать. А на тебе, вот, клубочек, он будет тебе дорожку указывать. Куда клубочек покатится, туда и иди. Придешь к моей сестры.

Ну и вот, он с ней распростился да в путь-дорогу пустился. Клубочек катится, а он за им идет. Катилсе, катилсе, прикатилсе — опять избушка на курьей ножке, на петушьей головке. Он и говорит:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротамы!

Избушка повернулась к лесу глазами, к ему воротамы. Зашел он в избушку, там сидит старушка, баба-яга, костяная нога: нос на опилки, глаза на полилки, губами горшки волочит, а языком печь пашет. Говорит:

— Фу, фу, русский дух, русским духом пахнет, давно я его не слыхала. Вот, — говорит, — кусочек жирный пришел ко мне!

— Ты, — говорит, — бабушка, хвались, да кусочком не подавись. А сперва с дороги напой, накорми да спать уложи, а потом хвалиться будешь.

Она опять нацала на печи хлопотать, варить да жарить, да баенку натопила, намыла, накормила да спать уложила. Тогда и стала вести выпрашивать. Он и отвечает:

— А я царской сын, иду сестру искать, у меня ее унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович.

— Я, — говорит, — слышала, как он мимо меня летал, но далеко он живет. А вот ищю есть у меня сестра младша, та лучше знает. Я тебе, — говорит, — дам яйцё, ты его на дорожку спусти, куды оно покатится, туды и ты иди.

Вот он опять пошел, шел, шел. Опять же стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке. Он и говорит:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазамы, ко мне воротамы!

Избушка повернулась к лесу глазамы, а к нему воротамы. Зашел в избушку, там сидит старушка: нос на опилки, глаза на полочки, губами горшки волочит, а языком пець пашет. Она и говорит:

— Фу, фу, русекый дух пришел, русским духом пахнет. Хороший кусок мяса ко мне пришел!

— Ты, бабушка, кусочком не лакомясь. Сперва дорожного человека напой, накорми, в бане вымой, а потом и лакомясь.

Бабушка захлопотала, банку затопила, обед наварила. Намылся он, напарился, накушался, напился и спать повалился. Со сна пробудился, она стала его выпрашивать и выведывать:

— Цей ты такой да откуда?

— А я, — говорит, — царский сын, иду сестру искать. У меня ее унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович.

— Много туда ходцов, да мало выходцов. Я, — говорит, — слышала и видела, как он мимо летел, низко гремел. Дам я тебе колецко, оно прикатится ко самому крылецку, там твоя сестра и живет.

Пошел царской сын дальше за колецком, прикатилось оно прямо ко крылецку. Он постучал в дверь, вышла красная девица, царевна Елена.

— Ой, ты, — говорит, — родимой брателко, куды ж тебя господь принес? Сюды-то пришел, а отсюда-то не уйдешь.

Ета сестра брата в избу впустила, накормила, напоила, поплакала, поревела и поставила его в запечок. (Больше никуда не ухоронить).

— Вот, — говорит, — прилетит скоро Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович.

Вдруг летит Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович. Шум один стоит, дверями не ходит, а угол приздынул, да в избу залетел.

— Ой, — говорит, — жена мила, тут у тебя русский дух!

— Нет, — говорит, — муженек, ты по Руси налетался да русского духа нахватался, тем тебе и пахнет.

Она тут стол накрыла.

— Неси, — говорит он, — жена, хлеба побольше.

Она нанесла.

— А кто есть, — говорит, — выходи, его не таи.

Ну и вышел царевич.

— Здорово, зять!

— Здорово, шурин!

— Садись, — говорит, — зять, с дороги кушать хочешь. (Сестра-то накормила, уж много не съест).

Вот етот Ворон Воронович стал хлеб уплетать: один за щеку, второй за щеку, третий за щеку, четвертым подпирает, а царевич одного кусочка не сможет съесть.

— Поди, — говорит, — жена, натопи байну, с дороги нать гостя умыть, и я заодно попарюсь, налетаюсь, устал. Пойдешь, — говорит, — в байну, два прута железных нажги.

Сестра ходит, топит байну, плачет, знат, што уж брату больше живому не быть.

— Ну, муж-кормилец, байна готова, подьте, парьтесь.

Пошел зять с шурином в байну.

— Поди, — говорит, — шурин, на полки.

— Нет, — [царевич] говорит, — я пару не люблю, я не парюсь, ты поди сам.

— А здесь, — говорит тот, — не отговариваются, коли посылают.

Схватил шурина, засвистнул его на полки и нацал прутом железным бить. Бил, бил, насмерть убил, все костье раскрошил. Пришел в избу и говорит:

— Поди, жена, собери у брата косточки.

Та пошла, заплакала, косточки в мешоцек собрала да прибрала, да брат тут остался.

Прошел год. А етот царь с царицей ждали, ждали сына и дожждаться не могли. Второй сын, Иван, просит сделать стрелочку. Сделал ему отец стрелочку, выстрелил он, попала стрелочка опять бабушке-задворенке в окно, она давай его ругать:

— Такой ты вдакой, а еще царской сын! У тебя, — говорит, — сестру-то унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович, и ты туды хочешь попасть?

Пришел сын к отцу и к матери, рассказал все, што ему сказала бабушка-задворенка, попросил снарядить его в дорогу и отпустить его искать сестру.

Родители-то не хотели отпускать, а потом дали благословение, дали коня, и отправился Иванушко. Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, едет и сам не знает куда. Вдруг подъехал к избушке на курьей ножке, на петушьей головке и говорит:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазамы, ко мне воротамы!

Избушка повернулась к лесу глазамы, к нему воротамы. Зашел в избушку, сидит старушка: нос на опидки, глаза на полочки, губами горшки волочит, а языком печь пашет. И говорит:

— Фу, фу, русский дух пришел, русским духом пахнет. Хороший кусоцек мяса пришел ко мне!

— Нет, бабушка, ты кусоцком не лакомься. Сперва дорожного человека напой, накорми, в байне вымой, а потом и лакомься.

Бабушка захлопотала, байнку затопила, обед наварила. Намылся, напарился он, накушался, напился и спать повалялся.

Пробудился он со сна, она стала его выпрашивать, цей он да откуда.

— Я царской сын, иду сестру искать. У нас ее унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович. Старший брат ушел, не вернулся.

— Много, — говорит, — дитятко, туда ходцов, да мало выходцов. И брат твой был у меня. Далеко он от меня живет, у меня сестра там дальше есть, бат она чего-нибудь знат. Царского коня, — говорит, — оставь здесь, я буду за им ухаживать. А вот дам я тебе клубоцек, куда он покатится, туда ты и иди. Придешь к моей сестры.

Он с ней распростился и в путь-дорогу пустился. Клубоцек катится, а он за им идет: Катилсе, катилсе, прикатилсе к избушке на курьей ножке, на петушьей головке. Он и говорит:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазамы, а ко мне воротамы!

Избушка повернулась к лесу глазамы, а к нему воротамы. Зашел он в избушку, а там сидит старушка, баба-яга, костяная нога: нос на опицки, глаз на полицки, губами горшки волочит, а языком печь пашет:

— Фу, фу, русским духом пахнет, давно я его не слыхала. Вот полакомлюсь жирным кусоцком!

— Ты, бабушка, сперва дорожного человека напой, накорми, в байне вымой, а потом уж лакомься.

Захлопотала тут бабушка, стала варить, жарить да байну топить. Намыла гостя, накормила, напоила и стала выпрашивать, цей он да откуда.

— Я, — говорит, — царской сын, иду сестру искать, ее унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович.

— Много, дитятко, туда ходцов, да мало выходцов. Слышала я, как он мимо меня летал, далеко он живет. Есть ище у меня младша сестра, та лучше знат. А дам я тебе, — говорит, — яйцё, ты его на дороге спусти, куды оно покатится, туда ты и иди.

Вот он опеть пошел, шел, шел, видит — стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке. Он и говорит:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазамы, ко мне воротамы!

Избушка повернулась, он зашел туда, видит — сидит старушка, баба-яга, костяная нога: нос на опицки, глаза на полицки, губами горшки волочит, а языком печь пашет. И говорит:

— Фу, фу, русский дух пришел, давно я его не слыхала, давно не едала.

— Ты, бабушка, кусоцком не лакомься, накорми, напой дорожного человека, в байне вымой.

Захлопотала бабушка, накормила его, напоила, а потом уж стала выпрашивать, цей да откуда.

— Я царской сын, иду сестру искать, ее унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович.

— Много туда ходцов, да мало выходцов. Я, — говорит, — слышала, как он мимо летел, низко гремел. Дам я тебе колецко, оно укажет тебе дорогу к сестры.

Пошел царской сын за колецком. Катилось оно, катилось и прикатилось к самому крылецку. Вышла тут красная девица, царевна Елена.

— Ой ты, родимой брателко, куды ж тебя господь принес? Старшего-то брата костоцки в байне в мешоцке лежат, и твои там будут.

Впустила она его в избу, кормить не стала, думат, больше потом съест. Спрятала она его в запеок. Прилетает Ворон Воронович, не в дверь летит, а угол приподнял и прямо в избу.

— Ой, — говорит, — жена, тут у тебя русским духом пахнет.

— Нет, — говорит, — муженек, ето ты по Руси налетался, русского духу набрался, вот и пахнет.

Накрыла она стол, нанесла еды побольше, хлеба.

— А кто есть, выходи, не таись.

Вышел царевич.

— Здорово, зять!

— Здорово, шурин!

— Садись, — говорит, — брат, с дороги кушать.

Стали они есть. Етот брат два хлеба съел, а Ворон Воронович шесть хлебов съел. Отправил Ворон Воронович жену байну топить, велел два прута железных накалить. Сестра ходит, топит байну, плачет, — брату уж больше не жить. Изготовила она байну и говорит мужу:

— Ну, муж-кормилец, байна готова, подьте, парьтесь.

Пошли зять с шурином в байну. Зять и говорит:

— Поди, шурин, на полки!

— А я, — говорит, — пару не люблю, не парюсь.

— Здесь не отговариваются, коли посылают.

Схватил шурина, засвистнул его на полки и нацал прutom железным бить. Бил, бил, насмерть убил, все костьё раскрошил. Пришел в избу и велел жене собрать костоцки брата в мешоцек. Та пошла, заплакала, костоцки в мешоцек собрала, все прибрала, тут брат и остался.

Прошел еще год. Третий брат был низенькой, толстенькой, звать Арапулкой. Просит он сделать ему стрелочку. Сделал ему отец стрелочку. Он пошел стрелять и говорит:

— Если к девке стрелю в окошечко, дак на ней женюсь, а если к бабушке-задворенке спущу в окошечко, в путь-дорогу снаряжусь.

Стрелил он бабушке-задворенке в окно, а та опять на него заругалась:

— Такой-сякой, а еще царской сын. Сестру-то твою унес Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович, братьев твоих погубил, и ты туды же хочешь?

Пришел сын к отцу, к матери, попросил напечь себе подорожников, благословить в путь-дорогу. Царь с царицей поплакали, погоревали, никак его не отпускали, да не могли уговорить. Царь говорит:

— Всю семью мою разорил, не видать мне больше из детей никого!

Дали ему коня, сел он на него и поехал. Отец видел, как садился, а не видел, как скрылся.

Опять едет Арапулко, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, встречается ему избушка на курьей ножке, на петушьей головке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазамы, а ко мне воротамы!

Повернулась избушка, зашел он туды, видит — сидит старушка, баба-яга, костяная нога: нос на опилки, глаза на полочки, губами горшки волочит, языком пець пашет. И говорит старушка:

— Фу, фу, — говорит, — третий год, да третий человек идет. Много туды было ходцов, да мало оттуда выходцов. Знаю я, куда, — говорит, — идете. (Уж и не спрашивает его, и съесть не собирается). Много у царя детей было, а все по одной дорожке идете.

Накормила она его, напоила, стал он в путь собираться. Она говорит:

— Очень не тужи, может и жив останессе, а только, — говорит, — у моей младшей сестры послужи. Я, — говорит, — сижу далеко, в отдаленности, а она больше всех знает. Я тебе клубоцек дам, а ты коня береги, никому не отдавай, поежай на коне только за клубоцком.

Катится клубоцек, катится, а он за им едет. Прикатилсе к избушке на курьей ножке, на петушьей головке. Он и говорит:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазамы, ко мне воротамы!

Вошел он в избушку, а там сидит така же старушка:

— Фу, фу, — говорит, — русской дух, третий год и третий молодец идет, все царски сыновья в путь-дорогу идут, а сами не знают, куда идут и как оттуда выйти. Ну ладно, — говорит, — не тужи, я тебе немножко помогу. Теперь я тебе дам вицу, ты эту вицу никому не отдавай, а все в карман пихай. Будет беда, — говорит, — тебе, так ты махни етой вицой на праву руку, а пока беды нет, держи в кармане, ей не шевель.

Опять дала ему и яйце. Ехал он, ехал, прикатилось яйце к избушке на курьей ножке, на петушьей головке. Говорит он:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазамы, а ко мне воротамы!

Избушка повернулась, зашел он туды, там сидит старуха: нос на опизки, глаза на полицки, губами горшки волочит, языком пець пашет.

— Фу, фу, — говорит, — опеть русской дух, все идут царевици в одну куцу. Ладно, — говорит, — царица, я тебе помогу.

В байне помыла, напоила, накормила и спать уложила.

— Отдохни, — говорит, — а я тебя в путь-дорогу направляю.

Она дала ему бутылочку и сказала:

— Ету бутылочку, — говорит, — сложи в корман и никуда ей не бросай и не девай, а как пойдешь кушать, ету жидкость выпей всю. А коня, — говорит, — оставь, ведь его там съест Ворон Воронович.

Дала она ему колецо. Покатилось колецо, а он за им едет. Прикатилось колецо прямо к сестрину крылецку. Вышла она его встречать:

— Ой ты, брателко, ты голубушка, куды ты, — говорит, — идешь. Все братья здесь костоцки в мешке оставили, и ты оставишь.

Провела она его в избу:

— Лежи, — говорит, — под кроватью, пока не прилетел Ворон Воронович.

Вдруг летит, как гром гремит, влетел в избу через угол:

— Фу, фу, — говорит, — третий год, третий гость. Выходи, а то худо будет! Я, — говорит, — сильно исть хоцу, хлеба больше неси. Выходи, нечо ухораниваться.

Вышел Арапулко, выпил он из бутылки. Сели исть. Зять один, второй хлеб, третий, четвертый, пятый, шестой хлеб за шпоку, седьмым подпихивает.

— А ты, — говорит он шурина, — чего не ешь?

— А я, — говорит, — успею наистись.

Один, второй, третий, четвертый, глядь уж девятым подпихивает. А тот уж поглядывает на него:

— Поди, — говорит, — жена, натопи байну да накали три железных прута дбсиня.

Пошла сестра, плачет, плачет, — последнего брата погубит.

Истопила она байну, пошли зять с шурином. Заходят в байну. Зять и говорит:

— Поди-ко ты париться.

— А я, — говорит, — не люблю пару, поди-ка ты сам.

Зять хотел шурина схватить, да от полу не мог оторвать. Опять спорят. Зять не может оторвать его. Схватил Арапулко зятя, бросил на полки, вицу выхватил и голову срубил. Приходит и говорит сестре:

— Поди, — говорит, — сестрица, собери костоцки мужа, никуда не убирай, а прямо в землю пихай, да поглубже туды.

Та и рада-радешенька. Запихали в землю, што и ворона духу не слышать. А ети косточки брата взяли, поплакали. Вдруг ей на плечо ворон сел. Она и говорит ему:

— Ворон, ворон, слетай-ко, где мертво и живое озеро, я тебе дам два пузырька, принеси мне-ка мертвой и живой воды.

Слетал ворон, принес етой воды. Мертвой водой сбрызнули — косточки собрались в куцу, а живой водой сбрызнули — братья живы стали. Сестра пошла и говорит:

— У нас есть еще терем и конюшна.

Взяла терем в яйцѣ, а конюшну в кольцо, собрались и пошли путем-дорогою. Пришли к етой бабушке, ее поблагодарили, заплатили, взяли коня и пошли. Так они дошли до второй и до первой бабушки. Приехали домой, а царь с царицею уж совсем остарели, ослепли, — так плакали по ним, што стали слепы. Они плачут, што не могут видеть своих детей. А сестра-то захватила с собой мертвую и живую воду. Помазали они им глаза, и [те] очунились. Тут они обрадовались. Сестра взамуж вышла, братья женились. Царь с царицей померли по старости, а те еще живут и нас переживут.

Вот и сказка вся, белоглазка вся, больше сказывать нельзя. Щука да елец, да и сказке конец.

8. Анекдот-загадка

Один мужик брал каждый день шесть буханок хлеба, а сосед дивуется:

— Куда столько нужно, неужели съедаетшь?

— А так мне и нужно. Одну сам ем, две — долг плачу, а две взаймы отдаю, а одну выкидываю.

(Долг — родителям, взаймы — детям, выкидываю — теще даю).

9. Петушок да курочка

Были-жили петушок да курка. Прибежали попу под окошко клевать, петушок задавился. Побежала курка к реки:

— Река, река, дай воды петушка обкатить, петушок задавился!

А река говорит:

— Поди к липке, проси листье!

Побежала курка к липке:

— Липка, липка, дай листье, листье снесу к реки, река дает воды петушка обкатить!

А липка говорит:

— Поди к нительнице, проси нитки!

Она и прибежала:

— Нитьелница, нитьелница, дай нитки, я нитки снесу липке, липка дает листье, листье снесу реки, река дает воды петушка обкатить, петушок задавился!

А та послала к калачнице:

— Поди к калачнице, проси калача!

Побежала курка к калачнице:

— Калачница, калачница, дай калача, я снесу нитьелнице, нитьелница дает нитки, нитки снесу липке, липка дает листье, листье снесу реки, река дает воды петушка обкатить, петушок задавился!

Калачница послала к коровнице:

— Поди к коровнице, попроси молочка!

Побежала курка к коровнице:

— Коровница, коровница, дай молочка, молочко снесу калачнице, калачница дает калачика, калачик снесу нитьелнице, нитьелница дает нитки, нитки снесу липке, липка дает листье, листье снесу реки, река дает воды петушка обкатить, петушок задавился!

Коровница послала к сенокосьцам:

— Поди к сенокосьцам, попроси травки!

Побежала курка к сенокосьцам:

— Сенокосьцы, сенокосьцы, дайте травки, травку снесу коровнице, коровница дает молочка, молочко снесу калачнице, калачница дает калачика, калачик снесу нитьелнице, нитьелница дает нитки, нитки снесу липке, липка дает листье, листье снесу реки, река дает воды петушка обкатить, петушок задавился!

А сенокосьцы послали к кузнецам за косой:

— Поди, проси косу!

Побежала курка к кузнецам:

— Кузнецы, кузнецы, скуйте косу, косу снесу сенокосьцам, сенокосьцы дают травки, травку снесу коровнице, коровница дает молочка, молочко снесу нитьелнице, она дает нитки, нитки снесу липке, липка дает листье, листье снесу реки, река дает воды петушка обкатить, петушок задавился!

А кузнецы послали к угольникам:

— Поди, проси уголье!

Побежала курка к угольникам:

— Угольники, угольники, дайте уголье, уголье снесу кузнецам, кузнецы дают косу, косу снесу сенокосьцам, сенокосьцы дают травки, травку снесу коровнице, коровница дает молочка, молочко снесу калачнице, калачница дает калачика, калачик снесу нитьелнице, нитьелница дает нитки, нитки снесу липке, липка дает листье, листье снесу реки, река дает воды петушка обкатить, петушок задавился!

А угольники послали к дровникам:

— Поди, проси дров!

Побежала курка к дровникам:

— Дровники, дровники, дайте дров, дрова стащу к угольникам, угольники дают уголье, уголье снесу кузнецам, кузнецы дают косу, косу снесу сенокосьцам, сенокосьцы дают травки, травку снесу коровнице, коровница дает молочка, молочко снесу калачнице, калачница дает калачика, калачик снесу нительнице, нительница дает нитки, нитки снесу липке, липка дает листьё, листьё снесу реки, река дает воды петушка обкатить, петушок задавился!

Дровники и дали ей дров. Она схватила дрова, побежала к угольникам, угольники дали ей уголье, она снесла уголье кузнецам, кузнецы дали ей косу, она снесла косу сенокосьцам, сенокосьцы дали ей травки, травку снесла коровнице, коровница дала молочка, молочко снесла калачнице, калачница дала калачика, калачик снесла нительнице, нительница дала нитки, нитки снесла липке, липка дала листьё, листьё снесла реки, река дала воды петушка обкатить.

Она взяла воды, прибежала к петушку, а петушок лежит мертвый.

Она петушка обкатила, петушок вскочил и запел:

— Ку-ка-ре-ку!

10. О разбойниках

Жили поп да попадьё. У попа да попадьё были сын да доць. Доць-то взрослая, а сын-то маленькой. Вот поп с попадьёй поехали в одну деревню, тамотко службу служить — праздник-то был большой, годовой. (Раньше у нас попы по деревням ездили).

Ну вот, а эта девушка белье выстирала и ушла на реку полоскать. Вдруг из-за реки бредет мужчина:

— Здравствуй, сестрица, — говорит.

— Кака я тебе сестрица?

— Я тебе брат, только далеко от тебя живу. Приходи нонче к нам на вечер, — говорит, — у нас пляска будет.

— А как, — говорит, — я вас найду?

— Я, — говорит, — тебе дорогу укажу. Перебредешь реку, пойди туда — там будет две дороги: на одной горох, а на другой стружка. Дак поди, — говорит, — по гороху.

¹ Ну, пошла по гороху. Пришла, ее там стретили.¹ Парня на пецку посадила, а сама плясать пошла. Плясали, плясали, а мальчик сидел, сидел и говорит:

— Сестрица, сестрица, поди, сведи меня во двор!

А там и говорит ей:

¹⁻¹ В записи 1962 г. от нее же: «Ну вот, она немножко побывала тут, все приобрядила окол речки и пошла с братом, — брат небольшой был, куды тут оставишь. А с собой взяла ножницы, клала под пазуху. Вот приходит туды, там уж вовсю танцуют, играют».

— ²Пойдем домой, у мужиков таки зубы светлые, я, — говорит, — боюсь их.²

Она не послушала, опять его на печь посадила. Он посидел, посидел, опять на двор запросился. А они стали догадываться, что тако? Что часто ходит? У попа рукава широки раньше носили, и у дочери тоже. Вот они взяли рукав в притвор закрепили и говорят:

— Иди, да далеко-то не ходи, — говорят, — девка!

Вот она побежала. А там коромысло из угла в угол скачет, ее за рукав схватило.³ Она рукав отрезала, коромысло перевязала и бежать.³ А за ней собака кинулась. Она взяла из ноги мясо вырезала да собаки и кинула. Собака и отстала. Бежала, бежала, реку перебрела, вдруг видит: бежит! Ну, она к дому подбежала — двери на замок.

Пришла, устала. Села чай пить. Самоварчик скипятила, села чай пить, а брата спать положила.

Выпила чашечку за свое здорovie, вдруг слышит:

— Выпей-ка, девица, за мое здорovieчко!

Втору зачала пить: выпью за папино здорovie. А голос:

— Выпей-ка, девица, за мое здорovie!

Налила третью: выпью за мамино. А голос снова:

— Выпей-ка, девица, за мое здорovie! (Там всё, за окном).

— Выпью-ка и за братнино здорovie.

— А выпей-ка, девица, за мое!

И думает: кто там за окном-то кричит? Надо выпить за него.

И как выпила за него чашечку, так он раму заотдирал и пополз.

— Показывай, — говорит, — деньги. У тебя отец поп, дак денег много, показывай, где у вас деньги!

— У нас деньги в подполье там, в погребу.

Вот люк открыла, там лестница: вот, говорит, спускайся! Он спустился, она люк закрыла, камнем надавила, да к суседам убежала. Суседы пришли с пищалям, да со всем. Он, когда из подполья пошел, говорит:

— Я тебе, девица, это припомню!

А не припомнил, так и убежал. Тут его и поймали — пристрелили.

Сказка вся, больше.

(Ребятам раньше эти рассказывали. До того дорассказываешь, что боишься в уборную выйти. Всяки ведь раньше сказывали. У нас в Пялицы и сейчас еще баба жива, ей цорт-то унес).

²⁻² В записи 1962 г. от нее же: «А брат и говорит: „Пойдем, сестрица, домой, у мужиков зубы как у ертиков — светлы“. А она: „Что ты, не вижу никаких зубов!“. Ну и обратно зашла».

³⁻³ В записи 1962 г. от нее же: «Вот она взяла ножницы и рукав отрезала, а сама побежала к дверям, а коромысло ее не спускат. А она выплела ленту из косы, коромысло перевязала и в угол поставила».

11. Сестра-подпольница

Жили мужик и жонка. И детей у их много-много было. А она опять сразу двоих принесла. А мужику уже деток не нать — кормить нечем. Да еще девки. А он девок не любил. Вот она и говорит мужику своему:

— Поди, мужик, у меня ребенка брать.

А сама тихо и спроговорила:

— Хоть бы одну-то подпольник взял.

И только сказала, глядь — одной девки нет нигде, как не бывало! Ну, ладно, она и мужику ничего не сказала.

Прошло лет много. Девка ета¹ выросла. Уже лет семнадцать стала. Вот праздник там пришел, отец с маткой поехали в соседнюю деревню. Ну, там, может, двадцать-тридцать верст, либо, может, пятьдесят, — неизвестно. А девка ета сидит у окна в избы, в пятах шьет. Шьет она, шьет, как тут подполье открылось в подпечи (из-под русской печи), и девка друга оттуда вышла.

— Здравствуй, — говорит, — девица, слушай, што я тебе скажу. Принесла нас с тобой матка в один день, мы с тобою сестры-однобрюшницы. Побоялась мать мужика своего, што деток много, а тут враз двое, да еще девки. Позвала мужика к себе, а сама говорит, што хошь бы одну подпольник взял. Ну вот, ты и выросла на белом свете у отца-матери, а я у подпольника. Да недолго уж жить мне в етом подпольи, сегодня взамуж похожу, уйду в друго подполье. Ты, сестра, погляди на свадьбу мою. Открой подполье вечером и гляди. Свадьбу ту и увидишь. Не бойся, тебя не тронут, нищо тебе не сделают. Только дальше чем за пояс не затягивайся и гляди до двенадцати часов. Как зайдет за полночь, так тогды не гляди. А утром поди спустишь в подполье, увидишь там ящичок, там полушало, фартук возьмешь, — гостинец тебе.

Сказала — и как нет девки, пропала. Ну, ладно. Сестра та дождалась вечера. Сделала все, как та сестра велела. Открыла подполье, стала глядеть. Сперва темно ей показалось, а потом как загорит, загорит, загорит свет! И люди-то идуть, едут! Полна изба. И невёсту-ту ведут. Мужик такой с ей видной — жених. Свадьбу играют. Глядела, глядела та сестра. А тогды стало двенадцать часов, так все снова темно стало. Ничего не стало. Сестра-то закрыла подполье и ну реветь, ну плакать. А утром говорит брату-ту (был у ей еще меньшей брателко, годков пяти):

— Спустимся в подполье, там мне чего-то поглядеть нать.

Ну, спустились они. Все так и есть, как та девка сказала. Открыла сестра ящичок, взяла фартук, полушало хорошие. Ну, ладно, отец с матерью воротились с гостей.

— Чего, — спрашивают, — дочка, плачешь?

А брателко меньшей говорит:

¹ Т. е. оставшаяся у родителей.

— А не знаю, чего ревет и ревет, уж два дня. Все заливается. Нагрела девка-та самовар, подала отцу-матери кушать и говорит:

— А послушайте, чего я скажу вам. Простись, матушка, у отца, поклонись ему в ноги, проси, щоб простил.

А matka и говорит:

— Я вины перед им не имею.

— Нет, — говорит дочка, — имеешь. Когда принесла меня, сколько было девок? Одна либо две?

И тут рассказала все, што показалась ей сестра и што говорила, как свадьба у ей была. Полушалок, фартук показала. Ну, тут жонка-та и повинилась перед мужиком, поклонилась ему в ноги. А втора та сестра боле не показалась. Вот и была вся.

12. Проклятая жена

В деревне это было. Как родители велели сыну жениться, а у него была друга дряля. Он по ихнему веленью взял да и женился. Надь ведь зимой жениться, раньше-то, с крещенья.

Вот они зиму прожили, стали яголь копать для оленей. Жону не любил дак, оставил ее в лесу:

— Посиди здесь у багажа, пока я яголь ищу.

Ну и вот, сам ушел и говорит:

— Чтоб ее лешой-то увел!

Вдруг к ей приходит ее муж Иван и говорит:

— Пойдем, я яголь нашел. Багаж-то оставь!

Вот она пошла с им, а потом видит, что дело неладно. А тот пришел, жоны нету тут. Вернулся домой. Поискали, поискали, нигде найти не могли. Так на другой и женился, которая любя была.

А она все у цорта жила это время. А был сенокос, а молоды косили, зарод сложили, легли спать. А цорт пришел, вихорем прикинулся, зарод весь разметал. Ну и вот, пришел домой, говорит:

— Твой муж зарод сметал, а я роскидал.

— А где он?

— А здесь недалеко с молодой жонкой косит.

— Покажи мне!

Он ей принес на гору и спрашивает:

— Видишь?

А она говорит:

— Плохо вижу, спусти меня пониже.

А он говорит:

— Я пониже не могу, там трава чертополох, я ее боюсь.

— Немного-то пониже меня, — говорит, — спусти.

Ну, он ее спустил пониже. Он от ей отвернулся, она возьмет да в траву сбежит. Он ей взять не мог, а платье все сорвал с плеч. Она осталась нагушком. Вот и поползла к им. Говорит:

— Не бойтесь меня. Я, Иван, твоя жона, только оденьте меня, я нага.

А он говорит:

— Мне-ка тебя не нать, у меня друга жона.

А она говорит:

— Я вас не розведу, только оденьте меня.

Жона сняла юбку нижнюю, а он дал пинжак, она и пошла в деревню, и ушла в монастырь жить.

— Я, — говорит, — вас не розведу!

(У нас ведь в монастырь уходили навек).

13. Проклятый сын

Ну, были мужчина да женщина. У их был один сын. Этот сын все рос. А отец все пьяница был, все проклинал, на прокляту брал. И сын заболел и помер. Не летом, — лежал, лежал, и так его похоронили.

И вот жили, жили, и вдруг приехали поморы из Княжой (на Мурманской берег ехали) и спрашивают:

— Сколько у тебя детей?

— А никого нет. Один сын был и тот помер.

— Нет, — говорят, — он у тебя живой.

— Как живой, — говорит, — как в земли похоронен?

— А сходи выкопай, — говорят, — ты ведь не сына хоронил, а чурку!

Ну, старик убедился — чурка и есть. Ну, поморы и сказали, как найти [сына]. Стали его отворачивать. Сиди, говорят, под средней матицей, — придет. Только, говорят, не спи, а схвати левой рукой наотмашь.

Ну вот, отец сидел, сидел всю ночь у стола, под матицей. А жена все знала и взяла сон навела на него. Жена слышит, а он ничего не слышит.

Так парень колотилсе, колотилсе, и как ему молился, коналсе, и ушел — заревел.

Ту ночь так и проспал. Ночь прошла. Приходит тот помор и спрашивает:

— Ну как, был ли?

— Жена говорит, что был, а я, — говорит, — проспал.

— Ну ладно, проспал, — говорит, — дак теперь эту ночь сиди.

Ну, сидит. А он к избы к дверям пришел и заколотился:

— Татушка, голубушка, спусти меня!

Отец опять заспал, никак не спускает.

Ну, он так хлопнул дверь, что все задрожало. Опять пошел — заревел.

Ну и помор опять зашел, спросил.

— Я, — говорит, — не слышал, а жена говорит, что грохнуло.

— Ну, — говорит, — еще третий раз приведу к тебе в избу и

доведу до средней матицы, тут и поставлю: только левой рукой наотмашь возьми, — говорит.

Ну, а как только нать было придти — он опять заспал. И как парень не коналсе ему, никак отец взять не мог.

И ушел он. И так дверями хлопнул, что все задрожало. Так и ушел. И уехал на Каменный остров (Каменный нос), поступил в монастырь.

Вот из деревни все люди ездят, его видят, а отец ездил — он ему не показался. Цорт губу вырвал у его.

14. Леший-кум

У нас будто в Цаваньге было, давно.

Раньше ведь в деревне были мешочны зыбки: луцки загнут, мешочек вошьют, да и робенка повалят.

Сенокос пришел, робенка оставить не с кем было. Пошли и робенка с собой взяли, а сенокос-то близко был, полтора километра, прислоны называются. А теперь поля разведёны там. Привязали к лесины, сами косить стали. Заревет — так мать пососит да покацает, и опять косят.

Вот до вечера докосили, она и говорит мужику:

— Я пойду за коровами (они в лесу были), а ты у меня робенка не забудь, неси, — говорит.

Ну, а мужик покосил, покосил. Робенок спит. Он и позабыл его в лесе, и оставил у лесинки. Прибежала жонка с коровами.

— Где робенок?

— Ой, забыл!

Она и побежала. Так бежала, что гора перва, потом мох, потом осота (которой косили). Видит: человек сидит, зыбку кацает. Так зыбку кацает — во все стороны ходит. Она и забоялась пойти. И говорит:

— Если дедушко кацаешь, будь мне-ка отец родной, а если бабушка кацаешь, дак будь мамушка мне!

А он все кацает, приговаривает:

— Мать тебя оставила, отец позабыл!

А она все стоит, он не отвечает ей ницего.

— А если, — говорит, — в средних годах мужицок, дак будь мне-ка брателко, а если молода женщина, будь мне молодица.

А он все кацает, приговаривает.

— А если, — говорит, — молода девица, будь мне-ка сестрица, а молодой молодец, будь мне-ка куманек!

Он говорит:

— Поди, возьми. А, куму нажил! Ха-ха-ха, куму нажил!

Она взяла робенка.

И с той поры у ей коровы никогда в лесе не спали. Как вечер заприходит, он всё гонял [их] домой:

— Кумины коровы, подьте домой!

Коровы скажут домой, хвоста заворотят! Кто идет в сенокос, так слышит:

— Кумины коровы, подьте домой!

Это у нас в деревне будто было, в Цаваньге, там поля-то матери были.

(Раньше-то верили: потому и «водило». А теперь ни во что не верят. И не «водит»).

15. Как старуха бабила

Старушка до старости дожила, а ни у кого не бабила, все хотелось бабить дак. Пошла в лес за грибам (иль за морошкой, иль за чем), увидала лягуху: лёжит на дороге лягуха, да така толста!

— Ты, — [старуха] говорит, — принесешь, так возьми меня бабить, — посмеялась.

Вот бабушка спит, а ночью колотится в двери.

— Кто такой?

— А вот давалась бабить, так я и пришел звать.

Вот она встала и пошла с им. Привел. Ребенок родился, байна истоплена. В баню пошли.

А эта женщина говорит:

— Ты не мойся сама водой.

Пришли в байну: нету ни шайки, ни таза помыться. Он говорит:

— Сейчас притащу.

Притащил квашоночку. Она поглядела: квашоночка как будто ихна. Взяла, утор отломил. Ну опять, помылись — ей одеть нечего. А он говорит:

— Сейчас сбегаю принесу.

Она видит, что сарафан ее невестки. Вот она клинчик вырвала с сарафана, заметила. Мыться-то не стала. Только один глаз помыла водой-то в бане. Баба-то ей не давала мыться. Вот пришли домой. Он стал поить-кормить, спать валить. А жонка ей не велела спать (я, говорит, сама русьска):

— Если будешь спать, так перекрестись да молитву прочитай.

Она повалилась спать и молитву сотворила. Повалилась на перину, а очутилась на лесины, на вершины, у самой реки. Ехали рыбаки, она закричала:

— Снимите меня!

Они сняли.

— Откуль взялась?

Она говорит:

— Потом расскажу.

Потом рассказала. Домой пришла: квашонка та самая и есть, торчик отломлен. Сарафан посмотрела — клин вырван.

Ну и так живет до праздника. Никто ничего больше не знает.

Пришла в магазин покупать кой-чего, а цорт-от за прилавком конфеты ворует да пеценье. Она продавщицы и говорит:

— У тебя там мужчина ворует.

Продавщица говорит:

— Никто не ходит.

А цорт к ней подошел и спрашивает:

— Ты меня видишь?

— Вижу, — говорит.

— А каким глазом?

— Правым.

Он ей глаз выткнул. И стала старуха слепа.

16. О некрещеной девице

Жили мужчина с женщиной. У их было два сына. Одного девки любили, а другого не любили девки. Ну вот, он один раз повалился спать и говорит:

— Хоть бы кака некрещена меня полюбила!

Ну и стала эта девушка некрещена ходить каждую ночь к нему. Брат слышат с невесткой, что с кем-то он разговаривает.

— С кем это ты разговариваешь?

— Да кака-то девушка тут ко мне ходит.

— Что-то вы всё: она до двенадцати часов с тобой говорит, а с двенадцати ее и нет?

— А, — говорит, — надо сходить к бабке-знахарке, может она что и скажет?

Вот пришли к бабушке-знахарке, а бабушка и говорит:

— Если, — говорит, — крещеная, так припаси крест и пояс. И только до двенадцати часов на ней накинй. И если она крещеная, дак у тебя останется, ну а если некрещеная, дак не будет ей, уйдет.

Ну, он все приготовил. Она пришла, с им разговаривает, а он в это время накинул на ей крест и пояс. Она заревела, билась, билась, так нагой и осталась. И закричала, что-ка дайте мне-ка платье.

Ну, ата невестка прибежала, одела ей, этот женился на ей, она и осталась у его.

Ну, а потом она рассказывает:

— Я, — говорит — попа дочь была, и меня мать проклянула маленьку, и вот теперь двадцатый год идет, а она все возится с ребенком. Ну, поедом, — говорит, — теперь к ней нонче в гости!

И вот приехали, а мать полы моет. Ну, она запросилась на квартиру. Ну, мать не спускает, а поп ушел вечерню служить. Мать не спускает, говорит:

— Куда я вас на квартиру спущу, если у меня ребенок спокою не дает, день и ночь ревет, спокою нет!

— Ну, — говорит, — а ревет дак, я покачаю, а ты помоешь.

Ну, она там пол намывает, а та села качать. Кацала, кацала, а он ревет. Она его вытащила, да хрясь об пол.

Мать прибежала и кричит:

— Что ты наделала, что ты наделала!? Я двадцать лет во-жусь, да не выкинула, а ты...

— Да ты посмотри, — говорит, — с кем ты возилась! Ведь там полено, а я твоя-то доць. Вот, — говорит, — меня спас человек.

Вот отец со службы пришел из этой, из церкви, и вот она рас-сказала, как жила и как ходила:

— А все, — говорит, — я приходила, ее кацала и мутила, меня посылали мучить, чтоб она день и ночь редела, все дразнила, чтоб она редела. А я, — говорит, — ваша доць.

А она еще прибор-от с собой принесла. Золотой прибор. При-бор-то кинул отец, — к цорту, говорит, прибор, — цорту отдал, а цорт схватил да притащил домой.

— А я, — говорит. — прибор-от с собой забрала.

Тогда сказала, отец так и принял ее.

Вот тоже был, говорит, была.

17. Пропавшая девочка

Ну, это в Пялиде было у рыбаков, говорят дак. Вот сидел мальчик, кацал девушку (брат сестру), а отец с матерью на море уехали — семгу ловить.

В избе стемнело — не оказалось девушки в зыбке. Потом отец пришел — нет девушки. Стал искать — нигде девушки нет.

Ну, тут бабушка была одна, колдунья, к ей пошли отворачи-вать. Она сказала, что ее, верно, унесло из зыбки. Ну и научила отца, чтобы он шел на гору Цернавку; а она посажена, говорит, на пеньку. Он сел в карбас — три километра надо было ехать и три километра надо было пешком пройти.

Ну, оставил карбас, а сам побежал. А нужно было взять де-вушку левой рукой наотмашь и назад не смотреть, что там де-лается. И он взял левой рукой эту девку в охапку, и бежал, назад не оглядывался. Ну, взади в его бросали, кинали — он не обер-нулся, ницего. Только кинули в ногу, так нога болела три года, заживить ницем не мог. В карбас сел, дак карбас хотел опрокинуть [нечистый] (в море как тюлень выстанет на лапы, готов его схва-тить). А в Пялиде этих трех бань каменщи разворочал. А воду так взбушевал, что три дня нельзя было воду носить.

[Отец] притащил дочь через три порога, да благословил, да в зыбку склал. А он, [нечистый], только вскричал:

— Караул, да будет моя! Все равно, — говорит, — моя будет.

Так она и сидела до двадцати пяти годов — никто не решался замуж взять. А она и сейчас еще жива — все в Пялицы живет. Во, брехни-то!

18. Как девушку «водило»

Ну, а в Тетрино случай такой был, что вот из Архангельска девушку принесло, с гулянья.

Там гора Камарница. И вот пошли мужики и увидели эту девушку. И всяко имали, никак поймать не могли. Потом пошли бабы морошку брать. Она у каждой берет из корзины морошку да хлеб у их ест. Все ходила. Ну, а потом стали все-таки отворачивать, и ей не стало. Поимал ее один старицок и спрашивает:

— Ты откуда?

— А я, — говорит, — из Архангельска. Я пошла в круг, на пляску, а меня мать прокленула: веди, говорит, тебя лешой, да больше и назад не приводи! Ну и вот, — говорит, — я из круга потерялась, и теперь сама не знаю, где хожу.

Ну и вот, к этому старику в руки далась, и ее, эту девушку, обратно в Архангельск не отправили, она осталась у старика.

19. Про колдунью

У нас тоже в Цаваньге одна была — коров угоняла. Ходят, ищут, ищут — чисто место, а коровы не находят.

Вот на таком мести, — у меня, у племянницы, — вот тако место гладко, и корова ходила.

Так кругом все ходят, ищут и коровы не видят. Дак она до того ошалела, корова, — в деревню пригнали, дак ей всема силами имали. Поимали за рог, дак у ей рог выгнулся даже.

А после пришли к етому камню, [корову] нашли. У етого камня вся земля выбита...

Ета жонка така была!

20. Как «пугает»

А вот я девкой была. В доме вышка была, так нас все там пугало.

Вот тоже в Митриев день ходили на вецеринку. Пришли поздно. А там на вышке не топлено. Мужики говорят:

— Туда спать не пойдем.

А я пошла. А керосин у меня в лампе кончился. А я разделась впотьмах, спать повалилась. Вдруг у меня одеяло потянуло сверху, потянуло да и на пол повалило. Думаю: Григорий, брат, балует! Осмотрела все со спицками: нигде никого нет. Ну, думаю, во сие

свалилось. Легла. Опять одеяло потянуло. Опять искала — никого нет. Вижу, что у меня неладно. Меня в жар бросило. И вдруг опять одеяло потянуло. Я его зубами держала. Потом отпустила и говорю:

— Пугай, не пугай — никуда не пойду!

А по углам иконы висели. Я помолилась. Все вокруг перекрестила. Больше не пугало.

Я после того больше не сыпала на вышке.

А Степан в гармонь-то играл тоже в темноте, так на его целой ящик газет вывернуло.

ОЛЕНИЦА

КРИСТИНА ЛУКИНИЧНА ТАЛЫХ

21. Жених-комар

Был-жил купец. У этого купца никого детей не было, ни одной живой души. Он пошел гулять, в проходку. Гулял, гулял и заблудился. Проходил, проходил, проблудил, под лесиной ночку проспал, встал.

— Вот беда, куды я попал?

Пошел, и озеро пришло. Рыбу ловят, да и всё. Он стал на бережку, тот купец, смотрит — и выстал мужик нагой.

— Чего, — говорит, — ты, купец, стоишь?

— Да вот забылся и выйти никуда не могу!

— Отдай, — говорит, — кого дома не знаешь. А не отдашь — и не выйти тебе.

Ну вот, он и говорит:

— А чего, я в доме всё знаю?

— А нет, не знаешь, — говорит.

— Ну, возьми, — говорит.

Ну и пошел. Пошел, а дорожка аккурат к дому, а от дому настелены ковры золоты и серебряны и всяки, меж тем и царица — купчиха эта — выходит и дитя выносит на шелковых пеленках. Он тут сменился, заплакал.

— А чего, — говорит, — ты, Иван (как ли назвала), плачешь?

— А чего, — говорит, — не плакать, я дитя отдал морскому царю!

— Ну, что, — говорит, — отдал — отдаем дак... так что сделаешь! И будем растить.

Не скоро деится, скоро сказывается, стало двадцать годов ей. Ну и свадьбу стали дожидать, настелили всяких ковров да подстилаальников, всего-всего, — свадьбу дожидают, дак. Не знают, откуда придет.

Вдруг из моря туча вздымается, туча тучится чёрна, а все двери, ворота растворены, свадьбу дожидают. Вдруг комаров летит, и столько летит комаров — всё заглушило, и ни разговору не слышно, комары поют дак. И невеста выходит вся на золоты. И один комар, самый большой, — жених. Закружили его под сал-

фетку, под скатерётку, — жених чудной такой, так его закрыли. А сидит дедко на печи беззубой, шавкает:

— Купец, купец, расклади дымку, дыму расклади! (Старые-то люди знают, что делать с комарами!).

И все один по одному полетели, полетели и улетели, а этот жених платье сбросил с невесты — унести не мог, так платье сбросил — и тоже улетел. Обстыдились, дымом всех ошеломило их.

Ну, купец обрадел, что дочь осталась, пир устроил на весь мир. Всех купцов и царей, бочки вина накатали — пейте, гуляйте! Струны пели, колокола звенели. И вся.

22. Подменная невеста

Жил-был царь. У этого царя был сын да дочь. Жили-пожили, старик остарел, сына призвал:

— Заживетесь, так сестру не бросай, на всех делитесь, у вас всего хватит!

Недолго пожила, и мать умерла (оба умерли, отец и мать), тоже прощалась с дитям.

Они жили-пожили. Этот брат — нать в Архангельско пойти! А сестра и говорит:

— Не хвастай мною!

А она така была: засмеется — золото кругом овьётся, а заплачет — жемчуг из глаз, а пойдет — один шаг золотой, другой серебряной. У царей изба — серебра и золота, всего!

Брателко и ушел. Пришел в Архангельско, пришел в гавань. Стал и пошел гулять. Идет по городу, а пьют сидят купцы, шайка, салят его:

— Садись, Ванюша!

А Ванюша:

— Нет, я не свободен, занят делом!

И ушел от них.

Вот идет — другая шайка столовая, сидят купцы:

— Ну, куда идешь? Ваня, садись с нами, выпей!

Ну, Ваня и сел. Там приглашали — не сел, так нать тут. Ну, те бы подвыпили и хвастают — тем, одним, другим.

— А ты, — говорят, — Ваня, почему ничем не хвастаешь? Из деревни какой пришел, из города?

Ну, он и будет сестрой хвастать — дурак!

— У меня, — говорит, — сестра красавица, писана красавица, — описал. (Выпил, сволошь, и похвастал).

Ну, царь и вскочил:

— А, така сестра? Сейчас еду сватать!

(Прежде цари-то брали без всего, без сватанья... Прежде-то цари — наш-то в Германии женился, — прежде не так-то было, как сейчас). Ну, Ваня и голову повесил — раз уж сестру просватал...

— Собирайся, — царь говорит, — чего нать, а я за тобою поеду!

Ваня и губкам не щелкнул, чего больше! Вот и садись выпивать с царями, так не долго...

Ну, Ваня собрался, чего нать взял и поехал в свой город, приехал и пал, заболел, лежит, стонет. Сестра пришла раз, другой.

— Чего ты, брателко, стонешь? А, — говорит, — знаю чего!

Ну, он и заплакал:

— Я, сестра, тебя просватал!

— А просватал, так и что ты сделаешь? Строго не взыщешь!

А меж тем и корапъ летит — царь едет. Приехал, в гавань стал тоже и сказал Ване:

— Как бѣмну (ударю в колокола) первый раз, пускай умывается, второй — снаряжается, а третий — чтобы в церкви была!

Вот какой строгой! Ну вот, брат сосказал. Меж тем стук в дверь: она умываться стала, а человек идет — пришла старуха стара-стара, в опорках. (Преже не в калошах ходили, а в кожаных опорках таких).

— Куда ты, Марфа-царевна, походишь?

— А вот, — говорит, — царь приехал, дак за мной. Я похожу в церковь, скорей мне нать!

Пришла, принесла тюк платья.

Бабушка:

— Дай ты, голубушка, мне-ка платья, одеть дочерям, нагой ходят дочери!

А та бьется, одевается. Вот сука пришла! То не сука, яга-баба пришла.

Она тюк отдала, побежала, другой тюк принесла. А бабушка:

— Проводи меня до сеней, до мосточков!

А уже другой раз бомнули, она и не одевалась. А и где одевалась, как старуха попутала, старуху пошла провожать.

— Проводила до сеней, проводи и до мостов!

Вот сука какая! До мостов проводила, старуха хлопнула ей, и та лебедью полетела, загоготала!

А [колдунья] побежала за дочерью своей — третий раз бомнули, в церковь. У ней дочь не сряжалась еще. Прибежала домой, одела, повела — вси глядят: красавицу повела! Шаг шагнет — трава повянет, засмеется — как змея, вид змеиный. Привела ей в церковь.

— Ну, схватите да ведите Ваню, вот каку сестру засватал!

Ну, Ваню бедного схватили, в тюрьму посадили. А там — овенчался, не овенчался [царь], уж невеста все-таки, и взял ее, и живут.

Ночь пришла. Ваня сидит бедной, фунт хлеба да золотник воды — от царевой пищи. [Сестра] прознала, прилетела к нему в тюрьму, скинула свои охвостья лебединые, и заплакала, и приговариват ему:

— Как ты неладно сделал, я где в земли схвачу, а где в назьму, а ты в тюрьме!

И наплакала жемчугу полгорницы, он в жемчугу очудился весь. Наутро на заре встала, одела лебединые свои крылья — улетела назад, на волю, раз уж овернута, дак. Пришел сторож, еды ему принес, уж еды немного принесет, потюремщику дак! Сторож увидал, к царю прибежал:

— Так и так, царь! Потюремщик сидит в жемчугу весь!

Ну, царь сказал:

— Погодим, пускай еще что будет!

И она все две ночи летала. И другу ночь также, по поясу наплакала жемчугу, прилетела.

А третью ночь поставили сторожа: не можешь ли схватить ей как? Вот она прилетит — так ты хватай ей!

Наплакала она и опять улетела. Сторож пришел — он сидит весь в жемчуге.

На третью ночь сторожа поставили — он схватил кожих и в печи сожег, ему и печь приготовили, чтобы сожечь эти лебединые крылья. Этот сторож схватил ей, и она всяко овяртывалась, и змеей, и веретном, и всяко. И он, сторож, не выпустил ее и приготовил крест да пояс. Милицию поввали, милиция была, кто ли? — понятых. Ну и Ваню развязали, потом привели к царю. А эта змеевка полетела и разбилась.

Ну, тут и свадьбу завели, пировали сорок дней и сорок ночей, пили, ели, гуляли. И царь увез в свое место ее, а Ваня в свое место царем на царство сел — царя не было, дак.

23. Соль

Был-жил крестьянин. У этого крестьянина было два сына, один большой, другой маленькой. Одному десять годов было, ну а другой уж ходил на работу, работал все. Жили прожиточно, хорошо жили, у них суда были. Ну, этот старший сын и запросился у родителей:

— Я в город схожу, продуктов привезу и будем жить, — говорит.

Ну и меньшей брат прибежал, десятигодовой:

— Возьми меня, брателко, в Архангельско!

— Отойди, — говорит, — ездок тоже, вырастешь — ездить будешь!

Ну, пришел к матери, плачет горькими слезами, что брат не взял в Архангельско. Мать его унимает:

— Не плачь, — говорит, — на другой год пойдешь, я тебе судно изготовлю, всё.

— Мама, я хоть к поселку пойду! — ревет, причитывает: — Уйду, до ночи не приду, буду ходить!

Мама не удерживат:

— Ходи, — говорит.

Идет по поселку, попадаетеся ему дедушка, белая бородушка.

— Чего ты, — говорит, — плачешь? (Ну, хоть Ваня назови...).

— А брат запоходил в Архангельско, а мне тоска, хочется, а меня не взял!

А дедко говорит:

— Пойдем со мной!

Пришли к матери, мать благословила их, на корабль все наклали, направили. Мать благословила их — дедко берется идти! Не знаю, взяли ли какого матроса — дедко все управляет. И отправились в море. Идут. Шли, шли, шли. Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, и видят: гора бела, как крупинята. Подошли — соляна гора. Зашли в гавань и стали соль катить, накатили полон люк. Пришли в Архангельско, а брат стоит и хохочет:

— Вот г..., пришел все-таки! — говорит. — На мори размокнешь, ездок!

Проспали ночь, встали. Дедушко говорит:

— Возьми горсточку и поди к царю, покажи, — говорит.

Пришел с докладом, доклад сделал, так и так.

— Ну что, детина, пришел?

Он показал [свой товар], царь попробовал и приказал с глаз гонить из Архангельска. Он пришел, плачет. Утром дедко говорит:

— Наклади [соли] в карман, поди, где пищу готовят царю.

Вот он уж вызнал, хоть и небольшой. Пошел, пришел.

— Это, — говорит, — кому готовят?

— А царю!

Он и кинул немного соли туда, уж сколько надо.

Ну, посидел и пошел. Пришел к дедку. Царю принесли суп, еду там, как носят. Царь отведал, хлебнул:

— А что это у вас за уха? Кто готовил?

— А вот мальчиш был небольшой на поварне.

— Подьте, — говорит, — ищите его!

Прежде всё без соли ели, не толковали, что за соль. Ну вот, этого Ваню нашли и привели к царю.

— Вываливай, — говорит, — это добро, сколько у вас его есть!

Нанял царь работников — всю соль выкатили царю. Он ему полцарства отдал, и так наградила его всяким местом, и дочь замуж отдал со всем добром. Ну и пошли, пришли в свое место, к матери. Вышли, к матушке в ноги поклонились, и стали жить. Ну, про брата тут не говорится больше.

Вот, не думалось, какой сын будет, а сын — вот, вишь, какой! Свадьбу сыграли и стали жить да поживать, да добра наживать. И сказка вся.

24. Про Кащея

Жил-был царь. У царя было три дочери и сын. Ну, отец, мать состарились. Они остались одни. Тоже [родители] молились, что сестер, брат, не бросай. Отец, мать всегда педаются. Двои умерли.

Сестры задавались гулять:

— Мы живем в простом мести.

Ну, брат поехал — машин не было — на кони; ездили, ездили, — вдруг туча с моря здынулась.

— Поедем, — [брат] говорит, — домой, погода переменна!

— Ничего, поездим еще!

А ветер фурнул — и сдул одну сестру со саней, унесло.

Ну, приехали домой, жили-пожили, неделю никуды. Опять:

— Поедем, проедемся!

— Ну, что вы, сестры, унесет ведь вас!

— Нет, брат, не унесет! Поездим опять! — молятце брату своему.

Ну, Иван опять — назовем Иваном, — в таком же порядке поехали, другу унесло. Так же туча выстала, и другу унесло. Одна осталась. Поплакали, повспоминали. Ну, месяц пожили, и та задумала поездить. И ту унесло. Быват веревками привязал, чтоб не унесло, все одно унесло. [Брат] живет один, бедной. Жил-пожил.

— А кое один буду жить! Поеду свету смотреть и сам себя покажу.

Царство бросил и поехал, пошел ли. Ехал, ехал, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли. Сутки идет, другие идет, на третьи сутки идет — а терем стоит, на километр на целый, большой такой! Сестра поглядела — а брат идет, — выбежала, схватила, расцеловала.

— Далеко ли идешь, брателко?

Захватила за шею и в избу завела. Сели гулять, закусывать; попили, он и спросил:

— Какой у тебя, сестрица, муж-то?

— А у меня, — говорит, — муж-кормилец щука, щукой овернетце и день по свету скитаецце, я одна сижу. Скоро он прилетит, караул его.

Сидели, сидели, вдруг вода взволновалась, на берега выливалась, выскочила щука, на крыльцо хлопнулась, стал молодец ни в сказке сказать, ни пером описать.

— Вот, — сестра говорит, — какой у меня муж-кормилец!

Ну, тут гуляли целые сутки, на другой день [брат] запоезжал:

— Мне, — говорит, — нать и другу сестру посмотреть.

На крыльцо вышел Иван-то, хозяин и вспомнил:

— Надо дать клёску (чешуйку), не теряй, — говорит.

Дал ему клёску из-под правой ласты. Ну, тот спрятал в карман, пошел, опять трои сутки шел, весь истомился, истерялся, опять терем пришел на два километра.

Ну, сестра опять вышла, зацеловала, замиловала, за шею схватила, в избу завела, в помешшение.

Попили, поели, он опять спросил:

— Какой у тебя, сестрица, муж?

— А у меня, — говорит, — муж-кормилец утка, уткой овертне и летает, я одна сижу. Скоро он прилетит, карауль.

Сели-посидели, вдруг с моря туча тучитце, туман собираетце — налетела эта утка. На крыльцо хлопнулась, стал молодец молодцом, ни в сказке сказать, ни пером описать. Ну, трои сутки гуляли, нагулялись.

— Пойду, — говорит, — еще третью сестру посмотреть!

Тот опять вспомнил:

— Надо ему перья дать из-под правого крыла. Не теряй, смотри — что случится, я буду тут как тут.

Ну, опять шел трои сутки, опять к сестры третьей попал. Три километры у сестры терем стоит, в небеса взвился, такой вышины.

Ну, она выбежала, брата заобнимала, зацеловала, замиловала, за шею сохватила:

— Здорово, брателко!

В избу завела. Стали пировать. Напились, наелись.

— Какой у тебя муженек-то? — спросил.

— А у меня лев-зверь, — говорит, — скоро прилетит.

И с этим трои сутки гуляли. Ну, опять тот ему дал шерсти из-под правой лапы.

— Ну, теперь поеду невесты искать. Сестры хорошо живут, и я буду жить.

Шел, шел, где низко, где высоко, где горы, где реки, где перейдет, где переплывет, и пришел в город, к одной бабушке давался на квартиру; сестры давали уж всего: ты, говорят, не живи голодом.

— Что хорошего, бабушка, у вас в городе деитце?

— А что хорошего, поди, будто ты не знаешь? А вот у царя дочь сидит за сорок дверей, за сорок замков, а я за ней обряжаюсь, у меня вот сорок ключей. (А это оттого — Ковшей ей уносит, так вот за то так-то положено).

— А ты меня, бабушка, возьми.

— Да куда я тебя побóжу, дитяtko?

— А я за тобой забежу!

Ну вот, и пошла бабка-то. Те ключи забрякали, он и забежал, у его шапка-невидимка была, у сестер взял. Он и забежал под кровать. Она там обряжается, еды всякой; бабка ушла, он остался под кроватью.

Она почитала, погуляла по комнаты и спать легла. Он там и крякнул тихонько, она и вскочила. Читала, читала книгу и опять повалилась. Он опять здынул кровать, толкнул ли, она опять выскочила из кровати. Читала, читала и заговорила:

— Что же у меня сейчас за сновидение? Если есть стар человек — пусть отец, а если молодой человек — пусть жених.

Он вышел, шапку снял. (Замуж ведь хочет, а женихи не падают, дак).

Проспали ночь, пошли к отцу, благословились. Отец благословил:

— Живите, вот. Ну, зятюшко, везде ходи, только по загороду — комната одна — туда не ходи!

Ну и зажили, свадьбу сделали, сорок дней и сорок ночей играли, струны пели, колокола звенели. У царя есть, чем играть. Ну и зажили.

Жили-пожили, ему и захотелось сходить, в ум внеслось. Ходил, ходил, жены не было, и пришел к этой избушке. Пришел — а лыком завязано и г. . . . запечатано. Он распечатал, развязал, а там середка избы стоит стол, как вот этот, и весь закладен иконами, иконы хороши, светлы. Вдруг под столом и закричало:

— Кто пришел? Брат, товарищ, давай побратаемся крестами, я тебе верна слуга буду! Брателко, — говорит, — дай мне воды.

Три ведра выпил воды, как выпил — как растаял, нигде не очудилось, как сгорел.

Ну, тот поплакал, погоревал; неладно, видит, что батюшка ему сказал. Иконы поставил, снова все запер, лыком завязал. Пришел домой — жены нет, как век не бывало.

С тестем погоревали.

— Я тебе говорил, не ходи!

— Я бы и не пошел, кабы ты не сказал!

— Он, бывает, три года здесь сидел, три ведра и выпил, уташил Марфу-царевну.

Ну, Иван шапку-невидимку одел и пошел.

— А все, — говорит, — смерть ли, живот — а пойду искать! С тестем один не буду жить!

Три года шел. На третий год пришел в царство в евоно, к Ковшею, она и увидела, и полетела навстречу.

— Ты куды пошел-то? Смерть придет, нам не бывать, ни жить!

— А смерть, так вместе умрем, — говорит. — Ну, теперь спрашивай про смерть у него, не может ли смерть достать?

— Ну, ладно.

Она накормила его и булавкой в стену тыкнула, чтобы [Ковшею] не видать, еретику. Он прилетел, хлеб съел, другой, восемь хлебов съел и восемь быков. Ну, она:

— Ой ты, муж-кормилец, где у тебя смерть? Сколько годов живу, а не знаю.

— Охо-хо, да смерть у меня у венника в комяю!

Ну, улетел опять, наелся.

— Фу, фу, фу, русский дух у тебя!

— Что ты, муженек, по Руси налетался, русьского духу навхватался!

Улетел. Ну и стали у веника комель золотить, есть у Ковшея золота-то! Обзолотили и в красный угол поставили. Опять прилетел, хохочет вовсю, стойки косятся в окнах!

— Вот у жонки: волосы выпустила, а ума не нажила!

— Мне все хочется смерть твою украсить!

— Моя смерть у оленя в рогах!

Опять улетел. Ивана вынула — золото разваривать, оленю рога золотить.

Опять прилетел.

— Охо-хо, женщина! Волосы выпустила, а ума не нажила!

— Так мне все хочется смерть твою украсить!

— О-о-о, теперь, — говорит, — ты мою смерть украсишь! У меня за тридевять морей, за тридевять горей, в тридевятом царстве, в тридевятом государстве, на море на окияне, на середке моря-окияна есть камень, в камне ящик, в ящыку утка, в утке два яйца — вот моя смерть, и к камню никак не пристать, ни кораблем, ничем.

Иван и пошел опять, шапку надел невидимку. Ну и пришел туда. Прилетел. Поревел, поревел — никуда не пристать, не подъехать.

Ну вот, и вспомнил зятя-зверя. Ну вот, вто зверь и выскочил. Выскочил, камень отворотил, у льва-зверя есть ведь сила! Отворотили камень и сели. Поругал он Ивана.

— Ну, так что было делать!

Вынесли ящик, разбили ящик, клали в сумку утку. Этот Ковшей застрадал, заболел. И поехали. Тот лев-зверь в воду ушел. Въехал Иван на гору, сам думает: попочкать эту утку, ему больней! Попичкал, она спорхнула и улетела. Вот сволочь, бестолочь! Сидит да ревет. Вспомнил, однако, зятя-утку. Тот прилетел, ругается:

— Говорили: не трогай, ты все одно! Ну давай, сиди, дожидай, полечу искать!

Искал, искал... Стадо летит — нету, друго летит — нету. Вот видит: она летит, плавает, сама вся черна, глаза черны. В земли сидит пятьсот годов, не будет светла. Ну, нырял, нырял, поймал ее. Убили утку, растерзали, достали два яйца, сложили в сумку.

— Ну что, разобьем?

— Нет, к жены повезу.

Ехал-ехал, опять:

— Попичкать, чтоб ему больней было!

У реки остановилсе, вынул эти яйца, они в реку и укатились. Сидит молодец у реки — сам не нырнешь, не найдешь! Шуку вспомнил тогда. Вынул клёск из кармана, а шука тут как тут:

— Ты что, Иван, думаешь-то? что делаешь?

— Да вот, — ревет, — хотел помучить их!

Ну, тут щука пошла и достала их, эти яйца. Разбили их совсем. Ковшей и застрадал совсем: и окна, и стойки косятся. Она бегат, ухаживат. Дорогой ехал [Иван], и он [Кащей] умер. Пришел Иван.

— Будем ли золото брать?

— А не надо, у нас всего есть!

Только выехали — у Ковшей дом загорел, черный дым пошел.

Ну, приехали к отцу, да в ноги поклонились отцу, да опять свадьбу сыграли, да стали жить да быть, да добра наживать.

И сказка вся.

25. Пульница-слинница

Был-жил старик да старуха. У них было три дочери, две хороших, а третья недоварыш, пульница-слинница, на печи лежала. Девицы на нее бранятся. Отец, мать состарились, умерли. И молились:

— Не бросайте дитя, бедное оно, умрет!

— Нет, не бросим!

Но и вот, и задумали [сестры] бежать. Каждую ночь обсуждают: бежать, бросим ее! (Она не спит, слушает). Одну ночь тючки собирали и побежали. Двери хлопнули. Она тоже тючок собрала и побежала. Ну, девки бежат. Бежали, бежали, а старик стоит в гнилы по поясу:

— Девушки, девушки, вытяните меня! Век в гнилы стою!

— Ну, будем руки пачкать в гнилу!

Ну, девки убежали. Ну, эта идет, слинница. Ну, он и говорит:

— Девушка, не можешь ли меня вытянуть?

Така покорлива, хороша девица, она и вытянула его. Он и выскочил, и дал ей клюшечку, и сказал:

— Задумаешь что, только тряхни — и всего налетит: конь выскочит, поезжай куды хошь, и всего — платья, и ботинки, и туфли, и красивая будешь, ни здумать, ни згадать, ни пером описать, — коню в ухо войдешь, в друго вылезешь...

Ну, приходит она в одну избушку и давантце, стучается. Выходит старушка:

— Кто идет?

— Вот я иду.

А сестры там, на сестер напала, они заругались:

— А, пульница-слинница! Не пускай ее! — кричат. — Г... ты, зачем пришла!

А хозяйка говорит:

— Ну, однако, и ей надо. (Пустила). Повались на печь!

Ну, она и затенулась. Утром сестры заругались:

— Что ты, пульница-слинница, куды да зачем пришла!

Хозяйка за нее пристала:

— Пускай живет!

Ну, утром сестры засобирались, в церковь пошли. Она тоже ключечку достала, конь выскочил, коню в одно ухо влезла, из другого выскочила, стала красавица — ни в сказке сказать, ни пером описать. Одеда платье золотое, туфли, села на коня. Конь — из очей пламя пышет, из ноздрей дым валит. И покатила в церковь, и всё смотрят на нее. Ну, она из церкви приехала, все собрала опять в ключку и повалилась на печь.

Сестры прибегают:

— Ох ты, дура, пульница-слинница, ничего не знаешь, а в церкви девица была — ни в сказке сказать, ни пером описать. Все не читали, не пели, только на нее смотрели!

Она:

— А, сестры, то не я ли была?

— Ну, дура ты... как же, молчи уж!

Ну, опять неделю прожили, опять также сестры собираются в церковь. Оделись, ушли. Когда все ушли, она тоже достала ключечку, конь выскочил, коню в одно ухо влезла, в другое вылезла, стала красавица — ни в сказке сказать, ни пером описать. Опять всего налетело, она так же оделась, она красива порато была. И в церковь покатила. Опять все не читают, не поют, только на нее смотрят.

Ну, из церкви приехала, собрала опять в ключку все и повалилась на печь. Сестры прибежали:

— Ох ты, дура, лежишь, ничего не знаешь, опять та красавица в церкви была.

Она:

— А, сестры, то не я ли была?

— Ну, дура, молчи уж!

На третье воскресенье поехала, а царь догадался и намолил порог: не оставит ли туфли? Молодой был царевич. Она побежала, да заспешила и туфель оставила. На коня пала и домой прилетела, все в ключечку склала и на печь повалилась. Сестры прибежали, опять про красавицу рассказывают.

— Ты, дура, лежишь, ничего не знаешь, опять та красавица была, сапог, камаш оставила!

— А, сестры, не я ли была?

Они опять ругаются:

— Не ты ли, молчи уж!

Ну, сели чай пить, напились. Она не успела платье переменить, на низу эта юбка светла осталась. А хозяйка говорит:

— Нать в головы поискать.

Она говорит:

— Дай, я поищу.

С печи спустилась, ищет, как моет. А хозяйка:

— Что у тебя светит?

А светит платье из-под низу.

— Это у меня, — говорит, — пули-слины светятся!

Боятся говорить дак.

Ну, искала, опять на печь затенулась. Вдруг царевич идет со слугой искать, застукались: «Здравствуйте!». Пришли в дом, она на печи лежит, сапожница.

Сестры [стали] примерять туфель, персты обрезать, да никак не влезает. А она на печи там и кашлянула. Он говорит:

— А это еще кто там у вас?

— А никого там! Кто там, пульница-слинница!

Она-то только ногу вытянула, туфель и заскочил на ногу, — по ноге. Он за руку вахvatил ее, обер и поцеловал:

— Вот, — говорит, — моя невеста!

Сестры и заплакали, говорят:

— Приезжай!

У нее три коня выскочило из клюшки, сестрам надавала всяких платьев, золотых и серебряных, и бархатных, и шелковых:

— Вы на меня не ругайтесь!

Сели все и поехали, сама на золоти уж, на серебри. И овенчалась с царевичем. Гуляли сорок дней и сорок ночей, и сестер взяла, и хозяйку, и стали жить-поживать да добра наживать. И вся.

Вот как пульница-слинница жизнь получила, от старика-то того!

26. Кот, петух и лиса

Жил-был кот да петух. Пьют, едят вместе. Не стало у кота дров. Топор за пояс связал:

— Ну, сиди, сиди, — говорит, — петушок, смотри, никуда не выглядывай!

Только ушел — лисица тут как тут. Прибежала к петушку, закричала:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни на улицу:
Девушки катаютце,
Красны колыбаютце,
В кунных шапках,
В лиььих лапках.
Наекали бояре,
Насыпали гороху,
Поди поклевать!

Петух: «Го-го-го-го-го!». Выглянул в окно. Схватила да и по-тащила лисица петуха.

Петух и закричал:

Котá, котá, котá!
Несет меня лиса
За вы́соки горы,
За темные лésы,
К своему гнезду,
К малым детоцкам,
На съеденьице!

Кот и услышал, и прибежал, а лисица несет. Схватил петуха да домой принес.

Ну, на другой день встали:

— Ну, сегодня я далеко уйду! Не выглядывай!

Напились чаю, кот топор подвязал да ушел. А лисица тут как тут, запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни на улочку:
Девушки катаютце,
Красны колыбаютце,
В кунных шапках,
В лисьих лапках.
Наехали бояре,
Насыпали гороху,
Поди поклевать!

Ну, а петушок и выглянул в окошко. Лисица схватила и потащила его опять. Петух и закричал:

Котá, котá, котá!
Несет меня лиса
За вы́соки горы,
За темные лésы,
К своему гнезду,
К малым детоцкам,
На съеденьице!

Кот бросился, да и отнял опять петуха, да и принес домой. Ну, на третий день:

— Гляди, — говорит, — не высовывайся, я далеко уйду!

А лисица прибежала:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни на улочку:
Девушки катаютце,
Красны колыбаютце,
В кунных шапках,
В лисьих лапках.
Наехали бояре,
Насыпали гороху,
Поди поклевать!

Петушок опять выглянул в окошко. Лисица его схватила и унесла совсем, домой. Кот пришел, а петуха нету. Мешок на плечи и пошел искать. Шел, шел, — гора большая пришла, а на горы крест стоит, поставлен у лисицы.

Он и запел у креста:

У креста было креста, у каменна моста,
У лисы было три дочери:
Одна Цуцелка, друга Парацелка,
Третья Дай целнок из подлавицыя.

Дочь услышала, и просится у матери:

— Спусти, — говорит, — меня послушать, мужик песни-то поет!

— Только, — говорит, — близко не садись к нему!

Ну, она и сидит под кустом — ближе, ближе, он схватил лисицу да в мешок!

Ну, друга запросилась:

— Пусты, мама!

— Ну, ты только близко не садись — он тебя схватит!

Прибежала, и ту схватил. И сама [лисица]:

— Пойти, беда, девки где-там сидят? Больно, — говорит, — долго сидят девки! Порато красивы песни!

Он и запел:

У креста было креста, у каменна моста,
У лисы было три дочери:
Одна Цуцелка, друга Парацелка,
Третья Дай целнок из подлавицыя.

Она и слушат, ближе, ближе — растянула нос. Он и ту схватил. Пришел, а петух лежит, стонет, отеребили, не сварили еще.

— Вот, — говорит, — дурак! Я тебе говорил: не выглядывай!

В мешок схватил и домой принес. И стали жить-поживать. Отъелся, да. И вся.

ИОСИФ ФЕДОРОВИЧ КОЖИН

27. Молодильные яблоки

Жил-был бедный крестьянин, у него было три сына. Старшему исполнилось двадцать лет. Отец с матерью остарели, так хотелось помолодиться, яблок таких молодильных достать. Псылает отец старшего сына, тот отправляетце:

— Ну, батюшка, благослови меня, себя показать, людей посмотреть!

— Ну, дитятко, поди, бог с тобой.

Отец с матерью благословили, настряпала мать подорожников, и пошел наш Егор в путь-дорожку дальнюю.

Пришел этот сын к росстаням. Три дороги: одна направо, другая прямо, третья влево, и написано на этих росстанях: «По правой пойдешь — убитому быть, прямо пойдешь — в тюрьму попадешь, по левой пойдешь — ничего не найдешь».

Ну, что ж! Убитому быть неохота, — думал, думал наш Егор, и пошел по левой дорожке.

Долго ли, коротко ли, и попадаете ему домик не домик, а просто дворец, обнесен тыном, забор, ворота. Приняли его, в бане напарился. Хозяйка молода. Царица там ли или княгиня — дело ваше, царица пускай, — приказала натопить баню. Намыли, накормили, сладким вином напоили. [Она] и подвела:

— Вот, пожалуйста, на коечку.

Он повалился и в яму свалился.

Год ли, два ли времени, вестей нет, старик все дряхлеет, посылает второго сына. Долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Вот он едет, подъехал к тем же росстаням. Думал, думал и то же выбрал, подъезжает к той же дороге. И то же самое: напоили, накормили, в бане напарили, сладким вином напоили, и подвела его царица:

— Вот, пожалуйста на коечку!

На кровать повалился и под гору скатился.

Дошла очередь до Ивана.

— Поезжай, Иванушко, поищи своих братьев, да не можешь ли найти таких-то яблок, только надо три спелых яблока.

Ну что ж, Иванушко не прекословил, радехонек проездиться. Идет наш Иван путем-дорожкой, выскакивает ему заяц настрету. Иванушко упас лук из-за спины, стрелу на лук и зайца хочет подстрелить. А заяц ему человеческим голосом говорит:

— Не стреляй, Иванушко, я тебе пригожусь!

Ну что же, наш Иванушко не стал стрелять.

— А беги, — говорит, — пригодиссе — ладно, не пригодиссе — тоже хорошо.

Идет путем-дорогой дальше. Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, попадает ему навстречу медведь. Иван хочет его подстрелить, а медведь говорит человеческим голосом:

— Не стреляй, Иванушко, пригожусь!

Ну и выходит наш Иван к синему морю. А у моря лежит на песку щука, рот разевает, умирать собираетсе.

— О, Иванушко, крестьянский сын, брось ты меня в море, я тебе пригожусь!

Ну, Иванушко щуку бросил в море и пошел дальше. Попадаете ему избушка на курьей ножке, на петушьей головке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом, чтобы мне, молодцу, зайти и выйти!

Избушка повернулась, Иван, крестьянский сын, заходит в избушку, а в избушке старушка:

— Фу, фу, фу, русским духом запахло! Чей ты такой, добрый молодец, откуда будешь?

— А ты, бабушка, сначала гостя напой, накорми, спать уложи, а потом и спрашивай.

Ну, бабушка баню натопила, напарила нашего Ивана, спать уложила и стала его выпрашивать.

— Вот так, бабушка, и так вот. Я Иван, крестьянский сын, и пошел искать своих братьев, а отцу яблоков, чтобы помолотиться.

— Ох, Иванушко, Иванушко, много тебе придется горя потерпеть! Ну, спи, утро вечера мудренее!

Утром бабушка напоила, накормила, на дорожку снарядила.

— Вот тебе, — говорит, — клубочек, куда клубочек катится — и туда ты иди!

Ну и пошел наш Иван вслед за клубочком. Катится клубочек, идет наш Иван и приходит к этим росстаням, где его братья были. Думал-подумал наш Иван и пошел, где это писано: «Вправо пойдешь — смерть найдешь». И приходит он в город. Остановился он у бабушки-задворенки, на краю у городка, а видит, что народ весь ходит печальный, и спрашивает у бабушки-задворенки:

— Что у вас в городе невесело, народ ходит печальный да унылый?

— Ох, не говори, дитятко, каждый, — говорит, — день дань плотим: змей берет по девушки, по красной девушки, и эту ночь очередь дошла до царской дочки, поэтому, дитятко, у нас такой траур. А царь, — кто спасет мою дочь, — тому обещает полцарства и дочь замуж.

Покушал наш Иван, бабушку послушал и пошел к царю во дворец:

— Скуйте мне, — говорит, — три палицы в десять, пятнадцать и двадцать пудов.

Ну, у царя скоро дело делаете, кузнецы сковали ему первую палицу. Взял наш Иван ту палицу, руки не чувствуют.

— А скуйте, — говорит, — на пятнадцать пудов!

Сковали вторую палицу, на пятнадцать пудов.

— О, эта подходяща! Теперь скуйте на двадцать и на двадцать пять пудов!

У него прибавилось. Выспросил он, куда увозят этих девушек, и пошел пораньше, спрятался в кусты. Пришло то время, привели девушку и оставили на бережку одну. А наш Иван не показывается, сидит. Утренняя заря показываете — летит змей о трех головах, из ноздрей дым валит, из ушей огонь летит:

— Фу, фу, завтрак готовый!

Выскакивает наш Иван:

— А не подависсе ли этим завтраком?

— Уу! Еще и второй на закуску! — змей-то кричит.

Налетел на нашего Ивана, а Иван с палицей, с пятнадцатипудовой. Бились, бились, одну голову отсек и палицу загнал в землю. Хвать-похвать — до другой палицы руки не хватают, а змей одолевает Ивана. Вдруг откуда ни возьмись заяц — палицу подтащил ему под руку. Втору голову отсек, а змей еще больше на его наступает! Опять бились, бились — втору голову отсек и втору палицу в землю загнал. До третьей руки не хватают, а змей одолевает его. Ну, тут у зайца силы мало, вдруг откуда ни возьмись медведь. Третью палицу ему медведь подтащил, одолел наш Иван змея.

А царевна чуть жива. Подходит он к этой царевне, целует в сахарны уста:

— Ну, пойдем к твоему батюшке! Что обещано — пускай отдаст.

Ну, приехали, пришли в город. Царь радым-радехонек, веселым пирком да за свадебку. Свадьбу сыграли, угостили. А Иван думал одно, что надо ехать обратно, к этим росстаням, по второй дорожке.

Оставил он тут молодую жену, а сам отправился. Приходит опять к росстаням, думал-подумал — куда теперь? Пошел, где писано: «Прямо пойдешь — в тюрьму попадешь». Шел, шел, шел — близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, подходит к избушке на курьей ножке, на петушьей головке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом, чтобы мне, доброму молодцу, зайти и выйти!

Избушка повернулась, Иван, крестьянский сын, заходит, а в избушке старушка.

— Фу, фу, фу, — говорит, — русским духом запахло! Откуда ты налетел?

— А, бабушка, напой, накорми, спать уложи, а потом и спрашивай!

Ну, бабушка напоила, накормила, баню натопила, напарила Ивана, спать уложила и села выспрашивать.

— Вот так и так. Я Иван, крестьянский сын, иду искать братьев, а отцу яблоков, чтоб помолодиться. Вправо пошел — жену нашел, а сейчас не знаю, куда идти.

— Спи, — говорит, — утро вечера мудренее.

Утром бабушка направила его:

— Пойдешь, приходи к терему, близко не ходи, не показывайся, а ночь настанет — через тын будешь попадать.

И дала ему амулет: клади, говорит, на самый тын, а там увидишь, как зайти и выйти.

Вот и пошел наш Иван в путь дальше. Подходит он к этому терему. Посмотрел издали — не обойти, не объехать и не перепрыгнуть. Дождался темной ноченьки он. Подходит к самому тыну, повесил амулет на тын, натужился, натянулся, и в том месте

проход образовался, а бабушка наказала ему: пойдешь обратно, не забудь убраться.

Проходит в проход. И каких тебе угодно растений нету: и яблоки, и груши, и сливы, что в райском саду! Походил Иван по саду, видит три яблони. Сорвал с каждой яблони по яблочку и путем-дорогою обратно. Снял амулет с тына, и дыры не стало, и ворот не стало.

Вот приходит к росстаням.

— Ну, теперь пойду по этой дорожке, по левой!

Приходит к терему, красавица эта напоила, накормила его и спать подводит к кровати, хотела уложить. Схватил он ее за белую руку и саму дернул вперед, на кровать, и хозяйка кровати скатилась вперед, в подземелье. Оттащил кровать — а туда яма. И слышно — кричит хозяйка:

— Иван, крестьянский сын, не губи нас! Возьми там-то и там ключи и отпри двери!

Забирает ключ, открывает дверь в подвале, а там их ни много ни мало около двадцати человек, и два братца родных с ними. Выводит их, выпустил Иван на волю.

— Ну, что вы будете с хозяйкой делать? Ваш теперь суд.

— Отрубить голову!

— Отрубить, дак отрубить, а дом ее на дым спустить!

Так и сделали. Разошлись, кто откуда был.

— Ну, пошли, братья, со мной теперь!

Приводит к росстаням. Ну, куда? Домой идти нельзя. А не говорит про яблоки.

— А вот пойдете, — говорит, — направо, к царю. И жена там.

Царь их угостил, на дорогу снарядил, сколько могли захватить добра там, и поехали домой к отцу, к матери. Свадьбу собирали, там не сказано — отец да мать помолодились ли, нет ли; наверно, помолодились яблокам. И всё.

Речь была не та, сказывал, как масло льешь — слово из слова выходит, а сейчас речь вся вышла.

Сколько про царей да про змеев, а герой-то кто? Иван, русский мужик выходит, — смекалка!

28. Золотая гора

Жил-был поп. Вот того наймет работника, другого там — всё работники не уживаются. Вот пошел поп по базару. Попадается человек.

— Как, согласен в работники ко мне?

— А как плата?

— А как служить будешь, а то за один хлеб.

— Нет, — говорит, — так не пойдет, мне плата нужна! Дочки есть?

— Нет, дочек нет.

— А попадья есть?

— Есть.

— Ну, вот условие: год служу, два с попадьею живу.

— Нет, — говорит поп, — так не пойдет!

Ну, пошел по базару, тот забежал вперед маленьким переулком, кругом, да подмазался опять ему навстречу, выскочил.

— Ну как, добрый человек, идешь ко мне в работники?

— Ну, почему, пойду, а как оплата?

— Ну, хлебом и два рубля в месяц. (Два рубля были деньги).

Ну, поехали. Там месяц, два живет, поп и говорит:

— Поехали, там работать!

А каку работу, не сказал. Ну, быка забили, шкуру сняли, погрузили на телегу, взяли продуктов, ну лопаты, кирки, ломы...

С утра день до вечера едут на закат. Работник:

— Что это, батюшка, там светит?

— А это солнце закатывается!

А это медна гора осветила. Ну, подъехали в сумерках, поп напоил его пьяного, работник уснул, а поп уехал. Работник пробудился — темно: он зашитый в шкуры воловьей. Катался, катался, ну, шов лопнул немного, поглядел: солнышко пекет, и не узнает — оказался на горы. Лом, кирка, лопата, хлеба кусок... Как попал?

А пока спал, птица его унесла туда, на гору. А поп кричит снизу, приехал:

— Ты, работник, потрудись! А я потом приеду, укажу тебе, как спуститься.

А чистая медь [на горе]. Ну, он кидал, кидал, поп загребает там, наклаал полную телегу.

— Ладно, — говорит, — я устал! — Хлеба съел кусок.

— А спасибо! — говорит поп и уехал.

Работник ходил, ходил, нигде не мог спуск найти. И нашел гнездо этой птицы на самой горе, а там птенцов три штуки, а птенцы с журавля, больша птица, и как раз гроза, туча надолшла, он этих птенцов полкой своего зипунишка прикрыл и тут до утра [пробыл].

Вот так скоро дело делается, не скоро сказка сказывается. Утром птица налетела и хочет его со скалы сбросить, а птенцы закричали:

— Мама, мама! Он нас спас от грозы!

— Ну, спасибо, добрый человек, что тебе сделать за это?

— А что сделать — спустить на землю!

— Ну, садись, — говорит, — ко мне, ближе к шен!

Сел, ухватился покрепче — раз, и на земле оказался. И думает работник: «Неужели к попу не пойти второй раз? Нет, не пойду!».

Пошел в свое место. День, два — а, была не была, — опять пошел по базару. Тот же поп навстрету.

- Здорово, батюшко!
- Здорово, добрый человек!
- Ну, поп опять спрашивает:
- Пойдешь ко мне в работники?
- Ну, чего же не пойти, пойду!
- Ну, едем со мной сразу!

Тот радехонек, а попу того и надо. Привозит, напоил, накормил. День-два пожил — никакой работы не дает. (Имя первого — Иван, а теперь — Петрован).

Ну вот, и опять приказывает ему [поп] вола колоть. Вола закололи, шкуру сняли, на телегу, и поехали. Приезжают к серебряной горе. Солнце на закате стало.

- Что это, батюшко, там выплывает?
- А это солнце серебрится.

Ну, солнце и солнце. Приехали к самой горе, к подножью, поп сго снова напоил, накормил — а тому ладно, будь что будет, — и в шкуру зашил. Утром работник пробуждайтце, чувствует, что темно да тесно, а [он] в шкуру зашит. Катался, катался, ну шов лопнул, оказался он на серебряной горы. Поп опять кричит:

— Эй, Петрован! Кидай там, у тебя лопата, потом укажу спуск!

Работник давай катать, ему сыплет серебра, поп подбирает.

- Ну, работник, спасибо!
- А где же, батюшко, спуск-то? — работник спросил попа.
- А ищи, — говорит, — на том конце от солнца!

Ладно, ходил, ходил работник, не мог найти спуска. Тоже у гнезда остановился, птенцы там больши, и как раз гроза, и он закрыл птенцов полкой своего зипунишка, и пересидели до утра. Утром больша птица прилетела, опять хотела его скинуть, а птенцы закричали:

- Мама, мама, он нас от грозы спас!
- А спас, так спасибо, добрый человек, чего тебе сделать?
- А чего — спусти на землю!
- Ну, садись к шеи ближе!

Он сел — раз, и на земле оказался.

На третий раз опять попу в работники нанялся. Ну, тут попа обдурил, попа напоил, в шкуру зашил, на золоту гору птица его унесла.

Утром поп пробуждайтце — а где мне, в шкуры! Поп катался, катался, добился до свету, а работник внизу похаживает:

- Эй, батюшко, подрой-ка мне лопаткой!
- А работник на телегу нагрузил золота.
- Хватит, батюшко, не кидай, не надо больше!
- А попу жалко золота:

- Езжай, — говорит, — домой да еще приезжай, я еще нарою!
- Ладно, батюшко, вали!

Работник поехал. А поп ходил, ходил кругом горы, спуска не мог найти, золота подрыл еще, чтобы работник подъехал, а где! Работнику больше не нужно. Ну, поп тоже нашел гнездо, гнездо разорил, птенцов сбросил. А птица прилетела, — он в ихнем гнезде успокоился, спит, — и расклевала его.

А работничек золота это, конечно, в деньги перевел, с попадшей поженился. Русским словом: беднякам отдал все серебро и медь, да и золота прибавил, и стал жить-поживать, добра наживать.

Я на свадьбе той был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

АННА СТЕПАНОВНА КОЖИНА

29. Щуп-щуп

Жил мужик с женкой, у них была дочка. Мать умерла. Ну, отец таки средних лет, взял и женился на второй, и у той дочка. Мачеха невзлюбила старикову дочку и говорит старику:

— Увези ей в лес, в лесе есть изба, пусть там живет, в лесе!

Дед так и сделал. Баба наклала вместо масла льду кусок, вместо крупы — грязи, вместо соли — пепелу и дала куделю престь.

— Пусть прядет! — говорит.

Ну, дед увез, оставил дочь, поплакали, распрощались, и уехал домой. Девушка затопила печь, развернула тючки — и все очудилось нормально: где крупа, соль, масло, — мачеха-то клала так, а у нее друго яко. Ну, села кашу хлебать, выбегает мышка:

— Девушка, девушка, дай мне кашки на красной ложке! Я тебе, — говорит, — в другое время пригожусь!

Ну, девушка дала, мышка съела, хвостиком вильнула и убежала. Ну, девушка повалилась спать. Слышит гром — идет чудовище:

Щуп, щуп по лавкам (ну, щупает),
Щуп, щуп по подлавкам!
Ощупаю девку и девку съем!

Мышка выскочила, хвостиком вильнула, превратила девушку в булавку, тыкнула в стену.

Чудовище Щуп-щуп ничего не мог нащупать, ушел. Бросил кису золота, шубу енотову и сам ушел. А мышка опять обратно девушку превратила. Опять спит. На другой день опять идет чудовище:

Щуп, щуп по лавкам,
Щуп, щуп по подлавкам!
Ощупаю девку и девку съем!

Опять мышка превратила ее в булавку, тыкнула в стенку. Опять ничего не мог нащупать.

Так до трех дней получалось, первый раз одну кису ей бросил, второй — две [кисы] и две шубы, третий раз — три кисы и три шубы енотовы.

Ну, мачеха схватилась:

— Езжай, — говорит, — заberi костьё, дочери-то живой теперь нет.

Приезжат — дочь жива-здорова и конопли, напряла. Воз нагрузил золота, шуб енотовых и повез.

А у ягой-то бабы, была у них собака. Она блины пекет, собака говорит:

— Тяф-тяф-тяф! Крестьянская дочь едет, золото в мешочке стучит да бренчит!

Она выйдет, побьет собаку:

— Говори: крестьянская дочь едет, косточки в мешочке стучат да бренчат, так блина дам!

А собака все свое! Дед приезжат — яга-баба в ужасе: откуда что взялось!

— Ну, — говорит, — завтра вези мою дочь.

С радости с такой той наклала всю крупу нормально, — дочери-то. Дедко отвез. Ну, эта затопила печку, каши наварила, села хлебать. Мышка опять выскакивает:

— Девушка, девушка, дай мне кашки на красной ложке, я тебе потом пригожусь!

— А я, — говорит, — сама голодна, не до тебя еще! — ягисьни-то дочь отвечает.

Мышка убежала, хвостиком вильнула. Ночь пришла, девка спать повалилась, это чудовище опять приходит:

Шупя, шупя по лавкам,
Шупя, шупя по подлавам!
Ощупаю девку и девку съем!

И всю схрустала, одни кости оставила.

Ну, три дня прошло, посылает ягисьня старика за дочерью:

— Уезжай, привези добро-то!

Старик без разговора поехал, приехал — одни кости собрал в мешок и обратно едет. Она блины печет, а собака опять на крыльце кричит:

— Тяф-тяф-тяф! Ягисьни-то дочери косточки в мешке стучат да бренчат!

А ягисьня выбежала, бьет собаку:

— Говори: ягисьной дочке золото в мешке стучит да бренчит — блина дам!

Привозит костьё матери, бросил мешок, — мать заревела. «Надо, — думат, — извести эту дочерь!». Ну, потом говорит (про

себя): «Есть у нас во дворе смоляна яма, она понесет, я толкну ей туда».

А старик дочери сказал:

— Ты не ходи вперед, ходи сзади, скажи: «Я не умею вперед ходить». А как пойдете, ты ее толкни туда, в смолу-то!

Ну и пошли. Она и посылает дочерь:

— Ты иди вперед!

— Я не умею вперед ходить, — говорит, — иди ты!

Заспорили. Ну, яга-баба с горячки вперед пошла. Она ее толкнет туда, в смолу-то. Яга-баба закричала, а мужик пришел, подсветил яму смоляну, и сгорела там. Избавились от нее хоть. Стали с дочкой одни жить.

Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

30. Архиерейский суд

Поп с мужиком жили по соседству, а у мужика была корова. Эта корова ушла на волю и домой не пришла, ушла в стадо поповское, — у попа было много коров.

Пришел мужик просить корову, а поп ему и говорит:

— Тебе бог больше дает, семь семериц вторицей.

Ну, тот постоял, постоял, ушел, а корову жалко. Ну, на следующий день на пастбище приходят [мужик с женой], а корову-то жалко! Он приходит, а она, корова-то, голос узнала хозяина и привела всех коров поповских к себе. Ну, они со стариком обрадовались, распахали куда, подоили.

Ну, поп приходит:

— Отдай моих коров!

А мужик говорит:

— Ты же мне обещал, что бог обменяет, дает мне семь семериц вторицей!

Ну и заспорили:

— Пойдем к архиерею судитьце!

Услышал архиерей, что они шумят, вышел:

— Что вам надо?

Ну, мужик рассказал, как и что было. Архиерей подумал, подумал, а вечер, поздно, к нему дроля приехала, дама така, роскошна. Архиерей им сказал:

— Сейчас не могу разрешить, приходите утром! Кто первый придет, того будут и коровы!

Дедко дело смекнул. Поп домой, дедко под койку затенулсе [к архиерею]. Ну, поутощались с дамой, все что надо сделали, а дедко под койкой сидит. Ну, дама уехала, архиерей заснул, а дедко встал, вышел за дверь и стал, стоит, ждет. Поп, только зорька, приходит, дверь размахнул:

— Я, — говорит, — вперед пришел!

— Нет, я!

Вот и зашумели опеть. Ну, архиерей услышал, вышел.

— Ну, кто, — говорит, — вперед пришел?

Поп говорит: — Я!

А мужик говорит: — Я!

А потом дед-то и говорит:

— А я в то время был, когда Иуда грешный пихался в ад кро-
мешный!

Ну, архиерею больше и крыть нечем, архиерей весь покраснел
и говорит:

— А господь тебя благословит всема́ коровами!

ПАВЛА НИКИТИЧНА КОЖИНА

31. Три брата

Жил-был старик со старухой. У их было три сына. Все три охотника. А худяща лошаденка была — ездили всё на охоту, — стра́шна така́. А никто не куривал из них, никакой сын, — поедут на охоту и спичек не возьмут с собой.

Вот поехали, ездили, ездили, и застигла ночь на пути, вдали от́ дому. Все замерзли, слякоть, все перестыли. Стали ложиться спать под елку, а один, Иван (Иван-то всегда есть в трех братьях), — Иван-то самый младший был, — говорит старшему:

— Потягайся на елку, нет ли где огонька? А то замерзнем здесь без спичек.

Взглянул старший, увидел огонек где-то недалеко.

— Ну, — говорит, — я схожу, посмотрю, что за огонек, не дают ли!

Пошел. Приходит, дошел до огонька. А приходит — старик три раза кругом огня обвился, огонь горит.

— Здорово, дедко! Дай огня!

Дедко и отвечает:

— Какой ты невежливый! Ты бы пришел да сказал: дедушко, дай огонька!

— Лошадь у нас устала, не могли до дому попасть. Вот не могли обогреться никак!

Дедко говорит:

— Расскажи сказку — небылица в лицах, а не знаешь сказки, то дай вырезать из гузна пряжку и из ж... ремень над ж... с вы-
пряжкой, тогда дам огня.

Этот подумал — Кузьма ли, Демьян, — думал, думал: не знаю сказки! Повалился:

— На, режь, надо брать огня, замерзаем.

Ну, дедко стал резать. Резал, резал, всё разрезал, как надо раскроил. Ну, дал огонька. Тот пошел к братьям. Шел, шел, чуть

дотенулся к братьям, братьев соскричал. Принес огонь, ничего не сказал, сказал — с лесины пал, дак досади́лся. Ну, чье-то настро-
ляно было, наварили ужин. Этот и ужинать не пошел:

— Не могу, — говорит, — болею.

Так ночь проспала, утром встали, брат пошевелитье не может. Отвезли домой, оставили дома. Приехал, и дома отцу с матерью ничего не сказал — всё досади́лся да досади́лся. Полежал дома сколько-то, получше стало, опять поехали на охоту. Все охотники были, тем и кормились.

Так же опять ездили, ездили, где-то ночь застала, опять все перемокли, опять спичек не взяли. Вся погода пала. Говорят: как-то надо огонь добывать! (Раньше спичек было мало). Опять на елку выстал, теперь средний брат, нет ли где огонька?

— Увидел, — говорит, — огонек недалеко, надо пойти к огоньку, посмотреть, не дуют ли?

Пошел средний, пришел. Опять шел, шел, шел, да и пришел к огоньку. Опять тот же дедко лежит у огонька, три раза кругом обвился. Говорит брат:

— Здорово, дедко, дай огня!

Ну, дедко опять:

— Какой неочесливый, пришел не спросил: дедушка, не даешь ли огонька?

Зарассказывал, что ездили в пути, огня не достали, замерзли, братья там замерзают.

— Нет, — говорит дедко, — дитятко, я тебе охотно верю, рас-
скажи сказку — небылица в лицах, а не знаешь, дай, — говорит, —
вырезать из гузна пряжку, из ж... ремень над ж... с выпряжкой,
тогда дам огня!

Подумал, подумал, как сказку будешь сказывать? Говорит:

— Давай режь, надо к братьям пойти, братья там холодны,
мокры остались...

Спину заголил. Дедко стал резать сколько душе угодно. Огня
надавал, полную пазуху наложил.

К братьям пришел, братья ужин сварили, зовут, а он на бок пошевелитье не может. Ночь проспал, утром никуда. Братья го-
ворят:

— Мы поедем охотитье, а ты тут жги хоть огонек, не давай
загаситье, может что опять...

Уехали. Поездили, поохотились, чего-то там надоставали. Ни-
куда не уехали [далеко], пока ему получше не стало. И тот ни-
чего не говорит. А первый брат знает, что с этим случилось.

Опять поехали. Ездили, ездили, дождь пал такой — этому по-
лучше стало, уже троима заездили, — дождь пал, огонь загасило,
а лошаденка така кляча, уж и ходить не может. И опять ночь за-
стигла. Уж чего надо! Опять надо огонь как-то искать, не могли
добраться до дому. Иван говорит:

— Вы тут лежите, я пойду искать огня, вы не умеете.

Выстал на елку:

— Я, — говорит, — пойду огня искать!

А братья похохатывают:

— То же и с тобой случитье, что с нами.

Ушел Иван, ходил, ходил, а на старика наткнулся. Пришел, старик опять три раза кругом огня обвился. Иван ведь всегда поумней всех, дак вывернется.

— Здорово, дедушка, — говорит, — не даешь ли огонька?

Дедко и отвечает:

— Этот, — говорит, — какой-то очесливый пришел, да говорит: дедушка, не даешь ли огонька, а эти два разгильдяя приходят, говорят: дедко, дай огня! Какой я им дедко, я старше их, надо дедушкой звать! Дать-то, — говорит, — можно, да у меня огонь-то такой, что надо все просить за огонь!

Иван отвечает:

— Проси, — говорит, — что могу, то сделаю.

Опять:

— Скажи сказку — небылица в лицах, да дай вырезать из гузна ремень, из ж... пряжку над ж... с выпряжкой, тогда даю огня.

Иван сразу смекнул, в чем тут дело. Ну, думает, ты, дедко, братьев моих раскроил, ладно, я над тобой посмеюсь! Говорит:

— Скажу я тебе сказку, только с таким условием...

Дедко и спрашивает:

— Дак что за условие?

Иван отвечает:

— Покуда я сказку говорю, чтобы тебе ни охнуть, ни кохнуть, ни го-го-го. А то, — говорит, — я весь огонь у тебя заберу и тебя без огня оставлю!

Дедушко согласился:

— Ладно, — говорит, — исполню твою просьбу.

— А если ты перечишь мне, так полную шапку золота накласть.

Дедко согласился и на золото. Ну, Иван и заговорил сказку:

— Жили мы, — говорит, — у отца, нас большая семья была, ездили охотитье, а все не умели стрелять, всё в бедноты жили, ружья не было хорошего. Лошаденка худа была, — говорит. — Нас было у отца девяносто семь братьев и на лошади было девяносто семь пятен, мы каждый свое пятно уж знали, каждый как номер. Поехали раз на охоту, лошадь, — говорит, — скочила через ручей, переломилась. А мой номер как раз посередке был, дак я так в ручей упал, меня братья три дня искали... (А дедко молчит). Клинь вытесали березовый, лошадь скотили да уехали домой. Немного пожили дома, опять поехали на охоту. Я братьям сказал: я на середке больше не сяду, опять что-нибудь случитье! Ездили, ездили по лесу, да лошадь хвостом махнула, меня с хвоста и смахнула, — на хвост на самый уселся, дак. Снег глубокий был, в снегу

чуть не утонул, и сбегал домой за лопатой, да выгребся... (Дедко все молчит). Ну, опять поехали дальше охотиться. Все собрались вместе, разыскали друг дружку. Нет, говорю братьям, я не сяду на хвост, к головы ближе всего! Поехали. Где-то лошадь по болоту скакала, скакала, да где-то гривой махнула, перекинула через лес, да я в болоте и утонул. Так братья уехали домой, меня не могли найти. А из болота-то я вытянулсе, не совсем утонул, голова видна. Орел ко мне привык летать, гнездо вить, а орел-то птица поднебесная. Ну, думаю, все равно, орел, я уж от тебя не отступлюсь! Прилетел раз орел, я захватился ему за крылья, и он меня на небеса увез. А на небесах-то жись хороша. Кормили меня там и поили, трапезу в каждый день давали, что священникам в монастыре. Я, — говорит, — мастер на все руки был, все умел делать; сошил всем богам по сапогам, а богородицам по башмакам. Год, — говорит, — жил там, а скучно стало. О братьях стал скучать. Меня, ишь, запросили: «Живи, — говорят, — чего не живешь!» — «Нет, о братьях соскучился». — «Дак как, — говорят, — мы тебя спустим-то?». (Иван говорит): «Ладно, я, — говорит, — чего придумаю». Из пелевки стал вить веревки. Клуб навил, да другой навил, да третий. Ну, думаю, сейчас уж хватит до земли. Зделал крюк, зацепил на небо. Поблагодарил всех за хлеб, за соль, да и стал спускаться на землю. Спускался, спускался, спускался, спускался, клуб выпускался, и земли не видно. Привязал другой клуб, опять спускаться стал, и другой клуб выпускал, все земли не видно. Привязал и третий клуб. Спускался, спускался, только чуть земля засинела, а клуб уже совсем на исходе. Ну вот, а тут погода пала, и клуб кончился, и стало меня качать на этой веревке, а веревка сорвалась, да меня в мох и вбило, только одна голова и осталась торчать... Вот, — говорит, — привыкла ко мне лиса ходить, яйца носить. Просадила яиц несколько. Нет, говорю, не умирать же мне во мху! Ты, лиса, должна меня вытянуть! Приходит на другой день — я за хвост как схватился, она меня по пояс вытянула. На второй день приходит — я изловчился, опять за хвост, сгребсе, она меня по колено вытянула. Ну, думаю, не буду сам вытягаться, придешь и третий раз! Пришла, — говорит, — на третий день, а лисы ведь хитры! Ходила, ходила кругом меня, я изловчился, опять ей за хвост, а как два дня тяжело было — хвост оторвался да у меня в руках и остался. Я, — говорит, — распорол его, а в хвосте-то ящичек, а в ящичке еще ящичек, а во этом ящичке записана книжка, все долги записаны. Я-то, вишь, неграмотный, так не умею читать! Читаю, — говорит, — и глазам не верю: с кого пятьдесят рублей, с кого сто, с кого двести, а с тебя, дедушка, — говорит, — пятьсот рублей...

Дедко и вскочил с огня:

— Какие, — говорит, — деньги с меня? Никому я не должен, — говорит, — никому я не должен!

Иван говорит:

— Слушай, дедушко, у нас ведь уговор был: не перечить мне, покуда я сказку говорю! Я, — говорит, — не знаю, раз написано, значит и должён ты там кому-то... Ну, — говорит, — дедушко, иди, неси-ка мне целую шапку золота, а то сейчас весь огонь унесу!

Ну, делать нечего, дедушко пришлось ходить, золото носить, чем с огнем расстаться.

— Ну ладно, — говорит, — Иван, если такой уговор был, ты посиди, а я побегу домой за деньгами.

Мешок сгреб из-под куста и побежал. А Иван в это время в шапке дырку разрезал, в земли яму выкопал, да на яму шапку склал и сидит у шапки, дожидает дедко. Дедко нашел золото, принес, высыпал в шапку, а в шапке и нигде не видно. Побежал за другим мешком. Убежал, прибежал — в шапке чуть на донышке. Замолился Ивану, что больше денег нет, как хочешь! А Иван не верит:

— Нет, — говорит, — как уговор был целую шапку накласть, так приноси, а то сейчас весь огонь унесу!

Дедко ушел за золотом, да и до сей поры ходит. Иван подождал, подождал, да золото к себе собрал, огня забрал, да к братьям пошел. Так и до сей поры живут, нас переживут, — золота много, да!

32. Про Тұрья да про Басанти

Жил-был старик со старухой, они такі, зажиточно жили. У них было два сына, одного звали Тұрья, а другого — Басантий. Недолго пожили, старуха и умерла у него, остался один. Не старый еще, дети-то большие были. У него еще работник жил; хозяйство большое, работник и заговорил:

— Тебе-ка надо женитьце, хозяйство большое, мне-ка с детьми да с хозяйством не справиться.

— И правда, — говорит, — ты говоришь, мне надо женитьце, ребята тут, одне мужики, так зарастем и в грязи. Съездим в како воскресенье в другу деревню да поищем, — говорит.

Поехали в деревню, приехали, обходил всю деревню этот дедушка, не нашел никого: то молода, то старая, то нехозяйственная. Так дедушка и не женился в этой деревне. Приехал в другую, походил, походил, тоже спрашивал у людей, тоже говорят: нет у нас таких подходящих!

— Ну, еще в третью съезжу! Не найду, так и будем жить, не буду жениться.

Приехал в третью деревню, походил, спрашивал. Сказали, что есть невеста хороша. Скорé честным пирком да свадебкой.

Засватал невесту, свадьбу сыграли, домой приехал. Стали жить да поживать. Жонка так-то хороша, хозяйственна была. Год прожили, да другой прожили, да третий... и стала ненавидеть

детей-то, уж так она их ненавидела! Скрывала все, и работники этот у них все работает. Вот заболела она, к скольким врачам ни перевозили, никаки лекарства не помогают: вот болят и болят! Слегда совсем в постель. Тут и бабки, и знахарки, и все переходили, и все ничего: лежит на постели. Ну и заговорила мужу:

— Я до тех пор не поправлюсь, покуда ты не зарежешь сыновей. Зарежешь сыновей, я кровь ихну выпью и тогда поправлюсь.

А как детей зарезать? Надо их живых, да почти мужики стали — как их зарежешь!

— Если ты не зарежешь, я, — говорит, — уйду от тебя, я жить у тебя не буду.

Дедко и решился зарезать сыновей. Жена дороже уж, чем два сына! Сбавал работника и говорит:

— Я не могу этого дела сделать, а ты уведи сыновей в лес, зарежь, кровь принеси, налей во что-нибудь, тогда жена поправится у меня.

Тот поугovarивал, поугovarивал:

— Что ты, — говорит, — тебе сейчас надо два сына таких зарезать!

— Что, — говорит, — уж раз жена просит, что я могу? Надо зарезать!

И так этот согласился пойти зарезать: не свое, дядино, так не жалко!

Старичок-то работник и пришел к ребятам, рассказал, что вот я должен вас зарезать, мать просит кровь вашу пить, так тогда поправится; надо отцу повиноваться. Пошли. Старичок говорит:

— Возьмите, если есть старые портки, да рубашки там, наберите, сколько сможете снести.

А этот хозяин богатый, не знал, сколько у них скота да овец, да баранов, а работник вечером украл одного барана да увел туда, стоит в лесу. Ну, пришли к тому месту, где баран этот, старичок и рассказал им:

— Вот, — говорит, — я вас сейчас отпущу, барана зарежу, а вы подыте на все четыре стороны, куда глаза глядят. Я барана зарежу да кровь унесу, пусть она пьет.

Так попрощались.

— Вот эти тряпки, — говорит, — мало ли, придется еще воротиться к отцу, так рвите и вяжите на лесины.

Ну вот, так они пошли, где тряпочек оторвут, да где кусочек повесят, и шли, шли, шли, шли, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — все тряпочки вырвали, повешали на дорогу. А у них было по ножичку с собой, и этот работник по три копейки денег им дал с собой. До моря-то не дошли еще, старший, Турий, говорит:

— Басантий, тыкнем ножик в пень и будем смотреть: как ножик не заржавеет — значит, мы оба живы, а заржавеет — значит, какого-то нет из нас.

Ну, согласились, ножичек в пень воткнули, самы дальше пошли. Вот пришли к морю, распрощались.

— Ты пойдй в ту сторону, а я в другую, сейчас, — говорит, — вместе не пойдем!

Разошлись. Долго ли, коротко ли, ходили, ходили, тот брат пришел в деревню и другой в деревню пришел. Нанялись в работники. Пожили год ли, два ли, три... уж мужиками целыми стали, уехали в город. Тот в город и другой, а сами больше знают, что брат есть, а не ездят, не смотрят там ножика, живы ли там, не живы.

В том городе царь умер и в другом городе царь умер. Собирают в церкви сход. Постановили: у кого свеча всех лучше загорит, тот и царем будет. Ну, братья пошли — тот в одну церковь, а другой в другу, тот в своем городе, а этот в своем. Обои думают: «У нас по три копейки денег, где-ка моя свеча всех лучше загорит!». (А свечки-то преже дешевы были — три копейки, да пять копеек, да десять, да пятнадцать, да двадцать, . .). В работах-то жили, немного нажили наверно. Тот взял свои три копейки и другой взял три копейки, уже раз в церковь пришел, так помолось! (А который [из жителей] за двадцать копеек, за пятьдесят копеек берет, который — за рубль. У которого гаснет, у того не горит, — всем царем-то охота!). И Турий пошел свечу ставить. И свечечка у него всех лучше загорела. И все заговорили:

— Царем его надо, царем! Раз уж такой уговор был.

Обои братья так царями и стали, обои женились, стали жить да поживать. Вот Турий и поехал (вспомнил: мы ведь обещали, надо съездить посмотреть, живой ли брат) к ножичку. Самы не знают, живы ли, не живы ли, и не знают, что царями. И они так были похожи друг на дружку, что две капли воды. Ну, этот Турий съездил к ножичку, посмотрел: ножик стоит, блестит на солнышке, как высветлен. Ну, значит, живой.

— Поеду, здесь недалеко царство есть, приворочу, погляжу, как они живут.

Ну и поехал. Приезжает, а там его встречают жена и слуги: думают, Басантий приехал, похожи были, а этот Басантий уехал куда-то на охоту и дома нет. А он знать не знает, что так встречается? А потом узнал, что жена братня. Тут напилсь и наелсь и спать надо. Турий говорит:

— Я сегодня с тобой не поваляюсь.

— Почему ты со мной не повалялся? — всё за мужа считает.

— Я, — говорит, — сегодня много объездил, очень устал...

Так ничего ей не сказал, брат ли, сват ли. Утром встал:

— Меня, — говорит, — вызывают в такой-то город, мне надо съездить обязательно.

Эта как мужа проводила, сама думает: чего он сегодня не лег со мной, никогда такого не бывало, а сегодня и в спальню не зашел? Уехал. Недолго — и муж с охоты приезжает.

Она опять:

— Куда ездил да зачем в город вызывают?

— Да в какой город?

— Да вчера приезжал и спать не лег со мной.

— Никак не приезжал я!

После додумал, что это брат приезжал, и сказал:

— Это не я был, это брат родной мой.

Тогда жена и додумала: вот отчего он спать-то не повалился со мной!

Живут, управляют государством тот и другой. И мачеха поправилась. Работник принес бараньей крови, и она выпила ведро, заходила, заработала.

Потом Басантий говорит:

— Ну, этот раз брат был у меня в гостях, и я к нему съезжу.

С женой поехали, столько годов не видались, обрадовались. Тут уж узнали, что тот царем работает и другой царем служит.

[Опять] жили-поживали. Басантий жены поугovarивал:

— Надо мне съездить на то место, где ножик оставил, живой ли брат у меня?

Ну, та не возражает, брат так брат, поезжай! Старший брат Турий, верно, поумней был, а этот Басантий похуже умом. Поехал, да на охоту приборотил. На охоты поездил, тогда поехал к ножу. Приезжает к ножу, остался здесь ночевать, и сам ничего не знает. А эта мачеха пронюхала, что царями работают, и послала чернавку, чтобы она обоих их со свету сжила. Этот брат ужин сготовил, шатер раскинул и спать, на отдых, безо всякой задней мысли, что кто-то его стережет. Только стал засыпать, а из-за шатра девичий голос запросился, что пусти заночевать меня в шатер, я озябла. У его собака была с собой. Собака орет уж гиблым голосом, а эта все за шатром молится:

— Пусти меня ночевать, я озябла.

Ну, этот царек сжалился, а собака одно орет. Он:

— Залезай, озябла дак.

— Вот, — она говорит, — на кнут, сперва убей собаку, убей лошадей, тогда зайду в шатер, а то мне нельзя войти.

Ну, что уж она, шуткой это делает? Взял у ней кнут из рук, стукнет по чему: стукнул по лошади — камешок очудился, стукнул по собаке — другой камешок.

— Ну вот, — говорит, — сейчас я сама зайду!

Зашла в шатер да стукнула своим кнутом — и братика не стало, братик в камешок превратился.

А жена дожидает дома, больше и ждать не может, и день, и другой, и третий, и неделю, и месяц. . . Ну, сперва думала: к брату в гости уехал, не очень беспокоилась, а потом видит, что это не гостями пахнет. Ну и брату телеграмму подала, уехал, нет ли? Так и так: месяц прошел, все нет. Брат обратно телеграмму шлет, что никакой не бывал, сам догадался, что что-то неладно с братом,

надо съездить, посмотреть. Поехал. На то же местечко приехал. Раньше ездил, смотрел, ничего не видел, а тут приехал — что-то заметно! Посмотрел на ножичек — ножичек весь заржавел, до самого черена.

— Брата нет живого! Останусь-ка я здесь спать, что-то здесь заметно место!

Шатер раскинул, повалился только — и к этому брату запросилось:

— Пусти, я озябла, пусти переночевать!

Турий отвечает:

— Нет, я тебя спать не пушу, мне одному хорошо!

А тоже собака с собой-то была. Полежит, полежит, ну, ревет на лесины:

— Приди, спусти, пусти меня ночевать, я озябла!

— А нет, — говорит, — я тебя до тех пор не спущу, спускайся сама. Я тебя спущу — со мной будет то же, что с братом! Это ты сделала над братом что!

Ну, одно молитце:

— Спусти да спусти! На, — говорит, — кнут, убей свою собачку, тогда я спущусь.

— Нет, — говорит, — до тех пор не убью собаки, покуда ты сама с дерева не спустишься.

Ну, согласилась:

— Я спущусь, только ты держи свою собаку в руках.

Тот пообещал, что буду держать. Когда она спустилась, он собаку из рук и на ей. Собака скочила. Ну, тот приказал:

— Ты держи ее, только не тронь! — И говорит: — Как сама спустилась, так же отдай мне кнут, что у тебя в руках.

— Нет, — говорит, — я не отдаю.

— А не отдаешь, я сам возьму, — говорит. Назвал по имени собаку: — Отними у ней кнут!

Собака кнут отняла, хозяину подала. Ну, эта замолилась:

— Только не бей меня, я все тебе сделаю, что только захочешь тебе сделаю!

А Турий говорит:

— Я до тех пор буду тебя бить, пока кровь не пойдет!

Что раз стегнет, то и кровь идет. Говорит:

— Оживи моего брата, — бьет да приговаривает: — Оживи мою собаку, оживи мою кобылу! Пока ты этого не сделаешь, я все буду тебя бить!

Раз махнет — то и конь встанет, другой махнет — и собака ожила, третий махнет — и брат ожил.

Братья взяли да и расстреляли ей на том же месте, где она просилась спать. Сами поехали к отцу, съездили сперва к женам, рассказали. Старший говорит:

— Это нам мачеха сделала! Поедем к отцу, посмотрим, живой ли, — говорит.

Ну, собрались, а дорога овещёна, дорогу не надо искать: где тряпёк висит, где рубахи кусок, да где портка. Приехали в деревню, попросились к отцу обночевать, а где! — цари приехали, так отец бегом бежит! И работник не умер, работник сразу их узнал, а отец не знает, что сыновья приехали: раз убиты были, так откуда могли взяться? Ночь переспали, да наутро домой поехали, отца с работником-то с собой взяли, а мать на семи воротах расстреляли.

И сказка вся.

33. Вошья шкура

Жил-был поп с попадшей. У них было три дочери. Эти две вышли в замуж, живут себе да поживают, деточек наживают, а эта младша еще молоденька была. Вот поп приходит, — праздник был, — говорит:

— Поищи у меня вшей.

Та искала, искала и вошь нашла у отца. Эту вошь сложили в спичечную коробку:

— Не будем бить, будем растить!

Долго ли, коротко ли время прошло, вошь в спичечную коробку не заходила. Опять долго ли, коротко жили — перекладывали вошь в ящик. Вошь пожила, пожила, в ящик не заходила. Отец говорит:

— Надо бить! Куда уж? В ящик не заходила! Понесем на базар, — кто отгадает, за того и замуж отдаем.

Пошел поп, вошку убил, шкурку высушил и на базар. День ходит, другой ходит, никто не может отгадать. Пришел домой:

— Ладно, — говорит, — подожду!

В одной деревне жила старуха, у ей была дочь страшная-страшная, никто замуж не брал. Вот все ходит в девках, никто не сватается, никто замуж не берет. Бабка была така, знающая, одного мужика сделала медведем за то, что не хотел свататься. Отец с матерью загоревали: днем медведь, вечером человек. . .

Поп опять пошел на базар, ходил, ходил, никто не может отгадать. Идет с базара — медведь идет навстречу.

— Медведь, медведь, отгадай, какая шкура?

Медведь говорит:

— Вошь.

Что поделаешь? Ответ дороже денег. Пришел, говорит:

— Я тебя за медведя замуж отдаю!

Раз так, скорей к свадьбе дело. Свадьбу стали делать, за стол пришли, и эта с медведем садится. Сестры пришли, гости собрались все. А [медведь] говорит:

— Я уйду ненадолго из-за стола!

Ушел в заднюю, шкуру сбросил, пришел молодым удалым, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Вот сидят, свадьба идет, радуются все, что из медведя такой красавец оказался. День гуляют, другой, третий. (Уж на свадьбы, так три дня затянут, подольше! У попа, бывает, подольше гуляют).

Невеста та вспомнила, что он ходил в задню, шкуру снял: «Сожгу шкуру, он навсегда останется без шкуры!». Пошла в задню, шкуру в печку бросила, сожгла.

Ну вот, время прошло там, долго ли, коротко ли, этот схватилсе: надо шкуру одевать. Схватилсе — шкуры нет. Пришел:

— Ну, — говорит, — тебя! Так сделала, — тебе меня не видать! Еще немного бы времени прошло, я сам бы шкуру снял, а сейчас мне без шкуры нельзя на улицу выходить!

А много ли засидишь, надо на улицу пойти! Вышел на улочку, и только его и видели, и след простыл. Стали горевать, а что сделаешь? Мать побранилась, попадья, а что сделаешь, после драки кулаками не машут.

Пожила, пожила [дочь] и матери заговорила:

— Я искать пойду!

— Где ты, дитятко, найдешь его, — говорит.

— Нет, пойду! Сходите в кузницу да закажите три посоха железных, три просвиры железных да три лапти.

Набрала подорожников каких-то, да отправилась. А он — его эта бабка опять снова к себе заввала или уж как-то сделала, что возьмет замуж дочь, — а он живет, работает, все не берет.

А эта девушка все идет и идет, конца-краю нет. Против неба на земле подается вперед. Лапти растоптала, просвиру разгрызла, посох исчиркала, железную шляпу вороны расклевали. Шла, шла, шла, вдруг увидела: стоит избушка на курьих ножках, на петушьей головке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазамы, ко мне воротамы, чтобы мне, дорожному человеку, зайти и выйти!

Избушка повернулась, девица зашла в избушку. Сидит старуха — через грядку титки вёснут, волосамы в печи пашет.

— Фу, фу, фу, какой русский дух! Куда, девушка, идешь?

Та говорит:

— Не накормила, не напоила, стала вести выпрашивать! Ты бы напоила, накормила, баенку истопила, тогда стала выпрашивать!

Ну, бабка не долго, скоро развернулась. Байну пока топила, напоила, накормила, выпрашивала: куда, откуда и зачем?

— А нет, — говорит, — тебе, голубушка, не найти! Он живет у моей сестры, хоть и дойдешь, тебе его не видать. А попытайся. Вот я тебе даю камень, возьми с собой. Если что будет — его достанешь. Пойдешь обратно, тебе беда случится — брось ты этот камень назад себя и скажи: «Станьте, леса дремучие, от земли до неба, от востока до запада, чтобы этой ягой-бабы ни пройти, ни проехать!».

Девка поблагодарила, три рубля дала, дальше идет, до того дошла — вторы лапти растоптала, втору просвиру разгрызла, второй посох исчиркала, втору железню шляпу вороны расклевали. Шла, шла, шла, опять стоит избушка на курьих ножках, на петушьей головке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазамы, ко мне воротамы, чтобы мне, дорожному человеку, зайти и выйти!

Избушка повернулась, девица зашла, опять така же старуха сидит страшна.

— Фу, фу, фу, каким русским духом пахнет! Куда ты, девица, идешь и откуда?

— Ты бы меня напоила, накормила, в байне попарила, тогда бы вести выпрашивала!

Ну, бабка скоро развернулась, напоила, накормила, в байне вымыла, спать повалила, со сна стала выпрашивать: куда да откуда?

Девушка рассказала, как случилось.

— Он живет у моей сестры. А вряд ли ты его получишь, тебе его не видать!

А дала плотку.

— Как тебе беда случится, брось плотку назад себя и скажи: «Станьте, горы каменны, от земли до неба, от востока до запада, чтобы этой ягой-бабы ни пройти, ни проехать!».

Девушка поблагодарила бабку, три рубля дала, отправилась. Шла, шла, шла, опять также — третьи лапти растоптала, третью просвиру разгрызла, третий посох исчиркала, третью железню шляпу вороны расклевали. Опять приходит избушка на курьих ножках, на петушьей головке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазамы, ко мне воротамы, чтобы мне, дорожному человеку, зайти и выйти!

Избушка повернулась, девушка зашла, така же опять старуха сидит — титки через грядку вѣснут, волосамы в печи пашет.

— Куда тебя, — говорит, — бог понес?

Та говорит:

— Не напоила, не накормила, стала вести выпрашивать. Ты бы напоила, накормила, баенку бы истопила, тогда стала выпрашивать!

Ну, бабка скоро развернулась, напоила, накормила, байну истопила, тогда стала выпрашивать. Девушка рассказала, как случилось.

— Нет, — говорит, — девка! Тебе его не видать! Не надо было жгать шкуры, а то скоро свадьба — он женитсе, заставит она его.

— Ну, — говорит, — все равно дойду, посмотрю его хоть!

Эта старуха говорит:

— Вот возьми гребень с собой, мало ли кака беда будет — брось этот гребень назад себя, скажи: «Разлейся, река огненна, от

земли до неба, от востока до запада, чтобы этой ягой-бабы ни пройти, ни проехать!».

Ну вот, девушка дальше отправилась. Шла, шла, шла, пойти незамогла. . . Поскорей сказать — пришла в деревню, попросилась в избу. Расспросила там. Люди ей сказали:

— Ой, — говорят, — девушка, тебе не видать его, ты только в избу-то не заходи, сядь на костер.

Она мастерица была вышивать, села, вышивает. А эта дочь говорит:

— Мама, сходи, купи у ней!

Вышиват сидит полотенце.

— Она ведь не продает!

— Ну, может быть, продает.

Ну, баба-яга отправилась:

— Здорово, девушка, что делаешь?

— Да вот, вышиваю!

— Продай, — говорит.

— А у меня не продажна, оветна.

— Какой, — говорит, — овет?

— А вот, с Иваном-царевичем ночь проспять.

— Ну что, ночь так ночь, приходи в восемь часов, в десять там когда. . .

Девушка ушла, у хозяев чаю напилась. А этот Иван-царевич пришел с работы, а эта баба-яга поит его вином. Напоила вином без ума, бросила в спальню: «Спи!».

Девушка пришла, запустили ее туда. Она пришла — он лежит поперек пола, она его будить стала:

— Иван-царевич, стань, пробудись!

Я до тебя доходила,
Я до тебя доступна,
Трой лапти железны истоптала,
Трой просвиры железных изгрызала,
Трой посоха железных исчиркала,
Трой шляпы железных ворон расклевали!

Так не могла добудиться. Стало светать, баба-яга пришла, что пора домой уходить. Так девушка ушла с разбитым сердцем. «Ну, хоть я его посмотрела!».

Ушла к хозяевам, чаю напилась, опять пошла вышивать, опять на костер села. Сидит, вышиват. Вечер пришел, работу почти докончила, довышивала. Дочка опять посылает мать:

— Мама, сходи, купи у ней!

— Да ведь не продает!

— Ну, может, продаст!

Ну, мать пошла:

— Здорово, девушка, что делаешь?

— Да вот, вышиваю.

- Продай, — говорит.
- А у меня не продажна, а оветна!
- Какой, — говорит, — овет?
- А вот, с Иваном-царевичем ночь проспаты!

Бабка думает: «А что? Опять вином напою, не видать тебе будет Ивана-царевича!».

— Вот, приходи опять в восемь, в десять часов, он сейчас на работе.

Счас сходилa, чаю напилась, а хозяйка:

— Наверно, тебе ничего не добиться, придется домой идти!

А этот Иван-царевич опять пришел с работы, бабка накачала допoлнa: «Спи!». Ивану-царевичу девушку отправила. Девушка бедна опять будила, будила, будит, приговаривает:

— Иван-царевич, стань, пробудись!

Я до тебя доходила,
Я до тебя доступна,
Трои лапти железны истоптала,
Три просвиры железных изгрызала,
Три посоха железных исчиркала,
Три шляпы железных вороны расклевали!

Иван с боку на бок не пошевелился. Опять ночь прошла так, так и не могла Ивана-царевича добудитьце. Утром яга-баба приходит:

— Пора уходить, на работу Ивану пора.

Девушка ушла, ничего так. Пришла к хозяевам, попила, поела, поспала немного. Опять на третью ночь:

— Пойду, попытаю, а не будет ничего — домой уйду, сама виновата.

Села вышивать. Сидит шьет да горьки слезы льет: «Не видать мне Ивана!». Скорее сказать, день запроходил, вышила опять полотенце. А эта яга-баба опять подходит:

— Чего вышивашь? Продай мне!

— Не продажна, а оветна!

— Какой овет?

— С Иваном-царевичем ночь проспаты!

«Ну, спи, — думат, — я тебя обману, я умней тебя, по-старше!».

Иван-царевич догадался: «Что-то меня вином никогда не поили, что-то тут неладно! Сегодня я пить не буду».

Ну вот, [бабка] сказала, что приходи в тако-то время, дома будет. Девушка у хозяев чаю напилась да отправилась. А эта яга-баба Ивана поит, Иван возьмет стакан да за рукав выльет, а сам все притворяется, что будто уж и пьян стал. Напоила досыта, Иван совсем закачался на стуле, незапонимал, — сам никакого стаканчика не выпил, — пал со стула. А та:

— Напоила я тебя досыта!

· Сама за девушкой:

— Проходи!

Та пришла, Иван как будто пьяный лежит. Эта яга-баба смотрит в щель: «Что-то мне подозрительно стало, больно быстро спьянел!».

А Иван лежит, храпит, поперек полу, не шевелитце. А эта девушка бедна опять будит:

— Стань, пробудись, Иван-царевич!

Я до тебя доходила,
Я до тебя доступала,
Трои лапти железны истоптала,
Три просвиры железных изгрызала,
Три посоха железных исчиркала,
Три шляпы железных вороны расклевали!

А Иван не спит, слышит. А баба-яга посмотрела, посмотрела, что Иван спит, не слышит, ушла к себе. А Иван глаза открыл, увидел, что жена сидит, посидели, обрадовались.

— Наверно, нам ничего не сделать, их ведь двое! Я, — говорит, — буду просить, чтобы ты в работницы к нам нанялась, чего-нибудь придумаем.

Попросил, та взяла, работницу нать. Потом он и говорит:

— Она, [баба-яга], каждый день улетает, — говорит, — не знаю, куда она улетает. Когда улетит, ты пойло понесешь коровам, а я розожгу огонь во дворе-то. Эта яга-баба велела тебя сожгать. Я разведу огонь, а ты не становись наперед!

Вот яга-баба улетела, а эта девушка, ее дочь-то, говорит:

— Становись впереди!

А та:

— Я впереди не умею ходить, воду носить, все сзади.

Ну и пойло понесли, вечер уж, пойло понесли корове. Эта яга впереди стала. А Иван-царевич дожидает уже бежать. Та яга не успела огонь переступить, а эта девушка дернула ее, она в огонь упала и сгорела.

Яга-баба прилетела — дочь-то сожгана, кинулась в догоню за ими.

А эти побежали, Иван с женой, домой. Бежали, бежали, бежали, бежали, вдруг девушка говорит:

— Надо послушать, не летит ли яга-баба, не едет ли?

Припала ухом к земли:

— Ой, — говорит, — скоро она здесь будет!

Кинула камень через голову, сама и говорит:

— Станьте, леса дремучие, от земли до неба, от востока до запада, чтобы той яги-бабы ни пройти, ни проехать!

Леса как в сказке выросли. Эта яга-баба пока до дому бегала да топор брала, рассέкла все леса дремучие — это ведь время идет, — далеко убежали!

Бежали, бежали, девушка и говорит:

— Надо послушать, может быть, она посекла леса уже?

Ничего не слышать, опять бежали, бежали, не пьют, не едят. Девушка опять говорит:

— Послушаю, не едет ли яга-баба?

Припала ухом к земли:

— Ой, едет! Земля дрожит!

Кинула плотку через голову, говорит:

— Станьте, горы каменные, от земли до неба, от востока до запада, чтобы яги-бабы ни пройти, ни проехать!

Сразу горы выросли.

Ну, эта яга-баба опять покуда домой бегала за лопатой да за тупицей, так уж эти далеко убежали.

Опять полетела в догоню за Иваном-царевичем. Опять они бежат. Девушка припала к земле: опять догонит — лес посекла, а горы и давно перерос! Кинула гребень:

— Разлейся, река огненная, от земли до неба, от востока до запада — бабы-яги ни пройти, ни проехать!

Река разлилась, а эта яга-баба стоит на берегу, кричит:

— Все равно никуда не уйдете, достану!

Опять домой полетела, только крылья машутся. Взяла дома пест да ступу, сама с пестом да ступой к огненной реки. Пробегала, а те тем временем далеко убежали, недалеко уж и от дома были. Поехала яга-баба в ступе через реку, да погода пала, ступа опружилась, и баба-яга сгорела.

А Иван-царевич с женой до дому доехали и этих теток к себе взяли жить, сделали пир на весь мир, и живут до сей поры.

34. Поп и работник

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был поп, гороховый лоб, масляна бадья да толоконья кутья. Маслица поболтат да толоконца похлебат.

Это не сказка, а присказка, сказка будет после обеда, когда наедемся мягкого хлеба.

Жил-был поп с попадьей. У них не было детей-то никого, а скота много держали. Вот поп:

— Матушка, — говорит, — надо нам работника взять! Без работника-то тяжело. Я в воскресенье службу отслужу да съезжу на базар, там кого-нибудь подыщу.

Матушка говорит:

— Ты только Ивана не бери! Иваны все дураки.

— Ладно, — говорит, — матушка.

Приехал батюшка там на базар ли, на ярмарку, — на базар, — так давай искать работника. Там ходит, попадает молодой человек.

- Здорово, батюшка!
- Здорово, молодой человек!
- Куда идешь?
- Работника нанимать.
- А я в работники попадать.
- А как тебя звать?
- Иваном.
- Нет, Ивана не надо, Иваны все дураки.
- А как, батюшка, в деревне все Иваны!
- Нет, — говорит, — в другую деревню съезжу, там посмотрю.

Ну, сказал — в другую деревню. Иван в друго платье переоделся да бежать, деревня рядом, да. Приезжает батюшка в другую деревню, тот же Иван встречается:

- Куда, батюшка, едешь?
- Работника нанимать. А ты куда?
- Я в работники попадать.
- Как тебя зовут?
- Иваном.
- Нет, Ивана не надо, Иваны все дураки.
- А у нас в деревне все Иваны!
- Ну, поеду, еще в деревню съезжу.

Приезжает в третью деревню, опять Иван встречается, Иван опять платье переодел.

- Здорово, батюшка!
- Здорово, молодой человек!
- Куда едешь?
- Работника нанимать.
- А я в работники попадать.
- А как тебя зовут?
- Иваном...

А уж не хотелось Ивана брать, да всё Иваны попадаются, уже две деревни проехал.

— А у нас в этих деревнях всё Иваны!

Ну, батюшка взял его, привез домой.

— Какой уговор-то, — спрашивает, — что будешь платить-то за житье?

— А там, в деревне договоримся.

Ну, приехали. Иван работает — нахвалиться не может. Ну, зима заприходила. Овец-то много, надо резать. Матушка сказала:

— Пошли Ивана!

Иван приехал с дровами.

— Пойди, — говорит, — зарежь овцу.

— А каку?

— А кака на тебя глядит.

Вот Иван пошел резать, приходит, а все на него глядят. Иван давай по очереди, всех зарезал. Ну, куда мясо убирал да опускал, долго домой-то не идет. Матушка и захопотала:

— Что-нибудь с Иваном неладно! Столько времени прошло, не идет обедать!

Вышла на улицу, а у него все овцы зарезаны. Матушка домой с ревом бежит:

— Батюшка, я тебе говорила, не бери Ивана, Иваны все дураки! Всех овец зарезал...

— Ну, ничего, уж что делать, мужик старательный, пусть живет.

— Надо прогнать его!

А срок-то не вышел, чтобы прогнать. Оставили Ивана. Живет-поживает, поп не нахвалится. А матушке Иван приглянулся. Поп в церковь служить, а Иван к матушке на постель. А батюшка знать не знает. Приходит из церкви:

— Тебя, матушка, в церкви не было сегодня?

— А вот зубы заболели, не могла пойти...

Опять мясо-то съели, зима запроходила, батюшка ничего не замечает, а матушка живет с Иваном, как в гусли играет.

Которо мясо продали, а которо съели. Матушка говорит:

— Надо Ивана послать зарезать быка ли, телицу.

— Нельзя Ивана посылать, он всех зарежет.

— А что, он нынче умный стал, не зарежет.

Иван с работы приехал, говорят:

— Иван, поди, зарежь быка ли, телицу.

— А котора-то быка резать?

— А какой на тебя глядит.

Иван приходит, а бык и телица — все на него глядят. Иван того отведет, щелканет, другого, всех до одного убил. Одна хуляца коровенка осталась, недойна. Батюшка:

— Пойти, посмотреть, что Иван долго не идет?

А у Ивана весь амбар мяса nanoшен. Батюшка забранился.

— А вы сами говорили: зарежь, который на тебя глядит, а они все на меня глядели!

Батюшка:

— Надо Ивана рассчитать!

А матушка:

— Работник хороший, так греха никакого нет.

Ивану чего — живет, матушка на защиту пошла, дак!

Ночью батюшка с матушкой повалились спать, батюшка говорит:

— Надо Ивана утопить, так он нам на весь век навяжется. Озеро рядом, сядем, поедem, я его толкану с саней, озеро-то не замерзло, а плавать не умеет, он улетит да утонет.

Матушка-то сперва не соглашалась, потом согласилась:

— Ну что уж, он нам горя-то столько причинил.

Уехали в лес, дров воз нарубали.

— Ну, Иван, — поп говорит, — ты устал рубить, я сам буду править, ты садись назад.

— Ладно.

Иван давно смекнул, что поп замышляет. Поехали к озеру, заприезжали, поехали о озеро.¹ Батюшко подвернул задок к самому озеру. Батюшка Ивана толкнул, а Иван батюшка за подрясник сгрел, да через себя перекинул, у попа только пузыри пошли. Так и поп утонул.

А Иван лошадь подгонил, к попадье уехал, да и стали с попадьею жить да быть, да добра наживать, да и до сей поры живут, нас переживут. И сказка вся.

35. Ангел на земле (1-я версия)

В одном селении родила женщина двойников. Бог послал ангела, чтобы он вынул душу из этих детей. Ангел прилетел: посмотрел, посмотрел, ну чего? мать лежит на койке, а дети малышки. Пожалел маленьких и не вынул. Когда прилетел на небо, господь отнял у него право крыло за непослушание родителей, прогневался господь на него.

Недолго снова посылает на землю:

— Слтай, — говорит, — вынь душу у этой родильницы.

(Скажут: господь терпелив и многомилостив; еще скажут: на господя грех обижаться, а видишь, что делает, так как не заобижаться!).

Тот полетел опять на землю. Прилетел — дети маленькие, как их сиротами оставишь! Постоял у кровати, дети ревут — пожалел. Улетел опять обратно на небо. Прилетел, господь отнял у него лево крыло. Немного помешкали.

— Вот, — говорит, — третий раз полетай, вынь душу, должны они сиротами остаться, а если не вынешь, отниму я обеи крылья и ты уйдешь на землю жить.

Ну, тот опять пожалел. Прилетел, да так, — сжалился, — обратно прилетает.

— Ну что, вынул?

— Нет, не вынул.

Ну, господь спустил его на землю и отнял обеи крылья. Он попал на остров на какой-то. Забрался в сено там, жил, куда сено не завозили. Привезли его домой, он жил год целый, все молился богу, просил прощения, как будто что больше не сделает. Все в церковь придет, в самый уголок станет, под порог. Никакой молитвы не читает, одно «Отче наш» только. И он три года молился, чтобы господь простил его. Ну, потом господь ему сказал:

¹ Т. е. по берегу озера.

— В духов день стань на крылос, и когда запоют: «Вострубим трубою песни, възиграет рабственное и ликоствует праведное», тогда, — говорит, — я тебя возьму обратно.

Приходит духов день (после троицы), етот архангел стал на крылос. Все изумились, почему он всегда стоял в подпороге, а тут ушел на крылос? Когда райские двери раскрылись и запели ету: «Вострубим трубою песни», и человека не стало на крылосе. Вот и все.

36. Как «пугает»

Я в бога-то не верю, ни в леших не верю, така раскольница! А на тони сидела, со стариком, вот приду — а он, [старик], как кашляет, и духу табачного нанесет... А куда! Он за три километра.

А матери, той всё пугало. Дьячок был у нас, Демид Алексеевич. Так мать пойдет на мох по морошку, глядит — а он идет в подряснике, во всем, красным кушаком опояшется. Она его спрашивает:

— Куды пошел, Демид Алексеевич?

Он и застучит батогом:

— Куда Демид пошел? Куда Алексеевич пошел?

Да она помолится, помолится — и Демид уйдет... А то монаха встретит...

Отец-то на божественных книгах сидел, так ни во что это не верил:

— Пока, — говорит, — не увижу сам, не поверю ни за что!

37. Ангел на земле (2-я версия)

Дед-то мой, Гаврил, верующий был. Он сам три жены имел и двадцать трех детей от них. Так вот, он ходил на пасху в церковь, слушать в замочную скважину у дверей церкви. Не мог до конца выстоять, хоть и не трус был. Два раза в церкви пол перебрали, одна половица осталась неперевернутой, он на ней стоял. До самой смерти никому не говорил, что он слышал. Только перед смертью сказал сыновьям их судьбу, предсказал все, что ждет их впереди. Это ему рассказали, когда он слушал у церковной двери.¹ Одному из сыновей сказал, что у него тоже будет три жены и семнадцать детей, так и вышло. И остальным сыновьям все сказал.

А еще говорят, что когда у этого деда, Гаврилы, умирала вторая жена при родах (она рожала десятого ребенка, а первая умерла, оставив четверых детей), будто бог послал ангела за ее душой. Прилетел ангел в первый раз, не смог взять душу, жаль

¹ См. настоящий сборник, № 109.

стало женщину — мать десяти детей. Вернулся к богу без ее души. Отправил его бог во второй раз, ангел вернулся ни с чем. И в третий раз то же самое. Тогда бог наказал его: отнял у него крылья. А через некоторое время люди поехали сено косить на Сиговец (там никто не жил) и в сене нашли человека. Никто не знал, откуда он появился. Привезли его в деревню, — это все было в Варзуге, — и жил он там с людьми. В церковь ходил только. Придет, встанет у порога и стоит. Больше никуда и не ходил. И вот ему приснилось: бог говорит, чтобы он пришел в церковь и встал на клирос, когда там будут петь последнюю песню, он простит его. (А это и был тот ангел, который не смог взять душу умирающей). Прошло ровно три года с тех пор, как бог его наказал; и вот он так и сделал. И действительно, после того как пропели эту песню, человека на клиросе уже не было. Бог снова вернул ему крылья и вернул его к себе ангелом.

КУЗОМЕНЬ

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА СИДОРОВА

38. Как в триста три травы рассыпáлся

Был-жил царь и царица. У того царя и царицы никого детей не было. Царь задумал клик кликать:

— Кто бы от меня ухоронился, я бы тому отдал полжитья, полбытья, половину богатства, при смерти царем на царство. А кто не ухоронится, у того голова с плеч.

Один голь кабацкой выискался: «Не хитро от царя ухорониться!» (хочется богатства дак). Пошел в кабак. Купил вина, выпил. А не хитро от царя ухорониться: пошел в конюшню, завалился к лошадям под нос, ночь проспал.

Утром царь встает ранёшенько, умывается белёшенько и садится на престол. Брал волшебную книгу в руки и слугам сказал:

— Подьте, он у лошадей под носом лежит, спит.

Слуги пошли, его привели. А у них уговор был: как не ухоронится, голова с плеч. Отвели, у него голову засékли.

Опять царь жил-пожил, опять стало ему скучно, опять стал клик кликать:

— Кто бы от меня ухоронился, я бы тому отдал полжитья, полбытья, половину богатства, при смерти царем на царство.

Опять выискался голь кабацкой: «А, не хитро от царя ухорониться!». Опять сходил в кабак, выпил, пошел к лошадям, на повёт ухоронился.

Утром опять царь встает ранёшенько, умывается белёшенько, садится на престол, берет волшебную книгу в руки, своим слугам говорит:

— Подьте его заберите, он там, на повети лежит.

Его забрали, голову сказнили.

Опять стал царь жить-поживать, опять стало царю скучливо, опять стал клик кликать, опять богатство отдавать и после смерти царем на царство.

Третий выискался. Тот не такой, получше. Договорился на три дня: уж если не ухоронюсь, тогда голова с плеч полетит. Пришел вечер. Он вышел на царско крыльцо, покатился с царского крыльца клубком, прикатился в чисто поле, рассыпáлся в триста три травины и тут ночь простоял.

Утром царь встает ранёшенько, умывается белёшенько, садится на престол, берет волшебную книгу в руки.

— Да, — говорит, — этот был похитрее, вышел на царское крыльцо, покатился клубком в чисто поле, рассыпался в триста три травины и ночь простоял!

Вот другая ночь приходит. Этот молодец выходит на крыльцо, покатился клубком, выкатился в чисто поле, рассыпался в триста три травины, постоял, подумал: «Тут мне не место, тут меня царь найдет». Собрался из травы в клубок, из клубка в голубя, взлетел на сушину, посидел, подумал: «Тут мне не место, не местешо, тут меня царь найдет». Взлетел на небо, рассыпался в триста три звезды и тут ночь простоял.

Утром царь встает ранёшенько, умывается белёшенько, берет волшебную книгу в руки.

— Да, — говорит, — этот похитрее будет. Вышел на царское крыльцо, покатился клубком, выкатился в чисто поле, рассыпался в триста три травины, постоял, подумал: «Тут мне не место, тут меня царь найдет». Собрался из травы в клубок, из клубка в голубя, взлетел на сушину, посидел, подумал: «Тут мне не место, не местешо, тут меня царь найдет». Взлетел на небо, рассыпался в триста три звезды и тут ночь простоял!

Этот молодец собрался из звезд в голубя, взлетел на сушину, со сушины слетел на землю, рассыпался в траву, из травы собрался в клубок, прикатился на царско крыльцо, обернулся молодцом.

Вот третья ночь приходит. Этот молодец вышел на царское крыльцо, покатился с царского крыльца клубком, выкатился в чисто поле, рассыпался в триста три травины, постоял, подумал: «Тут меня царь найдет». Собрался из травы в клубок, из клубка в голубя, взлетел на сушину, посидел, подумал: «Тут мне не место, не местешо, тут меня царь найдет». Взлетел на небо, рассыпался в триста три звезды, постоял, подумал: «Тут меня царь найдет». Собрался из звезд в голубя, из голубя в траву, из травы в клубок, из клубка в молодца и пошел по дороге куда головой стою.

И шел, шел, и така ночью буря, погода пала, прямо страшна, и зашел под дуб, а под дубом Ногуй-тетушки птицы дети. И он захотел одного съесть, а тот заговорил:

— Не ешь, ты съешь из нас одного, сыт не будешь и голоду не избудешь, а от нашей матушки под сер камешек не уйдешь. И он снял с себя оболочину и прикрыл их; и они спаслись, живы остались, не замерзли.

Наутро мать прилетает:

— Ох, — говорит, — мои дети, как же вы спаслись?

Они отвечают:

— Вот один добрый человек нас спас. Он захотел одного из нас съесть, а мы сказали: «Не ешь, ты съешь из нас одного, сыт

не будешь и голоду не избудешь, а от нашей матушки под сер камешек не уйдешь». И он снял с себя оболочину и прикрыл нас, и мы спаслись, не замерзли.

Она стала его спрашивать:

— Как ты сюды, добрый человек, зашел-попал?

Он ей рассказывает:

— Вот я от царя ухорониваюсь, и последняя это у меня ночь, третья. Больше не знаю, как ухорониться, вот сюда забрел.

Тогда она выдернула из-под правого крыла перо и втыкнула в шапку, в левую сторону ему, и говорит:

— Пойди к царю, трои сутки живи, ешь, пей из одной чашки, и он тебя не увидит.

И он поблагодарил ее и пошел в свою сторону. Пошел и пришел к царю, и стал из одной чашки есть и пить, и царь его не увидел.

И царь бегаёт, ищет. Встает царь ранёшенько, умывается белёшенько, садится на престол, берет волшебную книгу в руки, говорит:

— Да, этот похитрее. Вышел на царское крыльцо, покатился клубком, выкатился в чисто поле, рассыпался в триста три травинки, постоял, подумал: «Тут мне не место, тут меня царь найдет». Собрался из травы в клубок, из клубка в голубя, взлетел на сушину, посидел, подумал: «Тут мне не место, не местешо, тут меня царь найдет». Взлетел на небо, рассыпался в триста три звезды, постоял, подумал: «Тут мне не место, тут меня царь найдет». С неба спустился, в клубок собрался...

И больше найти не может. Все книги свои просмотрел. Ну, думает, проиграл полбытья, полжитья, полцарства.

И он его найти не мог, пока этот молодец не вынул пера из шапки. Трои сутки прошли, он вынул перо из шапки и показался царю. Тут царь говорит:

— Проиграл я полбытья, полжитья, полцарства.

И стал его при себе держать до самой смерти, а потом посадил царем на царство.

39. Про стоптанные башмаки

Жил-был царь да царица. Была у них дочь. И у них дочь да кухарка по семеро башмачков в ночь топтали. И царь стал клик кликать:

— Кто бы мою дочь укараулил, тому бы дал полжитья, полбытья, полбогачества, полцарства и дочь взамуж, при смерти царем на царство.

Один голь кабацкая выискался: «Не хитро дочь укараулить, я укараулю». Пошел в кабак, купил вина, выпил, пришел к царской дочери на вечеринку и повалился на лавку спать, захрапел. Вот дочь говорит кухарке:

— Посмотри, спит ли он?

— Спит.

— Ну, пойдем.

Они завязали по шесть пар башмачков в тючок, по седьмым надели, ночь пробегали, башмачки разбили. А утром приходят, будят его:

— Ну, вставай, нам надо спать ложиться!

Как будто вечер уже. Он встал, ничего не заметил.

Ну, ему голову сказнили. Стал царь снова клик кликать:

— Кто бы мою дочь укараулил, тому бы дал полжитья, полцарства и дочь взамуж.

Опять один голь кабацкая выискался: «А не хитро у царя дочь укараулить, я укараулю». Опять пошел в кабак, купил вина, выпил, пришел, повалился, заснул, захрапел. Они опять посидели, посидели, по шесть пар башмачков в тючок завязали, по седьмым одели, дверь закрыли на замок. Ночь пробегали. Опять пришли, его побудили. Наутро царь призывает его. Он говорит:

— Не знаю, куда ходили.

Опять и этому голову сказнили.

Опять царь стал клик кликать, третий раз:

— Кто бы мою дочь укараулил, тому бы дал полжитья, полбытья, полцарства и дочь взамуж.

Опять один голь кабацкая взялся у царя, дочь укараулить. Этот выискался получше. Пошел в кабак к целовальнику, спрашивает:

— Вот царь велит его дочь укараулить, дает полжитья, полбытья, полцарства и дочь взамуж, а не укараулишь — голова с плеч.

А тот целовальник говорит ему:

— А дашь мне полцарства, полбогатства, так укараулишь!

Он согласился. Вот целовальник дал ему кумку-невидимку и сапоги-скороходы и вырядил себе половину богатства.

Он выпил немного вина и пришел к ним на вечеринку. Повалился на лавочку, поприметил, что окошко отключивается, и притворился, как будто заснул. Они посидели, посидели, опять говорят:

— Спит ли?

Эта кухарка говорит:

— Спит!

Ну, спит. Они опять по шесть пар башмачков в тючок связали, по седьмым одели, вышли, стали дверь запирать. Пока закрывали, он в окошко выскочил, шапку-кумку одел и сапоги-скороходы и пошел за ними вслед.

Шел, шел, пришел медный лес. Они по башмачкам растоптали. Он сучок сломил. Эта царевна спрашивает у кухарки:

— Нет ли кого за нами?

Та отвечает:

— Нет никого, я башмачком задела, сучок сломался.

Опять побежали. Бежали, бежали, серебряный лес пришел. Опять по башмачкам растоптали. Он опять сучок сломал. Опять царевна спрашивает:

— Нет ли кого за нами?

— Нет никого, это я пальтом задела, сучок сломался.

Опять побежали. Бежали, бежали, по башмачкам растоптали, пришел золотой лес. Он опять сучок сломал. Опять царевна спрашивает:

— Нет ли кого за нами?

Опять кухарка отвечает:

— Нет никого, это я шалью задела, сучок сломился.

Вышли из лесу — река течет. За рекой дом большой стоит, огни светлы. Из-за реки едет лодка, в лодке два мужика в красных колпаках едут. Приехали. Они в лодку заскочили, кухарка и царевна. А этот поперед ее в лодку заскочил, они и не заметили. А эта царевна домекается:

— Отчего у нас лодка грузна сегодня? — говорит.

А кухарка отвечает:

— Мы сегодня много кушали, оттого и лодка грузна.

Переехали за реку. Зашли в дом. В доме одне мужики, все пляшут, все скачут. Плясали, скакали, по башмачкам стоптали. А он в большом углу сидел, никто его не видел.

Вот напаясались, переехали за реку и снова побежали. Бежали, бежали, опять по башмачкам растоптали, золотой лес пришел. Дальше побежали. Бежали, бежали, серебряный лес пришел. Опять по башмачкам стоптали. Опять побежали, и медный лес пришел. По седьмым башмачкам растоптали. И вот прибежали домой. А он заскочил прежде них, в окошко залез. Окошечко закрючил и повалился на лавку, на тот же бок. Вот они входят:

— Ой, — говорят, — он и не пошевелился!

Вот утром царь его призывает, опять спрашивает:

— Укараулил мою дочь?

Он говорит:

— Укараулил.

— Куда же они ходят?

— Я пришел к ним на вечеринку, повалился на лавку, они посидели, посидели, говорят: «Спит ли?». Эта кухарка говорит: «Спит». Ну, спит, они по шесть пар башмачков в тючок завязали, по седьмым одели и побежали. А я вышел за ними вслед. Шел, шел, они по башмачкам стоптали, медный лес пришел. Вот я медный сучок отломал.

Царь удивляется, что такие леса есть. Он вынул сучок, на стол положил:

— Вот! Дальше побежали. Бежали, бежали, серебряный лес пришел. Опять по башмачкам растоптали. Я сучок отломил. Царевна спрашивает: «Нет ли кого за нами?». А кухарка ей отвечает: «Нет никого, это я задела пальтом, сучок сломала».

Царь удивляется, он опять сучок на стол.

— Вот дальше побежали, золотой лес пришел. Опять по башмачкам стоптали, опять я сучок отломил. Опять царевна спрашивает: «Нет ли кого за нами?». Кухарка ей отвечает: «Нет никого, это я шалью задела, сучок сломала».

Опять царь удивляется. Он сучок на стол положил, царь дивится: как леса есть!

— Вот дошли до реки. За рекой дом большой стоит, огни горят. Из-за реки едет лодка, в лодке два мужика в красных колпаках. Они зашли в лодку, я заскочил в нос.

Царь удивляется:

— Почему же они тебя не видят?

— А вот, не видят! Дочь твоя говорит: «Почему же лодка грузна?». А кухарка отвечает: «Мы сегодня кушали много, оттого и лодка грузна». Переехали за реку. Зашли в дом, стали плясать. Плясали, скакали, еще по башмачкам стоптали. Наплясались, переехали опять за реку, пошли. Золотой лес, прошли, и серебряный, и медный. Домой прибежали, а я впереди заскочил и на лавку лег. Вот они входят: «Он, — говорят, — на одном боку спал и не пошевелился».

Царь повелел:

— Дочь разбудите, приведите.

Вот ее привели.

— Куда ходишь?

Она отвечает:

— Никуда не хожу.

Тогда этот человек все пересказал¹ и сучки показывает, — тут ей деться некуда.

Вот он полцарства, полгосударства получил и царскую дочь в жены, и целовальнику тому половину имения за шапку-невидимку и сапоги-скороходы отдал. А сам стал жить-поживать да царствовать.

40. Про земляную орду

Был-жил царь и царица. У этого царя и царицы было три сына. Старший сын говорит:

— Татушка, мамушка, спустите меня по чистому полю погулять, людей посмотреть да себя показать.

Отец с матерью его и спустили. Он уехал, домой не приехал. Ждут долго — нет. Второй сын отпросился:

— Татушка, мамушка, спустите меня по чистому полю погулять, людей посмотреть да себя показать.

Отец с матерью стали говорить:

¹ Иногда здесь снова все пересказывается.

— Вот, один сын уехал, домой не приехал, и ты уедешь! Ну, он уехал, не послушался. И он не приехал. И младший, третий сын запросился:

— Татушка, мамушка, спустите меня по чистому полю погулять, людей посмотреть да себя показать.

— А, — говорят, — два уехали, домой не приехали, и тебя не отпустим.

А он говорит:

— Спустите — поеду, и не спустите — поеду.

Сел на коня и поехал, не послушал родителей.

Ехал, ехал по чистому полю и наехал два шатра с золотыма маковками. В тех шатрах — братья его. И силы тьма-тьмушая в поле стоит; и сила на их нейдет, и они на ее не идут. Он удалил по шатрам своим копьем, они вышли.

— Что вы, — говорит, — братья, спите? Столько силы, тьма-тьмушая!

И стали они воевать, силу эту избивать. И вот, сколько ни бьют, бьют, силы этой не убывает. И сколько ни били, ни секли, всё силы не убывает, и он говорит братьям: «Стойте пока, а я поеду». Ехал, ехал, кругом эту силу объехал всю и видит: в чистом поле стоит один дом большой. Он подъехал ко крыльцу, привязал к кольцу коня, вошел в дом. Там сидит девица, тклет кросна. Как набили раз шелконет, так выскочит конь да мужик, — и на службу пошел.

Он постоял, постоял, посмотрел, поглядел, взял, натянулся и срезал у нее эти набилочки, ей больше и ткать нельзя, и сам из избы вон. Она ему закричала:

— Вернись обратно!

А он ей ответил:

— Вытянись из окна попуше!

Она из окна выглянула попуше, до пояса; он лук натянул и ей подстрелил, а сам поехал прочь. Когда он ее застрелил, у нее люди были в погребу, все вышли. Вот к этим братьям приехал, и стали [они] силу эту бить. Били, били и всю силу избили. Подъехали к этому дому, этот дом взяли сожгли. А сами поехали по чисту полю, искать: нет ли еще чего? Ехали, ехали — плита большая. Они подняли эту плиту, видят — там нора в землю; и им захотелось посмотреть, что в земли есть? Посмотрели, Иван-царевич братьям своим говорит:

— Вы посидите, покараульте, а я отдохну. Девять дней, девять ночей я не спал, все ездил, посплю.

Вот сколько-то времени, мало ли, много, он поспал, и все поехали к отцу. Вот Иван-царевич говорит отцу:

— Вот, вы меня не спускали, а я братьев выручил.

И у отца спросили волов. Отец дал им волов убить. Они накрутили ремней и поехали к этой норе. Приехали к этой норе в землю, и он говорит:

— Спускайте меня в землю и дожидайтесь, сидите, пока я не задергаю эти ремни. Хоть долго ли, коротко ли пройдет, а дождитесь.

Спустился. Там земля. Пошел по зелени, по травы. Там луга, всё-всё. Он вышел, шел, шел — стоит город. Все дома стоят пусты, никого нет. В самый большой дом пришел, там сидит одна девица. Бросилась ему на шею, говорит:

— Сделай, Иван-царевич, такую отеческую милость, выведи меня из земляной орды!

— Ладно, — говорит, — я тебя за старшего брата отдам замуж.

Ночь переночевали, утром попили, поели. Вот он дальше пошел. Опять в город пришел, там опять всё пусто. В самый большой дом зашел, там опять сидит девица. Бросилась ему на шею:

— Сделай, — говорит, — Иван-царевич, такую отеческую милость, выведи меня из земляной орды!

— Ладно, — говорит, — я тебя за среднего брата отдам, как обратно пойду.

Опять ночь переночевал, опять идет третий день до ночи. Опять город пустой стоит. Зашел в самый большой дом, там опять сидит девица. Бросилась ему на шею, говорит:

— Сделай, Иван-царевич, такую отеческую милость, выведи меня из земляной орды!

— Ладно, возьму тебя за себя замуж.

Ночь переспали, наутро встали:

— Собирайся, — говорит, — пойдем.

Вышли на улицу, она платком махнула, это царство в яичко спакнула, яичко в карман положила, и пошли.

До второй девицы дошли, опять ночь переночевали, опять наутро встали:

— Ну, собирайся, я тебя за среднего брата отдам.

Вышли на улицу, она платком махнула, это царство в яичко спакнула, в карман положила, и пошли.

Опять шли, шли и до третьего города дошли. Ночь переночевали, наутро встали:

— Ну, собирайся, пойдем, я тебя за старшего брата отдам.

Вышли на улицу, она платком махнула, это царство в яичко спакнула, в карман положила, и пошли.

Шли, шли, до ремней дошли. Пришли к норы, к ремням. Он привязал эту, старшему брату, и задергал за ремни. Вот они вытянули и засудились: кому ее? Она говорит:

— Не судитесь, я старшему брату, а там и среднему есть.

Спустили ремни, он другую привязал и задергал за ремни. Они вытянули и эту. Опять засудились: кому ее?

— Не судитесь, — она говорит, — я среднему брату, а там младшему есть.

Вот спустили ремни, он третью привязал, задергал за ремни. Они вытянули и стали спорить; один говорит: «Эту мне», и другой говорит: «Эту мне». А брата и не тянут. Она постояла, посмотрела и скатилась обратно в нору.

— Ох, — говорит, — Иван-царевич! Не владеть тебе будет мною, спорят братья из-за меня!

Ну, братья посидели, он больше за ремни не дергает. Ну, они и поехали к себе.

А Иван-царевич пошел обратно с ней к тому месту. Она махнула платком — опять город сделался, и стали они жить вдвоем в городе. И он ходит дни-днямы, и нигде никакого человека не встречает, и так ему стало скучно!

И идет он однажды за городом и видит: на железной плиты мужик мужика бьет железным молотом в голову. И тот ему взмолился:

— Вот, ночесь ходил, пил, напил на сто рублей. Выкупи меня! Я, — говорит, — тебя убью, на твоей жены женюсь!

Он думает: вот какой дурак! Встал и прочь пошел. Пришел домой — жены ничего не сказал. Попил, поел, ночь переспал и опять в то же место пошел, заинтересовался, что же там делается? Видит: того же мужика на той же плиты два мужика бьют двумя железными молотами в голову. Он взмолился:

— Иван-царевич, вот, ночесь ходил, пил, напил на двести рублей. Выкупи меня. Я тебя убью, на твоей жены женюсь!

Он постоял, подумал: что за дурак? И прочь пошел.

Ночь переспал, опять жены не сказал и опять в то же место пошел. Видит: того же мужика на той же плиты уже три мужика бьют тремя железными молотами в голову. Мужик ему опять взмолился:

— Иван-царевич, выкупи меня! Ночесь ходил, пил, напил на триста рублей. Я, — говорит, — тебя убью, на твоей жены женюсь!

Он постоял, подумал: ну, все равно, хоть убьет ли, не убьет, и триста рублей вынул, дал этим. Он рассчитался и привел этого мужика к себе в дом.

— Вот, — говорит, — жена, я работника привел.

Работник такой стал хороший, услужливый. Везде ходят с работником. Однажды пришли за город, сидят. И он говорит, этот работник:

— Скучливо тебе, Иван-царевич, жить здесь, в земли, в земляной орды?

И тот говорит:

— Делать нечего, надо жить, попасть никак.

И он говорит:

— Ну, желаешь, я тебя выведу.

День походили, вечером пришли домой. Он говорит жены:

— Собирайся, наутро пойдем. Этот работник нас будет выводить.

Ночь переспали, вышли на улицу, она платком махнула, это царство в яичко спакнула, яичко в карман положила, и пошли.

Шли, подошли, пришли к синему морю. Вдруг из моря идет кит морской, фырчит. Разошелся в самый берег. Слуга этот оградил его рукой — и очудился черён корапь.

— Вот, — говорит, — заходите на корапь и пойдемте.

Вот пошли. День прошли, ничего не видно. Вот вечер пришел. Иван-царевич выходит из каюты:

— Дай-ко, — говорит, — я сяду за руль, поправлю за тебя, устал ты.

— Нет, — тот отвечает, — деньги взяты, так работать нать.

Вдруг, около середка ночи, прилетают три птицы, садятся около середка мачты, и одна говорит:

— Ходил ты, Иван-царевич, в земляной орды, вывез ты себе жену красавицу и благоразумную женщину!

Вторая птица отвечает:

— Что в том счастья и благополучии и в жены красавицы, благоразумной женщины! Пока он ходил в земляной орды, не стало у его родной матушки, женился отец на ягой-бабы. Как он придет, ему мачеха поднесет на дворе чару зелена вина, как он выпьет, так его разбьет.

А третья и говорит:

— А кто это слышит, Ивану-царевичу перескажет, тот по колено окаменеет.

А слышит это один слуга.

Вот ночь прошла. Идут другой день. Приходит вечер. Опять Иван-царевич выходит из каюты:

— Дай, — говорит, — я сяду за руль, поправлю за тебя. Устал ты.

— Нет, — тот отвечает, — деньги взяты, так работать нать.

Опять Иван-царевич с женой спать повалились, опять прилетают три птички, садятся около середка мачты. Опять одна и говорит:

— Ходил ты, Иван-царевич, счастливо и благополучно в земляной орды, вывез ты себе жену красавицу, благоразумную женщину!

А другая говорит:

— Что в том счастья и благополучии и в жены красавицы, благоразумной женщины! Пока он ходил в земляной орды, не стало у его родной матушки, женился отец на ягой-бабы. Как он придет, поднесет ему мачеха фанцеву рубашку. Как он наденет, так его разбьет.

А третья говорит:

— А кто это слышит, Ивану-царевичу перескажет, тот по пояс окаменеет.

Опять ночь прошла. Опять Иван-царевич встал, умылся, похаживает, посматривает. Всё земли никакой не видно, идут по морю. Опять третья ночь пришла. Иван-царевич выходит из каюты:

— Отдохните, что вам тяжело!

— Нет, деньги взяты, работать надо.

Опять: прилетают три птички, садятся около середка матчы. Опять одна говорит:

— Ходил ты, Иван-царевич, счастливо и благополучно в земляной орды, вывез ты себе жену красавицу, благоразумную женщину!

А другая отвечает:

— Что в том счастья и благополучии и в жены красавицы, благоразумной женщины! Пока он ходил в земляной орды, не стало у его родной матушки, женился отец на яго-бабы. Как он придет, ему мачеха поднесет серебряную ложечку. Как он хлебнет, так его разбьет.

А третья птичка говорит:

— А кто это слышит, Ивану-царевичу перескажет, тот весь окаменеет.

А один сидит слуга, больше и слушать некому.

Ночь прошла, день пришел. Вышел Иван-царевич из каюты, и земля показалась. Подошли к берегам и сошли с корабля. И этот слуга оградил рукой корабль, и очудился кит морской, и пошел по морю, только фырокотня пошла.

А они пошли к отцу. Все обрадели, что они пришли, все заст-речали, зарадовались. А мачеха подскочила, подносит чару зелена вина. А слуга говорит:

— Отдай-ка мне выпить, есть у тебя много вина.

Он ему отдал это вино. Он его вылил, попало на кобеля, и кобель пропал. Вот пришли, за столы сели. Иван-царевич сажит слугу около себя. Тут мачеха поднесла францеву рубашку на тарелочке. Слуга подскочил к нему:

— Отдай, — говорит, — Иван-царевич; есть у тебя, чего держать, отдай мне!

Он отдал ему. Слуга выбросил ее за окошко, попало на козла, козел пропал за окном.

Сели кушать. Мачеха подносит серебряную ложечку на золотой тарелочке. Этот слуга опять просит:

— Есть у тебя, Иван-царевич, ложки, отдай мне!

Он и отдал. Тот бросил опять за окно.

И сели кушать. Слуга этот и зарассказывал:

— Вот шли мы через море три ночи. Вот в первую ночь при-летают три птички. Одна говорит: «Ходил ты, Иван-царевич, счастливо и благополучно в земляной орды, вывез ты себе жену красавицу, благоразумную женщину!». А другая ей отвечает: «Что в том счастья и благополучии и в жены красавицы, благо-

разумной женщины! Пока он ходил в земляной орды, не стало у его родной матушки, женился отец на ягой-бабы. Как он приедет, поднесет ему мачеха на дворе чару зелена вина. Как он выпьет, так его разорвет». А третья говорит: «А кто это слышит, Ивану-царевичу перескажет, тот по колено окаменеет».

Он по колено, слуга, и окаменел. Все стали унимать:

— Не говори, не рассказывай!

— Нет, — говорит, — что слышано — сказать надоть. Вот вторая ночь приходит. Иван-царевич просит у меня, просит: «Дай посидеть у руля!». «Нет, — говорю, — деньги взяты, работать нать». Опять прилетают три птички, садятся около середка мачты. Опять одна говорит: «Ходил ты, Иван-царевич, счастливо и благополучно в земляной орды, вывез ты себе жену красавицу, благоразумную женщину!». А другая и отвечает: «Что в том счастья и благополучии и в жены красавицы, благоразумной женщины! Пока он ходил в земляной орды, не стало у его родной матушки, женился отец на ягой-бабы. Как он приедет, поднесет ему мачеха фанцеву рубашку. Как он наденет, так его разорвет». А третья говорит: «А кто это слышит, Ивану-царевичу перескажет, тот по пояс окаменеет». Вот я вылил вино на кобеля, кобель пропал. Вот я рубашку выкинул на козла, и козел пропал. Вот я и окаменел по пояс.

Все его стали унимать:

— Не говори, не надо!

— Нет, — отвечает, — что слышано, сказать надоть. Вот третья ночь приходит. Опять Иван-царевич просит посидеть у руля. Опять я говорю: «Раз деньги взяты, работать нать». Опять прилетают три птички, садятся о середку мачты. Опять первая птичка говорит: «Ходил ты, Иван-царевич, счастливо и благополучно в земляной орды, вывез ты себе жену красавицу, благоразумную женщину!». Другая опять отвечает ей: «Что в том счастья и благополучии и в жены красавицы, благоразумной женщины! Пока он ходил в земляной орды, не стало у него родной матушки, женился отец на ягой-бабы. Как он приедет, поднесет ему мачеха серебряную ложечку на золотой тарелочке. Как он хлебнет, так его разорвет». А третья говорит: «Кто это слышит, Ивану-царевичу перескажет, тот весь окаменеет».

И он тут сразу весь и окаменел.

Иван-царевич взял на коня этот камень и отвез в чисто поле и поставил на равнину.

Камень — камень и есть. И стоит этот камень, и он к этому камню стал ездить каждый день, смотреть, этот камень.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. И у него родился сын, а он еще не знал. Вот он едет от камня, и попадает ему старичок.

— Что, — говорит, — ты, Иван-царевич, ездешь?

Он объяснил:

— Вот у меня был верный слуга и окаменел.

— И вот, — говорит старичок, — у тебя сын родился. Поезжай, напусти ему крови из-под горла, пузырек крови, и вымажь этот камень.

Он поехал, а как раз сына из бани несут, он тыкнул ему ножом под горло и напустил пузырек крови. Думали, уж и сына убил. И поехал к камню. Приехал, помазал камень кровью, этот проснулся, слуга, очудился человек.

— Фу, фу, фу, как я долго спал!

Иван-царевич говорит:

— Да не я, — был бы ты спать навеки тут.

Вот приехали домой — и дите живое, только рубешок, только знать, где было тыкнуто. И слуга живой остался. И стали жить-поживать да добра наживать.

41. Иван-садник

Был-жил царь да царица. Этот царь помер, эта царица вышла за другого взамуж. У нее был сын. Этот отчим как будто этого дитя и не стал любить: что как будто вырастет он, так будет царем, а мне уже не царствовать.

Вот они сидят вечером, разговаривают, отчим и говорит матери:

— Натя его погубить.

Мать говорит:

— Ладно; напомним комнату зельем, он придет как из школы, так сразу и померет.

А у них жила бабушка-задворенка. Ну, эта бабушка-задворенка подслушала их. Вот утром он походил в школу, эта бабушка-задворенка ему и говорит:

— Ты пойдешь из школы, так не заходи передом домой, а замани собачку и поддержи двери полы.

Этот мальчик пришел из школы да заманил собачку. Тут эту собачку у двери колачком и свернуло. Он постоял еще, зашел в комнатку, сел под окошко, сидит и головку повесил.

Приходит мать к нему, говорит:

— Что невеселый сидишь, головку повесил?

— А так, — говорит, — голова болит.

Мать посидела, ушла. Приходит к отчиму.

— Живой, — говорит, — не помер. Ну, ладно; завтра настряпаю на зелье колачиков, дам ему в школу.

А эта бабушка-задворенка опять подслушала. Приходит к нему и говорит:

— Иванушко, походишь в школу, так не ешь колачков, а отдай собакам.

Он пошел в школу, мать ему принесла колачков. Он их раз-
рыл собачкам по дороге, какая собачка схватит, та и пропадет.
Так он заплакал и пошел голодный. А бабушка-задворенка дала
ему пятак:

— Зайди, — говорит, — на рынок, купи грошовых калачей.

Он купил, с этими колачками и пошел в школу.

Приходит из школы, сел под окошко невесел, головку повесил
опять. Вот мать приходит:

— Чего сидишь невесел? — спрашивает.

— Так, — говорит, — головка болит.

Мать посидела, ушла. Приходит бабушка-задворенка к нему и
говорит:

— Дитятко Иванушко, не укараулить мне тебя, погубят они
тебя, — говорит. — Выпущу я ночью из конюшни неученого же-
ребца, посажу тебя на него и поезжай куда головой стоишь.

Пришла ночь. Пошла эта бабушка-задворенка, выпустила не-
ученого жеребца, посадила Ивана-царевнча и говорит:

— Езжай куда головой стоишь.

И поехал Иван-царевич, и этот его неученый жеребец носил, но-
сил по горам и по лесам, выше лесу стоячего, ниже облака ходя-
чего, и к утру, к свету, принес к городу, к садам.

И этот Иван-царевич слез и спустил коня, а сам пошел.
В садах жили садники, сады охраняли, и он к ним выдавался. Они
его спросили:

— Чьего ты роду, чьего ты племени, чьего отца, чьей матери?

А он говорит:

— Я знать не знаю, ведать не ведаю, чьего я отца, чьей ма-
тери, откуда я и какой.

Тогда эти садники пригласили его к себе, сады караулить.
Уехали они в город, его оставили тут, и он взял у них сады под-
сек. Они приехали из города и говорят:

— Кто сады подсек?

А он опять говорит:

— Знать не знаю, ведать не ведаю.

И они трои сутки в город не ездили, и у них за трои сутки
сады расцвели лучше старого, лучше прежнего. Они поехали опять
в город, к царю. Царь и говорит:

— Что же вы долго не приезжали?

Они и говорят:

— Вот у нас есть какой-то неведомый человек. Знать не знает
ни отца, ни матери. Мы его пригласили, а уехали в город — у нас
сады эти подсечены. С того мы долго не были, а потом через
трои сутки сады расцвели лучше старого, лучше прежнего.

Стали опять жить по-старому, по-прежнему. У этого царя было
три дочери. Вот старшая дочь пошла в сады гулять с отцом.
Гуляла, гуляла и говорит:

— Папенька, мне жениха надоть.

Царь стал клик кликать, что царской дочери жениха нать. Стал записи везде по деревням, городам отсылать, что царская дочь будет жениха выбирать.

Все съехались из городов, деревень. Короли, князья, бояре и купцы. И она выбрала своего подданного. (Раньше нельзя было из своих-то царям выбирать, наш-то Николай был на ерманке женатой). И все стали недовольны. Все разъехались.

Опять — вторая дочь — жили-пожили, пошли в сады гулять. Опять говорит:

— Папенька, мне жениха надоть.

Опять стал царь по-прежнему клик кликать, опять стали съезжаться все цари, короли, князья, бояре. Эта дочь выбирала, выбирала, опять из своих подданных выбрала. Опять все заразъезжались, недовольны стали:

— Вот, мол, выбирала, выбирала, да из своих подданных выбрала жениха!

Опять жили-пожили. Третья дочь пошла с батюшкой в сады гулять. Гуляла-погуляла, уж скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, опять говорит:

— Батюшка, мне нать жениха.

Тоже стали клик кликать, тоже стали записи везде по деревням, по городам отсылать, что царская дочь будет жениха выбирать. Тоже всех собрали, всех князей, купцев, царей, королей.

Она выбирала, выбирала и выбрала этого Ивана-садника. И все недовольны стали, что съезжались, съезжались, а она уж из самых последних, садника выбрала!

Вот они и жили: она жила у отца, а он жил в садах; съездят иногда друг к другу. Жили-пожили, и вот приходит она к нему и говорит:

— Муж-кормилец! Вот на старшую сестру войной идут за то, что все съезжались, собирались, а она мужа из своих подданных выбрала. Все уже зятевья на войну поезжают, а ты, — говорит, — у меня никуда не поезжаешь, отобьют меня у тебя, как ты уж никуда не едешь.

Вот она ушла, он вышел на улицу, закричал:

— Сивушка, бурушка, вечный воронок! Как служил батюшку, как служил матушке, так же и мне послужи, Ивану-царевичу!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей искры, из ноздрей пламя. Он в одно ушко сунулся — умылся, в другое — оборудился, стал таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и поехал на войну. И приехал на поле. Не сколько бил, сколько конем топтал.

Бил, бил, топтал, топтал, и победа росейская пала. Победа, победа, и мир стали заключать. Мир заключают, а он сел на коня и поехал; в чистом поле только дым столбом стоит.

Закричали:

— За кого бога молить?

Он ответил:

— Молите бога за вышнего!

И приехал к садам. Коня спустил, в одно ушко сунулся — размылся, в другое — разснарядился, и такой же сделался Иван-садник. Пришел в сады и повалился.

Вот лежит-поляживает, и приходит жена.

— Слава, — говорит, — богу, муж-кормилец, победа пала. Приезжал какой-то богатырь на коне, не сколько бил, сколько конем топтал. Мир стали заключать, а он сед на коня и поехал. Закричали: «За кого бога молить?», а он ответил: «Молите бога за вышнего».

Ну, мир заключили, и опять стали жить по-старому.

И опять приходит жена со слезами:

— На среднюю сестру войною идут за то, что за подданного замуж вышла. Все зятевья на войну поезжают, — говорит, — а ты у меня не шевелишься, никуда не ездишь. Так уж отобьют меня у тебя.

Опять посидела, поплакала, ушла. Опять муж вышел, закричал:

— Сивушка, бурушка, вечный воронок! Как служил батюшку, как служил матушке, так же и мне послужи, Ивану-царевичу!

Конь бежит, земля дрожит. Из ушей искры, из ноздрей пламя. В одно ушко сунулся — умылся, в другое — весь оборутился. Сел на коня и поехал в поле.

Приехал опять на поле, не столько бил, сколько конем топтал. Бились, бились, опять победили, росейская победа пала. Мир стали заключать, он уехал. Опять закричали:

— За кого бога молить?

— Молите бога за вышнего!

Опять к садам приехал, коня спустил, в одно ушко сунулся — размылся, в другое — разснарядился, и такой же сделался Иван-садник. Повалился, лежит-поляживает, похаживает. Жена приходит.

— Славу богу, муж-кормилец! Опять победили, опять приезжал в поля какой-то богатырь.

Муж будто и знать не знает, ведать не ведает.

Жили-пожили. Опять жена приходит со слезами:

— Муж-кормилец, идут войной на меня, отбить хотят. Отобьют меня у тебя!

Посидела, посидела, ушла. Муж опять вышел на улицу, закричал:

— Сивушка, бурушка, вечный воронок! Как служил батюшку, как служил матушке, так же и мне послужи, Ивану-царевичу!

Конь бежит, земля дрожит. Из ушей искры, из ноздрей пламя. Он в одно ушко сунулся — умылся, в другое — оборутился. Стал таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Сел на коня и поехал.

Приехал в чисто поле, не столько бьет, сколько конем топчет. Бились, бились, дрались, дрались, у него руку ранили, у царевича. Подскочил к нему царь, завязал ему руку своим шарфом. Ну и добились опять до того, что победа российская, и стали мир заключать навсегда, чтобы уж никогда не воевать.

Он опять сел на коня, поехал. Опять закричали:

— За кого бога молить?

— Молите бога за вышнего!

И опять к садам приехал. Коня спустил, в одно ушко сунулся — размылся, в другое — разснарядился, опять такой же сделался Иван-садник.

Повалился опять, поляживает, посиживает. Приходит жена к нему:

— Слава тебе, господи, война кончилась, муж-кормилец. Мир заключили теперь навсегда. У батюшка теперь пир заводится, сестры все идут с мужьями вместе, и мне велели тебя привести, не оставлять.

Вот он вышел на улицу и закричал:

— Сивушка, бурушка, вечный воронок! Как служил батюшку, как служил матушке, так же и мне послужи, Ивану-царевичу!

Конь бежит, земля дрожит. Из ушей искры, из ноздрей пламя. В одно ушко сунулся — умылся, в другое — нарядился, весь оборутился. Стал молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Жена тут поглядела, посмотрела. Сели на коня и поехали со женой. Едут, подъезжают к царскому дворцу. Все глядят в окошко:

— О, — говорят, — у нас-то сестра не с тем, не с тем едет!

Идет, заходит сестра. Все закричали:

— Чего, сестра, ты не с тем-то приехала! Чего не с тем приехала!

Она им отвечает:

— Сестрицы, по-вашему, — говорит, — не с тем, а по-моему с тем!

И он пошел здороваться с родней-природой. Сперва с тестем. Подошел, а шарфом царским рука завязана. Ну, все изумились, удивились. Тут он все войны воевал, помогал! Тут все узнали. И царь его выше тех зятей посадил, и больше в сады не спустили Ивана-царевича садника, и выше всех зятей взял его царь, и после своей смерти царем поставил.

Вот и вся сказка; так он воевать помогал, Иван-царевич.

42. Озерный жук — жених

Были-жили, старушка мать была, у ней дочь была. Эти девушки пошли купаться. Купались-покупались, вышли, а у ней жук на платье. Оделись все, а у ней жук не сходит с платья. Вот он и говорит ей человеческим голосом:

— Ты пойди за меня взамуж, тогда отдам тебе платье.

А девки говорят ей:

— Ты скажи, что пойдешь.

(А уж жук-то из озера вышел, кто за жука пойдет замуж!).

Они пошли, она говорит:

— А пойду за тебя взамуж!

Он с платья свернулся и скочил в воду. Она тоже оделась, пришла домой, матери ничего не сказала. А вдруг ночью застучало, заходило. Говорят, что за невестой пришли. Мать наутро спрашивает:

— За кого ты там замуж обещалась?

Она заревела и матери все рассказала: вот, мол, так и так. Велели девушки сказать, чтобы я пошла замуж, и я сказала, что пойду. Вот и заходили, зазвали.

Вот вторая ночь пришла. Заходили, застучали пуще прежнего, готовы дом разворочать, и опять мать ей не выпустила, не отдала.

И на третий день мать ей снарядила, смертно платье надела, отпела заживо, — ну, в озеро замуж, так насмерть — и отправила.

И ушла эта девушка. Ну, мать думает: в озеро отправила, нет живой уж.

Вот три года прошло, она там живет, в озере, поживает. И был там в озере украденный, у этих озерных, Осипом звали, царский сын, Осип-царевич, и они их поженили, эти озерные жители. Она прожила, сама и говорит:

— Меня хоть бы отпустили в гости.

И так ей хорошо жить, не жила так у матери, как там живет: и двое у ней детей, сын да дочь уж. Ей и говорят:

— Ну, поди в гости.

Спускают. А мужа Осипом зовут. А она говорит:

— А приду назад, так как даваться?

Они говорят:

— А придешь к озеру, так кричи: «Осип, Осип, возьми меня!».

Вот она вышла из озера, ушла, пришла к матери с этими деточками. И так мать обрадела: в озеро была отправлена, разве думала, что жива! Вечером мать расспросила ее:

— Как живешь?

— Ой, — говорит, — матушка, так хорошо, у тебя на веку так не жила.

Ну, эта дочь повалилась спать с деточками и думат: в гости пришла, — так и спит крепко-накрепко.

А мать спросила ее:

— Как даваться-то будешь?

Она ей и сказала:

— А приду к озеру, так закричу: «Осип, Осип, возьми меня!».

Мать ночью пошла, взяла широкий топор, наточила острый-преострый и пришла к озеру, в каком была ее дочь, и стала кричать:

— Осип, Осип, возьми меня!

И озеро взволновалось, и высунулась голова человеческая, и мать как раз по ней топором, и отсекла голову мать. Домой пришла, спать повалилась, как ни в чем не бывало.

Утром дочь встает и не спится ей, и сердце болит чего-то: так болит, хочется домой! А мать ее унимает:

— Погости да погости, да...

А она уж и не оставайтесь больше:

— Пойду уж...

И забрала деточек, — сердце болит, уж пойду. И пришла к озеру и стала кричать:

— Осип, Осип, возьми меня!

Всё никто из озера не выходит. Вдруг озеро взволновалось, как больша погода разыгралась. Озеро все кровью взялось, и голова человеческая всплыла на води; и потом голова человеческая назад, в озеро ушла.

И тут она, девушка, посидела, поревела у озера и овернула своего сыночка голубочком и говорит:

— Полетай, мой сыночек, навек голубочком!

И овернула дочерь подкрапивною ласточкой:

— Полетай, моя дочушка, навек летать подкрапивною ласточкой!

А сама полетела кукушею куковати. Думала мать, что [дочь] к ней придет, как мужа погубила, а не пришла.

И говорят, что кукушка — вдова, век гнезда свить не может, все по чужим гнездышкам летает.

(«Кукушица-то горе горькая» — поется, однако, — «запобедная вдовина голова»).

43. Молодильные ягоды

Был-жил царь и царица. У этого царя да царицы было три сына. Отец с матерью стали стары, задумали помолодиться. Стали отправлять детей за живой водой и за молодильными ягодами. Старший сын говорит:

— Я поеду!

Поехал искать живой воды, молодильных ягод. Уехал и долго-долго время прошло, домой не приехал.

Второй сын запоезжал.

— Я, — говорит, — поеду искать живой воды, молодильных ягод.

Опять уехал и домой не приехал.

И младший сын, Иван-царевич, собрался. Родители его не пускали.

— Два, — говорят, — сына уехали, не вернулись, и ты не вернешься.

— Нет, — говорит, — поеду за живой водой, за молодильными ягодами.

Ехал, ехал, доехал до столба. На столбу написано три дороги. На одну написано: «Сам жив будешь, конь голоден». В другую дорогу ехать: «Самому живу не быть». А третья дорога: «Баба гладка, перина мягка».

Постоял, подумал, подумал: в какую дорогу ехать? Решил в ту поехать, где самому живу не быть.

Ехал, ехал, доехал до избышки. Зашел — сидит одна старушка и говорит:

— Куда тебя, добрый человек, занесло? Здесь птицы не пролетывают, а не то что люди проходят.

А он отвечает:

— У меня отец с матерью стали стары, захотели помолодиться. Я поехал искать живой воды, молодильных ягод.

Она ему отвечает:

— Много туда ходцов, мало оттуль выходцов: на каждой колушке есть по головушке, на одной колушке нет головушки, верно быть твоей.

Напоила, накормила, спать уложила и сказала:

— Это у моей племянницы есть живая вода и молодильные ягоды. Через три года она ко мне приезжает.

Переночевал он у ней. Она дала ему своего богатырского коня, его коня оставила у себя.

— Поезжай, — говорит, — там моя другая сестра, подскажет она тебе.

Поехал он на ее коне. Ехал, ехал. Опять избышка пришла. Зашел — там сидит одна старушка и говорит:

— Куда тебя, добрый человек, несет? Здесь птицы не пролетывают, а не то что люди проходят.

Потом сама себе по щеки ударила, по другой приправила:

— Вот, — говорит, — плёха старая, не напоила, не накормила, у дорожного человека стала вести выпрашивать!

Напоила, накормила, спать уложила, стала вести выпрашивать:

— Куда тебя, — говорит, — бог понес? Волей или неволей или своей охотой?

Он говорит ей:

— У меня отец с матерью стали стары, захотели помолодиться. Я поехал искать живой воды, молодильных ягод.

Она ему отвечает:

— Туды много ходцов, да мало выходцов. На каждой колушке есть по головушке, на одной колушке нет головушки, верно быть твоей.

Опять дала ему своего богатырского коня, а того взяла у него. Опять говорит:

— Поезжай, там третья сестра, она тебе подскажет.

Опять день ехал, ночь ехал, доехал до избушки. Зашел — сидит старуха и говорит:

— Куда тебя, добрый человек, несет? Здесь птицы не пролетывают, а не то что люди проходят.

Потом себя по щеки ударила, по другой приправила:

— Вот, — говорит, — плёха старая, не напоила, не накормила, у дорожного человека стала вести выпрашивать!

Напоила, накормила, спать повалила, стала выпрашивать:

— Куда тебя, — говорит, — бог понес? Волей или неволей или своей охотой?

Он отвечает:

— У меня отец с матерью стали стары, захотели помолодиться. Я поехал искать живой воды, молодильных ягод.

Она говорит:

— Туда много ходцёй, мало выходцёй, на каждом колушке есть по головушке.

Переночевал он, она дала ему своего коня богатырского и говорит:

— Поезжай, тут теперь придёт наш брат на пути. Придешь — лежит старик большой-пребольшой. Голова в большом углу, ноги в подпороге. А на печи старуха лежит большая-пребольшая. Прежде приди к старику, во весь пояс поклонись, во всю спину. После к старухе приди, во весь пояс поклонись. Потом придет старший сын в избу, тоже поклонись ему во весь пояс. Потом придет средний сын, и тому поклонись во весь пояс. Потом придет младший сын, и тому во весь пояс поклонись. Потом придут три невестки в избу, ты тоже каждой поклонись во весь пояс, со всеми поздоровайся.

Он приехал к этому дому, большой дом стоит. Зашел — лежит старик, голова в большом углу, ноги в подпороге. Он поклонился старику во весь пояс, потом старухе во весь пояс поклонился. Пришел старший сын в избу, он и ему поклонился во весь пояс. Потом пришел средний сын, он и ему поклонился. Потом младший сын пришел, он и тому поклонился во весь пояс. Потом невестки пришли. Он старшей невестке поклонился во весь пояс, потом средней, потом младшей поклонился.

Его напоили, накормили и стали вести выпрашивать:

— Куда тебя, молодой человек, бог несет?

Он отвечает:

— У меня отец с матерью стали стары, захотели помолодиться. Я поехал искать живой воды, молодильных ягод.

— Ох, туда много ходцёй, мало выходцёй. На каждом колушке есть по головушке!

Его увели, ночевать оставили. Байну истопили ему. Уж скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Вот он пошел в байну, идет старший сын, несет золотого прутья охапку:

— Вот, если бы ты пришел и прежде мне поклонился, а не моему отцу, так я бы это прутье о тебя все до рук выломал.

Затем идет средний сын, несет серебряного прутья охапку:

— Вот, если бы ты пришел и прежде мне поклонился, а не моему старшему брату, так я бы это прутье о тебя все до рук выломал.

За ним идет младший сын, несет медного прутья охапку:

— Вот, — говорит, — если бы ты пришел и прежде мне поклонился, а не моему среднему брату, я бы это прутье о тебя все до рук выломал.

И никто его не тронул. Он попарился в бayne, вышел, поблагодарил за байну. Дали ему коня богатырского и рассказали:

— Теперь, — говорят, — она¹ спит, а кухарки обряжаются. У нее вокруг дома железный тын. Коня стегни так, чтобы он перескочил, копытом не задел, а то струны завзвоят, колокола запоеют, она проснется.

Вот он поклонился им в пояс, поехал. Приехал к ее дому. Поляна большая, на поляне большой дом, тыном обнесен. Он коня прихлопнул, конь перескочил, копытом не задел, струны не завзвонили, колокола не запели.

Зашел в дом. На столе стоят, скатерёткой прикрыты, живая вода и молодильные ягоды. Взял, сколько требовалось, живой воды, молодильных ягод и пошел обратно. Видит — занавеса. Заглянул за занавесу, а там девица богатырска спит. Он поцеловал ей, сел на коня, поехал. Конь не мог перескочить, копытом задел, струны запели, колокола завзвонили. Она проснулась.

— Ах, — говорит, — был невёжа, неумыта рожа, пил да коловда не закрыл!

Пока она одевалась, обряжалась, он до первых дядевей доскакал. С коня на коня пересел. А она доскакала, ее унимать:

— Посиди да отдохни, ты его все равно догонишь!

А он скачью скачет, уж до тетеньки доскакал. Она на улице стоит с конем.

Он с коня на коня перепрыгнул и снова вперед.

Она подбегает на коне богатырском, ее тетенька унимает:

— Посиди да отдохни, никуда он не уйдет, твой будет.

А он уж до третьей доскакал. Она до второй доехала, та ее унимает:

— Посиди да отдохни, не уйдет он никуда, твой будет.

А он уж сел на своего коня (а уж свой конь не богатырский), до этого столба доехал, а тут земля разделена: эта земля русская, а эта — поляцкая. Он проехал столб, а она его стала доставать

¹ Т. е. хозяйка молодильных ягод.

уже, столб проехала — у нее конь по колено в землю стал уходить, земля не стала поднимать, и она назад воротилась, уехала.

А он воротился к этому столбу, посидел, подумал: «Поеду уж в ту сторону, где баба гладка, перина мягка. Уж с той дороги, где живу не быть, вернулся, так съезжу сюда, поищу братьев!».

Ну и поехал в ту дорогу.

Ехал, ехал, стоит в чистом поле дом один. Коня ко крыльцу привернул, коня привязал и зашел в дом. В доме одна девица сидит. Поздоровался. Пригласила, накормила, напоила, спать уложила и ушла куда-то. А он посмотрел — у нее кровать с винтами. Вот она его укладывает к стене, а он не ложится. Как все винты развинтил, увидел, что у нее там погреб и люди сидят. Судились, судились, он ее толкнул к стене, она туды и улетела. Ее там схватили, стали бить-колотить, и пошли оттуда люди, кто живой. А кто уж и мертв был, много мертвых. И два его брата там были. Вышли, взяли что кому нать из имения и дом засветили, сожгли. Потом они поехали обратно в свою сторону, он с братьями. До этого столба доехали, вот он говорит:

— Ну, вы посидите, а я отдыхать поважусь, я двенадцать дён не спал.

Вот он заснул богатырским сном. Они подняли столб, а туда, в землю, нора, и спустили брата туда. Отбрали живую воду, молильные ягоды и поехали к отцу с матерью.

Приехали к отцу с матерью, те обрадвали, думают — они достали. Поели, омолодились. А про брата те говорят, что знать не знаем, ведать не ведаем.

А Иван-царевич летел, летел и очутился у моря на зеленом лугу, а над головой у него такая крутая гора, что и конца-краю ей не видно.

Пошел он по край моря и видит: стоит избушка, ветхая-ветхая. Зашел он в избушку, там сидит один слепой старичок.

— Ох, — говорит, — как ты сюда попал?

А он отвечает:

— Дедушка, сам не знаю, как я сюда попал!

И стали жить-поживать с этим дедушкой. У дедушка много волов было, и стал он этих волов пасти. Дедушка ему наказывает:

— Не ходи в восточную сторону, там, — говорит, — яга-баба живет с тремя дочерьми, она у меня глаза выкопала, мою старуху убила и тебя убьет.

А он так и пошел, погнался — не велел куды гонить, он туда и пригонил. Пригонил на ложбину, а сам поляживает, песенки попевает. И выбежала к нему яга-баба:

— Ох, — говорит, — такой! Глаза-то у тебя были выкопаны, старуха-то была убита, ты опять на нашу ложбину коров загонил!

Он схватился с ней бороться, боролся, боролся и голову у ней отвернул, а сам пошел домой, коровушек погонил. Пришел, голову на хоромишко кинул, только хоромишка потряслась.

— Что это такое? — дедушка спрашивает.

— А это я клуб бересты на́рвал.

Дедушка ему отвечает:

— Ну, дитятко, заживешь, так все сгодится.

На второй день опять дедушка ему наказывает:

— Не ходи в восточную сторону, там яга-баба живет с тремя дочерьми. Она у меня глаза выкопала, мою старуху убила и тебя убьет.

— Ладно, ладно, не погоню.

Опять пригонил прямо в ту ложбину, а сам поляживает, песенки попевает. Опять, втора баба-яга выскочила:

— Ох ты такой! Глаза-то у тебя были выкопаны, старуха-то была убита, ты опять на нашу ложбину коров загонил, сестру ты у меня убил!

Он схватился с ней драться, дрались, дрались и у той голову отвернул. Домой пошел, голову под пазуху взял. Пришел, опять голову на хоромишко кинул, только хоромишка потрясались.

— Что это такое? — спрашивает дедушка.

— А это я клуб бересты на́рвал.

— А заживешь, дитятко, так все сгодится.

Опять ночь переночевали. На третий день опять так же пошел пасти коров в ложбину, опять поляживает, песенки попевает. И третья сестра выскочила. Он опять с ней схватился драться. Опять дрались, дрались, и у ней голову отвернул и третью убил. Домой пришел, голову под пазуху взял. Пришел, голову на хоромы бросил, хоромы потрясались.

Дедушка опять спрашивает:

— Что это такое?

— А это я клуб бересты на́рвал.

— Ну, дитятко, заживешь, так все сгодится.

(Из бересты прежде у нас кибаса́, снасти плели — семгу ловить).

На четвертый день опять он пошел пасти коров в ту ложбину, опять поляживает, песенки попевает. И сама выскочила мать, последняя уж, тех всех избил уж. Заругалась опять:

— Ох ты! Глаза-то у тебя были выкопаны, старуха-то была убита и еще ты всех у меня избил!

Он с ней схватился драться.

— Веди, — говорит, — к колодцу, где живая вода? Где стариковы глаза?

Привела к колодцу. Он кунашка поймал, в колодец опустил, кунашок помер. Пуше того стал ее бить-колотить. К другому колодцу привела. Он спустил кунашка — кунашок ожил.

— Где, — говорит, — стариковы глаза?

Показала: дедковы глаза вон там, в припасти, в черепушке, и посылает его:

— Ты пойдид!

Он:

— Нет, ты!

Как ее толкнул, она туда улетела. Он эти глаза вынул, избушку подсветил, сожег, и голову у нее тоже оторвал. Пришел к дедушку, эту голову принес, голову на хоромишко кинул.

— Что это такое? — спрашивает дедушка.

— А это я клуб бересты на́рвал.

— А заживешь, дитяtko, так все сгодится.

Посидели, чаю попили.

— Чего бы тебе, — говорит, — дедушка, глаза вставить?

— Ох, — говорит, — глаза мои у бабы-яги!

— Ничего, попробуем.

Взял эти глаза, омыл живой водой и вставил. Дедко стал видеть.

— Ох, — говорит, — чем тебя отблагодарить!

— Пойдем, — говорит, — на хоромы, посмотри.

И показывает ему головы эти. Все срыты.

— Живи теперь, не бойся.

— Ох, — говорит, — чем тебя отблагодарить?

— А вот, дедушка, помоги выбраться на святую Русь.

(А надо на эту гору взобраться). И вот дедушка пошел Ногуй-тетушку птицу кричать. Ногуй-тетушка птица прилетела.

— Вот, — говорит, — надо этого человека на Русь представить.

— Вот, — говорит она, — убейте трех волов. (Не малá уж и была!).

Вот убили трех волов, она их на плеча взяла и его взяла и полетела в эту гору подниматься. Летела, летела.

— Ох, — говорит, — Иван-царевич, ись хочу!

Он ей дал вола. Она его сглотнула. Опять летела, летела, опять скричала:

— Ох, Иван-царевич, ись хочу!

Он другого вола ей подал. Она съела. Не так стало высоко подниматься. Опять летели, летели.

— Ох, — говорит, — Иван-царевич, ись хочу!

Он ей третьего дал, она его сглотнула. Уж близехонько стало.

— Ох, — говорит, — Иван-царевич, не долететь мне, ись хочу. Тебя уроню и себя погублю. Вырежи у себя из ног икры и дай мне съисть, тогда долечу!

Вот он вырезал икры и дал ей. Она долетела, подняла его на гору, и очутился он на Руси. А она как вызнела его и блюнула, ему эти икры выблюнула обратно. Он помыл ноги сперва мертвого, потом живой водой, приложил, они и приросли по-старому. Этот Иван-царевич поблагодарил Ногуй-тетушку птицу и пошел в свое царство. А она обратно полетела к себе, откуда прилетела.

А он пошел в свой город, близко от города она его принесла. Пришел к отцу-матери, те обрадели, сделали пир, стали пировать-столовать. Про братьев он уже ничего не говорит.

А вдруг приходят к гавани два корабля. И бегают по кораблю два мальчика и кричат:

— Подавай, царь, виноватого! Подавай, царь, виноватого!

Царь старшего сына отправляет:

— Ты долго ходил, бывает, ты виноват.

Тот пошел. А с корабля сукна положены, пройти страшно.

— Маменька, — говорят мальчики, — наш дяденька идет!

Мать им отвечает:

— Умейте принять дяденьку.

Вот он зашел по сукнам на корабль, они его бить-колотить, били, били, колотили, из спины ремень вырезали, из ж... пряжку. Едва живого выпустили. Опять кричат:

— Подавай, царь, виноватого! Подавай, царь, виноватого!

Царь среднего сына отправляет:

— Ты, быват, напраказил, тоже ходил-ездил долго.

Другой едет на корабль. Опять мальчики бегают:

— Маменька, маменька, наш дяденька идет, шапку с рукавами подкидывает.

— А, — говорит, — умейте его принять.

Опять его били, били, колотили, колотили, из спины ремень вырезали, из ж... пряжку. И того чуть живого отпустили, ушел.

Опять закричали:

— Подавай, царь, виноватого!

Ну, царь и третьему сыну, Ивану-царевичу, говорит:

— Ну, ты дольше всех ходил, верно ты виноватый.

И тут попрощался с отцом-матерью Иван-царевич и пошел на корабль. Идет на корабль — сукна рвет да голям кобацким на вино отдават. Эти мальчики бегают по кораблю и кричат:

— Маменька, маменька, как наш-то батюшка идет, сукна рвет да голям кобацким на вино отдават!

— Ну, — говорит, — умейте принять да и честь воздать.

Ну, он подошел на корабль. Паруса подняли да пошли. До той поры только Иван-царевич и дома жил (больше дома не жывал и дома не бывал), увезла его к себе. Там стали жить-поживать, а братья дома остались.

44. Царь Косó Колесó (про гнилу коробку)

Были-жили крестьянин да крестьянка, у них дѣтей никого не было. Пошел однажды он на охоту. Сидит на сушѣны птица Павá. Пала ему в ноги, человеческим голосом проговорила:

— Не стреляй меня, Иван — крестьянский сын, прокорми меня год! Собери со всего мира по овцы.

На него стали недовольны все. Жена стала браниться, что принес какую-то птицу и кормит.

Год прокормил, она ему опять человеческим голосом проговорила:

— Пойдем со мной в лес.

Он пошел в лес, она села на тот же дуб, хлопнула крыльями, дуб и не покачулся, только трещина пала. Вот она ему и взмолилась:

— Прокорми меня еще год! Собери со всего мира по козы.

Жена опять стала браниться: год кормил, никакой пользы от нее. Люди все недовольничают. Ну, он и второй год прокормил. Она его опять зазвала в лес, села на тот же дуб, хлопнула крыльями, дуб только покачулся.

Вот она ему опять в ноги пала, человеческим голосом проговорила:

— Иван — крестьянский сын, прокорми меня еще год! Собери со всего мира по коровы.

Опять жена недовольна: два года кормил, никакой пользы не видал, и весь мир, недовольны все.

Он и третий год прокормил. Она его зазвала в лес, села на тот дуб, крыльями хлопнула по дубу — дуб разлетелся на мелкие части весь. Вот она ему сказала:

— Садись, Иван — крестьянский сын, на меня, я тебя понесу.

Вот полетели. Летели, летели, сели. Вот она ему говорит:

— Иван — крестьянский сын, посмотри, что над нами, что под нами, что впереди, что позади?

Он взглянул и отвечает:

— Под нами земля, над нами небо, позади месяц, а впереди солнце пекет, как жар горит.

Она говорит:

— Это не солнце пекет — моего брата дом стоит. Иди к ним, подавайся ночевать. Станут тебя спрашивать про птицу Паву́, ты скажи: «Дайте мне гнилую коробку, тогда скажу про птицу Паву́».

Он пришел к дому; подошел, подавался ночевать к ним. Они его спрашивают:

— Не видал ли, не слыхал ли где про птицу Паву́?

Он говорит:

— Отдайте мне гнилую коробку, тогда скажу про птицу Паву́.

Невестка говорит:

— Не нать нам и птицы Павы́, а не отдаем мы гнилой коробки!

Вышел он на крыльцо, эта птица Паву́ очутилась у ног его и спрашивает:

— Ну, что сказали?

— Да, — говорят, — не нать нам и птицы Павы́, а не отдаем мы гнилой коробки.

Эта птица Павá говорит:

— Садись на меня опять.

Опять летели, летели, птица Павá говорит:

— Иван — крестьянский сын, погляди, что над нами, что под нами, что впереди, что позади?

Он отвечает:

— Под нами земля, над нами небо, впереди солнце пекет, позади месяц.

— Это не солнце пекет — моего отца дом стоит. Иди к ним, подавайся ночевать. Станут тебя спрашивать про птицу Павá, ты скажи: «Дайте мне гнилу коробку, тогда скажу».

Он сошел и подавался ночевать. Его приняли, спросили:

— Не видал ли, не слышал ли где про птицу Павá?

Он:

— Отдайте мне гнилую коробку, тогда скажу про птицу Павá. Забегали отец с матерью.

— Возьми, возьми гнилую коробку, только скажи про птицу Павá!

Отдали ему гнилую коробку отец с матерью, вышел он на крыльцо, птица Павá тут очудилась. Хлопнулась о землю, все кожухи спали, свалились, очудилась красной девицей. Тут его приняли, угостили, напоили, благодарили, и дали ему с собой гнилу коробку, и сказали:

— Пока домой не придешь, не открывай эту гнилу коробку; а придешь — на поляну большую выйди и раскрой эту коробку.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Шел, шел он, и скучливо ему стало. Сказывает:

— Что я три года птицу Павá кормил, кормил, и ходил столько, и несу одну гнилую коробку в кармане; что в ней? открою!

Сел на лесину, птичка у него на плечи кричит:

— Не открывай, мужик, гнилу коробку! Не открывай, мужик, гнилу коробку!

Он и протерпел, не открыл. Опять пошел. Шел, шел, снова отдохнуть присел. Хотел открыть гнилую коробку. Птичка у него на плечи кричит:

— Не открывай, мужик, гнилу коробку! Не открывай, мужик, гнилу коробку!

Он послушался. Опять подошел. Третий раз сел. И сколько кричала птичка, что не открывай, мужик, гнилу коробку, не открывай, мужик, гнилу коробку, он взял и открыл.

Открыл — и очудился дом большой, хороший, и сады кругом. И он живет в доме три дня, и питья-еденья всякого довольно. Он ходит по дому, а никуда выйти не может. Вот третий день пришел, под окном закричало:

— Отдай, чего дома не знаешь, соберу гнилу коробку!

Он подумал: «Ну, чего дома не знаю? У коровы теленка, у кобылы жеребенка?».

А жена детей не носила (не знал, что она в положении осталась). Ну, он и согласился:

— Отдам, собери гнилу коробку.

Тот собрал, закрыл ему гнилу коробку, он и пошел. Шел, шел, к дому подходит. А у жены уж и похоронный обет — не чаяли дожидаться, столько ходил, ждали. И сын в выбочке качается.

Вот он с родней-природой пошел на широкую поляну, раскрыл гнилу коробку, и тут стал дом большой, хороший, и сады кругом, и всякого питья-еденья довольно.

А сынок подрастает, и у этого мужика сердце болит, дак сына отдал. Стал уж и большенький. Застукало, загремело по ночам:

— Отдай, мужик, посуленное!

Жена услышала это стуканье. Он ей рассказал, что, когда шел домой, открыл гнилу коробку, а собрать не мог. Три дня в доме прожил, под окном закричало: «Отдай, чего дома не знаешь, собери гнилу коробку!», он и отдал.

Вот жена напекла сыну подорожников и говорит:

— Иди, сын, куда головой стоишь, раз уж посулили незнамо кому.

Вот он пошел, а отец с матерью остались. Вот он идет, а на озере сорок девиц купаются. Он взял у одной девицы с платья пояс похитил и сам ухоронился.

А они вышли из озера, обернулись-оборотились белыми лебедями и полетели. А одна говорит:

— Летите, мне, видно, смерть пришла, без пояса лететь не могу.

Вот те улетели, а он вышел из-за куста и отдал ей пояс. И она ему сказала:

— Это наш отец (обещан ему!), царь Косó Колесó. Пойди к нему и нанимайся в работники.

Вот он пришел к нему, в работники нанялся и стал хорошо услужать. А у них только эта одна дочь была своя, а все другие были также наворованы.

Вот его царь так любит (и дочь его полюбила, он к ней ходит, она ему все обсказывает) и говорит ему:

— Нать тебе жениться, я женю тебя, — говорит. — Вот сделаю вечер, соберу сорок девиц, выбирай невесту.

Вот она вечером скричала, он шел мимо, он приворотил к ней. Она говорит:

— Вот царь тебя женить собирается, а есть хромые, есть косяе и больные, всякие. А царь всем наведет одинаков волос, одинаков голос, одинаков рост. А ты как пойдешь выбирать невесту, а я с лица будто мушку смахну, и ты подойдешь и скажешь: вот эта моя невеста.

Вот на второй день царь его призывает, он пошел невест выбирать. А они все как одна были, сели на лавку. Он пошел выбирать и хотел одну, она слепа была, назвать, а эта платочком махнула, он и говорит:

— Вот моя невеста.

А эта у царя одна дочь, ему жалко отдать.

— Ну, хорошо, — говорит, — сделаю еще вечер.

Вот он опять идет мимо, она скричала, он приворотил к ней. Она говорит:

— Вот царь опять всем наведет одинаков волос, одинаков голос, одинаков рост. А ты как пойдешь невесту выбирать, я платочком махну, как муху с лица спажну. Ты подойди и скажи: вот это моя невеста.

Вот царь его призывает, он опять пошел невест выбирать и ко хромой подошел, хотел сказать: эта моя. А она платочком махнула, как муху с лица спажнула, он ей и узнал, говорит:

— Вот моя невеста.

Царю стало жалко, что второй вечер выбирает и ее выбрал, а все одинаковы. Опять говорит:

— И третий вечер соберут

Третий вечер пришел. Так же он ходил, ходил, выбирал, выбирал; она так же мушку с лица спажнула; он опять к ней подошел. Ну, что же делать, три вечера выбирал, выбрал.

Сделали свадьбу.

А мать у нее была тоже христианка и пожалела их. А как свадьба отошла, и говорит:

— Побегайте, дети, он вас сгубит.

Дала плеточку, кремешок и огнище:

— Как будет вас царь догонять, бросьте назад себя. (У него была такая машина: косо колесо).

На второй день отец спрашивает:

— Где они?

Она его унимает:

— Поспеешь их погубить-то!

Вот трон сутки прошло, он прибежал, а их нет. Царь зубами заскрипел:

— Ах ты, такая-сякая, ты ведь это их отправила!

Сел на косо колесо и поехал вслед. И оне услышали, что он гремит, на своем косом колесе едет, и кинули сзади себя плеточку:

— Станьте, леса темные, от земли и до неба, от востока до запада, чтобы царю Косому Колесу ни пройти, ни проехать!

Он приехал, а леса стоят.

— У-у, — говорит, — убежали туда!

Съездил домой за тупицей да за лопатой, дорогу сделал, просек, опять догоняет. Опять они бегут, уж он догоняет, а как догонит, там им и смерть.

Вот они кинули кремешок:

— Встань, гора крута-каменна, от земли до неба, от востока до запада, чтобы царю Косому Колесу ни пройти, ни проехать!

Опять подъехал он, опять гора стоит.

— У-у, — говорит, — туда убежали!

Опять лопату да тупицу взял, стал гору рассекать. Просёк, опять догоняет. Опять они близко стук слышали, что стучается. И недалеко стало до места бежать, где он гнилу коробку собирал: уж дальше он уж и не достанет. И кинули огнивец:

— Разлейся, река огненна, от земли до неба, от востока до запада, чтобы царю Косому Колесу ни пройти, ни проехать!

Он за рекой очутился и не смог переехать, назад уехал.

Они посидели у реки, отдохнули и домой пошли. Пришли домой живы-здоровы к отцу-матери. Там обрадели, не чаяли живых видеть, и столько лет прошло!

Ну и стали жить-поживать да добра наживать.

45. Счастливый день, несчастна ночь

Был-жил крестьянин да крестьянка. У них детей не было никого. И другой сосед рядом жил, тоже не было никого. И потом родился у этого сын, а у другого дочь. И они дали друг другу слово и записи записали, что эти дети как вырастут, чтобы их женить друг на дружке. У богатого дочь, а у бедного сын.

Вот они стали жить, подрастать, и этот бедный, как нужный, так был все у богатого в работниках. И дочери не понравилось.

Вот работник и разыскал эти записи и прочел. Пришел к отцу, тот ему говорит:

— Так и так. Были сделаны записи.

Ну, что уж написано, надо делать. Вот свадьба подходит. А этой невесте неохота пойти, — что она богата, он бедный, — и загадала ему загадку:

— Вот отгадаешь, пойду замуж. Что [есть] счастливый день, несчастна ночь?

Он не сумел отгадать. Вот ему этот купец дал корापъ, он и поехал искать-разгадывать, что есть счастливый день, несчастна ночь?

Шел, шел, шел, до государства дошел, до города. Пришли в город. Там донесли до короля, что вот ходят, разыскивают, что есть счастливый день, несчастна ночь?

Король приказал их к себе позвать. Они пришли к нему. Король говорит:

— Вот что, молодец, как поедешь дальше, отгадай мое несчастье. Вот уж у меня три года дочь потерялась, уж везде ищем, нигде не можем найти.

— Ладно, — говорит.

Опять пошли вперед. Шли, шли, шли, опять пришли в другое государство. Там опять донесли до короля, что вот ходят, разы-

скивают, что есть счастливый день, несчастна ночь? Да что у короля дочь потерялась.

Король призвал их к себе. Они пришли, король говорит:

— Вот что, молодец, как поедешь дальше, отгадай и мое несчастье. Вот у меня три года дочь на гнобище лежит, вот уж всем лечим, ничем не можем никак вылечить.

— Ладно, — говорит.

Опять поехал вперед. Опять пришли в государство. Опять дошли до города. Там опять донесли до короля, что вот ходят, ищут, что есть счастливый день, несчастна ночь, да что у короля дочь потерялась, да что у другого короля дочь на гнобище лежит. Король призвал их к себе. Они пришли. Вот король ему говорит:

— Проведай-ка и про мое несчастье. Три года, — говорит, — сады не цветут. Вот уж всем разводим, всем разводим, ничем не можем садов развести.

— Ладно, — говорит.

Опять пошли вперед. Шли, шли и дошли, что уж и морско хождение закрывается, больше нельзя пойти, и пристали, гавань там, и тропинка идет. Вот он им говорит:

— Ждите меня десять, и двенадцать, и пятнадцать суток. Вот уж как пятнадцать суток не приду, живым не ожидайте, тогда уж подьте.

Вот он идет, идет по этой тропинке, там рожь прошла, и другая прошла, и опять поле, луг большой, и на лугу дом стоит. Он подошел к дому, зашел в дом. В доме сидит одна девица и говорит:

— Как ты сюда попал? Тут птица не пролетывает, не то, — говорит, — человек прохаживал. Здесь злой дух живет.

А он ей отвечает:

— Вот я хожу, ищу, ищу, что счастливый день, несчастна ночь?

— Ладно, — говорит, — вот он прилетит, повалится спать, я у него спрошу, а тебя оверну булавочкой, воткну в стену, ты и слушай.

Потом он говорит:

— Вот у короля три года дочь потерялась, везде ищут, нигде не могут найти.

— Я сама, — говорит, — и есть эта дочь.

Потом он говорит:

— Вот у короля три года дочь на гнобище лежит, всем лечат, никак не могут вылечить.

— Ладно, — говорит, — спрошу.

— Потом у короля три года сады не цветут. Всем разводят, ничем не могут развести садов.

— Ладно, — говорит, — и это спрошу.

Только разговаривают, поспела его в стену булавочкой воткнуть, дух разлетелся.

— Фу, фу, фу, русским духом пахнет!
— Так сам по Руси налетался, русского духу нахватался, от тебя и пахнет.

Он ей говорит:

— Да ведь, верно, я ведь сегодня в трех лавках был, так русского духу нахватался.

Вот поели, попили, спать повалились. Он заснул, захрапел. Она со сна стала махать, киваться на него.

— Что ты, — говорит, — на меня дерешься?

— Фу, — говорит, — мне во снах виделось, что у царя три года сады не цветут, и уж всем разводят, ничим не могут развести. И я сама будто хожу развожу. Так чем их развести?

— Ну, — говорит, — это и правда так есть, у царя три года сады не цветут.

— Так чем их развести?

— Там много золота-серебра есть, так как выкопает, так через трои сутки сады расцветут лучше старого, лучше прежнего.

А эта булабочка в стены и слушает.

Ну, опять заснули. Она опять со сна стала махать, киваться на него.

— Фу ты, что мне спать не даешь?

Она говорит:

— Во снах мне снится, как будто три года у короля дочь на гнобище лежит, ничем излечить не могут.

— Так это на факте так и есть.

— Чем бы ее вылечить?

— А вот, взяли бы от трех коров первиченок сырого молока и обкатали ее, и она через трои сутки выздоровела бы лучше старого, лучше прежнего.

Вот и это он выслушал.

Опять [злой дух] заснул, захрапел. Опять она замахалась, задралась.

— Что ты мне спать не даешь?

— Фу ты, три года у короля дочь потерялась, ходят, ищут. И я сама с има хожу, ищу.

— Фу ты, — говорит, — так то я тебя саму украл, тебя-то отыскать не могут.

Опять заснули. Опять она замахалась со сна.

— Что ты мне все спать не даешь?

— Да все во снах мне снится, — говорит, — будто одни ходят, ищут, что счастливый день, несчастна ночь, не могут отыскать.

— Фу ты, да вот у нас теперь счастливый день, несчастна ночь: всю ночь дерешься, мне спать не даешь.

Вот заснул, захрапел. Она потихоньку встала, выдернула эту булабочку из стены, оградила все окна-двери крестным знаменем, и пошла. Говорит:

— Уж пойдем по дороге, он уж жажду на нас напустит, — ему-то трои сутки не выйти, как крестным знаменем огражден, — колодцы по дороге наставит, в колодцы ковшички серебряные пустит, так уж не пей ты, не пей, а то смерть нам обоим. Сон он на нас напустит, кровати наставит с перинами, только спи уж, так [ты], бога ради, не ложись, тебе смерть будет и мне. Голод напустит, столы наставит со всяким питьем-еденьем, только ешь, — ну уж ни за что не занимайся, не бери ничего, а то нам смерть.

Вот он, этот дух, спал, пробудился, а жены нет. В двери побежал — попасть не может, в окна бросился — попасть не может:

— Дурак, — говорит, — кто жены правду рассказывает!

Вот он и начал на них напускать. Жажду на них напустил. Так пить хочется! Жажда долит, а уж по дороге колодцы, ковшички золотые виснут. Уж она молит:

— Не берись, бога ради, ни за что!

Вот бежали, бежали, уж то пробежали, он сон на них напустил. Так спать хочется что пойти не могут хоть на дороге ложись. Он кровати поставил с пуховиками. Она молит:

— Не ложись, бога ради, не ложись!

То пробежали. Он голод напустил. Столы стоят, такие хороши столы по дороге. Она-то ему:

— Не берись, ни за что не берись!

Вот бежали, бежали, и то пробежали, и к пристани прибежали и корабль стоит, не ушел. И пошли через море.

Шли, шли, пришли к тому государству, где у царя сады не цветут. Тут королю донесли, что пришел тот корабль. Вот король призвал их к себе:

— Что, попроведал, добрый человек, про мое несчастье?

— Попроведал, — говорит. — Вот выкопайте золото-серебро, так через трои сутки сады расцветут лучше старого, лучше прежнего.

Вот, и король его не спустил, пока сады не расцветут. И через трои сутки сады расцвели лучше старого, лучше прежнего. И король чем благодарить не знает. Дал такую тросточку: если нать кораблей, так и флот целый кораблей идет свади; а не нать кораблей, стукнет о палубу тросточкой, и опять только одна тросточка в руке, а кораблей нет.

Шли, подошли, до второго государства дошли, где дочь короля на гнище лежит. Опять королю объяснили, что флот кораблей пришел, что узнавать ездили, что счастливый день, несчастна ночь.

Король говорит:

— Ну что, добрый человек, попроведал про мое несчастье?

— Попроведал, — говорит. — Возьмите от трех коров первиченок, обкатите ее, она через трои сутки выздоровеет лучше старого, лучше прежнего.

Опять его король никуда не спустил, пока дочь не выздоровеет. Молока нашли, обкатали ее, она через три сутки выздоровела, кака раньше не была. Король не знает, чем отблагодарить, замуж дочь отдавал.

— Мне, — говорит, — не нать, вот у меня невеста есть.

И пошли в то царство, где у короля дочь потерялась.

Шли, шли, пришли к третьему государству. Королю донесли, что корабли пришли, которые узнавать ездили. Вот он его призывает:

— Что, — говорит, — добрый человек, попроведал мою беду?

— Проведал, — говорит.

И эту дочь показывает. Те не знают, как и радоваться, что три года дочь терялась, теперь нашлась. И свадьбу сделали.

Вот жил-пожил, нать домой съездить. Поехал в царской одежде. Приехал в свою местность.

— О, — говорят, — флот кораблей пришел: царь, царь едет!

А уж прошло столько лет, времени. И отец с матерью старые. Все кричат:

— Царь-то, царь к старику в гости идет!

Отец с матерью не узнали. Он поздоровался и прежде всего спросил:

— Вышла ли моя невеста замуж?

— Нет, — говорят, — не вышла.

А как раз праздник, обедня идет, и он пошел в церковь к обедне, король этот. Спросил, ему указали ее, и он повенчал ее с голем кабацким, и говорит:

— Разгадай теперь, что счастливый день, несчастна ночь?

Голь день вино пьет, жену плясать заставляет, а ночь — жену бьет. Вот и разгадывай тут. Счастливый день — пить, плясать, а несчастна ночь...

Потом отца с матерью забрал на корабль, увез туда, и там стал королем жить. Управлять, царствовать, добра наживать, да нас переживать. Вот и сказка вся.

46. Девять богатырей — по колен ноги в золоте, по локоть руки в серебре

Были-жили старичок да старушка. У них были три дочери, сидели вечеринку оне, а царь ходил, невесту выбирал; по подоконью слушал, где бы невесту найти.

Вот они сидят, эти сестры, рассуждают. Одна говорит:

— Кабы я была царица, так на весь бы мир наткала бы полотна.

А другая:

— На весь бы мир наварила пива.

А третья молвила:

— Кабы я была царицей, в трех брюхах принесла бы девять богатырей, по колен ноги в золоте, по локоть руки в серебре, во лбу солнце, в затылке месяц, по косицам мелки звездочки кажутся, за ушмы-то светлы зори замыкаются.

Вдруг дверь тихонько заскрипела, и царь входит. И эту девушку себе в жены взял.

Взял, увел домой и стали жить-поживать. Ей заприходило время детей рожать, а ему в то время пришлось ехать в отво́нны города. Она родила без него трех сыновей, трех богатырей. [Сестры] со́звали ягу-бабу, и, пока никого не было, эта яга-баба всех их украла.

Царь приехал, жена говорит:

— Так и так, было три богатыря, со́звали эту бабку и их неизвестно куда дели.

Опять жили-пожили. Ему опять заприходило ехать в отво́нны города. Она опять без него родила трех богатырей. Опять со́звали ту ягу-бабу, — она уж и караулит, — она опять украла этих всех деточек.

Опять царь приехал домой, опять жена заплакала, запричитала:

— Так и так, этих детей украли.

Третий раз стала в положеньи, опять царь уехал в отво́нны города. Опять она родила трех богатырей. И оне пока бегали, бабку искали, она одного дитя взяла и в косы себе вплела, одного сына.

Эта яга-баба пришла бабить — два есть, нет третьего. Стало быть третьему!

Ну, она и схоронила его в косах. Вот потом написали царю письмо. Идет слуга с пакетом, а эта яга-баба караулит.

— Заходи, — говорит, — добрый человек, в байну попариться. Сама достала у него эти бумаги, там переписали, что родился не щененок, не ягненок, не ягушка, не лягушка.

А тот попарился, вышел, взял-эти бумаги, приехал к царю. Царь прочел, написал: «Кто ни есть, держать до меня».

Эта яга-баба караулит. Опять этого слугу зазвала в байну попариться. Сама достала пакет, пересмотрела все бумаги, письмо написала: «Кто ни есть, не держать ни часу, ни минуты, ни его, ни ей!».

Слуга из байны пришел, попил, поел. Приехал. Распечатали эту почту, прочитали. Поплакали царь с царицей. Ну, а царских родов прежде не куют, не вяжут. Куда невестку положим? Взяли ее в бочку закупорили. Поревели, поревели, бочку в море спустили.

Туча по небу идет, бочка по морю плывет. Там царица с ним живет.

Вот и растет ребенок не по дням, а по часам. Вот он и спрашивает:

— Где мы?

Она рассказала. И он говорит:

— Мамушка, мамушка, кабы нас на бережок выкинуло!

Мать говорит:

— Кабы из твоих уст да богу в уши.

И пришла волна, их на берег выкинуло. И он говорит:

— Как бы бочку разбило!

А мать отвечает:

— Кабы из твоих уст да богу в уши.

И другая волна пришла, бочку разбило. И очутились они на острове. Мхи да болота, ничего нету. Он говорит:

— Мамушка, мамушка, кабы церковь была, мы бы в церковь зашли, богу помолились.

— Кабы из твоих уст да богу в уши.

Они наутро встали— у них и церковь, и дѣмы, и все жительство. Они жили-пѣжили, а город-то не так далеко, видят главы городские.

Вот он говорит:

— Мамушка, мамушка, кабы нам палаты белокаменны, мосты калиновы, к нам бы стали ходить калики перехожие из города, мы бы все узнали.

Она отвечает:

— Из твоих уст да богу в уши.

Наутро встали— у них палаты белокаменны, мосты калиновы. Денька два прошло, и к ним заходили калики перехожие, милостыни просить. И говорят:

— Вот чудо! Были мхи да болота, а стали мосты калиновы, палаты белокаменны, и живут мать с сыном.

Он слушал-послушал и обернулся мушкой-побрякушкой и сел в коробок к калике. Пришли к царю. Калики-то и заговорили:

— Вот чудо-то! Были мхи да болота, а стали палаты белокаменны, мосты калиновы, и живут мать с сыном двое.

А эти сестры живут тут. Одна-то завывсказывалась:

— Как у нашей-то тетушки и есть бѣреги кисельные, река молока, ложки красные, хлебай колько хошь.

Этот мушка-побрякушка разгорячился. В глаз тетке клюнул, и глаз выклюнул, и полетел к матери.

— Матушка, матушка, где-то ёсть бѣреги кисельные, река молока, ложки красные, хлебай колько хошь!

Она отвечает:

— Кабы из твоих уст да богу в уши.

Наутро встали— у них бѣреги кисельные, река молока, ложки красные, хлебай колько хошь.

Идут калики перехожие, удивляются:

— Вот чудо-то! Были мхи да болота, а стали палаты белокаменны, мосты калиновы, бѣреги кисельные, река молока, ложки красные, хлебай колько хошь! И живут мать с сыном.

Нахлебались калики тут молока и пошли в город. Он опять обернулся мушкой-побрякушкой и сел в коробок к калике.

Пришли калики опять к царю и говорят:

— Вот чудо! Прежде были мхи и болота непросветимые, а стали палаты белокаменны, мосты калиновы, береги кисельные, река молока, ложки красные, хлебай колько хошь.¹ И живут мать с сыном.

А другая-то тетка говорит:

— Было-то чудо, было-то диво: как у нашей-то тетушки есть бык-третьяк, на хвосты баня, под хвостом озеро, на рогах церковь. В бане помоются, в озере покупаются, в церковь придут, богу помолются.

Он опять разгорячился и у другой тетки глаз выключул. Прилетел к матушке:

— Где-то, — говорит, — есть бык-третьяк, на хвосты баня, под хвостом озеро, на рогах церковь. В бане помоются, в озере покупаются, в церковь придут, богу помолются. Кабы у нас это было. Вот-то хорошо!

Она опять отвечает:

— Кабы из твоих уст да богу в уши.

На утро встали — у них и бык-третьяк, на хвосты баня, под хвостом озеро, на рогах церковь. В бане помоются, в озере покупаются, в церковь сходят, богу помолются. Живут-поживают.

Через сколько времени приходят калики перехожие.

— Вот уж чудо, вот уж диво! Были мхи да болота, а стали палаты белокаменны, мосты калиновы, береги кисельные, река молока, ложки красные, хлебай колько хошь; бык-третьяк, на хвосты баня, под хвостом озеро, на рогах церковь.

Калики в бане помылись, в озере купались, в церковь сходили, богу помолились. Посидели калики, подали каликам. Пошли к царю. Он опять обернулся мушкой-побрякушкой, сел к калике в коробок.

Пришли опять к царю. Опять и говорят:

— Вот уж чудо, вот уж диво! Были мхи да болота, а стали палаты белокаменны, мосты калиновы, береги кисельные, река молока, ложки красные, хлебай колько хошь; бык-третьяк, на хвосты баня, под хвостом озеро, на рогах церковь; в бане помоются, в озере покупаются, в церковь сходят, богу помолются.

А третья и говорит баба:

— Это вот уж чудо и вот уж диво! Как у нашей тетушки есть в чистом поле восемь молодцов: по колен ноги в золоте, по ло-

¹ Вариант (А. В. Мошников, Варзуга): «Раньше ходили, были мхи да болота, кривы наволоки, тут береги кисельные, река молока, поля квасу, ложки красны, хлебай сколько хошь!». —

коть руки в серебре, во лбу солнце, в затылке месяц, по косицам мелки звездочки катаются, за ушмы-то светлые зори замыкаются.

Мушка-побрякушка разгорячился, в нос ее клюнул, носа кусок оторвал и полетел к своей матушке.

— Матушка, матушка, — говорит, — где-то есть в чистом поле восемь молодцов, по колен ноги в золоте, по локоть руки в серебре, во лбу солнце, в затылке месяц, по косицам мелки звездочки катаются, за ушмы светлы зори замыкаются.

А мать ему говорит:

— А твои братица это и есть, а мои дети. У меня колько-то было их, яга-баба всех выворовала.

— Накатай, матушка, — говорит, — завтра девять колачков, я полечу их искать.

Мать накатала на второй день колачков, настряпала. Он обернулся мушкой-побрякушкой и полетел. Прилетел в чисто поле. Стоит дом большой, в нем никого нет. Он ухоронился. Слышит — топот. Прилетели голуби, обернулись добрыми молодцами, днем летают голубями, а ночью — добрыми молодцами. А он эти девять колачиков положил на стол и прикрыл.

— О, — говорят, — кто-то у нас есть! Если старый человек, будь нам отец, если молодой, будь нам брат родимый.

Он и вышел. Все обернулись голубями и полетели к матери и стали жить-поживать. В бане помоются, в озере покупаются, в церковь сходят, богу помолятся, киселя поедят, молока нахлебуются.

Вдруг опять пришли калики, удивляются. Опять пошли к царю. А он снова сел мушкой к калике в коробок.

Пришли к царю, говорят:

— Вот уж чудо, вот уж диво! Были мхи да болота непросветимые, а теперь стали палаты белокаменные, мосты калиновы, мы ходим, калики переходящие; береги кисельные, река молока, ложки красные, хлебай колько хошь; бык-третьяк, на хвосты баня, под хвостом озеро, на рогах церковь; в бане помоются, в озере покупаются, в церковь сходят, богу помолятся; и девять молодцов, девять братьев, по колен ноги в золоте, по локоть руки в серебре, во лбу солнце, в затылке месяц, по косицам мелки звездочки катаются, за ушмы светлы зори замыкаются.

Царь больше не стерпел:

— Все свое царство-государство бросаю, сейчас поеду посмотреть!

Поехал по мостам калиновым, видит — раньше были мхи да болота, а тут палаты белокаменные, береги кисельные, река молока, ложки красные, хлебай колько хошь; бык-третьяк, на хвосты баня, под хвостом озеро, на рогах церковь; в бане помоются, в озере покупаются, в церковь сходят, богу помолятся. И девять богатырей, девять братьев, по колен ноги в золоте, по локоть руки в серебре, во лбу солнце, в затылке месяц, по косицам мелки звез-

дочки катаются, за ушмы светлы зори замыкаются. И жена его встречает, и дети его.

И царь все свое царство оставил, туда переехал, к матери, и стал жить со своими детьми.

47. Безручка

Был-жил старичок и старушка, у них были сын да дочь. Мать запомирала, призвала сына, говорит:

— Зови сестру матерью.

Отец запомирал, сестру призвал:

— Зови брата отцом.

Вот и живут. Он ее зовет матерью, она его — отцом. Прежде населения-то пустошны, так и жили.

Жили-пожили, задумал молодец жениться. Женился у ягой-бабы на дочери брат. (Прежде какие-то яги-бабы были).

Вот так они и живут, зовут друг друга матерью и отцом. Эта невестка так незалюбила ее, золовку, за то, что зовут друг друга матерью и отцом. Вот муж уехал в лес, она пошла, в саду самую лучшую лесину засékла, сама вышла на крыльцо, растрепалась, размахалась.

— Вот, — говорит, — как твоя сестра меня растрепала и в саду самую лучшую лесину засékла!

Он отвечает:

— С первой вины бог простит.

(А та сестра и знать ничего не знает). Вот попили, поели, спать повалились.

Вот муж опять в лес уехал. Ей хочется выжить золовку из дому. Пошла, в саду самого лучшего голубя засékла. Вышла на крыльцо, опять растрепалась, размахалась.

— Вот, — говорит, — твоя сестра меня растрепала и в саду самомулучшего голубя засékла!

Брат опять отвечает:

— Во второй вины бог простит.

Всё его не забирает, не знает, как еще...

Вот жили-пожили, опять муж уехал, она взяла да у себя в зыбке ребенка зарезала. Вышла на крыльцо, растрепалась, размахалась.

— Вот, — говорит, — как твоя сестра меня всю растрепала и в зыбке дитя зарезала!

Муж ничего не сказал ей. Пришел в избу, говорит сестры:

— Одевайся в самомулучшее платье.

Сестра оделась в самомулучшее платье.

— Выходи, сестра, на улицу.

Она вышла на улицу.

— Неси, сестра, топор на сани.

Сестра принесла топор на сани.

— Неси, сестра, плаху на сани.

Она занесла плаху на сани.

— Садись, сестра, сама на сани.

Она села сама на сани. Поехали в лес. Вот приехали в лес, он говорит:

— Сходи, сестра, с саней!

Сестра сошла с саней.

— Снощи, сестра, плаху с саней!

Она снесла плаху.

— Неси топор с саней.

Она снесла топор с саней.

— Ложись, сестра, на плаху.

Она легла на плаху. Вот он замахнулся, а ему назади заговорило: «Замахнись, а не удари!». Он замахнулся и не ударил. (Вот как раньше люди переживали, может это все и правда было).

Вот он говорит:

— Сходи, сестра, с плахи. Положь по локоть руки на плаху.

Она положила по локоть руки на плаху. Он и отсек ей по локоть руки.

— Пойди куда головой стоишь.

А сам сел и уехал. Вот она поревела, посидела, без рук дак, и пошла куда головой стоишь, и пришла к городу. За городом мужики мячиком играют. Ей стыдно идти без рук, села за кустышек и притулилась. Вдруг Иван-царевич хлеснул мячиком, и он ей как раз попал в окомёлыщи; она сидит и держит мяч в своих окомёлышках.

Побежали искать, не могут найти. А Иван-царевич разбежался, видит — за кустышком она сидит.

— Вот, — говорит, — чур не вмести! Я себе богосужену нашёл!

И привел домой, к отцу-матери, и взял без рук. И жили-пожили, ему пришло в отвоины города ехать, а ей пришло уже дитя родить. Родила она дитя, ему слугу послали с записями. Идет слуга, выскочила яга-баба.

— Заходи, — говорит, — добрый человек, в байну попариться.

Сама достала у него эти записи, там переписала, что родился не щененок, не ягненок, не ягушка, не лягушка. Слуга пришел из байны, сумочку взял, шел-подошел, до царя дошел. Царь прочитал, отписал ему:

— Кто ни есть, держите до меня.

Он опять шел-пошел, эта яга-баба зазвала его в избу:

— Заходи, — говорит, — в байну попариться.

Опять бумаги эти взяли, переписали: «Не держать ни часа, ни минуты, кто ни есть». Слуга принес эти письма-бумаги.

Жили-пожили. Куда и девать? У ей рук нету; и пришили полотна, и ко грудям положили ребеночка. И она шла, шла, пить захотелось, а где напиться? Немного уж — пошла — понесла на себе еды и питья: с дитем и без рук. Вот пришел ручеек, нахло-

нилась она напатышком напиться в ручью, а у ней ниточки перетлели и ребенок отпал, и поймать нечем — рук нету. Ребеночка несет по речке, она идет по бережку и ревет, а ей голос сзади:

— Подставь окомёлышки, тебе прирастут руки. А будет жизнь да жизнь — сострой Николину церковь.

Вот она ребеночка поймала и пошла. А этот царь домой приехал — и жены нет. Ходили, искали, нигде нет.

А она ходила, ходила, пришла в свое место и подалась к брату на квартиру. Много лет прошло, да она с дитем и с руками, брат ее и не признал. Откуда у сестры, думает, руки взялись.

Она выдавалась на квартиру будто портной; ну, надо чем-то жить на деревне, чем-то заниматься. Вот живут-поживают; она-то знает, что брат и невестка — они-то не знают.

Поживают; и вдруг приезжает этот муж. Уж он ездил, ездил и сюда приехал. Ходит-походит и спрашивает, не было ли какой заезжей да захожей?

— Да вот, — говорят, — здесь есть одна, портняжит, и с пареньком. Вот живет у этих на квартире.

Вот он пришел к брату, заспрашивал:

— Нет ли у вас квартирантки на квартире?

— Какая-то есть, там живет!

Вот (как и вы ездите) спрашивает:

— Не знает ли кто сказок да бывальщин?

Ему говорят:

— Мы не знаем, вот она, может, знает.

Привели ее. Она со сыном, а отец сына и не видал, и она с руками.

— Не знаешь ли какой сказки или бывальщины?

А она:

— Не знаю никакой, разве мне про свою жизнь рассказать, как жила?

Брат говорит:

— Рассказывай ему вот.

Вот она и говорит:

— Мы жили-пожили, мать запомирала, призвала брата, говорит: «Зови сестру матерью». Отец запомирал, меня призвал, говорит: «Зови брата отцом». (Ну, а брат сразу и догадался, глядит, поглядывает). Брат задумал жениться, женился у ягой-бабы на дочери. Она меня неознавидела. (А эта тут невестка). Она в саду самолучшу лесину засékла, сама вышла на крыльцо, растрепалась, размахалась, брату говорит: «Вот как твоя сестра меня растрепала и в саду самолучшу лесину засékла!». Брат сказал: «С первой вины бог простит». (Брат уж сразу догадался, а не знает, откуда у сестры руки взялись). На второй день брат уехал в лес, она пошла, в саду самолучшего голубя засékла. Вышла на крыльцо, растрепалась, размахалась: «Вот, — брату говорит, — твоя сестра меня растрепала и в саду самолучшего го-

любя засёкла!». Брат опять отвечает: «Во второй вины бог простит». На третий день, жили-пожили, брат снова в лес уехал, она взяла у себя в выбке ребенка зарезала. Сама растрепалась, размахалась, брату говорит: «Смотри — твоя сестра меня растрепала и в выбке ребенка зарезала!». Брат пришел в избу, сказал: «Надевай, сестра, самолучшее платье!» — я надела. «Неси, сестра, топор на сани!» — я занесла. «Неси плаху на сани!» — я занесла плаху. «Садись сама на сани!» — поехали. Приехали в лес. Брат сказал: «Сходи, сестра, с саней!» — я сошла с саней. «Сноси, сестра, плаху с саней!» — я снесла плаху. «Неси топор с саней!» — я снесла топор с саней. «Ложись сама на плаху!» — я повалилась на плаху. Он замахнулся, ему сзади сказал: «Замахнись, а не ударь!». Вот он и говорит: «Положь, сестра, по локоть руки на плаху» — я положила. Он отсек мне руки и говорит: «И пойдй, сестра, куда головой стоишь» — я и пошла куда головой стою. Ходила, ходила, бродила, бродила.

Эта невестка говорит:

— Не рассказывай!

А брат и муж говорят:

— Рассказывай!

— Ходила, ходила и пришла к городу. За городом мужики в мячик играют. Бросили мячик, он и попал мне в окомельши. Прибежал Иван-царевич: «Чур не вмести!» — говорит. — Я себе богосужену нашла». И привел домой, и взял за себя. Вот я, — говорит, — стала в положении, а ему в отбонны города надо ехать. Родился у меня ребеночек, и послали слугу с письмом. А яга-баба его созвала в байны попариться, сама поддельны документы написала. И опять отписала обратно: «Кто ни есть, не держать ни часу, ни минуты». И заплакали свекор со свекровой: куда меня? — царских родов не куют, не вяжут, на волю спускают. И вот мне-ка пришли ребеночка на полотно ко грудям, и пошла я, куда головой стою. Захотела напаточком напиться в ручью, наклонилась, ребеночек отпал и поймать нечем. Ребеночка по ручейку несет, ребеночек ревет, а я по берегу иду, реву. Мне заговорило: «Подставь окомельшки, тебе прирастут руки». Я подставила окомельши, у меня руки приросли. Ребеночек спасся, и я спаслась. Ходила, ходила и сюда пришла. Вот живу, портняжу.

Тут эту ягу-бабу на семи воротах расстреляли.

А этот Иван-царевич забрал ее и брата и привез к себе. Свекор со свекровой обрадели им, что нашлись.

И стали жить-поживать да добра наживать. Вот и сказка вся.

48. Морской царь

Был-жил царь да царица, у них был один сын. Этот сын все любил на охоту к морю ходить. Вот раз сидит, а утка все над ним галится; он хочет стрелить, она в воду овернется. Он сидел,

сидел, и заснул на берегу. А проснулся — у морского царя в море, его царь морской украл.

И стал его царь любить морской, и стали на него бояра наносить, и стали думу думать, как бы его погубить? А у этого царя была дочь. Эта дочь его полюбила, понравился он дочери.

А эти бояра стали думу думать. Собрались думу думать; думали, думали, с утрушка до ночи, не могли ничего придумать. Хотели расходиться, а вышел дед из-за печки, вынес шар на веревке, сам с ноготь, борода с локоть.

— Ах вы, бояра, — говорит, — думу вы думали с утра до ночи, не могли никакой думушки выдумать, а я-то думу выдумал в одну минуточку! Подойдите к царю поближе, поклонитесь царю пониже, скажите: «Еще твой-то слуга любимый восхваляется: кругом царских ворот сделаю в одну ночь ограду и раскрашу».

И стали расходиться, и пошли к царю, и говорят:

— Вот, царь-то, вольный человек, восхваляется твой слуга любимый: «Кругом царских ворот в одну ночь сделаю ограду и раскрашу».

Царь призвал его к себе:

— Сделай в одну ночь кругом царских ворот ограду и раскрась, а не сделаешь — голова с плеч!

Вот идет Иван-царевич по городу невесел, буйну голову повесил ниже сильных могучих плеч.

Выглянула Марфа-царевна из окошка:

— Что же ты, — говорит, — Иван-царевич, идешь невесел, буйну голову повесил ниже сильных могучих плеч?

А он говорит:

— Как же мне быть веселу, когда твой батюшка мне службу назначает.

Она говорит:

— Поди сюда, Расскажи.

Он рассказал.

— Это, — говорит, — не служба, а службишка, служба вся впереди. Поди, ложись спать.

Он пошел и лег спать. Она надела кафтанішко на плечо, шуганішко на друго, лопатёнку в руки, тупицёнку в друго, закричала:

— Баенны, овинны, морски, озерски, ступайте все на работу!

Все бежат:

— Что, Марфа-царевна, прикажешь работать?

Кто хромой, кто слепой, отовсюду бежат.

— В одну ночь, — говорит, — чтобы была кругом царских ворот сделана ограда!

Кто тащит лесину, кто другую, стук, гром, и в одну минуту кругом царских ворот ограда готова.

На утро Марфа-царевна пришла, Ивана-царевича побуживает: — Вставай-ка, Иван-царевич, ограда готова; похаживай да покрашивай.

Ограда готова, красить не долго. Царь вышел — ограда готова; Иван-царевич похаживает, покрашивает. И [царь] еще стал лучше Ивана-царевича любить, не знает куда посадить, полбжить.

А эти думные бояра опять стали наноситься, опять стали думать. Опять собрались, думали, думали, с утрушка до ночи, не могли ничего придумать. Опять хотели расходиться, а вышел дед из-за печки, вынес шар на веревке, сам с ноготь, борода с локоть.

— Ох вы, бояра, — говорит, — думу вы думали с утра до ночи, не могли никакой думушки выдумать, а я-то выдумал да в одну минуточку! Подойдите к царю поближе, поклонитесь царю пониже, скажите: «Царь, вольный человек, твой-то слуга любимый восхваляется: через двои сутки схожу за тридевять земель, за тридевять морей; в тридевятом царстве, в тридевятом государстве есть кот-бахарь — три дни бает, ись не просит, и в три локоть в земли закопан, сидит на столбу; и принесу на столбу, со столба не сроню».

Опять слуги пошли к царю. Подошли поближе, поклонились пониже, говорят:

— Царь, вольный человек, твой-то слуга восхваляется: «Через двои сутки, — говорит, — схожу за тридевять морей, за тридевять земель. В тридевятом царстве, в тридевятом государстве есть кот-бахарь — три дни бает, ись не просит, и в три локоть в земли вкопанный, сидит на столбу; и принесу на столбу, со столба не сроню».

Опять царь призывает Ивана-царевича:

— Вот, про тебя говорят, что ты восхваляешься: схожу за тридевять морей, за тридевять земель; в тридевятом царстве, в тридевятом государстве есть кот-бахарь — три дни бает, ись не просит, и в три локоть в земли вкопанный, сидит на столбу; и принесу на столбу через двои сутки и со столба не сроню. Принесешь кота-бахаря, так принеси, а нет — так голова с плеч.

Опять идет Иван-царевич невесел, буйну голову повесил ниже сильных могучих плеч. Выскочила Марфа-царевна из окна по поясу:

— Что, — говорит, — идешь невесел, буйну голову повесил ниже сильных могучих плеч?

— А как мне быть веселому? Твой батюшка мне опять службу назначает.

Она выслушала:

— И это, — говорит, — не служба, а службишка, служба впереди. Поди, ложись спать.

Он спать повалялся, она шуганішко на плечо, кафтанішко на друго, лопатёнку в руку, тупицёнку в друго, закричала:

— Баенны, овинны, морски, озерски, ступайте все на работу! Из лесу, из рек, из озер — все бежат:

— Что, Марфа-царевна, прикажешь работать?

— А вот, есть за тридевять морей, за тридевять земель, в тридевятиом царстве, в тридевятиом государстве кот-бахарь — три дня бает, ись не просит, и сидит на столбу, на три локоть в землю вкопанный. Надо сбегать, и через двои сутки принести, и со столба не сронить!

И никто не соглашается, что далеко бежать. Тот говорит — не пойдем, другой — не пойдем, а одна хрома девчонка согласилась.

— Я, — говорит, — сбегаю.

И побежала. А этот Иван-царевич у Марфы-царевны эти двои сутки прожил, она его на свет не показывала. И через двое суток, как нать, эта девчонка кота принесла и со столба не сронила. Притащила она Ивану-царевичу:

— Иди, неси царю.

Он царю принес, и тот его пуще залюбил.

Всё ненавидят его думны бояра, всё наносят. Опять собрались думу думать, как бы его погубить? Опять думали, думали, с утрушка до ночи, не могли ничего придумать, хотели раскодиться. Опять вышел дед из-за печки, вынес шар на веревке.

— Думны вы бояра, — говорит, — думу вы думали с утра до ночи, не могли никакой думушки выдумать, я думу выдумал в одну минутку! Подойдите к царю поближе, поклонитесь царю пониже, скажите: «Царь, вольный человек, как твой-то слуга любимый восхваляйтце, что через трои сутки сделаю корап-самолет, чтобы он ходил поверху земли, по корень земли, по поднёбьсю и опускался корап против царских ворот».

Опять подошли бояра к царю поближе, поклонились ему пониже, говорят:

— Царь, вольный человек, твой-то слуга любимый как восхваляется!

Царь призвал Ивана-царевича:

— Вот сделай через трои сутки корап-самолет, чтобы он ходил поверху земли, по корень земли, по поднёбьсю и опускался корап против царских ворот. А не сделаешь — голова с плеч.

Опять идет Иван-царевич невесел, буйну голову повесил ниже сильных могучих плеч. Опять выскочила Марфа-царевна из окна по поясу:

— Что же ты, — говорит, — Иван-царевич, идешь невесел, буйну голову повесил ниже сильных могучих плеч?

— Как же мне быть веселому, когда твой батюшка мне опять службу назначает.

— А какую?

— В три дни сработать корाप-самолет, чтобы ходил поверх земли, по корень земли, по поднебесью и опускался против царских ворот.

— А, — говорит, — поди, ложись спать.

Она опять кафтанійшко на плечо, шуганійшко на друго, лопа-тёнку в руку, тупицёнку в друго, закричала:

— Баенны, овинны, морски, озерски, ступайте все на работу!

Все бежат, кто тащит чурку, кто — бревно, кто что может.

— Что, Марфа-царевна, прикажешь работать?

— А сделайте корाप-самолет, чтобы ходил поверх земли, по корень земли, по поднебесью и опускался против царских ворот.

И начали делать. Тяп-ляп, да и сделали корапъ.

К утру, к свету Марфа-царевна Ивана-царевича разбудила:

— Поди на корапъ, постукивай, покрюкивай, будто работаешь.

Вот он ходит, постукивает. Ночь пришла. На втору ночь также Марфа-царевна побежала:

— Баенны, овинны, морски, озерски, ступайте все на работу, дорабатывайте корапъ!

И только осталось, что корапъ покрасить на второй день. И опять разбудила Ивана-царевича:

— Поди похаживай да покрашивай.

Вот он день похаживает да покрашивает. Вот другая ночь прошла. На третью ночь опять пошел, повалился спать. Она высочила опять:

— Баенны, овинны, морски, озерски, ступайте на работу, дорабатывайте корапъ!

И совсем доработали корапъ, только полетать осталось. И Марфа-царевна разбудила Ивана-царевича и говорит:

— Иди, полетай. И говори: «Полетай, мой корапъ, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, поверх земли, по корень земли, по поднебесью, и как служишь мне, так же послужи и царю морскому».

Вот и вышел Иван-царевич на корапъ, а царь вышел на балкон, стоит и смотрит.

— Вот, — говорит Иван-царевич, — полетай, мой корапъ, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, поверх земли, по корень земли, по поднебесью, и спущайся, корапъ, против царских ворот.

И корапъ полетел и прилетел к царским дверям. И царь сам походил на кораблик и сказал:

— Походи, корапъ, поверх земли, по корень земли, по поднебесью.

И его также послушался корапъ.

И еще пуще полюбил [царь] Ивана-царевича и женил на Марфе-царевне. Вот пожил, и говорит ему Марфа-царевна:

— Иван-царевич, убежим от них, все равно он сгубит нас, не жить нам.

И собрались, и ночью поехали. И ехали, ехали (птицами-утками овернулись и летят). А этот царь схватился: где они? А мать обманывает:

— Там они, да пошли прогуляться!

Все обманывает, хочет, чтобы дальше уехали, все это отвлекает. А они едут и уезжают. Марфа-царевна говорит Ивану-царевичу:

— Встань, погляди, что под нами, что над нами, что впереди, что позади?

Он поглядел, говорит:

— Под нами земля, над нами небо, впереди солнце пекет, сзади туча тучится, гром гремит, молния летит.

Она говорит:

— Нет, это не гром гремит, молния летит, а это мой отец летит нас доставать.

Овернула его церковью, а сама себя старым-престарым попом. Он разлетелся, стукнулся о землю, зашел в церковь, говорит:

— Не видали ли проезжающих-проходящих, хоть птицы пролетающей или человека проходящего?

А этот священник отвечает:

— Здесь птица не пролетывала, не то люди прохаживали!

Он овернулся и назад полетел.

Они опять развернулись, опять полетели. А царь прилетел назад, а мать говорит:

— Тут-то они и были, тебя обманули.

Он опять за ними полетел. Марфа-царевна опять говорит Ивану-царевичу:

— Погляди, что над нами, что под нами, что впереди, что назади?

Он поглядел, отвечает:

— Под нами земля, над нами небо, впереди солнце, назади туча тучится, гром гремит, молния летит.

— Это не гром гремит, не молния летит, это мой отец летит нас доставать.

Его овернула озером, сама овернулась ершом в озере. Вдруг он прилетел. Стукнулся о землю, овернулся щукой, скочил в озеро и заходил из-под камня под камень, из-под песчины под песчину и нашел этого ерша в озере.

— Ну-ка, — говорит, — ерш, повернись головой!

А ерш ему отвечает:

— Щука хоть чиста, так и ешь ерша с хвоста.

И ходила, ходила эта щука за ершом, и до того догонялась, что заспала под камнем. А эта развернулась снова, мужа [сделала] уткой, озеро обсушила, и улетели. А эта щука проснулась под камнем — и озера нет; и полетел домой.

А те приехали к отцу-матери и стали жить-поживать да добра наживать.

49. Агар Агарович

Жили-были старичок да старушка. У этих старичка да старушки были сын и дочь. Прежде жительство-то было не часто.

Эти старичок со старушкой жили-пожили, померли. Брат ходит на охоту, а сестра все дома хозяйничает, исправляет.

Вот однажды брат в лесе сошелся с Агар Агаровичем, а Агар Агарович царь был. Вот разговорились.

— Ты с кем, — спрашивает, — живешь?

— Я живу с сестрой двое, родители померли.

— А какая у тебя сестра?

— У меня сестра такая: засмеется — так вся жемчугом вокруг обовьется, а заплачет — так золотом плачет.

Агар Агарович и говорит:

— Отдай ее за меня замуж.

Он сказал:

— Не знаю, если согласна она будет.

— Ну, — говорит, — спроси! Завтра здесь же сойдемся.

Приходит не совсем веселый. Сестра брателка спрашивает:

— Что ты, брателко, не совсем веселый?

— Так, — говорит.

Сперва он ей не открылся. Вот сели, попили, поели, он и спрашивает:

— Вот мы в лесе встретились с Агаром Агаровичем и он сватается за тебя. Ты согласна за него замуж?

Она говорит:

— Согласна.

Ну, наутро пошел он на охоту, в том же самом месте сошлись с Агар Агаровичем. Агар Агарович спрашивает:

— Согласна ли твоя сестра замуж?

— Согласна.

— Ладно, — говорит, — завтра в колокол ударят, пусть умывается, а в другой-от ударят, так пусть и утирается, а в третий-от ударят, так пусть башмачки на ноги одеват, а в четвертый-то ударят, так пусть платице на плечи одеват, а в пятый-то ударят, так пусть в сенцы выходит, а в шестой-то ударят, так пусть и на крылечко выходит, в седьмой-от ударят, так и за ей приедут.

Посидели, потолковали, распростились, разошлись.

Пришел вечером брат с охоты и стал сестры рассказывать:

— Вот, сеструшка, завтра в колокол ударят, так ты и умывайся, во второй-то ударят, так ты утирайся, в третий-то ударят, так и башмачки на ноги надевай, в четвертый-то ударят, так и платице на плечи одевай, в пятый-то ударят, так и в сенцы выходи, в шестой-то ударят, так и на крылечко выходи, а в седьмой-то ударят, так и приедут за тобой.

Вот утро пришло. В колокол ударили, стала Марфа-крестьянская дочь умываться. А пришла яга-баба:

— Ой, — говорит, — Марфа, какое у тебя мыльце хорошенькое, а у моей-то ягарнушки нет ничего!

Она то отдала, себе лучше взяла. Во второй раз ударили, стала утираться.

— Ой, какое у тебя, Марфа, полотенце хорошее, а у моей-то ягарнушки нет ничего!

Она и то отдала, себе лучше взяла. В третий раз ударили, она стала башмачики одевать.

— Ой, — говорит яга-баба, — какие у тебя башмачики хорошие, а у моей-то ягарнушки нет ничего!

Она те отдала, себе лучше взяла.

В четвертый ударили, она стала платице на плечи одевать.

— Ой, какое у тебя, Марфа, платице хорошенькое, а у моей-то ягарнушки нет ничего!

Она то отдала, себе лучше взяла.

В пятый ударили, она вышла в сенцы. А в шестой-то ударили, яга-баба ей хлопнула плеточкой на крылечке и овернула птичкой, а подсунула свою ягарнушку.

Те приехали и знать ничего не знают, и отвезли, повенчали их. Живет-поживает [ягарнушка]. Захохочет — только слюны летят, а заревет — слезами ревет.

Вот Агар Агарович говорит:

— Вот, брат говорил, что она засмеется — так вся жемчугом вокруг обовьется, а заплачет — так золотом плачет, а вот она как!

И взял брата в тюрьму посадил. Брат сидит и сам не знает, за что. Сидит-посиживает, ничего не знает, не ведает. Вдруг ночью прилетает птичка во двор, спрашивает:

— А спит ли Агар Агарович с молодой женой ягарнушкой?

Слуги отвечают:

— Спит.

— А спит ли мой брателко в тюрьмы?

— Нет, не спит, — слуги отвечают.

— А пустите меня.

Залетела на двор, кожух сдернула, другой сдернула, третий сдернула, и очудилась девицей, и зашла к брату в тюрьму. Посидела, поплакала, кучу золота наплакала, другу — жемчугу. Брат тут и узнал, за что сидит в тюрьмы.

Опять вечер другой приходит. Опять прилетает птичка. А слуги в тот день не ходили в тюрьму — не подпахивали, не подмахивали, и ничего не знают. Прилетела на двор, опять закричала:

— Спит ли Агар Агарович с молодой женой ягарнушкой?

Слуги отвечают:

— Спит.

— А спит ли мой брателко в тюрьмы?

— Нет, не спит, — отвечают.

— Пустите меня!

Сдернула кожух, сдернула другой, сдернула третий и очудилась девица — ни в сказке сказать, ни пером описать. Опять зашла к брату в тюрьму. Посидела, поплакала, кучу золота наплакала, другу — жемчугу. Опять утренняя заря стала заводиться, опять овернулась птичкой и улетела.

Днем слуги пришли пахать в тюрьмы, и напахали кучу золота, другу — жемчугу у брата в тюрьмы. И пошли, царю донесли.

— Так и так, прилетела одна птичка и говорила: «Спит ли Агар Агарович с молодой женой ягарнушкой?». И мы отвечали: «Спит». «А спит ли мой брателко в тюрьмы?». «Нет, не спит». Тогда она говорит: «А пустите меня в тюрьмы». И мы зашли туда сегодня пахать, и напахали кучу жемчугу, другу — золота.

Вот Агар Агарович говорит:

— Прилетит она, скажите мне.

Вдруг опять вечер приходит, птичка прилетает к сторожам и спрашивает:

— Спит ли Агар Агарович с молодой женой ягарнушкой?

Они говорят:

— Спит.

— А спит ли мой брателко в тюрьмы?

— Нет, не спит, — отвечают.

— Пустите меня.

На двор залетела, сдернула кожух, другой сдернула, третий сдернула, очудилась девица — ни в сказке сказать, ни пером описать, и зашла к брату в тюрьмы. Плачет — золото из глаз каплет, а засмеется — вся жемчугом вокруг обовьется.

Агару Агаровичу сказали: она, говорят, прошла в тюрьму. Он велел печку затопить, и один кожух в печь кинули. Затрещало. Она и говорит:

— Охти мне, не мои ли кожушки горят?

— Нет, — говорят, — Агар Агарович блинов хочет, блины пекут.

Сидела-посидела, второй кожух кинули, опять затрещало, затрещало.

— Охти мне, не мои ли кожушки горят?

— Нет, — отвечают, — Агар Агарович блинов хочет, блины пекут.

Сидела-посидела, и третий кинули. Еще сильнее затрещало.

— Охти мне, не мои ли кожушки горят?

Опять говорят:

— Нет, Агар Агарович блинов хочет, блины пекут.

Сидела-посидела, побежала, а у ней уж и кожухи сгорели, и полететь не могла. Агар Агарович ее скорей и взял, подхватил. А эту ягу-бабу на семи воротах расстреляли, и брата из тюрьмы выпустили, и стали жить-поживать.

(Вот какие-то яги-бабы прежде были, всё они вредили. В редкой сказке их нет, чтобы они не вредили в чем-нибудь!).

50. Как сосед суседку по титьке тянула

Были-жили два соседа. Один богатый сосед, а другой бедный сосед. А у бедного этого сын был, а у богатого дочь была. Однажды эта дочь побежала на вечеринку вечером, а прежде в байнах вечеринки сидела, а он взял ей, — отец с сеном приехал, убирает сено, — он ей и тянул по титьке. Она ему и говорит:

— Вечёря, друг, гості!

Он думает:

— Богатая девка зовет, побегу скорее.

Попил, поел, нарядился. Вот подходит, а там уже на конях сидят. Она его из бани плеточкой ударила:

— Был молодец, стань жеребец!

Села и поехала. Сбóрк их на поле съехалось, девиц этих на таких жеребцах. И скачут, колько какая может какого ударить, какой бойчее всех.

К утру заравъезжались по домам. К той бане, сколько сидело, девиц, съехались. Плеточкой ударили:

— Был жеребец, стань молодец.

Стали молодцы, пошли, закачались. Все выскакались в ночь, выездили девушки их. Она ему кричит:

— Вечёря, друг, гості!

Он думает:

— Нет уж, хватит.

Вот домой пришел. Отец на него заругался:

— Что долго гуляешь! В лес надо ехать, а ты сейчас с гулянья пришел.

А мачеха заступилась:

— Ты такой же мо́ло́дый был, гулял.

Отец в лес уехал, а он остался дома. И мачеха стала у него спрашивать:

— Где ты был, где гулял?

— А вот вчера убирали сено, и шла соседская дочь, я ее тянула по титьке, а она говорит: «Вечёря, друг, гості!». Вот прихожу к бане, а она меня плеточкой ударила и говорит: «Был молодец, стань жеребец», и села на меня и поехала; и их в поле чисто сорок съезжается, и ездили на нас ночью, а к утру все к этой бане приехали, которые тут были, и ударили плеточкой: «Был жеребец, стань молодец!». Мы пошли, закачались.

А мачеха спрашивает:

— Велела ли еще приходить?

— Да, — говорит, — крикнула: «Вечёря, друг, гості!». Да я уж не пойду больше.

— Нет, — мачеха говорит, — пойдя, я тебя научу.

Вот вечер заприходил. Отец приехал из лесу, обóрались. Мачеха ему дала шесть кирпичей, петуха, и шило в праву руку, и три железных сковороды на голову накрыть.

— Вот, — говорит, — поди, пока их нету, не пришли на вечеринку, сядь на пол, уложь эти кирпичи вроде стены, эти сквороды на голову себе, вместо крыши, петуха под леву пазуху, а шило в праву руку. Как они слетаются, тебя заобижают, как в баню к тебе заприбегают, ты петуха тыкни, петух закричит, они все из бани выскочат. А как она одна останется, ты ее поймай за косу, поймай — не отпускай, и она всякими тварями у тебя в руках будет обертываться — и мышами, и крысами, и не отпускай ее, все держи за косу. И потом она очудится веретенышком; переломи его, возьми и скажи: «На одном концы красна девица стань, на другом — куча золота», и хлопни ее плеточкой и скажи: «Была девица, стань жеребица».

Вот он собрал все это имущество и пошел в баню. Кирпичами обложился, сквородамы накрылся, взял петуха, шило и сидит. Вот они слетают, байну откроют, воробьями налетели.

— А, — говорят, — он теперь сидит в каменном городе, да под железной крышей!

И стали ему эту крышу клевать; а он тыкнул петуха шилом, петух закричал. Все разбежались из байны и уехали. Она одна осталась. Он и схватил ее за косу. Она и начала у него всякими тварями притворяться в руках — и мышами, и крысами, и чем-чем, он все держит, и обернулась веретенышком. Он взял веретенышко переломил и сказал:

— Стань на одном концы красна девица, на другом — куча золота!

И очудилась красна девица, и он ей из бани вывел, плеточкой ударил, и сел, и поехал, и приехал в чисто поле; и ездит, ездит, жгет, жгет, скачет, скачет, сколько уж силы есть, он ее и парит, а к этим сорока близко не подъезжает. А те спорят: он на ей ездит, или она на нем ездит? Никак узнать не могут.

— Есть, — говорят, — за тридевять морей, за тридевять земель, в тридевяти царстве, в тридевяти государстве, родился парень некрещеный, немолитвенный, так он нам скажет!

И нашлась одна хрома девчонка, взялась сбегать и притащила этого парня, и он не сказывает (а уж парень, так друг ему). Этого паренька назад стащили и говорят:

— Есть за тридевять морей, за тридевять земель, в тридевяти царстве, в тридевяти государстве, родилась девушка некрещена, немолитвенна, так она нам скажет.

И опять одна хрома девчонка взялась сбегать, и притащила эту девушку, и вот они и узнали, что он на ей ездит. Ну, ездили-поездили и поехали домой. И все уж приехали, а он после всех. И хлопнул ее плеточкой, и сказал:

— Была жеребица, стань девица.

И она ему говорит:

— Подьте, сватайтесь на мне, я за тебя замуж пойду, ты меня сделал человеком. (Нечистый дух в ней был).

Вот он пришел домой, а свет уж. Отец в лес уехал. Мачеха спрашивает:

— Ну, кто на ком ездил, ты на ней или она на тебе?

— Я на ней ездил. Так они узнавали, узнавали, принесли паренька из-за тридевять земель, из-за тридевять морей, тот им не сказал; принесли девушку из-за тридевять земель, из-за тридевять морей, некрещену, немолитвенну, так как она им сказала, только тогда узнали. И все уж ездили-поездили, приехали домой, и я позже всех. Так она сказала: «Сватайтесь на мне, я за тебя замуж пойду, ты меня человеком сделал».

Ну, мачеха его напоила, накормила, спать повалила.

Отец пришел — ругается:

— В лес надо ехать, а он сейчас с гулянья только пришел!

Мачеха заступается:

— Ты такой же был, молодый.

Сели попить да поесть. Мачеха говорит:

— Отец, сына-то нать женить, чего он у нас будет ночами-то ходить, гулять, — говорит.

Отец говорит:

— Ну, женить, за чем же дело стало?

Она говорит:

— А что, посвататься к дочери суседа?

Отец рассмеялся:

— Ну, будто сусед отдаст дочь!

Мачеха отвечает:

— Я-пойду, посватаюсь.

Отец и не спускает, будто как они бедны, нужны, а те богаты. Ну, мачеха все же побежала к суседу. Ну, те басни, эти басни, и засваталась. А отец и засмеялся ей:

— Для твоего сына дочь мы и вырастили!

А дочь двери открыла:

— Папенька, отдай, он мой жених, он меня человеком сделал!

Ну, отец и слова не сказал; веселым пирком да за свадебку.

51. Сын-зверь

Был-жил крестьянин да крестьянка. У них была одна дочь. Мать померла, мачеха эту падчерицу невзлюбила. А падчерица была хорошая.

Вот мачеха настригла всякой шерсти со всяких зверей, с мышей, с собак, с зайцей, лисиц, лошадей, коров, — со всех просто. Насушила и наварила кофею и эту падчерицу этим кофеем напоила. Она стала с того пухнуть.

И [мачеха] отцу и говорит:

— Отвези ей в лес, она дитя скоро родит. (А это раньше за большой стыд считалось, коли девушка дитя принесет). Сделай такую колоду с железными обручами на концы, положи ей питья-еденья и отвези в лес.

Отец сделал колоду с железными обручами и отвез в лес. Вот она поест питья-еденья, поплачет и лежит в этой колоде; и вдруг родила дитя. Она пощупат рукой — то колюче, то мягко, и не знает, на кого дите находит, — темно в колоде-то.

Вот дитя подросло уж и говорит:

— Где мы, маменька?

— А мы в колоде.

Он утерся головой в один конец колоды, а ногами в другой и выпятил дно (сильный он стал там), и вышел на свет, колоду закрыл опять, чтобы мать его не видела, что он очень страшный, чтобы не испугалась; а сам выстал на высокую лесину и видит: там по земли как клубки катаются и как город стоит. И обратно спустился с лесины, и пришел к матери, и говорит:

— Мамушка, мамушка, что там по земли как клубки катаются и как город?

— А, — говорит, — это наш город; а клубки катаются — это на лошадях ездят.

— А, — говорит, — мамушка, я побегу в город!

— Что ты, — говорит, — не надо!

— Нет, побегу!

И побежал в город. И кто встречу попадет, все бояться — что такое за чудовище! Потом забежал в магазин: все берет, что ему нать, и все бояться. Потом забежал в другой, питья разного налил в ушат, взял на плечи и понес матери.

Ну, народ весь собрался, и на другой день его стрелять хотят. Вот он матери принес ушат, она говорит:

— Вот уж на другой день пойдешь, так принеси на тарелочках, а то тут всего наложил, тут и сладко, и горько, и рыбно, так не надоть.

— Ладно — говорит, — мама, принесу на тарелочках.

На второй день встал ранёхонько и побежал. В него и стали стрелять: стрéлят, а от него и пуля отскакивает, и не знают, что больше делать?

А он говорит человеческим голосом, так-то он был как человек, только шкура надета:

— Не стреляйте, не шевелите меня! Я никому вреда не сделаю, а будете меня шевелить, я весь ваш город переверну.

Ну и пошел по магазинам, набрал всего на тарелочках и отнес матери. И стал в тот город ходить, и не стали его бояться.

Он никого не задевает, не шевелит. Зайдет в магазин, чего нать матери — возьмет, сам покушает, его не унимают.

Вот пожил. Он услышал, что царь жениться заводит. Он прибежал к царю и говорит:

— Возьми мою мать замуж, не то весь город переверну.

Ну, царь и не знает, что делать. Брать, так тоже, думают, како чудовище, и не брать нельзя.

Сказали:

— Привези мать.

А он говорит:

— До тех пор не привезу, пока к венцу не пойти. К венцу в церковь привезу. Нать, — говорит, — матери подвенечное платье.

— Ну, — говорят, — пойди мерку сними, какое платье да туфли.

Ну, он пришел:

— Мама, я тебя за царя засватал, мерку надо на платье, на туфли.

Ну, она все на себе вымеряла. Пошел к царю, потащил эти мерки. Они посмотрели эти мерки, примерили; все, куда ни приложат, как будто на человека. И повеселей царю стало. Ну, платье, обутки сготовили, платье матери принес, туфли, мать снарядилась, окрутилась.

Он сходил к большой лесине с корнями, эту лесину прикрепил и закричал:

— Все морские, озерские и все лесные, кто где есть, кто в воздухе, в воды и в лесе, идите сюда!

И все звери слетелись, за каждый корешок норовили ухватить. Вот они сели в эту «карету», и из лесу потащили их. К церкви притащили, и люди все ужаснулись, а звери эти ремешки с себя скинули и кто куда разбежались.

А мать закрыта, он сказал, что пока круг налою не поведут, не открою лица. А сам он сказал одному человеку, что как их круг налою поведут, зверюга этот, чтобы он ему голову срубил.

Вот круг налою повели, лицо открыли, и такая красавица оказалась, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Ну, царю еще веселее стало. Ну а как их круг налою повели, ему, [зверю], голову ссекли. И это у него не голова, а кожуха спали, и он очутился такой красавец, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Вот пожил, и царь стал ее спрашивать:

— Откуда ты и есть ли у тебя какие родные? Как там очутилась в лесе?

Она говорит:

— Вот у меня есть отец и мачеха, мачеха меня опоила чем-то, и я стала пухнуть, и она велела отцу меня в лес отвезти, вот в такой-то и такой-то колоды. И я там сына родила, такое чудовище.

И царь сказал:

— Где они есть, твои родные, и разыщем их.

И они их забрали к себе, и она все мачехе простила, и привезли их к царю. И стали жить всей семьей, до старости доживать.

(Вот такая она была милостива сердцем, все мачехе простила, как уж та ее на смерть послала).

52. Василиса Прекрасная

Была-жил крестьянин да крестьянка. У их было три дочери. Они жили-пожили, запоходил отец в город и заотправлял дочерей:

— Кто бы съездил к Бархату-царевичу, к Бархатовой матушке за долгом?

Те две сестры отказались, старши, не поехали. Младша дочь, Василиса Прекрасная, взяла волосы у себя по-мужски остригла, оделась в мужско платье и поехала к Бархату-царевичу. Приехала к Бархату-царевичу, к Бархатовой матушке; зашла, поздоровалась, познакомилась. Попили-поели, а спать отвели особую комнату ей, и мать говорит:

— Женщина!

А он:

— Мужчина!

Спорят, решить не могут.

— Ну, со сна встанет, — говорят, — если под плечьми горб, а под спиной лог, то женщина, а если под спиной горб, а под плечами лог, то мужчина.

Она эти у них подслушала разговоры, со сна встала, перину перетряхнула, мать пошла прибирать — и не узнали ничего.

Вот на другой день истопили баню.

— Если мужчина, то пойдет с тобой в баню, а если женщина, то не пойдет.

Вот зовут ее:

— Дорожному человеку не охота ли помыться?

Вот она пошла мыться, своего коня спустила к бане, а у ней конь был кусучий. Вот Бархат-царевич пошел — его конь не пропускает. Он кричит:

— Эй, убери коня!

А она отвечает:

— Сейчас!

Вышла из бани, так и не узнали ее. Вышла из бани, расчет получила, попили, поеи, поехала домой. Так и не узнали Бархат-царевич и Бархатова матушка — мужчина или женщина.

Приехала к отцу, расчет привезла. Отец в город запоходил, говорит:

— Какн вам новы обновочки надо привезти?

Старша наказывает платочек, друга — платьице, а Василиса Прекрасная говорит:

— Мне-ка, батюшка, привези кроватку с четырьмя голубками. Отец пошел в город. Всем дочерям по обновке купил. Кроватку — ходил, ходил, наживал, наживал, не мог нигде найти. Приехал, тем дочерям обновки привез, а ей говорит:

— Не мог никак нажить!

Вот год прошел, опять он едет в город, спрашивает:

— Каки кому новы обновки надо-привезти?

Те что спросили, а Василиса Прекрасная опять просит:

— Мне-ка, батюшка, привези кроватку с четырьмя голубками.

Ходил, ходил, нигде нет. И заказал к новому году кровать сделать. Опять приехал, тем дочерям по обновке привез, а ей говорит:

— Нигде не мог найти кроватку с четырьмя голубками.

Поехал на третий год в город. Опять спрашивает, кому что купить? Они заказывают:

— Нам по туфелькам привези.

Она — все кроватку с четырьмя голубками.

Вот приехал отец — кроватка сработана. Вот он привез ей кроватку. Она ночь проспала, другу проспала. Сходит погулять и снова спать.

А кухарки додумались:

— Сама не кормит голубков, не будем кормить!

И двух не покормили.

Вот ночь пришла. Два голубка закричали:

— Полетим, полетим, понесем, понесем Василисту Прекрасную к Бархату-царевичу, к Бархатовой матушке!

А другие два кричат:

— Нет, не полетим, нет, не понесем Василисту Прекрасную к Бархату-царевичу, к Бархатовой матушке.

И так ночь простояли, прокричали, никуда не унесли.

Наутро встала, гулять ушла, а о голубках и никакой заботы нет. А кухарки совсем голубков не покормили. Вот пришла, повалилась спать. А голубки закричали:

— Полетим, полетим, понесем, понесем Василисту Прекрасную к Бархату-царевичу, к Бархатовой матушке!

Раз прокричали, другой прокричали и третий, а она не проснулась. Они вспорхнули и полетели. Прилетели к Бархату-царевичу, к Бархатовой матушке, на крыльцо и пали.

Проснулась Василиса Прекрасная, а на крыльце у Бархата-царевича, у Бархатовой матушки. Кроватка рассыпалась, голубки улетели, и деться некуда.

Ну и взял ее Бархат-царевич замуж за себя. Она обручально кольцо воткнула в стену и сказала:

— Пока кольцо мохом не обрастет, ни с кем говорить не буду.

Ну и живут. С мужем-то, бывает, и поговорит, а со свекровью совсем никогда. Что свекрова скажет — она поклонится, сделает,

а ни слова. Свекрова ей и не возлюбила. Вот свекрова дала ей корзину и ножницы:

— Пойди в чисто поле, стриги овец!

Она поклонилась и пошла. Она дверямы, муж — другими:

— Знаю, знаю, куды моя мыка пошла, знаю, знаю, куды горемыка пошла. Послана у матушки на смерть.

Он ей и говорит:

— Пойди в чисто поле, там есть большой пень. Ты сядь на пень и кричи:

Пень пёня выше,
Да пень пёня выше!
Пень пёня выше,
Да пень пёня выше!

А короб с ножницами наземь положи и кричи:

Овцы вы белы,
Да овцы вы серы,
Овцы вы черны,
Да овцы вы красны!
Сами стригитесь,
Да сами в короб кладитесь!

И тут все сберутся, медведи, лисицы и все-все. Все настригутся, а сами разбежатся. А как овцы остригутся, ты кричи:

Пень пёня ниже,
Да пень пёня ниже!
Пень пёня ниже,
Да пень пёня ниже!

Пень спустится, ты короб забирай и уходи.

Она поклонилась мужу и пошла. И пришла в чисто поле. Стоит пень толстый и большой-пребольшой.

Села на пень, закричала:

Пень пёня выше,
Да пень пёня выше!
Пень пёня выше,
Да пень пёня выше!

Пень поднялся высоко. Потом закричала:

Овцы вы белы,
Да овцы вы серы,
Овцы вы черны,
Да овцы вы красны!
Сами стригитесь,
Да сами в короб кладитесь!

И занабегали медведи, лисицы, волки и всякие-всякие звери, какие в лесе были, и стали стригчись, и полон короб шерсти наклали, и разбежались все.

Она тогда закричала:

Пень пёня ниже,
Да пень пёня ниже!
Пень пёня ниже,
Да пень пёня ниже!

Пень опустился, она взяла шерсть и пошла. Пришла и принесла свекрове шерсть. Та думает: ну, тут ей смерть не пришла.

Стали прясть на кросна, и направили шерсть, ткать уж надо. И говорит [свекровь]:

— Пойди к тетке за бёрдом!

Опять она дверями, муж другими:

— Знаю, знаю, куда моя мыка идет, знаю, знаю, куда горемыка идет, послана у матушки на смерть. Пойди, — говорит, — на рынок, купи два свежих сига, купи чечулю мяса, и два шелковых пояса, и две осёлки и смолки. Пойдешь, тебя встретят две горы. Горы заскрипят: «Сбйдемся да разбйдемся, бабу зажем, да колдунью зажем!». Ты на них положи, благословясь, по осёлку. Потом к воротам подойдешь; ворота заскрипят: «Сбйдемся да разбйдемся, бабу зажем, да колдунью зажем!». Ты им в пятую смолку положи, благословясь. Потом у сеней собака заскачет, кобель: «Бабу съем, да колдунью съем!». Ты ему чечулю мяса брось. Потом в сени зайдешь, помело заскачет: «Бабу заскачу, да колдунью заскачу!». Ты его шелковым поясом перевяжи да в уголок поставь. В избу зайдешь — веник в подпороге заскачет: «Бабу заскачу, да колдунью заскачу!». Ты его шелковым поясом перевяжи и в угол, благословясь, поставь. Кот с печи скачит: «Бабу съем, да колдунью съем!». Ты ему брось сигов, он будет исъ. А она как в подполье уйдет зубы точить, ты в то время и убежишь. А себе два грошовых калача купи.

Вот она пошла на рынок, купила две осёлки, смолки, купила чечулю мяса, два шелковых пояса, купила два свежих сига и два себе калача грошовых. И пошла с этим со всем.

Шла, шла, шла, две горы пришло. Горы и засходились:

— Сбйдемся да разбйдемся, бабу зажем, да колдунью зажем!

Она положила, благословясь, по осёлку, горы остоялись, и тут прошла. К воротам подошла. Ворота заскрипели:

— Сбйдемся да разбйдемся, бабу зажем, да колдунью зажем!

Она им смолки в пятую положила, и ворота отстоялись, тут прошла. У ворот собака заскакала:

— Бабу съем, да колдунью съем!

Она чечулю мяса бросила, и собака пропустила ей. В сени зашла, помело заскакало:

— Бабу заскачу, да колдунью заскачу!

Она шелковым поясом завязала, в уголок поставила. В избу зашла, метелка заскакала:

— Бабу заскачу, да колдунью заскачу!
Перевязала ее шелковым поясом, в уголок поставила. Кот с печи соскочил, занявжал:

— Бабу съем, да колдунью съем!

Она ему двух сигов бросила, он стал ись.

Тетушка сидит, кросна ткет. Она говорит:

— Тетушка, меня матушка послала к вам за бёрдом.

Она говорит:

— Ну, садись, тки, а я пойду в подвал за бёрдом.

А кот с печи спрыгнул и говорит:

— Плюнь под кросна и перережь ниточку, бери бёрдо и убегай, я за тебя отвечу.

Вот она плюнула под кросна, перерезала ниточку, взяла бёрдо и убежала. И никто ее нигде не задержал.

Вот эта яга-баба из подполья, точила, точила зубы, и спрашивает:

— Ткешь ли, баба?

А слюнка отвечает:

— Тку, тку, да нехватает утку́.

— Сейчас, — говорит, — приду да утку́ принесу.

И снова зубы точит. Поточила, поточила, опять спрашивает:

— Ткешь ли, баба?

А слюнка в другой раз отвечает:

— Тку, тку, да нехватает утку́.

— Сейчас, — говорит, — приду да утку́ принесу.

И снова зубы точит. Поточила, поточила, опять спрашивает:

— Ткешь ли, баба?

А слюнка в третий раз отвечает:

— Тку, тку, да нехватает утку́.

Вот яга-баба выскочила из погреба, а и нет никого. Вот она на кота заругалась:

— Ах ты, такой-сякой! Бабу пропустил, колдунью пропустил!

Он отвечает:

— Я у тебя тридцать лет служил, ты мне кости не бросила, а баба мне два сига дала!

На метелку заругалась:

— Ах ты, такая-сякая! Бабу пропустила, колдунью пропустила!

А та отвечает:

— Тридцать лет я тебе служу, за тридцать лет ты меня лыком не перевязала, а баба меня шелковым поясом перевязала.

На помело заругалась:

— Ах ты, такое-сякое! Бабу пропустило, колдунью пропустило!

А то:

— Ты меня за тридцать лет веревкой не перевязала, а баба меня шелковым поясом перевязала.

На кобеля накиннулась:

— Ах ты, такой-сякой! Бабу пропустил, колдунью пропустил!

А он отвечает:

— Ты мне за тридцать лет куска не бросила, а баба мне чулю мяса дала.

На ворота заругалась:

— Ах вы, такие-сякие! Бабу пропустили, колдунью пропустили!

А те:

— Ты нам капли воды не спустила за тридцать лет, а баба нам смолки в пенту спустила.

К горам кинулась:

— Горы вы горы, бабу пропустили, колдунью пропустили!

А они ей:

— За тридцать лет ты нам по камню на горы не бросила, а баба нам осёлки бросила!

И горы заговорили:

— Сойдёмся да разойдёмся, бабу заждем, колдунью заждем!

Сошлись и задавили эту колдунью.

А Василиса Прекрасная принесла это бёрдо свекровы. Та думает: «Ну и здесь ей смерть не пришла!».

И вот стали кросна ткать, выткали к празднику, надо белить, и вот говорит свекрова:

— Сходи за белой глиной в огненную реку, достань там глины.

Кадушечку дала, шаечку свекрова под глину. Она поклонилась, пошла. А муж дверями:

— Знаю, куда моя мыка пошла, знаю, куда горемыка пошла! Послана у матушки на смерть, во огненную реку за белой глиной. Поди на рынок, купи четверть вина и три белых хлеба, и пойдешь, и придешь к огненной реки, и закричи: «Тетушка Ногуй-птица, достань мне из огненной реки белой глины!». И прилетит Ногуй-птица, железный нос; и вылей ей половину вина и полтора белых хлеба отдай зараз; когда она выйдет из огненной реки — так остальное отдай.

Вот она поклонилась и пошла. Пошла на рынок. Купила четверть вина и три белых хлеба, и пошла к огненной реки, и закричала:

— Ногуй-тетушка птица, железный нос! Помоги мне, достань из огненной реки белой глины!

Вдруг тетушка Ногуй-птица летит, железный нос. Она ей вылила половину вина и полтора хлеба отдала. Та это вино выпила, хлеб съела, взяла шаечку в нос, слетала в огненную реку, зачерпнула белую глину и сразу вылетела назад. Она ей скормила остальные полтора хлеба, вылила вино, поблагодарила и пошла.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Шла, шла и пришла домой. А там уж муж женится на другой, на яге-

бабе, свадьба идет. Она бросилась к стене, а у нее уж перстень мохом оброс, она и заговорила:

— Матушка, а какими накапками на стол нести, золотыми или серебряными?

А свекрова обрадела, что она заговорила, и отвечает:

— Какими хошь, такими и неси.

Вот она захватила золотыми накапками и понесла.

А эта молодуха и говорит:

— Вишь какая распутница, не успела придти, понесла золотыми накапками!

— Ох ты, — говорит, — я тридцать лет жила, слова не молвила, а ты не успела за стол сесть, как уж и говоришь!

Ну, эту ягу-бабу вывели из-за стола и на семи воротах расстреляли, как яга-баба уж.

И стали жить-поживать да добра наживать.

53. Пуля-слина, опойцата шуба

Был-жил старичок да старушка, у них было три дочери. Две-то было хороших, а третью и назвали пуля-слина, опойцата шуба. Всё на печи лежала, ничем не занималась.

Вот задумал царь жениться, стал невесту выбирать. Вот пришли приглашать: вот как царь задумал невесту выбирать, так собирает бесёду. И вот зовут:

— Идите к царю на вечеринку.

Вот две сестры засбирались, заснаряжались, а третья тоже с печи соскочила, говорит сестрам:

— Возьмите-ка и меня!

— Куда, — говорят, — с тобой, с пулей-слиной, с опойцатой шубой! Не ходи.

Сестры пошли вперёд, она скочила с печи, позади за сестрам побежала тоже. Идут, им попался старый-престарый старичок:

— Девушки, — говорит, — омойте-ко меня, красные, обшейте-ко меня! Я вам посошок дам.

— Ну, — говорят, — станем мы тебя обшивать-омывать, только руки марать!

Пробежали, он сидит у ручейка. Эта третья бежит, он говорит:

— Девушка красная, омой-ка меня, обшей-ка меня! Я тебе клюшечку даю.

Она взяла этого дедушку, привела к ручейку, раздела, омыла, он и стал как не такой. У него все с собой было переодеться, а то таким рваным был, тряпушей. Переодела его, и он ей эту клюшечку дал.

— Вот, на, — говорит, — возьми эту клюшечку. В чистом поле есть камень Латырь, подойди к нему, и шелкани этой клюшечкой, и скажи: «Камень Латырь, отворись! Как слушался дедушка,

так же слушайся меня!». И он отворится, ты взойди туда, оденься во что тебе нужно.

Вот она подошла к камню, щелкнула ключечкой и сказала:
— Камень Латырь, отворись! Как слушался дедушка, так же слушайся меня.

Он отворился, она вошла, и всякой благодати в камне — одежды и обуви, невестимо чего. И она умылась, оделась, перстней надевала на руки, серег золотых наодевала, и стала девица такая красивая, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и села на коня и поехала.

Поехала и приехала, а у царя уж беседа идет, этих невест выбирают. И она зашла, и все уставились глазами, откуда такая красивая! Царь с ней глаз не спускает. И вот, вечер к концу заприходил, а она уж из избы впереди всех выбежала, вскочила на коня, поскакала. Царь закричал:

— Хватайте, имайте ее!

А ее уж и след простыл, и не узнали, кто такая.

А она подъехала к этому камню Латырю, стукнула ключечкой, камень открылся, она зашла в камень, все хорошее сняла, а свое плохое надела; вышла из камня, ключечкой стукнула, что «Камень Латырь, закройся!», и камень закрылся опять.

Пришла домой, на печку повалилась, на печки опять поляживает.

Сестры вдруг приходят, расхвастались:

— Вот какая сегодня была на бесёды девица, такая красивая, да такая нарядная!

А она с печи кричит:

— А, быват, сестрицы, не я ли?

— Ну уж, — говорят, — будто не ты была!

Опять на второй день начинают приглашать, опять ходят от царя послы, опять на бесёду так же зовут.

Опять сестры засбирались, запоходили. Она говорит:

— Сёструшки, взяли бы меня!

— Ну, — говорят, — куда с тобой, с пулей-слияной, с опойцатой шубой!

Они ушли, она с печки соскочила, ключечку в руки и побежала в чисто поле. Стукнула ключечкой по камню:

— Камень Латырь, откройся!

Он открылся, она оделась, чего тут только душа принимает, вышла, поехала на бесёду.

А царь взял дугу в двери и насмолил. Вот она поиграла, поиграла, видит, что беседа к концу заприходила, опять побежала из избы. Царь закричал:

— Хватайте, имайте ее!

Она захватилась за дугу, а дуга была засмолена, так перчатка с кольцом и осталась. А сама выбежала, вскочила на коня, и опять ее царь не узнал.

Сама приехала к камню. Латырю, разделась, одела снова свое плохое, вышла из камня, ключечкой стукнула:

— Камень Латырь, закройся!

Пришла домой, на печь повалилась, на печки опять полежится.

Сестры приходят, опять рассказывают, что была на бесёды красавица, такая нарядная. Царь кричал: «Хватайте, имайте ее!». Она побежала, за дугу захватилась и перчатку с кольцом оставила.

Она опять спрашивает:

— Сестры, то была не я ли?

— Да уж кто, да не ты!

Опять третий раз приходят звать, что царь собирает бесёду. Опять сестры нарядились, умылись, на бесёду пошли. Опять она с печки скочила, взяла ключечку, побежала в чисто поле:

— Камень Латырь, откройся!

Камень Латырь открылся. Она оделась, нарядилась, села на коня и поехала. А царь взял насмолил порог.

Вот опять она наигралась, наплась, как побежала, царь закричал:

— Хватайте, имайте ее!

Она ботинок оставила. Снова приехала в чисто поле, говорит:

— Камень Латырь, откройся!

Разделась, разулась. Опять свое одела, домой пришла, на печку повалилась, ключечку под порог поставила. Опять сестры приходят, рассказывают:

— Опять была на бесёды та красавица, опять царь закричал: «Хватайте, имайте ее!». Сегодня оставила туфель, царь насмолил порог.

Она опять говорит:

— Сёструшки, не я ли?

Они опять отвечают:

— Да уж кто, да не ты!

А царь пошел по деревням, у кого есть девицы, мерять перчатку эту и туфель; у кого погодится, та уж и будет невеста.

Вот всем меряют; то то не подходит, то другое. Вот и сюда пришли. Сестрам мерят, ничто не подходит. Царь спрашивает:

— А кто у вас еще есть?

— А, — отвечают, — есть на печи одна... пуля-слина, опойцата шуба.

— Ну, — говорит, — зовите и ее!

Померили, и как раз ей и туфель, и кольцо, и перчатка.

— Подождите, — она говорит.

Сама пошла в чисто поле, стукнула по камню:

— Камень Латырь, откройся!

Он открылся, она зашла в камень Латырь, умылась, снарядилась, что ей надо было, села на коня, едет ко крыльцу отцовскому, к дому. Все говорят:

— Не она, не она едет!

Вот приезжает, царь говорит:

— Это моя богосуженая.

Сестры тут спрашивали: откуда у ней это все?

— А вот, — говорит, — когда вы первый раз шли, так попался старичок на дороге, и вы ему ничего не сделали; а я его умыла, обшила, и он мне дал ключечку.

И сколько чего нать она сестрам дала и отцу с матерью. А чего себе нать — съездит в камень, там того больше очудится. А царь поженился на ней.

Вот как та девица камнем Латырем завладела. Сестер надедила и отца с матерью на всю жизнь.

54. Как отец новый дом сработал

Был-жил крестьянин и крестьянка. У них было три сына. Задумал отец новый дом работать, говорит:

— Дети семейные, вместе жить не будут, нать новый дом сработать.

И сработали новый дом.

И отправляет отец старшего сына первую ночь ночевать, что приснится? И дал ему хлеб, и дал ему соли, и дал ему воды кружку. И велел поставить на стол и закрыть скатерёткой.

Он пошел; по-сказанному, как по-писанному, все сделал, как отец велел. Повалился спать. «Какой сон, — думат, — приснится?». Снится ему, как будто кругом дому костры дров, хлеба много навезено. Пришел к отцу, объяснил, так и так:

— Снилось, будто кругом дому костры дров и хлеба много навезено.

Отец говорит:

— Ну, ладно, дровы да огонь во снях — хорошо.

На другую ночь среднего сына отправляет. Опять дал ему хлеб, соли и воды кружку. Велел на стол поставить и закрыть скатерёткой. Тот пришел в новый дом ночевать, опять видит во снях, как будто дров больша куча наложена кругом дому. Ночь прошла, на утро стал, пришел к отцу, говорит:

— Видел, как будто у нас кругом дома много дров навезено.

— Ну, — говорит отец, — дрова видеть — это хорошо.

Вот на третью ночь третьего сына отправляет, все по одному отправляет их, — что тебе приснится? Тот пришел, на стол воду, хлеб и соль поставил, скатерёткой закрыл, сам спать повалился.

Повалился спать, видит во снях, будто из-под печи выскочила лисица, а из-под кровати — змея, и праву ногу кусила и откусила по колено. Он уж видит, что сон нехорош.

(Это уж верно, вот на факте расскажу. Я жила со свекровью, такая бранчлива была, все к свекру ревновала! А мне стыдно. Ну, она ненависть на меня поимела. И вот я ушла в ту избу-то, холодно, — дедушка уехал постом на филиппов день в лес — вот я затенулась, и поревела, поревела и заснула. И привиделось, что выскочила лисица, кусила меня в ногу и убежала. И это вот через шестнадцать лет сбылось. Ужо на то и была лиса до меня. А через год и муж помер).

Вот он пришел к отцу.

— Ну и что тебе привиделось?

— А, — говорит, — не скажу, пока мой сон не сбудется.

Отец взял и его купцу продал. У купца он живет, услужает хорошо, купец его любит, спрашивает:

— А почему тебя отец, такого, продал?

— А, — говорит, — сна не сказал.

— Скажи мне!

— Нет, — говорит, — не сказал отцу, не скажу и купцу.

Тот продал его царю. Ну, он живет, услужает. Услужает хорошо, царь его любит. Вот спрашивает:

— Почему тебя, такого, отец продал?

— А сна не сказал.

— Скажи мне!

— Нет, — говорит, — не сказал отцу, не сказал купцу, не скажу и царю.

Царь его и посадил в тюрьму. Вот сидит он, посиживает. А у царя была сестра. Вот он собрался ехать за моря, жениться. Вот сестра и говорит:

— Брат, братушко! Все на свадьбу потюремщиков распускают, а этот у нас ни за что сидит, что сна не сказал.

Царь его и выпустил.

Вот он ходит-походит, вышел за город, а тут два мужнины судятся. У них кумка-невидимка, сапоги-сорокоходы и скатерть-хлебосолка. Вот три вещи, и они не знают, как разделить эту третью вещь. Вот он говорит:

— Я рассужу. Вот кину что — вы бежите, кто первый прибежит, тому и будет скатерть-хлебосолка.

И обманул их. Они побежали, а он одел сапоги-сорокоходы, скатерть-хлебосолку взял, одел кумку-невидимку и скрылся.

Вот пришел в город, а царь собрался за море, корабль уже готов. Он одел шапку-невидимку и зашел на корабль. Вот пошли. Идут по морю. День прошел, ночь пришла, ночь прошла, опять день пришел.

Вышел царь на палубу, похаживает по палубе да говорит:

— Кабы меч, так было кому сечь, а кабы лук, так было бы рук (любуется сам собой), а кабы красная девка, было с кем спать!

Он и подскочил к нему в шапке-то кумке-невидимке.

— Да, — говорит Ивану-царевичу, — будет лук, да не будет рук, будет меч, некому сечь, а будет красная девица, а не с кем спать.

Царь ногами стоптал:

— Какой тут еще! Киньте его за борт! Найдите!

А он соскочил вниз, кумку-невидимку надел, его и найти не могли. Вот и приходят к пристани. Корабль пришел, царь жениться приехал в город, где невеста.

И тянут два мужика лук.

— Вот, — говорят Ивану-царевичу, — Марфа-царевна велела тебе лук признать. А если ты не привидынешь, она замуж за тебя не пойдет.

Царь и ужаснулся: два мужика несут!

А этот подскочил к нему, сапоги-скороходы снял, схватил лук, на три куска сломал.

— Ну, — говорит, — нашему Ивану-царевичу что эдакой лук!

Вот потом три слуги несут меч и велят Ивану-царевичу признать и о землю бросить. А он подскочил:

— Нашему Ивану-царевичу что это меч!

Схватил, поднял и о землю кинул.

Ну вот, в вечер пошел Иван-царевич к невесте. Вот она заказ дает:

— Како мы сошьем полплатья, такое же и вы сошейте, а то голову срубим.

И он пошел на корабль невесел, буйну голову повесил ниже сильных могучих плеч. И этот подскочил к нему и говорит:

— Что ты, Иван-царевич, невесел, буйну голову повесил ниже сильных могучих плеч?

А он отвечает:

— Что же мне быть веселым! Велят сошить подвенечное платье, какое у них, а не сошью — голова с плеч.

— Ну, — говорит, — не печалуйся, спать ложись!

Надел кумку-невидимку, сапоги-скороходы и побежал в город. Везде бегал, по всем магазинам, по всем портным, и искал, где же шьют платье? И нашел в одном месте, что вот тут шьют платье царевны. Они платье сошили, смотрят: «Вот как хорошо!». А он и украл его, в кумке-невидимке дак. Они глядят: «Где полплатья? Где-ка?». Ну, еще такой материи достало, стали скорей опять шить.

Ну вот, приходит утро. Принес Иван-царевич полплатья, и они несут полплатья. И царевна повертела, повертела их и говорит:

— Какое наше, како Иван-царевич принес?

И узнать не может. Ну вот, и у этих портных головы засекали. Думают, они продали царю это.

Ну, полплатья отдал, царевна опять заказывает туфли подвенечные:

— Какой мы сами [туфель] сошьем, такой чтобы и вы сошили, а не то — голова с плеч.

Опять идет Иван-царевич невесел, буйну голову повесил ниже сильных могучих плеч.

Опять подскочил к нему Иван — крестьянский сын, говорит:

— Что же, Иван-царевич, невесел, буйну голову повесил ниже сильных могучих плеч?

— Да, — говорит, — Марфа-царевна велит такой туфель сошить, как и они, а нет — голова с плеч.

— Ничего, — говорит, — не горюй.

Опять побегал, бегал, бегал, искал, где туфель шьют Марфа-царевне? Опять в ту лавку попал. Опять один другому на выручку положил: «Гляди, — говорит, — хороший!». «Верно, хороший!». Он опять этот туфель украл; они бросились искать — нет. Ну, давай скорее другой шить, матерьялу осталось того же.

Он опять к Ивану-царевичу побегал. Прибежал, притащил:

— Вот, — говорит, — неси опять!

Иван-царевич принес. Опять Марфа-царевна разбирает, разбирает и не может разобрать, какой-какой. Опять у этих мастеров головы засекли.

Ну и третье задание дают:

— Какое мы кольцо сошьем обручальное, такое же и вы. А не сольешь — голова с плеч.

Вот и идет Иван-царевич невесел, буйну голову повесил ниже сильных могучих плеч. А этот опять подскочил к нему:

— Что, Иван-царевич, невесел?

— Да вот, Марфа-царевна велит слить кольцо обручальное, такое же, как у них. А не солью — голова с плеч.

Ну, он опять одел кумку-невидимку, сапоги-скороходы, бегал, бегал, уж и магазины стали закрывать. Вот эти кузнецы не кузнецы, а кто золоты кольца льет, положили [кольцо] на тарелочку, а он в окно видит. Ну, поглядел, поглядел, они понесли в двери, а он подкрючил их, они пали и кольцо сронили. Он подхватил кольцо и принес к царю.

Вот вечер пришел, опять Иван-царевич приходит, приносит кольцо, и те приносят. Марфа-царевна опять мерила, мерила: корото ваше, корото наше? Он отвечает:

— У кого в руках, тот и разбирает.

Ну и опять у кузнецов головы ссекли.

Ну и свадьбу назначают. Уж кольцо — последнее задание.

Свадьба отошла; сыграли свадьбу и на корабль пришли, пошли на корабли. А он на корабль не зашел, побегал пешо. В кумке-невидимке бежал, бежал, и на этом же месте те два мужика сидят.

— Вот, — говорит, — братья, делите сами, как вам нать. А мне только она и была нужна.

И отдал им это — шапку, кумку-невидимку, сапоги-скороходы, скатерётку-хлебосолку.

Ну, он и опять туда, где сидел, заходит, и посиживает, пожи-вает.

Опять сестра говорит:

— Мы тут веселимся, скачем, а у нас там потюремщик ни за что сидит, выпустить бы его.

Ну и царь согласился. Вот выпустили его и пригласили его на свадьбу. Он и приоделся. Вот сестра царева его пригласила танцевать с ней, а жена-то узнала (как волшебница была), что он все царя выручал, схватила саблю со стены и сосекла у него по колен ногу.

Вот он ногу в охапку взял и говорит:

— Вот, царь, я сна не говорил, пока он не сбился, ни отцу, ни купцу, ни тебе, царю. А когда мой сон сбился, тогда мой сон сказался. Снилось мне во снах, будто из-под печи выскочила лисица, а из-под кровати змея и правую ногу кусила и откусила по колено. Вот твоя сестра, лисичка-сестричка, меня выпустила да пригласила, а твоя жена — змея, она у меня ногу отсекала. Вот мой сон и сбился.

Взял ногу под пазуху и в лес на одной ноге поскакал.

Тянулся, тянулся, кое-как попал в лес. Разошелся — стоит избушка в лесе. Зашел он в избушку, а в избушке безногой, да слепой, да девка. Вот он и говорит:

— Братья, пригласите меня!

Они говорят:

— Вот, мы живем: яга-баба у нас у одного ноги отсекала, у другого глаза выкопала, и так мы и живем. Слепой безногого на кукурешках носит, а тот стрелят, охотится; тем и живем. А девка хлеб печет, обед стряпат.

— Ну, — говорит, — пригласите меня.

И его пригласили. Вот на другой день они заходили в лес, а эта девка заревела:

— Меня, — говорит, — каждый день, как вы уходите, яга-баба приходит за титьки сосать. Она меня заставляет в голове у себя искать, а сама у меня груди сосет; всю меня вытянула, высосала, незамогла я никуда ходить!

— Ну, ладно, — говорят, — мы сегодня никуда не уйдем, дома останемся.

Вот одного он в угол зарыл, слепого, а безногого за окно посадил: «Ты, — говорит, — за косы ей за окно тани», а девке приказал: «Будешь у ней в головы искать и косы за окно спущай!». И сам в угол ухоронился.

Вот они укалелись; только уселись — яга-баба идет:

— Ну, садись, ищи у меня в головы!

— Дай, — говорит, — мне хоть обрядиться, дай из печи вынуть.

— Ну, — говорит, — садись, ищи!

Она села искать, а эта яга-баба стала ей за титьки сосать. Вот девка поспущала ей косы за окно, тот схватил, а эти с урами выскочили и стали ее бить.

— Веди, — говорит Иван — крестьянский сын, — где у тебя жива вода, где мертва!

Вот она повела. Этот слепой идет, и Иван — крестьянский сын тут же, и безногий. Вот она привела их к колодцу. Иван — крестьянский сын кунашка спустил, кунашок помер. Опять, еще пуще, ее бил-колотил.

Привела к другому колодцу. Спустил кунашка — кунашок ожил.

Он стал приступать к ней:

— Где стариковы глаза, показывай!

Она говорит:

— В прилавке, в черепушке.

— Где другого ноги?

— Там же, тянись туда.

— Сама тянись!

Она подала им глаза и ноги, он ее толкнул туда, она упала и убилась.

Ну, они вышли, набрали живой и мертвой воды, дом подожгли. Он взял помазал свою ногу мертвой водой сперва, потом живой, у него и нога приросла. У старика глаза размыл, вставил, глаза приросли лучше старого, лучше прежнего. Девушка тоже умылась живой водой, поздоровела. Безногий тоже ноги прирастил.

Ну, этот Иван — крестьянский сын говорит:

— Пойду царя из беды выручать!

Приходит, а царь за городом кобыл пасет. И не узнал его: как он ускакал-то, был без ноги.

Ну вот, он переоделся, отдал свое платье царю, а сам стал кобыл пасти. А царя отправил к жены:

— Ты пойди к ней, как гостем!

Вот она и пригласила; и сидят, угощаются. Она и говорит:

— Вот гляди, у меня муж скоро кобыл пригонит! Вот у каждой кобылы под хвостом поцелует, не то никакая кобыла домой не зайдет.

А этот пастух в лесе нажгал, нажгал кобыл, сколько душе угодно, и эти кобылы бежат, скачут прямо в стойлы, все стойлы переломали.

Она выскочила, заругалась:

— Это что сегодня, что кобылы так бежат, все стойла переломали?

Он и схватил ей за косу и начал бить-колотить. Она стала обертываться всякими тварями у него в руках, он ей все не отпускает. Уж она всяко обертывалась, всякими зверями — и мышами, и крысами, он все ее держит. И овернулась, наконец, веретешником; он взял ей переломил, сказал:

— Стань на одном конце куча золота, на другом — красна девица!

И очудилась на одном конце куча золота, на другом — красна девица. И он царю сказал:

— Вот теперь она тебе будет жена, а раньше была не жена, а змея.

И царь его тут всяко благодарит, оставляет у себя, а он отвечает:

— Нет, не останусь, пойду еще своего отца выручать.

И пошел. Шел, шел, и дошел до отца, до отцова жительства. Ну, бывает, и не близко; скоро сказка сказывается, не скоро дело делается.

У отца такой был бык, никто приступить к нему не могут; он стоит на развязях, его никто и убить не могут.

Вот он пришел, и кулаком быка между рог ударил, и быка убил. Вот отец обрадовался, что никто не мог этого быка убить, и отпустить нельзя было, такой резвый.

И все он тут отцу рассказал. И остался жить у отца навсегда, больше никуда не пошел и не поехал.

Тут и кончилось его путешествие.

55. Иван — медвежьи уши

Однажды жили крестьянин да крестьянка. Ходили в лес, на сенокосе. И у этого крестьянина — Иваном звали — пропала жена, медведь украл, утонул в берлогу. Ну и нет нигде, найти не могут.

Ну вот, зима пришла, и нет, и нет. Прошла зима, и люди на поле заработали. А медведь вытянулся из берлоги и далеко ушел, а она тоже вытянулась из берлоги и слышит, что народ на поле работает, и закричала, что скажите Ивану, что Иванова жена у медведя в берлоге. Тут народ подскочили, и ей взяли и домой привели.

Вот она пожила, — ну, муж обрадел, что жена жива, нашлась. А жена сына родила, и у него медвежьи уши. Ну, ему и имя дали: Иван — медвежьи уши. И растет он не по дням, а по часам и такой большой, сильный вырос.

И ему уж в мире¹ не жить. Ну что уж — зверино покое-ния, так ему дома не жить. Вот он ушел в лес полесовать. Нашел себе два товарища, Дубовика и Лесовика; и стали они ходить с има по темному лесу — добычи искать, добывать.

Однажды нашли избушку, от избушки куда-то идет дорога, кто-то живет в этой избушке, в печь заглянули — кто-то живет тут! Ну, Иван — медвежьи уши говорит:

— Я пойду завтра в лес, возьму Дубовика с собой, а ты, Лесовик, карауль, кто сюда ходит-ездит.

¹ Т. е. среди людей.

Ну, тот и поляживает. Ну вдруг — стук-гром, едет баба-яга в ступы:

— Ступа, ступай, по три версты шагай!

Едет, лопатой подгребат, а метлой дорогу запахиват. Приехала к этой избушке, закричала:

— Выходи, Лесовик, встречай меня!

Он вышел.

— Неси меня в избу!

Он принес. Она в печку дунула, в печке всяка очудилось питья-еденья, утешенья. Его-то посадила, напоила, накормила, ешь, сколько хошь. Что осталось, обратно в печку сносила, дунула-плюнула — опять нигде ничего не стало.

— Выноси, Лесовик, меня обратно в ступу!

Он вынес ее. Она опять села в ступу:

— Ступа, ступай, по три версты шагай!

Поехала, лопатой подгребат, метлой дорогу запахиват. А сытой наелся, так поляживает Лесовик.

Ну, вечер пришел, Иван — медвежьи уши с Дубовиком пришли.

— Ну, кто был? — спрашивает.

— А никого не было.

Вот переночевали, ну там они из лесу какой добычи могли добыть — попили, поели. Наутро пошел с Лесовиком Иван — медвежьи уши в лес. А Дубовика оставил:

— Карауль, кто приедет.

Опять тот поляживает, опять едет баба-яга в ступы:

— Ступа, ступай, по три версты шагай!

Лопатой подгребат, метлой дорогу запахиват. Приехала к избушке, баба-яга закричала:

— Выходи встречать, Дубовик!

Вскочил, испугался.

— Неси меня в избу.

Он принес. Дунула-плюнула в печь, там всякого питья-еденья очудилось.

— Неси на стол!

Он принес. Ну, она и его посадила, попили, поели, наелись.

— Снеси все со стола!

Он унес.

— Вынеси меня в ступу!

Он вынес. Опять села в ступу, запела:

— Ступа, ступай, по три версты шагай!

Лопатой подгребат, метлой дорогу запахиват.

Пришли все из лесу.

— Кто был?

— Никто не был.

На третий день Иван — медвежьи уши их в лес отправил, сам остался. Поляживает, песенки попевает. Они, Лесовик да Дубовик, ходят, полесовают.

Вот стук-гром, едет баба-яга в ступы:

— Выходи, Иван — медвежьи уши, встречай!

А Иван и ухом не ведет, на печи в углу поет. Другой раз закричала:

— Выходи, Иван — медвежьи уши, встречай меня!

Он и опять ухом не ведет. И сама в избу летит.

— Ах ты, негодяй, гостей принимай!

— Ладно, и сама зашла. Я не Лесовик, не Дубовик тебя встречать да принимать. (Уж догадался, что Лесовик да Дубовик ее встречали).

Вот она дунула-плюнула в печку, в печки очудилось всякого питья-еденья, утешенья. Сидит, попивает, поедает, Ивана не приглашает.

А он скочил с печки, скричал:

— Ах ты, невёжа, немывта рож, зачем сюда пришла-приехала!

И она с испугу скочила из-за стола, все питье-еденье оставила и метлу с испугу забыла, дорогу загрывать, запахивать. В ступу села, запела опять:

— Ступа, ступай, по три версты шагай!

И уехала, дорогу не загрбла.

Этот Иван — медвежьи уши сел за стол, напился, наелся всего, чего душа принимает, и в печке осталось.

Вдруг Лесовик и Дубовик идут из лесу, ничего добычи не принесли.

— Вот, — говорит, — вы ягу-бабу стречали. Верно, на руках заносили, а ничего не сказали. А я не стречал, да вот сколько питья-еденья оставил!

Ну вот, они поели и пошли по этой дорожке, что баба-яга оставила, не запахла, не загрбла. Ну и дошли: в землю нора — она в землю спустилась. Пошли в лес они, нарвали коренья, берёсты, всего. Ну, им Иван — медвежьи уши говорит:

— Я по этому коренью спущусь в землю, а вы тут сидите, никуда не уходите, пока я за корни не задергаю!

Спустился в землю и нашел там светлицу. Припал он к щелке, — как будто как замочная скважина, — а там сидят и поют:

Мы горюем и томимся
В замке злого чародея,
Знать судьба наша такая —
Здесь придется умереть.

А он уж в ту пору дверь сорвал и входит. В светлице сидит девица (королевна у ей была украдена). Ну, он взял девицу и привязал к корням и стал дергать за корни. Ну, они тянули, тянули и вытянули девицу. Спустили снова корни. Он привязался, и его вытянули.

Вот он оставил Лесовика да Дубовика, а сам повел эту королевну к царю. А она уж три года как была украдена, и царь не

знает, как его вознаградить. Даже, хоть он и Иван — медвежьи уши, стал ее замуж за него отдавать.

— Нет, — он говорит, — как я Иван — медвежьи уши, мне нельзя в мире жить, пойду в лес, странствовать.

И пошел. Взял этого Лесовика да Дубовика и ушел с ними в лес полесовать. А эта королевна стала жить у отца с матерью.

36. Башня — зайти и не выйти

Был-жил крестьянин и крестьянка. У них детей никого не было. Он и задумал такую башню сработать, чтобы зайти и не выйти ему. Вот пошел, искал такого человека. Вот идет, встречается ему человек:

— Куда, — говорит, — идешь?

— А вот ищу работника, чтобы мне такую башню сработал: зайти и не выйти.

— А отдай, — говорит, — чего дома не знаешь, сработаю.

Ну, он и не знал, что жена на сносях, детей не носила, дак. И согласился отдать, чего не знает. Ну, ходил-походил и вернулся домой. А у жены дома двойники, сын да дочь рожены. Он и загоревал, что детей отдал.

Ну и стал тот эту башню работать, все не по дням, а по ночам. И уж говорит:

— Башня готова, заходи, коли хочешь!

Он не зашел.

А эти деточки стали подрастать, и уж по ночам застучало, каждую ночь заходило, покою не дает. Мать спрашивает:

— Что это?

— А вот, — он ей и рассказал, — что как ты была на сносях, так я обещался отдать за башню, кого дома не знаю.

Ну, мать и напекла подорожничков, раз уж у отца отданы они, и послала их:

— Дети, идите куда головой стоишь.

И вот они побежали. Добежали до старичка, старичок один живет в избушке, подавались ночевать. Он их пустил и стал спрашивать:

— Куды, деточки, бог понес?

— А вот, — говорят, — отец искал такого человека — сработать башню, чтобы зайти и не выйти; и вот нанялся ему один человек: «Отдай, — говорит, — чего дома не знаешь». А мы еще не рожены были. И вот теперь заходило, застучало каждую ночь; и мать отправила нас куда головой стоишь; и мы сами не знаем, куда бежим.

На утро встали, дедушка их напоил, накормил, дал им плеточку и говорит:

— Как услышите стук-гром, что близко побежит, киньте эту плеточку и скажите: «Станьте, леса темные, от земли и до неба,

от востока и до запада, чтобы дьяволу ни пройти, ни проехать!».

Опять бежали, бежали, до другого старичка добежали. Опять такая же избушка. Опять запросились ночевать. Опять он их пустил ночевать и спрашивает:

— Куды вас, деточки, бог понес?

— А вот, отец у нас задумал башню строить, что зайти, а не выйти, и ходил, нанимал работника, и попался ему встречу человек такой и стал просить: «Отдай, чего дома не знаешь, так сработаю». А мы еще не рожены были. И вот башню сработал, что зайти и не выйти, и каждую ночь стал ходить, стучать у нас под окном. И отправила нас матушка куды головой стоишь.

И вот он их утром напоил, накормил и дал кремешок:

— Вот как станет вас догонять, киньте кремешок и скажите: «Станьте, горы каменные, от земли и до неба, чтобы дьяволу ни пройти, ни проехать!».

Вот и дальше бежали, бежали, и пришла третья избушка. Опять такой же старичок:

— Куды, деточки, бог несёт?

— А вот, отец у нас задумал башню строить, нанимал работника, и попался ему такой человек и стал просить: «Отдай, чего дома не знаешь, так сработаю». И отец согласился, не знал, что нас дома не знает. И башню эту работали не по дням, а по ночам. И вот башню сработал [дьявол], и каждую ночь стал ходить, стучать у нас под окном. И отправила нас матушка куда головой стоишь, и бежим, куда сами не знаем.

И этот старичок дал им огнивец и сказал:

— Как услышите стук-гром, что близко побежит, это огнивец бросьте и скажите: «Разлейся, река огненна, от востока до запада; пламя, ходи от земли и до неба, чтобы дьяволу ни пройти, ни проехать!».

Вот и побежали. Бежали, бежали, вдруг слышат сзади стук-гром, и близко уж. И кинули плеточку, и сказали:

— Станьте, леса темные, от земли и до неба, с востока до запада, чтобы дьяволу ни пройти, ни проехать!».

Вот он прибежал, видит — леса.

— Вот, — говорит, — раньше здесь лесов не было!

Сбежал домой, притащил лопату и тупицу, просеку просек, отнес лопату и тупицу домой и дальше поехал.

Вот снова бегут эти деточки и слышат снова стук-гром, близко уж. Кинули кремешок и сказали:

— Станьте, горы каменные, от земли и до неба, от востока и до запада, чтобы дьяволу ни пройти, ни проехать.

Он прибежал, видит — гора стоит.

— А, — говорит, — там они и есть, за горой!

Сбежал домой, принес лопату и тупицу, просек просеку, сбежал домой, снес тупицу да лопату и опять за ними вслед побежал.

Они опять слышат топот, стук-гром. Кинули огнивец и сказали:

— Разлейся, река огненна, от востока и до запада, от земли и до неба, пламя, ходи, чтобы дьяволу ни пройти, ни проехать!

И разлилась река огненная от востока и до запада, пламя от земли и до неба, и они очутились за рекой, а он на другой стороне на них зубами закричал, — ну уж больше не достать ему.

Вот они подошли немного места, опять стоит избушка. В избушке один старичок. Они стали уж и не то что ночевать, а пожить проситься.

Вот он их спрашивает:

— Куды, деточки, бог несет?

— А вот, у нас батюшка задумал башню сработать, чтобы зайти и не выйти, пошел работника наживать. Ему попался человек встречу такой, спросил: «Отдай, чего дома не знаешь, так сработаю». А отец не знал, что мы дома у матери рождены, и отдал. И вот он, [дьявол], стал работать башню, не по дням, а по ночам, и сработал, и стал ходить по ночам, стучать: «Отдай обещанное!». Вот мать нас и отправила куда головой стоим. Ну, теперь он за огненной рекой.

Вот этот дедушка их оставил у себя жить. А у него было зверей: лев-зверь, медведь, собака, орел и сокол. И этот дедушка говорит:

— Вот тебе, деточка, я благословляю всего этого скотика, и ходи в лес с ними на охоту, и не опасайся, никто не тронет. А тебе, девочка (он уж старый стал, так их как за детей считает), тебе оставляю шириночку (лодочку резинову) — на подволоке зарыта, во мху.

Ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Этот дедушка жил-пожил и скоро помер. Вот этот братик ходит на охоту, приносит дичи, а она обед готовит.

Вот он раз ушел в лес, а она и задумала к этой огненной реке сбежать, что там за рекой?

Прибежала на берег, а за рекой ходит молодец-обравец, такой хороший, и ей кричит:

— Перевези меня за реку! (Дьявол ее и соблазняет).

А она говорит:

— Не на чем мне тебя перевезти.

А он говорит:

— А у тебя на подволоке есть зарыта шириночка во мху, тебе от дедушки оставлена.

Вот она и побежала, шириночку эту, лодочку, с подволоки сдернула, села в лодочку, поехала и его перевезла. Привезла к себе. Вот он ей и говорит (уж он дьявол — дьявол и есть, он ей и соблазнил):

— А как бы брата твоего уходить?

А никак его с этими зверями не погубить, не уходить.

— А ты, — говорит, — заболел, как будто сухота; а брат придет, скажи, что вот отец башню работал — зайти, а не выйти, так мне бы с той башни опилочков. А он спросит: «А как же их достать?». А ты скажи: «А ты отправь этих зверей!». Звери уйдут, а я его и съем.

Ну вот, брат пришел с охоты, она вся разгорелась, разгорелась, расстоналась. Он спрашивает:

— Что с тобой?

— Я, — говорит, — вся не могу.

— Чем тебя лечить?

— А, — говорит, — у отца-то башня работалась у нас, кабы от этой башни опилочков принести, я бы с этих опилочков воды напилась и поправилась.

— А, — говорит, — как же этих опилочков достать?

— А, — говорит, — отправь всех этих зверей туда, они и принесут опилочков.

Брат и согласился, и отправил всех зверей за опилочками. Только звери убежали, этот из угла и выскочил.

— Я, — говорит, — тебя съем.

[Брат] отвечает:

— А что ты меня будешь сухого да грязного есть? Я худой да сухой, кости все у меня просохли; дайте хоть в баньке попариться.

— Ну, — говорит, — топи.

Вот он и стал топить. Ходит да топит, по поленцу да по два, по поленцу да по два. Этот бес бегает:

— Скоро ли?

— Да все, — говорит, — не натопил, да все не мылся.

Все ждет, чтобы эти звери воротились. Вот вдруг налетел сокол и говорит, что дырки малы, где бес просекал, в лесу да в горы; так левко да мишка не могут пробегать, а мы-то прибежали. Вот скоро орел и собака прибежали, и все по углам спрятались в байну, ждут тех зверей.

Пока дотапливалось, и лев да мишка набежали. Вот [брат] и говорит:

— Левко, мож ли за ногу?

— Могу.

— Мишка, мож ли другу?

— Могу.

— Собака, мож ли за руку?

— Могу.

— Орел, мож ли за руку?

— Могу.

— Сокол, мож ли в голову?

— Могу.

Вот уж [бес] набежал в байну.

— Я, — говорит, — тебя съем!

Тут лев его схватил за ногу, мишка — за другу, собака — за руку, орел — за другу, сокол — в голову, и всего разорвали, беса этого, на мелкие куски.

Он вышел из байны и байну подсветил. И пришел домой и раздумался:

— Ну, что буду здесь жить? Сестра, и та вон как стала.

Сестра пошла, на этом пепелище рылась, рылась, нашла зуб его и завязала себе в платок. А брат взял ей в лодочку посадил и отвез на остров, привязал к лесины косой за это, а сам собрал зверей и поехал в деревню в лодочке этой.

Выехал в деревню с этим со всеми скотиками; пожил немножко; подавался к одним на квартиру и жениться задумал. Стал жениться, у его спросили:

— Есть ли кто родны у тебя?

Он ответил им:

— А есть у меня одна сестра, та на острове, к лесины привязана косой.

А оны говорят:

— Поезжай, привези сестру на свадьбу.

Ну, он отправил там кого-то, ей отвязали и привезли на свадьбу.

Вот они свадьбу сделали, повенчались, спать молодых повалили. Эту сестру, гадали о себе, куда повалить? Ну, брат говорит:

— Повалите уж с нами в одну комнату.

И повалили ее в одну комнату с ними. Она ночью этот дьяволов мертвечий зуб брату в рот сунула, и помер брат. Утром стали — мертвый.

Сестра говорит:

— Он колдун был, вы ему сделайте колоду, на колоду железные обручи набейте, отвезите на остров и к лесине привяжите на цепи. А этого скота всего скуйте на цепи.

Вот так всё и сделали. Сделали ему колоду, наколотили на концы железные обручи, отвезли на остров, привязали к дубу на цепи. И эти скотины скованы рвались, рвались с цепей все, вот первый лев-зверь сорвался, потом мишка, потом собака, потом орел, потом сокол, и все сорвались и побежали к нему, на этот остров. Прибежали на остров и начали этот дуб грызть. Грызли, грызли, и дуб наем упал с гробом.

Начали гроб снимать с цепей, и цепи, как попало, перегрызли, и колоду разбили, и повалили [тело брата] на землю, на травку. А этот зуб кто вынет, тому сразу в сердце смерть пройдет. И никому смерти неохота, никакой зверушки. Думали, думали и поймали — бежит заяц:

— Вытащи, — говорят, — зуб, все равно тебе смерти!

Заяц и так ли, и сяк ли лапкой — никак зуба выдернуть не может; и хватил зуб ртом и выдернул из рта, и зайцу зуб прямо в сердце прошел, и умер тут заяц.

А этот их хозяин проснулся, говорит:

— Фу, фу, фу, как долго спал!

А они говорят:

— Не мы, так был бы ты спать-то, навеки бы заспал!

И пошел с этими зверями назад и велел эту сестру расстрелять, не держать ее ни часу, ни минуты. А сам стал туточка жить-поживать и добра наживать.

57. Иван-царевич и Марфа-царевна

Был-жил царь да царица. У них был один сын. Этот царь овдовел, женился на второй, на ягой-бабы. У нее один был сын. Она не стала пасынка любить, была ядмая. Он стал к морю ходить.

Вот сидит, перед ним утка нырнет да вынырнет, нырнет да вынырнет. Он хотел ее стрелить, она говорит:

— Не стреляй меня, Иван-царевич, возьми меня замуж за себя. Завтра я к тебе приду на корабли.

Унырнулась обратно в море; он ей не подстрелил и пошел обратно домой. Пришел и стал собираться. А сын яги-бабы его спрашивает:

— Куда ты?

А он и просказался ему:

— Совсем ухожу отсюда.

А тот ему:

— Возьми меня с собой!

— Ну, пойдем, что ли.

Вот пришли к морю. Вдали как мушка летит, и от мушки очутился корабль, ближе, ближе. А этот подтянулся к нему, неродной брат, и втыкнул ему булавочку в волосы, он и заспал, а сам за куст спрятался.

Вот подошел корабль, с корабля сошла девица, а Иван-царевич спит на берегу. Она будила, будила его, разбудить не могла, и говорит:

— Мало тебе, Иван-царевич, кажется, мого живота, завтра приду к тебе на двух кораблях.

Потом корабль от берега отплыл, тот подошел, выткнул ему булавочку из головы, он и проснулся. Этот ягой-бабы сын и говорит:

— Вот как ты крепко спал, ведь приходила девица с корабля и говорила: «Мало тебе, кажется, мого живота, завтра приду к тебе на двух кораблях».

Пошли опять от моря. И не спит Иван-царевич всю ночь, и ходит, и ходит, и думает: «Завтра я уж его не возьму». И утро приходит, и он заходил, и этой ягой-бабы сын опять с ним. Опять думал убежать, никак не убежать, он вслед. Опять пришел к морю. Сидят на берегу. Опять увидели — из-за моря как будто

две мушки летят, и ближе, ближе, и стали два корабля. И этот опять ягич подвинулся, — уж он от него так ли, сяк ли, — а он ткнул ему в плечо эту булавочку, он и заснул.

Опять [девица] будила, будила его, разбудить не могла, и говорит (а он спрятался, ягич):

— Мало тебе, кажется, мого живота, приду завтра к тебе на трех кораблях.

Отплыли, ягич опять вытыкнул булавочку и говорит:

— Вот как ты крепко спал! Опять приходила девица на двух кораблях. Будила, будила тебя: «Завтра приду, — говорит, — на трех кораблях».

Опять пошли.

Утром стал раным-ранехонько. А этот ягой-бабы сын опять прибежал. И опять уж этот не садится, и к нему близко не подходит, и уж видят, — из-за моря будто три черные мушки летят. . . И уж он крался, крался, и опять ему воткнул эту булавочку, и он заснул.

Опять пришла девица на трех кораблях, опять будила, будила, не могла разбудить. На корапъ носила, ну что! сонного, что мертвого. . . Обратно свезла и говорит:

— Ну, ладно, Иван-царевич, не видать больше мне тебя, а тебе меня!

Вот ушли корабли, этот ягич выдернул булавочку и говорит:

— Вот как ты крепко спал! Приходила девица на трех кораблях, будила, будила тебя и сказала: «Не видать больше мне тебя, а тебе меня!».

Поплакал, поплакал Иван-царевич и не пошел больше с ним домой. Пошел в кузницу, сковал трои лапти железны, трои посоха железных, трои шляпы железных, трои просфоры железных — пойти, так грызть. И пошел куды головой стоит.

Шел-шел, шел-шел, стали лапти протапываться, стал посох приламываться, стала шляпа прогнаиваться, стала просфора прогрызаться. Вдруг стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке. Он заговорил:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами, чтобы мне, дорожному человеку, взойти и выйти!

Взошел в избушку, в избушке сидит старушка — титьки через грядку вьснут, в зубах шелковый пояс плетет, губами горшки отнимает. Заспрашивала:

— Куда тебя, добрый человек, бог понес? Волей или неволей или своей охотой?

— А, — говорит, — кое, бабушка, неволей, а вдвое своей охотой.

Сама себя старая по щеки ударила, по другой приправила:

— Ох я, не накормила, не напоила дорожного человека, а стала вести выпрашивать!

Накормила, напоила, спать уложила и стала вести выпрашивать.

— Так и так, — говорит, — приходила ко мне девица на одном корабле, потом на двух кораблях, после на трех кораблях, а меня все ягой-бабы сын усыпит, не могу проснуться; и сказала она: «Не видать мне тебя, а тебе меня!».

— А это, — говорит бабушка, — приходила к тебе моя племянница, она в три года раз ко мне приезжат в гости, а у ей теперь тоска отнята, в яйцо положена, яйцо — в утку, и утка в озеро спущена. Утка как на иглы прйдет, на одном месте не сидит, не стоит; и никто ее подстрелить не может.

Наутро встали, накормила, напоила его.

— Иди, — говорит, — там моя вторая сестра, она тебе подскажет!

Он одел новы лапти, нову шляпу, новый посох взял, нову просфору железну и пошел дальше.

Шел, шел, стали лапти притаптываться, стал посох приламываться, стала шляпа прогнаиваться, стала просфора прогрызаться. Опять стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке. Он заговорил:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазамы, ко мне воротамы, чтобы мне, дорожному человеку, взойти и выйти!

Избушка повернулась к лесу глазамы, к нему воротамы. Он зашел в избушку. В избушке сидит одна старушка — титьки через грядку вьснут, в зубах шелковый пояс плетет, губами горшки отнимает. Заспрашивала:

— Куда тебя, дитятко, бог понес? Тут птица не пролетывает, не то добрый человек прохаживат. Волей или неволей или своей охотой?

— А, — говорит, — бабушка, кое неволей, а вдвое своей охотой.

Сама себя по щеки ударила, по другой приправила:

— Ох я, старая плёха, дорожного человека не напоила, не накормила, а стала выпрашивать!

Накормила, напоила, спать уложила и стала спрашивать:

— Куда тебя, дитятко, бог понес, волей или неволей или своей охотой?

Он ей опять рассказал:

— Приходила девица сначала на одном корабле, потом на двух, после на трех кораблях, а меня ягой-бабы сын все усыпит, не могу проснуться. И сказала: «Не видать мне тебя, а тебе меня!».

Эта ему сказала:

— Приходила к тебе моя племянница, она в два года раз ко мне приезжает. А у ней теперь тоска отнята, в яйцо положена, яйцо — в утку, утка в озеро спущена, и утка как на иглы скачет, на одном месте не сидит, не стоит, никто ее подстрелить не может.

Накормила его, напоила:

— Иди к третьей сестре, она подскажет.

Ночь переночевал и последнюю взял просфору в зубы, последний посох в руки, последние лапти надел, последнюю шляпу железную.

Шел, шел, стали лапти протаптываться, стал посох приламываться, стала шляпа прогнаиваться, стала просфора прогрызаться. Опять глядит — стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке. Заговорил:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазы, ко мне воротамы, чтобы мне, дорожному человеку, взойти и выйти!

Избушка повернулась. Зашел в избушку, в избушке сидит старушка — титьки через грядку вьнут, в зубах шелковый пояс плетет, губами горшки отнимает. Стала спрашивать:

— Куда тебя, добрый человек, бог несет? Волей или неволей или своей охотой?

— А, — говорит, — бабушка, кое неволей, вдвое своей охотой.

Она сама себя по щеки ударила, по другой приправила:

— Ох я, плёха старая, дорожного человека не напоила, не накормила, стала вести выпрашивать!

Напоила, накормила, спать уложила, стала вести выпрашивать. Он рассказал:

— Вот так, приходила ко мне Марфа-царевна на одном корабле, потом на двух кораблях, а меня ягой-бабы сын все усыплял. И была последний раз на трех кораблях и сказала: «Не видать мне, Иван-царевич, тебя, а тебе меня!».

— Она, — говорит бабушка, — моя племянница. Она каждый год ко мне приезжает, скоро будет. А у ей теперь тоска отнята, в яйцо положена, яйцо — в утку, утка в озере плавает, как на иглы вертится.

И он у этой бабушки сделал самострел и пошел стрелять утку. Стрелял, стрелял и подстрелил эту уточку. А бабушка сварила эту уточку, его ухоронила в запечек:

— Скоро должна быть!

Вот уж и едет, на лошади едет. Приехала она. Тетушка приносит эту утку.

— Ой, — говорит, — тетушка, у меня обет положен, больше уточьего мяса не есть.

А она отвечает:

— Это не уточье мясо, а скотинное.

Ложечку щей хлебнула:

— Ой, — говорит, — тетушка, я Ивана-царевича вспомнила!

— Где уж, — та отвечает, — теперь его найдешь!

Мяса поела:

— Ой, — говорит, — тетушка, где хошь бери Ивана-царевича, мне подавай!

Тетушка Ивана-царевнича выпустила из запечечка, и стали справлять свадьбу. У тетушки погостили, посвадебничали, и он не поехал к отцу-матери, а поехал к ней, в ейно место, там уж стал и жить-быть.

Тем и сказка кончилась.

58. Двенадцать бутылок синих водок, а красных пробок

Были-жили царь да царица, у их никого не было детей. Им хотелось страшно, чтобы были дети. Потом у них родилась дочь. Эту дочь они стали любить, вечно уж с бабками-нянками. Однажды лежит она в люльки, приходит старушка и говорит:

— Как вы ее ни любите, ни бережете, ее у вас украдут, — говорит.

Вот они ее берегли, берегли и до полного возраста вырастили, никуда ей не отпускали. И вот она запросилась с днями в сад погулять, и ушла, и ушла — ушла и за сад, и к морю. А на море стоял пароход, и сошли с парохода и взяли ей на корабль. И эти няни не знали, куда и потерялась, и пошли повинились к царю, так и так. А у них родился еще сын после этой дочери, и он тоже уже большой вырос. Отец с матерью погоревали, ну уж... нам и было сказано, что эта дочь вам будет не дочь.

А этот сын уже большой вырос и запросился:

— Пустите меня сестру искать!

И просился — и дали ему корабль, и дали команды двенадцать человек, и вот он и пошел. Шли-подошли, до города дошли, сошли, пошли в город, стал он проведывать: не очудилась ли какая девица? Никто не знает. Вот его позвал король и говорит:

— Пойдешь, молодой человек, попроведай и про мое несчастье: у меня дочь три года на гнибище лежит.

Он говорит:

— Ладно, попроведаю!

Опять пришел на корабль, опять пошли, паруса подняли, шли, шли, опять до царства дошли. Опять корабль неведом пришел — королю донесли, что пришел. Опять он пришел к царю, опять царь спрашивает его:

— Куда плывете, молодой человек, волей-неволей али своей охотой?

— Да, — говорит, — кое неволей, а больше своей охотой. У меня сестру увезли на корабли, вот иду искать.

Король говорит:

— Пойдешь, попроведай и про мое несчастье: у меня три года сады не цветут.

— Ладно, — говорит, — попроведаю!

Опять пришел на корабль, опять пошли, паруса подняли, шли, шли и до того дошли, что и морем больше пойти нельзя.

— Ну, братья, — сказал, — я пойду. А вы ждите меня, дождитесь сколько-то времени (им по числам сказал), а уж если я не приду, тогда не ждите меня.

Он пошел по тропинке, тропинка торная лежит, значит кто-то есть. А этого командующего оставил на корабле. И купил он в одном городе «двенадцать бутылок синих водок и красных пробок»: шапки красные у них были, а рубашки синие — мало ли какое несчастье! Шел, шел, шел, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка скажется, не скоро дело деется, и дошел: стоит в поле один большой-пребольшой дом и нигде никого нет. И собаки на привязи. Он зашел, собаки его не тронули, и ходит: в одну комнату зайдет — пусто, в другую — пусто, в одну зашел — сидит девица, там он с ней поговорил. Вдруг она несет плаху и топор и говорит:

— Ложись на плаху, я тебе голову буду рубить!

Он говорит:

— Дай мне перед смертью — вот у меня на корабле есть двенадцать бутылок синих водок и красных пробок — хоть выпить!

Она дала разрешение, отправила двух слуг, и те пошли, дошли до корабля и говорят:

— Вот ваш хозяин просил представить ему двенадцать бутылок синих водок и красных пробок.

И те засуетились, искали, и не знают никто этих водок его. А один из них, молодой самый, и говорит:

— А он, как уходил, говорил: не оставьте меня без помощи; ведь у нас двенадцать рубашек синих и шапок красных — это и есть «двенадцать бутылок синих водок и красных пробок»!

И взяли [матросы] этих слуг и пошли. Эти слуги довели до этого дому. Пришли, зашли — она жива, и он живой, сидят у стола. Он говорит:

— Ну, теперь ложись сама на плаху!

Она и говорит:

— Я тебе разрешила достать двенадцать бутылок синих водок и красных пробок, а ты мне разреши покаяться перед смертью.

И стала говорить, что я была царская дочь, и была увезена и стала разбойничать, и тут он ее признал и говорит:

— Ты моя сестра, а я твой брат и тебя ищу!

Обнял ее. И взяли они слуг этих убили, дом подожгли, до пепела, собак убили и пошли к кораблю. И взошли на корабль. И шли, шли, шли, подошли и до этого царства дошли. И к этому королю, и тот спрашивает:

— Попроведал ли про мое горе?

Тот говорит:

— Попроведал! (пока они ходили, он выспрашивал — про все-то). Есть много золота и серебра, и надо выкопать, и тогда сад расцветет лучше старого, лучше прежнего!

И король его не отпустил, пока не выкопали. Ну, недолго и копать. Нагнали силы армии, и через три дня сад расцвел лучше старого, лучше прежнего. И много золота и много серебра накопили. И король ему говорит:

— Возьми дочь в жены.

Он говорит:

— Нет, мне не надо!

Ну и король не знает, чем его отблагодарить, и дал стросточку.

— Вот, если надо, стукни этой стросточкой о палубу, и будет у тебя флот кораблей, а не надо, опять стукни, и опять на одном пойдешь.

И пошли. До того государства дошли, где дочь три года на гнибище лежит. Его уже встречают. Привели к королю, его позвали. Он пришел, король говорит:

— Попроведал ли про мое несчастье? (И опять сестра ему сказала).

— Попроведал, — говорит. — Пусть возьмут сыро́ молоко от трех коров первыценок и тем молоком обкатят, и она будет лучше старого, лучше прежнего.

Он прожил трои сутки, добыл молока, и ее обкатали. И она стала здорова, и король говорит:

— Замуж возьми.

Он не взял, и король дал ему добра, сколько мог. И он поехал к своему царству отцовскому. Едут, едут и пришли к своему царству. Отец и мать встречают и рады ему, уж не знают, как встречать его, угощать, — и сын жив, и дочь жива. И стали жить-поживать и добра наживать.

59. Одна волосина золота, друга — серебряна, а третья — медна

Жил-был старик со старухой. У них была одна дочь. Они оstarели, отец заболел и помер. Помер, они пошли с матерью хоронить. Идут с похорон, попадается старичок встречу:

— Девушка, — говорит, — у тебя сегодня горе, завтра вдвое.

Пришли домой, у нее мать заболела и померла. Вот похоронила мать, идет с похорон, и опять тот же старичок навстречу:

— Девушка, девушка, — говорит, — у тебя сегодня горе, завтра вдвое будет.

Что, думает, за горе еще? Уж отца похоронила, мать похоронила. Легла она спать, а ночью пробудилась — мужик у ей на месте, и не смела пошевелиться, и ночь проспала, и утром смотрит: и нет никого. И пошла днем к бабушке-завдворенке спрашивать:

— Что это вот беда за такая? Я ночь проспала, пробудилась, а на месте какой-то мужик лежит, так что тако?

А бабушка-задворенка и говорит, что если придет сегодня, повалится спать, так достань огóничка, погляди, есть ли крест на вóроти, а если нет — так какой нечистый ходит.

Вот на другую ночь повалилась спать — он приходит опять. Она стала огня доставать, плоточкой да кремешком бить, и отскочила искорка, и у него на голове сгорели три волосины: одна золота, друга серебряна, третья медна. Он пробудился и говорит:

— Ну, Марфа — крестьянская дочь, не умела со мной последнюю ночь проспать, не видать больше мне тебя, а тебе меня!

И ушел. Она днем пошла к бабушке, сходила:

— Вот, — говорит, — бабушка, ты мне сказала достать огóничка, я доставала, и отскочила искорка, сгорели у него на голове три волосины: одна золота, друга серебряна, третья медна. И он сказал: «Ну, Марфа — крестьянская дочь, не сумела со мной последнюю ночь проспать, не видать больше мне тебя, а тебе меня».

И пошла она в кузню и сковала трое лаптей железны, три посоха железных, три шляпы железны, три просворы железны, оделась, одну просвору в зубы взяла и пошла. Шла, шла, шла — стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазымы, ко мне воротамы, чтобы мне, дорожному человеку, зайти и выйти!

Избушка повернулась к лесу глазымы, а к ней воротамы, она зашла. Там сидит одна старушка — языком в печи пашет, губамы горшки отнимат. Говорит:

— Что ты, девушка, зашла? Куда идешь, куда путь дёржишь? Здесь не то что крещеный человек захаживал, черный ворон не залетывал.

Потом сама себя по щеки ударила, по другой приправила:

— Ох, я, старая плёха, не накормила, не напоила, стала вести выпрашивать.

Накормила, напоила, спать уложила и стала вести выпрашивать:

— Куда, — говорит, — тебя, девушка, бог понес? Волей-неволей али своей охотой?

Вот она все рассказала, как отца-мать похоронила, как старичок ей встречу попадал и что говорил, и как у ей на месте мужик очудился, и как она к бабушке-задворенке ходила, и как огóничек высекала, и как спалила три волосины: одну золоту, другу серебряну, третью медну, и как он сказал: «Ну, Марфа — крестьянская дочь, не видать больше мне тебя, а тебе меня».

Ей эта старушка говорит:

— Ох, — говорит, — девушка, Иван-царевич — мой племянник. Он сюда в три года один раз приезжает. А теперь ему долго не бывать.

Накормила, напоила, дала ей цепочку золотую и отправила по дороге.

— Вот, пойдешь и там найдешь другую избушку, там моя сестра живет, она тебе поможет.

Вот Марфа — крестьянская дочь взяла другой посох в руки, надела другу шляпу, вторы лапти железны, втору просвору в зубы взяла и пошла. Шла-шла, шла-шла и пришла: избушка на курьей ножке, на петушьей головке. Она говорит:

— Избушка, избушка, стань к лесу глазамы, ко мне воротамы, чтобы мне, дорожному человеку, зайти и выйти!

Избушка повернулась к лесу глазамы, к ней воротамы, она подавалась, там сидит старушка — языком в печи пашет, губами горшки отнимат, в зубах шелковый пояс плетет. Говорит:

— Что ты, девушка, зашла? Куда идешь, куда путь держишь? Здесь черный ворон не пролятывал, не то что русский человек прохаживал.

Пригласила ее, а потом сама себя по щеки ударила, по другой приправила:

— Ох, я, — говорит, — дура, плёха, дорожного человека не напоила, не накормила, стала вести выпрашивать!

Напоила, накормила, спать уложила, стала вести выпрашивать.

— Куда, — говорит, — тебя бог несет? Волей али неволей али своей охотой?

Она говорит:

— Волей-неволей, а более своей охотой.

Уж никто не посылал, сама идет. Она и ей рассказала, как отца-мать похоронила, как старичок ей встречу попадал, как Иван-царевич приходил, как она сожгла три волосины: одну золоту, другу серебряну, третью медну, как он сказал: «Ну, Марфа — крестьянская дочь, не видать будет больше мне тебя, а тебе меня».

Старушка ей говорит:

— Он мой племянник, сюда в два года раз приезжает, а теперь его долго не будет.

Ночку ночевала, наутро встала, старушку поблагодарила, и та ее дальше отправила, к третьей сестры, и рассказала:

— У ягой-бабы царский сын украденный, и живут они в цистом поле, сорок молодцев, все наворованы, все русские дети.

И дала ей перстень.

— Вот, пойдешь, — говорит, — там найдешь другую избушку, там наша третья сестра живет. Она тебе поможет.

Вот Марфа — крестьянская дочь взяла третий посох в руки, третью шляпу на голову, третьи лапти железны обула, третью просвору железну в зубы взяла. И вот она шла, шла, стал третий посох приламываться, третья шляпа прогнаиваться, третьи лапти протаптываться, третья просвора железна прогрызаться. И стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке. Она заговорила:

— Избушка, избушка, стань к лесу глазамы, ко мне воротамы, чтобы мне, дорожному человеку, зайти и выйти!

Избушка повернулася, она зашла в избушку, опять сидит старушка — языком в печи пашет, губами горшки отнимат, в зубах шелковый пояс плетет. Опять заговорила:

— Куда тебя, девица, бог понес? Здесь черный ворон не пролятывал, не то что русский человек прохаживал.

Потом сама себя по щеки ударила, по другой приправила:

— Ох я, — говорит, — старая плёха, дорожного человека не напоила, не накормила, стала вести выпрашивать.

Напоила, накормила, спать уложила, стала вести выпрашивать:

— Куда, девица, идешь? Куда путь дёржишь? Волей-неволей али своей охотой?

— А, волей-неволей, а более своей охотой!

Вот она ей стала рассказывать, как приходил Иван-царевич, да как сожгла три волосины: одну золоту, другу серебряну, третью медну: «Бабушка-задворенка меня научила доставать огня, я стала бить по кремешку, и отлетела искорка, и спалила три волосины, и он пробудился и сказал: „Марфа — крестьянская дочь, не видать будет больше мне тебя, а тебе меня“».

— Иван-царевич, — говорит, — мой племянник. Он здесь, в чистом поле живет. Ладно. — говорит, — ночуй, завтра пойдешь.

Ночку ночевали, наутро встали, старушка отдала ей крест и рассказала:

— Иван-царевич у ягой-бабы украденный, и живут они в чистом поле сорок молодцев. Все наворованы у ягой-бабы. Вот они днем бегают серыми волками, а ночью развернутся добрыми молодцами. Их сорок живет в одном доме. И ты в запечку ухоронись, чтобы они тебя не видели.

Она так и сделала, как бабушка велела. И пошла в поле, и зашла в пустой дом, и ухоронилась. И вот топотня, топотня, бегут сорок волков, и стали разворачиваться кругом столба по солнышку, и развернулись и очудились все добрыми молодцами, что ни в сказке сказать, ни пером описать, а она стоит в запечью. Вот пришли все в избу и стали есть. Все пьют, и едят, и кушают, а он сидит — не пьет, не ест, не кушает. Они его спрашивают:

— Что, Иван-царевич, не пьешь, не ешь, не кушаешь?

А он говорит:

— Жаль, жаль батюшку, жаль, жаль матушку, а всего жальчей молодую жену!

— Да будет тебе, — говорят, — жен-то найдешь себе!

Вот все напились, наелись, спать пошли. Все заспали, захрапели, а он все не спит, не спит, коверкается, потом уж заспал. А ей бабушка научила:

— Ты возьми эти крест, да цепочку, да перстень и подойди к нему, и побречи, и говори: «Иван-царевич, встань-пробудись,

я до тебя доступала, я до тебя доходила, трои шляпы железны изгнаивала, трои посоха изламывала, трои просворы изгрызала, трои лапти истаптывала, все до тебя доступала, все до тебя доходила». А как он станет шевелиться — и ты отходи от него.

И вот она сказала и ушла. И он наутро встал и говорит:

— Я сегодня во сне свою жену видел.

А эти молодцы опять говорят:

— Что тебе жена, жен-то найдешь того больше, — говорят.

И вот они попили, поели и кругом столба все овернулись против солнышка, и все они волками очудились, и все в чисто поле побежали, опять на день бегать. Она опять день у бабушки просидела, опять заприходила и стала в запечек. Опять вечер пришел. Они бежат, бежат, стали развертываться кругом столба по солнышку и развернулись добрыми молодцами, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Опять пришли в избу, опять стали пить, есть, кушать. Опять все пьют, и едят, и кушают, а он не пьет, не ест, не кушает. Они его спрашивают:

— Да что тебе?

— Я видел свою жену во сне.

И эти молодцы опять говорят:

— Да что тебе жена? Жен-то найдешь еще!

Все повалились спать, а ему не спится, не ложится, подушечка в головах вертится, дума думается. Опять заспали все, захрапели, опять он заспал. И она вышла из-за печи, и ввjala эти крест, да цепочку, да перстень, и подошла, и стала побрякивать, и говорит:

— Иван-царевич, встань-пробудись, я до тебя доступала, я до тебя доходила, трои шляпы железны изгнаивала, трои посохи изламывала, трои просворы изгрызала, трои лапти истаптывала, все до тебя доступала, все до тебя доходила.

Иван-царевич маленький стал пошевеливаться, она и ушла прочь, к бабушке-задворенке. Опять они пробудились, попили, поели, а он опять говорит:

— Я сегодня во сне свою жену видел.

А эти молодцы говорят:

— Да что ты стал каждую ночь видеть свою жену?

Все вышли, овернулись против солнышка, и все опять волками очудились. И побежали в чисто поле черными волками. Она опять стала и ушла к бабушке и там пробыла. И последняя третья ночь приходит. И вот бабушка говорит:

— В эту ночь, когда он станет шевелиться, и ты его побуди еще, и бежите, сколько сил есть, столько и бежите. И приворотите ко мне.

Она и пошла, опять стала в запечек. Гром-шум, бежат сорок волков. У столба стали овертываться. Очудились добры молодцы. Опять сели пить-есть. Все пьют, и едят, и кушают, а он сидит не пьет, не ест, не кушает.

— Что ты не пьешь, не ешь?

— Видел во сне свою жену опять.

И эти молодцы:

— Что тебе каждую ночь жена снится?

Вот все повалились засыпать, заспали, захрапели, она опять к нему подошла и говорит:

— Иван-царевич, встань-пробудись, я до тебя доходила, я до тебя доступала, трои шляпы железны изгнаивала, трои посохи изламывала, трои просворы изгрызала, трои лапти истаптывала, все до тебя доступала, все до тебя доходила.

Иван-царевич пробудился. Пробудился, и вот потихоньку встали и пошли, и добежали до этой бабушки-задворенки, и эта тетушка дала ей плоточку и говорит:

— Как эта яга-баба станет доставать вас, так бросьте эту плоточку назад себя и скажите, что стань, гора каменна, от земли и до неба, от востока и до запада, чтобы ягой-бабы ни пройти, ни проехать.

И они побежали вперед. Тут маленько вздохнули, и до другой [бабушки] приворотили отдохнуть. Друга их напоила, накормила и дала им кремешок и говорит:

— Как яга-баба станет вас доставать, так бросьте этот кремешок назад и скажите: «Станьте, леса темные, от земли и до неба, от востока и до запада, чтобы ягой-бабы ни пройти, ни проехать».

И до третьей тетушки добежали. И третья им дала огнивец и сказала:

— Если эта яга-баба станет вас доставать, так бросьте назад себя и скажите: «Разлейся, река огненна, от земли и до неба, от востока и до запада, чтобы ягой-бабы ни пройти, ни проехать». И вы тогда убежите от нее.

И вот они так и сделали, и все кидали позадь себя. И кинули плоточку, и стала гора каменна, ягой-бабы ни пройти, ни проехать. И яга-баба воротилась за топорами, тупицами, и стала пробивать эту гору, и пробила, и стала их догонять. И они бросили кремешок и сказали:

— Станьте, леса темные, от земли и до неба, от востока до запада!

И очудились леса темные, от земли и до неба, от востока и до запада, ягой-бабы ни пройти, ни проехать. И она поворотилась к этой горе за топорами, за тупицами, и стала лесы разгребать, и разгребла, и опять стала догонять их. И они бросили огнивец назадь себя, и разлилась река огненна от земли и до неба, от востока до запада. И яга-баба добежала до огненной реки и назадь отворотилась, больше уж куды? Огненна река не пропустила. И они в то место, до Марфы — крестьянской дочери, добежали, и стали там жить-поживать. И там живут, может нас переживут.

60. Про разбойников

Были-жили старичок да старушка, у их была одна дочь. (Прежде население было редко, в лесах жили люди, так много было жительствовав-от). Дочь эта у их и большая выросла, невеста. Вдруг к ним женихи наехали богатые, расфуфыренные, разнаряженные и засватались, и они эту дочь отдали. И женихи приступают:

— Мы сейчас свадьбу сделаем и увезем.

Ну и сделали сразу свадьбу и вечером увезли ее. А у нее была подружка и заприметила, что из ближней деревни эти же мужики недавно приехали, невесту брали. Свадьба вечером собралась, поехала. А эта девушка оделась потеплее и побежала вслед за этой свадьбой. Вот бежала-подбежала, и заехали в лес, там избушка стоит, и собаки привязаны. И зашли в сени, собак убрали этих, и она зашла за ними в сени и видит: в сенях все кровь одна, и в горнице кровь. И зашли в избу и сели за стол, и все одни мужики. А эта девушка за ними пробирается. А эта невеста сидит уж и ни в губах кровь. А под кроватями у них много черных кож. И эта девушка затянулась под кровать, под самую последнюю кожу. Вот отпировали, и этот молодой просит, чтобы оставить на ночь [невесту] — не убивать, а старые говорят:

— Убьем, нечего ей на ночь оставлять!

И принесли колоду и голову ей отсекали, и стали снимать перстень, — не могли снять, и взяли топор, и топором палец отсекали, и этот перстень покатился, покатился и закатился к той девушке под кровать, она и подобрала. Они уж все пьяные, поискали — не нашли, а говорят:

— Завтра найдем!

И пошли спать, и заспали, захрапели. А эта девушка лежит — у ней тоже ни в губах крови. Как заспали все, захрапели, она и вытянулась, уж собаки были убраны, и побежала по старым следам домой: следов не занесло еще.

Спать повалилась и ночь проспала и не сказала ни отцу, ни матери ничего. День прошел, новый прошел — все молчит. И вот в эту деревню опять приехали эти женихи. А она проводывает уж и разнюхивает. Опять приехали, и родители отдали. А она уж пришла и говорит:

— Вы соберите урядника и сотника, и сотских и десятских — уж всех, как поезжан, и без их не делайте эту свадьбу.

Вот свадьба собралась, и женихи спрашивают:

— Это какая у вас родня?

— Это родня, — говорят.

И до того дошло, что уж вывели невесту к столу, и она, эта девушка, говорит:

— Я во снах видела сон — и позвольте рассказать, — говорит.

— Рассказывай, рассказывай!

И эти женихи тоже:

— Рассказывай, рассказывай!

И вот она зарассказывала:

— Я во сне видела, как будто куда-то по дальней дороге куды-то поехала, и дом пришел богатый-богатый, хороший...

А этот разбойник и говорит:

— Таки-таки, девушка, таки-таки, барыня, таки-таки, сударыня!

— Вот и добра много в этом доме, и денег, и всего...

— Таки-таки, девушка, таки-таки, барыня, таки-таки, сударыня!

— А потом будто в дом зашли — и там кровь всё, трупы, люди нарезаны...

А этот разбойник и говорит:

— Враки-враки, девушка, враки-враки, барыня, враки-враки, сударыня!

И она говорит:

— Вот вчера съезжали у нас девушку, и я побежала за ними. (Уж духу набралась, знает, что тут людей много, и не убьют ей). И вот я зашла к ним, и они собрались за стол и пили, напились. И одни мужики там. И этот молодой просит, чтобы невесту оставить на ночь, а старые говорят: убьем, нечего ей на ночь оставлять! И принесли колоду...

А этот разбойник опять:

— А это все враки-враки, девушка, враки-враки, барыня, враки-враки, сударыня!

— И отсекали ей голову. У ей на руки был перстень, никак не могли снять, и отсекали палец, и перстень покатылся, покатылся, а они все были пьяны и сказали: «А не стоит искать, завтра найдем!». И не стали искать.

И вот она этот перстень и показывает. Ну, тут этих разбойников атаковали, связали, а ей говорят:

— Веди, показывай, где у них дом?

И она и повела их, и привела к дому, и зашли в дом. И собак этих убили, две собаки у них было дворовых, и зашли в дом, а в доме все одно разбойническо, и мертвы тела, и кровь, и головы отрублены... И посмотрели, где деньги, золото, серьги, где с ушами, где без ушей... И все это обобрали. А вышли из дому и дом подсветили. Дом сожгли, обратно приехали в село и этих женихов убили, новых посадили. А эту девицу наградили деньгами и перстнями, и всем, чем она желала, всем наградили. А этих женихов употребили¹ всех. И стала эта девушка жить-поживать, а этих со свету сгонила всех разбойников.

¹ Т. е. истребили.

61. Шиш московский, Барма деревенский

Эти Шиш московский, Барма деревенский, вот они все ходили, шишевали, шишевали.

Вот этот Шиш московский пошел в лес и сошелся с Бармой деревенским.

— Ты, — говорит, — куда?

— А я хожу, шишую.

— И я тоже, пойдем вместе. (Два друга-приятеля!).

Вот пошли — птица сидит на лесийке, на гнезде. Этот Барма деревенский говорит:

— Я украду у птицы яйцо, и она не пошевелится.

Вот слазал он на лесину и из-под утки яйцо достал, утка не пошевелилась. А Шиш московский в это время ему подошвы срезал. Вот шли-прошли, тот говорит:

— Что-то у меня ноги стали промокать! — Поглядел: — Где-то подметки отпоролось?

А этот ему и подает:

— Вот, — говорит, — когда ты яйцо доставал, я у тебя подметки срезал.

Оба хороши. Собрались, один другому не выдача, воровать. Ну и заходили, заворачивали, и ходят, воруют, где что могут украсть, и на Москвы-то никак их поймать не могут, этих воров.

И надумались у одного большого магазина под окошко чан смолы поставить, а через чан бревно салом намазали, чтобы слизко-то было. А в окошко всякой-всякой снеди наставили.

Вот они подошли к магазину — никак к окошку не попасть, как по бревну. Этот Шиш московский Барме деревенскому говорит:

— Тянись по бревну.

Тот потянулся, да и сорвался с бревна, утонул.

У него мать тут была, она у них все ворованное принимала. А этот Шиш московский пошел к матери и все ей донес, так и так, что вот, потонул ваш сын. Завтра повезут его по городу, что не признается ли кто родной.

— Ты, — говорит матери, — купи горшок молока и сядь на дорогу. И закричат: «Прочь, старуха! Прочь, старуха!». Его повезут, а ты не сходи. Они у тебя горшок разобьют, ты и зареви: «Только у меня и было, один горшочек молока!». Тут тебя станут жалеть, надают тебе всякого.

Ну, она на другое утро пошла, взяла горшок молока купила на рынке и села на дорогу.

Вот везут Барму, народу — тьма-тьмущая идет, что вот Барму деревенского поймали!

— Бабка, — кричат, — подь с дороги, подь с дороги!

Она как будто и не слышит. У ней и пролили горшочек с молоком. И она заревела:

— Только-то у меня и было живота, что один горшочек с молоком, и тот-то пролили, тот-то разбили!

Ей и начали жалеть, давать денег, кто чего может, по бедности.

И так его никого родных не нашли, по всему городу провозили, а этой матери всякого добра надавали.

А этот Шиш московский остался по-старому жить-поживать, шишевать-воровать. А эта бабушка с добром жить осталась, — сын не стал воровать, как в смолы потонул уж. (Так воров в городе имали вот, прежде).

62. Как с церкви крышу снял

Были-жили купец да купчиха. Купчиха эта стала болеть. Заболела, послал андела-архангела с небеси господь:

— Вынь душу из нее.

Прилетел андел-архангел милостивый и увидел, что у нее двое деточек как два червячка бьется, пожалел и не вынял души из нее. Послал господь другого, нежалімого ангела. А у этого [первого] ангела крылья и обрал господь. Он и спустился на землю и сидит за часовенкой. Вышел сторож, увидел и прибрал его. Тот ему ничего не сказался, откуда и какой человек. Взял к себе, и стал сам дьячком служить, а его сапожником, сапоги он стал чинить, да новые работать, и живут.¹

Жил-пожил. Однажды, три года уже прошло, пришел в церковь, и пришла бабушка с двумя внуками, и одна девочка прихрамывает. Он и расхмылился. Священник его и вызвал:

— Почему же вы три года жили, я не видал, чтобы расхмылили, а тут за служебной обедней расхмылили?

— А я, — говорит, — ангел божий и был послан из женщины душу вынуть и пожалел птенчиков этих, деточек маленьких, и не вынял; за ту вину меня и на землю послали. И вот она умирала и навалилась на девочку эту и покривила у ей ножку. Так вот я признал этих девочек — они и без матери да выросли. А девочек вырастила бабушка, соседка их, и до того, что уже могут ходить. Три года прошло, вот в церковь их и привела. Вот я и расхмылился..

Тогда священник говорит:

— Если ты ангел божий, то спой во весь глас ангельский!

— Если я спою, — говорит, — во весь глас ангельский, то не устоять вам будет на земли.

А священник ответил:

— Если так, то хоть в полгласа ангельского спой.

¹ Первоначально Е. И. Сидорова рассказывала, что ангел стал дьячком в церкви, что более соответствует последующему развитию событий. Ангел-сапожник действует в легенде, получившей литературную обработку (у Л. Н. Толстого), видимо, известной сказительнице.

Ну вот, он спел в полгласа ангельского; они, кто были в церкви, все упали с ног. И господь в то время крышу снял с церкви и крылья ему подал, и он обратно на небо улетел. И снова одел крышу на церковь, и кто подняли голову, то видели, что крыша поднялась, и небо, и звезды, и потом опять оделась.

За то что он три года прожил на земли и греха не нагрешил, принял его обратно господь.

63. Как англичанка здешние берега разоряла, как она ходила на здешний край (историческое предание)

Вот здесь — ну, пусть сто с небольшим лет, — заходила англичанка, стала разорять здешний берег. Пришла сюды, и по всей деревне заубегали, и километров за десять уехали, в Прилуцкий ручей уехали. Феклы отец только родился, туда крестить и уехали.

Ну вот, пришла англичанка, и все, у кого какие ружьишка были кремневы, достали, и пошли мужики к берегу. И выстроились, и поехали те в лодке с парохода, и мужики выстрелили в них несколько раз, а те не выстрелили: они не столько убивали, сколько грабили, корову где, еще что. Ну, шлюпка пошла, наши выстрелили, они головы наклонили, веслы опустили и пошли назад, к кораблю; столько-то они тут и разоряли!

И пришли дальше, в Стрельну — маленькая деревня, а как туман, им и кажется, что большой город, они и начали стрелять-палить. А там уж все в леса убежали, — ну уж, заходила англичанка, зашибевала, так все и убежали. И палили, палили. Как туман прокинулся, видят — маленькая деревня. Англичанка говорит (а будто женщина там была [капитаном], а не мужчина): «Будь ты проклят, городок, попалил весь порошок!».

Ну, потом в Умбу пошли, там в устье стали. Прежде-то в Умбы тоже в устье пароходы заходили. Там попала; тоже мужики собрались, у кого ружьишко,...

Потом пошла она в Соловецкий монастырь. В канун казанской пришла и стала палить.

(Я сама-то была в монастыре, три раза вожена была — так ядра там с человеческую голову; так оградки там, и ядра кучами собраны. И как куда ядро пало, то черное пятно в стены есть).

Ну, сколько она палила, палила, ничего разбить не могла. И столько чайки налетело, облаком; и этот корабль э..... совсем, и они ушли из монастыря.

И этим чайкам так стали верить в монастыре, и не дали никому из богомольцев чаек обижать.

И она, англичанка, стала дань платить каждый год... всё каждый год возила по пароходу голландского угля.

Где-то говорили, сколько-то она быков забрала да коров, но это там, дальше, а тут ничего сделать не смогла.

ВАРЗУГА

ЕВДОКИЯ ДМИТРИЕВНА КОНЕВА

64. Волк-шадр

Жил-был царь с царицей. У их было двое детей — Иван-царевич и Марфа-царевна. А там они в городе жили, и повадился бегать волк-шадр, всех людей пожирать. И всех пожрал, остались только Иван-царевич и Марфа-царевна, и те ждут, что вот прилетит и их съест.

Вот прибегает бык ночью и говорит:

— Иван-царевич и Марфа-царевна, садитесь ко мне на спину, я вас потащу, а то волк-шадр съест, я вас потащу.

Вот они и сели. Этот бык их и потащил. Тащил, тащил, вот и ночь пришла. Вдруг слышат, что волк-шадр бежит. Вот они бросили гребешок, и выстали леса, так густы, уж ни пройти, ни проехать, — от земли до неба, от востока до запада. Но волк такой уж, стал эти леса прогрызать и опять побежал за ними. Опять догонять стал их и стал уж близко, а они бросили кремешок и проговорили:

— Выстаньте, горы высокие, от земли до неба, от востока до запада, чтобы волку-шадру ни пройти, ни проехать!

Горы выстали, и волк-шадр стал грызть, грызть, да и прогрыз, пробежал гору, а они тем временем далеко, тащит их бык-от.

Вот слышат, что их снова стал волк-шадр догонять, бросили плоточку, и говорят:

— Разлейся, река огненна, от востока до запада, чтобы волку-шадру ни пройти, ни проехать!

Вот они и оказались на той стороны, а волк на этой, и тогда бык им говорит:

— Вот теперь меня убейте. Будете когда бить, перва кровь брызнет, выскочит собачка, вы, — говорит, — ей назовите «Тяжелко». Потом, как друга кровь брызнет, выскочит друга собачка, вы ей назовите «Легко». А из костя сделайте себе избушку.

Вот был бык какой. Вот они это все сделали, как им бык велел; сделали избушку, у них стало две собачки, и Иван-царевич стал на охоту ходить, а Марфа-царевна стала с домом управляться. Живут да поживают хорошо.

А эта Марфа-царевна дома-то как оставалась, этот волк-шадр на другой стороне стал ее прельщать и стал овертываться мужчиной, красавцем-то.

Иван-царевич там ходит со своими собаками, приходит, — ничего не зная, что она разговаривает с ним-то через реку. И вот [волк-шадр] просит ее перевезти. Она говорит:

— Как же я могу тебя перевезти-то?

— А, — говорит, — брось кость бычьую!

Она бросила кость, и оказалась лодка. Она его перевезла, этого волка, и стала с ним любезничать. А Иван ничего не знает. Этот волк скрывается, все овяртывается булавочкой, — овяртнется, что его и не видно.

Вот этот волк и говорит этой Марфе:

— Надо его извести, брата-то. Ты притворись, как будто больна, отправь брата к волчице за молоком.

Вот она притворилась и посылает брата к волчице за молоком. Вот он пошел, волчица-то там в лесе:

— Здравствуй, — говорит, — Иван-царевич!

И дала ему молока и подарила волчонка, и у него стало три животных. И никак его не извести.

Вот волк опять говорит:

— Ты его отправь к медведице за молоком.

Она говорит:

— Брателко, мне с этого молока не лучше, достать нать от медведицы молока.

Он пошел во второй-то раз, ему встречается медведица:

— Здравствуй, — говорит, — Иван-царевич!

Опять дала молока и подарила медвежонка. Молоко принес, и еще зверь прибавился у него.

Вот день-два прошел, и Марфа просит:

— Мне от этого молока еще не стало лучше, ты достань мне-ка от львицы молока, может от того поправлюсь! (А сама здорова).

Он пошел в лес, ему львица подарила львенка, у него стало пять [зверей].

Вот этот волк и говорит Марфе-царевне:

— Его со зверями с этими никак не взять.

День-два прошло, вот они и придумали. Марфа говорит:

— Брателко, я все равно болею, мне уж не вынести будет; вот я видела сон, что за тридевять морей, в тридевятом царстве есть озеро, в этом озере плавают утка и в утке есть яйцо, — только от этого яйца я выздоровлю. Пошли, — говорит, — своих собак и зверей за этим. (Чтобы он остался один, и этот волк съест его).

Ну, он не знает, что волк есть; одна сестра, так уж надо как сделаться-то. Иван отправил собак и всех своих зверей. Собаки убежали, а выходит волк.

— Ну, — говорит, — я тебя съем!

А Иван говорит:

— Дайте мне перед смертью баню истопить и помыться.
Я, — говорит, распарюсь, тогда у меня костье-то мягче станет, так тебе удобнее есть будет.

Вот Иван и начал баню топить. Топит баню, а птичка кричит:

— Иван-царевич, потише баню топи, твои собачки еще туда на полдороге бежат!

Иван-царевич все потише старается топить. А волк приходит, спрашивает:

— Скоро ли баня будет готова?

А Иван отвечает:

— Не скоро.

Волк уйдет, а птичка кричит Ивану-царевичу:

— Потише баню топи, твои собачки только туда прибежали!

Вот он дотапливает баню, а волк снова приходит:

— Скоро ли?

— Вот, — говорит, — дотопилась баня. Сейчас сготовлюсь и пойду.

А птичка кричит:

— Иван-царевич, потише сготовляйся, твои собачки только назад побежали!

Вот изготавил баню и пошел мыться, а птичка опять кричит:

— Иван-царевич, потише мойся, твои собачки только еще сюда на полдороге!

Волк приходит:

— Скоро ли, Иван-царевич?

— А, — говорит, — вот скоро домоюсь!

Птичка опять кричит:

— Иван-царевич, потише домывайся, твои собачки уж недалеко стали тут!

Волк опять походит, походит:

— Скоро ли?

— Одеваюсь, — говорит.

А птичка кричит:

— Иван-царевич, потише одевайся, твои собачки близко-близко стали!

А волк подходит:

— Как ты долго там!

Закричал уж на него, а он:

— Сейчас, сейчас, скоро буду!

А волк еще не ушел от бани, звери набежали эти и растерзали его.

Потом Иван-царевич от ей, [от сестры], ушел в город и там засватал невесту себе. Тоже таку — царевич дак, — тоже засватал неплоху, королевну верно.

А эта Марфа-царевна тоже пошла в город и попала к невесты гуды. Жених-то, Иван-царевич, в другом месте жил.

И попала Марфа-царевна в швеи. И стали подушки да перины

набивать перьём. А она от волка-то прибрала зуб, и вот, когда набивали подушки-то, она положила в подушку, в перьё, этот зуб, в ту, которая как будто Ивану принадлежит, эта подушка.

Там свадьбу сыграли, молодые повалились спать. И как раз Иван повалился на подушку-то, ему этот зуб и пройдет в голову, и Иван умер.

Вот Иван умер, его уж, наверно, похоронили. А этих собак-то Марфа-царевна приказала в сарай запустить, в амбар. Но все-таки они стали рыться, рыться и вышли, и этого Ивана разрыли из могилы.

Тяжелко сперва стал тереться о его голову. Терся, терся, и этот зуб прошел Тяжелку, Тяжелко умер, и Иван ожил. Потом стал Легко тереться о Тяжелко. И этот зуб ему прошел, Тяжелко ожил, а Легко умер. Потом стал волчонок тереться. Волчонок терся, терся, зуб прошел к волчонку. Легко ожил, а волчонок умер. Потом стал медвежонок тереться о волчонка, терся, терся — волчонок ожил, медвежонок умер. Потом стал тереться и последний, львенок. Львенок умер, а медвежонок ожил. И его стали тогда тереть — о камень ли, о землю, и зуб вышел, и львенок ожил.

Так Иван-то и пришел туда, к жены. Там узнали, кто был виноват, что сестра это сделала, и поставили ее на костер и стрелили из пушки.

65. Царь-девица, всем полкам богатырица

Жил царь с царицей. У их было три сына и три дочери. Один сын был Семен, другой — Василий и третий — Иван.

Вот Семен и запросил:

— Дайте мне старшую сестру погулять-покататься, просто поездить в кареты.

Вот отец и дал. Вот он ездил, ездил, приехал к горы и кричит:

— Ты ли борец, как я молодец?

А оттуль кричит:

— Отдал старшую сестру, так будешь борец, как я молодец.

Он овернулся, а уж нет сестры, утащена.

На второй день Василий запоезжал:

— Папа, — говорит, — дай мне среднюю сестру покататься.

— А, — говорит отец, — брат потерял сестру, так же и ты потеряешь.

— А, — говорит, — привяжем ее веревкам.

И привязали веревкам.

Вот он и поехал. Ездил, ездил и приехал опять к горы и кричит:

— Ты ли борец, как я молодец?

А там отвечают:

— Отдал среднюю сестру, так будешь борец, как я молодец.

Овернулся, — сестры нет. И тот без сестры приехал.

На третий день запросил младший сын, Иван:

— Дай мне, — говорит, — младшую сестру покататься.

— Да, — говорит отец, — старшие братья две сестры потеряли, и ты последнюю потеряешь, не дам.

— А, папа, — говорит, — мы ей скуем на цепь!

Взяли да в цепи сковали.

Поехал. Ездил, ездил, тоже приехал к горы, закричал:

— Ты ли борец, как я молодец?

А там отвечают:

— Отдал младшую сестру, так будешь борец, как я молодец.

Овернулся, а сестры нет — из цепей утащена. И тот приехал домой порозной.

Отец погоревал, погоревал и ослеп. Вот Семен говорит:

— Напеките, — говорит, — мне подорожников, да я поеду сестру искать.

Напекли подорожников, Семен поехал. Ездил год и приехал без сестры.

Потом Василий говорит:

— Напеките, — говорит, — мне подорожников, я поеду сестру искать.

Напекли подорожников, Василий поехал. Ездил два года, но сестры не нашел, приехал порозной.

Тогда Иван заговорил:

— Напеките, — говорит, — мне подорожников, я поеду еще сестру искать.

Напекли подорожников, Иван и отправился, поехал.

Ехал-ехал, ехал-ехал, вдруг стоит избушка — уж ехал несколько дней. Он зашел в избушку — сидит старшая сестра. Уж так обрадела сестра, напоила, накормила и села в головы искать. Он взглянул в окно и говорит:

— Туча тучится, что-то будет?

А она говорит:

— Ничего не будет, это мой муж, ворон, летит.

Ворон разлетелся и прошел сквозь угол в избу. Залетел в избу:

— Здравствуй, шурин! Ну, жена, грей чай да топи баню, надо помыться, — говорит.

Жена баню затопила. Разлетелся-то он вороном, обернулся мужиком, пошли в баню. Вымылись, этот зять-ворон отрезал у себя в затылке волосок и отдал шурину.

— Вот, — говорит, — брат-шурин, возьми этот волосок. Если будешь в неволе, брось эти волосы да скажи: «Был бы зять-ворон, так не сидел бы я это».

Из бани пришли, да чаю напились, спать легли. Утром встали, Ивана напоили, накормили. Иван отправился в путь дальше. Вот Иван ехал, ехал, ехал, опять несколько дней проехал, опять стоит избушка.

Зашел в избушку — сестра сидит, средняя. Так обрадела, напоила, накормила и села в головы искать. А он взглянул в окно и говорит:

— Туча тучится, что-то будет?

Сестра говорит:

— Ничего не будет, а это мой муж, сокол, летит.

Вдруг сокол разлетелся, сквозь угол прошел и оказался мужиком.

— Здорово, шурин, — говорит. — Ну, жена, грей чай да топи баню, нать с дороги помыться в бане шурину.

Жена баню истопила, и пошли в баню. Помылись в бане, опять этот зять-сокол отрезал у себя от затылка волос и дал шурину и говорит:

— Возьми эти волосы; будешь где в неволе, так брось этот волос да скажи: «Был бы зять-сокол, так не сидел бы я это».

Вымылись. Потом домой пришли, чаю напились, поужинали и спать отдыхать легли. Утром встали да, сестра напоила, накормила, и Ивана опять проводили, и Иван поехал дальше.

Ехал, ехал, опять избушка стоит. Иван зашел в избушку — младшая сестра сидит. Так обрадела ему, напоила, накормила и села в головы искать. Он взглянул в окно, говорит:

— Туча тучится, что-то будет?

Сестра отвечает:

— Ничего не будет, а это мой муж, заяц, летит.

Вдруг заяц разлетелся, сквозь угол прошел и оказался мужиком.

— Здорово, шурин! — говорит. — Ну, жена, грей чай да топи баню, нать шурину с дороги в бане помыться.

Жена баню истопила, они и пошли со шурином в баню, с братом. Опять отрезал этот зять-заяц у себя с затылка волос:

— На, — говорит Ивану, — прибери; будешь где в неволе, брось этот волос да скажи: «Был бы зять-заяц, дак не сидел бы я это».

Пришли домой. Чаю напились, поужинали и спать легли. Утром встали, Ивана опять напоили, накормили, и в путь поехал дальше.

Вот ехал-ехал, ехал-ехал, несколько дней проехал, опять стоит избушка. Он зашел в избушку, а сидит баба-яга. (А он едет за лекарством отцу, от сестер-то дальше, и себе невесту искать).

Вот он зашел в избу, баба-яга заругалась на него, прямо страшно заругалась. А он и говорит:

— Что ты, не напоила, не накормила, а стала вести выпрашивать!

Ну, старуха тут напоила, накормила и спрашивала:

— Откуда ты, Иван-царевич, едешь?

Он тут ей все рассказал:

— Сестер нашел, так мне еще невесту нужно.

Она говорит:

— Поезжай дальше, к моей сестре.

И дала ему крылатого коня, а своего [он] оставил коня. Двукрылатый был конь.

Вот он ехал, ехал, видит — избушка, зашел в избушку, там сидит баба-яга, еще страшней.

— Тут, — говорит, — ворон не пролятывал, а ты откуль такой взялся, что нечаянно-негаданно зашел в избу?

Он говорит:

— Ах ты, старая хрычовка! Не напоила, не накормила, а стала вести выпрашивать!

Старуха сразу смягчилась. Напоила, накормила его и спать уложила. Утром говорит:

— Все тебе скажу! (Он рассказал там ей все).

Утром Иван встал, старуха напоила, накормила и дала ему четырехкрылатого коня.

— Поезжай к моей сестре, она все там лучше меня знает! (Они еще ему по тряпкѹ давали, — вот махнешь этим тряпкѹм, и тебя узнает другая-то).

Вот Иван и поехал. Ехал-ехал, ехал-ехал, и опять избушка стоит. Он зашел в избушку. Уж такая страшна баба сидит, что уж и не подумать.

— Тут, — говорит, — ворон не пролятывал, а ты откуль такой взялся, нечаянно-негаданно?

Он махнул тряпкой, она сразу смягчилась. Напоила, накормила и говорит:

— Утром я все тебе скажу.

Утром встали, она его напоила, накормила, дала шестикрылатого коня, и говорит:

— Вот поедешь, там у меня племянница живет (город придет). Она — царь-девица, всем полкам богатырица. Стена высокая, и там навязаны струны и колокольчики. Ты так, — говорит, — нажги коня, чтобы он перелетел и не задел этих струн (ночью приедет дак). А приедешь, она спит. Тройма спит, между двумя нянюшками; ты, — говорит, — сам знаешь, что сделай.

Вот он ехал, ехал и подъезжает к этой стены. Уж так нажег коня, что он как махнул, сразу перемахнул, не задел копытами.

Вот он зашел, она спит в середине, голая вся. Он там уж знал, что сделать, сам, и все, что сделал, и пошел.¹ Так нажег коня, что прямо страшно. Конь скочил, да копытом одним задел за струну. Струны забренчели, колокольчики зазвенели, и царь-девица проснулась.

— А, — говорит, — какой-то дурак коня поил, колодца не закрыл!

Сейчас направила в путь.

¹ Пропущен эпизод, как герой набирает живой воды.

— Сейчас догоню! — говорит.

А он ехал, ехал, до этой бабушки доехал, коня отдал ей и на втором, которого эта старуха отдала, поехал.

Уехал, а эта племянница приезжает к тетушке.

— Не проезжал тут, — говорит, — никакой дурак, коня поил, колодца не закрыл?

— Нет, — говорит, — не проезжал.

(У ей-то шестикрылатый конь был, а у этой царь-девицы, может быть, восьмикрылатый).

— Да ты помойся в бане, отдохни!

Пока она мылась, Иван-царевич доехал до другой старушки. Тут скорей коня сменил, уехал к третьей старухи, а эта царь-девица, всем полкам богатырица, ко второй старухи приехала. Говорит:

— Не проезжал здесь дурак, коня поил, колодца не закрыл?

— Нет, — говорит, — не видела.

— Ну, — говорит, — врешь, проезжал наверно, я поеду, догоню.

А старуха говорит:

— Да ты отдохни, я байну истоплю.

Она и осталась ночевать. А Иван-царевич тем временем удират да удират к третьей старушке, а она у второй дак.

Ну вот, она тут отпочевала и опять поехала. А он к третьей приехал, своего коня взял; без остановки так и едет, бедный, может хватит и его немного...

А она тоже едет, к третьей тетке приехала.

— Не проезжал тут никакой дурак, коня поил, колодца не закрыл?

— Не проезжал, — говорит.

— Ну, врешь, проезжал, сейчас поеду, догоню!

— Ладно, — говорит, — «догоню!». Останься, баню истоплю, помойся с дороги.

Вот она осталась тут. Ночь пришла. Отдохнула ночь, покушала и опять Ивана догонять. Он на своем коне, а она на таком, — так живо догонит!

Иван едет — услышал, что сзади погоня. Она стала догонять совсем его; да он только успел границу пересечь, — ей только его схватить, — а своя граница. Ну, она больше его не задеват.

— Ну, — говорит, — Иван-царевич, жди меня через год!

Иван тут попрощался и поехал домой. Приехал домой, отцу лекарства привез. Отец увидел глазамы. И живет да поживает, и год прошел.

Она еще ему сказала: «Я на двенадцати кораблях приду».

Вот и корабли показались. Корабли показались и подошли к пристани, и вдруг выкидывают сукно на проход, до царского дому, и закричали там:

— Царь, подавай виноватого!

Царь говорит:

— Ты, — говорит, — Семен, ездил год, так тебя, верно, и кричат.

И Семен пошел — невеселый идет, испуганный. Идет, а там уж два мальчика — юноши почти. Сама царь-девица дак, у нее и дети так росли. Иван приезжал, так она и родила двойников, дак. Вот эти мальчики кричат:

— Маменька, наш папенька идет!

— Нет, — говорит, — это ваш дяденька. Умейте принять да честь воздать.

Он подходит к ним, а тот по щеки ударил и другой по щеки ударил:

— Куда, сукин сын, идешь, как не тебя звали!

Семен и пошел со стыдом, как с пирогом.

И вот опять закричали:

— Царь, подавай виноватого!

Царь и говорит:

— Поди, Василий, ты два года ездил, так тебя, верно, и кричат.

Василий и собрался, и пошел. А эти опять дети:

— Маменька, наш папенька идет, маменька, наш папенька идет!

— Нет, — говорит, — это не ваш папенька, это ваш дяденька. Умейте встречать да честь воздать.

Подходит Василий, опять тот по щеки ударил, другой по щеки ударил:

— Куда, сукин сын, идешь, как не тебя звали!

Василий и пошел со стыдом, как с пирогом. И опять закричали, и царь говорит Ивану:

— Поди уж, Иван, ты три года ездил.

Тот всех доле ездил. Иван и пошел.

Опять эти дети идут. Эти мальчики и кричат:

— Маменька, наш папенька идет, маменька, наш папенька идет!

— Вот, — говорит, — дети, это ваш папенька. Умейте встречать да честь воздавать.

Подходит к ним, тот в щеку поцеловал, другой поцеловал, сукно стащили, и Иван с има поехал, в то место к ним, где они жили.

Приезжают туда, он с ей стал жить. (Про этих детей больше ничего не говорится).

А эта царь-девица, всем полкам богатырица, летала куда-то. Просто так, по воздуху летала. Вот и говорит Ивану, как полетит:

— Во все комнаты ходи, только в эту одну комнату не ходи (там запечатано было).

Ну, Иван останется один, ходит по всем комнатам. — Дворец был дак, — и рассматриват. Вот в один день он улетае, и он

думает: «Чего она не велит ходить в эту комнату? Пойду, посмотрю».

Открыл комнату, заходит, а в комнаты ничего нет, только стол стоит, на столе ящик, а на ящику крест да евангелие. И вдруг в ящику заговорило:

— Иван-царевич, — говорит, — выпусти меня!

— А, — говорит, — как я тебя могу выпустить?

— А вот сними с ящика крест деревянный.

Иван снял с ящика крест деревянный, и вот из ящика вылез дьявол.

— Ну, — говорит, — спасибо, Иван. Ну, тебе жены больше не видать! (Она его засадила в ящик).

Ну, Иванушка беду наделал, испугался, и пошел, — так пошел, не знает куда, — искать жену.

Вот шел, шел, и вот опять стоит избушка. Он заходит в избушку, а жена сидит. Вот они и побежали. (Она не смеет одна, все равно этот дьявол ей схватит). Вот бежали, бежали, а вдруг этот дьявол и летит.

Прибежал да жену отобрал у Ивана, а Ивана самого схватил да бросил, и Иван в землю ушел по колени и никак не может выбраться, в твердую землю ноги ушли дак. Рвался, рвался, и никак не может вырваться. И вспомнил про эти волосы, взял волосы да бросил позадь себя и говорит:

— Был бы зять-ворон, не сидел бы я это!

А тут ворон и налетел. Прилетел, да Ивана и вытащил и опять улетел. А Иван пошел жену искать. Пришел в ту же избушку, взял эту жену, и пошли. Уж, верно, у дьявола так-то сделано, что она уже лететь больше никак не может.

Вот дьявол опять налетел, схватил его, бросил — он ушел в землю по пояс. Бился, бился и никак не мог выбраться. И вспомнил про волосы, кинул позадь себя и сказал:

— Был бы зять-сокол, так не сидел бы я это!

Вдруг зашумело, зашумело, и налетел сокол. Вырвал его из земли, а сам опять улетел. А Иван опять пошел. И вот приходит — опять жена сидит, опять плачет. Вот взял жену и пошел.

Шли, шли, вдруг налетел дьявол. Жену отобрал, Ивана схватил, бросил — Иван по горло в землю ушел и никак не может выбраться. Бился, бился и опять вспомнил про волосы, кинул позадь себя и говорит:

— Был бы зять-заяц, так не сидел бы я это!

Вдруг налетели все три зятя, выдернули Ивана из земли и пошли все к царь-девице. Схватили этого дьявола, да обратно в ящик посадили, да крест поставили.

А Иван с царь-девицей, богатырицей, и стали жить да поживать да добра наживать. И до сей поры живут, нас переживут.

Вот и сказка вся, брле сказать нельзя.

66. Купеческая дочь

Жил купец с купчихой, у их было двое детей, сын да дочь. Жена умерла. И вот остался этот муж с двумя детям. Уж дети стали взрослыми.

Ему надо с товарами ехать, — ну уж он купец, — а дочь заперал на замок: как взрослая, так боялся выпустить. А тут запоезжал с сыном. А нянюшки-то ходят, могут выпустить. Он и придумал:

— Отвезем ее пока к дяде в монастырь.

Ну, дядюшка говорит:

— Ладно, ладно, оставьте ее, у меня поживет.

(А что было бы ей взять на корापъ?).

Ну, только корапъ отошел, этот дядя и стал (а родной дядя ведь!) к ней приставать... Ну, она и говорит:

— Наживи вольно платье, так ладно.

Ну, он и отправился наживать. А сам все закрыл и двери и окна ставнями. Она и не знает, что делать, и придумала: вытянулась в трубу и ушла за монастырь. Этот вернулся — ее нет.

Ну, она подстригла волосы и оделась в мужское платье (отец боялся за дочь, а у дочери было побольше ума-то), ну и пошла куда глаза глядят. Шла, шла, и пришла, и пришла в город. Выдавалась одному купцу в приказчики. Вот она живет в приказчиках, работает у хозяина хорошо, он нахвалиться не может.

А этот отец там товары закупил и приворотил к этому дяде. А тот говорит (ну, уж не скажет, как было):

— Вот, мол, отлучился маленько, а она и ушла, — говорит.

Ну, отец так разгневался на дочь, прямо слов не может прибрать. И заотправлял сына:

— Иди, — говорит, — ищи сестру.

Выточил ножик, настряпал подорожников, напек.

— Вот, — говорит, — где только сестру увидишь, сразу кола.

Вот этот брат пошел искать там. Ну, уж не в один город зашел, все не может приметить (или в деревнях), и зашел в этот город. Зашел, стал ходить по магазинам. И вот ему и заметно пало — вроде голос показывает. Ну, мужчина как мужчина, а голос — как сестра. Ну, она-то сразу узнала, что брат.

И он запросил:

— Пойдем, сходим, по городу пройдемся; дело у меня до вас есть.

(Уж догадался, что сестра). Ну и она согласилась, видит — брат. Вот пошли. Он и говорит:

— Вот отец дал мне ножик и велел тебя, где увижу, зарезать, но мне жалко тебя резать, я тебя вот как сделаю: в бочку посажу и в море спущу.

Ну, она согласилась. Вот он ее в бочку посадил, пьянюшек созвал, они эту бочку в море скатили. Ну, бочку носило, носило, и

на берег выкинуло, и волнами о берег стадо хлестать, и бочка рассыпалась, она вышла. Вышла, а как раз город. В этом городе царь живет. Вот она выдалась к царю в работницы, в кухарки.

Был сын у царя. И вот она это кухарничает там, она ему понравилась, и он стал свататься на ей. Она согласилась, пришла за него замуж. Рассказала ему всю свою жизнь, как это все было, как отвечали ее к дяде и всё.

Вот жили-пожили, и надумались, что ей ехать к отцу в гости, а потом, через месяц, и он, царевич, придет.

Вот царь нарядил корабль и отправил матросов там, боцманов, машинистов, и поехали. Вот ехали, ехали, она сидит в каюте, и вдруг подходит один матрос и запросил у ей, как и дядя, того же... Она ему налила стакан вина:

— Выпей, — говорит, — тебе легче станет.

Он и уснул. Ну, она там сходила, сказала, жару чтобы прибавили. Ну, они полетели. Прошли так километров пятьдесят; он опять проснулся, [заприставал]...

— А не то, — говорит, — в море брошу!

Ну, она ему опять стакан вина поднесла, он и заснул опять. Она опять приказала, чтобы жару больше прибавили, и корабль далеко ушел, пока он спал. Но он опять проснулся и заприставал...

— А не то в море брошу!

Ну, она опять ему стакан вина:

— Выпей, так тогда, — говорит.

Ну, он выпил и снова заснул. Она опять сходила там, жару велела прибавить. И только успели дойти, где отец живет, в тот город, он опять проснулся.

Вот она оделась, тако платьишко натянула похуже и стала отцу даваться в кухарки. Ну, отец думал — убита дак, и брат не подумал тоже. Она одета не так.

— У нас, — говорят, — две кухарки, так нам не нужно.

— Меня, — говорит, — хоть с коровами обряжаться.

Ну и взяли с коровами обряжаться. Ну, те обряжаются, кухарки, она и говорит:

— В один день, вот скоро, сюда царь придет на кораблях, и сюда придет на квартиру.

Они и засмеялись:

— Вот, — говорят, — с тобой спать повалится!

Вот уж месяц скоро проходит. Она и говорит:

— Скоро сюда царь придет на кораблях, и сюда придет на квартиру.

Те снова засмеялись:

— С тобой, — говорят, — с такой красавицей чистулей, спать повалится!

Ну, она замолчала.

Вот время пришло, корабли идут.

— Ну, — говорит она, — царь идет! — Потом: — На квартиру сюда идут!

Те опять засмеялись:

— С тобой, с красавицей такой, спать повалится.

Она уж ходила тогда так, не чисто.

Корабль пристал к пристани, выходит царь, уж ему сказано, как дом и все, и идет к ним прямо.

— Правда, — говорят, — царь идет!

Ну, купец испугался, повел [царя] на верхи там, а верхние комнаты. Стали угощать, выпили. А тут также был этот монах, дядя этот. И матросы с им пришли.

— Вот, — говорит царь, — я любитель сказок слушать, так нет ли, кто рассказал бы сказку?

Тут отец-то и говорит:

— Мы не знаем сказок рассказывать, непривычны к этому.

— Так, — говорит, — у вас кухарки есть, может они знают?

Вот одну и созвали, та пришла, поклонилась:

— Не знаю, — говорит, — никакой сказки.

Другую созвали, та тоже говорит:

— Не знаю никакой сказки.

Вот царь говорит:

— У вас еще есть кухарка.

— Да что, — говорят, — такого г..., пульница-слюнница, вся в курином г....

Царь говорит:

— Ну, это ничего, раз у такой работы, приведите ее!

Вот она и пришла:

— Здравствуйте, — говорит.

— Здравствуйте; — царь говорит, — девушка. Я любитель сказок, особо когда выпью. Песен-то, не так обожаю песни, а вот сказки люблю.

— Ну и что же, — говорит, — можно рассказать сказочку.

— Вот, — говорят, — садись, рассказывай.

(Указ сделан был: кто поперечит — того в петлю. Гвоздь набили там). Вот она и стала рассказывать:

— Жил купец с купчихой, у их было двое детей, сын и дочь. Он ее сажал в комнаты, никак не выпускал. И вот ему надо было идти товары закупать, и не знали, куда деть, и придумали — отвезем к дядюшке. И только корабль ушел, так он пристал к ней... Ну, она ответила: «Если наживешь вольно платье, так ладно». Ну, он ушел. А эта девушка вытянулась в трубу, зашла за монастырь, обстригла волосы, оделась в мужское платье и пошла в город.

Ну и она как это засказывала, дядюшка говорит:

— Ваше величество, ведь неудобно такие пустяки говорить!

— А почему? — говорит. — Из сказки слова не выкинешь!

А вот, пожалуйста в петлю.

И того в петлю.

— А девушка выдавалась одному купцу в приказчики. Живет, купец прямо не нахвалится. Ну, а отец как приехал, так обратился к дяде. А тот говорит: мол, отлучился маленько, она и ушла. Ну, отец так разгневался, что прямо была бы тут — и стоптал. Сыну говорит: «Иди, где только сестру увидишь, сразу коли». Ну, тот и пошел. И пришел в тот город, зашел в магазин, ему и заметно пало. Он раз зашел, другой и третий раз, и говорит: «Пойдем, сходим, по городу пройдемся. Дело у меня до вас есть». Вот пошли. Он и говорит: «Отец дал мне ножик, велел тебя зарезать, но мне, сестра, тебя жалко, и вот — закупорим тебя в бочку и спустим в море». Ну, сестра не отказалась. Вот он ее в бочку посадил, пьянушек созвал, они бочку в море скатили. Бочку носило, носило, принесло к берегу. А о берег-то стало хлестать, бочка рассыпалась, сестра-то вышла. И как раз город, а в этом городе царь жил. Она и подалась в работницы. А у царя-то был сын, он и засватался. Она вышла за него замуж. Вот пожили и надумались, что ей ехать к отцу в гости, а он через месяц приедет. Вот царь нарядил корабль и отправил, а в это время, во время ходы-то, один матрос и заприходил в каюту, [и. заприставал]... «А не то в море брошу!» — [грозит]. Она и дала стакан вина: «Выпей, — говорит, — лучше будет». Он выпил и заснул. Прошли сколько-то, он опять проснулся, опять [грозит]: «Не то в море брошу!».

А этот и говорит матрос:

— Ваше величество, она совсем пустое говорит!

А царь отвечает:

— Из сказки слова не выкинешь. Тащите его в петлю!

Того и потащили.

— Вот дошли до берега, она выскочила из каюты и подавалась к отцу в работницы. Вот ей с курами взяли обрядиться. Вот она живет-поживает, сказала раз, что скоро царь на кораблях придет, а эти кухарки засмеются над ней: придет, мол, с тобой спать повалятся. Она опять замолчит. И второй раз сказала: скоро сюда царь приедет на кораблях, и сюда придет на квартиру. Кухарки опять засмеялись: придет царь, так с тобой спать повалятся, а она опять замолчит. (А брат уж совсем догадывается, а отец никак не догадывается). И вот месяц прошел, корабли идут. А они говорят: царь, царь едет! И вот, — говорит, — корабли пристали, и царь на квартиру к отцу пришел. И вот они его на верхі свели, и царь запросил сказок. И те кухарки отказались: не знаем, мол, никакой сказки, и позвали меня. Так вот, — говорит, — папенька, так вот, я твоя дочь!

Отец так и бпыл и заизвинялся.

— Ничего, ничего, — говорит, — это все прощается.

Она сдернула это платье и оделась по-царски. И взяли этого брата и поехали в свой город жить.

67. Полдьявола-полчеловека

Жил старик со старухой. У них было три сына. Одного-то звали Ваней, а других — не знаю. Вот они жили-то бедно, и отец с матерью решили этих детей уничтожить, куда-нибудь в лес увести, чтобы они там бродили. Старик со старухой меж собой говорили, а выслушал Ваня это. Утром со сна встали, отец и говорит:

— Сегодня, ребята, пойдем в лес, лесу поищем на дом, на избу.

Вот пошли. Ваня взял топор. Идет, да все это прутьшки секет и бросает на дорогу, по какому месту идет. И в такой густой лес зашли, прямо некуда пройти. Отец и говорит:

— Вы, — говорит, — здесь постойте, а я там дальше схожу, посмотрю лесу. Здесь что-то не нравится, может нет ли получше там.

Ушел он и не идет. А уж Ваня это дело знат, что отец ушел домой. Говорит:

— Пойдемте, ребята, домой; отец домой ушел.

И вот пошли. И по этим прутьшкам вышли домой.

Вот на вторую-то ночь Ваня уж и не спит, слушает, что отец будет говорить с матерью. Вот отец утром встал, говорит:

— Опять пойдем в лес, ребята. Вчера-то я вас кричал, да не мог докричаться. А лес-от мне там не понравился.

А мать говорит:

— Отец, Ване топора не давай.

— Ну, — он говорит, — я хоть ножик возьму.

Взял ножик. Когда пошли, он все прутьшки секет и бросает на дорогу. И вот в такой лес завел снова отец:

— Вы. здесь постойте, я за вами приду или буду кричать.

Ну, те-то не понимают, два брата, а Ваня понимает, в чем дело. Отец ушел, да долго не пришел. Ваня говорит:

— Пойдем домой.

Опять пошли и вышли.

На третью ночь Ваня не спит, слушает, что отец с матерью станут говорить. Отец с матерью говорят. Отец — что надо опять в лес увести дальше, а мать:

— Ване и ножика не давай!

Вот на утро встали, отец говорит:

— Пойдем опять лес смотреть. Все лес какой-то, не нравится, надо получше лесу насмотреть, посечьцы.

Вот заходили. Ваня хотел ножик взять, а отец не дал, и пошел Ваня без ножика. Шли, шли, шли, и отец в такой густой лес зашел, некуда поворотиться. Уж они так и тянулись, отец и вел их так, кривулями, обманывал, чтобы завести их. Завел и говорит:

— Вы постойте, я приду посмотрю. Я покричу вам. Я ить и вчера кричал вам, разве вы не слышали?

Ну, он и ушел от них домой.

Вот они постояли, постояли, и Ваня говорит:

— Пойдем, отец ушел от нас.

Ну и пошли. Не знают, куда идти. Шли, шли; верно, не один день пробирались по лесу. Вдруг запросветливало, пореже стал лес — вроде там что-то есть, озеро или что ли. Выходят — а поляна. На поляны стоит дом большой. Заходят в дом, а там живут мужик полдьявола-полчеловека, и такая же жена, и три дочери такие же. Они их приняли, ужин сварили и сели ужинать. Стали суп хлебать, Ване на ложку палец попал человечесий. Ну, думает, уж... А эти-то два не понимают, всё Ваня.

Вот и спать стали ложиться. Дочерей повалили в одно место и их — в особое место. А сами ушли. А двери-то полы, всё слышно, что там потихоньку говорят. Говорят:

— Вот жарко нам будет, хорошо, мяса много; — говорят, — будет.

А Ваня слышит. Вдруг мужик идет, подходит и говорит:

— Что, — говорит, — не спите?

Те-то спят, а Ваня говорит:

— А с дороги как-то не спится.

Мужик и ушел, — не спят, говорит. И другой раз подходит, может через час или как.

— Что, спите? — говорит.

А Ваня говорит:

— С дороги как-то не спится.

Он опять ушел; и заснул там, слышно, как спят. Ваня разбудил потихоньку братьев, они девок перетащили — на полу спали — на свое место, а сами легли на их [место] и заспали, а Ваня не спит. Вдруг слышит, что пробудился и идет мужик, подходит к дочерям, а темно дак, и спрашивает:

— Что, спите?

Никто не ответил. Он другой раз:

— Что, спите?

Опять никто не ответил. И третий раз спросил:

— Что, спите?

И опять никто не ответил. Он бачь саблей, и все головы отсанил. Отсанил головы, а сам ушел.

— Ну, — говорит, — жена, надо убрать мясо.

А она:

— Теперь неохота, никуда, — говорит, — не денутся, пускай так лежат.

И лег и заснул. Ваня слышит, что заспали. Теперь уж спокойно заспали. Ваня потихоньку братьев разбудил (а он уж вечером заметил, как двери раскрываются, и как всё), они побежали.

Бежали, бежали, утро встало. Вдруг погоня. Тот бежит, он одел сапоги-скороходы. (Встал со сна, дочери-то зарезаны, этих-то нет). Вот они как шли, завернулись за лес, а он не мог их найти. Лес-то густой, они под лесину затенулись. А он сам с собой говорит:

— Никуда не уйдут!

Повалился отдыхать, да и заснул. А Ваня подкрался, сапоги-то снял с него и пошел к нему в дом, — все трое пошли, — и говорят жены:

— Выкупай мужа, его там забрали, так он нас послал.

Она говорит:

— Берите, что хотите.

Они и забрали по мешку денег. А она с испугу и дом-то поожгла и сгорела. А они и пришли домой, с деньгами пришли к отцу. Отцу-то стыдновато стало сначала. Ну и пожили, дом новый выстроили. Женились все. Отца-мать не бросили.

Вот и сказка вся, боле сказать нельзя. Щука да елец, и сказки конец.

68. Разбойники и Олёнушка

Жил купец с купчихой. У них была дочь Олёнушка. Отец с матерью запоеждали на свадьбу, Олёнушке и говорят:

— Ты одна останься здесь за хозяйку быть.

Олёнушка и говорит:

— Я одна боюсь оставаться.

— А, — говорят, — ты созови подруг на посиделки.

Отец с матерью уехали, и вот Олёнушка созвала подруг на посиделки. Сидят, песенки попевают; кто прядет, кто шьет, кто вяжет. Вдруг одна девушка уронила веретешко. Веретешко покатилося, покатилося да в дырку — в подпол была дырка — и укатилось. Она пошла доставать веретешко, в подпол спустилась, а там сидит разбойник и грозит ей пальцем:

— Не рассказывай, — говорит, — никому.

Она вышла из подполья да потихоньку всем этим подругам и сказала, только одной Олёнушке не сказала, и все захохотали. Олёнушка говорит им:

— Чего вы захохотите, сидите! Одной ночь оставаться боязно.

— А, — говорят, — пойдем, домой нать, работа есть.

Вот собрались и ушли. Только как стихло все, утихло, разбойник и вышел из подполья и говорит:

— Показывай, — говорит, — отцов живого!

Вот она стала ему показывать — в погребу. Он как-то наклонился, а она ему саблей голову отсекла. И потом мясо все разрубала на мелкие части и положила в мешки, завязала, догадлива была дак. Ночью не спит уж. Вдруг разбойники приехали, еще сколько приехало, и потихоньку спрашивают:

— Что, — говорят, — брат, разделался ли?

А она запомнила разбойничий голос и тем голосом говорит:

— Все, — говорит, — готово; тут в мешках, — говорит.

Они хотели заходить в дом, она говорит:

— Вы не ходите, я в окно подам. А потом поезжайте, я поищу, нет ли еще чего.

Вот они эти мешочки взяли, — темно, ночь, положили их и уехали. Светло-то стало, они посмотрели:

— О, — говорят, — ну, никуда не уйдет; не уйдет она от нас!

Ну, ладно. Отец с матерью приехали. Олёнушка им все рассказала. И вот там день-два прошло, и вдруг приезжают эти разбойники — уж таки нарядны, нарядились, свататься на Олёнушке. Она их сразу по голосу узнала. Лица-то не видно было, а по голосу их уж заметила. Отцу с матерью понравились женихи, сватовья таки нарядны.

— Я, — говорит, — не пойду, это те же разбойники!

— Что ты, — говорят, — Олёнушка, разбойники, разве таки, разбойники ведь тряпóщны, а эти вон какие красивые, да нарядные, да чистые.

И отдали. На Олёнушку не поглядели, отдали Олёнушку.

Свадьбу сыграли, и повезли Олёнушку неизвестно куда. Отец с матерью не знают, также и Олёнушка не знает. А ей взяли-то за дурачка одного, дурачком так звали, замуж-то.

Ну вот, приехали домой, привезли Олёнушку, завели в комнаты, — все комнаты в крови, везде под кроватями напихано мясо человеческое. У Олёнушки сердце дрогнуло. И вот и говорят. Говорят:

— Что, сейчас будем ее резать?

А дурачок и говорит, дело-то было к вечеру:

— Вы хоть дайте мне одну ночьку проспать-то с ней!

— Ну ладно, — говорят, — проспи ночь-то с ней.

Комнат у них было много, их в комнаты и повалили.

Все заспади. Олёнушка не спит и говорит мужу своему:

— Мне, — говорит, — в уборную охота.

— Ты, — говорит, — сходи здесь, в комнаты-то.

— Нет уж, — говорит, — мне неудобно.

— Наши-то, — говорит, — услышат, как стану тебя выпускать.

— А ты, — говорит, — в окно.

— Наши-то, — говорит, — забранятся.

— Ты, — говорит, — меня свяжи, на пояс-то.

Вот он ей связал на пояс и спустил за окно. А коза тут была, под окном-то. Она потихоньку отвязалась и козу привязала. А сама побежала куда глаза глядят. Ну, дорогу-то заметила, и побегала в домашнюю сторону.

А он ей и потянул. А коза:

— Мекеке, мекеке!

Он ей:

— Что ты мекекекаешь, ведь наши-то услышат!

А коза:

— Мекеке, мекеке!

Вот он вытянул ее — а коза. И не смел сказать-то своим, так ночь и прошла.

Утром как приходят друзья-братья, а и нет у него жены. А вот, говорит, так и так.

— Ох ты, — говорят, — дурак и дурак, что ты сразу не сказал, мы бы ей схватили!

А ему жалко было ей.

Ну и поехали. Взяли собак, да. Сами-то, конечно, не на собаках, а собаки бежат сзади.

Олёнушка бежит, вдруг едет мужик с кожами. Она слышит, что погоня за ей, говорит:

— Дяденька, спрячь меня под кожи, за мной разбойники гонятся!

— Что ты, — говорит, — эдака нарядная, вся измараешься!

— А, — говорит, — спрячь!

Он поднял кожи да ее на самый низ спрятал, кожей закрыл. Только успел кончить, а уж разбойники набежали, и собаки тут.

— Эй, старик! — говорят. — Не видал ли тут женщина побежала?

— Нет, — говорит, — не видал.

— А, — говорят, — ты, верно, врешь.

Стали кожи рыть. Рыли, рыли.

— Нет, — говорят, — братцы, — тут ничего нет! — до низу-то не дорыли.

Олёнушка запросилась:

— Дяденька, — говорит, — выпусти меня, я опять побегу.

Он выпустил ей. Она опять побежала. Бежала, бежала, слышит — опять погоня. Вот беда-то! Вдруг едет мужик с етыма, с корытам.

— Дяденька, — говорит, — спрячь меня под корыто, за мной разбойники гонятся!

— Что ты, — говорит, — такая нарядная, вся-то замараешься у меня. Ведь тоже не чистые корытья-то.

— Ничего, — говорит, — только спрячь.

Старик срыл корыта и ей под самый низ полóжил. Только справился, поехал, а тут разбойники наехали.

— Старик, — говорят, — не видел этта, не проезжала здесь женщина?

— Нет, — говорит, — не видал.

— Врешь, — говорят, — сейчас сроем корытья у тебя.

И начали срывать. Срывали, срывали, там, может, полдесятка корыт осталось.

— Никого, — говорят, — там нет!

И поехали дальше. Неслышно стало шуму да гаму-то, она и запросилась:

— Дяденька, выпусти меня!

Он ей выпустил, она и опять побежала. Бежала, бежала, бежала, вдруг слышит — опять погоня. Они уж разъезжают, ныряют по сторонам, а она бежит уж лесом, не настоящей дорогой. Где на дорогу выйдет, а где опять [лесом].

А едет как раз опять старик со сеном. И она говорит:

— Дяденька, спрячь меня под сено, за мной разбойники гонятся!

— Что ты, такая нарядная. Вся измарашешься.

— Ничего, — говорит, — спрячь!

Ну, он срыл сено, спрятал ей под самый низ. Только что успел собраться, запоезжал, вдруг разбойники наехали.

— Эй, старик! Не видал ли тут женщина пробежала?

— Нет, — говорит, — не видал.

— Ну, врешь, — говорят, — сейчас мы у тебя сено сроем.

Срывали, срывали.

— Ну, — говорят, — здесь ничего нет.

Вот их не слышно стало, она и запросилась:

— Дяденька, выпусти меня!

Он ей выпустил, она опять побежала. Она по дороге бежит, они по сторонам ездят, на след нападут-то.

Вот она слышит — опять погоня. Куды деться, — никто не едет. Видит — дупло. Она опять в дупло затенулась и сидит там. Вдруг разбойники наезжают, уж и собаки около дупла прямо готовы с ума сойти, лают. Говорят:

— Братцы, тут уж что-нибудь да есть!

— А так, — говорят, — пусто лают.

— Нет, — говорят, — собаки лают, так есть кто-нибудь!

Один взял да всадил нож в дупло. И ей попало прямо в коленку. Она скорей схватила с головы косынку и обтерла кровь. Они вытащили да говорят:

— Ничего нет!

И поехали дальше. Все стихло, она выбежала и побежала дальше. А стало темниться, дом недалеко стал.

Вот бежала, бежала и до дому добежала. Зашла в сеновал да в сено и забилась, зарылась туда.

Утром-то отец встал, пошел скоту сено давать, вилы туда втыкнул, а Олёнушка и схватила вилы. Он и испугался, закрестился. Она услышала по голосу, что отец — зачитал молитву-то, и говорит:

— Отец, я тут.

Он ей и привел домой. Она все рассказала ему. Ну, ладно. День прошел, и вдруг разбойники наехали, а Олёнушка спряталась за печку. Ну вот, гости приехали, сватовья да зять. Чаю нагрели, посадили за стол.

— Что, — говорят, — как Олёнушка поживает? Что не приехала?

— А она, — говорят, — осталась по дому хозяйничать.

А отец уж раньше сходил, заявил, что так и так, приехали такие-то люди. Люди собрались, Олёнушка и вышла из-за печки. Тут и разбойников поймали, и Олёнушка осталась жива-здорова. И сказка вся.

69. Золотой нос

Жил поп с попадшей. У них была дочь. Поехали на свадьбу, а дочь оставили. Вот она убралась со скотом и села чай пить. Пьет.

— Выпить за папенькино здравьице!

А там на улице на костри заговорили:

— Выпей, выпей, девица, за мое здравьице!

Вот она снова говорит:

— Выпить за матушкино здравьице!

А на костри заговорили:

— Выпей, выпей, девица, за мое здравьице!

Она пьет:

— Выпить за мое здравьице!

На костри опять заговорили:

— Выпей, выпей, девица, за мое здоровьице!

Вот она погода говорит:

— Выпить за того здравьице, кто на костри сидит!

А он сразу стал стену грызть. Грыз, грыз, и рука показалась, потом голова, и влез:

— Показывай, где отцово богатство!

Он и пошел с ней. Она его привела к погребу, он стал заглядывать туда, она его и пихнула, и погреб закрыла. Вот отец приехал, она и говорит:

— Вот у меня там гость сидит.

И тогда собрали людей со всей деревни с кольями да с батогами, дверь отворили, а он вылетел и полетел, — дьявол там был, его не могли и схватить; полетел и закричал:

— Припомню поповну, припомню поповну!

Вот несколько дней прошло, приходят сватовья свататься. А у одного золотой нос. Отец говорит:

— За кого пойдешь?

Она и пошла за золотого носа. А это он и был. Вот и отдали, сами не знают, за кого. И вот поехали, теща-то поехала с ними. Вот он говорит:

— Теща, пора сходить!

Она отвечает:

— Зятюшко, еще маленько подвези!

Поехали еще, он снова:

— Теща, пора сходить!

Она отвечает:

— Зятюшко, еще маленько подвези!

Поехали еще, он опять говорит:

— Теща, пора сходить!

Она опять отвечает:

— Зятюшко, еще маленько подвези!

Потом он взял ее и бросил с саней. Она неизвестно куда улетела. Вот ехали-поехали, он сошел с саней и в лес пошел. Ходил долго ли, коротко ли, приходит. Опять поехали. Потом снова с саней сошел и в лес пошел. Ходил, ходил, приходит. Опять проехали сколько-то, он опять сошел с саней и в лес пошел. Она третий-то раз пошла потихоньку-то и видит: он разрыл могилу, достал покойника и съел; и она скорей побежала вперед, чтобы он не узнал.

И опять поехали. Ехали, ехали, и доехали до дому. Изба стоит. Тут стали жить, у него пищи-то было всякой. А на день все улетит. Она все одна. Она и говорит:

— Что, мне скучно одной-то, хоть бы наши пришли.

Вот он однажды прилетел, говорит:

— Вот отец придет, может, без меня, так ты угощай его тут.

Она настряпала, напекла всего, нажарила. Вдруг отец приходит, уж она обрадела. Отец и спрашивал. А она у него спрашивает.

— А мама как?

— А, — говорит, — пришли домой-то, открыли дверь, а она мертвая лежит на крыльце (на нижнем крыльце, это уже спуститься с лесенки от дома).

Тут она отцу все рассказала, как они ехали, и про покойника.

Он ее спрашивал, спрашивал, да напоследок хамнул ее и съел тут (он это был сам, обернулся как отец, а не отец).

70. Курочка и петушок

Жил петушок с курочкой. Петушок пьяный напился, да в портки о. Курочка пошла замывать на реку. Замывала, замывала, а шишка в лоб-то и разлетелась из портков. Она и побежала домой, петушок на печке лежит:

— Петушок, ты что знаешь?

— Чего мне знать? — тот говорит.

— А, — говорит, — немцы на Русь наехали!

— Кто тебе сказывал?

— Сама я видела, сама я слышала, пулька в лоб прилетела!

— Побежим, — говорят, — в лес!

И побежали. Бежат, а бежит горносталь:

— А куда вы побежали?

— А, — говорят — в лес побежали!

Петушок говорит:

— Немцы на Русь наехали!

— А тебе, — говорит, — кто сказал?

— Мне курочка сказала.

— А тебе, курочка, кто сказывал?

— Сама я видела, сама я слышала, пулька в лоб прилетела!

И побежали дальше, троима. Бежит заяц:

— Куда вы побежали?

— А бежим в лес, немцы на Русь наехали! (Горносталь уж говорит).

— А тебе кто сказывал?

— Петушок.

— А тебе, петушок?

— Мне курочка сказывала.

— А тебе, курочка, кто сказывал?

— Сама я видела, сама я слышала, пулька в лоб прилетела!

— Побежимте, — говорят, — дальше.

Бежат, а вдруг псец бежит:

— Куда вы, — говорит, — побежали?

— А бежим в лес, немцы на Русь наехали! — заяц говорит.

— А тебе, заяц, кто сказывал?

— А мне горносталь.

— А тебе, горносталь, кто сказывал?

— А мне, — говорит, — петушок.

— А тебе, петушок?

— А мне курочка.

— А тебе, курочка?

— Сама я видела, сама я слышала, пулька в лоб прилетела!

— Ну, — говорят, — побежимте в лес.

Бежит лиса:

— Куда вы побежали?

— А бежим в лес, — псец говорит, — немцы на Русь наехали!

— А тебе, псец, кто сказывал?

— А заяц, — говорит.

— А тебе, заяц, кто сказывал?

— А мне горносталь.

— А тебе, горносталь?

— А мне петушок.

— А тебе, петушок, кто сказывал?

— А мне курочка.

— А тебе, курочка, кто сказывал?

— Сама я видела, сама я слышала, пулька в лоб прилетела!

И побежали все в лес. Вдруг бежит волк:

— Куда вы побежали?

Лиса говорит:

— Бежим в лес, немцы на Русь наехали!

— А тебе, лиса — говорит, — кто сказывал?

- А псец.
- А тебе, псец?
- А заяц.
- А тебе, заяц, кто сказывал?
- Горносталя.
- А тебе, горносталя?
- Петушок.
- А тебе, петушок?
- Курочка.
- А тебе, курочка?
- Сама я видела, сама я слышала, пулька в лоб прилетела!
- Побежимте в лес, — говорят.

А вдруг медведь опять:

- Куда вы побежали?

Уж волк говорит:

- Бежим в лес, немцы на Русь наехали!

- А тебе, волк, кто сказывал?

— Лиса.

- А тебе, лиса, кто?

— А псец.

- А тебе, псец, кто сказывал?

— Заяц.

- А тебе, заяц?

— А горносталя.

- А тебе, горносталя?

— Петушок.

- А тебе, петушок?

— Курочка.

- А тебе, курочка?

— Сама я видела, сама я слышала, пулька в лоб прилетела!

- Побежимте, — говорят, — дальше.

Бежали, бежали, вдруг яма пришла, глубока-глубока. Они все и скочили в яму. Сидели, сидели, и ись захотели. Говорят:

— Как нам быть? (Из ямы никак не выйти, глубокая очень яма). И рассудили: — Кто всех меньше, того и съедим!

Вот курочка всех меньше, так курочку и съели. А курочку на такую семью мало, взяли и петушка съели. Горносталя съели, зайца съели, псеца съели, и остались только трое — лиса, волк и медведь.

- Теперь, — говорят, — кого есть? Лиса всех меньше.

- Нет, — говорит лиса волку, — я старше тебя годами.

Стали считать, вышло, что лиса больше. Взяли и волка съели. И остались лиса с медведем.

А лиса-то, как это ела, все костё под ж... клала. Не доести и опять под задницу сунет. Вот и стала это костё вытягивать да чистить. А медведь и спрашивает:

- Ты откуда, кума, костё-то берешь?

— А я, — говорит, — доставаю из ж. . . , запихаю лапу туда да и вытяну.

— Как ты, — говорит, — это?

— А так, лапу запихаю да достану. Ты, — говорит, — тоже запихай лапу в ж. . . , так и достанешь кость.

Медведь и запихал лапу в ж. . . , потянул оттуда лапу, да за кишки и захватил когтямы, да и заревел, — не может никак вытянуть. Ревел, ревел, да и сдох. А лиса потихоньку медведя съела, а потом потихоньку выскочила из ямы и убежала.

71. Котят-котя

Жил кот да петушок. Кот пошел в лес дрова сечь и сказал петушку:

— Не выглядывай, а то тебя лиса утащит.

Ушел, а лиса уж тут как тут:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко!
Я тебе даю золото колечко на горлышко,
Золотой колпак на головушку!
Здесь красные девушки катаются
На красных саночках да на синих сапожках,
Тебя, петушка, дожидаются!

Петушок выглянул, а лиса и потащила его в лес. Петушок и закричал:

Котя, котя, котя!
Несет меня лиса
За высокие горы,
За темные леса,
К своему гнезду,
К малым деточкам,
На съеденьице!

А кот-то недалеко сек дрова да услышал. Прибежал, да и отнял у лисы петушка. На второй день кот опять пошел в лес дров сечь, наказывают:

— Не выглядывай, а то тебя лиса утащит, я сегодня дальше в лес уйду.

Ушел, а лиса опять прибежала:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко!
Я тебе даю золото колечко на горлышко,
Золотой колпак на головушку!
Здесь красные девушки катаются
На красных саночках да на синих сапожках,
Тебя, петушка, дожидаются!

Петушок говорит:

— Ты меня, — говорит, — не обманывай!

— Нет, — говорит, — правда!

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко!
Я тебе даю золото колечко на горлышко,
Золотой козпак на головушку!
Здесь красные девушки катаются
На красных саночках да на синих сапожках,
Тебя, петушка, дождаются!

Петушок выглянул в окошечко, она схватила и потащила.
Петушок закричал:

Котя, котя, котя!
Несет меня лиса
За высоки горы,
За темные леса,
К своему гнезду,
К малым деточкам,
На съеденье!

Раз спел, другой спел, третей спел, кот и услышал. Прибежал и отнял у лисы петушка.

На третий день кот опять пошел в лес дров сечьцы, наказыват:

— Ну, смотри, петушок, сегодня я далеко в лес уйду, не выглядывай, я не услышу.

Только ушел, а лиса тут как тут:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко!
Я тебе даю золото колечко на горлышко,
Золотой козпак на головушку!
Здесь красные девушки катаются
На красных саночках да на синих сапожках,
Тебя, петушка, дождаются!

Петушок говорит:

— Врешь, лиса!

— Нет, не вру.

Опять спела, другой раз и третей спела. Глупый петушок и выглянул в окошко. Лиса схватила его, потащила в лес. Уж он кричал, кричал:

Котя, котя, котя!
Несет меня лиса
За темные леса,
За высоки горы,

К своему гнезду,
К малым деточкам,
На съеденьице!

Не услышал кот. Вот кот приходит домой — нет петушка. Он взял большой мешок и пошел к лисе, — он знал, где лиса живет. Вот пришел к ней и стал петь:

У креста-креста, у каменного моста,
Там жила-была лиса красна.
У лисы-то было три сына,
У лисы было три дочери:
Один — Малофей(ко),
Другой — Дорофей(ко),
Третий — Возлюбленничек,
Дочка — Чучелка,
Друга — Пала́челка,
Третья дочушка — Подай челнок из подлави́чья.

Лиса-то услышала и говорит:

— Поди, Малофейко, послушай у котейко песенку, так красиво поет!

Малофейко пришел и говорит:

— Спой-ко, котейко, песенку!

— А, — говорит, — загляни в мешок, спою.

Тот заглянул, он ему и отсек голову. И снова запел:

У креста-креста, у каменного моста,
Там жила-была лиса красна.
У лисы-то было три сына,
У лисы было три дочери:
Один — Малофей(ко),
Другой — Дорофей(ко),
Третий — Возлюбленничек,
Дочка — Чучелка,
Друга — Пала́челка,
Третья дочушка — Подай челнок из подлави́чья.

Лиса говорит:

— Поди, Дорофейко, послушай у котейко песенку. Малофейко, верно, заслушался, не идет.

Дорофейко пришел и говорит:

— Спой-ко, котейко, песенку!

— А, — говорит, — загляни в мешок, спою!

Тот заглянул, он ему отсек голову. И опять запел:

У креста-креста, у каменного моста,
Там жила-была лиса красна.
У лисы-то было три сына,
У лисы было три дочери:
Один — Малофей(ко),
Другой — Дорофей(ко),
Третий — Возлюбленничек,
Дочка — Чучелка,
Друга — Пала́челка,
Третья дочушка — Подай челнок из подлави́чья.

Лиса услышала:

— Поди-ка, Возлюбленничек. Малофейко с Дорофейкой не идут, верно, заслушались там.

Возлюбленничек пришел и говорит:

— Спой-ко, котейко, песенку!

— А загляни в мешок, спою.

Тот заглянул, он ему и отсек голову. И опять запел...

Потом она говорит:

— Поди-ко, Чучелко; ребята не идут, заслушались там.

Чучелко пришла, говорит:

— Спой-ко, котейко, песенку!

— А загляни в мешок, спою.

Она заглянула, он и ей отсек голову. И опять запел:

У креста-креста, у каменного моста,
Там жила-была лиса красна.
У лисы-то было три сына,
У лисы было три дочери:
Один — Малофей(ко),
Другой — Дорофей(ко),
Третий — Возлюбленничек,
Дочка — Чучелка,
Друга — Палачелка,
Третья дочушка — Подай челнок из подлавичья.

Лиса послушала:

— Поди-ка, — говорит, — Палачелка, послушай у котейко песенку, красиво поет!

Он и у той голову отсек.

Все убежали и не приходят. Лиса посидела, посидела: верно, заслушались! Вот она говорит:

— Поди-ко, Подай челнок из подлавичья, послушай!

Та пришла:

— Спой-ко, котейко, песенку!

— Загляни в мешок, спою.

Она заглянула, он и у той отсек голову, и снова поет:

У креста-креста, у каменного моста,
Там жила-была лиса красна.
У лисы-то было три сына,
У лисы было три дочери:
Один — Малофей(ко),
Другой — Дорофей(ко),
Третий — Возлюбленничек,
Дочка — Чучелка,
Друга — Палачелка,
Третья дочушка — Подай челнок из подлавичья.

— Вот беда, — говорит лиса, — сама сбегая, больно красиво поет!

Пришла и говорит:

— Спой-ко, котейко, песенку!

— А загляни в мешок и спою.

И у лисы голову отсек. Сходил да петушка взял, да домой ушел. И стали жить-поживать да добра наживать, с мясом и со всем.

72. Глиняшка

Жил старик со старухой. У них детей не было. Вот они надумались — сделали парня из глины. Ну, парень живой стал, заговорил, заходил.

И вот, старик ушел в лес дров сечь, а старуха сидит на печи, прядет куделю. Веретно-то одно напярала, а другое-то там, в задней. Она и запосылала:

— Глиняшко, сходи, принеси клуб с веретешком!

Глиняшка пошел в заднюю. Приходит и говорит:

— Бабка, ты что знашь?

— А что мне знать? — говорит.

— Бабка, — говорит, — я съел клуб с веретешком, семь печей хлебов, семь печей калачей, и тебя, бабка, с прялкой съем!

И бабуку съел с прялкой. И пошел дальше. И этот дедка идет из лесу с топором.

— Ты, дедко, что знашь?

— А чего мне знать?

— Я, дедко, съел клуб с веретешком, семь печей хлебов, семь печей калачей, бабуку с прялкой, и тебя, — говорит, — дедко, с топорком съем.

И дедка съел, дальше пошел, и идет. И идет девка с ушатом за водой. Он и говорит:

— Ты, девка, чего знашь? — говорит.

— А чего мне знать?

— Я съел клуб с веретешком, семь печей хлебов, семь печей калачей, бабуку с прялкой, дедка с топорком, и тебя с ушатом съем!

И девку съел с ушатом. А идет жонка с коромыслом. Он и говорит:

— Ты, жонка, что знашь?

— А чего мне знать?

— А я съел клуб с веретешком, семь печей хлебов, семь печей калачей, бабуку с прялкой, дедка с топорком, девку с ушатом, и тебя с коромыслом съем!

И жонку съел. И дальше пошел. Идет, а идут семь сенокосцев с косами. Он и говорит:

— Вы, сенокосцы, что знаете? — говорит.

— А чего нам знать?

— Я съел клуб с веретешком, семь печей хлебов, семь печей калачей, бабуку с прялкой, дедка с топорком, девку с ушатом, жонку с коромыслом, и вас, — говорит, — с косами съем!

И всех съел и дальше пошел.

Попадают семь гребцей с граблями. Он и говорит:

— Вы что, гребцы, знаете?

— А чего нам, — говорят, — знать?

— А я съел клуб с веретешком, семь печей хлебов, семь печей калачей, бабу с прялкой, дедка с топорком, девку с ушатом, жонку с коромыслом, семь сенокосыщей с косами, и вас, — говорит, — с граблями съем!

И всех съел и дальше пошел.

Вдруг идет баран — золотые рога.

— Ты, — говорит, — баран, что знаешь?

— А чего мне знать?

— Я, — говорит, — съел клуб с веретешком, семь печей хлебов, семь печей калачей, бабу с прялкой, дедка с топорком, девку с ушатом, жонку с коромыслом, семь сенокосыщей с косами, семь гребцей с граблями, и тебя, баран, съем!

Тот говорит:

— Съешь, — говорит, — так поди, стань под гору, а я на гору. Открой, — говорит, — рот и закрой глаза, я, — говорит, — с горы-то побегу и прямо тебе в рот.

Глиняшка и стал под гору, открыл рот и закрыл глаза. Баран разлетелся и прямо рогами в живот ему. Глиняшко и рассыпался, и все побежали оттуда, и люди, и караван покатались, и все закрыли:

— Спасибо те, баран — золотые рога!

— Спасибо те, баран — золотые рога! ¹

73. Старик жил на горке

Старик со старухой жили на горке. А у них скота было: пять овечек, шóбстый барашек, сын Каравашек, дочка Шточка, сивая кобыла, бурая корова.

Прознал про это медведь, что у старика со старухой скота много. И вот и приходит под окошко. И запел:

У строю на горке,
Да у строю под горкой
Была новая избушка,
Было пять, пять овечек,
Шóбстый барашек,
Да сын Каравашек,
Дочка Шточка,
Сивая кобыла,
Бурая корова.
Бабу съем!

¹ Последние строчки поются при рассказывании.

А старику жалко стало бабу, он и отдал овечку. Медведь съел и опять идет, пришел и поет:

У стрѡю на горке,
Да у стрѡю под горкой
Была новая избушка,
Было пять, пять овечек,
Шѡстый барашек,
Да сын Каравашек,
Дочка Шточка,
Сивая кобыла,
Бурая корова.
Бабку съем!

— Не ешь бабки, я тебе овечку отдам!
И отдал вторую овечку. Медведь съел и опять идет:

У стрѡю на горке,
Да у стрѡю под горкой
Была новая избушка,
Было пять, пять овечек,
Шѡстый барашек,
Да сын Каравашек,
Дочка Шточка,
Сивая кобыла,
Бурая корова.
Бабку съем!

Старику жалко бабки, он ему и третью овечку отдал. Медведь съел и опять идет, поет:

У стрѡю на горке,
Да у стрѡю под горкой
Была новая избушка,
Было пять, пять овечек,
Шѡстый барашек,
Да сын Каравашек,
Дочка Шточка,
Сивая кобыла,
Бурая корова.
Бабку съем!

Старик и четвертую овечку отдал. А медведь опять идет:

У стрѡю на горке,
Да у стрѡю под горкой,
Была новая избушка,
Было пять, пять овечек,
Шѡстый барашек,
Да сын Каравашек,
Дочка Шточка,
Сивая кобыла,
Бурая корова.
Бабку съем!

Делать нечего, старик и пятую овечку отдал. Медведь съел и опять пришел:

У строю на горке,
Да у строю под горкой
Была новая избушка,
Было пять, пять овечек,
Шобтый барашек,
Да сын Каравашек,
Дочка Шточка,
Сивая кобыла,
Бурая корова.
Бабку съем!

Старику жалко бабки, отдал ему барашка. Медведь съел, опять идет, поет:

У строю на горке,
Да у строю под горкой
Была новая избушка,
Было пять, пять овечек,
Шобтый барашек,
Да сын Каравашек,
Дочка Шточка,
Сивая кобыла,
Бурая корова.
Бабку съем!

Старик отдал сына Каравашка. Вот медведь опять идет и поет:

У строю на горке,
Да у строю под горкой
Была новая избушка,
Было пять, пять овечек,
Шобтый барашек,
Да сын Каравашек,
Дочка Шточка,
Сивая кобыла,
Бурая корова.
Бабку съем!

Старик отдал и дочку Шточку. Медведь опять пришел и запел:

У строю на горке,
Да у строю под горкой
Была новая избушка,
Было пять, пять овечек,
Шобтый барашек,
Да сын Каравашек,
Дочка Шточка,
Сивая кобыла,
Бурая корова.
Бабку съем!

Старику жалко бабки, он отдал и сивую кобылу. А медведь и ее съел, и опять идет, поет:

У строю на горке,
Да у строю под горкой

Была новая избушка,
Было пять, пять овечек,
Шо́стый барашек,
Да сын Каравашек,
Дочка Шточка,
Сивая кобыла,
Бурая корова.
Бабку съем!

Старик отдал ему и бурую корову. И напоследок старик ушел отсюда со старухой, больше жить нельзя стало, всех передавал. Со старухой ушел оттуда.

74. Сяду я на горку

Сяду я на горку.
В. . . . тетерку,
Посажу на санки.
Катись, моя тетерка,
Не задень ни о пень,
Ни о колоду,
Ни о холодную воду!
А задень о Машинны губы.
О Ульяшины зубы,
О Сашин язык.

75. Терем-теремок

Ехал мужик с решётъем и потерял одно решето. Бежала мышка и забежала под решето. Бежит горносталь:

Чей, чей теремок,
Чей, чей высокóй?
Кто в тереме живет,
Кто в высоком живет?

— Я мышевна-колоколовна, мóлода Снафидья Давыдовна.
А ты кто?

— Я горносталь-шелкун. Пусти меня!

— Иди, — говорит.

Вот и сидят вдвоем. Вдруг бежит заяц:

Чей, чей теремок,
Чей, чей высокóй?
Кто в тереме живет,
Кто в высоком живет?

— Я мышевна-колоколовна, мóлода Снафидья Давыдовна.
Я горносталь-шелкун. А ты кто?

— Я зайко-белейко. Пустите меня!

И того пустили. Вдруг бежит псец:

Чей, чей теремок,
Чей, чей высокóй?
Кто в тереме живет,
Кто в высоком живет?

— Я мышевна-колоколовна, мóлода Снафидья Давыдовна.
Я горносталь-шелкун. Я зайко-белейко. А ты кто?

— Я псец-молодец. Пустите меня!

— Иди, — говорят.

И того пустили. Вдруг бежит лиса.

Чей, чей теремок,
Чей, чей высокóй?
Кто в тереме живет,
Кто в высоком живет?

— Я мышевна-колоколовна, мóлода Снафидья Давыдовна.
Я горносталь-шелкун. Я зайко-белейко. Я псец-молодец. А ты кто?

— А я лисичка, всем вам сестричка. Пустите меня!

Сидят, а вдруг бежит волк:-

Чей, чей теремок,
Чей, чей высокóй?
Кто в тереме живет,
Кто в высоком живет?

— Я мышевна-колоколовна, мóлода Снафидья Давыдовна.
Я горносталь-шелкун. Я зайко-белейко. Я псец-молодец. Я лисичка, всем вам сестричка. А ты кто?

— Я волчище, серо хвостище. Пустите меня!

— Иди, — говорят.

Вдруг бежит медведь:

Чей, чей теремок,
Чей, чей высокóй?
Кто в тереме живет,
Кто в высоком живет?

— Я мышевна-колоколовна, мóлода Снафидья Давыдовна. Я горносталь-шелкун. Я зайко-белейко. Я псец-молодец. Я лисичка, всем вам сестричка. Я волчище, серо хвостище. А ты кто?

— А я медведь, еще всех вас пригнѣтишь!

Да ступил на решето и всех растоптал.

76. Девушка и медведь

Жил старик со старухой. У их было три дочери. Старик пошел дров сечь в лес, а старшая говорит:

— Папа, высеки мне прялочку.

Он высек, да забыл в лесе. Вот пришел, она спрашивает:

— Папа, высек мне прялочку?

— Ох, — говорит, — высек и забыл, я уж схожу.

— Да нет, — говорит, — не надо, я уж сама сбегаяю.

— Да не ходи, однако, принесется.

Вечер уже был, вот она побежала в лес. Птичка кричит:

— Девуца, девуца, вправо, вправо! Девуца, девуца, вправо, вправо!

А медведь кричит:

— Девуца, девуца, влево, влево!

Она птичку-то не послушала, побежала к медведю. Медведь схватил ее и утащил.

И вот на второй день старик опять пошел в лес дров сечьцы, а вторая дочь говорит:

— Папа, высеки мне швейку!

Дедко пошел, высек швейку, да на пенек положил и забыл.

Вот пришел домой, она спрашивает:

— Папа, высек мне швейку?

— Ох, — говорит, — высек и забыл в лесе, на пеньке.

— Я, тата, сбегаяю!

— Да куды ты, та-то пропала, и ты пропадешь!

— Да ништо, однако, сбегаяю.

Вот она побежала в лес. А птичка кричит:

— Девуца, девуца, вправо, вправо! Девуца, девуца, вправо, вправо!

А медведь кричит:

— Девуца, девуца, влево, влево!

Она послушалась, побежала влево, медведь ее схватил и унес.

На третий день старик походит, одна уж девка осталась, дров сечьцы. Младшая дочь просит:

— Папа, высеки мне веретёшычко.

Он высек и забыл в лесе. Вот пришел, она спрашивает:

— Папа, высек мне веретёшычко?

— Ох, высек, да забыл!

— Я побегу, сбегаяю.

— Да не бегай ты!

Уж так не спускали, все равно побежала. Вот бежит, птичка кричит:

— Девуца, девуца, вправо, вправо! Девуца, девуца, вправо, вправо!

А медведь кричит:

— Девуца, девуца, влево, влево!

Она птичку не послушала, побежала к медведю. Медведь и ту утащил. Так и никакой девки не стало. Вот последнюю-то утащил, в жоны взял, а те-то она и не знает где.

Вот медведь уходит в лес и говорит ей:

— Ты во все комнаты ходи, только в ту не ходи, что лыком завязана да г. . . . запечатана.

Вот она день не сходила, другой не сходила, а на третий день думает:

— Схожу, он, однако, не узнает!

И пошла смотреть. Как открыла, а там сидят сестры. Ну, ладно. Она смекнула дело и говорит [медведю]:

— Завтра я именинница, ты именины снесешь отцу-матери.

(Раньше всем в деревне, сколько ни было родственников, носили именины. Так, если в пост, вот такие пироги круглые да еще тонкие пироги — это именины; так решето снесешь, да еще друго решето; также и тут).

Вот она настряпала, взяла большой сундук, вот наклала туды всего и посадила девку одну в ящик, замкнула. Вот он нес, нес, и устал, сундук тяжелый, и говорит:

— Сесть, было, на пенек, съесть, было, пирожок, тещино подаренье, женино рукоделье!

А девка в ящику тихонько и говорит:

— Не садись, не садись на пенек, не ешь, не ешь пирожок, уж я вижу, вижу батьков двор, недалёко и матушкин!

А он и говорит:

— Какá она беда, — говорит, — и далеко слышит-то!

Схватил опять ящик и потащил. Дотащил до избы, открыл дверь да как свиснет ящик в сени, а сам убежал. Те испугались, такой шум. Выбежали в сени, открыли ящик, а там дочь и добра всякого наложено.

Вот она на другой день и говорит:

— Я и опять именинница.

— Какá беда, вчера была!

— А я три раза подряд бываю именинница.

Опять всякого настряпала, девку посадила, наклала сухарей и всего. Опять медведь нес, нес, да устал, присел, было, и говорит:

— Сесть, было, на пенек, съесть, было, пирожок, тещино подаренье, женино рукоделье!

А девка в ящику тихонько говорит:

— Не садись, не садись на пенек, не ешь, не ешь пирожок, уж я вижу, вижу батьков двор, недалёко и матушкин!

— Какá она беда, что далеко и все слышит-то!

Схватил опять ящик на спину и потащил. До избы дотащил, открыл дверь, свиснул ящик в сени и убежал. Отец с матерью опять испугались, выбежали в сени, открыли ящик, а там дочь вторая и добра всякого, живота.

Медведь опять пришел домой. Третья девка говорит:

— Завтра я опять именинница. А ты, быват, придешь, нет меня в избы, так ты тащи этот ящик-то!

А сама пенёк взяла, затащила на хоромы, в свое платье обрядила, а сама затенулась в ящик и закрылась.

Медведь пришел, схватил ящик и потащил. Тащил, тащил, да устал, и говорит:

— Сесть, было, на пенек, съесть, было, пирожок, тещино подаренье, женино рукоделье!

А она говорит тихонько:

— Не садись, не садись на пенек, не ешь, не ешь пирожок, уж я вижу, вижу батьков двор, недалёко и матушкин!

Он опять говорит:

— Как! она беда, далеко все слышит-то! Наверно, на хоромах-то стоит, — говорит, — так видно.

Схватил опять ящик и потащил. Пришел к избы, открыл дверь, свиснул ящик в сени и убежал.

Те побежали, а уж знают, раз загремело-то! И все собрались дома.

А медведь пришел домой, а она на хоромах — коряга-то наряжена.

— Да ты чего это на хоромах-то стоишь, чего не сходишь-то?

А эта стоит копаруля-то, ничего не говорит. Вот он пошел, да и сдернул ее за платье-то, а она и свалилась оттуда. Медведь говорит:

— Вот так штука, обманила она меня-то!

Ну, а девки стали жить-поживать да добра наживать.

77. Кислая кума и пресная кума

Жили были кислая кума и пресная. Пресна кума стала у кие-лой в головы искать. Кислая кума и говорит:

— Я, — говорит, — скоро умру; я как умру, так ты у меня перстня с руки не снимай!

— Ладно, — говорит, — не сниму.

У ней был золотой перстень на руки.

Вот кисла кума и умерла. Эта омыла ее, одела и повалила на лавку. И думает умом: «А что, если перстень снять? Ведь она мертва, не услышит».

И стала снимать перстень. Снимала, снимала, никак не может снять. И взяла и отсекла палец. Кислу куму похорошила, и стала его варить. Сидит, прядет.

А эта кисла кума вышла из могилы, идет и поет:

Все люди в городе спят,
Все в пригородках спят,
Одна моя кума не спит,
Да одна моя душа не спит,
На печке сидит,
Кудельку прядет,
Мою ручку варит,
Злачен перстень снимат.

По улице идет и в сени зашла, поет:

Все люди в городе спят,
Все в пригородках спят,

Одна моя кума не спит.
Да одна моя душа не спит,
На печке сидит,
Кудельку прядет,
Мою ручку варит,
Злачён перстень снимат.

В избу зашла, все так же поет:

Все люди в городе спят,
Все в пригородках спят,
Одна моя кума не спит,
Да одна моя душа не спит,
На печке сидит,
Кудельку прядет,
Мою ручку варит,
Злачён перстень снимат.

Ко шóстку пришла, к печи, так же поет:

Все люди в городе спят,
Все в пригородках спят,
Одна моя кума не спит,
Да одна моя душа не спит,
На печке сидит,
Кудельку прядет,
Мою ручку варит,
Злачён перстень снимат.

А эта пресна кума вся перепугалась, дрожит вся. Вдруг эта ко пресной куме и подходит, кисла-то, и говорит:

- Не спишь, кума?
- Не сплю.
- На печке сидишь?
- Сижу.
- Кудельку прядешь?
- Пряду.
- Мою ручку варишь?
- Варю.
- Злачён перстень снимаешь?
- Снимаю.
- Хам!¹

Да и съела пресну куму.

78. Потóмбалка

Жила одна старуха, тоже любила в лес ходить. Пошла за ягодам. Ходит, ягоды собирает. Наклонилась, вдруг между ногами за-копошилось. Она тяпнула, думала — комар, а это медведь.

— Бабка, — говорит, — я тебя съем!

¹ Ответы пресной кумы произносятся тонким, испуганным голоском. Последнее «хам!» кислой кумы говорится громко и грубо (дети пугаются).

— Нет, не ешь меня, я тебе побрякушку даю.¹

А медведь побежал, захохотал:

— А ха, ха, бабка мне побрякушку дает! А ха, ха, бабка мне побрякушку дает! А ха, ха, бабка мне побрякушку дает!

Бабка на второй день опять пошла в лес за ягодам. Ходит, ягоды собирает. Наклонилась, вдруг между ногами закопошилось. Она тянула, думала — комар, а это медведь.

— Бабка, — говорит, — я тебя съем!

— Нет, — говорит, — не ешь, я тебе потеплушку даю.

Медведь опять побежал, захохотал:

— А ха, ха, бабка мне потеплушку дает! А ха, ха, бабка мне потеплушку дает! А ха, ха, бабка мне потеплушку дает!

На третий день опять пошла в лес за ягодам. Наклонилась, вдруг меж ногами закопошилось. Она думала — комар, тянула, а медведь.

— Бабка, я тебя съем!

— Нет, не ешь меня, я тебе потомбалку даю.

Медведь опять побежал, захохотал:

— Ха, ха, ха, бабка мне потомбалку дает! Ха, ха, ха, бабка мне потомбалку дает!

Ну и бабка больше не засмела в лес ходить, ягоды собирать. Сидит дома.

Медведь видит, что бабка не ходит, и пошел к бабке. Под окошком закричал:

— Бабка, я за побрякушкой пришел! Бабка, я за побрякушкой пришел!

А бабка отвечает:

— Бабка в лес не ходит и ягоды не собирает, у бабки крепко воротца заперты!

— Вот беда-то! Бабка, верно, обманила меня.

И ушел. А на второй день опять пришел:

— Бабка, я за потеплушкой пришел! Бабка, я за потеплушкой пришел!

А бабка опять отвечает:

— Бабка в лес не ходит и ягоды не собирает, у бабки воротца крепко заперты!

— Вот беда-то! Бабка, верно, обманила меня!

Медведь опять пошел прочь. На третий день снова приходит:

— Бабка, я за потомбалкой пришел! Бабка, я за потомбалкой пришел!

А бабка отвечает:

— Бабка в лес не ходит и ягоды не собирает, у бабки воротца крепко заперты!

¹ В этой, как и в последующих детских сказках, сказительница передает речи действующих лиц различными голосами. Так, медведь говорит низким, грубым голосом, бабка — тоненьким голоском, и т. п. Такая манера не свойственна при рассказывании «взрослых» сказок.

— Вот беда-то, бабка обманула меня!

А на четвертый день идет прямо к бабке, ломать двери.

— Раз не отдаешь, я тебя сейчас съем!

В сенях двери ломает. Бабка не знает, что делать, куды скрыться. В сарай затенулась, под корыто. Медведь в сени двери проломал, в избы двери открыл, ходит, ищет, нигде бабки нет.

— Вот беда, куды старуха делась? В избы была, нигде старухи нет! Нету, хотя, под корытом-то?

Подошел к корыту-то, стал как открывать корыто, бабка как п. во всю ж... П., и корыто расколосось, медведь как побежал, обдристался, и по сеням, и по избы, — все обдристал.

И так больше и не приходил к бабке.

79. Краюшка хлеба

Жили старик со старухой. Старик пошел дров секчи. Ваял краюху хлеба. Там сек, сек, да и забыл краюшку. Пришел домой, вспомнил, да уж за краюшкой не пошел.

А мышка прибежала, мышишь съела, а эту корочку-то и спустила в озерко, — тут озерко было, — сама села в краюшку, поехала. Едет, а бежит горноста́й:

— А чье это суденышко по озеру бежит? А как его хозяина по имени зовут?

— Я мышка, коротеньки ножки, толсты́ стегоньца. А ты кто?

— Я горноста́ль-шелкун. Возьми меня!

— Поди.

И горноста́ль зашел в эту корку. Поехали вдвоем. Едут, вдруг бежит заяц:

— Чье это суденышко по озеру бежит? А как его хозяина по имени зовут?

— Я мышка, коротеньки ножки, толсты́ стегоньца, горноста́ль-шелкун. А ты кто?

— Я зайко-белейко. Возьмите меня!

— Иди.

Поехали втроем. Вдруг бежит псец:

— Да чье это суденышко по озеру бежит? А как его хозяина по имени зовут?

— Я мышка, коротеньки ножки, толсты́ стегоньца, горноста́ль-шелкун, зайко-белейко. А ты кто?

— А я псец-молодец. Возьмите меня!

— Иди.

И того взяли. Едут четвером. Вдруг бежит лисица:

— А чье это суденышко по озеру бежит? А как его хозяина по имени зовут?

— Я мышка, коротеньки ножки, толсты́ стегоньца, горноста́ль-шелкун, зайко-белейко, псец-молодец. А ты кто?

— Я лисичка, всем вам сестричка. Возьмите меня!

— Иди, — говорят.

И лису взяли. Едут, бежит вдруг волк:

— А чье это суденышко по озеру бежит? А как его хозяина по имени зовут?

— Я мышка, коротеньки ножки, толсты стегбныца, горносталя-шелкун, зайко-белейко, псец-молодец, лисичка, всем вам сестричка. А ты кто?

— А я волчище, серо хвостище. Возьмите меня!

— Поди, — говорят.

И волка пустили. Едут, вдруг бежит медведь:

— А чье это суденышко по озеру бежит? А как его хозяина по имени зовут?

— Я мышка, коротеньки ножки, толсты стегбныца, горносталя-шелкун, зайко-белейко, псец-молодец, лисичка, всем вам сестричка, подчище, серо хвостище, а ты кто?

— Я медведище, всех вас потяпище. Возьмите меня!

— Поди, — говорят.

Медведь как ступил лапой, так всех и утопил. И сказка вся.

80. Ворыньское царство

Жил-был поп с попадьей. Попадья полюбила второго, вот и все думали они с дружкой, как бы попа извести. Вот и придумали: заболает попадьня, а попа отправить в Ворыньское царство за покринским маслом.

Попадья притворилась, что болеет.

— Уж вот, если только съездишь в Ворыньское царство за покринским маслом, так поправлюсь, а то мне никак не поправиться.

Вот поп и пошел, пешком пошел. Идет, а навстречу ему старик попал.

— Куда, поп, пошел?

— Да вот, попадьня заболела, так пошел в Ворыньское царство за покринским маслом.

Старик и говорит:

— Они тебя обманывают, она дружка любит.

А старик-то тянул керёжу таку, и вот и говорит:

— Ложись туда, в керёжу, я тебя закрою соломой!

Поп лег, старик соломой закрыл и потянул, повез его на себе. Приходят к дому, стучится старик. Попадья выбежала:

— Кто такой?

— Да вот, — говорит, — я иду, ночь застигла, не пустите ли обночевать?

— Иди, иди, места хватит, — говорит.

Ну, они сидели с дружкой, блины напечены и бутылочка на столе, распивают сидят. Старик говорит:

— Вот у меня тут керёжа, нельзя на улице оставлять; может, можно в избу затянуть?

— Тяни, тяни, — говорит, — вот тут под кровать можно поставить.

Вот потянули керёжу под кровать, а старика этого посадили за стол. Вот выпили и говорят:

— Надо песню спеть какую-нибудь.

Дружок и начал петь:

— Поехал наш попик в Ворыньское царство за покрынским маслом...

А попадья заподтягала:

Дай боже попику
Туды бы уехать,
Назад не приехать.

Вот очередь и гостева пришла, и гость запел (а гость тоже свади):

Слушай-ка, керёжа,
Догадайся-ко, солома,
Что дентце дома, —
Гость-от сидит за столом,
Кйстень вёснет на стены.

Поп как выскочит из керёжи, схватил безмен со стены, да и начал дружка полосовать и попадью свади. Дружок дай бог ноги, где уж тут выпивать, а попадья взмолилась:

— Больше так не буду, поп!

А поп старика благодарил.

И сказка вся.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОПОВ

81. Еруслан Лазаревич

В некотором царстве, в некотором государстве жил царь на царстве, король на королевстве, как челнок на берегу. Это не сказка, а присказка; сказка будет после обеда, поевши мягкого хлеба.

В некотором царстве жил царь Картаус, у этого царя Картауса было двенадцать богатырей, а главным богатырем был Лазарь Лазаревич.

У Лазаря Лазаревича не было ни отца, ни матери, был брат Иван Лазаревич. Лазарю Лазаревичу было двадцать лет, и он пошел к царю Картаусу попросить совета — разрешить ему жениться на ком хочет.

Царь Картаус сказал:

— Вы найдете невесту, если мне понравится — так женитесь, если не понравится — так нет. Тогда я буду искать невесту, если понравится — женитесь, если нет — как хотите.

Лазарь Лазаревич нашел невесту, а царю Картаусу не понравилась, тогда царь Картаус нашел невесту, Лазарю Лазаревичу не понравилась. Таким образом прошел год. Приходит снова Лазарь Лазаревич к царю Картаусу и говорит таковы слова:

— Царь Картаус! Видите, какое дело: ты выбирал невесту, и выбирал невесту, и таким образом я не мог жениться целый год; так разрешите мне поехать на все четыре стороны искать невесту, какая мне понравится.

Царь Картаус согласился и отпустил его на все четыре стороны. Лазарь Лазаревич взял коня богатырского, копье долгомерное, шлем пернатый, седельце турецкое, уздечку тесмянную, плетку ременную и отправился в путь-дорогу. На восьмой день он заехал на большое поле, поставил палатку, спустил коня богатырского, лег отдохнуть. Спит год, а думат — день. И таким образом прошло восемь лет.

Брату Ивану Лазаревичу исполнилось пятнадцать лет. Иван Лазаревич узнал, что брат уехал и не вернулся, пошел к царю Картаусу и говорит таковы слова:

— Царь батюшка, Картаус Иваныч! У меня уехал брат искать невесту на все четыре стороны... Прошло восемь лет, а его все нет. Разрешите взять богатырского коня с конюшни, я поеду искать своего брата. Найду живого или мертвого. Мертвого найду — кости соберу и привезу сюда, а живого найду — с невестой вернемся сюда, свадьбу сыграем веселую.

Царь Картаус отпустил Ивана Лазаревича.

Иван Лазаревич берет коня богатырского, копье долгомерное, шлем пернатый, седельце турецкое, уздечку тесмянную, плетку ременную и поехал. Ехал, ехал и наконец заехал на это большое поле. Здесь стоит палатка и ходит конь богатырский у палатки. Заходит в палатку, видит — спит богатырь богатырским сном. И думает: «Что сделать? Сонного зарубить, что мертвого. Давай-ка разбужу, расспрошу, не видал ли случайно моего брата?». И начал будить. Лазарь Лазаревич просыпается и спрашивает вошедшего гостя:

— Чей ты сын, чьих родителей, куда едешь, куда путь держишь?

Иван Лазаревич отвечает:

— Я из царства Картаусова, сын Лазаря Николаевича, еду искать своего старшего брата Лазаря Лазаревича. Как мой брат уехал, Лазарь Лазаревич, исполнилось восемь лет, а его все нет, не видал ли ты его?

Лазарь Лазаревич узнает своего брата. Собрали они палатку, сели на коней и поехали дальше. Ехали, ехали и наконец доехали

до высокой горы. Начиналось смеркаться. Лазарь Лазаревич говорит своему брату:

— Иван Лазаревич, ставь палатку, разводи костер, а я пойду на эту гору, не могу ли подшибить чего: зайца или утку, наварим на ужин! (Мяска захотели).

Когда Лазарь Лазаревич поднялся на эту высокую гору, видит — большое-большое море. Пошел прямо к морю. Пришел к морю, видит — стоит избушка. И заходит он в эту избушку, а там сидит красивая-красивая девица и сама горько-горько плачет.

— О чем, девушка, плачешь?

— А как же мне не плакать, когда мне осталось жить считанные часы. Утром в шесть часов из моря выйдет змей и меня поест.

Лазарь Лазаревич говорит таковы слова:

— Не плачь, красная девица, если я буду жив — и ты будешь жива, а сейчас дай мне сначала отдохнуть.

Лазарь Лазаревич лег и заснул крепко-накрепко богатырским сном. В пять часов море сбушевалось, девица начала гостя будить, но Лазарь Лазаревич не просыпался. Без пятнадцати шесть из моря вышел змей и идет прямо к избушке, поест красную девицу. И девушка крепко стала будить его и горько-горько плакать. Припала к груди и облила слезами горячими. Лазарь Лазаревич просыпается, а змей уже открыл двери. Лазарь Лазаревич выхватил копьё, рассек змея на куски и выбросил на волю.

— Вот видишь — я жив, и ты жива!

— Лазарь Лазаревич, — девушка говорит, — я царевна, царя Додона дочь. В наше царство ходил змей, поедая людей до тех пор, пока царь Додон не обещал меня отдать на съедение, чтобы змей не поедая людей больше. И было положено: кто убьет змея, так чтобы мне за того, ежели он пожелает, замуж идти, а не возьмет — отец даст большие деньги.

Лазарь Лазаревич забрал Еписимию и отправился к своему брату Ивану Лазаревичу. Пришли, сели на коней и поехали к царю Додону. Лазарь Лазаревич свою невесту посадил на своего коня, а Иван на своем поехал.

Когда они приехали к царю Додону, царь сильно обрадовался этому случаю и сыграл великолепную свадьбу: сорок дней пушки палили, музыка играла, вино-пиво пили, я там был, вино пил, по усам текло, а в рот не попало.

Отыграли свадьбу и собрались в путь-дорогу. Приехали в Картаусово царство. Царь этому очень обрадовался, по случаю жениха с невестой назначил день свадьбы на воскресенье. Свадьба была чудесная: сорок дней пушки палили, музыка играла, вино-пиво пили.

После свадьбы царь Картаус отдал Лазарю Лазаревичу ряд городов с пригородками, чтобы он охранял царство. А Иван Лазаревич после такого длительного пути и малых своих, несовер-

шеннолетних лет заболел и помер. (Про того, значит, не будем и разговаривать).

Лазарь Лазаревич и Еписимья любили друг друга сильно-сильно. Прошло три года, а детей у них не было. Тогда Лазарь Лазаревич набрал драгоценных вещей несколько подвод и раздал их по монастырям, по церквям, по нищим, чтобы эти товарищи помолились якобы бога, чтобы бог даровал им на утешение сына или дочку. И через год родился у них сын, назвали его Еруслан. Сначала отец приставил самых главных нянюшек, а когда сын подрос — приставил самых главных учителей. Еруслан Лазаревич такой был красивый, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Бывало, зайдет к девочкам на вечерку, как глазищем мигнет — так целую неделю хлебушка не кушают, все о нем и думают. . . А глазом мигнет и бровью повернет — у той сердце совсем выскакивает, как птичка в клетке сидит; все о нем думает.

Однажды Еруслан весной собрался играть в баски, и его обыграли. Он поставил корову, и корову убили. Запели ему кокряка: «Че паче убили кокряка, Еруслана дурака!».

Еруслану не понравилось. Как схватит кого за руку — руки нет, хватит за ногу — ноги нет, а слегка ударит — тот упадет и не дышит. И сам убежал домой. Когда остальные ребята прибежали домой, рассказывали своим отцам, что Еруслан так и так наделал с нашими ребятами, отцы пошли к царю Картаусу и доложили таковы слова:

— Царь Картаус Иванович! Хотя у тебя Еруслан очень силен растет, мы отказываемся служить тебе верой-правдой. Он с нашими ребятами устроил шутку нехорошую: кого хватит за руку — руки нет, кого за ногу — ноги нет, а ударит — упадет и не дышит.

Царю Картаусу не понравилось. И царь Картаус посылает посла за Лазарем Лазаревичем. Когда пришли, доложили Лазарю Лазаревичу. Тот одевается в пышное платье и идет к царю. Пришел к царю, низко поклонился и говорит таковы слова:

— Что, царь-батюшка, изволишь от меня, Лазаря Лазаревича?

Царь Картаус Иванович говорит таковы слова:

— Ты у меня, — говорит, — богатырь первый, сильно хороший человек, а сын у тебя никуда не годный, он вчера сделал нехорошую штуку: у наших боярских ребят у некоторых поотрывал ноги-руки, а кого ударит слегка — тот упадет, не дышит. Хотя он силен, но я не променяю на всех боярских ребят, и приказываю с завтрашнего утра, чтобы не было в моем царстве его духу, куда хошь его девай!

Царь был грозен и повторять не любил. Лазарь Лазаревич низко поклонился и отправился домой. Подходит к дому, а Еруслан Лазаревич скачет отцу навстречу на одной ноге и говорит таковы слова:

— Что ты, батюшка, невесел, буйну голову повесил?

— Ох, сын, ты сын, — говорит, — у людей с мала на утешение сыновья, а под старость на прокормление, а по смерти на помин души. А ты нам только одну скорбь приносишь. Пойдем к матери в палаты, все дело обтолкуем.

Еруслан Лазаревич догадался, в чем дело. Когда Лазарь Лазаревич заговорил со своей женой о высылке своего сына, то мать сильно заплакала, но Лазарь Лазаревич говорит таковы слова:

— Сколько ни плачь, слезами горю не поможешь, а нужно придумать, куда его послать.

Обратился к сыну и говорит таковы слова:

— Любимый сын, Еруслан Лазаревич! Я дам тебе несколько десятков подвод, нагрузим камня самоцветного, золота, серебра и отвезем тебя в город Ордынск, в котором есть у меня знакомый человек. Там тебе построят дом, и ты будешь жить там, и мы будем знать, что ты находишься в таком-то и таком-то месте.

Еруслан Лазаревич с отцом, с матерью ни в коем случае не соглашается и просит у них отпустить его на все четыре стороны. Разговор дошел до пяти часов утра. Ничего не могли сделать с Ерусланом. Тогда отец согласился отпустить его на все четыре стороны и говорит таковы слова:

— Иди на нашу богатырскую конюшню, возьми самого хорошего коня!

А Еруслан Лазаревич отвечает батюшку:

— Отец! У вас на конюшне богатырские кони очень хорошие, а для меня ни один не гожий. Я как приду на вашу конюшню, положу руку на хребет, тот упадет и не дышит, так что ваши кони меня не повезут. Я пойду пешком на все четыре стороны.

Отец согласился с матерью, и отпустили его на все четыре стороны. Еруслан шел, шел, шел. Скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается, и набрел он на Ивашку-Епанчу, Сорочинскую шапку. Этот Ивашка стережет лихих коней и когда-то был конюхом у егово отца. Когда повстречался, Ивашка узнал, что сын хороших родителей и идет пешком, то говорит таковы слова:

— Еруслан Лазаревич! У меня есть конь, имя ему Вихорь. Завтра в шесть часов утра я погоню коней на водопой. Учти, этот конь ходит или впереди, или сзади, или сбоку. Заможешь поймать, то ты будешь на ем ездить, он тебя повезет, а не заможешь поймать — я ничего не могу поделать. К указанному месту я принесу для коня все, только имай его!

Еруслан в пять часов ушел уже к указанному месту. Нашел то место, где пьют кони воду, и спрятался под дерево. Вдруг в шесть часов утра идут кони пить воду. Конь коня краше. Смотрит Еруслан: то тот, то этот, и таким образом до того досмотрелся — кони все напились и ушли. Еруслан остался без коня и опечалился. Как быть дальше? Вдруг орлы полетели в поднебесье, рыбы спрятались в норы: идет конь — шея дугой, из ноздрей искры летят,

с берез листья сыплются. Пришел конь, наклонился, пьет студеноую воду, напился, отряхнулся и хочет пойти. А Еруслан в то время был начеку — сделал сильный прыжок и ударил коня по крутой шее, сколько силы было. Но конь только свалился на одно колено. Еруслан захватил его за гриву, а Ивашка-Епанча подоспел в ту пору, подал ему уздечку тесняную, надели седельце турецкое, и дал плетку ремennую. И говорит Еруслан таковы слова:

— Ивашка-Епанча, спасибо тебе, нашел я по себе добра коня, а только имя не нравится.

Иван говорит:

— Хозяйская воля, как назовешь, так и будет!

— Я его назову Рош Вещий!

А Еруслан Лазаревич говорит Ивашке-Епанче:

— Поезжай к моему отцу и к моей матери и скажи ласково слово, что ваш сын, Еруслан Лазаревич, нашел под себя добра коня. Отец тебе за эти за услуги за все заплатит!

Не успел Иван попрощаться, как Еруслан прищпорил коня, и только и видал его Ивашка-Епанча.

Ехал, ехал Еруслан и наехал на силу-рать побиту. И побита, только-только что побита. Заехал в середину поля и закричал громким голосом:

— Есть ли в этой рати кто жив человек?

Один прекрасный воин подымается и говорит таковы слова:

— Чего надобно, витязь, тебе?

— Скажи, прекрасный воин, кто эту силу-рать побил и за что побита?

— Побил ее, — говорит, — только что Иван, русский богатырь, а побил за то, что у царя Феодула Змейдола есть дочь Кандаула Феодуловна, она такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Иван, русский богатырь, ее любит, и она его тоже, а отец не соглашается на брак. Вот из-за этого битва и идет. Иван, русский богатырь, хочет перебить все войско Феодула Змейдола, самого в плен взять, а дочку все равно забрать за себя взамож.

Еруслан Лазаревич спрашивает у прекрасного воина:

— Прекрасный воин, скажи, пожалуйста, где Иван, русский богатырь?

— Поезжай прямо на восток, попадешь на конский след и вот там найдешь! Но я вижу: конь коня краше, молодец молодца удалее.

Еруслану понравилось, и он дал несколько золотых монет, а сам отправился прямо на восток. Ехал, ехал и обратно заехал на такую же силу-рать побитую, заехал в середину поля и закричал громким голосом:

— Есть ли в этой рати кто жив человек?

Подымается один прекрасный воин и говорит таковы слова:

— Чего тебе, витязь, надобно?

— А скажи, прекрасный воин, что за рать побитая и кто побил?

— Побил ее Иван, русский богатырь, за то, что у царя Феодула Змейдола есть дочь Кандаула Феодуловна, такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Иван, русский богатырь, ее любит, и она его тоже, а отец не соглашается на брак. Иван, русский богатырь, хочет перебить все войска Феодула Змейдола, самого в плен взять, а дочку забрать за себя в замуж. Но я вижу: конь коня краше, молодец молодца удалее.

Еруслан Лазаревич и ему дал несколько золотых монет и спросил:

— Скажи, пожалуйста, где Иван, русский богатырь?

— Поезжай прямо на восток, попадешь на конский след, там и найдешь! Завтра последнее будет побоище, и все войско перебьет или самого в плен возьмет, а дочку замуж возьмет.

Еруслан Лазаревич поспешил достать Ивана, русского богатыря. У ручья неподалеку увидал белую палатку и подъехал к ней. Видит — по-сказанному, как по-писанному: Ивана, русского богатыря, конь ест белоярову пшеницу. Еруслан припустил своего коня, Рош Вещего. Конь Ивана, русского богатыря, его коня послабее и отошел есть мураву-траву. Еруслан Лазаревич заходит в палатку, видит — спит Иван, русский богатырь, крепко-накрепко после такой работы. И не желая тревожить глубокого сна, лег и заснул крепко-накрепко. Иван, русский богатырь, просыпается и видит незнакомого гостя. Вышел из палатки и видит — его конь отгонен, а чужой конь кушает белоярову пшеницу. Заходит обратно и начал будить незнакомого гостя:

— Эй, вставай, бобыль или казак, или кто такой, и незваный, непрошенный... Залез, как дома на полати! Да вставай, тебе так даром не пройдет, поехали сражаться — кто кого, и концы в воду!

Еруслан Лазаревич говорит таковы слова:

— Иван, русский богатырь! Я не пойду сражаться до тех пор, пока ты не принесешь мне напиться холодной воды!

— Я, князь во князьях, богатырь во богатырях, да буду приносить какому-то бобылю или казаку холодной воды напиться? Это и в сказке не говорится!

А у богатырей была священная клятва: жаждающего напоить, холодного обогреть, голодного накормить. Еруслан Лазаревич отвечает Ивану, русскому богатырю:

— Ежели ты не принесешь мне напиться холодной воды, то я поеду по монастырям, по церквам, по городам, разнесу твое святое крещение (клятву), что голодного не накормил, жаждающего не напоил, холодного не обогрел.

Тогда Иван, русский богатырь, берет свой золотой кувшин и идет к ручью почерпывать холодной воды. Приходит и подает Еруслану Лазаревичу. Еруслан выпивает и говорит таковы слова:

— Вот что, Иван, русский богатырь, ты птицы не подстрелил, а перья щиплешь, а доброго молодца не узнал — его хулишь. Поехали сражаться!

Сели на коней и поехали. Не две тучи с тучей сходятся, не два орла дерутся, а то два могучих богатыря дерутся. Съехались, ударились друг дружке по ретивым сердцам — ни который на конях не пошатнулся. Разъехались второй раз. Иван, русский богатырь, так крепко ударил Еруслана Лазаревича, тот чуть на коне усидел.

Разъехались третий раз. Еруслан Лазаревич так крепко ударил Ивана, русского богатыря, тот улетел с коня как скопанный сноп, а Рош Вещий наступил Ивану, русскому богатырю, на ожерелье. Еруслан Лазаревич повортывает копые острым концом и говорит таковы слова:

— Смерть или живота, Иван, русский богатырь?

— Живота! У нас раньше с тобой ничего не было и после не будет!

Еруслан Лазаревич отвяртывает коня в сторону, сходит с коня и подымает Ивана, русского богатыря, за могучие плечи, — хотя тот старше по возрасту, называет его меньшим братом. Сели на коней и поехали в палатку. Припустили обоих коней к белояровой пшенице. Заходят в палатку. Иван, русский богатырь, достает бутылку коньяку, угощает гостя и выпивает сам. Когда они захмелели, тогда Еруслан Лазаревич спрашивает у своего меньшого брата Ивана, русского богатыря:

— Мой меньшой брат, Иван, русский богатырь! Я ехал и заехал на две силы-рати побитые. Интересно, кто их побил и за что побиты?

— Мой старший брат, побил точно я, а побил за то, что у царя Феодула Змейдола есть дочь Кандаула Феодуловна. Она такая красивая, что я без ней жить не могу, и завтра будет окончательное побоище: или я паду, или все войско его перебью, самого в плен возьму, а Кандаулу Феодуловну за себя возьму замуж.

Еруслан Лазаревич говорит таковы слова:

— Мой меньшой брат, Иван, русский богатырь! Царь Феодул Змейдол видит: ты у него побил два войска и еще побьешь, а если мало тебя, то я тебе пособлю. А почему понапрасну народ губить? Не лучше ли миром да согласием сойтись? И мне на свадьбе хорошо погулять. Завтра утром поедем двоима на ихны заповедны луга, я останусь под горкой, а ты поезжай в серединку поля и труби в рог, вызывай его на битву, он завтра будет сам командовать войсками. Ты выкинь флаг, который обозначает мирные переговоры, и поезжай, становись возле него конь с конем рядом и говори таковы слова: «Я у тебя побил две рати-силы войска и еще побью, а мало меня — еще у меня есть брат, который в десять раз меня сильнее, — мы двоима вас всех, как кур, передушим; не лучше ли миром да согласием сойтись?».

Наутро поехал Иван, русский богатырь, стал среди поля, затрубил в рог. Подъехал к нему царь Феодул Змейдол. Сказал ему Иван, русский богатырь:

— Я у тебя побил две рати-силы и еще побью, а мало меня — есть у меня брат, который в десять раз меня сильнее, — мы двоим вас всех, как кур, передушим; не лучше ли миром да согласнем сойтись?

В это время Еруслан Лазаревич подъехал. Царь Феодул Змейдол взглянул на Еруслана Лазаревича — так и обмер, и сразу согласился на брак. Повернули войско обратно и поехали в ихнее царство. На второй день назначили свадьбу. Еруслан Лазаревич сидел первым гостем, а когда Иван, русский богатырь, захмелел, то у своей жены, Кандаулы Феодуловны, спрашивает:

— Есть ли кто красивее на свете тебя?

— А как нет, — отвечает, — я слыхала, в городе... у царя...¹ есть три дочери. К ним надо ехать прямо на восток, они сейчас тридцать километров от своего города, им срочное задание — вышивать ковры золотом-серебром в срок. И я перед има, что ночь перед днем...

Иван, русский богатырь, еще спрашивает свою жену:

— А есть ли кто сильнее моего брата, Еруслана Лазаревича?

— Я слыхала, есть в Индийском царстве Ивашка-Епанча, Сорочинская шапка, тридцать три года стережет Индийское царство. Ни один зверь, ни одна птица, ни один богатырь не проезжал, не пролетал, всех бил наповал. Но мне кажется, что Еруслан Лазаревич будет посильнее.

Еруслану Лазаревичу это очень понравилось. Закончили свадьбу, и отправился Еруслан Лазаревич на восток, посмотреть этих красавиц. Ехал, ехал, ехал и наконец наехал на этот шатер. Сошел с коня, заходит в шатер и говорит:

— Здравствуйте, девушки!

А девушки встрепнулись все по углам, видя незнакомого гостя. Тогда Еруслан Лазаревич говорит таковы слова:

— Что вы, милые, меня испугались? Я не медведь! Сердце девичье силой не возьму!

Тогда девушки видят хорошего гостя, накрыли стол, налили по рюмочке себе красного, Еруслану Лазаревичу белого, — выпили. Еруслан Лазаревич предложил таковы слова:

— Кто из вас сможет после обеда пройти со мной по лугу, минут на пять?

Старшая была красивее Ивана, русского богатыря, жены, средняя была красивее старшей, а младшая — как ни в сказке сказать, ни пером описать. Старшая говорит:

— Еруслан Лазаревич, не могу я ни одной минуты угрожать для вас, срочно-срочно, в срок только успеваю вышивать ковер.

Средняя говорит:

¹ Название города и имя царя забыты сказителем.

— Я даже на одну минуточку опаздываю, не могу с вами пройтись!

А младшая говорит:

— А я, пожалуй, могу пройтись минут на пять.

Что и нужно было для Еруслана Лазаревича. Во время прогулки Еруслан Лазаревич спросил — ее Олей звали — у Оли:

— Оля, скажи мне, пожалуйста, есть ли кто красивее тебя?

— А как нету? Я слыхала, в городе Бибрии, у царя Варфоломея, есть дочь Анастасия. Она такая красивая, что я перед ней, что ночь перед днем.

Еруслан Лазаревич говорит таковы слова:

— А есть ли кто сильнее меня в настоящее время?

— Да, я слыхала, есть Ивашка-Епанча, Сорочинская шапка, он уже тридцать три года стережет Индийское царство и ни один зверь не пробежал, ни птица не пролетела, ни богатырь не проезживал!

Тогда подходит к палатке Еруслан Лазаревич, сел на коня и хочет поехать. Оля ухватила за ногу и говорит:

— Еруслан Лазаревич! Ты поезжаешь, а того не скажешь — когда вернешься ты сюда?

— А вот как съезжу в Индийское царство, царю поклонюсь, на обратном пути заверну и тебя заберу.

Пришпорил коня, и только пыль столбом. А Олечка заплакала и говорит про себя таковы слова: «Видно, Еруслан Лазаревич, я не по сердцу тебе пришла, если бы по сердцу пришла, то не уехал отсюда никогда!».

Еруслан Лазаревич подъезжает к Индийскому царству и не видит Ивашки-Епанчи, Сорочинской шапки. И хотел пришпорить коня — вдруг увидел Ивашку-Епанчу, Сорочинскую шапку: опершись на долгомерное копье, спит богатырским сном. Подъехал Еруслан Лазаревич к Ивашке-Епанче, ударил плеткой по шапке Ивашке-Епанче:

— Хороши сторожа стоя не спят, можно лежа выспаться!

Ивашка-Епанча просыпается и спрашивает:

— Чей ты сын, чьих родителей, куда едешь, куда путь держишь?

— Я из царства Картаусова, сын Лазаря Лазаревича, еду в Индийское царство, царю поклониться. У меня расправа такая: кто кого, и концы в воду!

Сели на коней и поехали сражаться. Не две тучи с тучей сходятся, не два орла дерутся, а то два могучих богатыря дерутся. Съехались, ударились друг дружке по ретивым сердцам — ни который на конях не пошатнулся. Разъехались второй раз. Ивашка-Епанча так крепко ударил Еруслана Лазаревича, тот чуть на коне усидел.

Разъехались третий раз. Еруслан Лазаревич так крепко ударил Ивашку-Епанчу, что тот улетел с коня, как скопанный сноп.

Еруслан Лазаревич повяртмивает копые острым концом и говорит таковы слова:

— Смерть или живота, Ивашка-Епанча?

— Живота! У нас раньше с тобой ничего не было и после не будет!

Еруслан Лазаревич сходит с коня, подымает богатыря за могучие плечи и называет его средним братом. Попрощавшись с ним, и поехал прямо ко дворцу. А когда такой сторож сильный стоит, ворота были открыты. Заехавши, привязал коня, зашел во дворец и низко-низко царю поклонился. Царь увидал такого прекрасного человека, вооруженного с ног до головы, и говорит таковы слова:

— Как ты сюда попал? Сухопутным путем, али морским, али с воздуха?

— Сухопутным путем.

— А как тебя Ивашка пропустил?

— А точно и он меня не пропускал, но я оказался посильнее, вот он меня и пропустил. А еду я к вам верой-правдой послужить.

Царь видит, что ежели Ивашка этого гостя пропустил, то он к нам не с добром приехал, и говорит таковы слова:

— Нет, нам не надо, у нас войн нету и мы не нуждаемся в службы.

Еруслан видит, что царь боится его, поклонился низко и отправился к коню, сел на коня и поехал дальше. Поехал прямо в город Бибрию, смотреть прекрасную Анастасию. Едет, а навстречу идет седой-преседой старичок. Еруслан, не желая отвернуть коня в сторону, хотел смять старичка. Старичок видит опасность, зажал одну ноздрю, другой фырнул, — Еруслан слетел с коня, как скопанный сноп, в канаву. Подошел [старичок] к Еруслану и говорит таковы слова:

— Ты молод, хороших родителей, едешь по хорошему делу, стань, садись на коня, прибавится силы вдвойне, но запомни: ни старого, ни малого не обижай, всегда дорогу им давай!

Еруслан сел на коня и поехал дальше. Ехал, ехал и вспомнил: «А вдруг Анастасия мне понравится и я захочу на ней жениться? А у отца с матерью благословения не спросился. Дай-ко, думаю, поверну коня на свою родину, спрошу у отца с матерью благословения, а потом можно и жениться».

Не доехал до своего царства, попадаетеся навстречу калека-старик, который служил у отца у егого конюхом:

— Стой, Еруслан Лазаревич, — говорит, — ты едешь, а ничего не знаешь! В ваше царство пришел Даниил Белый с тремя тысячами войска, много вашего войска перебил, а остальные заперлись в крепость. Даниил Белый решил ждать две недели, чтобы царь Картаус сдался со всем войском в плен.

Еруслан Лазаревич выслушал старика, дал несколько золотых монет, сказал ему большое спасибо, сам пришпорил коня и заехал

на заповедные луга, затрубил в рог, вызывает татаров на битву. Вдруг татары на Еруслана понесли стрелой. Еруслан выхватил копье, как махнет направо — пять, шесть, как махнет налево — три, четыре. Скоро добрался до Даниила Белого:

— Смерть или живота, Даниил Белый?

— Живота, у нас раньше ничего не было и после не будет. Отпусти только, пожалуйста, остальных домой!

— Кайся, будешь ли ходить сюда, на нашу родину, незван и некрещеный?

— Вот тут патриарх Никон стоит, каюсь при священнике: ни я, ни дети, ни внуки, ни правнуки не будем ходить непрошены, отпусти только, не бей нас!

Татары повернули в домашнюю сторону, а Еруслан Лазаревич подъехал к запертым воротам. Вдруг ворота открываются, царь Картаус несет хлеб на руках, встречая победителя, а Еруслан Лазаревич, незванный, непрошенный, выгнанный, сошел с коня и пал на колени и просит прощения у царя:

— Прости, царь-батюшка, что я незванный, непрошенный заехал сюда!

Царь Картаус не может найти таких слов, чтобы за победу отблагодарить:

— Нет у меня в царстве, — говорит, — таких подарков, которые ты заслужил. Есть у меня только единственная дочь, которую могу отдать за тебя замуж.

— Нет, — говорит, — царь-батюшка, я еще молод, зелено, погулять мне велено!

Царь Картаус назначает пир на весь мир в честь победителя. Музыка играет, пушки палят, гости пиво-вино пьют.

Еруслан Лазаревич живет таким образом дома целый год, а после этого спрашивает у отца с матерью благословения — ехать жениться. Отец с матерью приискали много-много невест, чтобы он только не ехал.

— Уедешь — обратно Даниил Белый придет и нас всех убьет! Мы стали старые вояки!

Еруслан Лазаревич говорит таковы слова:

— Даниил Белый больше не придет незванный, непрошенный, он каялся при священнике. А больше бояться нам нечего. Я поеду женюсь и приеду сюда!

После этого он собрался в путь-дорогу и поехал в город Бибрию. Не доехавши до города Бибрии, попадает тот же самый калека-старик:

— Стой, Еруслан Лазаревич! Едешь, а того не знаешь: уехал [ты] — подошел Даниил Белый с пятима тысячами войска, все войско ваше перебил, мать лютой смерти предал, у царя, отца и всех двенадцати богатырей, у всех глаза выкопал, и увез их, посадил в темницу.

Еруслан Лазаревич выслушал старика, дал горсть золотых монет, попрощался, повернул коня на свою родину. Приехал домой — одни головешки дымятся, ни души нету в городе, и повернул коня прямо к Даниилу Белому в царство. Заехал в царство — ребята играют в баски, спросил у них:

— Где темница, в которой сидят царь Картаус и двенадцать богатырей?

Ребята указали.

Еруслан Лазаревич поехал к темнице, дал сторожам несколько грошей и попросил разрешения зайти в темницу, подать узникам подать. Стража пропустила. Еруслан Лазаревич заходит в темницу и говорит таковы слова:

— Здравствуй, царь, отец и все двенадцать богатырей!

Царь спрашивает:

— Кто ты есть такой?

— Я, — говорит, — Еруслан Лазаревич!

— Не ври ты, — говорит царь. — Если Еруслан Лазаревич был бы у нас живой, то мы здесь не сидели!

Отец узнавает сына по голосу:

— Царь Картаус, это подлинно мой сын, Еруслан Лазаревич!

— А ежели твой сын Еруслан Лазаревич, то сослужи нам службу верную: за тридцать земель, в тридесятом царстве, у Огненного щита — Пламенного копья, в огне не горит и в воде не тонет, есть источник живой воды, которая исцеляет и заживляет.

Еруслан Лазаревич выслушал царя и сказал таковы слова:

— Все сделаю, только вы посидите здесь до меня!

Вышел из темницы, сел на коня и поехал дальше. День был жаркий, дорога была длинная. Еруслан истомился и решил отдохнуть. На поле стояла густая береза. Сошел с коня, лег и уснул крепко-накрепко, богатырским сном. А в это время ребята пришли домой и рассказали отцам, что какой-то с ног до головы вооруженный человек был в темнице.

Отцы пошли к Даниилу Белому и рассказали всё ему. Даниил Белый посылает послов в темницу удостовериться, кто был. Им ответили:

— Мы по слепоты видеть не видели, но сам себя называл Ерусланом.

Пришли к царю, доложили. Царь посылает триста всадников в погоню за Ерусланом и говорит таковы слова им:

— Если привезете живого, то не будете работать нигде, будете носить что хотите и кушать что хотите; привезете мертвого — заплачу большие деньги. А не привезете, не поймаете — пеняйте на себя!

Всадники поехали. Заехали на это большое поле и видят: Ерусланов конь ходит протой, а Еруслан Лазаревич спит крепко-накрепко богатырским сном. И говорят таковы слова:

— Сонного нам легко взять, победа будет за нами! Давайте враспынную, оцелим кольцом!

Оно так бы и случилось, но конь Еруслана, Рош Вещий, чуя погоню за хозяином, подошел к нему и крепко заржал над ухом. Еруслан Лазаревич просыпается, сел на коня и видит — за ним гонятся. Подпустил на расстояние пятнадцати метров и спрашивает:

— За кем гонитесь?

— За Ерусланом Лазаревичем!

— Я и есть Еруслан Лазаревич, но вы, друзья, вернитесь обратно: меня вам, как полетной птицы, не видать!

Пришпорил коня — только пыль столбом. Только всадники и посмотрели, где никого не осталось, и вернулись обратно пустые.

Еруслан ехал, ехал, ехал, пришла река — светлая-светлая вода, а там русалок полно. Манят Еруслана покупаться.

— Да некогда с вами заниматься, у меня поважнее дело есть!

И поехал дальше. Доехал до заповедных лугов Огненного щита — Пламенного копья. Дело было осенью, вышла луна, поле осветила. И что за чудо? Холм — и дышит. И когда разглядел, то одна голова, туловище лежит дальше. . . И закричал:

— Есть ли у этой рати кто жив человек?

Голова человечья отвечает:

— Есть, и подойди ко мне!

А в это время конь крепко затрясся и свалил хозяина с себя. Еруслан Лазаревич берет коня под уздцы и подходит к голове. Голова говорит:

— Прекрасный воин, чей ты сын, чьих родителей, откуда и куда и зачем путь держишь?

— Даниил Белый все войско царя Картауса побил, мою мать лютой смерти предал, у царя, отца и двенадцати богатырей глаза выкопал и всех в темницу посадил. Еду к Огненному щиту — Пламенному копью за живой водой!

А голова говорит:

— Меня зовут Рослабеем, я тоже богатырь. Меж глаз у меня помещалась калена стрела, меж лопатками — косая сажень, и то я остался без головы. Когда я, — говорит, — уехал свое царство осматривать, то Огненный щит — Пламенное копьё подошел в мое царство и забрал два города. Приезжаю домой и хотел сразу напуститься на него войной, но у меня есть брат, Карло Черномор, он маленький-маленький, у него борода — ни одна бритва, ни один нож, ни топор не берет без его разрешения. Он был очень начитан, говорит мне: «Нельзя пойти с одним копьём на него! Я слышал, за тридевять земель, в тридесятом царстве, ехать нужно к морю, на море на этом стоит остров Буян, на этом острове стоит столетний дуб. А под этим дубом есть меч-кладенец, только с этим мечом-кладенцом можно победить Огненного щита — Пламенное копьё». Тогда я, — говорит, — брату и говорю: «В чем

дело? Сядем на коней и поехали!». Приезжаем к морю, переплыли на конях на остров Буян, я раскачал столетний дуб, свалил его и достал меч-кладенец, и приехали обратно. Я пошел войной на его. Вот сначала понесли мы на мечах — я ссекнул ему справа налево, и он остался без головы, а прибежали его богатыри и говорят таковы слова: «Дай-ко, дай-ко ему раз, он такой у нас и есть!». Я ссекнул его второй раз, он ожил, а у меня отрубил голову. В это время подбежал брат Карло Черномор, выхватил мой меч и положил мне под голову. Без его разрешения моей головы никто ничем не возьмет, а ты как хороший сын, хороших родителей, едешь по хорошему делу, я сейчас приподыму голову, и ты возьми этот меч-кладенец. Но запомни: удара не повторяй!

Голова приподнялась, Еруслан Лазаревич забрал меч-кладенец, пристегнул его к поясу, попрощался с головой, выехал на заповедны луга. Увидал его Огненный щит — Пламенное копье и пошел войной. Сжег его, запалил огнем. Еруслан выкинул флаг, который обозначает мирные переговоры. Подъехал к Огненному щиту — Пламенному копью и стал конь возле коня, и говорит таковы слова:

— Огненный щит — Пламенное копье! Я приехал сюда не сражаться, не драть, разреши мне живой воды немного, за все за это я тебе заплачу!

— У меня расправа така: кто кого, и концы в воду. Посмотри на частоколе, сколько ваших голов — девяносто девять, ваша сотая. Поехали сражаться!

Сговорились на копьях. Не две тучи с тучей сходятся, не два орла дерутся — дерутся два сильных богатыря. Разъехались первый раз, съехались, ударили друг дружку по ретивым сердцам: ни который на конях не пошатнулся. Разъехались второй раз. У Огненного щита — Пламенного копья копье на три куса разлетелось.

— Крепко воюешь! Тридцать три года копье служило, а сейчас развалилось! Давай на мечах!

Съехались в третий раз. Еруслан Лазаревич как махнул справа налево — у Огненного щита — Пламенного копья голова прочь.

Прибежали ихни богатыри:

— Дай-ка, дай ему раз, он такой у нас и есть!

— Хватит одного, больше не встанет никогда!

Расчистил себе дорогу, доехал до источника живой воды, набрал пузырек живой воды, положил в карман и отправился обратно. Подъехал к голове, притащил туловище, смазал живой водой, Рослабей ожил. Пожал Еруслану руку и назвал себя средним братом:

— Еруслан Лазаревич, пожелаю тебе доброго пути! Поезжай, выполняй свою задачу, а я пойду в свое царство, доживать свой век. Когда все сделаешь и женишься, может навестишь когда-нибудь!

Еруслан попрощался и отправился в путь-дорогу. Приезжает к Даниила Белого царству, подъезжает к этой же темнице, сторожа стоят старые. Дает им несколько золотых монет и просит разрешения зайти в темницу, подать узникам подать. Заходит в темницу:

— Здравствуйте, царь, отец и все двенадцать богатырей! Сейчас я вас излечу!

Достал пузырек живой воды, смазал у всех глаза, и они прозрели. И говорит таковы слова:

— Вы сейчас посидите, а я пойду, расправлюсь с Даниилом Белым!

Вышел из темницы, сел на коня и отправился в ихны заповедны луга. Затрубил в рог, вызывает татаров на битву. Понесся Даниил Белый со своим войском на Еруслана Лазаревича. Еруслан Лазаревич взял в одну руку копье, а в другую меч-кладенец, начал махать на ту сторону, на другую, и скоро добрался до Даниила Белого. А остальные пали на колени и говорят:

— Ты будешь у нас царем!

Еруслан Лазаревич приказал связать Даниила Белого, велел развести костер, а за то, что он предал мать лютой смерти, достал нож, у рук и у ног отрезал пальцы, а самого приказал бросить в огонь. Обратился к народу и говорит таковы слова:

— Не я буду царем, а будет царем царь Картаус!

Подъехал к темнице, выпустил узников, и царь Картаус стал на престол. Еруслан Лазаревич пожил недели две и отправился в город Бибрию. Приезжает утром рано в город Бибрию, на каждой улице идет клич:

— Нет ли доброго молодца, чтобы [убить змея]: за три километра есть озеро, в котором живет трехглавый змей, он ходит, поедает с царства пять-шесть человек. Убьет старый — то царь будет кормить и обувать до смерти его и семью его; убьет молодой — царь будет его учить, а по смерти царем поставит, а убьет совершеннолетний и ежели он захочет жениться на еговай дочери Анастасии, царь отдает ее замуж и дает несколько городов с пригородками.

Еруслан слушал, слушал и решил поехать убить змея. Царю об этом доложили. Тогда телефонов не было, на трех километрах расставили всадников для сообщения о бое со змеем. Еруслан подъехал к озеру, берег был песчаный, затрубил в рог, вызывает змея на битву. Вдруг змей показался, полез на берег. Конь Еруслана так испугался, что свалил хозяина. В это время змей схватил Еруслана за ногу и потащил его в озеро. Велика была змеинная сила. Но Ерусланова больше. Схватил он за ту челюсть и за другую, расширив пасть освободил ногу, схватил меч-кладенец: раз! — головы нет; раз! — второй нет. Тогда змей взмолился человеческим голосом:

— Еруслан Лазаревич! Не отсекай у меня последней головы, не буду я больше ходить в город и есть людей. Буду в озере жить до смерти и питаться мышами да раками, а в честь того что ты у меня не отрубишь головы, — есть на дне озера бесценный камень, которому ни в каком царстве цены не найдешь, — подарю его тебе!

Змей его вынес на берег, и Еруслан приказал ему:

— Ныряй за камнем, а потом поговорим!

Через несколько минут змей вышел на гору, подает Еруслану Лазаревичу камень. Еруслан положил камень в карман и говорит таковы слова:

— Надоедят тебе мыши и раки, ты будешь ходить и поедать людей.

Схватил меч-кладенец и отсек последнюю голову. Когда дело было исполнено, по цепи пошло до царя, что победа оказалась за Ерусланом Лазаревичем. Еруслан Лазаревич подъезжает ко дворцу, царь-батюшка выходит с хлебом и говорит таковы слова:

— Пожалуйста, пожалуйста, Еруслан Лазаревич, в наши белокаменные палаты, хлеба-соли покушать!

Заходит Еруслан Лазаревич во дворец, на столах было приготовлено как на свадьбу. За одним столом, по ту сторону и по другую, были поставлены золотые кресла. На одно кресло посадили Еруслана Лазаревича. Царь налил всем по сту грамм, шарканулись и выпили за победителя. А потом говорит таковы слова:

— У меня было дано обетное слово: кто убьет этого змея в совершенных годах и хочет взять мою дочь Анастасию Варфоломеевну, то пожалуйста!

Тогда Еруслан Лазаревич говорит таковы слова:

— Царь Варфоломей Иванович! Я для вашей дочки много-много времени потерял, но наконец добрался, прошу показать!

Царь-батюшка уходит в Настенькины палаты и приводит ее под сеткой и садит напротив Еруслана на золотое кресло. И наливает по рюмке вина, подносит всем гостям. Когда Анастасия начала пить рюмку, то откинула свою сетку совсем. В это время Еруслан Лазаревич как глянул на нее, сердце сразу и замерло. А Анастасия как глянула на Еруслана, чуть в обморок не упала. Бал продолжался недолго, Анастасию увели. Тогда царь Варфоломей Иванович спрашивает жениха:

— Как понравилась моя дочь, Анастасия Варфоломеевна?

Еруслан отвечает:

— Папа, если бы я ей был по сердцу, то очень-мы были бы счастливые люди!

Тогда царь уходит к Анастасии спрашивать, понравился ли ей Еруслан Лазаревич?

— Анастасия Варфоломеевна, как вам понравился Еруслан Лазаревич?

— Папенька, папенька, миленький мой, если я пришла бы ему по сердцу, то мы были бы очень счастливые люди!

Царь вернулся обратно, назначил свадьбу на второй же день. Подвыпивши, Еруслан Лазаревич спрашивает у своей дорогой жены:

— Есть ли кто на свете красивей тебя?

— Точно не скажу, но я слыхала, есть в Солнечном городе, зовут Пульхерия, она не столько красотой обладает, сколько колдовством.

— А есть ли кто сильнее меня в настоящее время?

— Нету никого!

После свадьбы царь Варфоломей дал несколько городов с пригородками, чтобы охранять ему. Не прошел и год — Анастасия была в положении, а Еруслану вера посмотреть Пульхерию. Говорит таковы слова:

— Анастасия Варфоломеевна! Мне нужно съездить в Картаусово царство, навестить отца, а затем привезти его сюда.

— Еруслан Лазаревич, ты уезжаешь, а я в таком остаюсь положении!

— А вот что, дорогая жена: долго не приеду, родится сын — на вот мой перстень именной, отдай ему, родится дочь — вот тебе этот камень, которому цены нет.

Сел на коня и поехал в путь-дорогу. И заехал к Пульхерии. Пульхерии он очень понравился. Не хотела его отпустить. Живет год, а думат — день. Таким образом прошло двенадцать лет. У Анастасии Варфоломеевны родился сын, долго мать не давала имени, до приезда отца. Не могла дожидаться отца, нарекла ему имя отцовское — Еруслан Ерусланович. Еруслан Ерусланович рос не по дням, а по часам. Был он так силен — не хуже отца. И как-то через ребят узнал, что его отец уехал к своему отцу и обратно не вернулся, прошло двенадцать лет. Стал просить неотступно мать:

— Отпусти меня, милая мама! Отыщу я отца, не живого, там мертвого, а мертвого — так кости привезу и похороню здесь.

Тогда Анастасия пришла к своему отцу, обтолкавали с отцом все это дело, и отпустила сына разыскивать отца. Сын одел доспехи все военные — силы было не меньше отца. Заехал он в первую очередь к Ивану, русскому богатырю, померялся силами, оказался сильнее его. Иван, русский богатырь, шлет записку отцу, благодарит за сына за такого. Съездил в Индийское царство, померялся силами с Ивашкой-Епанчой, Сорочинской шапкой, свалил его. Ивашка пишет отцу, благодарит за сына за такого. Побывал и у Росламбея — тот тоже пишет отцу, благодарит за сына за такого. Заехал в Картаусово царство, там не оказалось отца. На обратном пути заехал на заповедные луга к Пульхерии.

Пульхерия очень хорошо знала, что заехал его сын. Послала своего богатыря, чтобы прогнал Еруслана Еруслановича с запо-

ведных лугов, чтобы не топтал травы. Приехал богатырь, развехались, — так Еруслан Ерусланович прищипнул богатыря, что тот улетел, как скопанный сноп, с коня, улетел и больше не дышит. Пульхерия, видя такое дело, послала самого крепкого своего богатыря прогнать молодого человека. Еруслан Ерусланович так утнул его копьем, что он улетел с коня, как скопанный сноп. Тогда Пульхерия посылает отца прогнать молодого человека. Когда Еруслан Ерусланович поехал искать отца, то мать дала ему именное кольцо, одела на палец.

Не две тучи с тучей сходятся, не два орла дерутся — то отец с сыном дерутся. Развехались первый раз, ударились друг дружке по ретивым сердцам, ни который на конях не пошатнулся. Развехались, второй раз сын так отца дернул, что тот чуть в седле усидел. Развехались третий раз, отец так крепко ударил своего сына, тот улетел, как скопанный сноп, с коня. Рош Вещий наступил ему на ожерелье. Отец повернул копье острым концом и наставил его на грудь и спрашивает молодого человека:

— Смерти или живота, молодой человек?

Сын захватился за копье правой рукой, отец увидел свое именное кольцо.

— Отпустишь, молодой человек!

Отвернул коня в сторону, сошел с коня, поднял молодого человека за могучие плечи и спрашивает у него:

— Откуда ты взял это кольцо?

Еруслан Ерусланович рассказал отцу все, откуда и что произошло. Прижал отец к своим объятиям, крепко целовал, сели на коней и поехали к своей дорогой жены и к мамы Анастасии Варфоломеевны, даже не посмотрел в ту сторону, где он жил двенадцать лет. Когда приехали домой, было очень радостно. Царь Варфоломей не через долго скончался, на престол вступил Еруслан Лазаревич. Но так как он был малограмотный, было тяжело управлять. Через несколько годов заболел и помер. Анастасия долго болела по смерти отца и тоже скончалась.

Заступил на престол Еруслан Ерусланович. (Царем стал, богатырем больше не был). Живет, поживает, добра наживает. Сказка вся, боле сказать нельзя.

82. Мать-львица

Жили-были в некоторое время царица, и у ней был сын Иван. У них работали судомойки, посуду убирали, девушек много, работницы. И вот Ивану одна из них сильно понравилась. Она была очень красивая, но бедных родителей, и он несколько раз обращался к матери с просьбой, чтобы она разрешила жениться на Кате. Но мать ему отказывала, находила ему невесту богатую. Но сын отказывался жениться на богатой. Таким образом прошло

много годов, и мать разрешила ему жениться на Кате. Они друг друга любили очень крепко. Катя когда за царевича вышла замуж, то она считалась как царица. Она всех принимала, богатого и нищего.

Свекровь за это ей не любила. Однажды царевичу приснился сон: как будто у него в саду жила одна птичка и она вывела два птенца, прилетел орел, схватил одного птенца и унес; мать сильно отбивалась, но отнять не могла. Тогда эта птичка унесла этого, [второго], птенца из его сада, и сад опустошел.

Царевич наутро позвал всех ахальцев разгадать ему сон. Много приходило, но разгадать не могли. А пришел семидесяти лет старик с большой бородой и говорит таково слово:

— Царевич Иван! У тебя будет в семье большое несчастье, и ты будешь грустить много-много времени.

Царевич обозлился и хотел убить старика, но старик ему ответил:

— Через несколько времени, если это не случится, то я приду сам к тебе, потом меня накажи.

Царевич согласился и отпустил старика.

Прошло года два. Катя была в положении. В это время царевичу нужно было ехать по всему царству месяца на три. Попрощался с Катей, снял с руки свое именное золотое кольцо и отдал его Кате. А сам уехал. Во время отсутствия сына мать-царица, ненавидя невестку, наварила склянку яду, якобы для того, чтобы сын приехал и поверил своей матери, что Катя наварила этот яд для мужа, отравить его хочет, чтобы сын прогнал Катю.

Поставила эту склянку за шкаф. Немного до его приезда Катя родила два близнеца и назвала одного Колей, а другого Сергеем. Лежала в своей спальне. В это время царевич приехал, тогда мать подала из-за шкафа эту склянку с ядом и говорит таково слово ласковое:

— Вот, сын, все у меня не верил, что твоя жена хочет меня уничтожить. Посмотри в этой склянке, что она наварила для мужа! Выпьешь хоть полстакана и сразу помрешь!

Тогда царевич разгневался на свою жену и приказал посадить ей в темницу. Так было и сделано, Катю посадили в темницу. Наутро царевич проснулся, приказал запрячь лошадей и отвезти ее в дремучий лес, там бросить. Так было и сделано. Отвезли в дремучий лес и отпустили ей на волю, с детьми. По доброты дали Кате на дорогу денег, а сами вернулись обратно, доложили царевичу все, как было, что сделано. А Катя взяла на ту руку да на другую своих сыновей и пошла куда глаза глядят. Истомивши, у одной скалы, в тени, накормила своих детей, положила по ту сторону и по другую, и все трое заснули. В это время неподалеку была лавица. Подобралась потихоньку, схватила Сергея и выскочила на эту скалу. Проснулась сразу мать, бежала долго за лавицей, но лавица скрылась из глаз, тогда [Катя] прибежала, схва-

тила Николая и пошла дальше. Катя идет дальше и набрела на эту пещёру, заходит в пещёру, а там сидит старый-старый старик.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, царевна Катя!

— А как ты меня знаешь, дедушка?

— Давно, Катенька, знаю, так оно и должно быть; я знаю, что ты должна прийти сюда ко мне.

И рассказал ей все, что случилось. А затем и говорит ласково слово:

— Будешь жить у меня здесь в пещёре. Я буду снабжать вас продуктами.

Долго Катя жила, годов пятнадцать прошло. Сын Николай сильный-сильный рос. Дед купил ему рогатину и научил его, как ходить на медведя. Николай ходил и бил сразу наповал медведей. В одно прекрасное время старик пришел из города и говорит таковы слова:

— На твоего царевича один король идет войной!

В это время когда царевич прогнал свою жену, он не мог найти себе покоя ни днем, ни ночью. Вспомнил тогда старика, что старик рассказал ему сон-правду. А старик когда уходил в город, сын Николай возвращался с охоты и заставлял свою мать в слезах. Она что-то смотрела, а при входе сына прятала на грудь. Сыну никогда не говорила. Сын Николай узнал, что на ближнего царевича идут войной, стал неотступно просить свою мать отпустить его на войну. Мать не хотела его отпускать. Утерjala мужа, утерjala сына, — последнюю свою утеху и то могут убить. А старец ей сказал:

— Не горюй, дорогая, отпустим его на войну. Завтра пойду в город, возьму ему винтовку и патроны и все доспехи солдата, и я его провожу к этому царевичу!

Так было и сделано. Этот старик Николая привел к царевичу, назвал его имя и сказал, что идет добровольцем. Когда царевич посмотрел на Николая, то ему очень он понравился. Он призвал одного генерала, велел обучить его за две недели на полковника. Когда Николай сдал курсы, то дали ему полк пехоты, управлять ею, и отправили на войну.

А в это время шли заморские купцы из-за моря с заморским товаром и дошли до острова Обитань. Погода была тихая, и капитан захотелось полюбоваться, выехать на этот остров, посмотреть, что за остров Обитань. Но капитан сам не поехал, но послал несколько человек посмотреть, что за остров. Когда матросы прибыли на остров и пошли осматривать остров, увидали на острове львицу и голого человека, испугались, вскочили в лодку и прибыли на корабль, рассказали капитану, что на острове случилось. Капитан отправил самых смелых матросов и велел забрать голого человека. Когда приехали на остров, позвали этого человека к ним ехать, но языка не понимает, смысл дела понимает, и отправился

к ним. Лъвица идет за ним. И он показывает, что у меня нету одежды, у вас есть одежда, а я голый. Тогда эти матросы вернулись обратно, забрали одежду и вернулись на остров. Положили одежду на холмик, а сами отошли в сторону. Человек понял, что они боятся здезя, и поманил их, что принесите сюда одежду. Один матрос не боялся ничего, взял эту одежду и отнес голому человеку. Лъвица его не пошевелила. Это был Сергей. Но он не знал, как его звать. Когда Сергей пошел с ними, и лъвица [пошла] с ним, и [он] показал им: «Без лъвицы я не могу ехать. Если возьмете меня, значит надо взять и лъвицу».

Матросы вернулись на корабль, рассказали капитану, что так и так, надо взять его и лъвицу. Капитан согласился, тогда матросы поехали за находкой. Капитан в это время построил клетку для лъвицы на корабле. Приехали на остров, зашел человек в шляпку, а за ним и лъвица. Лъвица даже не пошевелилась, как человек. Лъвицу посадили в клетку, надавали ей кушать, а Сергея повели в баню, намыли в бане, побрили. Капитан спрашивает:

— Чей ты сын, чьих родителей и как ты попал сюда?

А человек отвечает, что не понимаю; показывает им, что у меня мать лъвица, больше я не видал людей.

Судно отправилось дальше, капитан приставил самого наилучшего учителя — научить его говорить по-русски. И как угадали — дали ему имя Сергей. От острова Обитань плыли они две недели до того места, где жил их отец. Пристали купцы к царевичу, забрали заморских товаров показать, что за товары за морем. Царь принял их от души:

— Товары, — говорит, — сильно хорошие, а еще чего не видали ли, не слышали ли?

Капитан отвечает:

— Много на судне плавал, много чудес видали, а такого чуда не видывали. Плыли по морю и пристали к острову Обитань посмотреть, что на острове творится? И на этом острове обнаружили лъвицу с молодым человеком.

Царевич сразу им сказал:

— А ну-ка, покажите свою находку!

Не очень желательно было показать им, но царская воля, ничего не поделаешь. Пришли и сказали Сергею, что царевич хочет вас увидеть. Ну, Сережа говорит:

— Как же, я по-русски плохо понимаю, меня могут наказать.

— А ничего, не бойся!

И привели Сергея к царю, к царевичу. Как царевич взглянул на Сергея, так сразу повеселел, все от души отпало, и говорит таково слово:

— Вы плывите дальше, а находку эту я вам не отдам, сколько стоит, я вам заплачу!

Тогда построили большую клетку лъвице, а к Сергею приставили генерала одного, обучать его кавалерии, кавалеристом быть,

и то же самое — через две недели Сергей сдал курсы на полковника. Ему вручили конницу, и он выехал с другой стороны Николая, с правого фланга. Николай работал с левого фланга.

В это время королевское войско сильно напирало и неподалеку было от царства царевича. И вот, когда Сергей подъехал и ударил с правого фланга конницей, началась страшная бойня. Может быть, им и не выстоять было...

Львица, не видя хозяина долго, выскочила из клетки, по духу своего хозяина быстро примчалась на поле боя, вышла наперед, стала на задние лапы да так громко три раза вскричала, что королевское войско повернуло обратно, а когда королевское войско повернуло обратно и было в панике, Николай с левого фланга крепко рубил их, а Сергей преследовал противника долго-долго. И разбили королевское войско в пух и прах. Когда битва закончилась, то сошлись два полковника друг с другом и, крепко руки пожали.

Сергей говорит Николаю:

— Ну, крепко, Николай, ты дрался!

А Николай ему отвечает:

— А кабы не ты и не ваша кавалерия, а кроме того не львица — нам бы не одолеть врага, он очень сильный! Спасибо тебе за твою львицу!

— А эта, — говорит, — львица — моя мать! А ты откуда племенем?

Николай рассказал ему, что отца у меня нету, одна мать, и та далеко отсюда живет, в пещёре; может быть, сейчас уже померла.

Когда вернулись обратно в царство, царевич дал пир на весь мир. В это время одному генералу приснился сон (у него была единственная дочь, больше никого не было): сколько женихов ни будет приходить свататься на его дочери, не отдавай ни за кого ее замуж, а когда-нибудь будешь сидеть на балу, тебе самому жених понравится, и за этого отдай; эти молодые будут очень счастливые. Генерал так и делал. На этом балу, значит, присутствовал и этот генерал. Царь налил богатырям по чары вина. И вот просит гостей выпить за победу, и они выпили. А когда Николай походил на войну, то мать дала отцовское именное золотое кольцо. Когда Николай подымал чару и пил, царевич обратил сильное внимание на это кольцо и стал присматриваться к нему. Царевич налил ещё по чары. Этому генералу понравился Сергей, и генерал попросил царевича разрешить слово, и обратился к молодому человеку, Сергею, к полковнику:

— Откуда, товарищ полковник, вы родом-племенем?

Сергей отвечает:

— У меня нет ни отца, ни матери. Мать у меня — вот этот мохнатый зверь, львица.

Генерал ответом был очень доволен. Царевич поднял по этой чары и обратил на Николая большое внимание. Когда они конулись и выпили чары, царевич обратился к Николаю с просьбой:

— Молодой человек, товарищ полковник! Скажите, пожалуйста, мне, где это кольцо вы взяли?

Николай рассказал царевичу, что не так-то сильно далеко есть у него единственная мать, живет в пещёре со стариком семидесяти лет, откуда я пошел на войну, и мать дала мне это кольцо.

— Разрешите, товарищ полковник, мне это кольцо посмотреть настояще!

Николай снял кольцо и подал царевичу. Посмотрел на это кольцо царевич и громко заплакал.

— Вот, Николай! Это кольцо, — говорит, — мое, и мать жива! Ты мой сын! Господа гости! Бал прерываю, а ты, Николай, бери несколько человек конницы и моего коня лучшего со седлом со всем, возьми денег с собой и отдай эти деньги старику, а свою мать посади на моего коня и охраняй ее как зеницу ока, привези сейчас же сюда!

Николай так и сделал. Сели на коней и поехали к своей матери, поскакали. Когда стали подъезжать к пещёре, то мать ходила около нее, увидела всадников вооруженных, испугалась, что за ней едут, узнали, где она живет, и хотела проскочить в пещёру. Но сын стоял уже наперед. Соскочил с коня и крепко целовал мать. Рассказал царскую волю, и мать согласилась. Деньги отдал старику, попрощался со стариком, поблагодарил его, посадил мать на отцовского коня, и вернулись к царевичу. Царевич сильно обрадовался приезду жены, посадил ее за стол, позвал стражу и приказал страже отвести свою мать в темницу, посадить до утра. Лишь тогда начался бал. Царь налил рюмки и пьет за приезд матери-царевны. Когда мать целканулась со своим сыном Сергеем, то у ней сердце так и обмерло, — якобы ейный сын; и сразу попросила слова у царевича:

— Царь-батюшка, разреши мне-ка поговорить с молодым твоим полковником! Товарищ полковник, скажите, пожалуйста, откуда вы родом-племенем?

— Царевна-матушка, у меня нет ни отца, ни матери. Мать, — говорит, — у меня львица.

И как сказал эти слова, что мать у него львица, царевна Катя пала в обморок. Но не долго пролежала, она очнулась, обняла своего сына Николая, а потом крепко целовала своего сына Сергея.

— Вот, — говорит, — муж-царевич, сейчас вся наша семья здесь за столом. Когда меня отвезли и бросили в лес, то эта львица у меня утащила Сергея!

После этого было очень весело и пили еще очень долго, до самого утра, а наутро царевич приказал разжечь костер и бросить

свою мать на этот костер, сожгать ее за неправду. Этот генерал обратился к Сергею и рассказал ему все, что случилось с еговым сыном. Сергей посмотрел невесту, и ему она очень понравилась, и он на ней женился. Была сильная-сильная свадьба.

Николай женился на второй год, тоже на хорошенькой девочке. Две недели музыка играла, пушки палили. После матери заступил царевич Иван на престол, стал жить-поживать и добра наживать, до сих пор живет, и нас переживет.

Сказка вся, боле сказать нельзя.

83. Оклеветанная девушка

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были два брата — Иван и Андрей. Андрей был бедный, а Иван был богатый. У Андрея было много ребят, а у Ивана сын да дочь. Дочь звали Катей. Иван торговал товаром не сам, а нанимал продавцов, свои лавии имел. И вот как-то Ивану нужно было ехать в город за товаром. Он пошел к брату Андрею и говорит:

— Брат Андрей! Не желаешь ли со мной ехать в город? Я тебе заплачу!

Пора была горячая, нужно хлеб снимать было, Андрей не согласился ехать. Тогда Иван говорит:

— Ну, — говорит, — хорошо, я оставляю дочь Катю, она будет деньги принимать, а сына возьму с собой. Ты, — говорит, — над ней посмотри, она молодая, чтобы чего не получилось плохого.

Андрей согласился. Иван забрал денег и поехал с сыном в город закупать товару. А у Ивана поп мылся в бане. Пришла суббота, и он пришел к Кате и говорит таково слово:

— Катенька, милая, мне не истопишь ли баенки, давно я не мылся?

— А почему, батюшка, не истопить? Пожалуйста! К сколько часам?

— К пяти вечера!

Поп уходит, а Катя принялась за свои дела, топить начала баню, к пяти часам баня была готова. Поп приходит и говорит Кате таково слово:

— Катюша, — говорит, — я помоюсь в бане, ты не придешь, не помоешь ли спины?

— Почему, батюшка, не так, — идите, мойтесь, я сейчас прибегу!

Катя приходит в баню, налила ему таз воды, намылила мыльную пену и начала мыть спину. Катя была красивая-красивая девушка. Схватил поп Катю и хотел поцеловать. А Катя схватила ковшик, зачерпнула горячей воды и бац попо этой водой. Попа она ошпарила, и поп со стыду, не одевши белья, убежал нагишом домой. Подкупил брата Андрея, и написали отцу очень плохое письмо, что Катя у тебя занялась очень плохими делами: сколько

твой сын не торгует денег, все деньги прокутила. И отправили гонца с письмом к брату Ивану в город. Гонец прибыл в город, нашел Ивана, Иван прочитал письмо и отправил гонца обратно. А вот в это время не хватило у Ивана денег на закупку товаров, тогда он посылает своего сына Сергея подкараулить, кто ко Кати ходит и сколько у ней денег — привезти отцу. Сергей так и сделал. Приехал поздно вечером, посмотрел в окно: Катя сидит, считает деньги, никого больше нет. А отец еще Сергею говорил таково слово:

— Если денег нету, отруби у ей голову и эту голову привези ко мне.

Сергей и Катя любили друг дружку крепко очень. Сергей видит, что у Кати нет никого, постучался в дверь, и Катя открыла ему дверь. Ничего ей плохого не сказал, только сказал: «Отец велел забрать денег и привезти тебя тоже в город». Утром Катя опечатала магазины, товар был на исходе, нечем торговать, собралась, сели на коня и поехали. Дорогой Серега ей все рассказал, что отец велел ему сделать:

— Так, — говорит, — сестра, тебе смерть и другойк смерть. Не я тебе отрублю голову — отец отрубит у тебя. Возьми с собой денег и иди на все четыре стороны, куда глаза глядят. А я поеду дальше, поймаю собаку или куплю, отрублю ей голову и заверну в тряпки, а сам скажу, что отрубил у Кати голову.

Катя распрощалась с братом и пошла куда глаза глядят. А Сергей поймал собаку, отрубил у ней голову и эту голову замотал в тряпки и привез отцу:

— Вот тебе деньги, и я у Кати отрубил голову, куда ей девать?

— Иди, отнеси в галюн, брось туда ей!

Закупили товару и приехали обратно. Ни слуху, ни духу, об Кате ничего не говорят. А Катя в это время все шла да шла и, наконец, зашла в сильно глухой лес. Там и заблудилась, не зная, куда пойти дальше. Увидала — стоит пенек толстый. А пенек этот был с дуплом, выстала на этот пенек — ничего не видать нигде. Она обсилила страшно, спустилась на сучки, что были внизу дупла, сучки сломались, и она пролетела в дупло до самой земли.

В это время молодой королевич охотился с двумя собаками (молодая и старая) и услышал сильный лай. Подошел к этому пню — собаки лают на пенек. Кругом все обсмотрел, осмотрел и ничего не видит. Ну, думает, собаки попусту, кто-то был на пню и улетел, либо убежал, и пошел домой обратно. А собаки не пошли за ним, и так старая собака до утра не пришла. Сам думает: «Как же так? Останется в лесу, так все равно — позже, да придет домой, а сейчас до сих пор ее нету. Дай-ко, — думает, — возьму ружье и молодую собаку и пойду поищу, где та собака пропала?».

Пришел в то место, старая и молодая обратно лают на пенек. Тогда королевич взял топор и стал понемножку рубить, скалывать,

щель делать. Когда дырочку он сделал небольшую — показавшись юбка женская — вроде человек! И стал он аккуратно скалывать, большую дыру делать. Когда сделал большую дыру, оттуда достал девушку. Она была грязная, испуганная вся и тощая. Взял ей на плечи и унес ее домой.

— Вот, — говорит, — мама, у меня подарок есть. Я сегодня ходил на охоту...

И рассказал, где и как достал ее, и попросил мать свою истопить баню и вымыть ее дочиста и переодеть в белье. Когда в бане ее помыли, учесали, королевичу она сильно понравилась, и он решил на ней жениться.

Жили-пожили, и у них родился сын, называли его Колей. Когда сыну исполнилось три года, королевичу нужно было ехать осмотреть свое королевство, месяца на два в путь. Он приказал генералу, чтобы тот присматривал за Катей и за сынишкой Колей, а скушно будет — прокатите ее. Королевич уехал по своим делам. Генерал с бричкой стал наблюдать за Катей. Ему Катя сильно понравилась, и он решил: что-то нужно сделать, чтобы Катю забрать к себе. И придумал такую штуку (у него был кучер Иван, у этого Пешки, генерала). Вот он приходит в одно прекрасное время ко Кати (а мужа долго не было). Генерал хотел убить сына ее, что муж придет — прогонит ее, разгневается. Тогда генерал приходит и говорит:

— Давай, Катюша, прокатись с Иваном завтра по городу, посмотри, какой он есть, и вся скука, может быть, пройдет.

Тут карета подкатилась, и Катя с сыном сели в эту карету. А когда королевич поехал, то одел свое именное кольцо ей. Она его взяла с собой. Кольцо было золотое. У Ивана была запряжена тройка рысаков. Когда они проехали город и выехали на горку, Иван схватил кинжал и заколол Колю, и крепко наказал Кате:

— Если только что скажешь, будет тебе и королевичу смерть!

Дорога была асфальтная. Катя видит такое дело, взяла это кольцо и пустила по асфальту. Ванька-кучер увидал это кольцо, соскочил с кареты вдогонку за кольцом, а кольцо все дальше и дальше. А Катя в это время повернула рысаков в обратную сторону, проехала город и заехала в глухой лес. Неподалеку жила ее тетка. Приходит она к этой тетке. Тетка ее не узнает — ну, она в королевском во всем, королева. Рассказала все тетке, что произошло, и крепко наказала ничуть никому ни звука, что я тут у тебя живу и я живая.

— Найди, — говорит, — мне мужскую одежду, и я пойду к своему отцу в работники даваться или к его брату.

Тетка ей нашла мужскую одежду, и Катя отправилась к своему отцу, к Ивану, просить работы. Приходит и говорит таково слово:

— Иван, — говорит, — не нать ли тебе работника? Я дешево наймусь тебе работать.

А у Ивана в это время торговля шла на большой налеч. Иван ему отказал. Только подсказал:

— Вот, иди к моему брату Андрею, у него семья большая, работать некому, он, может быть, возьмет из-за хлеба работать.

Катя сама себе имя дала: Иван. Приходит к брату Андрею, тот из-за хлеба взял Ивана работать. Иван чуть не круглые сутки работает, и пол вымоет, и воду наносит, и хорошие сказки ребятам расскажет, да такие сказки чудесные, что и нам не рассказать. Андрей не может работником нахвалиться. А когда Катя работала у Андрея, то с братом Сергеем они сговорились, она рассказала ему все, что было, не велела ему ничуть никому говорить. Брат Сергей снабжал ей всем. И через долгое время отец Иван стал именинник. А этот королевич и генерал Пешка были знакомы Ивану, и они гостились. Посылает Иван своего кучера звать их в гости, и попа, и Андрея, и этих товарищей на стакан чаю. Когда все гости собрались, начался бал. А когда захмелели, то стали хвастаться друг перед дружкой, кто чем мог. А Андрей и говорит:

— А вот у меня работниц есть, Иван, такие чудесные сказки знает — ну, вас всех рассмешит!

А королевич, значит, был как приехал (жены нет, и сказали, что она померла и сын тоже), был в невеселом настроении.

— Меня, — говорит, — никак не рассмешишь сказками!

И начался у них спор. Все согласились позвать Ивана, чтобы королевича рассмешил все-таки. Послали Сергея звать Ивана. Сергей пришел и рассказал сестре все. Катя Сергея отправила:

— Скажи, что Иван сейчас будет!

Иван приходит туда. Ивана-отца поздравил с днем рождения, как обычно, остальных всех — с именинником, и сел на стул за стол. Налили ему рюмочку, Иван выпил. Тогда именинник говорит:

— Ну, Иван, расскажи нам такую сказку, чтобы королевич рассмеялся!

— Могу такую сказку рассказать, чтобы королевич рассмеялся. Но только с уговором: кто только поперечит, чтобы голову отсекчи у того!

Все согласились. Иван стал рассказывать:

— Жили-были два брата — Иван и Андрей. Иван был богатым, а Андрей был бедный. У Андрея было много ребят, а у Ивана дочь Катя и сын Сергей. Когда у Ивана товару мало стало, то он пришел к своему брату, попросил его помочь. Брат Андрей отказался. Тогда Иван поехал с сыном Сергеем в город закупать товару, а перед поездкой наказал брату Андрею посмотреть за Катей; Катя молодая, чтобы чего не случилось плохого. А у Ивана всегда мылся батюшка в бане, и когда отец с сыном уехали в город, то батюшка пришел к-Кате и говорит таковы слова: «Катюша, не истопишь ли батюшку баенки?». Катюша согласилась, баню истопила, и батюшка сказал Кате: «Катя, не придешь ли и не помоешь ли спинки?». И Катя на это согласилась.

помыть спину у батюшки. Когда зашла в баню, спину вымыла у батюшки, батюшка схватил Катю и хотел поцеловать...

А поп в это время:

— Стоп, врешь!

— Что я говорил?

Королевич схватил шашку и отрубил у попа голову.

— Катя схватила ковшик горячей воды, облила его с ног до головы, обварила его, и поп убежал нагишком домой. А затем подкупил брата Андрея, и они написали ее отцу письмо очень нехорошее...

Андрей говорит:

— Врешь!

— Что я говорил?

Королевич схватил шашку и отрубил голову у Андрея.

— И тогда они послали гонца с этим письмом отцу Катиному. Отец прочел это письмо и послал брата Сергея, чтобы Сергей денег привез сюда, а у Кати отрубил голову. Катя наутро опечалата магазины, забрали денег и поехали к отцу. Сын Сергей рассказал Кате все и не стал секчи у ней головы, а отпустил на все четыре стороны. Катя шла, шла, шла и вот заблудилась в частом-частом лесу. И вот набрела на один здоровый пенё, полунутрый. (Королевич насторожился, как это Иван все знает?). Выстала на этот пенё посмотреть, не видать ли где огонька. Выстала на пенё и не увидала нигде огонька. Обсилена, она спустилась в пенё, не замогла на сучках повеснуть и на руках, сучки сломались, и Катя улетела в дупло, вниз. А в это время королевич ходил на охоту с двумя собаками. Разрубил этот пенё и вытащил оттуда Катю. Ввалил на плечо и унес домой. Вымыл в бане Катю, и королевичу страшно она понравилась, и он решил на ней жениться. (Все насторожились, никто ничего не говорит и Кате не перечат). Прожили они три года, у них родился сын Коля. В это время королевичу надо было ехать месяца на два, осматривать свое государство. Генерала Пешку он оставил посматривать за Катей, чтобы не скучно было Кате. А генералу Пешке Катя сильно понравилась...

Генерал Пешка:

— Что ты врешь!

— Что я говорил?

Королевич схватил шашку и отрубил у генерала Пешки голову.

— В один прекрасный день генерал Пешка предложил Кате с сыном прокатиться по городу на тройке рысаков. Катя согласилась, взяла с собой именное мужнино кольцо. Их повез кучер Ваня. Проехали они город и выехали на горку. (А Иван-кучер сидел за столом тоже). Иван-кучер схватил кинжал и Колю за-колол...

Кучер говорит:

— Врешь!

— Что я говорил?

Королевич схватил шашку и отрубил голову кучеру Ивану.

— Катя видит такое дело, спустила мужнево кольцо по асфальту, кольцо покатилося. Кучер Иван бросил лошадей и побежал за ним. Тогда Катя повернула рысаков обратно, проехала город, заехала в дремучий лес, бросила лошадей и пришла к своей тетке Анне, и там и жила.

Тогда, значит, королевич и отец Катин стали неотступно просить Ивана, не знает ли он, где живет дочь Катя и жена королевича? Иван отвечает:

— Знаю, недалеко живет она!

Стали неотступно Ивана просить:

— Иди скорее, пригласи ее сюда на бал. Денег даем тебе столько, сколько тебе надо.

Иван пообещал вернуть Катю через десять минут.

Иван пришел к тетке Анны, рассказал ей все, что случилось, дал ей денег и не велел ничего говорить. Переоделась [Катя] в королевское платье и пришла к отцу на именины. Поздравляет отца с днем ангела, остальных всех с именинником. Была такая радость, что даже Катю и за стол не пригласили, все стояли на ногах и ей целовали. Тогда отец Катин посадил ее за стол и спросил у нее, а где же она оставила этого Ивана, который ей звал? Катя встала, так она им и сказала:

— Это и есть я, Катя — Иван!

Пили с радости три дня после этого. Королевич сыграл пышную свадьбу, стали жить-поживать да добра наживать.

84. Солдат Симкин

Жил старик со старухой. У них был сын по прозванию солдат Симкин. Солдат Симкин служил двадцать пять лет. На службе был он хорошим скрипачом; когда демобилизовался, ему за хорошую службу подарили скрипку. И дали на дорогу три рубля денег, до Петрограда выписали литер, дорога бесплатная. А с Петрограда попадать домой ему надо было на лошадях или пешком пойти. Дело было весной — распута. Солдат Симкин решил пойти пешком. Шел, шел и устал. Устал и вспомнил: в армии, бывало, в походе устанешь, да как музыка заиграет, и все пройдет. «Дай-ка, — думает, — достану я скрипку, сяду и поиграю!».

Сел и начал играть. На душе стало радостно. Наигрался и хочет скрипку убрать в вещевой мешок. Вдруг откуда ни возьмись черт:

— Солдат Симкин, продай мне скрипку! Сколько хочешь денег бери!

— Что ты, окаянная сила! Как же я продам скрипку? Я на этом буду хлеб наживать! Зачем тебе, — говорит, — эта скрипка?

— Придем в это большое селение, я тебя поставлю попом — это легкие очень деньги.

Симкин продал ему скрипку за пятьдесят рублей. Пришли в это селение, день был субботний, селение было большое-большое. А в воскресенье сход населения: надо выбрать попа, попа нет.

На этом собрании присутствовали солдат Симкин и черт. Покумили, покумили и не знают, кого избрать попом. Черт выступил и говорит таково слово:

— Вот, православные христиане! Здесь на собрании сидит солдат Симкин — служил двадцать пять лет николаевской службы, кресты есть, завоеваны, очень грамотный человек, поставьте его попом!

Миряне согласились. Назначили четыреста рублей в месяц; кроме того, за похороны и за крестины особо. Солдат Симкин начинает служить попом, и было ему очень хорошо и приятно. В один большой праздник Симкин служил обедню. Когда на крылосе запели, а Симкин ушел, закрыл райские ворота, сам стал пробовать сладкое вино, которое положено для ребят, причащать их. В это время оказался черт со скрипкой в алтаре.

— Симкин, направь скрипку! Расстроилась совсем, сломалась!

Симкин взял скрипку, настроил ее и отдал черту. Черт попробовал — скрипка хорошо играет. Симкин открыл райские ворота, а черт говорит:

— Симкин, сыграй, может быть неправильно настроил!

— Да что ты, окаянная сила, меня уволят за это!

— А тебя так уволят и другойк уволят, все равно уволят, сыграй!

Симкин взял стул и сел в райские ворота. Взял скрипку и заиграл «Дунайские волны».

Все миряне бросились:

— Не надо нам такого попа! Не надо нам такого попа!

И все убежали из церкви. И на другой день Симкина уволили. Симкин побыл еще неделю, попил. Вечером проспался, сам думает:

— Вот черт, что натворил! Жилось как хорошо мне-ка!

А черт тут как тут:

— Кого, Симкин, ругаешь?

— Да как не тебя — тебя, окаянная сила! Жилось-то мне — как сыр в масле катался, а сейчас-то и денег ни гроша не стало! Чем я буду жить дальше?

— Не горюй, Симкин, завтра пойдем в большой город, я тебя архиереем поставлю!

И на другой день пошли они в большой город. День тоже был субботний, а в воскресенье, значит, попы стали архиерея выбирать. На этом собрании участвовали черт и Симкин. Тот — малограмотный, у этого чего-то не хватает. Черт выступил и говорит таково слово:

— Вот, батюшки, я вам предлагаю солдата, товарища Симкина! Он николаевской службы, служил двадцать пять лет, был очень хорошим человеком, солдатом. За это имеет много крестов. И он очень грамотный, вполне подходящий архиерей!

Решили поставить Симкина архиереем. Оклад дали пятьсот рублей; за молебны, за крестины кроме того. И начал Симкин работать в православной церкви. Пришел великий пост. Все грешники идут каяться. Малосильные идут к попам, а большие чины идут к архиерею. Вот пришла генерала дочка. Архиерей накрыл ее подрясником на голову. Та говорила, говорила грехи, Симкин все говорил:

— Господь простит!

Тут оказался черт:

— Симкин, сделай с ей грех!

— Да что ты, окаянная сила! Меня ать повесят за это!

— А так повесят и другойк повесят, все равно повесят! А сделай грех!

— Вот, дорогая, — говорит, — пойдем в алтарь, у тебя очень большой грех, тебя бог не простит, здесь надо в алтари только сделать!

И повел ее в алтарь, там с нею сделал грех. Обедня кончилась, все разошлись домой. Месяца три проходит. Генерал с генеральшей замечают: что-то у дочки брюхо все пухнет и пухнет, а никуда не ходит, отчего же так?

— Что ты, милая доченька, отчего же толстеть начинаешь?

— Я счас хорошо кушаю!

На пятом месяце уже очень заметно было, и ясно для отца и для матери. Дочка с кем-то грех сделала! И начали допытывать ей. Она созналась, что с архиереем было дело во время каянья. Тут же Симкина арестовали и посадили в тюрьму. И вынесли приговор: на второй день повесить. В тюрьме было маленькое окошечко. Симкин посмотрел на это окошечко и говорит:

— Вот, — говорит, — окаянная сила, до чего меня довел! Через полчаса меня повесят!

А черт тут как тут:

— Кого, Симкин, ругаешь?

— Да как не тебя, окаянная сила, смотри-ка, через полчаса меня повесят!

— Не горюй, солдат Симкин! Когда тебя поведут на виселицу, я такой ураган напущу — а тебя поведут, руки будут связаны, — у всех песком глаза засыплю, всех с ног сшиблю, а ты на ногах устоишь, тебе ничего не делается. В это время ты и бежи прямо в лес, куда хочешь, в самый дремучий лес.

Когда привели Симкина к виселице, такой ураган пал, что все с ног свалилось и у всех песком глаза засыпало. А Симкин в это время развязался и удрал в лес. Когда они очухались, то Симкина

не было нигде и не могли его найти. Думали, что ураган такого грешника унес совсем с концом на тот свет.

Симкин зашел в такой дремучий лес, никак из него не может выбраться.

— Вот окайная сила! Оттуда спас, но отсюда никак не спасет. Я заблудился, мне никак нельзя выйти!

— Кого, Симкин, ругаешь?

— А как не тебя, окайная сила! Вот куда меня заведо, что мне никак не выбраться из этого лесу!

— Не горюй, час выберемся!

Скоро из лесу выбрались, черт Симкину и говорит:

— Счас придем в большой город, ты купи себе большие очки, сними себе номер в гостинице и сделай надпись: «Я доктор». А я в это время пойду купеческу дочь мучить. Все доктора съедутся, будут лечить ее, но ни один доктор не вылечит ее. Тогда придут за тобой, ты согласишься. Придешь — воды почерпни, когда несут воду, из-под коромысла, брзани три раза по разу, остальну воду вылей, и она поправится.

(А у купца обещание, — доктора не могли вылечить ее, то он решился: кто вылечит, за того, если возьмет замуж, за того и отдам, а не возьмет замуж — большие деньги дам).

— Вот вылечишь, если понравится, можешь взять замуж!

Черт удалился на свою работу. И через неделю, значит, пришли к Симкину. Рассказали, какая болезнь, и говорят:

— Доктора наши ничего не могут сделать с этой болезнью. Не можешь ли ты вылечить?

— Ладно, хорошо, вечером в семь часов приду!

Приходит, приказал принести воды из-под коромысла, зачерпнул кружку холодной воды, помыл девушке лицо и шею и сказал:

— Завтра в это время приду.

На завтрашний день в это время пришел. Купечкой дочери стало многим легче. Проделал то же самое, и сам удалился. На третий день приходит в семь часов вечера. Купеческая дочь с постели без труда сходит и немного кушает уже. Проделал то же самое, и сам удалился. На четвертый день купечская дочь поправилась. Купец приглашает за стол Симкина и говорит ему:

— У меня было дано обещание: кто вылечит, ежели желает, тому могу замуж дать свою дочь.

— А нет, — говорит, — я еще молод-зелен, мне погулять велено, не пора мне жениться!

— Ну, сколько денег изволите?

— А вот видите, ваши доктора не могли вылечить и никому этой болезни не вылечить, кроме меня. Сколько даете — сколько не жалко.

— Две тыщи рублей мало?

— Довольно!

Солдат Симкин получил две тыщи рублей, набрал вина и отправился в свой номер. Выпил две рюмочки, а скучно одному.

— Эх, кабы черт пришел!

А черт тут как тут:

— Чего Симкин, ругаешься?

— Да вот, одному невесело!

— Ну как, женился?

— Да не стал, деньги взял!

— Сколько?

— Две тыщи рублей.

— Мало!

— Да хватит на первый случай.

Черт с Симкиным начали выпивать. Когда они подвыпили, черт и говорит:

— Вот, солдат Симкин, ты вылечил купеческую дочь, счас я пойду генеральскую дочь мучить. Прodelай процедуру ту же самую и на ей женись. А ты вылечишь генеральскую дочь, разбей очки и снимай вывеску, чтобы тебя больше не нашли, и смени номер. А я пойду царскую дочь мучить. Я ей вылечу, и я на ей женюсь!

На второй день заболела генеральская дочка. Все доктора съехались. Все лекарства передавали, но ничто не пособляет. А потом вспомнили, что купеческая дочь тем же самым болела и доктор есть, он ей вылечил. Послали за доктором Симкиным. Тот сказал, что в семь часов вечера приду, посмотрю. Пришел доктор Симкин к генералу, поздоровался и велел отвести в комнату больной. Посмотрел ее и сказал:

— Не горюй, поправишься!

А она лежала при смертной постели. У генерала было дано слово такое же, как у купца. Помыл ее Симкин водой, и сам удалился. На другой день генеральская дочь гораздо лучше себя чувствовала. Он опять пришел в семь часов, опять помыл ее водой ключевой из-под коромысла, и сам удалился. Пришел на третий день — генеральская дочь уж сама встает с постели. Он опять все проделал и опять удалился. Генеральская дочка совсем поправилась.

Приходит солдат Симкин на четвертый день, генерал зовет его к столу, угощает и говорит:

— Было у меня такое обещание дано, что кто вылечит ее да захочет взять ее замуж, то отдам. Не хочешь ли жениться?

Симкин не берет ее замуж:

— Ишь черт, какой хитрый! Сам на царской дочери женится! Не буду на ей жениться, деньги возьму, а посмотрю, какая царская дочь?

Напился пьяный, и ушел в кабак, и там свалился под стол. Спит под столом.

А у царя дочь заболела. Все доктора съехались к царской дочери, все лекарства передавали, но ничто не помогало. Узнал генерал, что болеет царская дочь, и сказал царю, что у купца болела дочка, и у меня болела дочка, та же самая болезнь и у твоей дочери. Только может вылечить этот доктор. И послали за доктором. Долго искали доктора, солдата Симкина, наконец нашли под столом, в кабаке. Будили, будили и, наконец, его разбудили. Когда доктор Симкин проснулся, и вспомнил, что очков не разбил, и вывески не оторвал, и номер не переменял... Черт его накажет! А царя не послушаешь — царь повесит. И сказал:

— В семь часов вечера приду!

Пошел, надел сапоги. Царская дочь лежала на втором этаже. Пришел в коридор, снял сапоги, чтобы по лестнице выставать, черт не слышал. Как Симкин идет на третью лестницу, вступил, а черт слышал, что Симкин идет, и спрашивает:

— Кто идет?

Солдат Симкин боится черта и тихонько говорит:

— Я, доктор Симкин!

— Зачем ты сюда идешь?

— Скучно без тебя!

— Ну, давай, пойдем вместе лечить!

Приходят туда, полечили царскую дочку, а Симкин соврал, говорит, что очки разбил и номер другой снял, но далеко очень. Им отвели особую комнату, нанесли разного кушанья. Покушали, со стола все убрали, а время еще раннее было. Черт предложил в карты сыграть Симкину, в очко, в щелкуны. У черта карт не было, а у Симкина карты были дорогие, атласные, и начали играть. Первый раз черт Симкина обыграл, щелкнул ему щелчок, у Симкина пот выступил, у черта были большие-большие ногти. Второй раз сыграли, черт обратно обыграл Симкина — два щелкуна. Как ударит первый раз — солдат Симкин чуть со стула не свалился. Ударил второй раз — у Симкина глаза посоловели.

— Ты что это, окаянная сила, ты полегче бей! Ты знаешь, окаянная сила, у тебя сколько силы есть? Ты можешь совсем меня убить! А смотри-ка, у тебя какие большие ногти! Ты у меня все карты изурачил, а сам не купишь! Давай-ка я у тебя остригу сразу все!

Черт согласился. Симкин велел принести сильные, большие тиски и велел черту положить руки вместе и сунуть по кисти в тиски:

— Я, — говорит, — у тебя буду остригать сразу все ногти!

Черт сунул туда руки по кисти, доктор Симкин стал ручкой накручивать слева направо. Тиски все сжимались, черту стало больно.

— Стой, стой, Симкин! Все ногти отрезал, хватит! — говорит.

— Нет, дорогой, сейчас ты у меня никуда не уйдешь! Все руки оторву напрочь!

Еще крепче начал вертеть. Черт рвался, рвался и по локтям руки оставил. И когда по лестнице побежал, крепко скричал:

— Попадися мне в лапы, солдатская морда, я тебе заплачу за все!

И черт убежал в лес. А солдат Симкин вылечил царскую дочь. У царя обет был дан такой же, как у купца и генерала. Женился он на царской дочери, сыграли великолепную свадьбу. [Царь] Симкина провел генералом и дал ему город охранять.

Вот живут уже год. На улице чудная погода. Жена мужу и говорит:

— Генерал, я живу уже почти целый год, а ты меня не прокатил ни на чем, ни на лошадях, ни на машине по городу, посмотри, что за город, тебе большое право дано.

— Вот, жена, я с тобой согласен, поедем на лошадях, если будешь выполнять мой слова, что случится, что скажу; не будешь выполнять — не поеду, поезжай одна.

Жена согласилась:

— Что скажешь, буду все выполнять.

Генерал приказал запрягти пару рысаков, сели они в карету и поехали по городу, проехали город и поехали до опушки леса. А там небольшая поляна. Вдруг лошади табуном заставали — бежит безрукий черт и шестнадцать бесенят.

— Вот, ребята, этот самый генерал, который у меня оторвал руки, и его жена, царская дочь, которую я хотел взять в жены. Давайте, сейчас не уйдет, обеих схамкам!

— Вот, жена, вот почему я не ездил, боялся этого черта, у которого руки оторвал, а это еговы дети, и он тебя мучил. Если не выполнишь моих приказаний, то обоим смерть!

— Все выполняю!

— Жена, встань задом!

А Симкин стал на ноги и закричал громко-громко:

— А ну-ка, черти окаянные! Суньте в эти тиски руки все! Я у всех у вас руки повыдергаю к чертовой матери!

Черт глянул:

— Ой, ребята, давайте скорей в лес! Он без тисков никуда не ездит! Все с тисками!

И давай драла. Симкин с тех пор ездил все время с женой, и она выполняла его слова, и он не боялся этого черта.

Сказка вся, сказать больше нельзя. Щука да елец, и сказке конец.

85. «Пусть так!»

Жил-был старик со старухой. У них был сын Иван. Они бедно-бедно жили. У Ивана даже и кальсонов на заднице не было. Из соседней деревни идет поп в эту деревню, работника наживать. Попадается навстречу Иван.

— Здравствуй, батюшка!

- Здравствуй, паренек...
- Куда, батюшка, пошел?
- Пошел, сынок, работника наживать.
- Возьми меня, батюшко!
- А как тебя зовут?
- Иваном.
- Нет, Ивана не надо, Иваны все дураки...

Поп пошел дальше. А Иван обежал несколько домов и обратно попадает навстречу попу, шапку перевернул на другую сторону.

- Здравствуй, батюшка!
- Здравствуй, паренек!
- Куда, батюшка, пошел?
- Пошел, сынок; работника наживать.
- Возьми меня, батюшка!
- А как тебя зовут?
- Иваном!
- Нет, Ивана не надо, Иваны все дураки...

Поп пошел дальше, а Иван скинул свой випун, обежал несколько домов и обратно батюшке навстречу.

- Здравствуй, батюшка!
- Здравствуй, паренек!
- Куда, батюшка, пошел?
- Пошел, сынок, работника наживать.
- Возьми меня, батюшка!
- А как тебя зовут?
- Иваном!
- Да у вас в деревне не все ли Иваны?
- Все, батюшка, до одного паренька, все Иваны!

— Ну вот так, значит, возьму тебя в работники. Раз все Иваны — не буду больше искать. Есть ли у тебя старики дома?

- Есть старик и старуха.

— Иди, — говорит, — скажи им и приходи завтра ко мне на работу. Плачу, — говорит, — тридцать рублей в год и на моем хлебе.

Парень был здоровый. Пришел Иван домой, сказал отцу с матерью.

— Да куда ты пойдешь, милый мальчик? На ноги ничего нет, и одеть нечего, никакой тужурочки.

- Ничего, поп оденет!

У попа было три дочери: старшая красивая, средняя красивее старшей, а младшая — как маливное яблочко. На второй день Иван попрощался с отцом, с матерью и отправился к попу на работу. Поп его накормил, напоил чаем, конечно, и говорит Ивану:

— Вот хорошо будешь работать, отдам старшую дочь за тебя замуж. Только хорошо работай!

Отвел ему комнату, повел его на конюшню.

— Вот тебе кобыла, вот тебе упряжь, сани, телега, и будешь работать на лошадке.

Иван принялся за работу. Работал с утра до ночи, все чтобы попасть в честь попу — приданое большое попадет. Вот Иван работает, работает, работает, поп не может никак нахвалиться работником — в руках все кипит. До года осталось две недели. К попу приехали сватать старшую дочь богатые женихи. Поп Ивана отправляет на две недели рубить дрова в лес, на год заготовить дров — время истекает, надо дров заготовить. Заготовил Иван. Последний день вечером, поздно уже, вернулся домой. Убрал лошадку, заходит к батюшку в дом.

— Вот, батюшко, — говорит, — нарубил вам на целый год, только воните! Меня потом вспоминать будете!

— Хорошо, хорошо, Иванушко, умойся по-хорошему, утрись да садись за стол!

Поп говорит матушке:

— Ну-ка, матушка; тряхни-ко плечами, неси коньячку да закуськи, погоднее работника будем кормить да поить!

Выпил Иван несколько рюмочек вина, да с усталости захрапел. Поп видит, что Иван захмелел, и говорит ему:

— Так вот, Иванушко, старшая дочь выскочила замуж! Отец с матерью не волины: все по-новому пошло! Ты найдешь себе невесту, а тебе в придачу дам десять рублей. А если еще год поработаешь — отдам среднюю дочь и пятьдесят рублей в год плачу денег. А сейчас иди к отцу, к матери, покупай обновки, на две недели даю отпуск, а потом приходи, если будешь работать.

Иван поблагодарил попу, попрощался с попадьею и отправился домой. Отцу купил брюки хорошие (зашел в магазин!), рубашку хорошую и галоси, а матери купил на сарафан, на кофточку и платок ситцевый. И себе купил брюки, рубашечку, кепочку и ботиночки. И гостинцев немного — красного бутылочку и белого бутылочку, угостить своих родителей. Положил это все в старенький чемоданчик и отправился к родителям. Поздоровался с отцом, с матерью, выложил на стол все обновки и сколько осталось денег. Старики сыном не могут налюбоваться — вот он какой у нас выработался, хороший стал!

Угостились по-хорошему, сын отцу с матерью и говорит:

— Я к попу нанялся еще на год работать, поп дает пятьдесят рублей в год. тогда будем жить богато, а вы как-нибудь тут справитесь.

— Ну что ж, Иванушко, бежи, поработай, мы как-нибудь справимся. Здесь этого не заработаешь!

За две недели Иван заготовил им на год дров, распилил, расколол их, и отправился к попу работать. Пришел к попу. Поп сильно обрадел от такого работника.

— Ну, ладно, Иванушко, работай! Сейчас уже эта не выскочит никуда, сыграю свадьбу.

Принялся Иван работать с утра до ночи.

До году осталось две недели. А у попа женихи сватаются давно-давно уже на средней дочери. И приехал купеческий сын, красивый парень.

— Ну что ж, Иванушко, придется обратно дров заготовить. В той же вараке. Бери продуктов и езжай.

— Ладно, батюшка, заготовлю!

А видит, что к нему опять гости запохаживают, что-нибудь неладно. Сначала Иван рубил мелкие дровишки, сваливал их в кучу, а сам думает: «Поп меня обманет, все равно не выдаст за меня дочь! Давай, наворочу таких, чтобы помаялся он!». И начал рубить толстые дрова. Нарубил на год дров и в субботу вернулся. Батюшка Ивана встретил. И как только Иван уехал дрова рубить на две недели, поп тут и начал свадьбу играть, отдал среднюю дочь. А тут Ивану ничего не говорит, боится сказать.

— А как, Иванушка, успехи?

— О, батюшка, столько заготовил, что вам не вывезти целый год будет!

— Молодец парень!

Пособил Иванушку лошадь распречь, инструмент со саней стаскать и повел Ивана во свою горницу.

Иван пошел умылся, учесался, побрился и сел за стол. Видит: младшая ходит, а средней нету, и спросил у батюшки:

— А где Аннушка-то у вас?

— Испортилась совсем девка, отец ничего не мог! Убежала, в другой город уехала с каким-то, и сам не знаю! Вот нынче народ пошел какой! Ну, Иванушко, не горюй, я тебе вместо пятидесяти рублей отдам сто рублей. Вот, год еще проработай, я за тебя вот эту, младшую, отдам. Эту уж никуда не отпущу, буду на цепи у себя держать! А еще год проработаешь — дам сто пятьдесят рублей денег и приданое большое! А сейчас иди к отцу, к матери и покупай подарки, что им надо.

Иван накупил много-много кое-чего. Сразу собрали богатый стол и призвали всех дядей и теток, на веку не бывало этого, а сам Иван оделся — первый парень на селе. Отец с матерью, с дяденьками и тетеньками не могут наглядеться на Ивана, такой красивый парень, хоть жени. Когда они подвыпили, то Иван говорит отцу с матерью:

— Еще, старички, вам придется без меня здесь год быть! А год проработаю — заработаю большие деньги и женюсь, и тогда буду вас кормить.

За две недели Иван заготовил старикам на год дров и отправился к попу работать. Вот Иванушко работает лучше прежнего, только бы угадать, как попу в честь.

Не через долго до конца года, оставалось тоже две недели, к попу стали приезжать очень богатые женихи сватать дочь. Но у попа уговор — за Ивана должен отдать. Вот опять отправляет Ивана на две недели, попу заготовить дрова. Иван домек-

нулся, в чем дело. Поп, значит, без его может отдать и эту дочь взамуж. И хочет справиться с работой поскорее, за одну неделю. Рубил сначала толстые-толстые дрова, а потом, значит, подошел к столетнему дубу и хотел его свалить, чтобы попу хватило работы на целый год. Замахнулся топором и хочет его рубить. А дуб отвечает человеческим голосом:

— Не руби, Иванушко, я сто годов стоял, никто меня не свалил, и тебе не советую! А в честь того что ты не срубишь, скажи только: «Пусть так!» — и все будет по-твоему.

Иван оставил этот дуб, не стал рубить. Порубил еще несколько дров, немного; не прошло еще недели — Иван вернулся обратно, нарубил попу на год дров.

Приезжает он поздно вечером, тихонечко, без шума, обрядил лошадку на ночь, а сам потихонечку зашел в сени, через черный коридор, видит — у попа очень много людей, вероятно, идет свадьба, и начал присматривать, где будут жених с невестой спать? Зашел, значит, другими дверями в комнату, где постелено место молодым спать. На столе разные вина стоят, разна закуска. Иван сел за стол, покушал, выпил несколько рюмочек вина, взял два пирога за паузу и затенулся под кровать. Не через долго, значит, молодые являются, двери запирают на крючок, покушали, свет загасили и спать повалились.

Иван говорит: «Пусть так!». И вот наутро приходят, ничего не могут сделать, — сольнулись, слиплись, крепко целовались. Вот утром гости собрались, а молодых — постукаются, постукаются — не могут разбудить никак. Ну, дело дошло до того, что нужно с крючка двери срывать.

Сначала поп толкал, толкал, потом попадья за попом стала толкаться, и с крючка двери сорвали. Поп подбежал к молодым и начал толкать:

— Слушайте, что с вами?

А Иван говорит:

— Пусть так!

И поп никак оторваться не может. Попадья ухватила за попа. Иван говорит:

— Пусть так!

И она пристала, одной рукой прилипла. Сколько не было гостей, все друг к дружке прилипли. Иван все говорит:

— Пусть так! Пусть так!

И все они сольнулись, прильнули друг к дружке. Кумили, покумили, одна старушонка и сказала:

— За три километра есть озеро, а за этим озером живет знахарка. Только она может сделать, а вы все ничего не можете сделать. Стыдно не стыдно, а надо пойти туда.

Задом вышли из дверей, и попятили младшую дочь задом наперед к этой знахарке. Пришли к озеру. А озеро неглубокое,

только до груди. Мужчины подвыпившие, они брюк не снимали, и женщины некоторые сарафаны не жалели омочить. А попадя свое платье пожалела шелковое, стало поглубже — она одной рукой подол подгибает да подгибает, она была невысокого роста. Ей стало по грудям, и сарафан она подняла на голову. А Иван идет свadi. Как стало помельче, Иван говорит:

— Пусть так!

Кто загибался, никак обратно, значит, не может ничего сделать, развернуть ничего. На той стороне озера у самого берега был камень сильно большой. Солдат сидел и курил трубку, а трубка была чудная, с выгибом и сеткой. Когда люди стали выходить на берег, солдат смотрел, смотрел, смотрел — и диву дивовается. А как увидал попадю голую, вскочил на ноги, размахнулся трубкой. Трубка только долетела, Иван говорит:

— Пусть так!

И трубка крепко-накрепко прильнула. Солдату жалко стало трубки, прибежал, хотел вырвать эту трубку, рвал, рвал, рвал, и ничего не мог сделать, плюнул и прочь пошел — простился с трубкой. Пришли к знахарке. Знахарка испугалась и говорит:

— Идите от меня, я ничего этого не знаю, никаких мне денег не надо!

И поезд тронулся обратно. А Иван в это время ушел домой на сеновал, обрядил лошадку и улегся спать. Приходит он домой, кто сидит, кто лежит, кто как, а набе шумит, шумит, ничего не могут сделать. Приходит Иван:

— Здравствуй, батюшка и все гости!

— Здравствуй, здравствуй, Иванушко!

— Да что же, батюшко, у вас тут?

— Да, вот, Иванушко, бог наказал, последнюю отдал замуж, и вышло такое нехорошее дело!

— А что дадите, я это дело сделаю, разлеплю всех!

Все в один голос:

— Все бери, ничего не пожалею! Только, ради бога, от стыду избавь, разлепи нас!

Иван говорит:

— Разлепись!

И все разлепились.

Все умылись, переоделись, а поп пал Ивану в ноги и говорит:

— Прости меня, грешного! Сколько хочешь денег бери, а не делай такой глупости! Она его любит и он ее любит, так уж пускай!

Он переоделся, простил попу, сели и стали пировать свадьбу. Жених был богатый, дал ему триста рублей. Поп вместо дочери дал корову и три поросенка в придачу. А остальные гости — кто что могли, кто барана, кто овечку, кто денег. А попадя дала ему лошадку, телегу и сани. Свадьбу сопровождали. Иван нанял подвод, все добро погрузили, и повез это все добро к отцу, к матери.

Построили сарай, хлевы хорошие. Иван женился на хорошенькой девушке. Невдолгое время стариков похоронили, а эти молодые люди стали жить-поживать и добра наживать.

МАРИНА ПОЛИКАРПОВНА ДЬЯЧКОВА

86. Король Дроздоборода

Жила царь, у его была дочь. И вот эта дочь выросла большая, и отец задумал отдать замуж. Назвал женихов — тьма-тьмой. Три тысячи в ширилки наставили. Начала выбирать жениха царевна.

Один высокий, другой низкий, один толстой, другой тонкой. У этого глаза большы, у этого нос длинный, все не подходят женихи. Вот одного короля тыкнула по плечу: «Это, — говорит, — король дроздоборода», — у него был такой подбородок, полный. Там и не могла выбрать себе жениха. Отец сказал ей:

— Ну, — говорит, — дочь, завтра я тебя за первого нищего отдам, который придет под окно, задоет.

Утром встали со сна, вдруг нищий зашел под окном. Весь оборванный, в домотопт, запросил хлеба кусочек. Отец захватил ее за руку и вывел:

— Вот это, — говорит, — твой жених, иди с ним, куда он тебя приведет.

Вот она и пошла. Бредет он полем, а там пасут скот, коров пасут, большие стада. Она спросила:

— Чей это, — говорит, — владенья?

А нищий ей отвечает:

— Это владенья короля Дроздоборода.

— Ой, как я несчастна, что я не жена короля Дроздоборода! — отвечает царевна.

И пошли дальше. Опять идут другим полем, опять пасут стада свиной, овец стада большие. Она опять и спросила:

— А эти чьи стада?

А он отвечает:

— Эти стада короля Дроздоборода.

Она говорит:

— Ой, как я несчастна, что я не жена короля Дроздоборода!

Идут дальше. Пришел город хорошенький, украшенный. Она опять и спрашивает:

— Чей это город?

Он и говорит:

— Это город короля Дроздоборода!

Она и говорит:

— Ой, как я несчастна, что я не жена короля Дроздоборода!

Нищий и говорит:

— Это что такое, все тебе король Дроздобород! Раз ты за меня отдана замуж, не должна его вспоминать, раз ты моя жена.

Вот прошли город весь и на краю города пришла лачуга нищенская. Вот он и завел ее в эту лачугу. Наложил кусков в деревянную чашку, налил кипятком.

— Садись, — говорит, — жена, ешь!

Села царевна, облилась слезами, не столько ела, сколько плакала. А муж ей говорит:

— Ну, чего расплакалась? — говорит. — Ешь и будешь работать!

Принес ей льну.

— Вот, — говорит, — пряди нитки.

Начала пряхть царевна, все руки разрезала, тонки нитки-то, сидит и плачет. Без его пряла, он дал ей пряхти, сам и ушел. Пришел муж и говорит:

— Что, — говорит, — расплакалась?

Она и показывает, что пропряла пальцы, больно пальцам-то. Принес коренья, лесного коренья.

— Вот, плети корзинки, раз тем средством жить не можешь!

Показал ей как, а сам опять ушел, она одна осталась. Пришел опять домой, а она сидит, слезами уливается, все пальцы переколола о коренья, ничего не могла наработать. Посмотрел муж: и эта работа не спорится.

— Ну, как же, — говорит, — мы жить-то будем? Я-то кусочков попрошу, а ты-то как будешь питаться? Ну, тогда пойдем, — говорит, — я там приговорил к одним, торгуй горшками. Это легко и хорошо.

Села царевна горшки продавать. Покупают хорошо горшки, денег выручила много. Сидит, вечер заприходил. Она веселая, радостная, что наторговала денег.

Вдруг едет всадник на коне и все горшки остальные приломал у ей. Вдруг идет муж и видит: жена сидит опять уливается, одни черепки лежат у ей.

— Ну, — говорит, — тогда как же дальше будем?

Потом схватил ей:

— Вот я тебя в столовую прислугой нанял, — говорит, — может, там ты заможешь работать!

Вот она и поступила туда работать: посуду мыть, чай наливать, да что прикажут. Дали ей передник с двумя карманами. А муж ей говорит:

— Положь горшочки туда, в эти карманы, и спускай объедки туда, куски да, и будем питаться, и заживем отлично.

Ну вот, она так и сделала. Положила в карманы горшочки, и ходит, убирает, да услужает всем, да. День проработала, второй проработала, приносит домой горшочки, обедают, ужинают. Вот

она довольна, радостна. Вот на третий день она пошла работать, ходит да собирает себе в горшочки. Дверь открыла из столовой в коридор, вдруг встречается ей король Дроздобород. Схватил за руки и потащил в зал. А в зале-то были танцы, музыка играла. Он и давай ей, потащил танцевать. Она упирается, не идет. Вдруг эти карманы оторвались, горшочки выпали, куски по полу покатались, все засмеялись, она заплакала, рвется. Он никуда не спускает. Потом рассказал:

— Я твой муж, твой нищий, который тебя взял. Ты меня пристрамила при всех людях. Вот, — говорит, — я тебе отшутил.

Повели в палаты, умыли, переодели царевну. Впервой-то она никак не соглашалась, а потом пошли балы, свадьба, танцы, и все пошло по-хорошему. Стали жить да быть, и до сей поры живут.

87. Про царя

Жил царь да царица, у них было три сына. Одного звали Василий, другого — Семен, третьего — Иван. Потом у них была еще приемная дочь, не своя, Мария. И они все ее любили. Вот росли, подрастали, все возмужали. Жениться захотели. Пришли к отцу все с пожеланием жениться, и все хотят жениться на Марии, и отец думал: за кого отдать? Всяко думали, гадали. Все придворные помогали: все книги старинные прочли и не могли решить. Отец и говорит:

— Поезжайте всяк во свой город, покупайте подарок Марии, — кто лучше купит, за того она пойдет.

Дал им свиты, они доехали до ростани и договорились, что кто первый придет, чтобы дождался последних.

Доехали, обнялись, распростились. И первый брат, Василий, поехал своей дорогой. Ехал, ехал и доехал в город, стал там на квартиру, пожил и пошел на базар — какой-то нать подарок купить, задание выполнить. Идет, а навстречу мужчина попадает.

— Ты куда, — спрашивает, — добрый человек? Куда идешь?

— А нет ли у тебя продать какой вещи?

— А вот, — говорит, — есть ковер-самолет, купи.

— Сколько стоит?

— Тыщу рублей.

Он купил и пошел на квартиру, прожил месяц, отдохнул, погулял и поехал в назначенное место, ждать братьев.

Сейчас говорится про Семена. Он поехал искать судьбу. Ехал, ехал, ехал — стоит на горы высокой город, он заехал в этот город, поселился у одной старушки на квартиры. Было две дочери у этой старухи. Накупил [им] серег, колец навез. Все люди переводятся, что гость приехал такой. Вот он погостил, покутил и

пошел тоже искать покупку по назначению. Идет, встречу попадает мужчина ему.

— Купи, — говорит, — у меня одну вещь!

— Покажи, — говорит, — что за вещь?

И он вынул подзорную трубку. [Семен] спросил:

— Сколько стоит?

— Две тыщи рублей.

— Почему такая дорогая?

— А потому, что куда хочешь помотришь в нее, то и увидишь.

Семен взял трубку и первым делом посмотрел, где Мария. Мария сидела с подругами веселая и счастливая. Посмотрел, улыбнулся, и заплатил деньги за трубку. Пришел на квартиру, пожил две недели и поехал в назначенное место, где расстался с братьями.

Счас про Ивана. Иван поехал тоже, приехал тоже в город, погостил, осмотрелся и пошел искать себе покупку по заданию. Встретил человека.

— Купи, — говорит человек, — у меня одну вещь.

— Какую?

— Вот у меня яблочко.

— И сколько стоит это яблочко?

— Три тыщи рублей!

— Почему, — говорит, — за такое яблоко столько денег просишь?

— Потому, — говорит, — что это [такое] яблочко: если человек при смерти, и то можно излечить — дай ему понюхать, и он исцелится, оправится от болезни.

Ну, он купил, деньги заплатил, пожил еще немного в городе и поехал. И приехал к братьям. А они уже ждут его. Братья поодоровались и начали проверять, у кого какая покупка. Семен взял свою трубку, первым делом посмотрел на Марию, сразу видят, что Мария лежит очень больная, при смерти. Тут братья сели на ковер-самолет и полетели домой, оставили свои сны и полетели одни.

Прилетели, и с этим яблоком — дали понюхать Марии, и сразу стало легче ей, поправилась совсем. Отец и опять не знает, как поступить? Если бы не трубка — она бы умерла, если бы не ковер-самолет — она бы тоже умерла, если бы не яблоко — то она тоже бы умерла.

Ну, смотрели, смотрели, потом отец говорит:

— Возьмите все по самострелу, выстрелите, у кого дальше падет стрела, за того отдам Марию.

Выстрелил Василий, упала стрела, потом выстрелил Семен, у него упала дальше стрела, выстрелил Иван, и у него не могли найти стрелу, искали, искали, не могли найти. И отдали Марию за Семена, среднего брата.

Василий с досады ушел в монастырь, жить не стал, стало тошно. А Иван пошел искать стрелу. Еще пошел, не поверил тому. Вот шел, шел, шел, увидел гору, луга такая, и там щель. И там стоит в щели стрела его, в каменной горы. Вот он и пошел, спустился в расщелину, и там оказалось подземное царство. Шел, везде комнаты, да везде люди, он шел, шел и царицу нашел подземного царства. Тут остался жить. Пожил, пожил, прожил два месяца и начал скучать о родном доме. Царица говорит, ховяйка-то:

— Почему ты, Иван-царевич, невесел, буйну голову повесил?

— А, — говорит, — охота мне посмотреть отца.

— Ну вот, — говорит, — поезжай тогда!

Дала колечко, он надел на палец и оказался у отца во дворце. Увиделось, обрадони, и отец зараспрашивал его:

— Как живешь, Иван-царевич?

— Я живу, — говорит, — в подземном царстве, у меня жена — царица подземного царства.

Тут все министры стали завидовать и говорят:

— Ты задай ему задачу, чтобы пускай он привезет палатку: свернуть — так чтобы в карман вошла, а раскинуть — так все бы войдел похоронил.

Иван-царевич пришел домой невесел, буйну голову повесил.

— Что же тебя опечалило, Иван-царевич?

— А вот отец задал мне такую задачу.

— Ну, — говорит, — бери палатку, вози к отцу.

Привез отцу палатку, отец диву дается, что очень чудесная. Придворные опять злятся.

— Эта задача не задача. А есть где-то Жар-птица в золотой клетке. Вот бы ты задал ему, чтобы он достал.

Вот отец задал ему эту задачу. Вот он опять пришел домой. Царица спрашивает:

— Что ты, Иван-царевич, невесел, буйну голову повесил? Что тебя опечалило?

Говорит:

— Отец задал мне службу, достать Жар-птицу в золотой клетке.

— Ну, — говорит, — я тебе дам серого волка, садись и поезжай в такое-то царство. Ну, там арканы наложены, и ты скочи через них, не задень ничего и схвати Жар-птицу в золотой клетке.

Значит, он приехал, перепрыгнул на волке, стал обратно скакать — и задел аркан. Арканы запели, колокола забренчали, и схватили Ивана. Бросили его в темную. Лежал до утра он там. А утром царь и говорит:

— Выведите ворышку, покажите, кто он такой?

Встретились.

— На что, — говорит, — тебе эта Жар-птица?

— А вот, отец велел достать.

— Съезди, — говорит, — на Львиное озеро, достань мне кувшин воды, чтобы помолодиться, тогда я тебе подарю ее, эту птицу.

Вот Иван-царевич сел на серого волка, и серый волк сказал:

— Будь расторопнее: когда приедем, ты скорее зачерпывай воды!

Дорогой волк встретил стадо овец, разорвал овцу.

— Вот, — говорит, — когда приедем, когда я брошу эти половинки овцы, львы бросятся на них, а ты той порой почерпни воду и прыгай на меня скорей.

Когда приехали к озеру, он так и сделал. Волк бросил это мясо, а Иван-царевич почерпнул воду, прыгнул на серого волка, так львы и не могли его схватить. И вот он приехал к этому царю с водой, царь умылся и помолодел. (Мне бы хоть кружечку притащил, чтобы спина не болела!). Ну и отдал ему [царь] золотую клетку с Жар-птицей, обнял его и говорит:

— Будем друзьями вечно!

Поехал Иван-царевич к отцу, повез Жар-птицу. Подарил отцу Жар-птицу. Отец восхищается: на весь двор светит Жар-птица. Отец благодарит, а эти придворные опять злятся, говорят:

— Задай задачу: мы слышали, что есть карлик, сам с ноготок, борода с локоток, а палицу железную носит на плече тридцать пудов (такой маленький, а бойкий).

И вот опять отец задал ему задание достать этого карлика. Иван-царевич приехал домой опять невесел, буйну голову повесил.

— Почему, — говорит царица, — ты озадачен, Иван-царевич?

— Вот, — говорит, — отец мне задачу задал найти такого карлика: сам с ноготок, борода с локоток, и палицу носит тридцать пудов на плече.

А царица ему отвечает:

— Эта служба не тяжелая, этот карлик мне родной брат.

Взяла расклала огонька, пропустила дым, и вдруг является этот карлик, рычит как зверь:

— Что надо, — говорит, — от меня?

И она препоручила [карлика] Ивану-царевичу, и он повел его к отцу, чудовище. Когда привел к отцу этого карлика, и он рычит:

— Чего вам нужно от меня?

И эти придворные все съезжились на своих местах. И он развернулся палицей и половину их сразу убил, а остальные разбежались кто куда. И потом отец отпустил его на волю, сына. Пришел домой к жены, и с тех пор стали жить да быть счастливо и спокойно.

88. Золота головка

В одном небольшом селеньице жил старик да старуха, и было у их три дочери: Наталья, да Анна, да Ирина. Жили они бедненько, дедко рубил дрова, продавал, да тем и питались.

Один раз пошел в лес дров рубить, сел на пенек отдыхать. Вдруг зашуршало за спиной. Старик обернулся — и катится золота головка. Прикатилась к ногам и спросила:

— Старик, есть ли у тебя дочери?

Старик ответил:

— Есть три дочери.

— Отдай одну за меня замуж! Если не отдашь за меня дочь, так я тебя съем!

Старик испугался.

— Пойдем, — говорит, — если пойдут они за тебя.

Ну вот, старик пошел домой, и головка за ним катится. Вот они пришли к дому, стариковой избушке, зашли в избушку. Старик спросил старшую дочь:

— Наталья, пойдешь ли за золоту головку замуж?

А она ответила:

— Тебя ешь и меня ешь, а я не пойду!

Потом старик спросил вторую дочь, Анну. Так же ответила и вторая дочь. Потом старик спросил третью дочь, Ирину, а та сказала:

— Лучше уж я пойду, пусть мне будет смерть, да отец останется живой.

Сыграли свадьбу небольшую, пирком, столком и свадьбой, и пошли они домой. Головка катится, а Ирина свади идет. Прикатилась головка к дубу, высокой, большой дуб. (Не здесь уж, верно, место-то было, здесь дубы не растут).

Головка сказала:

— Дуб, откройся!

И вдруг дуб открылся. Они зашли в дуб, и оказались комнаты такие большие, хорошие, светлые, украшенные; и эта головка укатилась в другую комнату — и выходит удалой молодец, такой красивый, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И вот и начали они жить. Жили-жили, а эта Иринushка соскучилась по своим, загрустила и сказала своему красавцу:

— Мне хочется сходить домой, попасть бы домой, посмотреть.

Вот ей этот молодец сказал:

— Я обратно буду головкой и пойдем, но ты дома ничего не говори, как мы живем, что ты здесь видела-узнала. Если скажешь — все потеряешь.

Он свернулся головкой обратно, и пошли. Головка катится. Вот и пришли. Мать обрадела, что видит гостей дорогих, и сестры подбежали, спрашивают:

— Как житье твое, как живешь?

А она отвечает:

— Сами знаете мое житье.

Ну, они так пристали, что уж она не могла не сказать, рассказала, как ейное житье, как хорошо живет.

Ну вот, они погостили и пошли обратно домой, в свое жилище. Головка приходит к дубу, а она сзади идет. Головка говорит:

— Дуб, откройся!

А дуб не открылся. Второй раз сказала, третий раз — ну, никак не открылся дуб. Головка повернулась и сказала:

— До свиданья, — говорит, — не умела жить, тайну сохранить, теперь уж меня больше не увидишь!

Головка сказала и укатилась.

Ирина подошла к дубу, дергала, дергала: «Дуб, откройся! Дуб, откройся!». Но дуб никак не открылся. Она плакала, плакала, плакала и пошла в кузницу, заказала три железны лапти, три железных шляпы и три железных посоха.

Вот одела одни лапти на ноги, шляпу, посох взяла в руки и пошла искать мужа. И она шла долго и далёко. Железны лапти истоптала, шляпу птицы исклевали и посох весь истыкала.

Пришла избушка на куриной ножке, на петушиной головке. Она и сказала:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами, мне, дорожному человеку, зайти и выйти!

Зашла в избушку, сидит баба-яга, костяная нога. Закричала, зашумела, засвистела:

— Откуда ты здесь взялась, — говорит, — никакой черный ворон мимо не пролятывал, добрый молодец мимо не прохаживал, а ты откуда взялась здесь, на съеденье пришла?

Ирина выдернула платок из-за пояса, по щеки старуху ударила, по другой приправила:

— Не напоила, не накормила, а вести зараспрашивала!

Старушка сделалась така добрая, и напоила, и накормила, и в баенке помыла. И вот она зараспрашивала:

— Не видала ли, не слыхала, вот у меня муж потерялся?

И все рассказала, что случилось.

— Нет, — говорит [старуха], — я ничего не знаю, иди дальше, там есть втора сестра моя, она лучше знает.

Ей подарила золоту тарелочку:

— Тебе пригодится!

И дала платочек:

— Она, — говорит, — злее меня, может разорвать, ударь ее по щеки этим платочком, и она узнает.

Опять Ирина одела лапти на ноги, шляпу, посох взяла и пошла. И опять шла, шла, долго и далёко. Издержала посох да

шляпу. И опять пришла избушка на куриной ножке, на петушиной головке. Она сказала:

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами, мне, дорожному человеку, зайти и выйти!

Зашла в избушку, сидит вторая баба-яга, костяная нога. Старуха пуле на нее зашумела. Ирина ее по щеки платком ударила, по другой приправила:

— Не напоила, не накормила, а вести зараспрашивала!

Та ее напоила, накормила и в баенке помыла. Недельку она здесь прожила.

— Не видала ли, не слыхала, — говорит, — вот у меня муж потерялся?

Старуха говорит:

— Я ничего не знаю, иди дальше, там есть третья сестра, она лучше знает.

Подарила ей золотой коврик и платочек. Ирина опять лапти одела на ноги, шляпу, посох взяла и пошла. Опять все шла, шла, лапти издержала, шляпу птицы искалевали, посох истыкала. Приходит к третьей [сестре]. Стоит избушка на куриной ножке, на петушиной головке. Она также зашла, та на нее закричала, зашумела. Она платочек достала, по щеки ее ударила, по другой приправила:

— Не напоила, не накормила, а вести заспрашивала.

Старушка ее напоила, накормила и в баенке помыла. Ирина ее заспрашивала:

— Не видала ли, не слыхала, у меня муж потерялся?

Все ей рассказала. Та говорит:

— Пожизни у меня, так, может быть, и найдем. Я его видала, — баба-яга третья говорит.

И дала ей золоту вещь, чашечку. Пожила Ирина недельку, пал ясный-ясный денек, светлый. Бабушка и говорит:

— Ты иди, он там за губой живет, у бабы-яги. Ты возьми эту тарелочку, ополощи в воде и верти, чтобы отблеск был. Там заблестит у ней в комнаты, она жадна на золотые вещи и прибежит, попросит продать, но ты не продай ей, а скажи: «У меня не продажна, а заветна». «Велик ли завет?», — скажет. Ты скажи: «У Ивана-царевича ночь проспаться». Как придешь, так ты его разбуди, и найдешь мужа.

Ну вот, она и пошла к губы. Так и сделала: начала полоскать тарелочку и кверху поднимала. У яги-бабы в залах так и рассветилось. Вот она увидела и послала слуг, велела купить эту вещь. Пришли, эту вещь и спрашивают:

— Продай, — говорят, — Ирина Ивановна, — эту вещь, у нас хозяйка любит.

Она сказала:

— У меня эта вещь не продажна, а заветна.

— Велик ли завет?

— С Иваном-царевичем ночь проспать.

Ягисня согласилась пустить. Она отдала эту вещь. Когда начался вечер, ягисня привела Ивана-царевича и начала поить вином, и напоила такого пьяного, что он стал невлади́мой, утащили на местá. Потом приходит жена его, эта ягишня говорит:

— Иди, ложись!

Уж [Ирина] будила, будила его, и не могла разбудить. Утром ягишня пришла рано и говорит:

— Уходи, все куры и петухи со сна встали, а ты все спишь?

И она ушла домой. Так же на второй день опять, пал ясный день, она и отправила, эта бабушка-задворенка, ее. Опять дала ковер золотой и опять говорит:

— Так же сделай, как и этот раз.

Опять этот ковер. [Ирина] выполощет и начнет вертеть в кружкí, а у ягишни в залах так и рассвечивает, от солнышка отблеск-то.

Опять ягишня увидела и послала слуг купить опять же эту вещь. И пришли слуги, так же она сказала опять:

— У меня эта вещь не продажна, а заветна.

Спросили:

— Велик ли завет?

— С Иваном-царевичем ночь проспать.

Ягишня согласилась. Пришел вечер, и она пошла. Эта ягишня начала опять напавать этого молодца, напоила, напоила, и унесли дочери ее — у нее еще три дочери были — на кровать пьяного его. Когда пришла Ирина и начала его будить, опять будила, будила и не могла никак разбудить, написала записочку и сунула в карман мужу, что я прихожу и все никак не могу тебя разбудить, все ты пьяный. Сунула в карман ему. Вдруг опять бежит ягишня, будит, кричит:

— Пора вставать, долго спишь, — говорит, — уходи домой!

Опять прошло сколько дней, ясный денечек выдался, и опять пошла с золотой чашечкой.

— Ополощи, — [бабушка-задворенка] говорит, — и так же сделай.

Вот Ирина опять пришла к губы и начала — ополощет, и вертеть, и поднимать, — у ягишни в залах так и рассветлится. Та опять послала слуг покупать. Так же [Ирина] сказала опять, что у меня не продажна, заветна, — ну, с Иваном-царевичем ночь ночевать, — у нее завет один.

А ягишня в это время опять его начала поить вином. Он прочитал эту записочку и догадался, в чем дело, не стал больше пить-то, не запил. То за голенище выльет, отвернется, то еще куда. И притворился, будто очень пьяный, ничем не может пошевелить, и потащили его на место.

И тутó к нему приходит жена ночевать, стала будить, да его и разбудила, он не пьяный, проснулся.

Пришли к ягишне. А Иван-царевич ягишне и говорит:

— Кто выше вылезет на крышу, та и будет мне женой.

Вот ягишня и стала цапаться на дом, выставать, где выше; цапалась, цапалась на дом, поскользнулась, да упала и убилась.

А они стали в доме жить да поживать, да лиха избывать. Эту бабушку-задворенку тоже к себе прибрали, что помогла им жисть обратно вернуть.

89. Петушок да курочка

Жили-были петушок да курочка. Побежали они к попу на жерновца искать поповы зернышка.

Бегали, бегали, петушок нашел большое зернышко и думат: один съем, не дам курочке. А зернышко-то в горле застряло, петушок не мог съесть и подавился. Увидала курочка, что петушок задавился, и побежала к молочнице просить молока:

— Молочница, молочница, дай молочка!

— Куда с молоком?

— Петушок подавился у попа на жерновцы поповым зернышком.

Молочница сказала:

— Бежи к сенокосьцам, пускай накосят сена, тогда и молочка даю.

Пришла к сенокосьцам:

— Сенокосьцы, сенокосьцы, накосите сенца!

— Зачем тебе, — говорят, — сенца?

— Молочнице снести.

— Зачем молочнице?

— Молочка дает.

— Куда с молочком?

— Петушок подавился у попа на жерновцы поповым зернышком.

— А сбегай, — говорят, — к кузнецам, пускай скуют косу, тогда мы тебе накосим и сена.

— Кузнецы, кузнецы, скуйте косу!

— Зачем коса?

— Сенокосьцам снести.

— Куда сенокосьцам?

— Сена накосят.

— Куда сено?

— Молочнице снести.

— Зачем молочнице?

— Молочка дает.

— Куда с молочком?

— Петушок подавился у попа на жерновцы поповым зернышком!

— Сбегай, — говорят, — к угольнице, попроси угольков, тогда и косу скуем.

Побежала курочка к угольнице:

— Угольница, угольница, дай угольков!

— Зачем угольки?

— Кузнецам снести. Кузнецы косу скуют.

— Зачем коса?

— Сенокосыцам снесу, сенокосыцы сена накосят.

— Куда с сеном?

— Молочнице дать.

— Зачем молочнице?

— Молочка дает.

— Куда с молоком?

— Петушку дать, петушок подавился у попа на жерновцы поповым зернышком.

Угольница дала угольков, она потащила к кузнецам, кузнецы сковали косу, она потащила сенокосыцам, сенокосыцы накосили сена, сено потащила к молочнице, молочница дала молочка, курочка притащила молочко, а петушок уже задохся — и молочко не помогло.

90. Докучная

У хозяйина был сад, в саду рос виноград, повадилась лезть ворона, начала воровать.

Назатрился мужик, поставил колоду и налил воды полную. Прилетела ворона, стала воровать ягоды и упала в колоду, в воду. Упала в воду, торбалась, торбалась, торбалась, да и выторбалась и полезла по краю-то (мокрая ворона). Лежала, лежала, лезла, да и стала сохнуть, Сохла, сохла, сохла; да и высохла. Ветер дунул, да опять ворона упала в колоду, да опять и торбалась, торбалась, торбалась, да и выторбалась... и т. д.

91. Про горошинку

В одной деревушке жили старик со старухой. А бедно-бедно жили. Детей никого не было, есть-пить было нечего. Жили, жили, бабушка ходила мыла у кого-то ребенка, да дали ей гороху горсточку. Начала бабка варить щи, уронила горошинку в подполье. Начала горошинка расти. Росла, росла, доросла до полу. Рассек старик в полу дырочку и проводил горошинку, опять горошинка росла, росла и доросла до потолка. Старик и потолок просек. Горошинка и опять стала расти. Росла, росла, доросла до крыши. Дедка и крышу просек. Горошинка опять начала расти. Росла-росла, росла-росла, росла и до неба выросла, высокая стала. Бабка-то дедку и говорит:

— Дедка, мне хочется посмотреть, как там на небе, как живут?

— Как же попасть-то?

— А ты меня сложи в мешок да поднимай.

Дедка и согласился. Сложил дедка бабу в мешок, захватил в зубы мешок и полез по горошинки.

Тянулся, тянулся, тянулся, бабу закричала:

— Дедко, мне пить хочца.

Дедка ничего не проговорил, опять тянется, тянулся, тянулся, тянулся. Бабу опять кричит:

— Дедко, мне-ка исть захотелось!

Дедко опять ничего не проговорил, опять тянулся, тянулся, тянулся. Бабу опять кричит:

— Дедко, мне-ка с... хочца!

— А с... в мешок!

Рот-то открыл, бабу и полетела, упала вниз на землю, вся и разбилась. Вся разбилась, и умерла старуха. Дедко бедный ревел, ревел, ревел да причитал:

— Добра была бабу до старого дедка, мыла, чинила, тонкие нитки пряла, старика любила, укрывала да укладывала.

Прибежала лисичка и говорит:

— Чего ты, дедка, плачешь?

Дедка и говорит:

— Вот бабу убила.

— Давай, — говорит, — я у тебя омою да похороню бабу-то. Поди, — говорит, — спи да отдыхай.

Ушел дедко спать. А лисичка съела старуху, да и убежала. Пришел утром старик, а старухи и нет, и места не знать. Поревел, поревел, да и стал жить один.

92. Какофия

Жил-был поп да попадя. Жили, жили, и стали старые они. И не змогли дров себе доставать, печку топить, обогревать свою хатку. Попадья и говорит:

— Давай, — говорит, — поп, иди, наживи работника, он нам будет дров рубить, а то мы замерзнем с тобой.

Вышел поп из дому, попал на дорогу и пошел. Идет по дороге, встречается мужик. Поп-то и спрашивает:

— Куда, мужик, пошел?

— В работники, — говорит, — даваться. А ты, бабка, куда?

— Работника наживать.

Поп и говорит:

— Поди, мужик, ко мне в работники! — И говорит: — Как тебя зовут, мужик?

А мужик отвечает:

— А меня зовут Какофия. Дай, — говорит, — сто рублей мне задатку, тогда и пойду, — говорит.

¹ «Литературные» замены: «Здесь воды нету!» (на первый вопрос, после чего старуха падает), или: «Хлеб в мешке, кушай!» (на второй вопрос).

Дал поп сто рублей денег, повел работника домой. Привел и говорит попадье:

— Сперва покорми, — говорит, — попадья, пусть поспит, ночь заприходила, дак, а после будет дров сечь.

Попадья нанесла простокваши горшок, второй... (мужик все ест, — голодный был, верно, какой, в те времена, верно, не все сыты были), третей, — мужик все съел. Повалили в кухню на пол, а сами ушли в комнаты. Мужик спал, спал, почувствовал что-то с собой неправильно. Никуда попасть не может, темно в избе. Шарил, шарил... Нашарил у попа шляпу, подсунул и давай, — и положил обратно на стол. А сам открыл дверь да и убежал, ушел. Пошел в конюшню и увел коня, и уехал на коне — сто рублей у поца задатку дано, мужику и довольно.

Началось утро, поп с попадьей проснулись. Поп и говорит:

— Попадья, грей чай, я пойду будить работника, что-то, — говорит, — долго спит!

Пришел, а работника нет. Бачка испугался, на голову тят шляпу, посмотрел на конюшню, а коня-то и нет, и побежал по деревне.

Бежит бачка по деревне, попадаются встречу мужики, он и спрашивает:

— Ой, — говорит, — мужики, не видали ли Какофья?

— Ой беда, батька, ты весь в г...! — отвечают.

И пошел обратно бачка. Давай попадья его мыть, замывать. А так мужика и не нашел. Мачка-то моет, бедна, блюет, никак не может приступить-то к нему.

93. Петушок и жерновце

Жил старик со старухой, у их был петушок. Бедно жили, ничего есть-то у них было. Один раз старуха пошла в амбар, — раньше муку-то сеяли, пыль-то была на стенах, — она и запахивала (молоды-то были, хлеб-то сеяли, а тут стары-то стали и не замогли).

Собрала немножко мучки в крыночку и понесла домой, спечь-то колобок. Дорогой-то дунул ветер-шелоник и всю муку унес у старухи. Старуха идет к старику со слезами, ревет:

— Дедко, — говорит, — шелоник у меня всю муку унес!

Дедко говорит:

— Не реви, — говорит, — бабка, теперь пойду на расправу к шелонику.

Одел шапчонку на голову да лапти на ноги, и пошел. Шел, шел, шел, пришла избушка. Зашел в избушку, а там сидит шелоник. Старик и говорит:

— Ты что, — говорит, — товарищ шелоник, нас обидел! Последнюю мучку у нас унес!

А шелоник и говорит:

— Не горюй, — говорит, — старина! Вот возьми жёрновцо, я тебе дам. Принеси домой, установи, — говорит, — будешь вертеть и будешь сытый.

Вот пришел старик домой, установил жёрновцо, начал вертеть, посыпалась мука пшенична. Бабка давай печь пироги. Рас-творила большу квашню, напекла пирогов, петуху дали зерныш-ков. Вот и стали жить, сыты и счастливы. Да один раз приехал пан. Пан ездил в лесу, стрелял зайцев и пришел к ним в из-бушку.

— Вы, старики, как живите, — говорит, — работать не можете, кто же вас кормит? Вы, — говорит, — мне не платите налогу.

А дедко с бабкой говорят:

— Нам шелоник дал жёрновцо, мы и питаемся. Вертим, мука летит, пекем, — говорит, — пироги.

Пан говорит:

— Коли так, я у вас жёрновцо отберу за налог!

Взял жёрновцо и увез. Старик со старухой опять голодны стали. Петушок говорит:

— Полечу к пану, — говорит, — жёрновцо отнимать!

Прилетел, сел на тын и закричал:

— Кукареку, боярин, отдай мое жёрновцо! Дедо да баба с голоду умирают!

Кричал, кричал, надоело барину. Говорит слугам:

— Идите, — говорит, — бросьте его в озеро!

Слуги взяли, бросили петушка в озеро. А петушок закричал: — Пей, гузно, воду, да выпей всю! Пей, гузно, воду, да вы-пей всю!

И озёрушко обсохло. Вылетел петушок, и опять сел на тын, и опять стал кричать:

— Кукареку, боярин, отдай мое жёрновцо! Дедо-то с бабой с голоду умирают!

Надоело пану и сказал слугам:

— Идите, — говорит, — и бросьте его в печь, в огонь.

Бросили слуги в печь петушка. А петушок закричал:

— Лей, гузно, воду, да вылей всю! Лей, гузно, воду, да вы-лей всю!

Вылилась вода, и огонь затух. Петушок вылетел из печи, сел на тын и पुще прежнего закричал:

— Кукареку, боярин, отдай мое жёрновцо! Дедо да баба с голоду умирают!

И все кричит без конца одно и то же. Сказал слугам пан:

— Варите его, я его съем! Надоело слушать!

Сварили. Съел петушка, захотелось ему в уборную. Вот он пошел, сел, а петушок высунул голову и закричал.

— Кукареку, боярин, отдай мое жёрновцо! Дедо да баба с голоду умирают!

— Возьмите, — говорит, — топор и отсеки-те ему голову!

Взяли слуги топор, сѣкнули, а петушок вылетел и опять закричал.

— Кукареку, боярин, отдай мне мое жёрновцо! Дедо да баба с голоду умирают!

Тогда уж пан помирился:

— Отдайте ему жёрновцо! Пусть он не мучит меня!

Взял петушок жёрновцо и полетел к деду с бабой, а те уж чуть живы. Установили опять жёрновцо, да начали крутить, опять посыпалась мучка. Растворила баба блинков, да и стали есть да жить-поживать. До сей поры живут, и нас переживут.

94. Домучная

Жил-был богатый мужик, и был у него сад. В саде стояла яблоня, росли яблоки. Привык ворон туда летать и яблоки обрывать. Мужик придумал: поставил обрез, налил смолы. Прилетел ворон, уронил яблоко в обрез, хотел клювом забрать и прильнул на смолу, нос прилепил. Нос отлепит, да хвост прилепит. Хвост отлепит, да нос прилепит. Нос отлепит, да хвост прилепят. Хвост отлепит, да нос прилепят. — Всю жизнь так бедный ворон до смерти бился.

СЕРГЕЙ ДОРОФЕЕВИЧ ЗАБОРЩИКОВ

95. Мышка, лѣшка, два кобыльки и голубь

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, был-жил царь с царицей. У них не было никого. Вот царь уехал за границу, в другое государство, закупать кой-чего, договаривать там, а к царю приходит дьявол.

— Вот, — говорит, — царь-батюшко, отдай мне то, чего дома не знаешь.

— Ну как, чего я не знаю дома? Все знаю дома!

— Не, отдай то, чего дома не знаешь, я буду тебе для всего царства дрова рубить!

Ну, царь подумал, подумал: «Чего я не знаю?».

— Все знаю, — говорит.

— Нет, не все знаешь, чего не знаешь — отдай!

Ну, царь согласился. «Отдам», — говорит дьяволу. Ну, дьявол развернулся и ушел.

Только дьявол ушел, а курьер приносит телефонограмму царю: родились у царицы сын и дочь, наследники. Вот тут царь сразу догадался, что дьяволу отдал, но уже было поздно. Ну, царь подумал: «А! так все пройдет, может. Не отдам, да и всё».

Потому что власть в его руках. Вот приезжает царь домой. У жены царицы родились сын и дочь. И очень красивые, и царь ликуется с ними, ухаживает, рбстит, возится. Прошло восемь лет, стали они учиться. Учат детей в сельской школе, потом в средней школе. Ничего не говорят, — царица-мать, конечно, не знает того, а царь мыслит. Кончают десять классов сын и дочь, в одном институте учатся, кончили и приезжают на каникулы домой.

(А дрова все возят, и хватает их).

В один прекрасный вечер и приходит дьявол:

— Вот, царь-батюшко, что вы обещали, я за тем пришел.

— Обождите, — говорит царь, — до завтра, сегодня ничего не скажу вам.

Ну, а дети были в соседней комнате, они подслушали у отца, что он говорил. Ночь прошла. Утром пробуждаются и матери говорят:

— Мать, беки нам подорожников, мы пойдем куда голова несет.

Ну, тут уговаривать: «Так да сяк, что вы, куда пойдете?». Никак не могли уговорить сына и дочку. Мать напекла лепешек, колобков, пирожков, и они отправились рано с утра.

Шли, шли, шли, вот и аккуратно навалились они, где дрова семят этот дьявол. Дьявол заметил и бегом к царю. Ну, они шли, шли, шли и далеко ушли, пока дьявол ходил к царю. Дьявол с царем увидался. Ну, царь говорит:

— Что, — говорит, — я обещал, изменить не изменю, а их нету дома.

Дьявол тогда свернулся и ушел. И царевич и Марья-царевна идут, далеко идут, повертываются, идут, далеко уж ушли. Стоит избушка на курьих ножках, на петушьих воротах.

— Избушка, избушка, повернись к лесу главами, к нам воротами, зайти и выйти дорожным людям!

Сидит баба-яга, костяная нога — титки через грядку вснут, а языком в печи пашет.

— Ох, куды вас бог понес, деточки!

Ну, тут Иван-царевич и Марья-царевна все рассказали, как это было:

— Папа, когда был в другом государстве, отдал нас дьяволу. Вот мы выучились, стало нам по шестнадцать-восемнадцать лет, и мы ушли куда голова несет. Хотим уйти от дьявола, не можешь ли помочь?

Эта старушка, была она волшебна или кака, дала кремешок:

— Вот, когда дьявол вас догонять будет, вы этот кремешок киньте повади себя и скажите: «Встаньте, горы камейны, от земли и до неба, дьяволу ни пройти, ни проехать». А затем ночуйте у меня, и завтра пойдите прямо на восток. Там у меня средняя сестра живет, вот она вам поможет.

Ну, Иван-царевич и Марья-царевна ночевали, утром рано встали и направились на восток.

Шли, шли, шли, шли, шли, и целый день идут, да отдохнут, да покушают, что у них подорожники какие были, и опять вперед. Стали поздним вечером, и вдруг увидели: стоит избушка на курьих ножках, на петушьих воротцах.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, к нам воротами, зайти и выйти дорожным людям!

Избушка повернулась к лесу глазами, к ним воротами. Они зашли, опять сидит така баба-яга, костяная нога — титки через грядку вьснут, а языком в печи пашет.

— Куды вас бог понес? — говорит.

Опять рассказали:

— Понес нас бог, что папа уехал в друго государство, у мамы родились мы, а папе показался дьявол: отдай, мол, то, чего не знаешь, и папа отдал нас. И вот мы выросли, а пришел дьявол, и мы ушли от него. И вот были у твоей сестры, и она дала нам кремешок, а ты не поможешь ли?

— Ладно, ложитесь спать, отдыхайте.

И тоже дала кремешок, когда [дьявол] будет догонять.

— Киньте этот кремешок позади себя и скажите: «Встаньте, горы каменные, от земли и до неба, дьяволу ни пройти, ни проехать». А вы в это время далеко уйдите. Утром идите прямо на восток, у меня там старшая сестра, к ней приворотите, она вам поможет.

Вот утром пошли, шли, шли, шли, повяртывали, дьявол не догоняет. Вот дошли до избушки на курьих ножках, на петушиных воротцах.

— Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, к нам воротами, зайти и выйти дорожным людям!

Избушка повернулась к лесу глазами, к ним воротами. Они зашли, там сидит баба-яга, костяная нога — титки через грядку вьснут, языком в печи пашет.

— Куда вас бог понес?

— Вот пошли: вот нас папа отдал дьяволу, и мы решились уйти от дьявола.

— Ну, я вам помогу. Он будет догонять вас. Вот вам листочек, и киньте этот листочек и скажите: «Разлейся, река огненная, дьяволу ни пройти, ни проехать!». А сами идите на восток, поднимайтесь в гору.

Проспали ночку, утром с бабой-ягой попрощались. Шли, шли, шли, да еще подошли. Подойдут, да покушают, и опять вперед. Стало дело к вечеру подходить, и вдруг дьявол бежит и бежит, и вот уж близко. И они кинули этот кремешок и сказали:

— Встаньте, горы каменные, от земли и до неба, дьяволу ни пройти, ни проехать!

И таки горы круты, каменные стали, дьяволу ни пройти, ни проехать. А они дальше пошли на восток. Ну, дьявол пока бегал

за топорами да ножами да прорубал дыру там в горах, они ушли далеко и шли день до вечера, и никто не попадает им. И вот дьявол опять бежит, бежит, и вот уж догоняет, уж близко. Они опять бросили кремешок и сказали:

— Встаньте, горы каменны, от земли до неба, дьяволу ни пройти, ни проехать!

И опять встали горы круты, каменны. Дьявол на той стороны, они на этой, и они опять в пробег от дьявола. Идут день, идут другой, все вперед, и на третий день опять дьявол. Дьявол сбегал за топором к той горы, где оставил, и опять нору проделал, и опять догонять стал.

Вот они листочек этот кинули:

— Разлейся, река огненная, дьяволу ни пройти, ни проехать!

И разлилась река огненная, река зафурчала огненная, дьявол остался на той стороны, они на восточной стороны.

Дьявол заукрашался на той стороны, такой уж стал красивый, и сестры-то понравился он, что очень красивый.

Ну, они поднялись в гору, а на горы стоит двухэтажный дом. Ну, зашли они, никого нет там. А в доме жили разбойники: все грязно, разрыто, и нет никого. Вот Иван-царевич убирается, а Марья-царевна все вымыла — все полы, лавки, столы, посуду. И осетовались здесь, боле никуда нейдут, и день, второй живут. А дьявол за рекой огненной украшается, такой красивый, и бегает там взад-вперед, и никуда. Сунется в реку, ожжется и опять назад. Вот приезжают разбойники на мишке, на лёвке, на двух кобыльках и голубе.

— Фу, фу, фу, русский дух! — заходят. — О, как чисто убрано. Мы сколько здесь жили, никогда уборки не было. Брат, сестра, выходите! (Они там за печку зашли).

Ну, те вышли. Очень разбойники рады, не знают, куда их девать, приняли, сготовили обед, выпили. Все рассказали им Иван-царевич и Марья-царевна, все как было, из-за чего попали сюда. Видят дьявола.

— Мы, — разбойники говорят, — помочь вам ничем не можем, но мы вам оставляем мишку, лёвку, двух кобыльков да голубя, и живите. А нет — то поезжайте такой-то дорогой, там селения, потом города, пароходы ходят, и вы устроитесь, можете на пароходе уйти в друго государство.

Вот они живут день, другой. Иван-царевич поехал в лес за дровами. Дело к зимы подходит, надо дров заготовить. Вот рубит дрова. А сестра пошла воду носить. Ну и пошла, посмотрела — и уж такой красивый там дьявол украшается, что она задумала: как бы мне дьявола перевезти, будто бы мой муж будет. А она убиралась на подволоке, нашла там железную лодку, и спустила с подволока лодку, и перевезла дьявола. Вот зашел он в избу — сидят, разговаривают, вдруг подъезжает Иван-царевич с дровами... Дьявол зубы точит, кричит:

— Вот сейчас я тебя съем!

— Обожди, — говорит, — я сейчас дров привез, баню истоплю, вот парно костёе будет, тебе мягче грызть.

— Ну, топи баню, — говорит.

На улицу он не выходит, в окно выставил зубы. А Иван-царевич в избу не заходит тоже. Охапку дров в баню затащил, баню затопил, а мишку, лёвку поставил к дверям, двух кобыльков перед баней, а голубь на баню сел, — дал распоряжение.

— Ну, — говорит, — иди!

Дьявол только добегают к бане, а Иван-царевич был в бане и кричал:

— Мишка, лёвка, два кобылька и голубь, терзайте его!

И они его схватили, дьявол не успел размахнуться, как его разорвали на кусочки.

Вот потом пойдет Иван-царевич в избу.

— Ах, что же, — говорит, — ты, сестрица, наделала!

Ну, она извинилась, такой он был красивый. Ну, брат простил.

— Ладно, — говорит, — теперь нам никакого препятствие не страшно по дороге, дьявол разорван, поедем дальше. Я уж тоже... пожили, дак как уедем в город, буду жениться, — говорит. — Время подходит мне, искать буду себе невесту.

Вот утром встали и поехали. Всех забирает: мишку, лёвку, двух кобыльков и голубя, и сестру.

Дом остался пустой, а сестра вышла когда, и вот у дьявола взяла зуб, прибрала, для какой цели, уж там потом будет ясно. Иван-царевич не заметил, а она в кармашек и прибрала дьяволиный зуб этот.

— Мишка, лёвка, кобыльки и голубь, везите, — говорит [Иван]. — Вы знаете, куда разбойники ездили. Чтобы нам попасть в другое царство, в большой город!

Вот едут: деревушка, город, порт, вот они в порт, и садятся на корабль, и едут в другое государство.

Едут, а по палубы ходил Иван-царевич, а там заметил: стоят дубы, а зайчик бегат по острову. Ну, пароход проиел мимо, и вот подъезжают к порту, друго государство. Не доходя близко стали. А сидит царевна на берегу, оплакивает слезами, плачет. И вот Иван-царевич говорит:

— Нас выпустите сюда.

И вот остоялось судно, и их вывели на берег: мишку, лёвку, двух кобыльков, и голубя, и Ивана-царевича с Марьей-царевной. А судно пошло вперед, они остались тут. Вот подходит к этой царевне Иван-царевич и спрашивает:

— Чего ты сидишь, плачешь, и когё дожидаеть тут?

А царевна говорит:

— Вот, скоро море взволнуется, и выйдет двенадцатиглавый змей и меня съест!

(А там тако было, что от восемнадцати до двадцати лет деву-

шек посылали змею, а если долго не подвозят, море волновалось, вода бушевала очень, и пароходы не могли ходить). И Иван-царевич крепко вздохнул и говорит:

— Пойдешь за меня замуж? И я не дам тебя съест!

— А как же ты, — говорит, — не дашь съест, когда у нас каждый день он съедает по девушке, и дошло до меня, царевны, и вот меня через минуту-другую съест!

И царевна схватила Ивана-царевича за шею и заобнимала его:

— Если уж спасешь меня, то я буду твоя!

Вот Иван-царевич увел ее высоко на гору, и вот море заволновалось, и вышел двенадцатиглавый змей. И Иван-царевич говорит:

— Мишка, лёвка, два кобылька и голубь — терзайте его!

Они змея растерзали, голубь голову расклевал. Царевна обнимать Ивана-царевича начала. Ну, он и говорит:

— Я тебя к отцу-матери повезу!

И он ее повез на мишке, лёвке, двух кобыльках да голубе. Все поехали, и Иван-царевич, и Марья-царевна.

Подъезжают — все дивуются, что она жива, а время вышло, все уж не считали ее живой. Царь обрадел дак, стали обниматься с Иваном-царевичем, с дочерью, так были рады. Царевна стала говорить, что это Иван-царевич, мой муж, и он навсегда избавил город от змея. Вот царь очень доволен и не возражает. Собрали пир на весь мир, играют свадьбу. У царя было, конечно, на что сыграть свадьбу. Вот гуляют день, гуляют два. Вот на третий день повалились спать Иван-царевич с женой, а эта сестра его подумалась — засунула зуб от дьявола в рот царевне (сонной), и царевна померла. Утром Иван-царевич пробуждается, а так ли, сяк ли — пообеднела, мертва. Докладывает царю с царицей. Ну, поплакали, а что делать? Царь дает большие деньги вытянуть этот зуб, а никто не берется. Вот Иван-царевич созывает мишку, лёвку, двух кобыльков и голубя и говорит:

— Вот мы проплывали мимо острова, видели там зайца, так поймайте и привезите его сюда.

Мишка, лёвка, два кобылька и голубь:

— Есть, — говорят, — сбегает!

И быстро побежали, переплыли на остров, увидели зайца, поймали и притащили Ивану-царевичу. Иван-царевич говорит:

— Вот, вынимай зуб у царевны, и тогда спустим мы тебя.

Заяц дрожит: вынешь — съедят, и не вынешь — съедят... Лапкой цап, и [зуб] вылетел.

Выше города ручей был живой воды. Принесли в стеклянке живой воды, sprыснули — и царевна ожива. Опять царь собрал пир на весь мир, и стали пировать, и жить-поживать, и добра наживать. До сей поры живут, нас переживут.

Там я был да ниво пил, по усу текло, в рот не попало, за голяшку упало!

Сказка вся, боле сказать нельзя.

96. Железный нос, деревянный хвост

Был-жил старик со старухой, у них не было никого. Вот стары стали, кормиться не змогли, дедушко взял топор и пошел в лес, тюкнул по деревцу, тюкнул по другому, выскочила птичка — железный нос, деревянный хвост:

— Куда, стар, ходишь, куда, стар, бродишь по нашему лесу, кого у тя нет?

— А поисть, — говорит, — нечего. Вот дожили до старости и поисть нечего стало.

— На вот горшочек, — говорит, — и принесешь домой, поставь на стол, скажи: «Наливыш, налейся!»; когда нальется целый: «Крепыш, крепись!». Очудится рисова каша на молоки, на масле, с песком, с сахаром. Вот вам по зубам будет, это и кушайте, сколько хотите.

Дедушко взял горшочек, поблагодарил птичку и пошел домой.

Идет, а ягисня, жила тут недалеко, кричит:

— Дедушко, привороти в баньке помыться!

— Банька-то и хорошо, да недосуг, — говорит, — бабушка, надо домой попадать.

И не приворотил. Приходит домой, ставит горшочек на стол.

— Наливыш, налейся! — говорит.

Наливыш заналивался да заналивался, и полный горшочек стал.

— Крепыш, крепись!

Очудилась рисова каша в горшке мягка, и масляна, и молочна.

— Бабушка, поди, — говорит, — будем кушать! Неси ложки, будем хлебать кашу.

Бабушка принесла ложки, и начали хлебать кашу, ух, какая вкусная! Хлебают да похваляют. Наелись каши, бабушка легла отдыхать на примостки, а дедушка пошел дров рубить.

— Я, — говорит, — дров наперерубаю, березнику в печь.

Дедушка рубит дрова там, перерубат, потолще комельки колет, в костерок укладывают, а в это время бабушка не заснула. а «Наливыш, налейся!» говорит. Наливыш наливался да заналивался, через горшочек пошло. Бабушка еще: «Наливыш, налейся!», да и забыла, как ей закрепить-то, а одно заклинат: «Наливыш, налейся! Наливыш, налейся!». Наливыш заналивался фонтаном. На кровати стало бабушку снимать, бабушка на печку, еще: «Наливыш, налейся!». Не может вспомнить, а еще двигает: «Наливыш, налейся! Наливыш, налейся!». На печки стала подходить вода, бабушка на полати по воронцу затянулась. Бабушку и на полатях стало снимать. Бабушка и закричала дурнем:

— Дедушко, выручай!

Дедушко как стал двери открывать, открыл — вода хлынула в дверь.

— Крепыш, крепись!

Сказал и залип в кашу. А бабушка — одна голова видна у потолка, а вся в каше. Руки в рот горстьем берет: каша мягка, рисова, вкусна.

Ну, дедушка кой-как разгреб руками ноги и давай носить на улицу кашу, да бабуку доставать, перерекаются. Тут всё выносили. Ну, тут с деревни набежали, были престарелы тоже, и кто горшок, кто ведро — и кушают кашу да деда с бабушкой благодарят, дивуются, откуда у них столько каши оказалось. Услыхала это и ягишня — тоже унесла в корзинке.

Жили-пожили, живут день, живут неделю, живут две недели, и стала к концу вся каша у них, а горшочек больше не работает. Дедушко: «Наливыш, налейся! Наливыш, налейся!». Нет, не наливается. «Наливыш, налейся!». Не наливается. Ну и пошел дедушко в лес, дров сечь. Тюкнул по деревцу, тюкнул по другому, тюкнул по третьему. Выскочила птица — железный нос, деревянный хвост:

— Куда, стар, ходишь, куда, стар, бродишь по нашему лесу, кого у тя нет?

— Да вот горшочек боле не заработал, у тебя был дан, бабушка так и так сделала, и больше горшочек не работает.

— На вот, — говорит птичка, — скатерётку-хлебосолку. Приди домой, на стол расстели и скажи: «Скатерётка-хлебосолка, развернись!». А потом вам все будет тут, чего хотите; все будет на столе.

Дедушко взял скатерётку-хлебосолку, поблагодарил птичку и пошел. Вот идет, а эта опять ягишня и кричит, старушка:

— Дедушко, привороти, у меня байна готова, привороти помыться!

— Давай, — говорит, — приворочу, давно не мылся.

— Давай, давай, — говорит, — привороти!

Дедушко пошел мыться. Скатерётку-хлебосолку оставил в сером кафтане, а эта ягишня взяла скатерётку из кармана вынула, а свою подсунула. Помылся дедушко.

— Спасибо, бабушка, — говорит, — так хорошо помылся.

Серый кафтан одевает, берет топорик и идет домой к бабушке. Пришел домой, скатерётку-хлебосолку достает из кармана, достал, растянул на стол.

— Скатерётка-хлебосолка, развернись!

Скатерётка-хлебосолка не развяртывается.

— Скатерётка-хлебосолка, развернись!

Скатерётка-хлебосолка не подумала.

— Ох, така-сяка птичка, обманила меня, — говорит, — старого старика! Вот, бабушка, не умела владеть горшочком, скатерётка не помогает нам.

— Не приворачивал ли ты, дедушко, куда дорбгой?

— Как, бабушка, не приворачивал! У ягишни-то я был, — говорит, — и в байны вымылся.

— Так вот она подвернула тебе, наверно, свою скатерётку.

— Не знаю, бабушка, — говорит, — не видел.

Берет дедушко топор, идет в лес. Ну, не так далеко был в лесе, подходит, опять тюкнул по деревцу, тюкнул по другому, тюкнул по третьему. Выскочила птичка — железный нос, деревянный хвост.

— Куда, стар, идешь, куда, стар, бредешь по нашему лесу, кого у тя нет?

— Дак нет, — говорит, — даве ты дала мне скатерётку-хлебосолку, а скатерётка-хлебосолка не развяртывается.

— А ты приворачивал, дедушко, дорбгой?

— Приворачивал, — говорит.

— Ну вот, у тебя, — говорит, — попользовались твоей скатерёткой-хлебосолкой. Ну вот, на, — говорит, — кобеля. Придешь домой, скажешь, что «кобель, почеши!» — он тебе муки начешет, а «кобель помели!», то он кого хошь в куски может разорвать, если кто на тебя будет недоволен.

Забирает дедушко кобеля и идет домой. А ягишня эта опять:

— Привороти, — говорит, — дедушко, баня еще не простыла, еще попаришься, жарко! Даве первый жар был, так быстро ты вымылся, а сейчас вольный такой, хороший жар!

Дедушко приворачивает, снимает серый кафтан и кладет кобеля. А ягишне говорит:

— Ты не говори, что «кобель, помели, помели!».

Сам идет в баню париться. А как ушел, двери хлопнул, ягишня и говорит:

— Кобель, помели!

Он и схватил, и зачал ее трепать, и давай таскать за волосы, а та реветь. Дедушко быстро обкатился, вышел:

— Что, — говорит, — бабушка, взяла ты мою скатерётку-хлебосолку?

— Нет, — говорит.

— Ну, кобель, пуще мели!

У ей и волоса полетели. Ну, второй раз спрашивает:

— Взяла ты мою скатерётку-хлебосолку?

— Взяла, — говорит.

— Отдаешь ли?

— Возьми, там у меня под крынкой, в печном углу.

— Кобель, стой!

Кобель остоялся. Пошел дедушко в избу, зашел в печной угол, крынку отадынул, там скатерётка-хлебосолка. Кладет ее в карман дедушко и выходит. Одевает серый кафтан, забирает кобеля и идет домой к своей старушки.

Приходит домой, доставает скатерётку-хлебосолку, растягает на стол.

— Скатерётка-хлебосолка, развернись!

Скатерётка-хлебосолка развернулась. Тут и печенье, и шоколады, и мармалады, и рыбники, и чего дедко не видал никогда,

оказались на столе. И яблоки, и груши. Не знают, за что братья кушать. И конфетки, и пряники разные, и сушки. Бабушка вытянула чугуничек с кипятком, чаю налила, и сели угощаться. Наелись, накушались, чаю напились, поспали, и дедушка опять пошел дров нарубить в избы. Рубит, комельки колет, складывает. А ушел — говорит:

— Бабушка, ты не говори: «Кобель, помели!».

Он ушел, а она сразу и говорит:

— Кобель, помели!

Как выскочил, как стал ее трепать. Ну, она закричала, дедушко сразу прибежал в избы.

— Тебе говорил: не говори, а ты опять! . .

Бабушка чуть жива.

Еще сказал [дедушко]: «Кобель, почеси!». Сразу мешок муки, сразу выскочил.

— Вот, — говорит, — бабушка, пеки блины-олашки и будем жить да быть и птичку благодарить. А это «кобель помели!», когда нас будут обижать, тогда мы будем, — говорит, — кобелем обороняться.

Дедушка с бабушкой поживают и горя не видают, пьют, едят, чего хотят. До сей поры живут, нас переживут.

И сказка вся, боле сказать нельзя.

97. Про горошину

Был-жил старик со старухой, у них не было никого. Дед пахал поле сохой и выпахал горошину, посадил под окно хаты, и выросла большая-пребольшая лесина. Дедушка вышел с бабушкой.

— О, — говорят, — ходом до неба выросла у нас лесина!

— Пойду я, — дедушка говорит, — на небо выставать.

А бабушка говорит:

— Возьми и меня с собой.

— Да как я тебя, бабушка, буду здымать?

— Да ты меня в мешок посади!

Ну, дедушко бабушку кладет в мешок, захватил в зубы мешок, сам руками за сучья, и стал выставать по лесины — на небо, бабушку в зубах держит, в мешке. Ставал, ставал, руки устали, бабушка только перевортывается о сучья, но терпит: на небо выставают, дак. Бабушке уж и бока больны стали.

— Шкоро ли? — говорит.

Дедушка тихонько захватился за сук.

— Не скоро, — говорит.

Бабушка и замолчала. Дедушко все выстават с сѹка на сук, уж и высоко поднялся дедушко, а конца не видно. Бабушка:

— Шкоро ли? — говорит.

Дедушко хотел сказать «скоро», да мешок-то из зубов и выронил. Бабушка ходом по сучьям да на землю, вся и рассыпалась не рассыпалась, а убилась, костье старое, дак.

Дедушка спускается вниз потихоньку с сука на сук. Не убился. На небо, уж не стал выставлять. А бабушка лежит, убилась. Дедушко и заприплакивал над бабкой-то:

Добра-а была бабка,
До ста-а-рого дедко,
Тонки-и нитки пряла,
Бело-о водила,
Старика-а любила,
Укрѣпывала, упочи́нивала!
Добра-а была бабка
До ста-арого дедко,
Тонки-и нитки пряла,
Бело-о водила,
Старика-а любила,
Укрѣпывала, упочи́нивала!

Поплакал, заплакал да бабушку похоронил, и стал жить, да и до сей поры живет.

98. Колобок

Бабушка испекла колобок, склала на окошко студить, а он с окошка упал, и на дорожку попал, и катится. Вдруг попадают сорок девиц.

— Куда ты, колобок, катишься?

— Я колобок, я желобок, я на масле печен, на сметане верчен, среди печи печен, на окошке студен, я с окошка упал, на дорожку попал, я от дѣдка ушел, я от бабки ушел, и от вас, от сорока девиц, уйду!

И покатился дальше. Вдруг навстречу три молодицы и говорят:

— Куда ты, колобок, катишься?

— Я колобок, я желобок, я на масле печен, на сметане верчен, среди печи печен, на окошке студен, я с окошка упал, на дорожку попал, я от дѣдка ушел, я от бабки ушел, от сорока девиц ушел, и от вас, трех молодиц, уйду!

И покатился дальше. Катится, а навстречу ему лиса:

— Куда ты, колобок, катишься?

— Я колобок, я желобок, я на масле печен, на сметане верчен, среди печи печен, на окошке студен, я от дѣдка ушел, я от бабки ушел, и от сорока девиц, и от трех молодиц, а от тебя, бедна лисичка, я подавно уйду!

— А сядь, — говорит, — на язычок, спой на язычке!

А он сел на язык и запел:

— Я колобок, я желобок, я на масле печен, на сметане верчен, среди печи печен, на окошке студен, я от дѣдка ушел, и от бабки

ушел, и от сорока девиц, и от трех молодых, а от тебя, бедна лисичка, и подавно...

Хотел только спеть «уйду!», а она «хам!» — и проглотила.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА ЗАБОРЩИКОВА

99. Мышка-норушка

Вот едет мышка-норушка да попискиват, песни поет. Бежит горносталя, спрашивает:

— А чье это суденышко по озеру бежит, как его хозяина по имени зовут?

А она:

— А я мышевна, я колоколовна, я мѡлода Снафидья Давыдовна. А ты кто?

— Горносталяшко-шелкунко. Возьми меня!

— Поди!

И поехали, запели на разные голоса, едут да поют, да прифуркивают. А бежит зайко-белейко:

— А чье это суденышко по озеру бежит, как его хозяина по имени зовут?

— Я мышевна, я колоколовна, я мѡлода Снафидья Давыдовна, а я горносталяшко-шелкунко.

— Возьмите меня!

— А ты кто?

— Я зайко-белейко.

— Поди, — говорят.

И третий вскочил. Едут, гребут, да на разны голоса поют, прифуркивают. А бежит псец-молодец:

— А чье это суденышко по озеру бежит, как его хозяина по имени зовут?

— Я мышевна, я колоколовна, я мѡлода Снафидья Давыдовна, а я горносталяшко-шелкунко, а я зайко-белейко!

— Возьмите меня!

— А ты кто?

— А я псец-молодец.

— Поди, — говорят.

Едут дальше, да на разны голоса поют, да прифуркивают. Бежит лисичка-сестричка:

— А чье это суденышко по озеру бежит, как его хозяина по имени зовут?

— Я мышевна, я колоколовна, я мѡлода Снафидья Давыдовна, я горносталяшко-шелкунко, я зайко-белейко, я псец-молодец, а ты кто?

— А я лисичка-сестричка. Возьмите меня!

— Поди!

И эта заскочила. Едут дальше, песни поют, пофуркивают. Бежит волчище, серый хвостище:

— А чье это суденышко по озеру бежит, как его хозяина по имени зовут?

— А я мышевна-колоколовна, я мóлода Снафидья Давыдовна, я горносталяко-шелкúнко, я зайко-белейко, я псец-молодец, я лисичка-сестричка, а ты кто?

— Я волчище, серый хвостище, возьмите меня!

— Поди!

И тот заскочил. И того взяли. Едут, на разные голоса песни поют да прифуркивают.

Бежит медвёдина-теплоёдина:

— А чей это кораблик по озеру бежит, как его хозяина по имени зовут?

— Я мышевна-колоколовна, я мóлода Снафидья Давыдовна, я горносталяко-шелкúнко, я зайко-белейко, я псец-молодец, я лисичка-сестричка, я волчище, серый хвостище, а ты кто?

— Я медвёдина-теплоёдина. Возьмите меня!

— Поди!

Приворачивают к берегу. Медведь как лапу забросил на борт, другую хотел, так лодка и перевернулась кверху колодиной, все и поплыли: мышка-норушка, горносталяко, зайко, псец, лисичка и волчище, серый хвостище. И все на берег выплыли и расселись: мышевна-колоколовна, горносталяко-шелкúнко, зайко-белейко, псец-молодец, лисица-сестрица, волчище, серый хвостище, медвёдина-теплоёдина. Все по ранжиру. И запели. Пели, пели. Лисичка и говорит:

— А посидим, посидим, кого поменьше, того и съедим!

Ну и мышку съели. Лисичка разорвала: горносталяку — лопаточку, зайку — лопаточку, псецу — холочку, лисичке — холочку, волку — труп, остаток, медведю — головку. А медведю только на языки-то знать.

Опять сидят да поют песни. Лисичка-то бегаёт, бегаёт кругом, а немного куснула и сует под ж. . . , под камешок. А говорит:

— Посидим, посидим, кого поменьше, того и съедим!

Горносталяку и разорвали: зайку — лопатку, псецу — лопатку, волку — холку, себе — холку, а медведю весь труп — остаток. А лисичка кусила немного, а остатки под камешок сует. И опять бегаёт, на месте не сидит, а говорит:

— Посидим, посидим, кого поменьше, того и съедим!

И зайко очередь. И зайко съели. Псецу дала лопаточку, себе взяла лопаточку, волку — две холки, медведю — что осталось.

Сидят, да сказки рассказывают, да песни поют. Лисичка опять:

— Посидим, посидим, да кого поменьше, того и съедим!

И псеца съели. Псеца разделила тоже. Себе взяла, да волку дала, да медведю дала. И сидят, песни поют. А волк поглядывает. Волк говорит:

— Я, — говорит, — сбегаю ненадолго.

Да и в лес убежал. А лисичка на холмышек села, из-под ж... достала мяска и ест.

— А что это ты, лиса, ешь?

— А я в ж... себе запихаю лапу да и достаю. Так и ты достань, я тебе больше давала.

Вот опять посидели, лисичка все достает мяско да ест. Медведь опять спрашивает:

— Что это ты, лиса, ешь?

— А я в ж... себе запихаю лапу да достаю. Ты запихай, тоже достанешь!

Он запихал лапу — что, нет ничего! А лисичка:

— Пихай дальше, дальше пихай!

Он и едва дышит. Она его взяла за горло да задавила и съела — не зараз уж... И осталась лисичка.

И сказка вся.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ПРИДАННИКОВА

100. Присказка

Жил-был поп на водах, на землях, на стольных городах. Низко стать — водой поймет, высоко стать — ветром сдует. Стать не стать на ровном месте, как на скатерти.

Телята заревели, люди узнали, попу сказали. Поп с печи, а попадья с полати.

— Попадья, попадья, подай косу!

— Да куда с косой?

— Сено косить!

— Куда с сеном?

— Коров кормить!

— Куда с коровами?

— Молоко доить!

— Куда с молоком?

— Робят поить!

— Куда с робятам?

— Щепку собирать!

— Куда с щепкой?

— Горох варить!

— Куда с горохом?

— Свиной кормить!

— Куда со свиньями?

— Гору копать!

— А що в горы?

— Медна ступа.

В медной ступы серебряна чашка, в серебряной чашке золота ложка. Кто бойкой на ножку — да бежите за ложкой.

101. Лиса и журавль

Жил-был журав да лиса. Пошел журав к лисы в гости. Тяпши-лепши по болоту шли, того болота семь верст.

— Здорово, кума!

— Здорово, кум!

— Кума, кума, поди за меня замуж!

— А ты, — говорит, — журав, большой, а ты, журав, толстой, у тебя ноги долги да лапки высокие, а у меня маленькие, мне и не выстать будет, не пойду я за тебя замуж!

Журав обиделся, да и пошел домой. Пришел, сидит, пригорюнился весь. А лиса посидела: «Да вот беда-то! Чего я за него не пошла? Пойти разве, подаватъце?». И пошла по болоту, тяпши-лепши семь верст.

— Здорово, кум!

— Зорово, кума!

— Кум, кум, возьми меня замуж, я пошла к тебе подаватъце!

Кум-то хотел было пофорсить, да давай уж, говорит, нать уж взять ей замуж!

Ну ладно, согласился кум. Она и говорит:

— Завтра приходи, кум, ко мне на обед, попраздникам, да тогда уж у тебя!

Кум согласился.

Пришла домой, каши наварила пшенной, масла наклала много в кашу и дожидает жениха. Пришел журав, лиса тарелку на стол принесла с кашей, вся в масле каша, такая хорошая, уж дак. Сама-то языком подлизывала, подлизывала, а журав стук, стук, стук, — нет, ему ничего не попадет. Сама все вылизала, а журав и остался голодный.

— Спасибо, кума, — говорит, — завтра ко мне приходи! У меня совсем тогда и отпразднуем!

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Утром встала лиса, нарядилась и пошла к журавлю в гости. У журавля тоже все готово. Наварил мяса, да в кувшин напускал, да масла налил, да на стол принес, да сам-то достават из кувшина мяса, а лиса вокруг кувшина бегает, достать ничего не может. Побегала, побегала, да так, не солоно хлебавши, от жениха и ушла, не задумала замуж за него справляться.

102. Кот-Котя

Жил кот с петухом. Кот пошел дров сечьцы, петушку наказывал:

— Не выглядывай в окошко!

А лисица узнала и прибежала под окно:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошечко:
Девушки катаются,
Да золоты санки ломаются,
Все старики и старухи выбежали смотреть.

Он выглянул, она и потащила его. Петушок и закричал:

— Котя, котя! Несет меня лиса за темные леса, к своему гнезду, к малым деточкам на съеденьице!

Кот-то услышал, да и побегал. Да догонила лису-то, петушка и отнял. Да принес домой, да посадил:

— Больше у меня, — говорит, — не выглядывай, я далеко уйду дров сечью!

Кот со сна станет ранехонько, да печь истопит, да напечет пирогов, да шанёг, да и говорит:

— Боле не выглядывай, а то лиса опять прибежит!

Он ушел, а лиса-то опять и прибежала и запела:

— Петушок, петушок, золотой гребешок, масляна головушка, шелкова бородушка, выгляни в окошечко: тебе пшёнца принесла, посмотри да...

Он опять не утерпел, выглянул, она и потащила его. А петушок кричал, кричал:

— Котя да котя! Несет меня лиса за темные леса, к своему гнезду, к малым деточкам на съеденьице!

Кот не слышал ничего, пришел домой, а петушка нет, он скорей мешок бросил, да нарядился в сапоги, да побегал петушка искать. Не близко было тоже и бежать к лисице, да кто знает... Он прибежал да и запел:

У креста было креста,
У Романова креста,
Там жила-была лиса красна.
У лисы было три сына да три дочери:
Один Ерофей, другой Дорофей,
Третий Бороду-обрей,
Чучелко да Палачишко,
Да Подай челнок из подлавицы.

Лисица да и говорит:

— Ребята, кто-то поет там!

Ребята, знаешь, все бегом из избы и побежали, обрадели: кто-то поет, так послушать. А кот-то из-за лесинки их всех сгреб, да в мешок и закинул, да мешок и завязал. Верно, небольшие были ребятки, все в мешок зашли.

Лисица-то не могла ребят дожидаться, не знает, где ребята, да и побежала ребят искать. Кот и лисицу схватил и сгреб. Из-за лесинки, тоже укараулил, да сгреб лисицу в мешок.

— Сидите, — говорит, — там!

Пошел петушка искать в избу.

— Петушок, где ты? Петушок, где ты?

Не может и найти. А петушок:

— Ку-ка-ре-ку!

Петушок затянулся под печь, чуть и достал его лапками оттуда. А ножик уж наточен был у лисы, хотела петушку голову резать, да не успела отрезать. Петушок обрадел. Кот петушка взял, а лису продал и всех лисят, всего накупил, каждого места. И стали жить да поживать, и до сей поры живут, да нас переживут. Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, да в рот не попало.

103. Лиса и волк

Жили-были волк да лиса, у лисы была избушка ледяная, у волка — хвойная. Весна пришла, у лисы изба и растаяла. Она и пошла к волку даваться жить. А волк не пускает:

— Некуда, я сам на печи, а хвост на полатях, больше и некуда!

— А я, — говорит, — хоть под веничек, этта посижу маленько.

— Ладно, — говорит, — посиди под веничком, погрейся.

Она посидела, посидела, да и говорит:

— Куманек, я озябла, мне бы хоть под лавочкой полежать!

— Ну, полежи, — говорит.

Лежала, лежала:

— Кум, — говорит, — я озябла, мне бы хоть на лавочке полежать, растянуться!

— Ну, полежи! — говорит.

Лежала, лежала, опять спина озябла у кумы на лавке:

— Пусти меня, — говорит, — кум, на печку, погреться маленько!

Ну, он пустил ей на печь, сам сошел наверно, как пустил на печь. На печи лежала, лежала, учуяла дух — у волка бочка с маслом была на подволоке, учуяла, что дух-то — маслом несет, хвостом-то и застукалась:

— Кум, кум, — говорит, — меня бабить зовут!

— Поди, — говорит, — сходи, кума, побабь, тебе хоть на нарукавники дадут, побabiшь хоть, — говорит.

Она и побежала. В бочку масла забралась, полизала, полизала, да и вернулась домой, разлеглась, повалилась, наелась, дак как барыня спит. Он спросил у ней:

— Кого бог дал?

— Початоцек! — говорит.

Опять день ли, два прошло, она опять запостукивала хвостом;

— Кум, а кум, меня опять бабить зовут!

Ну, он опять:

— Сходи, как уж зовут, нать сходить побабить.

Она опять сходила, полизала, не могла долизать. Пришла, он опять и спрашивает:

— Кого бог дал?

— А серёдышек, — говорит.

Опять день ли, два прошло, она опять запостукивала хвостом — надо масло сходить долизать. Он опять говорит:

— Иди, бабь, больше волчонков будет да лисенков.

Вот они жили-пожили, а волк-то стал именинник.

— Кума, — говорит, — настряпай шанег.

Сдружились, верно. Вот она настряпала, он и говорит:

— Поди, сходи на подволоку, у меня там масло есть, да намажь шаньги!

Она пришла:

— Кумушко, никакого там масла на подволоке нет!

Пошел сам проверить, а масла нету.

— Ты, — говорит, — наверно, кума, съела!

— Нет, наверно, ты сам, ты старый стал, так не помнишь!

Заспорили дак, лиса-то хитрая:

— Поведемся на печь, давай, который в масле будет, тот и масло съел.

Поели шанег, чаю попили и повалились спать, а волк-то старый был, да уж винца выпил на именинах, да и заснул крепко. Лиса-то встала — вся в масле — так скорей волка вымазала, сама вымылась да и забудила волка:

— Вставай, кум, ты, — говорит, — масло съел!

Волк встал:

— Вот, — говорит, — я старый стал, такой бестолковый, чуть тебя не выгнал!

Да так и стали жить, с лисой сдружились, так и стали жить. Лиса уж все его обманывала. Богатый был, верно, волк, с маслом жил, дак.

104. Как попу горло перегрыз

В деревне жил старичок один бедный, не любил веселья. Жил он один, одному спокойнее жить; его считали, что он как колдун. Ну, он жил-пожил, и помер этот старичок. Его в церковь-то и унесли, склали, его в избу никто не пустил, этого старичка. А церковь далеко была у них.

А были в этой деревне поп и дьякон. Дьякону хотелось быть бачком, он и задумал [такой обман], что этот старичок — колдун. Он и пришел в церковь, вынул этого старичка, положил под лавку, а сам лег в гроб и закрылся.

А сторож приходит звонить — церковь открыта, пошел звонить, думал бачка здесь. А бачка после идет, с сыном пришел, далеко. Бачка ходит по алтарю, а сын и говорит:

— Бачка, покойник шевелится!

— Да что ты! Покойники не шевелятся! — не верит.

А потом паренек этот бегаёт, бегаёт:

— Папа, бачка, — говорит, — покойник-то сел!

А он уж сел. А тогда — вот беда, он уж и идет! Бычка сына-то ухоронил, под престол сунул, сам испугался, а покойник-то налетел на батька, свалил, горло-то и перегрыз, а после старика в гроб положил, а сам убежал.

А там засобирались в церковь — народ и собрался, а бачка не идет, пошли за ним — его дома нет, и пошли в алтарь — а он там лежит, перегрызено горло. А этот паренек и рассказал, что шевелился покойник, ходил, да у папы горло перегрыз. Ну, тут этого старичка не отпевали, поворотили вниз лицом в гробу, в руки топор дали. Говорят, он колдун, так чтоб сквозь землю прошел, будет рубить там. Унесли в лес, похоронили, осинами заколотили могилу, чтобы старик не вышел никак. Ну, а этот дякон стал батьком. Ему хотелось, его попом-то и сложили.

Весть-то и разнеслась по всей империи, что так-то и так, покойник как будто горло у батька перегрыз. А правила тогда царица, уж не знаю какая. И говорит:

— Не может быть, чтобы покойник горло перегрыз, надо дознаться!

Нарядила какого посла, да и послала в ту деревню.

Вот и пришел какой-то посол в деревню, разведал все, да и говорит этому батьку:

— Пустите меня на квартиру пожить.

Живет день да другой и говорит:

— Я заболел, поживу маленько у вас еще.

А сам того расспросил, другого расспросил — не может ничего доведаться. Один раз приходит домой пьяный батько этот, а он лежит-то на печи, на полатах, посол этот.

[Поп] на попадью и заругался и изодрался: «така-сяка», уж он и стал попадью ругать. Посол и спит как будто и не уркат, а ужо коверху держит. Попадья и говорит:

— Ты-то порато хороший, своему-то попу горло перегрыз! (Уж своей попадьё сказал!).

А посол утром встал, заплатил за пожило сколько стало и ушел. Ну, тогда-то и узнали, что покойник не мог горло перегрызть, и старичка этого зажалели.

А тому уж было какое-то наказание. Там царица как-нибудь сама рассчитывалась.

Это не сказка, а как, верно, на самом деле было. Горло перегрыз, звонить и пошел (сам он, верно, звонил, дякон, народ собрался, а батьки нет). Церковь, должно, не замкнута была.

105. Алешка и ягишня

Был-жил старичок со старушкой. У них был паренек Алешка. Бедны люди были, жили у озера, ловили рыбу. Паренек Алешка ездил к ягишне на озерко удить рыбу. Старичок со старушкой его не спускали к ягишне:

— На озерко не ееди, — говорят, — она тебя поимает да съест, она жалеет своей рыбы.

У ягишни было три дочери: одна Одноглазка, друга Двоеглазка, третья Троеглазка. Напекла она блинов, пирогов, каши наварила. Послала Одноглазку к озерку его поимать:

— Иди, — говорит, — кричи: «Алешка, Алешка, пристань к бережку. Я тебе даю каши горшок, сковороду блинов, короб пирогов».

Она пошла к озерку, стала Алешу звать:

— Алешка, Алешка, пристань к бережку, я тебе даю каши горшок, сковороду блинов, короб пирогов!

Алешка пристал к берегу, увидел один глаз и говорит:

— Глаз, спи!

Глаз заснул. Он блины с кашей съел, пироги к себе в лодочку высыпал и уехал.

Девка пробудилась, глаз открыла, а нигде никого! Пришла к матери, говорит:

— Не могла поимать Алешку!

— Ну, — ягишня говорит, — завтра пошлю Двоеглазку, она его поимает!

Напекла пирогов да блинов и послала ее к озеру.

Двоеглазка пришла и также говорит:

— Алешка, Алешка, пристань к бережку, я тебе даю каши горшок, сковороду блинов, короб пирогов!

Алешка опять пристал к бережку, говорит:

— Глаз спи, да другой спи!

Глаз и заснул. А сам все у ей съел опять да домой и уехал. Девка пробудилась, глаза открыла, а нигде никого! Пришла домой. Мать говорит:

— Ладно, завтра Троеглазку пошлю!

Опять напекла пирогов да блинов да каши наварила. На третий день пошла к озерку Троеглазка. Стала звать:

— Алешка, Алешка, пристань к бережку, я тебе даю каши горшок, сковороду блинов, короб пирогов!

Алешка к бережку пристал, а он не видел третьего глаза, сказал:

— Глаз спи, да другой спи.

А третей не заспал, стал глядеть. Алешка стал есть блины с кашей, а глаз видит. Да и схватила [Троеглазка] Алешку и увела домой.

Привела домой. Ягишня Одноглазке говорит:

— Топи печь!

Одноглазка печь затопила, печь натопила жарко, стала Алешку садить в печь, положила на пекло. Алешка ширится, рачиться, в печь не входит. А Одноглазка говорит:

— Склади ручки да ножки козелком, так войдешь в печь!

А Алешка говорит:

— Сядь-ко сама да научи меня!

Она только села да подобралась:

— Вот так!

А Алешка в то время ей в печь всунул, да заслонку закрыл и прижал крепко. Она там и сжарилась. А Алешка в запечь сел и сидит. Приходит ягишня, вытянула из печи Одноглазку, вычистила кости, разложила на полу, да и говорит:

— Покатиться было, повалиться по Алешкиным косточкам!

А Алешка говорит, вопит ей:

— Повались-ка ся, покатись-ка ся по дочерниным косточкам!

— Ох ты, такой сякой! — заругалась на него. — Сожог у меня Одноглазку! Завтра будет топить печь Двоеглазка, так ты от ней не уйдешь!

На второй день натопила Двоеглазка печь, посадила Алешку на пекло. Алешка ширится, ротится, в печь не входит. Двоеглазка:

— Да ты сложи ручки да ножки козелком, тогда и войдешь в печь!

Алешка говорит:

— Ну-ко, сядь сама да научи меня!

Она села, он ее задвинул в печь и заслонку закрыл, она и сгорела. Приходит ягишня, костье вычистила да расклала и говорит:

— Покатиться было, повалиться по Алешкиным косточкам!

А Алешка отвечает:

— Покатись-ка ся, повались-ка ся по дочерним косточкам!

— Ох ты, такой-сякой! — заругалась на него ягишня. — Ну, завтра будет топить Троеглазка, так ты у ней не уйдешь! Она тебя поимала, она тебя и сожжет!

На третий день стала Троеглазка печку топить. Натопила жарко. Посадила Алешку на пекло, Алешка ширится, ротится, в печь не входит.

— Да ты сложи ручки-ножки козелком, вот так, и войдешь в печь!

— Да ты мне сама покажи!

Троеглазка села на пекло, ручки-ножки склала, Алешка и ту в печь пихнул, заслонку закрыл. Сам опять за печь сел да и сидит. Приходит ягишня, вытягивает кости. Тоже начинает:

— Покататься, повалиться по Алешкиным косточкам!

А Алешка отвечает:

— Покатайся-ко ся, поваляйся-ко ся по дочерниным косточкам!

А ягишня говорит:

— Ну, на завтра сама буду топить, не уйдешь ты от меня!

Наутро ягишня натопила печку жарко-жарко. Посадила Алешку на пекло. Алешка ширится, ротится, в печь не входит. Ягишня говорит:

— Да ты сложи ручки да ножки козелком, вот эдак!

— Да ты сама мне покажи!

Она села — он и пихнул ей в печь и заслонку закрыл, да там и ягишня сгорела! Он у ней собрал все в лодку добро, да и привез домой, а дома уж оплакивали его, что съела ягишня. А приехал домой живой и барахла полную лодку привез, стали жить да поживать и добра наживать.

106. Потороча

Рассказать вам сказку, дед н. . . . в коляску, положил в уголок, чтоб никто не уволок.

Жил-был Потороча, одна нога подольше, друга покорооче. Пошел в лес дров сечь. Сек, сек, да долгу ногу и отсек. Сел на пенек, да и расплакался, а прилетели муха да комар, взяли дедка за глаза да понесли на небеса. Принесли на небеса, стоит там церковь, пирогами рублена, шаньгами крыта, стоит там поп, гороховый лоб, масляна кутья, толоконна бадья. Ну, старик масла уколупал, толоконца наболтал, да и сыт стал, повалялся спать, да и до сей поры спит, нас переспит.

АННА ВАСИЛЬЕВНА МОШНИКОВА

107. Марфа-царевна¹

Жил-был старик со старухой, у них был сын. Сын женился и стали жить да быть, да добро наживать. Вот ему пришлось ехать в город, поехал он, раньше закупали там, на суденышке на своем. Туда он доехал хорошо, а обратно поехал — суденышко остановилось на полуморя. Вдруг из моря заговорили, говорят:

— Если чего дома не знаешь — отдашь, так пойдет суденышко, а не отдашь — будет стоять в море!

¹ В тексте этой сказки, кроме замечаний сказительницы, сохранены высказывания четырех женщин, слушавших сказку во время записи. Реплики слушательниц в тексте отмечены примечанием «Слуш.».

Он и говорит:

— Чего я не знаю? Разве у овцы ягненка или у коровы теленка? Отдам! — говорит.

Приезжает домой, а у жены сын родился.

(Слуш.: — Ну вот беда-то!).

А сам не говорит жены-то, что отдал сына морскому царю, что расстраивать-то ее!

Ну, ладно. Сын большой стал и пошел стрелять из лука. Стрелял, стрелял, да и бабушке-задворенки в окошечко стрелил. Вот эта бабушка выбежала и заругалась, сколько силы было: такой да сякой, да морскому царю отдан!

(Слуш.: — Вот беда-то! Откуда бабка узнала? Верно, уж где-нибудь проговорился. — Бабушка-то знала! — Вот сложено, откуда-то брано у них, не со своего ума, а потом и прибавляют, раскрашивают покрасивей!).

Вот паренек пришел, он уж большенький.

— Что, — говорит, — тата, я морскому царю отдан? Ну, так веди меня к нему!

Ну, там мать-то поревела.

(Слуш.: — Вот беда-то! Паренек-то не ревел? — Быват, и поревел немного).

Погоревали, и он повел его. Шли, шли, шли, и пришло море. Море до полуморя высохше было, высохло. Вдруг вода заналивалась, он его туда и спустил, сына, а сам домой ушел. А там его царь морской принял и так его залюбил, что лучше своего сына. Ну вот, жили-пожили, и так царь его любит, не знает, куда положить. Ну и так царь его любит, что думным боярам забедно стало. Вот они сели думу думать, думали, думали, еще подумали, не могут надумать ничего, как бы так сделать, чтобы Иванушку царь не залюбил? Вдруг вышел дед из-за печки, вынес шар на веревке и говорит, шамкает:

— Эх вы, думные бояра! Сидите вы день до вечера, а не можете думу надумать, а я вот, — говорит, — надумался. Идите, поклонитесь царю. Скажите: «Царь, вольный человек! Иван, купеческий сын, позади хвалился, а впереди похвалялся, чтобы сделать церковь со семидесяти дверями!».

Ну вот, тут царь Иванушку сказал, что тебе предстоит задание (ну, раньше «задание» не называли, а просто «сделать церковь»).

(Слуш.: — Вот бедной! — Ну, не то еще они задают-то ему).

Идет Иван невесел, буйну голову повесил. Выскочила Марфа-царевна, которая его полюбила очень:

— Чего, — говорит, — Иван, невесел, буйну голову повесил?

— А, — говорит, — как завеселился, как царь службу дал!

— А каку, — говорит, — тебе?

— А вот, построить церковь со семидесяти дверям.

— Это, — говорит, — не служба, а службишка! Ложись спать, все готово будет!

Вот Иванушко повалился, а Марфа-царевна одела шубенку на лево плечёнку, взяла тупичёнку в леву ручёнку, стукнула о баенный угол:

— Баенны, овинны, морски, озерски! Все ступайте на работу!

У них быстро дело пошло — затюкались, заюкались, церковь построили.

(Слуш.: — А семьдесят дверей — есть куда зайти, новы, и заблудились поди!).

Она начала Иванушко будить:

— Ну, ладно, — говорит, — Иванушко, вставай, иди крась церковь!

Иванушко красит, а царь в окно глядит — ну и пуще того залюбил его. Ну, а думным боярам еще больше забедно стало.

(Слуш.: — Вот враги-то германцы!).

Они опять сели думу думать, не могут надуматься, а вышел дед из-за печки, вынес шар на веревке и говорит, шамкает:

— Эх вы, думные бояра! Сидите вы день до вечера и не можете думу надумать, а я вот, — говорит, — надумался. Идите, поклонитесь царю, скажите: «Царь, вольный человек! Купеческий сын Иван позади хвалиссе, а впереди похваляиссе, чтобы построить корапъ, чтобы по морю ходил, по суку ходил, сквозь игольные уши прошел и к царю в дворец зашел!».

(Слуш.: — А теперь много сбывается того, что в сказках. Вот летают на луну-то и на самом деле... — Они коль не надумались! Вот враги-то не дают жить покойно!).

Вот идет Иван невесел, буйну голову повесил. Выскакивает Марфа-царевна:

— Чего ты, Иванушко, невесел, буйну голову повесил?

— А чего, — говорит, — как завеселился, как царь службу дал!

— А каку, — говорит, — службу?

— А вот, построить корапъ, чтобы по морю ходил, по суку ходил, сквозь игольные уши прошел и к царю в дворец зашел!

— О, — говорит, — это не служба, а службишка! Ложись спать, все готово будет!

Вот Иванушко повалился, а Марфа-царевна одела шубенку на лево плечёнку, взяла тупичёнку в леву ручёнку, стукнула о баенный угол:

— Баенны, овинны, морски, озерски! Все ступайте на работу!

Ну и новы́й хромой, новы́й слепой, все бежат на работу. Опять затюкались, заюкались и корапъ построили. Опять Марфа-царевна будит его, говорит:

— Ступай, крась корапъ!

Тот опять покрасил. Ну, царь еще не знает, куда его положить, еще боле того залюбил.

Ну, думным боярам опять забедно стало. Они опять сели думу думать. Опять не могут надуматься. Тут опять вышел дед из-за печки, вынес шар на веревке, да и говорит:

— Эх вы, думные бояра! Сидите весь день до вечера и не можете думу надумать, а я вот надумался. Идите, поклонитесь царю, скажите: «Царь, вольный человек! Иван, купеческий сын, хвалиссе, чтобы сходить за котом за бахарем, за тридевять земель, за тридевять морей, в тридевятое царство. Кот-бахарь три дни бает, исть не просит».

(Слуш.: — А мы малыньки-то, мама заговорит, вот беда-то, думаем, что все это правда).

Вот идет Иван невесел, буйну голову повесил. Выскочила Марфа-царевна:

— Что, Иванушко, невесел, буйну голову повесил?

— Да как мне веселиться, как царь службу дал!

— А каку, — говорит, — службу?

— А вот сходить за тридевять земель, за тридевять морей, в тридевятое царство за котом за бахарем: три дни бает, исть не просит.

— А, это, — говорит, — не служба, а службишка! Ложись спать, все готово будет!

(Слуш.: — Оо, эта подружка... — Вот беда-то, не подружка! — С подружкой этой жить, ее так любить надо! — По подолу лизать!).

Она опять одела шубенку на лево плечёнку, взяла тупичёнку в леву ручёнку, стукнула о баенный угол:

— Баенны, овинны, морски, озерски! Все ступайте на работу!

Новый слепой, хромой бежат, спешат, только шум стоит. Сбегали за котом-бахарем.

— Ну, ладно, Иванушко, — говорит, — ступай и на хрустальном блюде носи кота-бахаря к царю.

(Слуш.: — Вот беда-то! — А кот-то какой! Три дни бает, исть не просит, полдела водиться с этим котом!).

Иванушко и понес, а они с Марфой-царевной договорились, как это дело сделаем, так ночью и бежать.

(Слуш.: — А она-то кака царевна, не морска? Земна? — Она уж, верно, не така, тут все соединилось, земля и море).

А у царя всюду охрана наставлена. Иванушко принес кота. А там эта Марья-царевна лошадь запрягла и уж дожидает его. Он каким-то образом убежал оттуда, — не сказано, каким. Ну и сели и поехали.

Ехали, ехали, ехали, ехали, а Марфа-царевна и говорит:

— Иванушко, стань-ка, посмотри, что наперед, а что назади?

А он говорит:

— Напереди ничего нету, а назади туча тучится — либо гром, либо дождь будет! (Они же воровски уехали, будет погоня).

А она говорит:

— Это не гром, не дождь, а мой отец змей летит, он нас съест.

(Слуш.: — Он овернулся змеем-то, царь).

Она говорит:

— Я тебя оверну церковью, а себя попом!

Вот она его овернула церковью, а себя попом, и ходит да кадит.

А он прилетел и овернулся старичком.

(Слуш.: — Сколь не хитер! Знает, что они тут!). Овернулся старичком, зашел в церковь:

— Ну, — говорит, — не видали тут проезжих?

А поп отвечает:

— Каки проезжи, птица-то тут никакá не пролетит, не то уж тут проезжий какой!

Ну, старичок этот ходил, ходил, но ничего не умел сделать и улетел домой. А там жена на него так заругалась, говорит:

— Оне тут и были! Надо было их уничтожить!

А они едут себе потихоньку, Иванушко с Марфой-царевной. А мать овернулась змеем и полетела.

Вот едут да едут. Опять Марфа-царевна говорит:

— Иванушко, стань-ко, посмотри, что напереди, а что назади?

Иванушко стал, поглядел, да и говорит:

— Напереди ничего нету, а назади туча тучится — гром либо дождь будет.

Марфа-царевна говорит:

— Это не гром, не дождь, это моя мать змеем летит, эта уж нас съест! Я, — говорит, — тебя оверну озером, а себя окунем.

Ну, ладно, мать прилетела и овернулась щукой. Ну вот, и за окунем и забегала. Поет:

— Окунек, окунек, повернись ко мне головкой!

А он отвечает:

— Щука харчиста, так и с хвоста сгложнет!

Она опять:

— Окунек, окунек, повернись ко мне головкой!

Он отвечает:

— Щука харчиста, так и с хвоста сгложнет!

И в третий раз:

— Окунек, окунек, повернись ко мне головкой!

А он опять:

— Щука харчиста, так и с хвоста сгложнет!

Ей неохота глотать с хвоста-то, а головкой не повяртывается окунь никак.

Ну и вышла, плевалась, плевалась и улетела. А Иванушко с Марфой-царевной поехал. Ехали, ехали, еще подъехали, пришло чисто поле, а недалеко и свой дом.

Он и говорит:

— Вот что, Марфа-царевна, поставим тут шатер, и ты в шатре лежи, а я поеду, скажу, что я женился. (Раньше-то не смели так, сразу, и с женой заехать),

— Ну, ладно.

Он приехал домой, дома обрадели, что сын-то наехал — андели! — и браги наварили, и пива тут, и говорят:

— Мы тебя женим на той, на которой хотим!

И свадьба завелась. Свадьба идет вовсю. А молодые сидят у окошечка.

А Марфа-царевна, бедна, лежала да сидела, да ей и надоело это все.

— Что,— говорит, — Иванушко забыл, обманул меня!

(Слуш.: — Эка бедна! Оборачивала, оборачивала... — Вот раньше засказывают, так мы и заревем в этом месте!).

А Марфа-царевна овернулась птичкой и полетела. Прилетела и села над окошечком, где молодые сидели. А свадьба идет, тут уж за два, да за три стола.

Ну вот, села и запела:

Иван, купеческий сын,
Позабыл, позабыл
В чистом поле,
Под белым шатром!

Тут никто не слышит, она во второй раз спела:

Иван, купеческий сын,
Позабыл, позабыл
В чистом поле,
Под белым шатром!

Родня-то и говорит:

— Что так хорошо птичка поет?

Она опять:

Иван, купеческий сын,
Позабыл, позабыл
В чистом поле,
Под белым шатром!

Он вскочил:

— О,— говорит, — мне этой невесты не надо, — у меня есть невеста, Марфа-царевна. Если бы не она, меня бы давно в живых не было!

И запряг коня и съездил в чисто поле за Марфой-царевной. Привез — и стали свадьбу играть, стали кутить да гулять, да нас вспоминать.

И до сей поры живут, и нас переживут.

Шука да елец, и сказки конец.

(Слуш.: — Все же они проехали через все грозы и муки!).

Эта сказка переживает и нас, и будет века жить, и я умру, ее будут говорить, и другая умрет... Мне если детям передать, она еще останется, и так это и пойдет.

ЕЛИКОНИДА ИОАКИМОВНА МОШНИКОВА

108. Про лешего

1

Вот, хочешь верь, хочешь нет. У моей прабабушки такой случай произошел. Она ехала со стариком, старик пьяный был, и вот выбежал человек в сером кафтане, — домотканый шерстяной кафтан (такие у нас раньше делали), права пола подтыкнута (это уже главный признак лешего, что у него подтыкнута права пола), — и поравнялся с передовым оленем. А у того колокольчик был подвязан, и он так же передразнивает колокольчик и бежит рядом. Старуха (ну, тогда она была не старуха, — молодуха) гонит оленя, прямо страшно как! А он все бежит рядом, он резвой, сильной. От Варзуги до Колоники добежал, пониже Колоники кúрья есть — и там пропал. Там шляповатка — лесина такая, без сучьев, только с вершинкой, у нас считается, где эта шляповатка, тут он и живет, — так до этой шляповатки добежал и не стало его!

2

В Умбе рассказывал старик: в сорок четвертом году ходил судьбу свою узнавать на оленьей шкуре. А надо было очертить всю шкуру; черт, чего бы ни спросил, все бы рассказал. А он шкуру-то очертил: «Не ходи, черт, за черту! Не ходи, черт, за черту!». А хвоста-то не очертил, перенес палец-то через хвост! А черт пришел, тоже в сером кафтане; выходит из лесу и кричит громко так, страшно:

— Ты чего тут делаешь!

И сгреб шкуру за хвост-то и поволок в лес. Он поспел захватиться только за края шкур. Ну, а потом закрестился, и ничего не стало.

Так он из лесу километров шесть брел по целине, и нигде никакого следу не видал.

А Крутов-то рассказывал, — мы к нему приехали за солью. Как раз под Новый год дело было. А там как раз нанимали у хозяев избу на вечеринку. И вот, выбежали на крыльцо, и вот: «Идут, идут!». А тут из-за лесу вышел человек и подошел ближе, и такого большого роста, тоже в сером кафтане, и они все забежали в печной угол, залезли кто куда, передавить друг друга можно! А он зашел в избу, и в большой угол, и как треснет! И ничего не стало. И избу перекосило на этот угол, и больше в этой избе никто жить не мог.

109. У церковного замка

Дедко Гаврила жил на конци деревни, Павлинов отец. У него еще было детей много, он на трех женах был женат.

Вот он в двенадцать часов ночи пошел к церковному замку. Оделся в рубаху, в кальсоны чистые, — бывало и так, что живые не вертались оттуда, — ночью мимо церкви-то бежишь, так ноги в ж... утыкают! Пришел к замку, — уж не знаю, как они спрашивают, — и вот в паперти заперебирает пол, прямо по одной половине. Сначала там, в церкви, потом под ним, все крыльцо заперебирает, все мостинки ребром станут. А дедко был не трусливого десятка. И вот, человек-то к нему выходил или через замок говорили? Через замок. И ему всё говорили оттуда. И он про всех узнал. Какая жисть у всех будет и кто когда умрет. Он велел детям-то придти на могилу в двенадцать часов [тогда бы вышел из могилы и рассказал], а они не ходили. Ну и он знал, когда ему смертный час-то придет, и совпало.

А шел обратно: подойдет вперед и поворотится назад, а то черт догонит. И так он все и шел домой.

КЛАВДИЯ КАПИТОНОВНА ЗАБОРЩИКОВА

110. Рассказ о гаданье

А вот у нас было, на тони, тоже гадали. Еще девками, и Григорий с нами. Тот запросился к нам в середку, затенулся: «Ну, давайте, загадаем!». На сон загадали. Положили под подушку, там чего надо, двери оставили помы маленько-то. А бабушка-то пошла после всех и двери закрыла с молитвой. Вот товарищи мои уснули, а я не сплю, все ворочаюсь. Вдруг как треснет в угол! А это «он» заходил, и уж надо ему прийти, а никак, двери-то закрыты... Ну вот, потом на крышу полез, уж ему надо попасть, так через трубу царапается, а труба тоже закрыта. Вот беда-то! Да, а мы-то и не знали ведь, [что дверь закрыта]. А я боюсь: вот утянет за ноги меня в лес! Я и тол-

каю Григория, забудила его: «Проснись, проснись!». Он: «Что?». Я говорю: «Слышишь?». Он отвечает: «Слышу». И так нам всем страшно стало! Встали, свет зажгли и газеты читали до утра. Ну, а уж как свет зажгли, так больше ничего и не было...

АРСЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЗАБОРЩИКОВ

111. Как «пугает»

1

Это вот Иван Капитонович вам может рассказать, были у него? Сейчас-то, пожалуй, его и не застать, он рыбачит в Колонихе. С ним с самим такое было, после войны. Иван Капитонович ушел заготавливать ягель в лесу, и подошел кто-то, как человек, разговаривал, помогал работать и исчез за мгновение, ничего не осталось, растаял.

А к его брату, Николаю, погиб который, — это еще до войны, — тоже в лесу подошел очень высокий, в два-три роста человеческих, и пересекал дорогу. Коля шел по болоту, а тот с юга на север, ему навстречу. Он напугался, не мог убежать. А шел он только еще в лес. Ну, тот пошел рядом, да и спрашивает: «Где живете, сколько людей в деревне?». Сам весь в белом, форма как военная и лента через плечо. Когда складывал дрова, у него кряжи были толстые, Коля мог их только подкатить. Тот и говорит: «Что, парень, не можешь?». И возьмет, да и несколько кряжей поднял наверх. Ну он, Коля, не сказал и спасибо, пошел домой. А тот за ним, все расспрашивает, что за деревня, да сколько людей живет. Вот деревня уж почти видна. И он его остановил немного. Коля-то рассказывал: «Руку мне положил на плечо, я сразу: бух! Настолько тяжелая рука, что сразу на сыру землю сел. А вода была, я так на воду и сел. И сказал: „Ну, ладно, вспомнишь меня на кратере вулкана!“. И растаял...». Коля и побежал домой, а дороги нет, глина. Тут женщины были: «Что ты, Коля, весь в глины, не от медведя ли бежишь?».

Ну, зима пришла, замерзло. Надо за дровами ехать. Он боится, дожидает брата. Ну, думает, если кряжи эти будут там, значит, верно... Подъехали, а Иван и спрашивает: «Ты это с кем кряжи поднимал? Неужели один?». «Один», — говорит...

Ну и скоро война, там его и убили. Уж неизвестно, вспоминал того перед смертью или нет...

А как все узнали: он Ефиму Коворнину сказал об этом, тот человек начитанный.

А теперь брат его встретился, тоже вот!

Раньше пугало часто где. Вот ручей был Кипокурский, так пока старики крест не поставили, так если позже двенадцати

часов едут, полны сани насалятся кого-то, что олени и не заморгут тащить. Теперь крест уж упал, а не пугает.

А тоже бывает, когда на дорогах зимних ставят чум. Вот раз всю ночь пропугало. Вот уж вроде подъедут, полны сани, на оленях. По саням поколачивает, брезентом хлопает... Выйдут — ветра ни грамма, олени спят! Да так и не дали им спать. Собрали чум и поехали. Вот, говорят, на дороге нельзя чум ставить!

2

Меня самого пугало на Прилуке. К жене ходил, два километра. Против Кузомени остров есть Великий, она рыбачила там, на Прилуке. В тридцать восьмом году это было. А я тот раз собрался идти, а у нас женщины сидели, а тако темно было, осень, очень темно было. Я вышел на улицу: настолько темно, что я запинуся за козел, вернулся назад. Женщины говорят: ««Неужто пойдешь? Не боязно?». «А кого бояться?». А сам вдруг и подумал, что страшно. Это хуже нет, когда так, вразрез мысли.

Ну, пошел. Метров триста отошел, у нас там березники и пожня Клочиха, и такой страх напал, что шаг шагну и не могу больше. А потом мне лучше стало, и пошел, иду и иду спокойно. Уже я много места прошел, уже с полкилометра осталось до них, до Прилуки. Березник такой частый, руками раздвигашь, тут полянка, а я руками раздвигаю, и вдруг: полна полянка, видом все как монахи, их много фигур, больше десяти, и несут гроб на колышках; свади одна женщина, очень сильно ревет; покойник с таким носом длинным. Как ступит, так руками и падает на гроб она. А другие никто не ревет, а поют молитву вполголоса. Идут все в унылом таком виде, часть по бокам идут, не несут, и несколько впереди идут. В мою сторону ни один не взглянул. А я так остановился, руками раздвинул ветки, и так стою. И они прошли в сторону севера. И я стоял так, пока они не прошли, только спины едва-едва видны, и я побежал напролом, вперед. Мне отец говорил, что если что такое, так все равно беги вперед, а то покажется, как гонятся.

И я добежал до окон, и вся рубаха так, как выжми. И я зашел в дом, и мне говорят: «Что с тобой?». Я изменился в лице. «На медведя, говорю, нарвался!». Не сказал, что видел. И больше я по этой дорожке не ходил.

А вот крышки гробовой они не несли, не помню. И лицо было у него открыто, у этого мертвеца. Как мне показалось, человек он был большой, рослый, лет пятидесяти. А женщина маленька, лет сорока...

На Прилуке, там часто пугало, на осенях, семгу когда ловили: ночью все лодки черти перегонят на ту сторону, а людей нет никого. Хорошо, — подтянут, не спускают в море!

ЧАВАНЬГА

ЕФИМ ГРИГОРЬЕВИЧ КЛЕЩОВ

112. Как мужик отелнился

Вот жил-был мужик да баба. Ну, у этого мужика была баба настолько бранливая, что совсем заела мужика; что то сделает мужик, кричит «неладно!», другое — «неладно!», а мужик такой был, что, значит, курицу на улице не обидит.

И вот, и так и эдак мужик жил, и мучился долгое время, и что, понимаешь, сделать? И вот однажды пошел в деревню, зашел к знакомым, значит, мужики были. Как раз эти мужики сидели выпивали. Его пригласили к столу. Он выпил, навеселе и отправился домой, поблагодарил товарищей и отправился домой. Приходит домой, понимаешь, а баба ему:

— Где был, такой-сякой, сукин сын, куда ходил?

— А вот, — говорит, — был в деревне, зашел к товарищам, знакомым, меня угостили водочкой да вином.

— Ах ты, такой-сякой, сукин сын! Водку начинаешь пить, еще пьянствовать! Уходи из дому, чтобы духу твоего не было!

Хватила кочергу и выгонила мужика из дому. Ну, они жили так хорошо, мужик имел двор, хлев, имел корову и быка. Время было зимой. Ну, значит, выгнала мужика, куда пойти? Некуда. В деревню пойти — разговоров будет много, боялся разговоров, что вот, мол, жена выгнала мужика из дому. Давай, думает, зайду в хлев и переночую в хлеву, а до утра жена успокоится, и, значит, приду трезвый, больше не буду. Вот так и сделал, зашел в хлев тихонечко, ну куда, понимаешь? Зашел, бык стоял привязанный, ну и зашел в угол, быку под нос лег, бык спокойный был, смиренный. Лег и проспал всю ночь до утра у быка под носом. Ну, утром хозяйка встает, мужика нету, прогонила раз, пошла в хлев к коровы, корову донть, заходит в хлев, вот подходит, корова лягнула — она закричала на корову. Ну, така криклива была. Он проснулся, поднял голову, она видит — муж спит, закричала:

— Ты, такой-сякой, зачем здесь?

— Да вот, — говорит, — куда ж я денусь, сама подумай? Зима ведь, пойду на улицу — замерзну, или пойти в деревню, крамолу наводить, что, мол, жена выгнала... Вот я и решил, — говорит, — зайти в хлев и ночевать в хлеве.

— Ах ты, сукин сын, ты хотя бы лег коровы под нос, а ты к быку! Ведь ты отелишься — с быком спал! Уходи, уходи из моего дома, чтобы духу твоего не было, и близко не подходи!

Хватила метлу и выгнала старика на улицу. Ну что? Время было зимой, куда мужику деваться? Пошел, в свою деревню пойти не посмел, — «Пойду в чужу деревню, чтобы люди меньше знали». Вышел на трактову дорогу и пошел по дороге. Ночью была очень сильная метель, така метель была, когда она выгнала его. Дорогу всю перемело крепко. Шел, шел, шел в другу деревню, — «там хоть поступлю работать, переживу некоторое время». Ну, метель нанесла сугробы. Шел, шел, там смотрит: сапог торчит из сугроба, подошел пошевелил, чувствует — сапог на ноге. Ночью шел человек, ну и метель была, упал, выбился из сил, и замерз человек, его занесло снегом. Ну что? Посмотрел — сапоги новы на ногах. Что делать? Хотел стащить, но ноги окоченели, не мог стащить сапогов. В кармане у него пригодился перочинный нож — сапогов жалко, он взял отрезал ноги по колено, с сапогами, положил в мешок и пошел дальше. Ну, там шел долго ли, коротко, приходит в деревню, к ночи уж дело было, ночевать надо. Пошел, смотрит — хороший, большой дом. «Давай попрошусь ночевать в этот дом, здесь люди богатые живут, скорей накормят». Сам голодный, жрать хочет. Как раз в этом доме жил поп с попадьей. Постучался. Приходит попадья:

— Кто такой?

— Ну, я, — говорит, — такой-то и такой-то, попрошу меня пустить ночевать, шел всю дорогу голодный-холодный, не заморозьте, пустите ночевать ночь.

Ну, она:

— Я батюшку спрошу, как батюшко разрешит.

Пошла, спросила; ну, батюшко что говорит:

— Не замерзать же человеку на улице, надо пустить ночевать.

Ну, попадья вышла, разрешила ему зайти переночевать. Мешок он оставил в коридоре сразу, не занес в комнату. Ну вот, его напоили, накормили. Ну, поп тут кое-что расспросил: кто и куда. Ну, так и так: «Не могу ли наняться в работники, с женой у меня не совсем хорошо, поживу несколько дней, не образумится ли жена». Ну, значит, время пришло ложиться спать. Попадья спрашивает:

— Куда тебе стелить? На кровать, на пол или на печку?

— Нет уж, — говорит, — матушка, мне на печке постели, я прозяб, промерз, мне хорошо, — говорит, — согреться.

Ну, попадья подготовила ему на печке постель, и сами ушли с попом в другую комнату, там легли спать. А этот мужичок, прежде чем лечь, сходил, взял мешок свой с ногами, достал ноги

и тихонько положил на [печь], себе под ноги, чтобы оттаяли и стащить сапоги с ног. Ну и заснул мужичок. С холода, понимаешь, заснул очень крепко. Да. У попа была корова. И корова — как раз ей отелиться. И корова эта ночью отелилась. Ну, там попадья, поп слышали о том, что корова забеспокоилась. (Ну, там мужчины больше за коровами ухаживали). Матушка говорит:

— Пойди, поп, посмотри, что корова беспокоится?

Ну, поп пришел, говорит:

— Корова отелилась, что делать с телянком?

Попадья говорит:

— Есть у нас большая корзина, положим в корзину, занесям в избу, положим на печку, пусть там ночь живет в тепле-то.

Пошли, понимаешь, телянка положили в корзину и положили на печку. А мужик настолько крепко спал, что этого ничего не слышал. Ну, когда они ложились — ночь, темно, они этих сапогов не заметили на печке, не обратили внимания, что сапоги там лежат, оттаивают. Поп легли спать с попадьею обратно, а время уже стало подходить к утру. Мужик уже на печке, значит, проспался, а телянок в это время как раз заревел на печке, в корзине. Мужик услышал это спросонок и сразу вообразил, что под боком у него телянок. Вот он говорит:

— Не зря мне баба говорила, что я отелюсь, отелился ведь я! Теперь-то, — говорит, — она меня не выгонит! Побегу сейчас, скажу, что отелился.

Он слез с печи, напялил свой зипунишко, сапоги, шапку и айда, не простившись с попом да попадьею, на дорогу, и бегом по дороге домой. Утром поп с попадьею просыпаются. Вот попадья пошла, смотрит: корзина стоит, а гостя нет.

— Батюшко, — говорит, — у нас же гость был!

— Был, — говорит, — гость, он на печке спал...

— Нету гостя, — говорит, — куды ушел?

Бросились туда-сюда, нет, нету гостя. Попадья бросилась на печку, смотрит — видит сапоги на печке, захватила сапоги, видит — в сапогах ноги, ноги теплыми, в крови.

— Ой, батюшко, телянок-то у нас гостя съел, мужика!

А поп и говорит:

— Будто, — говорит, — съел?

— На самом деле, — говорит, — съел! Одни ноги остались в сапогах.

— Не может быть, что съел!

— Смотри, — говорит, — сам посмотри.

Ну, поп прибежал — верно, ноги одни остались в сапогах.

— Ну, что делать теперь будем, что делать? Ну, как теперь привязка, узнают — судить будут, что телянок мужика съел.

— Убить, — попадья говорит, — надо телянка. Тащи на двор да убей, так чтобы никто не знал.

Ну, тот схватил корзину с печи, попадья помогла ему теленка стащить на двор, убил, зарыл, мясо брать не стал, зарыл там, никто не знал.

А мужик от радости всю дорогу бегом бежал, чуть не загорелся. Прибегает к бабе, забегает домой с такой радостью.

— Ну, — говорит, — баба, я отелился! Теперь не будешь меня ругать, — говорит, — бранить, я отелился!

— Как отелился, сукин сын, где отелился, врешь!

— Ну, не веришь — иди в соседнюю деревню, к батюшке-попу, на печи у попа отелился, он тебе правду скажет, вот повалился ночью и ночью отелился.

Ну, баба его пуще того начала бранить, не поверила тому на самом деле. И после жили, не мог бабу разубедить, чтобы не ругалась на него.

113. Лиха-баба

Жил-был мужик и баба. И вот у этого мужика такая была лихая баба, что ну ни дня ни ночи не было ему спомою, все она его ругала, бранила. Мужик был молодой, хороший, ну баба попалась такая, никак он от нее отвязаться не мог.

Ну вот, он и ходил в лесе, охотился, и вот увидел в лесе яму. Яма в окружности небольшая, но очень глубокая яма, и в яме, понимаешь, ни воды, ничего нету. Оприметил эту яму, подумал, сходил домой, взял канат, длинный и тонкий, измерить поинтересоваться, глубока ли яма? Принес этот канат и привязал кусок бревна небольшой и пускал, пускал, и этого каната не хватило, не мог достать дна. Ну, пришел домой и думает: заманить в эту яму бабу, падет она туда, и ей оттуда не выбраться. И вот начал придумывать, как заманить эту бабу в яму. А она была такая упрямая, эта баба. Ну давай, говорит, украшу эту яму! Достал полотна полотнище, купил свеч, украшений. Затянул эту яму этим полотнищем. Ну, сделал так, прикрепил и на полотнище разложил эти украшения. Ну, свечи там были, и подсвечников хороших, цветы там были, и все такое. Вот сделал так: когда баба бросится к этому месту, чтоб она провалилась в эту яму, и всё. Ну, эта яма не так была далеко от дому. Зажег свечи, все украсил, а сделал все больше по одной стороне. Пришел домой и говорит жене:

— Я клад нашел! Я слышал, что где золото, там все украшено, и цветы, и свечи горят, но я не подходил, ты, может, скорей определишь — клад там или нет.

— Ой ты, брат, ты раньше не сказал, я бы определила! Где он, води меня туда скорей, я сейчас определяю!

Тот справился и пошел. Пошли в лес, ведет, стали подходить.

Говорит:

— Только ты, баба, аккуратней, не бегай, — говорит.

Ну, а та баба была така зла, что все делала наоборот.

— Подходить, — говорит, — тихонько надо.

А баба как увидела: свечи горят, цветы, — бросилась бегом к этому месту, в яму. Мужик кричит:

— Стой, баба, не бегай!

Ну, баба настолько была злая, что все делала напротив, как прибежала — набежала на полотнище, и так бухнулась в эту яму, провалилась. Ну, мужик облегченно вздохнул — избавился теперь, говорит, и пошел домой, один остался. Приходит домой, живет день-два один. Вот неделю один, скучно стало без бабы, людей близко не было таких, хоть худа баба была, но все-таки двоим веселее, чем одному. Начал скучать.

— Пойду, — говорит, — не могу ли достать бабу обратно? Может, жива, где зацепилась, буду канат спускать.

Ваял еще дополнительной кусок каната и пошел к яме. Вот привязал там или доску, или кряж, и начал опускать. Связал эти два каната, один до конца опустил, не может достать, другой опускал, опускал, почти до конца опустил и достал до дна. Вдруг чувствует, у него там задергало за веревку, зацепилось, и потянул обратно. Ну, тянул, тянул, уже не так скоро, начал подтягивать близко, из сил стал выбиваться совсем. Ну, сам тянет и смотрит, недалеко совсем стало, смотрит: голова покавалась с рогами, и вся в крови. Думал — это баба, и волосы у нее распустились, а это черт, и весь в крови. Ну, он хотел его опустить, а черт взмолился:

— Мужичок, голубушка, вытяни меня, — говорит, — я тебе пригожусь! Только меня вытяни, — говорит, — я тебе пригожусь!

Ну, что еще назад спускать? Баба не зацепится — вытянул черта.

— Ну, спасибо, — говорит.

— Ну что ты, — говорит, — в крови?

— Ой, мужичок! Твоя баба у нас в аду у всех чертей уши объела. Не доставай ты эту бабу!

— Ну, чем ты мне годишься?

— Да, вот, — говорит, — хочешь быть богатым? Я тебя сделаю богатым.

— Как ты, — говорит, — меня сделаешь богатым?

— А очень просто, — говорит. — Вот город, я сейчас пойду в этот город, там есть один купец, у него дочь, я вселюсь в эту дочь, она будет бесноватая, и вот сколько ни будет в особенности лекарей, знахарей, я не выйду из нее до тех пор, пока ты не будешь лекарем, лечить ее. Купец пообещает деньги, большие деньги; у него одна дочь, он ее очень любит и дает большие деньги. Ты можешь сразу быть богатым, — говорит. — А как

вылечишь? Вот придешь — просто объяви, что «я вылечу», налей в чашку воды, просто пошепчи маленько и дай выпить этой де-вушке, я из нее выйду. А с купца, — говорит, — ты проси, что хо-чешь, он тебе не пожалеет деньги. А пока, — говорит, — прощай, мы еще встретимся.

Ну и пошли домой, черт в свою сторону, а он в свою домой, жить без бабы.

Ну, живет несколько, и пошли слухи, что у купца бесноватая дочь, бес вселился в нее. Так купец, говорят, объявил (врачи там, лекаря, знахаря): кто вылечит дочь — отдам половину богатства. Ну, там того привезут, другого привезут — ничего не могут сделать, бес не выходит никак. Ну, дошли до мужика вести, что там развезжают, разыскивают, и как раз приехали к нему: так и так. А он говорит:

— Я бы вылечил!

Ну, дают ему лошадь, купец посылает возчиков, карету, за-бирают его, привозят к купцу и спрашивают, а он гово-рит:

— Так и так, я, — говорит, — вылечу!

Ну, купец:

— Если вылечишь, дам очень большое вознаграждение денег.

Тот:

— Приведите меня в ту комнату, где есть больная, принесите чашку с чистой водой, полотенце, нож.

Ну, все, значит, выполнили его требования. Приходят — эта купеческая дочь беснуется, не может места прибрать, бросается на людей, бесновата (раньше назывались это «бесноваты»). Берет он эту чашку, наклонился над чашкой, поводил по воды, поводил ножом, потом принес ей, дал выпить. Ну, она выпила, и бес вышел тотчас, и она сделалась здорова, настоящим делом здорова. Ну, все обрадовались — отец, мать купчиха, все обрадо-вались, стали радешеньки. Ну, его приняли, напоили, накормили, одели. Ну, купец спрашивает:

— Что ты желаешь?

— А дай, — говорит, — золота, сколько я смогу унести!

Ну, у купца золота было сколько угодно. Привел его к сун-дукам:

— Ложь! — говорит, — сколько можешь унести.

Ну, тот наложил мешок, чувствует, сколько может унести, попрощался с этим купцом и пошел домой. А сам думает о том, что теперь я выстрою дом, заведу хозяйство, поженюсь на вто-рой жене и стану хорошо жить.

Приходит домой, прибрал это золото, вечер приходит. Вдруг является этот дьявол к нему:

— Ну как, — говорит, — доволен? В расчете?

— Ну что, — говорит, — в расчете. Сейчас я богат, дом выстрою, женюсь.

— Ну, хорошо, — говорит, — только знай, я сейчас пойду опять в этот город, там есть князь. Я вселюсь в его дочь, и она будет такая больная, как у купца. Только ты, — говорит, — не берись лечить! Возьмешься — все потеряешь и тебя казнят, а я все равно не выйду из этой дочери.

— Ну что же, мне, — говорит, — и того хватит, и за то спасибо!

Ну вот, попрощались с чертом, черт улетел, а мужичок остался дома. Ну и тот улетает к этому князю, и у князя стала дочка бесновата. Ну, раз у князя одна дочка, тоже любимица была, заболела, значит, князь послал слуг звать самых лучших врачей, самых лучших знахарей. Ну и никто не может вылечить. Ну, прошло там с две недели, с месяц, и князь узнал, что у купца была дочь такая бесноватая и один мужичок вылечил ее. Ну и князь дает приказ разыскать этого мужичка. Ну, а уж там знали адрес. Князь посылает гонцов немедленно разыскать этого мужика и привезти. Гонцы приезжают:

— Вот так и так, — говорят, — князь велел доставить вас к нему. Тот говорит:

— Не поеду!

— Ну уж, — говорят, — лечил у купца дочь, должен и у князя вылечить!

Ну, тот начал отказываться, но никакие отказы не помогли, забрали и повезли, приводят к князю. Князь подходит:

— Вот так и так, у меня болеет дочь, я слышал, ты у купца вылечил дочь, ты должен у меня вылечить дочь. Что хочешь, — говорит, — бери, только, понимаешь, вылечи!

Тот начинает отказываться:

— Я ничего не знаю, мне, — говорит, — не вылечить!

Ну, тот:

— Если, — говорит, — не вылечишь, тогда голова с плеч, а если вылечишь — отдам половину своего имущества и отдам дочь замуж.

Ну что? Тот подумал: так и эдак смерть.

— Ладно, — говорит, — я подумаю, дайте мне на раздумье один день.

Князь согласился. Значит, через день привозят его обратно к князю.

— Ну, что надумал?

— А вот то надумал, — говорит. — Соорудите бочку большую, пустую, с обеими днами, подыщите собак с десятка или полтора, вольных возьмите, гвозди пробейте сквозь бочку, чтобы шляпки наружу, а гвозди прошли в нутро этой бочки. Сделайте это все около дому, поближе к дому, где находится боль-

ная, и засадите этих собак в эту бочку, закупорьте туда. Ну, бочка чтобы была легкая, можно было ее катить.

Ну, князь, значит, дал указание это все сделать, выполнить всю эту просьбу. Ну, а тот дом, где лежала больная, — на третьем этаже она находилась, — бочка была недалеко от этого дома. Ну, так и сделали, бочку пробили гвоздями, собак туда стюрили, и бочку эту закупорили. Ну, тот всех отослал прочь. Собаки подняли такой страшный вой, а он бочку покати́л по улице, как раз мимо ее дому, мимо окон. Ну, собаки тем более страшный вой подняли, когда стали перекатываться на гвоздях. А черт услышал: что, думает, за страсть? такой вой. Высунулся в окно, а как раз мужик эту бочку катит, мужика-то и признал. И кричит сверху, с третьего этажа, мужику в окно:

— Ты что, — говорит, — мужик, кого катишь?

А мужик отвечает:

— А лиху-ту бабу и качу. Достал из ямы лиху-ту бабу!

Ну, черту делать нечего, прыгнул с третьего этажа в окно и айда из города. Прибежал к яме, прыгнул в яму, думает, что яма освободилась. А эта княжеская дочка выздоровела, сейчас выздоровела. Ну, мужик приходит, стал ухаживать, что ты больше болеть не будешь.

И эти князь, и княгиня, все обрадели, что вылечил. Князю пришлось выполнить свое обещание, отдать дочку замуж и половину имущества, и тот поженился, и до сей поры живет, и нас переживает.

Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА СЕМЕНИХИНА

114. Лиса и медведь

Вот была у медведя избушка хвойная, а у лисицы ледяная. А лисица — она очень хитрая. Вот пришла весна. Стало солнце. И вот стало таять. Стала лисица убегать из своей избушки. Вот потом как она ни спасается, спастись не может — лед дак. Вот она прибежала к медведю на подворье, стала проситься:

— Кум, куманек! Спусти ты меня на подворье!

Кум отвечает:

— А некуда, бедна кума!

— Да хоть на приступочку!

— Некуда, бедна кума!

— Да хоть на лавочку!

— Некуда, бедна кума!

— Да хоть на веничек! Хоть под веничек.

— Под веничек поди, бедна кума.

Ну, ладно. Кума уж сидит, из-под веника смотрит — глаз светит. Глядит, что делает кум. Кум мясо достал. Ест, ест.

— Что, кума, смотришь? Есть хочешь?

— А хочу, кум!

— Ну, кума, ешь!

Кума уж пришла, ела, ела сколько хотела, потом пошла, тянется уж не под веничек, а на веничек. Кум опять лежал, лежал.

— А что бы, кума, чаю попить нам с тобой?

— А что, — говорит, — кум, как ты, так и я!

Ну и кума смелости много набрала, стала ходить уж по всей избы. Вот два дня прождала, и кум ушел.

— А что, — говорит, — сходить посмотреть, что у кума на чердаке?

А у кума на чердаке ведро масла. Завтра встают и говорят:

— Кум!

— А что, — говорит, — кума?

— А меня бабить зовут!

— А сходи, кума, хоть на рукавички дадут!

Вот она пошла, уж жрала, жрала масло-то. Вот она пришла, он говорит:

— Кого, кума, бог дал?

— А зачинышки.

— Что уж так имя-то?

Вот на второй день лиса опять говорит:

— Кум, меня бабить зовут!

— Ну, что ж, поди, кума, хоть на фартучек дадут.

Пришла кума на чердак, опять масла поела, пришла домой.

Медведь говорит:

— Ну как, кума, кого бог дал?

— А середышки!

До середушки уж доехала. Два дня не прошло, опять говорит:

— Кум, а меня опять бабить зовут!

— Ну что ж, поди, бедна кума, хошь на рукавички дадут!

Пришла, кум спрашивает:

— Ну, кого бог дал?

— А поскребышка!

Она уж и все съела. Ну, ладно. Время пришло, кум стал именинник, кума стряпат, бело муки своими лапами.

— А поди, кума, на чердак, у меня там масло!

— Нет, — говорит, — кум, я там ничего не знаю, сходи сам!

Пошел кум на чердак — масла нет, ведро порозно. Пришел:

— А ты, кума, видать, съела масло!

— Что ты, кум, и не думала.

— Нет, съела!

А лиса хитрая:

— Нет, нет! Ну, распали огня, сядем у огня, у кого из ж... набежит.

Ну, сели, а медведь у тепла начал дремать, голову повесил, заспал, а кума лапамы горшок-то свой тихонько передвигат. А пустой горшок себе под хвост. Ну и забудила его:

— Кум, кум! У тебя масло-то натекло!

— Вот беда-то, я не ел, так с чего-то у меня масло, разве пьяный съел?

Ну, взяли этот горшок, унесли и давай пироги мазать, да гостей звать. А гости — лесные медведи да медведицы, лисицы да горностаи, и все. На этом месте попиروвали, и сказка вся.

115. Колобок

Вот старик со старухой двое жили. Он и говорит:

— Что-ка, бабушка, мне хочется колобков. Нет ли мучки в лукошке?

Она сходила, там наскребла, несколько колобочков и спекла. Потатила из печки — колобок пал и покатился. И человеческим словом заговорил:

— Я у бабушки ушел, я у дедушки ушел.

И покатился. Попадает ему волк:

— Колобок-жолобок, я тебя съем!

— Не съешь, — говорит, — я от дедушки ушел, я от бабушки ушел, и от тебя, волка, уйду!

И покатился дальше. Попадает ему заяц:

— Колобок-жолобок, я тебя съем!

— Не съешь, — говорит, — я от дедушки ушел, я от бабушки ушел, я от волка ушел, а от тебя, зайца, и подавно уйду!

И покатился. Идет навстречу медведь:

— Колобок-жолобок, я тебя съем!

— Не съешь, — говорит, — я от дедушки ушел, я от бабушки ушел, я от волка ушел, я от зайца ушел, от тебя, от медведя, и подавно уйду.

И покатился. Ну и тот лапой махнул. И катится дальше, попадает лисица:

— Колобок-жолобок, ты на маслице печен, на одони жаренный, спой-ка мне песенку, я тебя съем!

— О, — говорит, — не съешь: я от дедушки ушел, я от бабушки ушел, я от волка ушел, я от зайца ушел, от медведя ушел, от тебя, лисы, и подавно уйду.

Лиса говорит:

— А, колобок-жолобок, сядь ко мне на носок и спой песенку.

— Я сяду и спою.

— А, — говорит, — я глухая, сядь ко мне на язычок.

Сел колобок, спел песенку, и лисица пасть расширила и колобок проглотнула. Пошел дедка искать колобка, у всех спросил — не видали колобка-жолобиа?

— Видели, — говорят, — он у лисицы сидел.

— Так она, мерзавка, и съела, больше некому.

А она спит, спит, лиса! Вот он ружье приладил и стрéлил, и лисицу застрелил, и распорол живот, он тут и есть. И понес домой, лисицу принес и колобка принес, принес воду — не оживет ли? Искупал, омыл — не ожил колобок.

— А возьмем-ка мы колобка лучше съедим!

И съели колобка, чаем запили, и сказка вся.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ КОЖИН

116. Оборотень

Когда-то дедушка Алексей это сказывал. Два товарища заходили на вечеринку, а мать одного и говорит:

— Сегодня не ходи на вечеринку!

— А как, — говорит, — не ходи, сегодня очень интересная вечеринка будет!

Ну и вот собрались, ушли на вечеринку. Ну и одна свинья, как пойдут, так в ноги им и бросается, так и бросается, не дает пройти. Она и людей разгоняла, эта свинья. Ну, они и схватили эту свинью, он с товарищем, и так били эту свинью, и так били, едва живую отпустили... А пришли домой — и мать лежит, стонет, вся избита.

— Ты чего, мама?

— А чего, — говорит, — ты хороший сынок, сам избил.

Так вот овернулась свиньей и бегала, не хотела пустить.

(Рассказывали раньше-то, что овяргивались животными люди, а нынче-то машины делают, а овернуться не могут).¹

117. Как «пугает»

1

Ягель у нас осенью собирают в кучи и ставят метку: березку или елку обтешут и ставят, чтобы зимой не потерять.

Так вот такой случай был. Ягель-то пошли копать. Ну, накопили, потом у елки устроили танцы. Сперва боролись, Николай — здоровый мужик, он говорит:

— Ну, все на меня, можете ли меня обороты!

¹ Последняя фраза — прибавление Ирины Андреевны Кожинной.

Их мужиков восемь человек, и ничего не могут поделаться с им. Ну, потом «Во-лузях» стали плясать... А как потянулись ложиться спать, тут и запело. Сашка: «поют!», — говорит, а сестра-то Анна, монашина, она с нами была: «Давай! Кого, — говорит, — поет! Сами наплясались да нашумелись, с того и кажется!».

А сама ходит вокруг ели, да закрестит, да молитву прочтет, а нам: «Сказывайте сказки!». Чтобы не слушали...

— А сама-то, — потом говорит, — уж и молитву читаю!

2

В Пялицах тоже было: остановились так у ели, а вдруг занудило, зашумело там — нечистая сила. Они и собаку спустили, и науськали, и как зачало там собаку драть! И они сперва стали головнями кидаться, а как полетели головни им назад, да зауськало, да засвистело, так они уж затенулись под эту ель да и замолчали. Так вот эта чудь чудит.

3

Тут Ольховские озера есть, между Чаваньгой и Кузоменью. Ходят туда ловить кумжу, сига, форель, окуньков... Так пока не знает никто — ловят, а как проговорятся кому мужики, ну хоть кому, похвастанутся, — так больше ничего и не уловить! Все сетки спутает и разбросает, новые выбросит на берег.

ИРИНЬЯ АНДРЕЕВНА КОЖИНА

118. В гостях у бесов

Вот нынче беси есть али нет?

Я была маленькая, а брат был старше меня на двадцать лет, так вот он рассказывал. Он был небольшой, с дедушкой ходили в Архангельскую. Шли по городу, и старичок встретился нашему дедушку знакомый, а глаз один выбитый, кривой. Ну, а наш брат небольшой был и интересно показалось.

— А что, — говорит, — дедушка, у него глаз кривой?

А дед и говорит:

— А вот отчего глаз кривой. Он был раньше гармонистом, молодой, и вот, — говорит, — всё тоже ходили гуляли, пили с товарищами, а вот один и привязался к нему: «Поедем, — говорит, — с тобой на танцы», — гармониста и зазвал. Он с им согласился ехать. Ну вот, он его привез тамотки, в комнаты, просторы хорошие, к богачам как бы, и все там танцуют пары за парами. Ну, он сел на стул и стал играть, а эти танцы и

пошли. И вот одна барышня его омахнула хвостом — платьем по глазу стегнула. А он как глаз прокуксил, протер — а глазом видит: не люди, а беси с рогамы, с хвостами, и сидят не в комнате, а на болоте, на клоцках. Ну и он как этот глаз закроет, не смотрит тем — и все как народ, танцуют, играют все, а тем больным посмотрит — а беси! И так ему страшно стало, он запросил товарища:

— Отвези ты меня домой назад, — говорит, — что-то мне плохо!

Ну вот, тот сперва поунимал, а потом и согласился. Ну вот, он его посадил в повозку, тройка лошадей подпряжена под повозкой, и вот повез. И он, [гармонист], захотел посмотреть, на чем везет — тем-то, больным глазом поглядел, — а не карета, а елка, и он сидит на елке, а вместо лошадей три человека запряжены, грешника, а на елке бес с рогамы, с хвостом, на вершинке, и этих людей нахлястывает, они храпят бедны. Ну вот, и привез к дому к своему, где назначено. Он-то этим здоровым глазом тоже смотрит, куда его везут. И привез и распростились на тот раз. Потом как пойдет вот на рынок-то, так тем глазом и видит нечистоту ту. Они уж там и тащат, и воруют, а где-ка стронут, прольют, чтобы ругались, а где-ка подкормят, стронут. А он товарища-то и увидел:

— Здравствуй, товарищ!

А тот и ожегся:

— Ты как меня видишь?

Ну, а он с простоты и говорит: «Вот так-то и так-то, я как был у тебя, меня одна дама хлестнула хвостом по глазу, так я с тех пор и вижу вас, вижу все, что вы проделываете!». Тот как размахнется, стегнет ему по глазу, чтобы не видел, у того и глаз вытек. «Тут в обморок я упал, тут меня подобрали», — он и рассказывает старику, дедушку нашему. Ну, тут подобрали, глаз залечили, так и остался кривой. Ну, а дедушко брату-то рассказывал, Григорью, а Григорий после службы мне рассказывал, большой уже был, а я в девках была.

119. Унесенная девушка

Девка полоскала на Двины платье, у Архангельска. Рассказывали старики, она сделалась как беспамятна, и ее подхватило вихрем и перенесло на эту сторону, между Тетрином и Чавангой. Тут старичок жил на волоку, на тонюшке, к этому старичку перенесло. Днем уходил, ловил зверей да куроптей, а вечером старичок-то придет, а девка и зашепчется, заговорит. Старик-то и спрашивал:

— С кем ты вечером говоришь?

— А ко мне, — говорит, — приходит вроде человека.

И говорит:

— Он куды тебе приходит?

— А он дом строит на Каменке (это за Тетрино), меня хочет туда перенести.

— А что, — говорит, — я никого не вижу? — дедко ей говорит. — Затопи печь, я сяду прям огня!

Печки-то на тонях были устьем около двери. Печка топится, вдруг стенок, застенул огонь, прошел прям двери. Так старик тот вечер и пропустил его, а на второй вечер зарядил пищаль, хлебный катышок заложил и направил. Сидит, дожидает, и девке велел опять печь затопить. Вот она затопила печь, печь-то топится, а он сидит, пищаль-то направил, вдруг стенок, застенул огонь, он прицелился и спустил пищаль — стрéдил. Как стрéлил — охнуло, застонало, и нигде ничего не очудилось, и больше не заходил, и кольки ден жили, больше никакой не заходил.

Так вот нечистый-от ходит, старики-то говорят — его пулей не подстрелишь, а хлебной крохой. Ну, тут старичок колько и жил, зимой девушку перенесло, а потом в деревню переехал, а летом ее перевез к отцу-матери в Архангельск. Колько до того благодарны были, сколько годов все мешки посылали то-муки, то крупы, всё за дочерь платили. Только давно это было, боле ста годов, я так думаю, по старикам-то.

120. Обещанный ребенок

— А вы в Пялицах были?

— Нет.

— Бабушка, расскажи ему!

— Ну, чего рассказывать, каку плетню... Нынче и народу того уже нет.

Так вот в Пялицы было тоже, сказывать-то неохота, сидели на тони, ловили будто летом старик со старухой, и ребенок у них был, внучка. А у них в сети семга заскакала, заторбалась, они и поехали невод оттянуть, семгу посмотреть, а ночью дело было, ребенок у них один и остался спящий. Ну вот. А старуха эта будто боится: «Ну, оставайся, дитятко, бог с тобой». Ушли. Ну, а вернулись, — и ребенка и нету. Ну, тут и хватъ, инде хватъ, и нету ребенка. Ну и в Пялицах у них была знающа, вроде колдунья, зналась с этой нечистой силой. Ну, к этой и пошли, к знахарке этой, в деревне. Там в деревне и отец был, старику и старухе сын, а девке-то этой как будто и отец. Ну и отга взяли с собой. И знахарка эта сказала, что где искать. Ну вот, они по-сказанному как будто и пошли, всема побежали. Ну и ходят, и видят — им знахарка сказала: увидите, как клоцок белеет на болоте, и берите. Ребенок был в одной рубашке, спящий. Ну, увидели и побежали. Отец как будто был молодый да бойкой, и побежал. Прибежал, захватил ребенка и назад. Так

туды-то бежал, болото-то летом как сухо, а обратно побегал, так болото-то волной, так волной и ходит. Только знахарка сказала уж, что ни будет — бежи, не овертывайся да не остаивайся. Он так и сдeлал, как велено. Бежали, бежали, да прямо на тоню прибежали, сели в кáрбас и в деревню поехали. А в деревню-то едут, а этот за кормой идет, нечистая сила, как зверь какой будто, тóрбается, идет... Они уж гребут, из сил выбиваются. Приехали в реку — и он все вслед, по морю-то шел, и в реку, из реки-то в руцeй зашел, а в руцью-то там с кем-то задрались там, с другим, так всю воду там смутили, смутили, в руцью-то уродовали, дрались, так три дня в руцью вода глиной текла, и из руцья в байну зашел и байну зауродовал — каменку разворочал. Уж ему ребенок-то был отдан, жалко ему ребенка.

Так в деревне как вечер — так заходит, засвистит, о́кол байны-то, да о́кол руцья-то. А после знахарка-то эта тоже зауговаривала, заувещевала — и скрылся.

Так после эта старуха девку эту в монастырь возила, молебн служила там. Девка после в Мурманске замужем была, а теперь старухой в Пялицы вернулась, там живет. (Вот поедешь, так спроси, тебе укажут ту старушку). А это оттого про́изошло, что с их тони голова была отдана: до них кто-то на тони сидел, как будто колдун, так отдал голову того, кто на другой год сидеть будет, чтобы семга ему хорошо попадала. Ну, а большого взять не могут, так ребенка взяли. (А эта старушка-то, колдовка, была здешняя, чаваньска, Яшке Кожневу тетка родна, так она знала это дело, [умела колдовать]. Они с Ниловой уж ни молодыми ли девчонками научились. Так она рассказывала: «Я с иконой на по́жню приду, а они уж косят ей, бесы. Я в летнюю пору по чулку свяжу, а они мне косят», — говорит).

И сейчас колдуны есть.

У нас одна жоночка выходила замуж в Варзугу, так гóловни залетали по деревне, огонь, у меня-то ко внучке попала в таз головня, а потом к овцам, так искры и полетели. И вот жонка и хорошая, и работяща, а все болеет, все болеет, до сих пор никак не поправится.

121. Бес на лодке

А то вот сидел на тони мужик, и поехал в деревню и замешкался. А эта жонка дожидает, да и забоялась. Закрылась и легла, и за́спала ли, не за́спала — вдруг слышит: едет с песнями по морю. «Вот, — говорит, — едет!». Мужа дожидат, слышит, приехал к берегу, а она это присердилась, что пьяный, долго не ехал, так и нейдет встречать. И слышит: ворот заскрипел, кáрбас воротит.¹ Воротил, воротил, и ворот не заскрипел. Вот, думает, идет, идет, и вот придет сейчас! И все стихло, и нигде

¹ Т. е. накатывают лодку на берег за канат.

ничего не слышно, и обтихло все. И не знает, что делать? И в избу никто не идет. Ну и забудила девуку, — в няньках была, что ли, — и закрестила, зачитала молитвы, и девуку выталкивает вперед. И вышли — ничего нет у ворота, и снова зашли. И уж не спала до утра.

А утром муж пришел, у него карбас угонило из реки, этот бес-то угнал. Вот она и слышала, как он мимо ехал, песни пел.

122. «Развяжу ли я!»

Вот еще, сидели на тони, сальничек горит, и вот пришло, под окошком закричало:

— Развяжу-у ли я?

— А развяжи!

Со смехом говорят, не знают кто, и все стихло. А утром пришли: и весь невод развязан, и на клубочки свито, как прядено. Вот беда-то! И ехать надо невод метать, и все на клубочки свито.

Ну, вот, день-от проходит, а на другой вечер сели так, горюют, нать невод вязать, а скоро ли свяжешь! И опять под окошко пришло:

— Завяжу-у ли я?

— А завяжи, батюшка, завяжи, завяжи!

На другой день встали, пришли: невод по-старому веснет, все как на вешалах было у них, так и есть.

123. Как «водит»

1

О прошлом годе или сей год, летось, парень в Кашкаранцах ушел за грибами и двенадцать дней ходил. Искали везде, и не могли найти. Его связисты нашли, так его как ветерком шатало. А домой привели, так он, как вечер, просится:

— Отпустите к дедушке, я у дедушко спал, дак хорошо, да тепло дак...

Живет теперь. В интернате учился. Маремьяна Устёновна рассказывала, она знает, была в Варзуге.

Ягоды когда копаешь, так все в наклонку, да в наклонку, так овертисся.

2

А тут опять мужик был, старик; жонка-то [его] жива ли, в Сосновке?

Вот олени бежат, и белая важенка. У него такая своя была.

— Важенка-то наша!

И побежал за важенкой, за бугорок забежал, да и до сей поры нет. Так и пропал мужик.

124. Кармакулиха

Вот тоже нынче говорят: заблудились, да заблудились.

Мужик с жонкой идет, а он ее звал Кармаку́лиха. Ну, он ее и зовет:

— Кармаку́лиха, поступивай, поступивай!

А она и приустала, а он идет вперед и покрикиват:

— Кармакулиха, поступивай, да поступивай!

Ну, она и шла, и шла на голос. И надо уж тому месту, где деревня, а все нет. К морю уж начала подходить, а все еще нету моря, и идет все на голос мужа. А тут чихнула и перекрестилась:

— Яко с нами бог! — говорит.

И очудилась: ничего нет, и сама не в том месте. Не видела ни Пялицы-реки, ни Чернавки-реки, очудилась на Истокки-горы, нынче фактория, между Чапамой, между Пялицей, — а как-то перешла две реки, и мужа нигде не нашла, и вышла к морю.

125. Встреча с нечистым

Дедушко Михайло поехал в Тёгору, а ветер [пал]. Обратного запряг такого оленя, чтобы сам тянул, смиренного. Ну, олень тянул, тянул и в сторону вернул. Он схлопнул оленя на дорогу — тот в другую сторону. Он вышел, выдернул оленя на дорогу да взглянул вперед-то, а там куст березовый, и в кусту женская голова, и волосы длинные по ветру развеваются. Ну, он и хлопнулся в обморок на сани. Так пролежал, очнулся — олень тянет по дороге... Что такое? Огляделся: олень по другой дороге тянет в лес, по лесной дороге. Ну, он отвернул оленя в домашнюю сторону. Отвернул, подвехал немного, едет старик навстречу, на двух оленях, хромой старик, сосед, рядом жили со стариком. И задержали олени, засбегались в кучу. Тот старик стал оленей по рожкам батожком. Дедушко его спросил: «Ты куда?». А тот оленей по рогам батожком, отвернул и поехал по дороге. Ну, приехал домой, пошел к тому старику, у старухи спрашивает: «Куда твой старик поехал?». — «Что ты, — говорит, — куда он, к черту, поехал? У Изосымка в карты играет!». Ну, он пришел домой, да и заболел, забредил, без сознания сколько времени был.

126. Разные случаи

1

В Пялицах случилось, с тем мужиком, что девку-то носило, — с отцом ее. Отец был-то еще подростком; пьяны пришли, так я забранилась — а черт тебя возьми! Так его как ветром схватило,

он так и побежал, так настичь никак не могли. Мужики побежали вслед, так едва его настигли, а новые на оленях ехали, так его схватили и привезли.

2

А то вот, говорят, еще подменивают в бане. В Чапамы ли одна жонка была, говорили. Так вот у этой тоже подкинули, дитя подменили. Не росла ничего до восемнадцати лет. В бани-то воды не хватило, мать оставила дите, а пришла с водой, а ребенок будто тот, — а не тот. И до восемнадцати лет жила, даже ела, а и не росла, только брюхо большо, не ползала, а потом умерла.

127. «Прохожий»

А вот в тридцать шестом году у нас старуха копала яголь, вдруг идет по лесу в шинели человек. Она с мешком ли была, с коробом — и бежать. Домой прибежала и кричит:

— Ой, старик! Прохожего видела! (Это черта у нас так зовут).

Ну, старик ей:

— Сегодня закрывай всё, окна и двери.

Вот они пошли за водой с коромыслом, а он по болоту идет со свечкой. Они и коромысло бросили, прибежали, всё завязали, и окна и двери. И сидят. И вдруг заколотилось:

— Пустите!

— Не пустим, кто такой?!

— Человек!

А жонка-то смотрит:

— Он, — говорит, — он самый!

Старик ему кричит:

— Читай молитву!

А он:

— Не умею!

— Ну, читай за мной!

Старик и зачитал: «Господи Иисусе Христе, помилуй нас!». Ну, он повторяет. Спустили его.

— Кто ты такой?

— А я тут хожу, травы да мхи собираю.

Он в этой же деревне на квартиры стоял. Так когда пришел домой, рассказал, так старуха-хозяйка в обморок упала, чуть со смеху не померла...

В прежне-то время без молитвы и в дом не запускали, прочитают — и «аминь», тогда откроют уж.

ТЕТРИНО

АННА МАРКОВНА КЛЕЦОВА

128. Шла баба путем...

Шла баба путем. Нашла баба лапоть. Приворотила, а ребята ходят на улице.

— Деточки, спустите ночевать!

Они и спустили. Ночевала, напоили, накормили.

— А у меня, — говорит, — лапотёк, положьте к курочкам.

А утром встала:

— Где-то у меня курочка?

Они и говорят:

— У тебя, бабушка, лапотёк.

— Нет, — говорит, — курочка!

Да и курочку отдали. И опять пошла вперед, и говорит: «Шла баба путем, да нашла баба лапоть, да по лапоти-то куреть». Опять шла, шла, до дому дошла, опять ребята на улице ходят.

— Спустите, деточки, ночевать!

Опять спустили, напоили, накормили. А она говорит:

— Деточки, у меня курочку — куда?

— А положьте, — говорят, — к гусям.

Утром запоходила:

— Где-то у меня гусёк?

— Бабушка, — говорят, — у тебя курочка.

— Нет, — говорит, — гусёк!

Ведь отдали и гуся! И опять пошла: «Шла баба путем, да нашла баба лапоть, да по лапоти-то куреть, по курети-то гусеть».

И опять ребятка бегает, опять и задавалась ночевать, и спустили. Напоили, накормили бабу, и она сказала:

— А положьте, вот у меня [гусёк].

— Мы, — говорят, — в гусинник положим!

— Не, — говорит, — положьте к барашкам!

Утром встала и опять запоходила:

— Где-то у меня барашек?

— Бабушка, у тебя гусёк!

— Нет, барашек!

И всё. Барашка отдали. Опять шла и пела: «Шла баба путем, да нашла баба лапоть, да по лапоти-то куреть, по курети-то гу-

сѣть, а по гусѣти-то баран». Опять с бараном и пошла. Шла, шла, опять дом пришел, опять ребята на дворе бегают.

— Деточки, — говорит, — спустите ночевать!

И спустили.

— А положьте барашка к бычкам!

А они говорят:

— У нас бараны там есть!

— А нет, положьте к бычкам!

Напоили, накормили, и выпалась. Утром встала, опять захо-дила:

— Где-то у меня бычок?

— Бабушка, у тебя барашек!

— Нет, бычок!

И отдали бычка.

И пошла, и опять запела: «Шла баба путем, да нашла баба лапоть, а по лапоти-то курѣть, по курѣти-то гусѣть, а по гусѣти-то баран, а по барану-то бычок».

Ну, шла, шла, пришла к дому, а у дому сани стоят, да хомут конинный, запрягла [бычка] да и поехала. И запела. «Шла баба путем, да нашла баба лапоть, да по лапоти-то курѣть, по курѣти-то гуеѣть, по гусѣти-то баран, а по барану-то бычок, а юх, юх, не бычок, яровой хвостичок; сани чужі, оглобли кривы, хомут не свой, поезжай, не стой!».

И слышали, бежат там все зверьки — а зайки, и лисицы, горностаи, да...

— Бабушка, — говорят, — возьми нас с собой!

Ну, она и набрала этих, мелочи, и едет, и поют. Она поет снова: «Юх, юх, юх, не бычок, яровой хвостичок, сани чужі, оглобли кривы, хомут не свой, поезжай, не стой!».

Идет волк, бежит:

— Что оно тако? Бабушка, — говорит, — возьми меня!

Волк на сани зашел, и опять запели: «Юх, юх, юх, не бычок, яровой хвостичок, сани чужі, оглобли кривы, хомут не свой, поезжай, не стой!».

И идет медведь:

— Бабушка, возьми меня!

— Ну, поди!

Войска много насадила. Медведь как ступил на сани, сани изломались. Бабка:

— Бежите, бежите, сани ладить!

И все несут, кто прутышек, кто чего может, а волк березу несет, а медведь ель выворотил.

— Ой, ну, покарауйте быка, — говорит, — я сама пойду!

Сама ушла, а они кожу выворотили, мясо выворотили, а эта мелочь вся разбежалась, а кожу с ногами да с головой поставили.

Пришла, тенет сани, где-то сани увезла. Пришла, сани подпехнула к бычку, запрягла, села на сани и запела: «Шла баба путем, да нашла баба лапоть, да по лапоти-то куреть, по курети-то гусеть, по гусети-то баран, а по барану-то бычок, а юх, юх, юх, не бычок, яровой хвостичок, сани чужий, оглобли кривы, хомут не свой, поезжай, не стой!».

Дернула, а шкура пала, баба и осталась без всего. Неправодушной была, хотела наездиться. И сказка вся.

129. Про белого быка

Сказать тебе сказку
Про белого быка?
У белого быка
Пропрели бока,
Прогорели рога.
Кто велел сказку сказать —
Тому кровь обливать!

СТРЕЛЬНА

АВДОТЯ ПЕТРОВНА СТРЕЛКОВА

130. Мачеха и падчерица

Был-жил мужик с жонкой, у них родилась дочка Палаженька. Жонка эта умерла, и осталась дочь и корова. Мать-то ей как будто корову поблагословила, дочери. И отец загулял с ягой-бабой, и у нее было три дочери: одна Одноглазка, другая Двоглазка и третья Троеглазка. Он женился на ей, на этой, ягой-бабы. А мачеха этой падчерицы не любила. Заставляла ей работу работать, конопле престь, коров пасти, а свои дочери не делали ничего у ней. Она дает еще пряжу престь. Вот она, эта девушка, уйдет коров пасти, а мачеха надает ей работу, пряжу престь.

Вот она и поклонится материной коровушке в копытце:

— Коровушка, буронюшка, пособи мне, помоги мне!

И вот девушка заснет. А эта буронюшка ей все сделает, она и не видит, как та делает. И придет эта падчерица домой, и все сделано. Эта мачеха и стала добиватьце, как же это она коров пасет — и все сделано? И послала на другой день дочь Одноглазку караулить: как она это там сделает? Вот и пришли к коровушке, вот эта материна дочка и заспала, Одноглазка. Заспала и пробудилась — уж вечер, и у падчерицы все сделано, и погнали коров. Мачеха спросила у дочери:

— Кто ей помогал?

— А я, — говорит, — не видела.

На другой день послала мачеха Двоглазку. Ну и вот, ушли и там повалились спать, падчерица-то и говорит этой Двоглазке: «Повалимся, отдохнем!». И заспали. И спали, спали, вечер пришел. А стали — у буронюшки это все обделано. Пришли домой, мать-то у дочери спрашивает, у Двоглазки:

— Ну что?

— Не видела я, мама, проспала.

Мать-то и заругалась.

На третий день Троеглазку отправила караулить. Ну и пришли туды на пастьбу. Падчерица и говорит этой Троеглазке: «Повалимся, отдохнем!». И заспали. Падчерица-то заспала, а Троеглазка: глаз-то заспал, другой заспал, а третий не заспал. Высмотрела этим третьим глазом и сказала:

— Ей, — говорит, — пособляет материна коровушка.

Вот отец приходит домой, мачеха и приказала убить эту коровушку.

Эта Палаженька поплакала и побежала, а отец уже коровушку убил, остались рожки и копытца. Она взяла и перед окошко себе закопала. Закопала, у ей под окном очудился сад. В саду росли яблони. И заходила Палаженька в этот сад, и мачеха стала посылать своих дочерей. Перву послала Одноглазку. Налетела птичка с ветки и выключнула глаз у Одноглазки. На другой день мать послала Двоеглазку. Палаженька ходит по саду гуляет, а никто ей не обижает, она яблоки рвет, кушат. Птицы налетели — у Двоеглазки обеи глаза выклевали. На третий день мать послала третью, Троеглазку. Заходила Троеглазка по садику, навалились на нее птицы, два глаза выклевали, а третьего не успели, осталась она с одним глазом и убежала к матери.

А едет купец мимо этого садика.

— И на веку, — говорит, — этого сада не видел, а тут этот сад очудился!

И увидел эту девушку в садике, и ему она пондравилась. И он поехал на этой девушке сына женить, сватать. И женил сына и повезли эту невесту, и этот садик пошел за им в след, от дому. И мачеха так стала реветь — дочери остались слепы, хотела падцерицу загубить, а падцерица осталась жива и за купца вышла.

131. Девушка свою судьбу ищет

Жил-был мужик с жонкой. У их было детей сын да дочь только. Дети выросли, больши уж. Эта деовчка пошла на улицу. Пошла на улицу, а идет старицок:

— Девушка, девушка, оботри [мне] пулюшки!

Она говорит:

— Ну тебя, — говорит.

— Ну, — говорит, — девушка, у тебя дома завтра большое несчастье будет.

Они повалились спать. Утром встала со сна — у ней отец умер. И похоронила отца. Долго ли, коротко ли, жили тамотка... Эта девушка опять на улицу пошла. Идет на улицу, а опять этот старицок попадает стрещу:

— Девушка, девушка, оботри пулюшки!

— Ну тебя, — говорит, — привязался ты ко мне!

— Ну, — говорит, — у тебя завтра велико будет несчастье.

Пришла домой, спать повалились. Утром встает со сна — мать умерла. Матерь похоронили, остались они с братом двое. Жили они долго ли, коротко ли, с этим братом. Переживали, жалели отца, мать. И пошла девушка проходиться на улицу. Встречается опять этот старицок:

— Девушка, девушка, оботри пулюшки!

— Ну тебя, привязался ты ко мне, уходи, старой!

— Ну, девушка, у тебя завтра велико дома будет несчастье.

Ну, она пришла домой, брату нищего не сказала, повалилась спать. Утром встала со сна — у ней брат умер. Похоронила она брата и осталась одна, бедненькая. Повалилась спать, и к ей пришел ночью мужчина. Она первую ночь не сказала никому, что был у ней ночью мужчина. На другую ночь повалилась спать — опять к ей пришел ночью мужчина. На другой день она сказала бабушке:

— Ну, бабушка, какой-то мужик ко мне ночью ходит!

А бабушка сказала:

— А придет к тебе сегодня ночью, будешь ложиться спать — положи под подушку спицки и, когда он придет, сожги у него волосинку-то, ночью.

Вот он пришел, она взяла спицки из-под подушки, чиркнула и у него волосинку сожгала на головы. И говорит он ей:

— Ну, — говорит, — девушка, твоя судьба была, теперь тебе, — говорит, — долго судьбы не найти.

И ушел. Приходит бабушка:

— Ну что, был ли у тебя дядька?

— Был, бабушка, и сказал мне: «Твоя судьба была, а теперь тебе долго судьбы не найти». Я, бабушка, пойду судьбы искать!

И пошла. Шла она куды головой стоит. Пришла — стоит избушка на курьих ножках, на петушьих головках, к лесу глазамы, к ей воротамы. Зашла в избу, в избе есть старушка — титки через грядку веснут, языком в печи пашет, а головой весь овин покрыват (а не знаю, какой такой овин, а так говорится в сказке).

— Фу, фу, — говорит, — русской дух!

По щеки себе дала, по другой прибавила:

— Не попоила, не покормила, а стала вести выпрашивать!

Напоила, накормила девушку и стала выпрашивать:

— Куды тебя, девушка, бог понес?

— Пошла своей судьбы искать!

— Ну, — говорит, — девушка, долго тебе своей судьбы не найти! Купи, — говорит, — железны туфли, разбей, да железный пояс развей, да железну просвиру сгрызи, так тогда свою судьбу найдешь!

И купила эта девушка железный пояс да железные туфли, железную просвиру и пошла. И шла, шла, шла, туфли разбила, и пояс развила, и железную просвиру сгрызла, и все судьбы нет своей. Идет, а стоит избушка на курьих ножках, на петушьих головках, к лесу глазамы, а к ней воротамы. Зашла в эту избушку, в избы есть старушка — титки через грядку веснут, языком в печи пашет, а головой весь овин покрыват.

— Фу, фу, — говорит, — русским духом пахнет!

По щеки себе дала, по другой прибавила:

— Не попоила, не покормила, а стала вести выпрашивать!

Попоила, покормила, да тогда стала вести выпрашивать:

— Куды тебя, девушка, бог понес?

— Пошла своей судьбы искать!

— Ну, — говорит, — твоя судьба уже женился! Купить тебе нать, — говорит, — железные туфли разбить, железный пояс развить, железную просвиру сгрызть, да тогда дойдешь.

Купила она железный пояс, да железны туфли, да железну просвиру и пошла опять туды, куда головой стоит. Шла, шла, шла, туфли разбила, пояс развила, просвиру изгрызла. Текет речка. Пришла она к речке. Речка текет молоцна, берега кисельны. Взяла она ложку, села, похлебала молоцка с кисельком. И пошла дальше: Идет, а стоит избушка. Зашла в избушку, а сидит старушка, прядет шерсть.

— Господи благослови, — говорит, — на веку птица не пролятивала, а не только человек не прохаживал! Куды ты, дитятко, пошла?

— Пошла я, бабушка, судьбы искать.

— О, девушка, у тебя судьба женился, да двое детей, — говорит, — да он испорченной, овернутой медведем. А вот что я тебя науу: у его есть мать (он ночь-то бегаёт медведем, а день-то настоящим человеком). Есть у него мать, и эту матерь его жена не любит. Ты, — говорит, — возьми у меня пшенца; когда ты к им придешь да начнешь в головы искать, ты [матери] подсыпь пшенца. И вот, — говорит, — купи две игрушки: одна яслики, а друга шириночка (не знаю уж, каки бобышки, так сказывается в сказке). И, — говорит, — пойди по тропинке, там есть озеро, и сядь к этому озеру, а евоны эти дети ходят к озеру играть, и оне прибежат, а у тебя спрашивают эти игрушки, а ты скажи, что у меня не продажна, а оветна.

[Девушка так и сделала].

— А что за овет? — оне и спрашивают, дети-то.

— С вашим папой ночь проспять.

Ну, они и пошли к отцу спрашивать: вот у озера девушка сидит, у ей такие-то игрушки, яслики и шириночка, и она говорит: «Не продажны, а оветны».

— А что за овет?

— С вашим папой ночь проспять.

Отец им ответил, что, мол, ничего не стоит. И послал детей, что пускай придет сюда. И повели дети домой эту девушку. Привели домой, а невестка скоцила в подполье зубы точить, волшебница была. А эта девушка и говорит:

— Бабушка, дай я у тебе в головы поищу!

И вот нацала искать в головы у этой старушки, а его самого дома нет. Она насыпала этой старухе пшена в голову — старуха не видела пшено ли, что тако, — и зацала бить.

— Ой, — говорит, — бабушка! У тебя сколько вшей в головы! (Это пшено-то хрукает). Кабы я невесткой была, у тебя бы выискала всё!

Эта старуха разъярилась, тоже была волшебница, и skoчила в подполье и съела невестку. (Пока та там зубы точила, саму съели). И прибежал этот суженый из лесу, медведем-то бегал, и его бабка овернула, и не стал он больше медведем в лесу бегать и стал с этой девушкой жить.

Вот стала девушка со своей судьбой жить, и нашла девушка свою судьбу! Сказано вот, что язык до Киева доведет — вот и в сказках ведь! Нашла свою судьбу. Двои туфли железны разбила.

132. Вошья шкура

Был-жил царь с царицей. У царя была одна доць. Он в одно прекрасно время сел у ей в головы искать. И нашел у ей вошь в головы. Эту вошь склал в чан, и три года эту вошь рбстил, и вырастил против коровы. И убил эту вошь, и опустил шкуру этой вши, и напелил на стену. Вот сгонил всех от старого до малого и сказал:

— Кто узнает, цья шкура, за того доць отдам!

Ну, а доць на выставке (доць как и у меня, доць была хорошая). И никто не может догадаться. Ну, кто догадаитце, что вошья шкура!

А доцери-то один понравился молодой паренек, красивый, хороший, и ей понравилсе. Как бы ему передать! А он далеко от ей. От ей близко старицок стоит, старый-старый. Она и говорит старицку тихонько:

— Старицок, скажи, — говорит, — этому мужицку, который красивый стоит, шопотком, что вошья шкура.

Вот этот старик постоял, подумал: передать или не передать? А сам и говорит царю:

— Господин царь, — шавкат, — вошья шкура!

Ну, царь:

— Отгадал, твоя доць, забирай доць!

Доць хотела не хотела, а у отца слово сказано, отдал за старика.

И вот они свадьбу сыграли и поехали через реку в лодке, эта доць со стариком, домой-то. Он сел на один борт, а она — на другой. Она, как не любила его, так трнула, — пехнула просто с краю, — его в реку, он улетел да и утонул. А он ей сделал как под пазуху, у ей [там] заговорило: что она скажет, и за ей вслед переговаривало. И она переехала на другу сторону рецки, и вышла на берег, и говорит:

— Ой, каки травы красивы!

А у ей тоже там говорит за пазухой:

— Ой, каки травы красивы!

И идет дальше. Идет, а пришли поля большие, она говорит:

— Ой, каки поля большие!

У ей в пазухе переговариват:

— Ой, каки поля большие!

Зашла в село, подошла к царскому дворцу. Спрашивают ей:

— Откуда ты?

Она ницего не говорит, ясакамы (знаками) показала: «Наймите меня в работницы!». Вот она три года жила, а не говорит ничего. А у этого царя, у его был сын, Иван-царевич. И вот стал жениться. Она ему нравилась, очень нравилась она, а из-за того, что нема, он ей не взял, другу засватал.

Ну вот, она стала на свадьбу готовить на кухне. Царска свадьба — надо всего много. Вот она котел наварила жирного мяса, и сама-то там говорит одна:

— Ай, как вкусно!

А у ей в подпазухе-то переговариват:

— Ай, как вкусно!

Она ему и говорит:

— Вкусно, так выйди-ка, попробуй!

Он вышел, как маленький ребенок, человек-то, сел на край пробовать, а она его толкнула с краю-то в суп-то, он пал туда и сварился. И она на кухне заговорила все, и у ей больше никто не говорит под пазухой.

И вот собрал Иван-царевич свадьбу. Сбывали гостей всех в гости. И заносила работница перемены на стол. А молбды-то сидят за столом, Иван-царевич с невестой. Она и говорит:

— Кушайте, гости и гости!

А Иван-царевич на ей глаза и выворотил: три года жила, не говорила, а теперь гостей угощают! И он сам про себя думат: «Что это тако? Если бы она говорила, я бы давно на ней женился», — сам-то мечтает.

И потом недолго он с ею пожил, — на какой женился, — и ту отгонил, и женился на работнице, и стал с ней жить. А она уж была такая царевна, уж стали жить да быть, Иван-царевич с этой царевной. А старица своего она потопила.

133. «Как соль»

У царя было три дочери. Он любил саму младшу дочь очень хорошо. Пуще всех из дочерей он ее любил. И в одно прекрасное время сели с има, с дочерьми-то. Он спросил у старшей дочери:

— Дочь, ну как ты меня любишь?

— Я, папа, тебя люблю как хлеб.

У второй спросил дочери:

— Ты как любишь меня?

— Я тебя, папа, люблю как вино!

А у младшей, любимой дочери спросил:

— Ты, — говорит, — как меня, дочь, любишь?

— Я люблю, папа, тебя как соль.

Вот отцу не понравилось, и прогнал он эту любимку свою. Она пошла куды головой стоит. Шла, везде ходила по поселкам и везде не знала, куда голову приклонить. Тут, инде ли в работницы нанимается, нигде не нанимают. Пошла дальше. Зашла в царско село. Пришла к царю. «Наймите меня в работницы. Давно я уже хожу и нигде не могу устроиться», — она царю говорит.

— Ну, ладно, найдем! Живи, работай!

Она жила у их три года. И все нищего не говорила, откуда, кака. И похвалилась она Ивану-царевичу, и засватался Иван-царевич на ей. А отец говорит Ивану-царевичу:

— Что ты? Ты царица, а берешь из работниц!

А сын отвечает отцу:

— Ну и што! Такие же люди! (Видишь, какой был сознательный!).

Зачали собирать свадьбу. Стали перемены готовить. На два стола перемены готовят с солью, а на третий без соли. И на два стола солонку кладут с солью, а на третий не кладут. Вот и созвали на свадьбу всех князей, всех царей, всех королей. И вот уселись гости, и этот царь говорит, ейный отец, он уж ей не узнал, она маленька была отгожена, он ей и не спознал.

— Почему, — говорит, — у вас я поглядел, на двух столах солонки, а на третьем нету?

Ну вот, этот царь тому царю и заговорил:

— Слыхал, — говорит, — такой пример: жил-был царь, а у того царя было три дочери. Сели они раз с отцом, он спрашивает старшу: «Как ты меня любишь?». Она говорит: «Люблю тебя, папа, как хлеб». Спрашивает он другу дочь: «А ты как меня любишь?». «Люблю тебя, папа, как вино!». А спросил меньшую дочь, любимую: «Как ты меня любишь?». А третья дочь сказала: «Люблю тебя, папа, как соль!». И он ей прогнал!

И тот царь стал на колени и спросил:

— От кого вы слышали эту сказку?

— А вот от работницы!

— Где эта работница?

Ну, ему и указали, и тут он запрошался, заплакал, узнал эту дочь, и свадьбу сыграли, и поехали домой, повез дочь и зятя за приданым, уж у царя было приданое! Стала дочь жить за Иваном-царевичем. (Вишь, отец-то, а не спросил бы про соль, то, может, и совсем не признались!).

134. Безручка

Был-жил царь с царицей. У царя да у царицы был сын, Иван-царевич.

И заходила к ним под окно там (у нас прежде ходили в избы, просили милостыню, а там под окно) девушка, милостыню про-

силь: без рук, безрука. Да ей Иван-царевич подал сто рублей денег. И вот она ушла. Долго ли, коротко ли жила с деньгами и опять пришла под окно милостыню просить. Он ей подал двести рублей денег под окно.

Она ушла. Долго ли, коротко ли ходила, и третий раз пришла под окно просить. Этот Иван-царевич ей подал триста рублей денег и говорит:

— Папа да мама, я на ей женюсь!

А отец-то да мать отвечают:

— Что ты, дитятко, она без рук! Натъ ведь ей с ложки кормить!

— А что ж, что с ложки, да я женюсь!

Отец с матерью не остановили — пожелал дак и женился. Год прожили, а этот Иван-царевич уехал в друго село учиться. Она осталась от его в положении. И без его родился сын. Так все в комнаты засияло — такой сын родился. Во лбу солнце пекет, в затылке месяц. А по косицам мелки звездочки рассыпаютца, а за ушмы зори замыкаютце. И написали оне письмо сыну, что приезжай сын домой, у тебя жена родила сына: во лбу солнце пекет, в затылке месяц, по косицам мелки звездочки рассыпаютца, за ушмы зори замыкаютце. Послали с работником. Работник пошел, а по дороги стоит дом яги-бабы. Эта яга-баба работника уняла ноцевать и процитала это письмо. И написала Ивану-царевичу, что родился у тебя сын — половина целовецьа, а друга собадьа. Он процитал это письмо и написал: «Какой бы сын ни родился, а держите до меня». Идет обратно работник, эта яга-баба опять его унимает ноцевать. Работник остался. Яга-баба процитала это письмо и написала, что [раз] такой сын родился, так не держите дома, отправляйте куда хошь.

Царь и говорит:

— Это не может быть, что тако письмо напишет!

Написал второ письмо сыну: «Что ты, сын, что тако? У тебя дите родилось, что в комнатах все воссияло: во лбу солнце пекет, а в затылке месяц, по косицам-то часты звездочки рассыпаютца, а за ушмы зори замыкаютце». И послали вторично. Эта яга-баба опять работника уняла ноцевать и процитала это письмо. И написала сама, что такой сын родился — половина целовецьа, а друга мышья. Иван-царевич процитал это письмо и написал: «Какой бы сын ни родился, держите до меня!».

Идет обратно работник, опять его яга-баба унимает ноцевать. Работник остался. Яга-баба процитала это письмо и написала, что [раз] такой сын родился, так не держите дома, а отправляйте куды хошь.

Третье письмо написал отец: «Ты одумайсе, тако дите родилось, а ты тако пишешь!». И опять понес работник письмо. Яга-баба опять уняла его ноцевать, письмо вынула, процитала и написала друго. Эта яга-баба так разрисовала его, что половина

целовецья, а друга котецья. Иван-царевич отписал, что какой сын ни родился — «держите до меня».

Работник пошел обратно, опеть его яга-баба уняла ноцевать. Она это письмо процитала, друго написала, что отправляйте куда головой стоит. Царь с царицею поплакали, поплакали, пожалели невестку и внука, и привязали дитя ко грудям, и пошла она куды головой стоит. Шла, шла, пришла речка. Села она к речке и [стала] ребенка сосать. Этот ребенок у ней стрепешетсе и в реку улетит. А на другой стороны старицок с белой бородкой кричит:

— Имай!

А она ревет:

— У меня рук нет!

А он одно кричит:

— Имай!

Она бросилась, а у ей и очудились руки. И поимала она ребеночка, и перевез их старицок через реку, к себе. И вот, она жила у старицка с этим пареньком. А оказался этот Иван-царевич в том же селе, в которое она пришла с пареньком, а так-то не знали про ей никто, откуда она ушла. Этот паренек вырос уже большой, говорил и везде один ходил, и сказывала ему мать сказки. Ту сказку, как она сама ходила: что пришла первый раз к Ивану-царевичу под окно — и подал он ей сто рублей, потом ходила и второй раз — он ей дал двести рублей, пошла и в третий раз — дал ей триста рублей, а потом, говорит, на этой девушке женился, а сам уехал куда-то.

Вот и пришел праздник, и приехал царь к празднику в то село к сыну-то, где сын-то учитьсе. Созвонили обедню, — праздник-то.

Этот старицок отправил этого паренька в церковь.

— Сходи, — говорит, — в церкву и стань меж Ивана-царевича и меж царя. И не снимай шапоцки с головы.

И обедня кончилась, и из церкви вышли и праздницан по гостям зовут (после обедни-то у нас такой обычай был). Этот паренек выходит из церкви и говорит:

— Господин царь да Иван-царевич! Пойдемте к нам в гости!

Царь-от и говорит:

— Хы, — говорит, — к едакому к образованному пойдем в гости! Пришел в церковь, не снял шапки с головы!

А сын отвецат царю-отцу:

— К богатому-то всякой пойдет, а к бедному-то и никто! Ты не пойдешь, а я пойду!

Вот и повел этот мальчик Ивана-царевича в гости. Привел, а мать-то за педкой, не показываетсе. А этот сын, паренек-от, и говорит:

— А, Иван-царевич, сядьте, посидите, а я седу на педку. Пока мамы нет дома, я скажу тебе сказоцку!

— Давай, послушаем! — Иван-царевич говорит.

— Вот, — говорит, — жил-был царь. У царя да царицы был сын один, Иван-царевич, и к нему и заходила безручка-девушка милостыни просить. И Иван-царевич первый раз ей подал сто рублей. Второй раз она приходила под окно — и он дал ей двести рублей. И третий раз приходила под окно — и он дал ей триста рублей. А потом говорит: «Папа да мама, я на ей женюсь». Ну и женился, а я больше не знаю!

Он и говорит:

— Мальчик, кто тебе эту сказку сказывал?

— А мама.

— А где твоя мама?

— А она здесь, за печком.

Выходит мать из запечка. (Я вот эту сказку сказываю, так реву). И вот он жены опознал и тут заплакал. И снял сын с головы шаподку. И всё в комнаты звосьяло, во лбу у его пекет солнце, в затылке месяц, по косицам мелки звездочки рассыпаются, за ушмы зори сомываются. Она ему все рассказала.

Взял он жену и сына и пошел отца разыскивать, царя-то. Нашли отца-царя, поехали домой. Приехали домой, заходят в дом, а царица дома. Увидела она невестку и внука, испугалась ли, обрадела ли, и пала, и тут и умерла от испуга. Переживала все, жалела, и тут и умерла. И стал Иван-царевич со своей женой жить да быть, да своего сына растить. Все.

(Вот, вишь, как люди переживают, из-за людей ведь!).

135. Отсуленные дети

Жил-был царь с царицей. У царя да у царицы не было детей никого. И пошел царь в город, в Архангельск хоть, — на судах ходили, на парусах, на кораблях.

И потом там в городе побыл долго ли, коротко ли, и пошел домой. У его на середке моря остоялось судно, среди моря. Под судном заговорило:

— Отдай, — говорит, — царь, чего в доме не знаешь!

— Нет, — говорит, — деточки, я все знаю.

А не видит никого там в море, под судном говорит-то. Отвечают там под судном в море:

— Нет, одного, царь, не знаешь! А не отдаешь — с этого места не уйдешь.

Царь подумал, подумал и говорит:

— Бери!

И судно пошло. Пришел царь домой — у царицы родились двойники, а царь не знал, что она в положении. Он детей просил. Царь говорит:

— Что будем делать с детьми?

Построил царь под землей избушку и поставил часового. Прилетает к ему этот нечистый дух.

— Царь, — говорит, — отдай посулёно! (Который под судном говорил).

А царь ему отвечает:

— Где знаешь, там и ищи!

Он летал, летал, искал, летит — а стоит часовой.

— Часовой, — говорит, — скажи, где у царя дети?

— Нет, — говорит, — не скажу, царь до меня добрый!

Он часового убил. Приходит утром царь смотреть — часовой мертвый, а дети живы. Он другого поставил. И вот на другой день опять прилетает этот нечистый дух.

— Царь, — говорит, — отдай посулёно!

— Где, — говорит, — знаешь, там и ищи!

Он летал, летал, видит часового:

— Часовой, скажи, где у царя дети!

— А нет, — говорит, — не скажу, царь до меня добрый!

Он опять часового другого убил.

Приходит утром царь детей смотреть: дети живы, а часовой убитый другой. Царь поставил третьего часового. На третий день опять этот является к царю нечистый дух:

— Отдай, царь, посулёно! Не отдаешь, тебе, — говорит, — худо будет!

— Ищи, — говорит, — где знаешь.

Он летал, летал. Летит — а часовой стоит.

— Скажи, — говорит, — часовой, где у царя дети?

— А скажу, — говорит, — царь до меня недобрый!

И сказал.

Утром царь встал со сна, пошел смотреть, видит — часовой живой, а детей нету. Он взял этого часового расстрелял. А ударя были дети, сын да дочь. Унес этот нечистый дух детей. Оне там жили долго ли, коротко ли, и выросли уже большй, — верно, долго. Эта дочь с этим некрещенцем знакома стала, познакомилась.

Пришла пасха. Иван-царевич вышел на улицу, плачет, брат-то, а летит Лев-зверь.

— Цего ты, Иван-царевич, плацешь? На Русь хочешь?

— А, — говорит, — на Руси-то поют да цитают! А здесь все ницего.

— Зови сестру да поедем, — этот-то Лев-зверь ему говорит.

Он звал, звал и кое-как сестру вызвал. Поехали на Льви-звери. А этот нечистый дух скочил со сна, и раскинул книгу, и говорит:

— Фу, дело неладно, на Льви-звери уехали!

И побежал. Бежал, бежал и нагонил их. И Лев-зверь дриснул, и он обратно. Прибежал домой, умывался, оцищался и обратно побежал. Прибежал и уташил обратно детей, и опять [они] с ним стали жить. Опять они жили целый год там. Пришла пасха.

Иван-царевич вышел на улицу, плачет, брат-то. Вот летит Лев-зверь.

— Цего ты, Иван-царевич, пладешь? На Русь хочешь?

— А, — говорит, — на Руси-то поют да цитают! А здесь все ницего.

— Зови сестру да поедем, — Лев-зверь-то говорит.

Иван-царевич звал, звал, а сестра-то с нецистым духом спозналась, дак кое-как вызвал. Поехали на Льви-звери. А он спал, нецистой-то, потом скопил со сна, раскинул книгу:

— Фу, дело неладно, на Льви-звери уехали!

И побежал. Бежал, бежал, детей отнял, назад уташил. Еще год там они жили, и пришла пасха. Иван-царевич вышел на улицу, плачет. Опять летит Лев-зверь.

— Цего ты, Иван-царевич, пладешь? На Русь хочешь?

— А, — говорит, — на Руси-то поют да цитают, а здесь все ницего.

— Зови сестру да поедем!

Сестру созвал, и потащил их Лев-зверь. Сестра-то уж обеременела от нецистого духа. Вот этот некрещенец за им побежал, и дриснул Лев-зверь, и он обратно, умывался, оциссался и опять побежал. Бежал, бежал, а этот Лев-зверь принес детей кд царю, ко крыльцу. Приходит царь да царица детей стречать, а нецистый дух налетел, и не успел царь детей в дом завести, этот нецистый дух схватил их и унес — и только царь да царица и видели своих детей. И принес этот некрещенец детей. Сестра и говорит:

— Надо что-то делать с Ваней! И пошли [его] к львице за молоком, а она ест людей и его-то съест!

Пошел Иван за молоком. А у львицы замерзают дети, а самой нет дома. Он снял с себя пинжак и окутал детей. А вдруг львица бежит:

— Сама кулебака на стол пришла!

Дети заревели:

— Мамушка-голубушка, не ешь! Он нас от смерти слободил! То бы мы замерзли!

Дала львица Ивану молока:

— Тебя, — говорит, — Иван, послали не за молоком, а за смертью.

Пришел Иван домой с молоком, сестра и говорит:

— Вот беда, тут Ване не смерть! Пошлем Ваню на мельницу за мукой!

Пошел Иванушко на мельницу за мукой, идет, а медведь бежит:

— Куда ты, — говорит, — Иван-царевич?

— А на мельницу за мукой!

— Возьми меня, — говорит.

— Пойдем со мной, — Иван-от сказал.

Идут, а идет волк:

— Куды ты, Иван-царевич, пошел?

— На мельницу за мукой!

— Возьми меня, — говорит.

— Пойдем!

И того пригласил. Идут, бежит лисичка:

— Куды ты, Иван-царевич, пошел?

— А на мельницу за мукой!

— Возьми меня, — говорит.

— Пойдем со мной, — говорит.

А сестра-то его убила: «Когда мельница заходит, дак тогда муку бери!», — думат, его замнет там. Приходят они к мельнице. Медведь бросился вперед, и медведя замяло под мельницу. Медведь мельницу своротил, а Иван-царевич тогда почерпнул муки и пошел с мукой домой. Приходит домой с мукой, и сестра и говорит:

— Тут Ване не смерти!

Мужу, нечистому духу-то, говорит:

— Съешь его, когда ему нигде смерти нет!

А брат сестры отвечает:

— Нать истопить байну да попарить костьё, так мягце тогда исть!

Дала сестра ему решето:

— Наноси решетом в байну воды!

Иван-царевич вышел на улицу и плачет. Летит птичка:

— Иван-царевич, — говорит, — замажь слинкой да глиной и наноси воды!

Он замазал слинкой и глиной, наносил воды и пошел в байну. Опять медведь, да лиса, да волк у байны и говорят:

— Когда ты в байне будешь, придут спрашивать исть-то, ты ответь им: у меня то немыто да друго немыто.

Сестра приходила спрашивать и ушла. Потом приходит некрещенец его исть. А напали медведь да волк на этого некрещенца, напали, этого некрещенца и съели всего, только остался один зуб. Сестра-то прибежала, а остался один зуб; сестра-то и схватила зуб этот и утащила. Приходит Иван-царевич домой. Ну, что! От сестры житья нету! Задумал жениться. Женился и принесли коробейницы места (преже эти места несли невесты — назывались коробейницы); зашила сестра этот зуб в подушку, от этого некрещенца-то, и повалились молоды спать. И Иван-царевич умер. Этот зуб вылетел из подушки да в Ивана-царевича, и Иван-царевич умер. Вот и говорит сестра-то:

— Нать могилу секци и хоронить.

А жена-то заревела:

— Я не буду хоронить, я с им мало жила! А поставлю столбы прям окон и положу планки, и на планки положу гроб, и буду смотреть из окна.

Сделали все так и повалили Ивана-царевича прям окон. Пришел медведь, Ивана-царевича лизал, лизал, лизал и пал: этот зуб вылетел в медведя, а Иван-царевич встал, ожил. Пришел волк, медведя лизал, лизал, медведь встал, а волк пал. А лисица лизнет, да за столб, лизнет, да за столб, из волка зуб вылетел да в столб. Столбы пали, все живы пошли. Иван-царевич стал с женой жить да быть, добра наживать, а сестру эту расстрелял. Так и поселе тамотка.

136. Пестреюшко

Жил муж с женой, и у их смолоду детей не было. И она родила после девочку. Родила и вырастила до больша, и заболела мать и умерла. Отец женился после матери на яго-бабы, а у яго-бабы было две дощери. А у этой девушки отец все ездил уцитьсе в города. Все уезжал из дому. И мацеха-то эту падцерицу не залюбила. И написала отцу письмо: «Приезжай домой, у тя доць, — говорит, — с мужиком загуляла». Отец полуцил письмо и написал: «Хоть и гуляет, пускай до меня живет!». Мацеха полуцила письмо, процитала да разорвала, и друго написала падцерицы, что отец велит гонить из дому. Она написала друго письмо отцу-то родному: «Совсем муцины на дом заходили». Отец процитал и написал: «Хоть и ходят, а пускай живет до меня». Мацеха-то письмо полуцила, что отец написал, и опять велит гонить падцерицу из дому. И сходила, сгонила всех волховых и боровых, и содрала у их шкуру и сожгла, а этой золой напоила падцерицу. Падцерица оберменела. И написала письмо отцу эта мацеха, что приезжай, у тебя доць в положении. Ну, он отписал: «Хоть в положении, пускай до меня живет». А она это письмо процитала и написала, что будто отец пишет: «Забей в ящик и отвези доць в лес». Процитала и говорит эта падцерица:

— Ну что же, — говорит, — вези!

И забила она эту падцерицу в ящик и отвезла в лес. Отвезла в лес. Бросила, и у этой падцерицы родился там в лесе Пестреюшко. Ногой пинул, так у ящика дно отпало, а рукой махнул, так кровля верхня отпала. И пошел этот Пестреюшко по тропинке. Пришел в село, а в селе его стрелять стали. Так от его пулька отскакиват, его пуля не берет, он волшебный-от.

Ну и вот, пришел к матери:

— Мама, — говорит, — я был в селе, меня били мячиком, а мячик от меня отскакивает. А я мячик схвацу, кину — так по два и по три человека валится.

— Что ты, — говорит, — детко, так нельзя. А сходи-ко в село, сходи по тропинке. Там, — говорит, — в селе есть царь. Сходи-ко к царю и зайди в царский дворец, попроси мне поисть. Он спросит: «У тебя что твоя мама ест?». Ты скажи: «Молоко, рыбу и хлеб».

И царь наклаал ему полный ушат всего. И он потащил этот ушат, и все сболталось у его в этом ушати. Подошел к матери:

— Дитятко, я так не могу исть, все сболталось, — говорит.

Он взял этот ушат, да на один дух выпил, этот Пестреюшко.

— Ты, — говорит, — дитятко, сходи к царю, попроси мамке мяска на тарелочке, рыбки на другой, хлеба на третьей.

Приходит Пестреюшко к царю:

— Господин царь, — говорит, — моя мать не может так есть из ушата, она просит мяска на тарелочке, рыбки на другой, а хлеба на третьей.

Царь всего ему надавал, он потащил своей мамы кушать. Накормил он свою мамашу, и говорит мать-то ему:

— Дитятко, сходи-ка к царю, попроси у него, нет ли у него старого дворца, нам пожить.

Приходит к царю:

— Господь царь! Нет ли у вас старого дворца, нам с мамой пожить?

Царь ответил:

— Есть, подьте — живите.

Приходит он к матери, вырвал корень из земли, и влил этот ящик в корень, и потащил мать из лесу в царский дворец. Они тут стали жить. Пестреюшко заходил к царю в гости. Пришел он к царю и говорит:

— Господин царь, — говорит, — я знаю, чего ты невеселый, ты хошь жениться (он холостой, царь, был). А у тебя, — говорит, — есть невеста за тридевять морей, за тридевять горей, в тридевяти царстве, а в восьмом осударстве. Есть там дом, двадцать этажов. В этом доме в двадцатом этаже есть три девицы. Если ты поспеешь угадать, какая твоя суженая, [женишься], а не успеешь, так они овернутся белыми лебедями и улетят из окна. Садись, царь, на меня, я тебя повезу!

Сел царь на Пестреюшка и поехал. Летели, летели, и царь и говорит:

— Ой, — говорит, — у меня шапка с головы спала!

А в ту пору как царь выговаривал, уже триста верст назад осталось. Притащил Пестреюшко царя, сидит три девицы. У царя глаза разбежались. Не успел угадать, да они обернулись белыми лебедями да улетели.

И царь сидит, задумался.

— Ну, господин царь, — говорит этот Пестреюшко, — [если] ты не возьмешь моей матери замуж, так тебе отсюда, — говорит, — не выйти, не выехать.

Ну, царь подумал, подумал, что делать, так не выйти, не выехать, так смерть и другаяк смерть, и решился взять его матерь замуж — слово дал.

И [Пестреюшко] потащил царя, тащил, где шапка спала, — шапку схватил, да на голову одел царя, да и притащил домой. Притащил царя домой, и сам пришел к матери Пестреюшко:

— Мама, — говорит, — я тебя за царя засватал!

— Что ты, — говорит, — дитятко! А если засватал, так сходи к царю, скажи, пускай он мне сошьет платье: без ножницей скроит, а без иглы сошьет, чтобы не узко, а не широко, не долго, а не коротко.

Приходит Пестреюшко к царю:

— Господин царь, — говорит, — тебе мама велит платье сошить, без ножницей скроить, а без иглы сошить, чтобы не узко, а не широко, не долго, а не коротко!

Приходит к матери:

— Ну, это задание царю я задал, — говорит.

— Ну, дитятко, сходи еще к царю, скажи царю, пускай сошьет ботинки: без ножика скроит, а без шила сошьет, чтобы не больши, а не малы.

Царь подумал и сказал:

— Ладно!

Приходит сын к матери и говорит:

— Ладно! То задание задал царю.

Прошло несколько дней, и пошел Пестреюшко к царю.

— Ну, господин царь, время пришло вам к венцу ехать.

А царь невесты все не видал. Царь задумался, ни живой ни мертвый сидит. Как цари женятся, так невест знают, и всех сгоняют на свадьбу — и князей, и королей, а тут никого.

Послал Пестреюшко царя к церкви, а сам прибежал домой и говорит:

— Ну, мама, готовься!

Нарядил мать, посадил в ящик и потащил. Притащил к церкви, мать выходит из ящика, заходит в церковь, и все удивились, какая она красавица, и царь обрадел, весь как на воды сдelaлся. И овенчали царя с Пестреюшковой мамой. И приходят из церкви, и царь стал собирать свадьбу, сгонил он всех князей и королей. И стали после свадьбы жить да быть этот царь с этой Пестреюшковой мамой. А этот Пестреюшко все у их служил, и стал царь стареть и говорит жены:

— Соймем у Пестреюшка эту шкуру.

И снесли у этого Пестреюшка шкуру, и он вышел такой бравец из этой шкуры. И царь стал учить его на свое место царем. Стал Пестреюшко служить после царем. Вся.

137. Золота тетерка

Жил-был старик со старухой. Они нужны были. И узнали они, что сегодня царь именинник, и старуха насобираала мучки картофельной и сварила на тарелку киселя и послала старика

нести царю на обед. Приходит старик к царю с тарелкой, с киселем, а царь удивился, что будто у царя есть нечего? Ну и взял этот царь тарелку киселя и говорит царице:

— Чего ему даем?

Дал ему царь золоту тетерку, старик захохотал домой. Идет старик от царя, а пасут коней. Спрашивают старика:

— А куды ты ходил, дедушка?

— Ходил к царю, — говорит, — снес киселя тарелку на обед.

— А чего тебе царь дал? — спрашивают.

— Золоту тетерку!

— Сменяй, — говорят, — нам на коня!

Ну, старик променял золоту тетерку на коня и пошел с конем. Идет, а пасут коров, говорят:

— Куды, дедушка, ходил?

— К царю, — говорит, — на обед, снес киселя тарелку.

— А чего, — говорят, — тебе царь дал?

— Дал мне царь золотую тетерку.

— А где у тебя тетерка, покажи нам!

— Я променял на коня.

— Сменяй нам коня на корову!

Променил старик на корову, пошел дальше. Идет, а овец пасут. И спрашивают:

— Куды ты, дедушко, ходил?

— А к царю на обед, снес киселя тарелку.

— А чего, — говорят, — тебе царь дал?

— Золоту тетерку, — говорит.

— А где у тебя тетерка? Покажи нам!

— А я ее сменял на коня.

— А где конь?

— Сменял на корову!

— Сменяй корову на овцу!

Выменял овцу и пошел старик дальше. Идет, а пасут куриц да петухов. И спрашивают старика:

— Куды ты, дедушко, ходил?

— А к царю на обед, снес киселя тарелку.

— А чего тебе царь дал?

— Дал мне царь золоту тетерку.

— А где у тебя тетерка, покажи нам!

— А я ее променял на коня.

— А где конь?

— А я его променял на корову.

— А где корова?

— А я ее променял на овцу.

— Сменяй нам на петушка овцу!

И выменял на петушка овцу и пошел домой. Идет, а попадает старицок встрече другой.

— Здорово, — говорит, — откуда попадаешь, соседушко?

— Ходил, — говорит, — к царю на обед, нес, — говорит, — киселя тарелку.

— А чего тебе царь отдал?

— Золоту тетерку.

— А, брат, покажи!

— Что тебе, брат, показывать, я уж променял ее!

— А на что ты променял?

— А на коня.

— А где у тебя конь-то?

— А сменял на корову.

— А где у тебя корова?

— Сменял на овцу.

— А где у тебя овца-то?

— Сменял на петушка.

— А сменяй, брат, ты мне-ка петушка на батожок!

И выменял старик батожок и пошел с батожком домой. А старуха радуется, дожидает старика, надо [думать] царь чего-нибудь даст, унес киселя тарелку!

А старик приходит домой, заходит в сени, ставит батожок в угол и заходит в избу. Зашел в избу, а старуха спрашивает:

— Чего тебе дал царь?

— Золоту тетерку!

— Ой, старик, покажи ты, на веку не видала!

— Что, старуха бедна, я променял тетерку на коня!

— А где у тебя конь-то?

— Сменял на корову!

— А корова где?

— Сменял на овцу!

— А овца где?

— Сменял на петушка!

— А петушок где?

— Сменял на батожок!

— А где батожок?

— А в сенях-то!

Старуха выскочила в сени, схватила батожок, так стала бить старика, чуть до смерти не убила. И остались старик со старухой жить опять бедны, нужны.

138. Семь Фалилеев

Жил-был отец с матерью (или муж с женой, как ли [назвать])). У их было семь сыновей, и всех Фалилеями называли. И они росли глупы, а не умны, родителей не слушали, все вередили отцу с матерью. И решились отец с матерью их отвезти в лес. Отвезли их и оставили в лесе. Сами уехали домой. Они пошли в лесе. Шли, шли, да ночь пришла. И стали они ложиться спать, и все боятся

повалиться на край: какой остается на краю, встает да дальше валится, а тот опять встает... И так всю ночь провставали. Утро пришло, опять пошли дальше.

Шли, шли, шли, а идет старина встречу им. У старицка спросили:

— Куда ты, дедушка?

— Туда и сюда, не знаю куда, — отвечает им дедушка.

— Дедушка, ноцуй с нами! Мы боимся спать одни!

Дедушко заробил елку и свалился с има спать на один бок. На один бок нарубил елоцек, а на другой сам повалился.

Вот ноцевали одну ноцъ с дедушкой, и утром стал дедушко, запоходил. Оне спрашивают:

— Куда ты, дедушко?

— А туда и сюда, не знаю куда! — отвечает им.

Пошел дедушко в ту сторону, оне пошли в другую. И шли, шли, шли, и опять ноцъ заприходила. Стоит большая высокая ель. И оне затенулись на эту ель, на сучья, спать на ноцъ. Все семеро. И там на сучьях ноцку проспали. Утро пришло, шесть Фалилеев спустились с елки, а сёмого нет. Говорят:

— У нас еще Фалилей был, а нет.

Кинали они туда веревками и всяко, этого Фалилея достали. Достали Фалилея — а Фалилей без головы, оторвали, тянули по сучью, так оторвали у Фалилея голову. Пять-то и говорят:

— Фалилей был без головы.

А шестой:

— Нет! С головой был!

Этто и спорят, судятся. Этот шестой-то брат и говорит:

— Пойдемте, сходимте домой, спросим! С головой ли у нас был Фалилей?

Пошли. Пришли к отцу да к матери и спрашивают. Пять те и говорят:

— У нас ведь Фалилей был без головы?

А шестой, тот и говорит:

— С головой у нас был Фалилей.

Отец и мать-то отвечают:

— С головой!

И этого сына они признали умным. Оставили его дома. А тех пять отправили обратно в лес.

Жил этот Фалилей у них дома несколько времени, и мать отцу говорит:

— Женить бы нам Фалилея-то! Я работать не замогла!

Сходили, засватали невесту. А Фалилея отправили на свадьбу сухих дров рубить, дали ему коня Маху. Он приехал в лес, а в лесе стоит большая сухара. Он привязал Маху к сухарю. И стал рубить сухару. Рубил, рубил, рубил и говорит:

— Маха, уйди, скоро сухарка полетит!

А Маха куда пойдёт, когда она привязана к той же сухаре, которую он рубит. И опять стал рубить. Рубил, рубил, рубил и говорит:

— Маха, уйди, скоро сухара падёт!

Сухара пала и Маху убила. Постоял он у Махи, взял топор через плечо и пошел домой. Идет он домой, а на озере утки плавают.

— От, — говорит, — мяса на свадьбу-то убить!

Кинул топором, да в утом не попал, а топор в озеро улетел, да. Утки улетели. Разделся ногущкой, платье в куст сложил и побрел нагой в озеро топора искать. Бродил, бродил, топора не мог найти. И обратно вышел на берег, стал платье искать, и платья найти не мог. Пошел в деревню. Идет деревнею, а у невесты огонек горит, а у невесты шаферицы пекут на свадьбу пироги уж. Он хотел посмотреть, пошел под окно. И под окном вытягался, вытягался и улетел в обрез, в смолу. И у невесты пошли шаферицы чай пить в другую комнату. Он тем моментом заскочил на полати, а на полатах был короб с перьем невесты — готовили перину. И он там замялся, и полетел с коробом с перьем с полатей, и убежал домой. Приходит домой, а отец говорит:

— Где ты, Фалилей, был? Где твоя Маха?

— А я Махи говорил — сушину рубил, — что отойди прочь, скоро сушина падёт, а Маха не отошла, сушина пала и Маху убила. Я взял топор и пошел. На озере плавают утки. Хотел я на свадьбу мяса убить, кинул топором, они улетели, а топор в озеро упал. Я разделся, пошел топора искать в озере, а бродил, бродил, нигде топора найти не мог, платье было мое в кусту, и нигде платья найти не мог. Пошел я в деревню, увидел у невесты огонь, хотел посмотреть я во окошко и упал в какой-то обрез, потом зашел я к им на полати, на полатах с чем-то короб, да я опружился, да туда улетел и домой пришел.

Отец с матерью подумали: «Что мы чужому веку заедать будем! Он ведь у нас не умной, лучше откажем невесту!». И отказали невесту, и отправили того Фалилея в лес, и стали старим со старухой доживать вдвоем.

139. Глупый сын

У отца было три сына, два было умных, а третий был глупый. Вот два брата женились и жили со своими женами. А этот будто помеха им был в семье. [Они] заговорили отцу, чтобы его женить, может он своим хозяйством будет жить. Дали братья ему денег и послали его на свадьбу закупать.

Он купил мяса, купил пшена, купил куб. В кубу дыру провертел, и куб на батог надел, и купил стол. И пошел вперед, домой попадать. Идет по дороге, ворона куркают.

— Что ворона? Ишь хотите? Нате мясо!

Мясо кинул, идет дальше — птицы чивиркают.

— Что, птицы, ись хотите? Нате пшена!

Пшено бросил. Пошел дальше. Несет стол.

— Вот, — говорит, — я глупый, стол на четырех ногах, а я на двух... он сам пойдет!

Стол поставил и сам побежал. Домой приходит, приносит куб на батогу.

— Братья, — говорит, — открывайте двери!

Братья двери открыли, а брат пустой пришел.

— Что ты, — говорят, — Ваня? Цего купил на свадьбу?

— Купил я мяса, иду, а ворона каркает, ись хотят, я мясо отдал. Купил пшена, иду, а птицы чивиркают, ись хотят, я птицам пшено отдал. А стол на четырех ногах, так я поставил, он скоро сам придет, открывайте двери!

Ну что с глупым делать...

А у братьев уже наварены, бочки поставлены бражки, дожидали. Говорят:

— Оставайся дома, а мы пойдем сами закупать на свадьбу.

Оставили Ваню дома, а братья ушли. Он принес стиральное корыто и ухваты, пекла и вылил бражку на пол и стал ездить по полу в корыте на бражки. А у их дом был с западком, он уехал в западник.

Вдруг братья приходят, застучались:

— Открой, Ваня, двери!

А Ваня отвечает:

— Ну вас, я не в то русло въехал!

Открыли братья двери, а целая изба бражки. Ну, братья говорят: что будем с им теперь делать? Взяли его и прогнали в лес. И он пошел в лес, взял топор. Идет, а в лесе береза скрипит, скрип да сирый береза. Он и говорит:

— Хватит тебе, береза, сиринеть!

А береза все скрип да скрип. Он тогда разъярился и топором шлепнул березу, эта береза рассыпалась деньгами, и он набирал целы карманы и целы бахилы. И пошел домой.

Пришел домой, а братья ахнули:

— Где ты, Ваня, только денег взял?

— Пойду, так еще не столько принесу!

Говорят:

— Давай считать.

— Не дам!

И братья его научили: поди, сходи к батюшке, попроси мерку, деньги мерять (а сами пока его обманить хотели). Он и приходит к батюшке:

— Батюшка, дай мерки, деньги мерять.

На яку нету мерки деньги мерять, — он глупый, не понимает. Батюшка сказал:

— Мерки нет.

И он разъярился и батюшка убит. И была бы исторонна батюшка, в назёмную куцу зарыл, и пошел, и пришел домой. Братья говорят:

— Ну, мерку принес?

— Нет у батюшка мерки! Я взял его и убил.

— Куды ты его подожил?

— В назёмну куцу зарыл.

Братья друг на друга поглядели, ницего не сказали, пошли, зарезали барана и унесли. А этого батюшка выкопали и зашили в рогозу и отвезли, в озеро спустили. А в эту куцу закопали барана. Приходит матушка:

— Где, где батюшка?

Забегала по поселку, заискала — нигде батюшка нет! Попадает ей Иванушка встречу:

— Куды ты, матушка?

— А батюшка ищю!

— Батюшка? — он переговорил. — Я убил его.

— А где он?

— А в назёмной куце.

— Покажи!

Иванушко пошел матушке показывать. Привел к назёмной куце и стал рыть. Рыл, рыл, а показались у барана рожки да ножки. И спрашивает Иванушко у матушки:

— Матушка! У тебя батюшко-то был с рожками да с ножками и с шерстоцкой?

Стояли тут его братья и говорят:

— Чего ты, матушка, его слушаешь, когда он глупый у нас.

Пошли все по домам, так матушка не могла найти батюшка. Иванушка со своими братьями так и посел. Так и остался пожизненно, жениться не мог.

140. Старуха-ворожея

Был-жил старик со старухой, были бедные, нужные. У их денег не было и хлеба не было, не знают, что делать. Старик пошел.

— Пойти, — говорит, — старуха бедная, в ящике поворочаться.

В ящику поворочался и нашел двадцать копеек денег.

— Что, старуха бедна, на эти деньги, что, старуха, купим? Хлеба купим, так долго ли проживем на эти деньги... Купим, старуха, карты! Я, — говорит, — буду воровать, а ты будешь гадать.

Купил старик старухе карты и пошел сам воровать. А прежде эти портны-то ткали, свое тканье-то, и он, этот старик, — у жонки портна-то было наткано, белить постелила, — он пошел, портно-то это у ней украл. Наутро жонка встала со сна, пошла смотреть, а портна-то нету. И бегат она, ревет. Пряла да ткала, да,

а украли... (Свое тканое носили; здесь-то у нас [его] не наши-вали, не пряли да не ткали).

Бежит, плачет, а идет по поселку этот старик, что украл.

— Чего ты, — говорит, — жонка, плачешь?

— А по́ртно украли!

— Поди ты, — говорит, — у меня старуха умеет гадать, так тебе сгадает!

Прибежала женщина к старушке:

— Бабушка, голубушка, сделай милость, сгадай мне-ка! У меня, — говорит, — по́ртно украли.

Взяла старуха карты в руки и зачала гадать — сама не умет гадать-то. Повертела старуха карты в руках и говорит:

— Ой ты, — говорит, — голубушка, у тебя по́ртны-те унесены, никому уж не найти, кроме моего старика. (Старик украл, дак).

Старик принес по́ртно, женщины отдал. Жонка надавала им всего: хлеба, да соли, да денег. Живут старик со старухой дальше; жили-пожили, опять хлеба не стало, старуха старику и говорит:

— Старик бедный, нать опять пойти чего-нибудь воровать.

Старик пошел ночью, да зашел жонки в хлев, корову увел из хлева. Утром жонка встала со-сна, пришла в хлев, а коровы нету, и побежала жонка, заревела. Бегат по поселку, ревет — корова потерялась! А эта-то женщина ей встретилась, что по́ртно-то теряла.

— Ой ты, — говорит, — голубушка, не реви, эта-то старуха очень хорошо гадает, так поди к ей, погадай, только заплати им хлеба.

Та прибежала к старухе с ревом:

— Бабушка-голубушка, сгадай, сделай милость, уж что хошь бери! Корова потерялась!

Бабушка брала карты у руки и начала гадать. Гадала, гадала, говорит:

— Ой, голубушка, у тебя корова уведена в лес да к березы привязана. Может мой старик тебе привести, а больше уж никому не взеть!

Пошел старик, привел корову. Жонка им надавала всякой благодати, денег, да крупы, всего... Ну вот, они и живут.

Дошла до царя весть, что эта старуха гадать умет. У царя у царицы, у жены-то, потерялся золотой именной перстень. И вот приехали за старухой гадать.

— Вот, — говорит она, — старик бедный, что я теперь буду делать!

И загоревала старуха.

— Ну, — говорит, — старик, увезут меня к царю. Если пове-зут меня назад — в старой кареты — давись, а в новой — дак не давись.

Посадили старуху в карету, повезли к царю. А царь и дожидает: убил ворону и наварил мяса.

— Если, — говорит, — старуха хорошо знает, так узнает, что воронье мясо.

Старуха заходит к царю в избу и говорит:

— Залетела ворона в широкие хоромы!

Царь говорит:

— Убирайте, убирайте мясо со стола!

Ну, надели, накормили старуху, она гадать ничего не умеет, хотела в байны сгореть.

— Истопите, — говорит, — байну, снесите три костра дров и три чана воды наносите!

Истопили, у них было две работницы у царя, одну звали Брюхом, другую — Хребтом, этих работниц-то. И повели работницы старуху в байну. А старуха говорит сама-то про себя, — думат гореть-то в байны будет, — и говорит:

— Что, — говорит, — будет брюху, то и хребту!

Эти работницы испугались и говорят старухе:

— Бабушка, не говори! У нас перстень!

— А куды же этот перстень мы деваем? — они и судят.

— А есть, — говорят, — у царицы любя скотинка, барашек, она все его хлебом кормит. Складем этот перстень в мягкой хлеб да отдаем барашку!

И отдали барашку, Приходит старушка из байны и стала гадать. И гадала, гадала, и говорит господину:

— Есть у вас, у царицы, любая скотинка, барашек?

А царь отвечает:

— Есть!

— Вот, — говорит, — у вас перстень в барашке!

И царица жалела его очень и плакала — делать нечего, и пошли барашка резать. Зарезали барашка, а перстень в барашке. Ну, царь стал старухе в карету класть именье-богацество. Ну, царское именье уж не мало. Наклад в эту карету целу и положил куриные яйца: если старуха хорошо гадать знает, так узнает, что есть куриные яйца в кареты.

Ну, напоили, накормили и приводят. Приводят старуху к кареты, она и говорит:

— Садилась курица на старые яйца!

Царь и говорит:

— Убирайте, убирайте! Вот так старуха! Знат! Вот так старуха! Знат!

А она к этому приговариват, что в стару карету ее сядят. Ну и повезли ее домой с именьем, с богацеством. А старик на крышу вытягантице, смотрит, старуху в какой кареты везут? Увидел, что в старой кареты везут, и побежал старик давитьце...

А старуха кричит:

— Старик, не давишь, старик, не давишь! Я еду со всем именьем, с богацеством.

А старик задавился. Старуха приехала домой с именем-благочестием, стала жить да быть, добра наживать, ей до смерти хватило добра. И все.

141. Суженая от нечистого

Было прежде — пугало, мрачало, а сейчас-то этого нету.

У одного мужика сын был один. Когда он рослый стал и ходил по вечеринкам, и была [там] в селе, в деревне, пустой дом. И он вот мимо этого пустого дома ходил раньше, никто его не кричал, ништо. А потом ему закричало из пустого дома: «Приходи, здесь твоя суженая!».

Он сразу вернется домой обратно, и родителям ничего не говорил. Они его спрашивают:

— Ты чего сегодня рано пришел?

Он молчал. На второй вечер пошел, опять же его кричат:

— Приходи, здесь твоя суженая!

И он вернулся домой, повалился на кровать. И он все молчал, ничего не говорил. И на третий день пошел, и опять кричит:

— Приходи сегодня, уводи сужену, не то тебе плохо будет!

Он вернулся домой и говорит:

— Папа да мама, так-то да так, — говорит, — в пустом доме меня кричит уже третий вечер: «Приходи, здесь твоя суженая, уводи, а не придешь — плохо будет!».

И вот отец да мать взяли его крестного, икону, да пошли. Приходят в пустой дом, а сидит три девицы. Одна мигнула, он ее указал, что вот моя суженая, и крестный наднес над ней икону, та осталась, а две исчезло. И они из этого дому сразу пошли в церковь венчаться.

Ну и вот, стали жить, и она и рассказала, что ей из-за моря [нечистый] принес — их там накопилось не одна, так стали мешать, так он и стал выдавать их. И стали они жить да быть.

ЧАПАМА

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА СТРЕЛКОВА

142. Лиса и волк

Жил старик да старуха. У старика да старухи никого не было. Старик и говорит старухе:

— Старуха, — говорит, — я поеду рыбу ловить!

Поехал на озеро рыбу ловить. Рыбы наловил и поехал домой. Едет, а лисица на дороге лежит, растянулась. Он думал мёртва, взял эту лисицу и положил на сани. Едет, да не овяртывается, не смотрит. А лисица-хитрица проела дырку, да сижок по сижку и кидает по дорожке. Скидала сижки, собрала и утащила.

Приехал старик домой, зашел в избу:

— Старушка, — говорит, — я рыбы наловил и лисица тебе на воротник!

Пошли, а сигов нету и лисицки нету. Старуха и забранилась.

Волк пришел к лисице, а у нее куча сигов. Он и спрашивает:

— Где ты наловила? Науци меня, — говорит.

Волк пришел, она и говорит:

— Сходи, — говорит, — пролуба есть! Спусти в пролубу хвост и сиди, — говорит.

Он посидит, посидит, хвостом пошевелит.

— От как много рыбы мне подцепилось! — говорит.

Сама вышла на улицу и говорит:

— Ясни, ясни, — говорит, — у волка хвост мерзни, мерзани!

Хвост-от и примерз. Волк встать не может. А идут женщины за водой. А волк бегат, хвоста не может оторвать, а до пролубу бегат. И стали бить, били, били, и волка убили. И сказка вся.

143. Заварунушко

Птичка была Заварунушко. Она насадила яичков. Сидит да песенки поет, с детоцками. Прибежала лисица:

— Заварунушко, Заварунушко, роспелся, розворкотался, по цисту полю кони розбежались, по засекам семена рассыпались. Секу деревце хвостом! Отдай дитятко!

Ей жалко дитятко отдать, ну все-таки отдала дитятко.

Ну, на другой день опять она прибежала, опять:

— Секу, секу деревце хвостом! Отдай дитятко!

Ну вот, она и плачет, сидит на деревце и плачет, а летит сорока:

— Зацем, Заворонушко, плацешь?

А Заворонушко и говорит:

— Приходила лисицка, секу, говорит, деревце хвостом, отдай дитятко!

— Ой ты, — говорит, — пошто отдавашь дитятко? Зачем отдал дитятко? Скажи ей: «У тебя хвост не топор, не ножик, не востра сабля».

На другой день опять прибежала лисицка, она и говорит:

— Зацем меня оманывашь? У тебя хвост не топор, не ножик, не востра сабля!

— А кто тебя научил?

— Добра жена сорока!

— Ужо я ей поймаю!

Ну вот, бежит лисицка. Она пошла, повалилась на землю, положила на себя кусочек мяса. А прилетела сорока, схватила мясо, она взяла ей и поймала. И нацала ей муцить. Мутила, мутила, сорока и говорит:

— Твой-то батюшка мою-то матушку не так мучил! Вышел на гору, взяв дупельце бездонно и покати...

Лисицка послушала, хотела взять дупельце, да и выпустила сороку, она и полетела. И сама говорит:

— Ты, — говорит, — хитра, а я хитрей тебя!

Вот и сказка вся.

ПЯЛИЦА

ДЕМИД ЕГОРОВИЧ КУЗНЕЦОВ

144. Сивка-бурка

У царя дочь была. Замуж вот ей надь выходить, состроил царь пять метров стену, туда посадил.

— Кто вскочит туда на лошади, за того и пойду!

А их было три брата. Одного звали Николаем, другого — Ефремом, а третьего — Ваней. И поехали туда смотреть, кто будет?

Собрались министры все и царские дети, все на лошадях, и эти два брата поехали. А Ваня дается:

— Возьмите меня!

— Куда тебя брать, ты сам не доедешь и лошадь пропадет.

Послали [его] за дровами:

— Ты съезди, привези сушняку, купим кафтан красный да шляпу.

Вот уехали брата. Потом брата назад приехали. Скакали, махали, никто не мог выпрыгнуть. А Ваня взял поехал за дровами, ту лошадь оставил, а взял отцову лошадь, что была, и поехал [ко дворцу]. Приехал туда — лошадь скочила, одного метра не могла доскочить до невесты, и уехал назад. Вот и приехал домой, ту лошадь взял, сушняку наломал и приехал домой к невесткам.

Братаны приехали, рассказывают, что какой-то там был, очень быстрый. Ваня и говорит:

— Н я ли был-то?

— Леший ты, куда бы ты поехал на своей кобыле!

Вот и опять поехали, и опять сборы, собираются все, кто может — выпрыгнуть — до невесты все добирают. Братана-те опять у него и поезжают, у Вани-то. Уехали. Опять за дровами послали невестки-то. Опять приехал, лошадь связал, отцовску взял лошадь и полетел. (Непростой жеребец, так в темном месте и жил).

Ехал, ехал, вскочил, [царевна] печать приложила свою на лоб ему, и он усекал домой. Там кричат:

— Хватайте, имайте его!

Ну, где поймаешь! Ну, приехал, лошадь ту связал. А лоб-то завязал тряпичей грязной, приехал.

— А леший, — говорит, — с вашими дровами! Пал, — говорит, — и лоб-то весь разбил!

Вот братана приехали, рассказывают женам:

— Выскочил какой-то, выскочил, приложила печати!

На другой день собирают у царя пир, чтобы узнать, у кого печать, — всех помещиков, всех королей, князей. А братана-то тоже у его поезжают, он дадается:

— Возьмите меня-то хоть, увезите!

— Куда с тобой, свалился наземь.

Он пешом пошел.

— Я и пешом уйду потихоньку.

Пришел. Царевна пир-то собрала, всё. Рюмки носит. Невесту звали Олена-царевна. Всем поднесла по рюмке, еще один там остался, у стенки стоит, еще этому не поднесла! А те смеются: «Куда ты понесешь пулетвиннику такому!». Ну, она ему рюмку и принесла. Она видит, у него лоб-то завязан, она отогнула повязку — а там печать! Она его в другую комнату увела и одела костюм хороший, одела пальто, и привела, и за стол посадила.

— Вот, — говорит, — мой жених!

И жениха нашла. И свадьбу сделала.

145. Еврюха-стукольник

У царя были няньки. Он взял Еврюха-стукольника матери, женился на ней. А оне, няньки, не любят, что их никого замуж не взял. А царь етто был в командировке. Оне взяли да замазали в кровь теленка: «У тебя теленка принесла жена-то!», да. Вот царь-то приехал, ей-то и засадил в подвал, в тюрьму, свету не видно:

— Такая-то, — говорит, — куда мне!..

А у ней родился сын, туда обох с сыном закупорили, да.

Вот ходил, ходил парень-то, нашел гирию двухпудовую. Мать говорит:

— Свет есть.

— А у нас-то почему нету?

И колотить в стену. Колотил, колотил, кирпичи сыпались, сыпались, и дырка образовалась.

— Мамаша, — говорит, — я свет нашел!

И побольше расколотил и сам вылез на улицу. А ребята ходят незнакомые, на него нападают, он хватит которого за руку, так и свиснет в сторону. Пришел назад к матери. Еще стал дыру колотить больше.

— Мамаша, — говорит, — потенемся на улицу!

— Куды ты, дитятко, царь увидит — убьет нас!

— А ничего не убьет, я царя убью! — говорит.

И расколотил больше дыру и мать вытнул на улицу. Мать-то:

— Пойдем к бабушке, бабушка есть, я знаю бабушку!

И к бабушке ушли. Стара бабушка-та. Вот у бабушки стали жить. Он ходит на улицу, а ребятишки приступают и большие приступают, а он сильный был, и по всему земному шару известный был, как Еврюха-стукольник родился! Вот и [говорит] матери:

— Нанки мне подорожники, я пойду куда-нибудь, что я здесь буду жить бесполезно!

Отправился и пошел. Шел, шел — идет мужик.

— Куда пошел, земляк?

— А куда головой стою.

Пошел с ним, у того никого нет тоже. Вот подошли, а попал еще мужик им.

— Куда идешь?

— А куда головой стою.

— Ну, пошли!

Они знают, что он — Еврюха-стукольник, им известно уж. Вот его называли старшим братом, а вот эти — как младши. Вот и пришли. В дом зашли: коров, быков, свиней — леший сколько во дворах. Быка убили, сели, мясо сварили, поели. Еврюха говорит:

— Брат-от меньший, пойдем дальше по лесу смотреть, что дальше есть, а ты, брат, вари мясо.

Вот брат стал мясо варить. Вышел старичок, откуда-то взялся, заругался:

— Что вы тут стали моих быков бить!

Стал мужика за волосы трепать — трепал, трепал, да к потолочной перекладине подвесил. Тот рвался, рвался, насилу с волосами, с кожей, оторвался, голову завязал. Брата на прихорват:

— Что, — говорят, — у тебя?

— А бык, — говорит, — рогом тыкнул.

Того, что было, не сказывают.

— Ну вот, ну ладно, — говорит Еврюха, — я сам останусь.

Подьте, — говорит, — по лесу там.

Остался старший брат Еврюха. Вот опять выходит старичок, опять говорит:

— Что вы скота бьете!

А Еврюха на него:

— Что мы голодом будем сидеть?

И начал его трепать, етого старичка, Еврюха-стукольник, и так его трепал-бил, на остаток взял, и в огонь бросил, сожог. Вот и живут Еврюха с братьями. Налетело дебедей сколько, развернулись — девицы оказались. Стали банюшку топить, у него тут байна есть, у старичка-то была [сделана]. Байну истопили, воды наносили и мыться ушли в байну-ту.

Вот старший брат-то и говорит среднему:

— Иди, поддержи двери, можешь невесту выбрать себе.

Тот пришел брат, в двери уперся, одна девка выскочила:

— Кто-ка, — говорит, — двери запер, здесь черный ворон не пролятыват, серый волк не прорыскиват, кому здесь быть?

Топнула в двери, отлетел мужик в сторону, улетел, без сознания пал. Едва притенулся к братанам. Вот на второй раз так же получается: он и другого братана послал, то же получается. Брат уперся, девки опять говорят:

— Кто-то уперся в двери!

Девка выскочила, тоже топнула в двери, мужик улетел без сознания. Ну вот, третий раз тоже прилетели. Сам пошел Еврюхастукольник. Пришел, двери коленом прижал, одна девка там выскочила:

— Кто-то двери закрыл!

Сама выскочила, топнула в двери, ничего не может открыть: он там коленом еще держит; и второй, и третий раз топнула, двери не поддались. Вот и заговорила:

— Если старый старичок, будь мне отец, если старая старушка, будь мне мать, а если молодой молодец, будь мне жених, — говорит.

Вот он сдал, отворились двери, она сразу узнала, что Еврюхастукольник. Она говорит:

— Теперь ты мне жених! — обняла его. — Я, — говорит, — теперь улечу (у нее отец Ковшей бессмертный), а летом приду на корабли, — говорит.

Вот он и до лета дожил, корабль показывается, идет. Он обрадовался, забегал. И шлюпка идет с корабля. Откуда ни возьмись показывалась старуха, старикова жена.

— Ты, — говорит, — какой вшивый, дай я у тебя поищу, вшей-то лишних уберу из головы!

Сама стала чесать, тыкнула сонную булавку ему, и он заспал. Девуца написала письмо, сунула ему в карман. Корабль-то пошел уж. Старуха-та пришла, булавку-то выдернула, он пробудился, махал, кричал, а что уж! — там с корабля плохо видно, корабль не воротился. Записку вынул, прочитал: «Не хотел на одном корабле пойти, приду на двух кораблях еще».

Опять прожил зиму, и лето пришло, и эти корабли показались. Вот он бегат, радуется. И шлюпка поехала уж. Опять откуда как старуха взялась, говорит:

— Чего ж ты такой вшивый, дай я у тебя вшей поищу, лишних-то уберу!

Стала чесать, втыкнула булавку, и он заспал. Пришла девушка, голосила, а что — не пробудишь! Корабль пошел, старуха вынула булавку. Еврюхастукольник помахал, покричал, где там! Написала она ему записку, в карман положила: «Больше не приду! Я живу за тридцать государств, за тридцать морями, за тридцать горами. Туда тебе не попасть будет!».

Он стал домекаться: не старуха ли это месть делает, говорит?

И пошел по комнатам. Старуха там сидит, стал трепать — всю разорвал, бросил в огонь да сожег.

Остался и пошел. Вот и дошел до этого осударьства, до тридевятого. Пришел — избушка стоит позади города маленька, а бабушка говорит:

— Куда ты пришел, он Ковшей бессмертный (тоже царь, да...). Убьет, — говорит, — тебя!

Он только сильнее становится.

— Она ходит ко мне, — бабушка говорит, — эта невеста, вспоминает тебя! Она скоро придет, — говорит.

Еврюхе говорит:

— Стань за печку!

Вот она пришла.

— Что, — говорит, — делать, бабушка?

— А что делать, не знаешь ли, как отцову смерть достать?

Вот Еврюха и вышел из-за печки. Схватила его, наложила пить, исть. Пошла она к отцу:

— Где, тата, твоя смерть? — говорит.

— А вот моя смерть стоит — метелка у порога!

Пошла, обзолотила метелку.

— Эх ты, глупая девка, моя смерть у коровы в рогу.

Она пошла, обзолотила корове рога.

— Моя смерть в яйце: яйцо лопнет, и я лопну!

Взяла яйцо, обзолотила и положила в карман. И побежала к Еврюхе.

— Я принесла!

Отдала яйцо Еврюхе.

— Возьми в руку, — говорит. — Пойдем к нему, к отцу-то. Он заярится, ты направо в лоб ему, яйцо лопнет, и он лопнет — помрет.

Вот Еврюха взял яйцо в руку, и пошли. Он заярился, Ковшей-то, Еврюха ему направил яйцо в лоб, — силы хватало, — шлепнул в лоб, и тот растенулся сразу, помер.

— Теперь, — Еврюха своей невесты говорит, — поедem ко мне на родину, жива ли моя мамаша?

Вот приехали на родину, разыскал свою мамашу, а мамаша не считала его уж и живым. Ушел, да безвестно.

Пошел, этого царя убил, отца. Нянек всех убил — распорядился. А сам жить стал как следует быть с ей, с мамашей. И вся.

146. Про Омельку-царя

Вот пошел Омелька на реку за водой с ведром. Зачерпнул ведро воды, а попала щука. Щука проговорила:

— Спаси меня, Омеля, я тебе пригожусь. Чего захочешь — будет тебе по щучьему веленью, а по Омелькиному хотенью!

Омелька на печь зашел.

— Ну, по чутьемому велению, по Омелькиному хотению, на печи чтоб гармонии играли.

И такое веселье — песни играют гармони, всяк развеселился, и тусуды прибежали, что якая веселье деище.

Вот и до царя дошло. У царя дочь все ревет, не могут место прибрать, никак развеселить не могут.

А Омелька с печи:

— Замуж она захотела, замуж она захотела! Того и ревет.

И поехал Омелько на печи к царю. Гармонь играет. Приехал к царю в залу, гармонь играет, она выскочила, да и плясать и песни петь. То все плакала, [а тут] развеселилась. Царь-то:

— Я, — говорит, — тебе замуж ей отдаю!

— А куда мне, — говорит, — с такой плакушкой?

Она:

— Я пойду, пойду за Омельку замуж!

Он:

— Нет, я такую плакушку не беру!

Поехал Омелька, она вслед бредет, ревет, что не взял замуж. И уехал Омелько на печи снова домой. Приехал Омелько, женился, он был рабочий.

— Я, — говорит, — женюсь на царской дочери, а я сам рабочий, — красиво разве будет! Мне работать надо!

И вся.

147. Тарас — много знает, а ничего не скажет

Был старик. У старика один сын. И ничего не говорит этот сын, Тарасом звали, — много знает, а ничего не скажет.

Отдал царю этого сына, — пускай учит, говорит. Царь тоже ничего сделать не может — все одно, много Тарас знает, а ничего никому не скажет.

Посади царь его в тюрьму. А сам поезжает жениться — хостой был царь-то. Ну вот, Тарас вышел из тюрьмы, — [царь] уехал дак! — и всех подобрал, девятнадцать человек, голосом и волосом все одинаковы, и всех назвал Тарасами. Поехали в то же государство, где царь жениться заводит. Вот приехали, дом сфрахтовали, сделали веселье — тут патефон, тут граммофон, тут всё.

Вот эта его невеста заказала царю:

— Вот какое платье подвенечное мне-ка сработайте!

Он пришел, Тарас, это-то платье унес. А они другое сошили такое же опять. Потом заказала ботинки:

— Вот такие же сделайте мне!

Тарас опять пришел, ботинки унес. Други сделали ботинки такие же. А все ходит царевна мимо этого дому, а все хочет в дом зайти, у ней девятнадцать нянек, она сама двадцата. Пошли они в сад, цветов рвать, няньки-то эти. Там медны цветы, серебряны, золоты есть. А Тарас узнал — и туда же. У него невидима шляпа была — его и не видят. Нарвали цветов, и он себе

тоже нёрвал, все кладет в свою сумоцку. Ну вот, девушки опять запоевжали. Есть дедушко, у него золоты волосы, — поехали к нему. И он туда запоевжал. Они [чесут голову старику]: котора почешет, та золоты волосинки вырвет, а он оплошал как-то, да у старика и голову отбрвал, совсем, с волосами! Свиснул в воду голову-то, волос осталось сколько в руки. Сам заскочил в шлюпку и поехал.

Вот царевна и думает: кто-то в этом доме, верно, есть хитрый! Каждый день пляска там да песни. Зашла в этот дом, спросила, как зовут? Тот говорит — Тарас, этот — Тарас, всех — Тарас, добаться не могла ничего.

Повалились отдыхать, все няньки с ними, а она со старшим повалили ей. А она-то не знает: как опознать? Булавочку втыкнула, чтобы опознать утром. А он-то пробудился и всем булавочки повтыкал, друзьям-то.

Вот она пробудилась:

— Вот у вас старший с булавочкой!

А тот кричит: «У меня булавочка», другой: «У меня булавочка!», «У меня булавочка!». И у всех булавочки.

Добаться не могла опять.

— Кто-то у вас есть хитрый старший, — говорит.

Вот приехал царь-то и повез домой ей, невесту-то, Поехали.

А Тарас впереди уехал со своей семьей, [с товарищами]. Вот царь-то приехал домой и его и выпустил из тюрьмы, на свадьбу — как же. Стали рюмки носить, и Тарасу рюмку поднесла. Ему рюмку поднесла — он положил платье ей на поднос (за чарку-то), а потом опять обнесла, опять ему рюмку поднесла — он положил ботинки ей.

Вот она и домакать стала.

Опять рюмку поднесла — он ей цветков пучок положил, рвали-то цветки золоты да серебряны. Опять стали обносить, и она ему рюмку поднесла — потом положил в бумажку золотых волос ей, что у старика рвали. Потом она бросила поднос, пришла, его обняла в охапку:

— Ты, царь, мне не жених, а вот жених мне!

За него пошла, за царя не пошла. Ну, тут свадьбу сыграли, он отца пригласил и своих всех. Братанов пригласил, приятелей. И все.

Сказоцку сказал, а на мотушецки смотал.

148. Кто глупее

Была-жила старуха с сыном, двое. Сын ходил дрова рубил. Приходит солдат, давайся на фатеру, а избашка маленькая.

— Нет, — бабушка говорит, — некуда тебя поместить, мы двое с сыном не помещаемся! Ты, дитятко, не видал ли моего [старшего] сына на службе там?

— Как не видать, в одной части служили!

— Как он живет-то там?

— А плохо совсем — шинели нет, мундера нет, ни шаровар нет, плохо совсем ходит!

— Я пошлю сукна ему!

— Я унесу, бабушка, сорок метров, сукно хорошее, он хоть оденется, да сапожонка купит!

Вот сын приходит с дровосежки.

— Ой ты, дитятко, я видела солдата, он моего сынка видел на службы.

— Ой ты, мать, глупая ли, умная? Его живого нет три года, помер уж когда! Ладно, мать, пойду куда головой стою: есть глупей тебя — тебя кормить буду, а нет — не буду, куда хошь, — говорит, — пойдя!

Вот пошел сын, пришел к царю, к царице, а там свиньи ходят по улице, по двори-то, а он к свиньям припадывает, говорит свиньям-то. Царица и увидала, кухарку-то послала:

— Чего он со свиньями, — говорит, — ликуется?

Она прибежала к царице и говорит:

— Он сказал: «Я сестру замуж отдаваю, свинью упрасиваю заплаканными, а других — боярами!».

Сейчас царица свинью одела в шелковое платье, бруслеты наклала на передни лапы. Повозку самую лучшую дала, лошадей править. Туда он поклял свиней, они в окна только поглядывают — повозка глухая, теплая. Вот мужик и поехал со своей родней.

Поехал. Только уехал — а царь приехал, он охотничал.

— Ты что сделала! Отдала свиней, — говорит. — Поеду, сейчас догоню, он ведь только со двора сейчас уехал!

Увидел мужик-то, что царь-то едет, в лес свернул, свиней-то связал-то с поросятами, сам вышел на дорогу. Царь спрашивает:

— А не видел ли какого проезжающего?

— Как же, видел мужика, свиней вез, свиньи в окошко поглядывают!

— Бери мои лошади, догони мужика!

Ну, он у царя взял лошадей да и поехал. Тех свиней-то, связанных, вез тоже.

Ну, царь сидел, сидел, дожидал, никакой мужик не приехал. И пошел домой пешком. Пришел домой:

— Ты, царица, глупа, я еще глупей, — и лошадь ему отдал!

А она:

— Он и был, он и был-то! — я бы опознала его.

Мужик домой приехал, свиней продал, денег до черта было, лошадей продал, одну себе оставил.

— Ну, — матери сказал, — теперь, мамаша, буду тебя кормить, есть глупей тебя люди!

Дом купил, да жениться стал, да и живет. Я был на свадьбе еще. Вся.

149. На тот свет за дождем

В деревне мужики собрались, сходку собрали: рожь не растет, нет дождя, как быть?

А один выискался — сходить на тот свет, попросить, так дают воды немножко. Ну, его и выбирают на тот-то свет.

— Та-а-а, — говорит, — не пойду без денег-то!

Собрали ему пятьсот рублей. Пошел. Ушел в город, ходит, пьет, да и чего ему! А дождичек немного и брызнул, он и явился в деревню.

— Так чего на пятьсот рублей — много ли наберешь! Бочку дали маленьку, было бы на тысячу, так больше бы дали!

Село большое было — собрали мужику шесть тысяч.

— Теперь больше дадут, повозку закажу, — говорит.

Пошел мужик, ушел в город, он был неженатой. Попил, дом купил, женился и теперь там живет. Вся.

ФЕДОРА СТЕПАНОВНА НИЗОВЦЕВА

150. Три слова

Один жил добрый господин с женой красавицей, а жили тоже нужно, денег не было. Знают, она вышила дорожку жемчугом. И послала его продавать:

— Сходи, — говорит, — на базар, продай!

Велела просить сто рублей. Вот он ходил, ходил, ходил, ходил. И такой был неразвитый мужик, не мог продать, и рынок закрывается. Тут один добрый человек подошел.

— Что ж ты, молодец, — говорит, — ходишь, целый день шляешься: не купишь, не продашь и даром не отдашь?

— А вот, — говорит, — есть у меня одна штуцка, послала жена продавать, да я не решился продать.

— Продай, — говорит, — мне!

— А, — говорит, — купи!

— А что берешь, — говорит, — деньги или слово?

— А что за слово? — говорит.

— А «Без суда голова не погинет».

Отдал за слово, отправился назад к жены.

— Ну что, — говорит, — продал?

— Нет, не продал, так отдал!

— Ну что ты за ней получил хоть?

— Слово! — говорит.

Жена не спросила больше ничего, ни что за слово даже, втору вышиват. Серебром вышила, послала продавать, велела двести рублей просить.

Вот он тоже ходил, ходил, ходил, ходил по рынку и ничего не продал. Вечер приходит, то же само, опять подходит тот человек:

— Что ж, молодец, ходишь, целый день шляешься: не купишь, не продашь и даром не отдашь?

— А вот, — говорит, — есть у меня одна штуцка...

— Сколько за ей просишь?

— Двести рублей.

— Ну, что берешь, деньги или слово?

— А како слово?

— «Бог возвышает, так сам себя ни низь».

Думал, думал, а опять отдал за слово.

Пошел домой к жены. Жена спрашивает:

— Продал?

— Да нет, — говорит, — так отдал, за слово.

Жена-то была умница. Жена ничего ему не сказала. Третью вышила золотом и велела просить триста рублей взять за ей.

Ходил опять тем же побытом — не купил, не продал. Опять подходит добрый человек:

— Ну что ты, молодец, ходишь, целый день шляешься: не купишь, не продашь и даром не отдашь? Все уже, рынок закрылся, не торгуют больше.

— У меня есть одна товаринка, — говорит, — не купишь ли?

Развернул — золотом вышито.

— Сколько за ей берешь?

— Триста рублей.

— А что берешь, — говорит, — деньги или слово?

А думал, подумал:

— А слово возьму, а что за слово?

— А «Замахнись — не ударь, а выйзень — не опусти».

Ну и пошел. Три слова взял. С чем теперь к жене пойду?

— Жена меня будет браить, не пойду домой, — говорит.

Пошел в гавань. В гавани корабли стоят. На одном корабле капитана нет. Стал наниматься на корабль. Корабль с углем идет. Ну вот, его капитаном наняли на корабль. А те корабли идут с пушниной, кто с бобрамы, кто с песцамы, кто с лисама, с выдрамы, а этот с углем идет. Ну и вот, пошли корабли. И он пошел тоже капитаном. Шли, шли корабли, и ходу нет. Остановились корабли все среди моря. Собрались капитаны на один корабль и говорят:

— Ну что ж, морской царь пошланы просит. Ну, кто решится в море пойти? Надо кому-то в море спуститься, к царю морскому пойти.

А он лежит на койке и думает: «А как мне один конец, провинися, к жене не пойду», — слово то и вспомнил: «Без суда голова не погинет». — «Значит, мне не судьба, так не погину».

Ну и спустился в море. Там как и уснул — все равно что. Пришел к морскому царю. Морской царь судится с женой.

— Вот, — говорит, — рассуди, добрый человек!

Он, царь, спорит, что море богатей земли. А жена говорит:

— Земля богатей моря. На море без земли жить не можно, — царица говорит, — а на земле без моря жить можно.

Этот человек и говорит:

— Сойми свою царскую корону со стула, посади меня на царский стул! (Стоя-то не может докладывать).

Вот царь снял [корону] и посадил его. Он и говорит:

— Море богато, но без земли на море жить нельзя, море дает, море и к себе возьмет. А земля дает и к себе не берет, земля богате моря.

И вот он как уснул. Проснулся на своем корабле — каюта вся как жар горит, в золоте. Три анкерька золота под койкой у него. И корабли пошли туды, в королевство к королю. Пришли в государство. Все сдают пушнину, те все смеются:

— Этот-то капитан кого будет сдавать — уголь?

Уголь привез. Все распродали, король приглашает их на пир, втих капитанов. Ну и вот, кто подносит там подарки королю и королеве, кто соболя, кто лису — у кого какой товар, подарками приносят.

Ну и вот пришли, принесли подарки, он принес царю золотой камешок, а королеве принес брам-камешок (браморный-то), а королевны — драгоценный. Царь его и посадил выше всех. Капитаны не знают, смеются: «Вот, — говорят, — за уголь его посадил выше всех!».

На пиру все выпили и захвастали: «только-то у меня корабль обошелся стоимостью груз-от». Он молчит сидит. Вот сидел, сидел, и сдумал — вспомнил это слово: «Бог возвышит — сам себя не низы!».

Встает и говорит:

— У кого какой сколько стоит, а мой дороже всех!

Они все друг на друга взглянули — засмеялись.

Отошел пир, пошли на корабли писать — у кого дороже всех. Писали там, писали, — пришли на его, на последний корабль:

— Пойдем уголь писать!

Пришли, а там как золото, вся каюта светит! Они в ужас, переглянулись. Ну, значит, его дороже всех корабль обошелся. Ну, он сколько сдал королю, а часть оставил себе. И пошли в свою гавань, где он нанялся на корабль. Пришли в гавань, и все пошли по домам. И он подумал: тоже ему нужно вернуться к жене — жена-то и живым не ожидала уже. Скоро скажется, а не скоро дело деитце.

Пошел к жене, захватил это все имущество свое, домой пошел. Приходит в ночные часы домой. Жена спит, с ей рядом два

молодца спит. Веснет сабля на стены, евона сабля. Вот он взял эту саблю, хотел голову отрубить у жены — кавалеры! А вспомнил это слово: «Подыми — не опусти, а замахнись — не ударь».

Повешал. Как замахнулся, так и повесил. Стал будить жену — она осталась от него в положении и два сына родила. Вот он ей забудил:

— Кто у тебя, — говорит, — с кем ты спишь?

Она проснулась и не узнает.

— Вам что, — говорит, — надо?

— А кто это у тебя тут?

— Сыновья, — говорит.

Оны как один, близнецы были.

Тем сказка и кончилась. Ему эти слова все пригодились, пришлось.

151. Улита

Жила одна девка бедна, Улита. Ей и насоветовали:

— Ты выходи, сядь на -сарай и говори: семь просней на-пряла, солнышко высоко, еще друго семь напряду!

Жених и услышал — Богдан.

— Вот кака бойка — надо взять!

Вот приехал домой и поехал туда невесту сватать, приехал, поженились и домой привез. Привез, попили, поели и вот спать легли. Она и говорит:

— Богдан, я есть хочу — оголодала.

— Поди, — говорит, — там на кухне есть пироги — поешь.

Ходила, ходила:

— Богдан, — говорит, — у вас каки пирожки-то? У нас сверху-то короцка и снизу короцка, а в середине крупка. А у вас сверху шерстоцка, а снизу костоцки!

— Вот беда! Котят, наверно, съела!

Полежала, полежала:

— Богдан, где у вас уборная?

— Иди, там-то на коидоре. (Пробрало ее, вишь!).

Ходила, ходила, пришла:

— Богдан, — говорит, — кака у вас уборная? У нас тят да ляп, у вас-то буум! буум!

— Вот оказия! В пиво наклала!

— Богдан, — говорит, — где у вас рукомойник? (Чистоплотная, вишь, руки ей надо помыть, сходила дак).

— А там, — говорит, — на кухне.

Ходила, ходила, пришла с бочонком — руки запихала:

— У вас какой рукомойник-то! У нас за носоцик захватишь — вода потеет, а у вас, — говорит, — руки запехала — и достать не могу.

— Поди, — говорит, — там на улице столб стоит, хлопни об столб — отскочит.

Пошла, а там свекор молился стоял, она хлопнула его, он пал и рёхнул. Она приходит:

— Богдан, у вас какой столб-от! У нас только сбунцит, а у вас какой столб: пал, да рёхнул.

— Вот беда! Отца убила наверно! Собирай шмутки все! Поедем домой.

Вот и повез. Привез в село — все спят. Стучаться не стал, посадил на костер у дверей. Сидит на костре, невёстки и заставали со сна:

— Слава богу, у нас Улиты-то нету!

— А невёстушки-голубушки, я, — говорит, — здесь!

Они и расстроились: нигде, говорят, нашей Улиты места нет!

152. Жена-непряха

Жена была, не пряла, не пряла. Люди-то прядут лен.

— Люди-то прядут! — муж говорит.

— Я тоже буду престь!

Люди-то уж направили, холст стали ткать. Он приехал на другой раз:

— Жена, люди-то холст-от ткут!

— Я тоже буду ткать!

Приехал третий раз, дрова возил:

— Жена, люди-то холст полстят!

— Я тоже буду полстити!

— Когда же ты?

— Да вот уедешь, тогда зачну!

Муж уехал, она положила куделю в корыто.

— Муж-кормилец, не запускай собаку!

— Что тако?

— А холст стираю!

Муж отворил, собака и перескочила корыто.

— Ах, муж-кормилец, собака перескочила, всё куделей взялось!

Муж молчит, ничего не говорит. На второй раз соседу сказал:

— Поди, научи жену, не могу заставить престь, вся обнажилась, ходит нага совсем.

Сосед приехал, входит. Она и носит, угощает гостя. Один передник на ней, из листьев сшит ли, из чего. Ко столу идет — передник наперед, срам-то закрыть, а от стола идет — назад подернет.

— Вот, вся, — говорит, — обнажилась, одежды нет.

Он ей:

— У тебя, — говорит, — девка, то хорошо, что передник есть, у новой и передника нет!

Она и говорит:

— Ну, такова-то паскуда, что передника не имеет!

(Еще и величается!).

Он отобедал:

— Надо тебя угостить вологодски гостинцы.

— А каки-таки, угости?

Он достал плетку, да и начал по голой задницы:

— Вот тебе, такова паскуда! Вот тебе, такова паскуда! Вот тебе, такова паскуда!

Нажарил, да и уехал. Села она прядь. Муж приезжает:

— Жена, открой ворота!

— Недосуг, муж-кормилец, пряду!

153. Лиса-исповедница

Шла лисица ко крестьянскому двору. Хотела вытащить из курят куренка, из хлева теленка. Петух услышал, югами затоптал, закричал.

Мужики слышали, оружие схватили, лисицу стрелять побужали. С того стражу лисица побежала, три дни под одним кустом лежала. Пала ясна погода. Полетел петух в лес летать. С дерева на дерево летает, с ветки на ветку перелетывает.

Услыхала лиса петуха в лесу. Подходит к петуху близко, кланяется нианко.

— Здравствуй, надо мой петушь! Тридцать лет мясного не вкушаю, а тебя видеть хочу и исповедать! Имел, — говорит, — ты жен по двадцати, имел и по тридцати, должен иметь жену законну, другу наложну. А без третьей обходиться нельзя.

Услыхал петух себе тяжки велики грехи, хотел сесть на траву, а сел на лисью главу. Схватила лисица петуха в когти, запустила в него ногти, крылья на сторону заворотила.

Петух закричал необычайным гласом:

— О мати моя, лисица! Таково ли твое покаяние!

— О вор-петух! Ты надо мной насмеялся! Когда я шла по крестьянскому двору, хотела вытащить из курят куренка, из хлева теленка, тебя не ворогуша ли подколов, что ты затресся!

— О мати моя, лисица, один раб двум рабам не служит! Я хозяину служу, — говорит. — Послушай, мати моя, лисица, я тебя к местуку приставаю!

— К какому, вор-петух?

— Жил я у Крыцкого митрополита, служил на правом крылосе, запевал первую строку. Там просвиры мягкие и кануны сладкие!

Лисица прислушалась, петуха в когтях приослабила, махнул петух крыльём и на ветку взлетел:

— Проздравляем, — говорит, — мати моя, лисица, в новом чину! А ешь белый снег, как ветчину!

ПЕТР АКСЕНОВИЧ КУЗНЕЦОВ

154. Жар-птица

Король был, да трое детей [у него] было. Был там Гаврило, Петр да Иван. Был сад построенный у него, и в саду яблоки выросли, а потом похищениик стал воровать эти яблоки.

Потом Гаврилу караулить послал:

— Поди, Гаврило, карауль!

Гаврила караулил, караулил, а никакого не мог укараулить вора, все проспал. Пришел.

— А никакого не мог, папа, укараулить вора.

Потом Петра послали — тоже караулил, караулил, никакого [вора] не мог укараулить.

Младшего сына послал, Ивана, караулить. Ну, младший сын ходил, ходил, караулил, караулил, налетела Жар-птица. И он за ней заподтягался. Захватил Жар-птицу, не мог удержать, вырвал перо от Жар-птицы. Принес:

— Отец, вот перо!

— Ну, хорошо!

Помешкал. Ну, королям задорно это — есть перо, так и Жар-птицу доставай. Велел Жар-птицу достать. Гавриле говорит:

— Поезжай, не можешь ли Жар-птицу достать?

Ну, что ему, поехал. Ехал, ехал да потом шатер поставил и повалился лежать. Потом второго сына Петра послал тоже. Тот тоже искать туда вслед. Тот ехал, ехал, и туда к брату в шатер приехал, и оба завалились лежать.

Ну, потом Ивана, третьего сына, послал, младшего, который перо достал, вырвал. Тот поехал туда. Едет, а брат в шатре оба сидят. Расспросил их, потом дальше поехал. Едет, потом стоит на дороге столб. На одной стороны подписано: «Сам будешь сыт, а конь голоден», а на другой стороны подписано, что «Сам будешь жив, а конь мертв будет».

— Ну, ладно, — говорит, — поеду, конь мертвый будет — так пеш уйду.

Немного подался — волк выскочил и коня разорвал пополам. И потом этот волк вышел назад обратно:

— Садись, — говорит, — на меня, поедем, я тебя понесу туда, где Жар-птица.

Он на етом коне, на волке, и поехал в государство в друго уж.

— Берн, — говорит, — Жар-птицу, а клетки не бери!

Вот клетки не бери — глаза-то завидуши, Жар-птицу взял, а клетка золота, взял и клетку, а струны запели, его и арестовали, и к королю повели, какого была Жар-птица. Король ему и говорит:

— Съезди в то-то царство, достань коня златогривого, достанешь — и Жар-птицу тебе отдам, и не накажу, а не достанешь — голову тебе срублю.

Ну, он и направился опять, волк выскочил:

— А будешь коня брать, опять уздечки не строи!

Ну, он на волке туда и приехал опять, к коню, такой волк был волшебник, дак. Привел в ето королевство и к етому коню, в скотник. Взял коня — хорошо. А уздечка висит хороша — золота! Ну, как коня будешь вестъ на веревке!

— Взять уж и уздечку!

Ну и взяла — опять колокола загремели, его там и взяли, привели к королю опять:

— Ну что, достань, — говорит тот, — царевну за тридевять морей, за тридевять горей, в тридевяти царстве, невесту достань, дочь привези! Достанешь, коня златогривого тебе отдам и не накажу, а не достанешь — голову тебе срублю.

Иван-царевич и голову повесил. А потом вышел на улицу. Волк:

— Я ведь говорил тебе, зачем же тронешь!

— Ну, черт попутал!

— Ну, опять садись на меня!

И понес. Не долго носит, волшебник дак... Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Привез. Не допустил его [волк] там до невесты:

— Ты тут побудь у сада, она выйдет гулять с мамками, с няньками, я ее схвачу!

Ну вот, она вышла гулять с мамками, с няньками, волк ее и схватил, и понес. Взял и понес, вытащил. И приехали они в ето государство, где конь златогривый, а невесты жалко. Вез, вез, а жалко невесты.

— Что, — говорит волк, — жалко тебе невесты?

— А жалко, вез, уж тут познакомились.

Волк и говорит:

— Я, — говорит, — овернусь невестой, красавицей.

Привел Иван-царевич красавицу пешу (т. е. волка), отдал королю, король схватил ее сразу, обрадел дак. И вот король отдал коня ему за «красавицу». А тот с красавицей-девицей сел на коня да и поехал. Всё вперед подается.

А король с «красавицей» пожил, хотел поцеловать, а усы-то у волка, — царь перепугался, а волк-то и убежал.

Ну, потом приехали к королю, где Жар-птица. Иван-царевич говорит:

— Жалко лошади!

— Как не жалко!

— Ну, ладно.

Туда отъехали дальше.

— Я, — говорит волк, — конем овернусь.

Иван-царевич привел этого коня, [волка]. А того он оставил за огородом, коня и красавицу. Ну, конь тут золотой, с уздечкой и всё — куды к черту! Потом отдал этого коня царю. Жар-птицу царь ему отдал за коня, Ивану-царевичу. Конь дрожит весь, ну, конь! Тогда сел царь на этого коня, конь носил, носил его, да как липнет в сторону, свалил, да и скрылся конь тот.

А Иван с красавицей сел на коня, да и поехали. Потом приехали к этому столбу, [где надпись была]. Там распростились. Волк говорит:

— Я тебе сослужил. За то, что съел коня, тебе коня достал и всё. Если еще чем нужен буду — помогу!

Ну, распростились, Иван поехал, приезжает к этому шатру, там братана сидят, как яблока. Приехал в этот шатер к братанам. Ну, тут попил, поел, отяготился, спать захотел. Молодой, да. Потом братана взяли — голову у него отсекали, [у Ивана] (конь тут и всё, — [а нам] скажут, где вы были!). И красавице заказали молчать об этом. Ну и поехали, поделили кому невесту, кому коня. А невеста не идет:

— Достаньте мне, — говорит, — платье, из-за тридевять морей, из-за тридевять горей, из моего государства.

Ну, где достанешь? А потом волк узнал, что голова отсечена. А летали воронá. Подкрался, поймал за крыло ворона и еще вороненка захватил.

— Вот, — говорит, — принеси мертвой воды, и еще живой воды принеси!

И вот ворон улетел, а вороненка [волк] держал.

— Принесешь, — говорит, — тогда вороненка отпущу.

И две сулечки дал:

— Вот, наберешь живой воды и мертвой.

Ну и вот, ворон принес эту воду. Взял и вороненка пополам волк прервал и сложил в кучу, обрызнул мертвой водой — и вороненок сросся, брызнул живой водой — и вороненок полетел. Поблагодарил волк ворона и стал лечить Ивана этой водой. Приложил голову, мертвой водой брызнул, обмил — приросла голова, а потом живой водой брызнул — ожил Иван.

— Вот, — говорит, — долго спал!

— А у тебя где конь, — говорит, — а где жена молода? А Жар-птица где? Братана тебе голову отрубили, вот сулечка еще, мертвой и живой воды остатки. Они один берет твою

жену, а другой — коня. Садись на меня, я тебя отвезу, — говорит.

Вот он и донес его братьям дорогим. Распространись с волком, поблагодарил Иван его. А потом пришел домой к братьям. Ну, у братьев отобрать поделала. А красавица сама пошла. А этих братьев — чтобы в государстве не было — царь в други государства послал: куда хотите, туда и едьте. А больше никак не наказал — голову отрубить, или что.

Ну и стали жить да быть, есть да пить, а мне не дали.

135. Козелек

Была хозяйка с хозяйкой. У них было два дитя, сынок и дочь. Жили-пожили, жонка померла, хозяйка-то. [Хозяин] потом женился. Ну, ему жонка, а дети — сторона. Жонка прожила год и говорит:

— Отвези детей куда конь, в лес.

Вот паренек и девушка ушли, идут по дорожки. Брат:

— Сестрица, — говорит, — я пить хочу!

— Лошадиный след, браток, не пей, лошадь будешь!

Браток прошел мимо. Идет и дальше:

— Сестрица, я, — говорит, — пить хочу!

Опять след, теперь бычий.

— Не пей, брат, — говорит, — будешь бычок!

Идут дальше.

— Хочу, — говорит, — стерла — так пить хочу!

Пришел козанный след. Ну, беда настала, напился в этом следу, козленком стал. Ну, связала на поясок его. Идет дальше, шла-подошла, пришла в город. Ну, там пожила ни много, ни мало, вышла замуж, какой-то царевич подсватался. Тут было царей. Вот жили-пожили с женою. Потом вышла яга-баба, что он живет с женой хорошо. Потом он ушел куда-то. Потом пришла яга-баба к этой женщине:

— Пойдем, — говорит, — погулять!

Ушли к морю. Сели.

— Поотдохнем на крайчику.

У моря на бережок сели. Закинула [яга-баба] веревку и привязала камень и в воду ей спустила. А сама ее платье одела — какой-то мужик царевич был глупый, будто не знал, что жонка [не его]. Жонка и жонка. Вот и стал жить с ей. Потом яга увидела козленка. Зарезать козленка мужа заставляет — он пил-ел с ними из одного места, брат-то. А козленок-от прибежал к своему морю:

— Сестрица родима! Меня резать хотят!

На другой день опять то же — резать надо. Ну что же, велит, так надо. Потом козел опять туда побежал, к сестры, говорит.

Она могла бы подняться:

— Поднять камня не могу, веревки сорвать не могу! Скажи Ивану-царевичу, чтобы невод закинул, меня вытянул!

А тот замечает, что козел куда бегает. На третий день-то опять:

— Резать козленка надо! — яга-баба говорит.

Ну что ж надо, когда заставляешь. А козленок опять к морю прибегал:

— Сестрица, котлы кипят, ножи точат, меня резать хотят!

А Иван-царевич и пошел вслед ему, ну и услышал эти слова. И вытянул ее — как, говорят, живая была. Потом этот козленок перевернулся три раза через голову и сделался молодец, какой был, такой и стал. Он жену взял за руку и шурина. Пошли с женой и с шурином. Пришел, ту жену вывели, расстреляли, а с этой стал жить-быть, тем и кончилась была. Свадьбу играли, а мне ничего не поставили.

ОЛЬГА ИВАНОВНА САМОХВАЛОВА

156. Аленький цветочек

Жил старик со старухой, у них было три дочери, одну дочь [отец] очень любил.

Поехал отец, спрашивает дочерей, что привезти. Одна говорит: «Мне привези на платье красного», друга — «Мне розового», а третья — «Мне, — говорит, — привези аленькой цветочек».

Вот он ездил, ездил, ходил, ходил, этим дочерям купил на платья, а этой дочери забыл. И вот едет, вспомнил, что не купил дочери аленького цветочка. Видит — стоит куст и в этом кусту аленький цветочек. Он этот цветочек сорвал. Сорвал этот цветочек, и выходит страшный зверь:

— А зачем сорвал ты аленький цветочек! Вот, оставайся сам или привези мне дочь.

Вот и приезжает [отец] домой, а всем подарки отдал, а младшей, которую любил, аленькой цветочек, а сам задумался, заплакал.

— Тата, — говорят, — а что ты плачешь?

— А вот что, дочери, плачу, так вот, — рассказал, — ехал я, сорвал цветочек, и вышел страшный зверь и сказал: «Или сам оставайся, или привези мне дочь».

А эти дочери отказались. Тогда младшая говорит:

— Я поеду!

Ну, он ей повез.

А этот, знаешь, страшный зверь — царь ли был, так сын у него, него овернули страшным зверем. Кто его полюбит — досель, [до той поры будет зверем], а не полюбит, не овернуть его.

Отец привез [дочь] и дома одну оставил. Подумала только: «Как бы мне поесть?». Сейчас смотрит — на стене написано: «Сейчас тебе все будет готово». Ну вот, она покушала, потом подумала: «Как бы мне поспать?». Видит — ей койка готова, она поспала. Потом опять покушать ей готово, говорит просто голосом [кто-то], а не показывается. Вот она и спрашивает:

— Что ж ты, такой добрый человек, а не показываешься?

А он:

— Ты меня испугаешься!

— Нет, — говорит, — я бояться не буду!

Показался он ей. [Потом] она и заприсилась домой. Он ей и отпустил. Сказал: «В таки-то часы приходи», на два часа, на три ли.

Она приходит к сестрам, рассказала, что так хорошо там все и в таки-то часы буду обратно.

Сестры взяли и часы отвели назад, она и опоздала. Она прибегает обратно, а он с етим аленьким цветочком и лежит. Она думала, что мертвый, она пала, горько заплакала. Потом грянул гром такой страшный, и она упала без сознания. Она проснулась, он и отвернутый, етот царевич, такой красивый, хороший, она у него в охапке. И он уже не зверь, а человек, царевич.

Свадьбу сделали и стали жить-поживать да добро наживать, да всего добывать.

ПАША КУЗНЕЦОВ

157. Зверь у корыта

Жил-был бедный крестьянин и богатый. И вот сделал бедный старик красивое корыто. Богатый увидел у бедного корыто и попросил, чтобы он ему сделал такое же корыто. Тот пошел в лес, этому барину отдавать корыто. Устал, стал отдыхать. Взял перевернул корыто вверх дном и сам под корыто залез. Прибежал заяц, присел у столика:

— Ой, — говорит, — какой у тебя ладный столик, да на столе-то и пусто!

Заяц посидел и побежал. И принес туда из леса ему и положил туда на корыто кочан капусты. И видит он — бежит лиса. И говорит:

— Какой хороший столик! А на столе пусто!

И она принесла утку. И потом еще они увидели — бежит волк. Увидел корыто, говорит:

— Ах, какой хороший столик, а на столе пусто!

И он принес целого барана. Они увидали — к ним идет медведь, он говорит:

— Ох, какой хороший столик, а на столе пусто!

Пошел он и принес меду. Только сели они за стол — мужик проснулся и услышал, что шумит над корытом, стал ставать, и звери испугались и убежали, и всё покинули. А дедушке всё и осталось. Он унес корыто барину и деньги получил, тогда мужик стал богатый.

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВИЧ КУЗНЕЦОВ

158. Поблázнилось

В тридцать пятом или тридцать шестом году сидел я в Бабыи на тони, один на одно. И вот, до Октябрьских тут так, пошел, — хорошее время, тихо, — пошел к реки: нерпа не зашла ли в реку? Пришел к реки — нерпы никакой не видать, не стават, ничто... И вот, гляжу, идет из Бабыи, оттуда, товарищ, с етой стороны. Это уж у меня в глазах было! Я на нижней тони сидел, а он — на верхней. У его ружье за плечмы, товарищ как товарищ и есть, Григорий Максимыч. Я не скричал, и он ничего. А я после подумал, что не Григорий Максимыч, а рыбадзор. А у нас река-то была закрыта сетками. Мне недосуг спросить. Я по реки вверх, и он вверх. Он идет по верхну сторону, а я по нижну сторону. Я стал колья ломать, и он стал спускаться... Я думаю: колышки-то выломаю, сетку на дно опущу, — а там она у нас была привязана, на цепях. Перебрел на островочек. А он не оказался. Не анаю, куды он потерялся? Я подумал-то, что он пошел выше. А, бывает, силаь увидел? Тут у меня силаь стояло, куроштей ловил, дак. Вышел на гору, на гору выстал, на угор — никого нету. Четыре куропта в силках, вынул и пошел к товарищу, к етому Григорию Максимычу, в Малу Бабыю, — они на тони двое же были, с парнем: еще сей год приезжал еще, был в отпуске, Алешка. Прихожу к нему, действительно, — а он только ставает, одевается.

— Здравствуй!

— Здравствуй!

Говорю:

— Ты у реки был?

— Нет, — говорит, — не был.

— Так рыбадзор прошёл?

— Нет, — говорит, — не был!

— Ну что ты, я все сетки опустил...

А потом [говорю]:

— Пойдет этот парень в Пулоньгу?

Ну, я попросил хлеба принести буханку белого и две свечки. Ну, чаю попил, пошел домой. Никто больше не показался.

Но в ту же ночь, еще вечером, часов в одиннадцать, тоже хреновина произошла маленькая. Вечером, — мерёма стояла в губы в Бабьей у меня, — я пошел вечером к мереже. Вдруг: хлёп, хлёп, хлёп, хлёп, хлёп, хлёп — как человек. Васька Кирович там был, я думаю: не он ли идет? Хлопается, хлопается, — нет, не то! Я взял ружье, что такое? Пошел, от меня побежало... Бежал, бежал, до низу, на берег, до Аины Архиповны избы. Я вышел на берег, по песку, — темно, никаких следов не видно. Думал, какой зверь, — так убью. А вот ничего...

Этот случай был, а больше никаких не встречалось.

139. На промысле

За лисой надо идти в шубы да в кафтаны. Хозяин собаки не выгонит, а ты идешь. Чем ветру больше да чем снег мокрее, тем лиса лучше спит. Псец — тот гауна. Как собака, сидит и сидит, и лает: «ав, ав!». До того, что уж головой станет кивать. Скинешь ватник, да на батожок, а сам в затылок зайдешь, — так, как эту лампу, — да и стрелишь.

Вот случай у меня был еще. В ту же Бабью сажали песцей промышлять с Василием Устиновым. А у того олень отвязался и убежал, так я один уехал.

Ехал, на Погорьельском лисицу подстрелил дорогой и в Бабью приехал. А стало темнеться, а огня не было, — керосинку не было, и рама не было. Один сальник взял. Оленей отвел, чай наставил, чай согрел, сел пить.

Вдруг наехал [кто-то]. Думаю: Васька наехал! А месяц, светло. Как раз в первых числах декабря. Ну я — чего делать? Чепи забренчели, хорей поставил к стены.

Я кричу:

— Какого хрена ты там пугаешь! Отведи оленей да иди чай пить!

Не идет. Вышел я: нету оленей, ничего нету. Вышел на угор, думаю: он оленей отвел на угор! Никого нету. Олени мои стоят, как следует быть, четыре оленя. Вернулся: багаж-то есть ли? Места-то? (Васька хлеб возил). — Ничего нет, и следа нет. Санки ехали — ни полозницы нет, ничего, никакого следу.

— А, — говорю, — пугать начал!

Двери закрыл и сальник погасил. Только вдруг двери открылись. Тут-то мне похуже стало! И други двери открылись, избы. Я спрашиваю:

— Кто?!

Никого нет. Я зажег спичку, двери закрыл... Только лег — опять так же обе двери открылись! Третий раз спичку зажег и пошел, и от двери к каменки, вроде как крыса, кто-то пробежал, и под каменку туды. Я выматерился.

Опять встал, закрыл обе двери и ружье взял, из патрона пулю вынул, хлебом заткнул, корочкой хлеба, и положил около себя, через левое плечо. И боле никто не тревожил.

160. Как «пугало»

И четвертый случай. Помоложе я был. Оленей караулили, сидели, с товарищем были: от волков караулили оленей. И потом с товарищем сидели, пили, вина не хватило, он надумал идти, да хлеба надо было взять. Ну, пошел.

— Придешь? — говорю.

— Приду!

Оленей перевязал всех, двенадцать оленей было. И вот, пришел в стан, сижу. А он пришел, вехи бросил, — там дрова, на дрова вехи бросил, а сам руками провел по двери. Где дым идет, так видно, как руками провел сверху донизу. Я ему:

— Что, пугать пришел? Не боюсь, мне не первый снег на голову пал, я этого не страшусь!

И вышел, посмотрел: а олени бегают, один бык камень тащит, — прямо дым (снежная пыль) идет! А потом и ничего, и стали олени.

А утром оказалось: и не был товарищ тот. Утром я пошел навстречу, отошел километра полтора, — он идет навстречу с вином, пьяный.

161. Болезнь

Сено косить ходили, трое было нас: Я через реку брел. Жили там на Кейвамы, верст двадцать пять. И вот я пошел на другую реку, и вода немного плеснула за сапог. Там косил, обратно побрел, на то место поглядел, где брёл, думаю: ноги налью, недолго спать будет, — пониже побрел. Перебрел только реку — товарищи уху варят да чай греют. А я «ой!» — сразу заболел. Едва стакан чаю выпил. Повалились спать. Всема, трое, повалились спать на ночь. Мне является девочка, словно вовсе и не сплю:

— Идем гулять!

— Что ты, — говорю, — раба божья, что ты!

— Идем и все!

Я говорю:

— Нет!

Она просто меня берет и лезет.

Я:

— Костя, Костя!

Тот спит, не слышит, а Селиверстко проснулся.

— Гляди, что ко мне лезет!

Он глянул, только махнулось:

— Что тако?

— Да вот, не дает мне спать!

Он заснул. А она снова опять у меня, и всю ночь не дала спать.

Потом пошли, версты три только отошли, и она снова в глазах, они не видят, а я вижу. Как седу, тут она и есть. Это жар был, видно.

Потом шли эта за километр, больше они не змогли меня ожидать, я их послал:

— Подьте, — говорю, — Ольга хоть встретит!

Ольга меня эта встретила за полямы, недалеко, довела... А после пролежал два дня, ни пить, ни есть не змог, она мне все тут спбкою не дават. И девка-та крива, как Анфиса Кондратьева — она и сейчас та жонка жива, где-то в России. Потом старуху узнали, [которая лечить умела]: бабка Марья с Кандалакши, она пришла. Тут мне с чайной ложки воды давали, уходил, совсем пропал. Ну вот:

— Где на воды был?

— Нигде не был.

— Говори, где на воды был!

Ну вот, врач так не узнает, как эта старуха! После сказал:

— Через реку брёл!

— Ну, ладно, — говорит, — через реку брёл, значит на воды был! Давай, — говорит, — теперь крынку муки да масла чайную чашку.

Это подсолнечно масло, теперь в лавке берем. Потом бабку у меня выгонила: «час не ходи», — говорит. И сестра была, и сестру выгонила, обеих старух выгонила.

И взяла эту муку, масло налила в муку и замешала колом, сделала тесто, и взяла нож и пошла к пецке — шептала, кудесила там, только слышно шить-шить-шить...

— Ну, — говорит, — сейчас я у ей глаза выточу!

Вышла, коlob этот мне на грудь положила.

— Сейчас, — говорит, — я ей глаза выколю! Сейчас она придет, ты только не бойся. Она скажет только: «Ой, ты меня сгубил, ожил!». Ты не бойся, в ответ только скажи: «Уходи, окаянная, уходи, окаянная», — три раза.

Вот она ко мне приходила — правда, вытыканы глаза, кровь текет.

— Ой, — говорит, — ты меня сгубил, нашлась одна лмхорадка, меня сгубила. У меня, — говорит, — брат еще есть, придет, тебя сгубит!

Ну вот, это время прошло. Я ночь ночевал. Приходит бабка утром:

— Было что?

Я говорю, так и так.

— Ну, ладно, — говорит.

Бабка на второй день приходит.

— Ище раз, — говорит, — сделаю!

Еще наговорила, потом говорит:

— Пойдем на улицу!

Вывела на улицу, взяла батожок, такой был длины.

— На, — говорит, — руби, — топор дала. — Я, — говорит, — три шага отойду, тогда руби. Что тюкнешь — в сторону, налево брось.

И вот я этот батожок перерубил на три куска, бросил. И старуха эта ушла и сказала:

— Как перерубишь, топор брось и сам убегай в избу, двери закрой, благословясь: «Господи, благослови!». И сам ложись, спи, а придет заколотится — молчи, уйдет, боле окаянная не будет!

Вот и это так и было. Она еще раз хотела сделать, но пароход пришел. Мы ей уплатили, бабка дала на сарафан, да муки дала таз. Это в сорок третьем году было. Я еще в сорок четвертом году ездил на Мурманский берег, был в Кандалакше, жива была старуха, я еще ей буханку хлеба дал. А после умерла. Еще говорила:

— Если заболеешь — пиши, я по ветру пришло.

А больше не болел.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОПИСЬ КОЛЛЕКЦИИ

Опись сказок и быличек Терского берега Белого моря делается в порядке расположения деревень с запада на восток района, а внутри деревень — по исполнителям.

Материалы собрания находятся в архиве Петрозаводского института языка, литературы и истории АН СССР, разряд III, опись 1, коллекции №№ 38, 39, 41 (записи Д. М. Балашова), 43 (записи А. С. Тупицыной и Ю. Е. Красовской), 54 (записи Т. И. Орнатской и Д. М. Балашова), а также в архиве Ленинградского института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, разряд V, коллекция № 172 (записи Д. М. Балашова от сказочниц Е. И. Сидоровой, Е. Д. Коневой и некоторые другие).

На непубликуемые материалы даются краткие аннотации, для публикуемых текстов приводятся заглавие и ссылка на номер сказки в настоящем сборнике. Для всех текстов даны ссылки на указатель Аарне—Андреева (Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Изд. Гос. Русск. геогр. общ., Л., 1929; далее сокращенно: Ук.). Отсутствие ссылки означает отсутствие сюжета в указателе. В случаях отдаленного соответствия, номер указателя дается в круглых скобках.

Большинство текстов записано составителем сборника, поэтому в описи оговорены только записи, сделанные другими лицами: Т. И. Орнатской, А. С. Тупицыной, Ю. Е. Красовской, С. Н. Азбелевым и др. (после фамилии рассказчика, если все записи от него сделаны одним лицом, иначе — после номера указателя).

Все записи учителей и учеников средней школы поселка Лесного, помещенные в начале сборника, предоставлены составителю учительницей (ныне пенсионеркой) Н. Е. Сергеевой.

СКАЗКИ И БЫЛИЧКИ ТЕРСКОГО БЕРЕГА

ПОРЬЯГУВА

Иван Николаевич Тарасов, 68 л.

Зап. 1964 г., Т. И. Орнатской

1. Герой в подземном царстве. Братья караулят сад. Младший спускается под землю: медный, серебряный, золотой дворцы с царевнами. Он убивает волшебника-похитителя, спасает царевен. Братья обрезают веревки. Герой два года служит пастухом, за что вынесен на Жар-птице обратно (царевны в это время притворялись немymi). Женится, наказывает братьев. Ук. 301А.

2. Портупей-прапорщик. У царя похищена дочь. Портупей-прапорщика отправляют искать ее. Он спускается к морскому царю, разрешает его спор с царницей: что богаче — земля или море? Находит волшебника-похитителя, убивает. Женится на царевне. (Запись конспективная). Ук. (677).

3. О судьбе. У генерала рождается сын, которому предсказано, что он убьет родителей. Отвозят его в лес, отец ударяет топором, ранит. Ребенка находят крестьяне, воспитывают. (Сказка не кончена). Ук. (931).

4. Умные ответы. Бедный и двое богатых спорят: что быстрее, что милее, что жирнее? (земля, глаз, сон). Ук. 921.

5. Судья приехал судить бедняка, девушка дает загадочный ответ (вязать лошадь к зиме, к лету). Судья женится на ней. Ук. 921, 875.

У М Б А

Парасья Ерофеевна Попова, 55 л.

6. Храбрая Олеконида (№ 1). Ук. (552, 432). Зап. 1948 г., ученицы 8-го кл. Маргариты Кин.

Фекла Тимофеевна Егосаева, 78 л.

7. Про угольщика (№ 2). Ук. *934. Зап. 1964 г., Т. И. Орнатской.

ЛЕСНОЙ

Е. Ногина, 54 г.

8. Каменная царевна (№ 3). Ук. (*410 I, 405). Зап. 1948 г., ученицы 5-го кл. Майи Первушиной.

Неизвестный исполнитель

9. Куричья пастушка (№ 4). Ук. 510 В. Зап. 1947 г., ученицы 5-го кл. Нины Петряшевой.

Михайлова, 65 л.

10. Про солдата (№ 5). Ук. (*301 С). Зап. 1947 г., ученика 5-го кл. Ивана Быкова.

Авдотья Анисимовна Мошникова, 68 л.

Исполнительница родом из Чаваньги; возраст указан по зап. 1963—1964 гг.

11. Иван-поваренка (№ 6). Ук. 502, 465 А. Зап. 1947 г., учительницы Т. Н. Пашкиной.

12. Про Арапулку (№ 7). Ук. *312 I. Зап. 1963 г. (январь), А. С. Тупицовой.

13. Анекдот-загадка (№ 8). Зап. 1962 г. (декабрь).

14. Петушок да курочка (№ 9). Ук. *241 I. Зап. 1962 г. (декабрь).

15. Девушка и разбойники. Разбойник, назвавшись братом, приглашает девушку на вечеринку. Она берет маленького братишку с собой, приходит, танцует. Хочет уйти — не пускают. Убегает. Дома пьет чай, а под окном: «Выпей за мое здоровье». Она выпила, разбойник вошел. Она его столкнула в подпол, зовет соседей. Он убегает, грозит. Приезжают сваты. Девушка вызывается прийти сама к жениху. Приходит в отсутствие разбойников, прячется, наблюдает казнь, бежит, прячется в сено, в дупло. Дома собирает народ. Приезжают разбойники, она рассказывает, их убивают. Ук. 955, 956 В. Зап. 1962 г. (декабрь).

16. Покойница-воровка. Бедный брат сагает мертвую мать у амбара богатого брата, якобы та крадет муку. Богатый стукнул мать, думает, что убил, просит брата не выдавать его и обещает кормить до смерти. Ук. 1536. Зап. 1963 г. (январь), А. С. Тупицовой.

17. О разбойниках (№ 10). Зап. 1964 г., Т. И. Орнатской.
18. Сестра-подпольница (№ 11). Ук. *813 С (дополнительно к номеру указателя). Зап. 1963 г. (январь), Ю. Е. Красовской.
19. Рассказ про девочку из Пялицы, унесенную чертом (ср. № 17 сборника; здесь короче). Зап. 1963 г. (январь), Ю. Е. Красовской.
20. Девушка и разбойники. Засватанная разбойником девушка упростила разрешить ей прийти к жениху самой. Приходит в отсутствие разбойников, видит кровь, прячется. Ночью бежит, ее догоняют, она прячется в траве, сене. Дома рассказывает. Являются разбойники, их схватывают и убивают. Ук. 955, 956 В. Зап. 1964 г., Т. И. Орнатской.
21. Проклятая жена (№ 12). Зап. 1964 г., Т. И. Орнатской.
22. Проклятый сын (№ 13). Ук. *813 D (дополнительно к указателю). Зап. 1964 г., Т. И. Орнатской.
23. Леший-кум (№ 14). Зап. 1964 г., Т. И. Орнатской.
24. Как старуха бабила (№ 15). Зап. 1964 г., Т. И. Орнатской.
25. О некрещеной девице (№ 16). Ук. *813 А. Зап. 1964 г., Т. И. Орнатской.
26. Сестра-подпольница. Одна из дочек-близняшек, проклятая матерью, унесена подпольником. Накануне своей свадьбы она показывается родной сестре и оставляет ей подарок. Мать кается. Ук. *813 С (дополнительно к указателю). Ср. № 11 сборника. Зап. 1964 г., Т. И. Орнатской.
27. Пропавшая девочка (№ 17). Зап. 1964 г., Т. И. Орнатской.
28. Как девушку «водило» (№ 18). Ук. *813 А. Зап. 1964 г., Т. И. Орнатской.
29. Про колдунью (№ 19). Зап. 1964 г., Т. И. Орнатской.
30. Как «пугает» (№ 20). Зап. 1964 г., Т. И. Орнатской.
31. Девушка и разбойники (сходна с записью Т. И. Орнатской, см. № 20 описи). Ук. 955, 956 В. Зап. 1947 г., учительницы В. Я. Веселовой.
32. Иванушка. Три брата ночуют в новом доме. Младший не рассказывает сна; по требованию отца он попадает в тюрьму. Обещает царевичу сосватать невесту, в дороге получает чудесные предметы (сапоги-скороходы, шапку-невидимку, орел-самолет). По требованию царской невесты достает подарки, одинаковые с теми, которые делают для нее. В свадебную ночь укрощает царевну. На пиру она разрубает ему ногу; герой отправляется за живой водой, освобождает царевну от змея, которого заставляет достать живой воды. Вторично избавляет царевича, которого жена сделала пастухом, расколдовывает его жену и женится на спасенной от змея царевне. Ук. 725, 518, 519 (300 А). Зап. 1949 г., учительницы Гавриловой.
33. Вариант записи той же сказки. Зап. 1947 г., учительницы Ф. А. Смирновой.

О Л Е Н И Ц А

Кристина Лукинична Талых, 74 г.

Зап. 1964 г.

34. Жених-комар (№ 21). Ук. (313).
35. Подмененная невеста (№ 22). Ук. 403 А.
36. Соль (№ 23). Ук. 1651*.
37. Про Кашея (№ 24). Ук. 552, 400.
38. Пульница-саинница (№ 25). Ук. 510 А.
39. Кот, петух и лиса (№ 26). Ук. *61 II.

Иосиф Федорович Кожин, 55 л.

Зап. 1964 г.

40. Молодильные яблоки (№ 27). Ук. 551, 554, 300 А.
41. Золотая гора (№ 28). Ук. *936.

Анна Степановна Кожина, 49 л.

Зап. 1964 г.

42. Щуп-щуп (№ 29). Ук. *480 С.

43. Архиерейский суд (№ 30). Ук. 1735.

44. Мудрые советы. Отец, уезжая, дает совет дочерям, который надо понимать иносказательно (беречь бочки пива — т. е. беречь честь). Совет правильно понимает младшая дочь. Старшие не сохраняют себя; детей подкидывают любовникам. Ук. (915).

Павла Никитична Кожина, 49 л.

Зап. 1964 г.

45. Три брата (№ 31). Ук. *1920 D.

46. Тро Тұрға да про Басанту (№ 32). Ук. (303, *931 II). Очень точное соответствие: Сказки Индии. Детгиз, 1957, стр. 190 — «Тури и Басанта».

47. Вошья шкура (№ 33). Ук. 621, *3131.

48. Девушка и разбойники. Разбойники сватают у попа дочку, чтобы напешиться и убить. Матушка дает дочери с собой мешок крупы, чтобы сыпать на дорогу. Она сыплет, отмечая путь. В доме у разбойников девушка открыла запретную комнату, увидела прикованную девушку, которая велела ей бежать, а то убьют. Она побежала, пряталась по дороге под мост, в воз сена, едва добежала до дому. Поп встретил разбойников с понатыми, стали стрелять, разбойники удрали. Ук. 955, 956 B.

49. Железный человек и черт. Сапожник берется вылечить попову дочь, к которой ходит нечистый. Сапожник играет с чертом в карты, щелкает его железной перчаткой (дважды); на третий раз ставит железного человека, который задавил черта. Сапожник женится на спасенной им девушке. Ук. 1162.

50. Поп и работник (№ 34). Ук. (*1006 I).

51. Про белу шерсть. Девушка обманом выходит за царевича, который искал, «у кого бела шерсть». Обман раскрывается — девушка дает остроумный ответ.

52. Смех и слезы. Прохожий удивляет попа своей мужской силой. Попадья приглашает прохожего к себе, выдает его за брата. Поп оказывается в дураках. Ук. *1734.

53. Ангел на земле (№ 35). Ук. 795 A*.

54. Как «пугает» (№ 36).

55. Попадья заводит любовника. Работник сообщает попу. Попадье удается незаметно выпроводить любовника. Вторично поп видит убегающего любовника и бьет попадью. В третий раз переодетый работник привозит спрятанного попа на санках, просится переночевать. Жена поет насмешливую песню про мужа. Работник в песне дает попу совет расправиться с женой. Поп убивает любовника и избивает попадью. Ук. (*1361 I).

56. Царевич овладевает спящей царь-девицей. Родив и вырастив детей, она разыскивает царевича; свадьба. (Далее следует другой сюжет). Герой возвращается со службы, идет странствовать. Царевна ищет мужа, казнит неумелых женихов. Он поступает к ней работником, рассказывает сказки, которые тайно слушает царевна (озорного содержания), затем катается с царевной на лодке, покупает за подарки право поглядеть на нее нагую; женится на ней. Ук. (* 884 I) (с добавлением).

57. Поп и работник. Поп нанимает работника, работник сходит с попадьей. Поп хочет его извести, они идут в лес. Работник обманом заставляет его нести тяжесть. Ночью меняется с попом местами, и поп, думая утопить работника, тонет сам. Ук. (*1701, *1006 I). Зап. 1963 г., Ю. Е. Красовской.

58. Ангел на земле (№ 37; ср. № 35 сборника). Ук. 795 A*. Зап. 1963 г., А. С. Тупицыной. Текст интересен тем, что в нем все действие приурочено к жизни реальных лиц — варзужан, родичей рассказчицы.

КУЗОМЕНЬ

Елизавета Ивановна Сидорова, 70 л.

Зап. 1957 г.

59. Как в триста три травы рассыпался (№ 38). Ук. (329).
60. Про стоптанные башмаки (№ 39). Ук. 306.
61. Про земляную орду (№ 40). Ук. (301, 502), 516.
62. Иван-садник (№ 41). Ук. 532.
63. Озерный жук — жених (№ 42). Ук. (440).
64. Молодильные ягоды (№ 43). Ук. 551.
65. Царь Косб Колесб (про гнилу коробку) (№ 44). Ук. 313 В, *313 I.
66. Счастливый день, несчастна ночь (№ 45). Ук. (400 А, 460 В).
67. Девять богатырей — по колен ноги в золоте, по локоть руки в серебре (№ 46). Ук. 707.
68. Безручка (№ 47). Ук. 706.
69. Морской царь (№ 48). Ук. 313 А, 513 В.
70. Агар Агарович (№ 49). Ук. 405.
71. Как сусед суседку по титьке тлянул (№ 50). Ук. (306, *449 В).
72. Сын-аверь (№ 51). Ук. 708.
73. Василиса Прекрасная (№ 52). Ук. (*884 В, 428).
74. Пуля-слина, обйцата шуба (№ 53). Ук. 510 А.
75. Как отец новый дом сработал (№ 54). Ук. 725, 518, 519.
76. Иван — медвежьи уши (№ 55). Ук. 650 А, 301 В.
77. Башня — зайти и не выйти (№ 56). Ук. 313 А, *313 I, 315 А.
78. Иван-царевич и Марфа-царевна (№ 57). Ук. *400 В.
79. Иван-царевич и Марфа-царевна (повторная запись, см. № 57 сборника). Зап. 1961 г.
80. Двенадцать бутылок синих водок, а красных пробок (№ 58). Зап. 1961 г.
81. Одна волосина золота, друга — серебряна, а третья — медна (№ 59). Ук. (425 А, 432), *313 I. Зап. 1961 г.
82. Про разбойников (№ 60). Ук. 955. Зап. 1961 г.
83. Шиш московский, Барма деревенский (№ 61). Ук. 950. Зап. 1957 г.
84. Как с церкви крышу снял (№ 62). Ук. 795 А*. Зап. 1961 г.
85. Как англичанка здешние берега разоряла (историческое предание) (№ 63). Зап. 1957 г.
86. Про епископа Вдония (из «житий»). Юноша становится епископом. Соблазнен женщиной. В деревне живут два священника — радивый и нерадивый. Радивый видит, как небесная сила казнит епископа на пороге церкви. Епископа затем находят мертвым. Нерадивый священник видит во сне, как епископа жарят в огненной реке и туда же хотят отправить и его. Исправляется. Зап. 1961 г.
87. Про Петра I. Петр и солдат сходятся на охоте, ночуют в деревне у священника. У Петра роман с поповной, думает жениться. Солдат женится на кухарке, Петр заботится об их ребенке (конец спутан, позабыт). Зап. 1961 г.

ВАРЗУГА

Еядокия Дмитриевна Конева, 59 л.

Зап. 1957 г.

88. Волк-шадр (№ 64). Ук. *314 I, 315 А.
89. Царь-девица, всем полкам богатырица (№ 65). Ук. 552, 400 А.
90. Купеческая дочь (№ 66). Ук. 883.

91. Подьявола, а полчеловека (№ 67). Ук. 327 В.
92. Разбойники и Олёнушка (№ 68). Ук. 956 В.
93. Про щуку. Конь и мальчик рождаются чудесным образом от съеденной щуки. Мгновенно растут. Герой поступает к царю конюхом, конь помогает ему достать Жар-птицу, волшебного коня, царевну, подвенечное платье, башмаки и карету по заказу царевны, ее перстень из моря (с помощью кита). Герой купается в кипятке, становится красавцем и получает руку царевны (царь погибает в кипятке). Ук. 303, 531.
94. Золотой нос (№ 69). Ук. 363.
95. Лев-попович. Герой-богатырь подбирает спутников, они живут в лесном доме. Герой расправляется с колдуньей из подземного царства, спускается под землю, обманом наливается сильной воды, побеждает колдуна, спасает похищенных девушек. (Запись частично конспективная, текст подзабыт). Ук. 301 В.
96. Поиск мужа. Девушки отданы за чудесных зятьев. Героиня, младшая дочь, хочет посмотреть на мужа, сжигает три волосинки, теряет его. Идет искать (одевает железные лапти и пр.). Он — у бабы-яги. Героиня служит бабе-яге, выполняет трудные задачи (стрижет зверей, идет к людоедке, от которой спасается, бросая чудесные предметы), выкупает право проспать ночь с мужем (трижды), наконец будит его. Счастливый конец. (Запись конспективная). Ук. (552), 425, (*480 Е), *313 I, 432.
97. Курочка и петушок (№ 70). Ук. 20 С, 20 А, 21.
98. Котят-котя (№ 71). Ук. *61 II.
99. Глиняшка (№ 72). Ук. *333 В.
100. Старик жил на горке (№ 73). Ук. *162.
101. Сяду я на горку... (№ 74). Зап. 1961 г.
102. Терем-теремок (№ 75). Ук. *282.
103. Девушка и медведь (№ 76). Ук. 311.
104. Кислая кума и пресная кума (№ 77). Ук. (*161).
105. Потомбалка (№ 78). Ук. *160 I.
106. Краюшка хлеба (№ 79). Ук. (*282).
107. Ворынское царство (№ 80). Ук. *1361 I. Зап. 1961 г.
108. Волк и лиса. У волка избушка хвояная, у лисы — ледяная. Весной лиса просится к волку. Обманув его, что уходит бабить, съедает масло. Спорят; сели к огню, у кого натопится масло? Лиса обманывает волка. Ук. (43), 15. Зап. 1961 г.
109. Бывало-живало... (Сатирическая присказка). Ук. *2020. Зап. 1963 г.
110. Сказка про белого быка. Ук. *2020. Зап. 1963 г.

Александр Александрович Попов, 51 г.

Зап. 1961 г.

111. Еруслан Лазаревич (№ 81). Ук. *650 II.
112. Мать-львица (№ 82). Ук. *931 II.
113. Оксестанная девушка (№ 83). Ук. 883.
114. Солдат Симкин (№ 84). Ук. (1164, 1160).
115. «Пусть так!» (№ 85). Ук. 571.
116. Как мужик серьги у попадьи доставал. Поп в отсутствие мужика обманул его жену. Мужик в отместку сходится с попадьей, якобы для того, чтобы отыскать пропавшие серьги. Ук. 1726**.

Марина Поликарповна Дьячкова, 62 г.

117. Король Дроздобород (№ 86). Ук. 900. Зап. 1961 г.
118. Про царя (№ 87). Ук. (465 А). Зап. 1961 г.
119. Золота головка (№ 88). Ук. 425 А, 432. Зап. 1957 г.
120. Петушок да курочка (№ 89). Ук. *241 I. Зап. 1961 г.

121. Докучная (№ 90). Ук. *2020. Зап. 1961 г.
 122. Про горошину (№ 91). Ук. *1425, 37. Зап. 1961 г.
 123. Какóфья (№ 92). Ук. 1138. Зап. 1961 г.
 124. Петушок и жерновце (№ 93). Ук. 715. Зап. 1961 г.
 125. Докучная (№ 94). Ук. *2020. Зап. 1961 г.
 126. Покрымское масло. Попадья посылает попа за лекарством, сама веселится с любовником. Прохожий прячет попа в солому, просится к попаде ночевать. Дает попу совет (в песне) расправиться с женой. Поп избивает любовников. Ук. *1361 I. Зап. 1961 г.
 127. Медведь и девушка. Три сестры поочередно попадают к медведю. Он их запирает, младшую берет в жены. Она печет пироги, заставляет медведя отнести с пирогами домой сестер, потом ее саму. Ук. 311. Зап. 1961 г.
 128. Потороча. Шуточная прическа (см. № 106 сборника, где полнее). Разночтение: «стоит поп, гороховый лоб, толоконна брюшина, масляна бадья, медова кутья». Зап. 1961 г.
 129. Царевна золотой крыши. Царевич влюбляется по портрету. Слуга помогает ему, едут сватать, обманом увозят царевну на корабле. Слуга слышит разговор трех воронов, по возвращении спасает царевича от смерти (трижды). Объясняет свои поступки, превращается в камень. Его оживляют кровью детей царевича. Ук. 516. Зап. 1961 г.
 130. Царевна золотой крыши (конспект). Ук. 516. Зап. 1957 г.

Сергей Дорофеевич Заборщиков, 54 г.

Зап. 1961 г.

131. Мишка, лёвка, два кобылька и голубь (№ 95). Ук. (313 А, *313 I, 315 А, 300 А).
 132. Железный нос, деревянный хвост (№ 96). Ук. 563, (565).
 133. Пульница-слинница. Сестра-замарашка, брошенная сестрами, помогает встречному старику, моет его, получает от него волшебную ключечку. В роскошных платьях (трижды) приходит в церковь, теряет башмачок. Иван-царевич находит ее и женится. Ук. 510 А.
 134. Кот, лиса и петух. Лиса утащила петуха, кот отбирает его два раза, затем сажает петуха в клетку, чтобы не выглядывал. Ук. *61 II.
 135. Про горошину (№ 97). Ук. *1425.
 136. Колобок (№ 98). Ук. *296.
 137. Пение медведя. Ук. *162. Текст несколько отличен от приведенных в сборнике, вот он:
 «Жили дед да баба, были у них пять овечек, шóстый барашек, сын-каравашек, дочка-щечка, вшивая кобыла. Медведь прознал про это да и пришел:

Стою, стою на горке,
 Стою, стою на новой,
 Пять, пять овечек,
 Шóстый барашек,
 Сын-каравашек,
 Дочка-щечка,
 Вшивая кобыла,
 Бабуку съем!

— Медведушко, не ешь, я овечку даю! (И так всех переел).

А последний раз идет, а бабка — нечего есть — молчит, под корыто в избу затянулась да и лежит. Медведь и в избу входит. А старуха п., корыто раскололось, медведь испугался, убежал, боле с тех пор и не бывал, старуха одна живет».

Мария Федоровна Заборщикова, 53 г.

Зап. 1961 г.

138. Про Яропулку. Ворон уносит царевну. Маленький брат идет ее выручать. В бане убивает ворона, оказавшись сильнее. Завладевает его стадами, возвращается вместе с сестрой. Ук. *312 I.

139. Царевна идет к своим девяти братьям. Яга зовет ее купаться. Собака отговаривает (трижды). Яга бьет собаку, одевает платье царевны, царевне приходится пасти коров. Животные горюют. Девять братьев узнают, убивают ягу. (Сюжет полузабыт. Развивается по схеме карельской версии сказки, см.: Карельские народные сказки. Подг. У. С. Конкка. М.—Л., 1963, № 35). Ук. (533 А).

140. Мать-важенка. Колдунья оборачивает женщину важенькой (оленихой), сходится с мужем женщины. Важенка тайно приходит кормить ребенка, сбрасывая шкуру. Муж узнает, сжигает шкуру. Бабу-ягу судят, убивают, привязывая к лошади. (Рассказ отрывочен, полузабыт). Ук. 405, 409.

141. Ледяная и лубяная хатка. У медведя лубяная избушка, у лисы — ледяная. Весной дом лисы растаял, она пришла к медведю. Лиса съедает масло, притворившись, что ее бабить зовут. Спор. Садятся к огню, чтобы узнать, из кого натеет масло. Лиса меняет плошки, убеждая медведя, что масло натекло из него. Ук. (43), 15.

142. Мышка-норушка (№ 99). Ук. (*282), 20 А, 21.

Ольга Николаевна Приданникова, 52 г.

Зап. 1961 г.

143. Чудесный горшочек — сам варит кашу. Горшком владеет старуха, тайно от старика. Старик в ее отсутствие начинает варить кашу, не умеет остановить. До прихода старухи налилась полная изба. Ук. (565).

144. Отрывок стихотворной сказки про любопытного дурака Колю (упал со стула, неловко удит рыбу, искусан псом и т. д.).

145. Присказка (№ 100). Ук. *2015 I.

146. Лиса и журавль (№ 101). Ук. 60.

147. Котя-котя (№ 102). Ук. *61 II.

148. Лиса и волк (№ 103). Ук. (43), 15.

149. Три присказки (шуточные).

150. Как попу горло перегрыз (№ 104).

Аксинья Ивановна Попова, 65 л.

Зап. 1961 г.

151. Медведь и девушка. Сестры поочередно попадают к медведю. Он их запирает, младшую берет в жены. Она печет пироги и отправляет домой сестер в корзине с пирогами, а потом и себя. Ук. 311.

152. Испуг зверей. Курочке попала капля в лоб, она принимает ее за пулю — думает, что немцы на Русь наехали. Бегут с петухом, звери присоединяются к ним. Все сели в яму. Поедают друг друга, начиная с меньшего. Остались лиса и медведь. Лиса обманывает медведя, съедает его, убегает. Ук. 20 С, 20 А, 21.

153. Алешка и ягишня (№ 105). Ук. 327 С.

154. Потороча (№ 106).

Анна Васильевна Мошникова, 43 г.

Зап. 1961 г.

155. Ворынское царство (отрывок). Ук. *13611. В сказке у попа есть сын (маленький), который говорит любовнику попадьи: «Давеча глаза так и ножом, ножом, а теперь дак глаза и запомигивали!».

156. Марфа-царевна (№ 107). Ук. 313 С, 465.

Еляконида Иоакимовна Мошникова, 39 л.

Зап. 1961 г.

157. Кораблик мыши. Мышка-норушка делает кораблик из корки хлеба, к ней последовательно подсаживаются ящурка, горностай, заяц, песец, лисица, волк. Медведь опрокидывает лодку. Все поплыли на берег. Захотели есть. Едят того, «кто поменьше». Лиса перехитрила медведя («ем свои кишочки»), заставив его покалечиться, убегает. Ук. (*282), 20 А, 21.

158. Про лешего (три былички) (№ 108).

159. У церковного замка (№ 109).

160. Немецкая падь (предание приводится в предисловии, стр. 8).

161. Непонятливый молодой. Молодожену обиняками объясняют, как себя вести. Он понимает все буквально, лезет на полку, ищет в коробе с шерстью, падает, разбивается. На вопросы (окольные) сквозь дверь опять же отвечает буквально, получается смешная путаница.

Клавдия Капитоновна Заборщикова, 49 л.

162. Рассказ о гаданье (№ 110). Зап. 1961 г.

Федора Николаевна Коворина, 64 г.

163. Про Марью Кицкую (приводится в предисловии, стр. 20—21). Зап. 1961 г.

Арсений Дмитриевич Заборщиков, 49 л.

164. Как «пугает» (два рассказа) (№ 111). Зап. 1961 г.

Ч А В А Н Ъ Г А

Ефим Григорьевич Клецов, 64 г.

Зап. 1961 г.

165. Непутевый сын. Отец отправляет сына в Ленинград учиться. Тот кутит, выманивает у отца деньги, грабит самого отца, приехавшего в город. Потом исправляется, служит у купца, женится на его дочери, перевозит к себе отца и мать. (Конец полузабыт). (Рассказ новеллистического характера). Ук. (935).

166. Как мужик отделился (№ 112). Ук. (1739).

167. Железный человек и черт. Солдат бьет черта с помощью изготовленного железного человека (механической куклы). (Сюжет не окончен). Ук. 1061, 1162, (330 В).

168. Лиха-баба (№ 113). Ук. 1164.

Марья Андреевна Семеняхина, 71 г.

Зап. 1961 г.

169. Лиса и медведь (№ 114). Ук. (43), 15.

170. Колобок (№ 115). Ук. *296.

171. Девушка и медведь. Девушка (одна) попадает к медведю. Печет пироги, сама села в корзинку, закрылась пирогами, медведь снес ее домой. Ук. 311.

Михаил Михайлович Кожин, 55 лет.

Зап. 1961 г.

172. Оборотень (№ 116).

173. Как «пугает» (три былички) (№ 117).

174. Гуак, или Царевна Амазонская. Гуак убивает чудовище. Побеждает царевну-полянницу на турнире, едет ее искать, освобождает колдуна, спасает царевну от дракона. Свадьба. Царевна похищена чудовищем, Гуак вновь ищет ее, находит, побеждает дракона. Счастливый конец. (Авантюрно-новеллистическая лубочная повесть).

Иринья Андреевна Кожина, 73 г.

Зап. 1961 г.

175. В гостях у бесов (№ 118).

176. Унесенная девушка (№ 119).

177. Обещанный ребенок (№ 120).

178. Бес на лодке (№ 121).

179. «Развяжу ли я!» (№ 122).

180. Как «водит» (былички) (№ 123).

181. Кармакулиха (№ 124).

182. Встреча с нечистым (№ 125).

183. Равные случаи (№ 126).

184. «Прохожий» (№ 127).

ТЕТРИНО

Анна Марковна Клещова, 74 г.

Зап. 1961 г.

185. Про Алешку-кутешку. Алешка ездит по озеру. Дочери бабы-яги — Одноглазка, Двуглазка и Троеглазка — по очереди подманивают его. Он обманывает (усыпляет) первых двух; третья же ловит Алешку. Он обманом сжигает в печи вместо себя бабу-ягу и ее дочерей. Спасается. Ук. 327 С.

186. Шла баба путем... (№ 128). Ук. (170, 158).

187. Про белого быка (№ 129). Ук. *2020.

188. У волка избушка хвойная, у лисы — ледяная. Дом лисы растаял. Лиса попросилась к волку. Притворяется, что зовут бабиту, съела масло. Убежала, легла на дорогу. Мужик ехал, принял лису за мертвую. Она скинула рыбу с воза; обманула волка, что наловила хвостом. Волк приморозил хвост, мужики убили волка. Ук. 15, 1, 2.

СТРЕЛЬНА

Авдотья Петровна Стрелкова, 63 г.

Зап. 1962 г.

189. Золушка. Три царевны, оставшись сиротами, уходят на заработки. Младшая нанимается к царевичу пасти кур. Он (трижды) грубо отвечает ей. Переодевшись, она приходит в церковь (трижды), теряет ботинок. Моряют. Царевич распарывает ее худое платье, видит дорогое — узнает. Женится на ней. Баба-яга завидует, мажет потолок в бане волшебной смолой, царевна умирает. Ук. 510 А, (510 В).

190. Мачеха и падчерица (№ 130). Ук. 511.

191. Девушка свою судьбу ищет (№ 131). Ук. (425 А, 432).

192. Вошья шкура (№ 132). Ук. 621.

193. «Как соль» (№ 133). Ук. 923.

194. Беаручка (№ 134). Ук. 706.

195. Отсуленные дети (№ 135). Ук. 313 А, *314 I, 315 А.

196. Пестреюшко (№ 136). Ук. 708.

197. Золота тетерка (№ 137). Ук. (1415).

198. Семь Фалилеев (№ 138). Ук. 1289, 1225, 1681.

199. Слепая невеста. Подслеповатая невеста на смотринах «замечает» иглу у порога (положенную заранее), но, целуясь с женихом, обнаруживает свою слепоту. Жених едет за другой. Новая молодая портит квас, убивает свекра со свекровью. Он отвозит ее домой. Ук. 1456, (1450).

200. Глупый сын (№ 139). Ук. *1681 I, 1685 А, 1643, 1600 А.

201. Старуха-ворожея. (№ 140). Ук. 1641.

202. Суженая от нечистого (№ 141). Ук. (*813 А).

ЧАПАМА

Александра Васильевна Стрелкова, 72 г.

Зап. 1962 г.

203. Лиса и волк (№ 142). Ук. 1, 2.

204. Заваруишко (№ 143). Ук. 56 А.

Калисвенция Евдокимовна Чеченина, 54 г.

Зап. 1964 г., Т. И. Орнатской

205. Золушка. Девушка-сирота отправляется в дорогу. Получает от старушек (в избушках на курьих ножках) чудесные дары: ремешок и платочек, оборачивающиеся горами и огненной рекой. С их помощью спасается от бабы-яги. Поступает в работницы к царевичу, который бросает в нее разными предметами. Умывшись и одевшись, трижды приходит в церковь, теряет башмачок. Царевич ищет ее. Царица-мать узнает девушку-красавицу в работнице. Свадьба. (Запись местами конспективная). Ук. *313 I, 510 В.

ПЯЛИЦА

Все записи из Пялицы 1962 г.

Демид Егорович Кузнецов, 77 л.

206. Варсуга. Шесть глупых братьев спорят, была ли голова у одного из них? Родители выгоняют дураков, оставляя самого «умного». Хотят его женить. Он в лесу теряет лошадь, кидает топором в утку, теряет платье, у дома

невесты попадает в бочку смолы, в доме — в короб с перьями. Отец отказывается его женить: «Ты, Варсуга, глупой!». Ук. 1681, 1383.

207. Бог подает сторицей. Поп отбирает у мужика корову, корова приводит поповых коров к мужику. Мужик не отдает, ссылаясь на обещание попа: «бог в семь раз дает». Ук. 1735.

208. Лисица-исповедница. Лиса идет воровать, петух криком предупреждает о ней. Лиса хватается петуха, он заговаривает ее и вырывается. Ук. *611.

209. Про-Ивана. У старика три сына. Предлагает детям задачу: на что годится лес? Младший сын, Иван, отвечает, что только на палку — отца убить. Отец убегает. Иван крадет у пастухов быка. Затем по заданию царя крадет у него самого жеребца и царицу. Затем Иван находит товарища (царского сына), попадает в дом к разбойникам, поодиночке убивает их и освобождает царевну, сестру дорожного товарища. Царь награждает Ивана и женит его на спасенной царевне. На свадьбе Иван подшучивает над братьями. Ук. (935, 951).

210. Сивка-бурка (№ 144). Ук. 530 А.

214. Еврюха-стукольник (№ 145). Ук. (707, 301 В, *400 В, 302).

212. Про Омельку-царя (№ 146). Ук. (675).

213. Бывальщины местные: как не умели завести часы, поставить самовар.

214. Тарас — много знает, а ничего не скажет (№ 147). Ук. 725, (518), (306, *946, *891) (очень отдаленно, по существу новый сюжет).

215. Рыбак Клыга. Герой обманывает попа якобы богатым уловом семги, получает лошадей, затем у попадьи выманивает деньги, ссылаясь на поручение попа, уезжает. Ук. (1525).

216. Кто глупее (№ 148). Ук. 1384, 1540, *1541 I.

217. Покойница-воровка. Два брата — богатый Иван и бедный Гаврило. Гаврило живет в бане, с голоду ворует коров у брата. Мать решила подглядеть, кто ворует коров, забирается в ящик, который уносят к Гаврилу. Гаврило залил ящик кипятком, убил старуху, потом несколько раз поднимает тело покойницы, ставит у амбара с мукой, у ящика с деньгами (якобы старуха все это крадет), наконец привязывает ее на спину поповой лошади; та уносит старуху. Ук. 1536.

218. На тот свет за дождем (№ 149).

219. Про лопина. Местный анекдот.

220. Прокурор и Петрушка. Отрывок сатирического диалога.

Федора Степановна Низовцева, 62 г.

221. Пение медведя. Медведь песней выманивает у старика скотину, сына-каравашка, потом старуху. Под конец съедает старика. Ук. *612.

222. Три слова (№ 150). Ук. 910 В, 677.

223. Улита (№ 151). Ук. (1450).

224. Жена-непряха (№ 152). Ук. (*1370 I).

225. Лиса-исповедница (№ 153). Ук. *611.

Петр Аксенович Кузнецов, 70 л.

226. Жар-птица (№ 154). Ук. 550.

227. Козелок (№ 155). Ук. 450.

Афанасия Ивановна Тетерина, 72 г.

(переселенка из Вологодской обл.)

228. Глупый муж. Ленивая жена совсем обносила. Заняли одежду, пошли в гости к ее матери. Муж пошел берегом, бьет уток ружьем, кидая его в реку, раздевается, теряет одежду. Пошел, голый забрался на сарай,

упал в смолу, вывалялся в перьях. Отмыли его, поручили пива надежды; он кинул затычкой в собаку, заткнул бочку своей «бедой», понес бочку, упал, облился. «Плохо женился, все в беспокойстве был!». Ук. (1681, 1387).

229. Покойница-воровка. Бедный брат ворует у богатых братьев муку, скот, каждый раз подкладывая труп матери, якобы ворует она. Братья пытаются извести его, он бежит. На ночлеге застаёт барыню с любовниками, получает от них выкуп, а от хозяина плату за изгнание «чертей». Вновь обманывает братьев (кожей торговал); его хотят топить, но он вместо себя сажает в мешок барина, забирает его коней, говоря братьям, что коней достал в реке; топят братьев. Ук. 1536, *1360 I, 1535 A.

Ольга Ивановна Самохвалова, 67 л.

230. Аленький цветочек (№ 156). Ук. 425 C.

Паша Кузнецов, 13 л.

231. Семеро братьев и черт. Семь братьев встречают черта, он посылает их с запиской домой, чтобы их схватили. Младший переписывает записку, они получают лошадей, уезжают. Черт гонится. Младший отстал. Кобылица обращает его в пастуха, себя — в стадо овец, черт их не узнает. Братья возвращаются домой. Ук. (313).

232. Звери у корыта (№ 157).

Василий Аксенович Кузнецов, 77 л.

233. Поп и работник. Отставной солдат нанимается к попу в работники. Уговор — не материться. Работник делает зазорные предложения поповнам, попадье, которые соглашаются, потом попу. Поп матерится и проигрывает уговор.

234. Поп и работник. Поп ищет скромного работника. Работник притворяется, что ничего не знает. На вопрос об имени всем членам семьи по отдельности говорит матерные слова и, заставив их назвать себя по имени в церкви, позорит попа. Ук. (*1701).

235. Поблажилось (№ 158).

236. На промысле (№ 159).

237. Как «пугало» (№ 160).

238. Болезнь (№ 161).

Анастасия Кузьмовна Устинова, 63 г.

239. Избушка лубяная и ледяная. Избушка лисы растаяла, она просится к медведю. Съела у него масло. Спорят, кто съел? Садятся к огню, чтобы выяснить, из кого натечет масло. Лиса обманывает медведя, переставив посуду. Медведь думает, что съел сам. Ук. (43), 15.

Ольга Никифоровна Кузнецова, 48 л.

240. Кот, петух и лиса. Лиса утащила петуха, кот дважды отбирал его. На третий раз съел детей лисы, поборол лису, отобрал петуха. Ук. *61 II.

Тимофей Васильевич Кузнецов, 61 г.

241. Как «пугало» (былички).

242. Тонули (быль).

243. Мачеха и падчерица. Падчерицу отвозят в лес. Мышка спасает ее от чудовища, оборачивая булавочкой (три дня подряд). Девушка возвращается в золоте и серебре. Мачеха отправляет свою дочь, та обижает мышку, съедена чудовищем. Ук. *480 В, *480 С.

244. Покойница-воровка. Бедняк обворовывает богатого брата. Старуха-приживалка подглядывает из ящика. Он заливает ее кипятком, использует труп, чтобы украсть муку, деньги (запись конспективная). Ук. 1536.

245. Пение медведя. Медведь пением выманивает у старухи овец. Под конец съедает ее и сына-каравашка. Ук. *162.

246. Кот, петух и лиса. Лиса утащила петуха, кот отобрал его, на третий раз удавил лисицыных детей, отнял петуха и принес домой. Ук. *61 II.

247. Медведь и девушка. Сестры поочередно попадают к медведю, он их запирает, младшую берет в жены. Она печет пироги и заставляет медведя вместе с пирогами снести домой сперва сестер, потом и себя. Ук. 311.

248. Мудрая девушка. Задает жениху трудные вопросы (к чему вязать лошадь, что всего жирнее). После свадьбы помогает разрешить запутанное судебное дело. (Запись конспективная). Ук. 875, 921.

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

Указатель сделан по системе Аарне—Андреева. После номера и названия сюжета по указателю приведены номера соответствующих сказок из описи коллекции. В скобках даются номера сказок, вошедших в настоящий сборник.

1. Лиса крадет рыбу с воза — 188, 203 (№ 142).
2. Волк у проруби — 188, 203 (№ 142).
15. Лиса-повитуха — 108, 141, 148 (№ 103), 169 (№ 114), 188, 239.
- 20 А. Звери попадают в яму — 97 (№ 70), 142 (№ 99), 152, 157.
- 20 С. Звери бегут от «войны» — 97 (№ 70), 152.
21. Пожирание собственных внутренностей — 97 (№ 70), 142 (№ 99), 152, 157.
37. Лиса-плачя — 122 (№ 92).
43. Ледяная и лубяная хатка — 108, 141, 148 (№ 103), 169 (№ 114), 239.
- 56 А. Лиса и дрозд — 204 (№ 143).
60. Лиса и журавль — 146 (№ 101).
- *61 I. Лиса-исповедница — 208, 225 (№ 153).
- *61 II. Кот, петух и лиса — 39 (№ 26), 98 (№ 71), 134, 147 (№ 102), 240, 246.
158. Звери в санях у лисы (старухи) — 186 (№ 128).
- *160 I. Медведь и старуха — 105 (№ 78).
- *161. Медведь — липовая нога — 104 (№ 77).
- *162. Пение волка (медведя) — 100 (№ 73), 137, 221, 245.
170. За скалочку — гусочку — 186 (№ 128).
- *241 I. Смерть петушка — 14 (№ 9), 120 (№ 89).
- *282. Теремок — 102 (№ 75), 106 (№ 79), 142 (№ 99), 157.
- *296. Колобок — 136 (№ 98), 170 (№ 115).
- 300 А. Победитель змея — 32, 40 (№ 27), 131 (№ 95).
301. Три царства: золотое, серебряное и медное — 61 (№ 40).
- 301 А. Три царства: золотое, серебряное и медное (герой в подземном царстве, оставлен братьями, спасается) — 1.
- 301 В. Три царства: золотое, серебряное и медное (начало: силач и его спутники) — 76 (№ 55), 95, 211 (№ 145).
- *301 С. Три царства: золотое, серебряное и медное (солдат побеждает змея, спасает царевен и пр.) — 10 (№ 5).
302. Кашеява смерть в яйце — 211 (№ 145).
303. Два брата — 46 (№ 32), 93.
306. Ночные пляски — 60 (№ 39), 71 (№ 50), 214 (№ 147).
311. Медведь и три сестры — 103 (№ 76), 127, 151, 171, 247.
- *312 I. Брат спасает от ворона сестру и братьев — 12 (№ 7), 138.
313. Чудесное бегство — 34 (№ 21, отдаленно), 231.
- 313 А. Юноша обещан морскому царю — 69 (№ 48), 77 (№ 56), 131 (№ 95), 195 (№ 135).
- 313 В. Чудесное бегство (начало: получение чудесной коробки, которую нельзя открывать в пути) — 65 (№ 44).
- 313 С. Чудесное бегство (в конце юноша забывает девушку, напоминающие, соединяются) — 156 (№ 107).
- *313 I. Бегство с помощью бросания чудесных предметов — 47 (№ 33), 65 (№ 44), 77 (№ 56), 81 (№ 59), 96, 131 (№ 95), 205.
- *314 I. Бычок-спаситель — 88 (№ 64), 195 (№ 135).
- 315 А. Звериное молоко — 77 (№ 56), 88 (№ 64), 131 (№ 95), 195 (№ 135).
- 327 В. Мальчик-с-пальчик у великана — 91 (№ 67).
- 327 С. Ивашка и ведьма (Алешка и ведьма) — 153 (№ 105), 185.
329. Елена Премудрая — 59 (№ 38, отдаленно, без героини).
- 330 В. Черт в ранце — 167.
- *333 В. Глиняшка — 99 (№ 72).
363. Жених-упырь — 94 (№ 69).

400. Муж ищет похищенную (исчезнувшую) жену — 37 (№ 24).
 400 А. Муж ищет похищенную жену — 66 (№ 45), 89 (№ 65).
 *400 В. Царь-девица — 78 (№ 57), 211 (№ 145).
 403 А. Подмененная невеста — 35 (№ 22).
 405. Иоринда и Иорингель — 8 (№ 3), 70 (№ 49), 140.
 409. Мать-рысь (здесь: олениха, важенка) — 140.
 *410 I. Окаменелое царство — 8 (№ 3).
 425. Амур и Психея — 96.
 425 А. Амур и Психея — 81 (№ 59), 119 (№ 88), 191 (№ 131).
 425 С. Аленький цветочек — 230 (№ 156).
 428. Царевич-волк — 73 (№ 52).
 432. Финист — ясный сокол — 6 (№ 1), 81 (№ 59), 96, 119 (№ 88), 191 (№ 131).
 440. Царевич-лягушка — 63 (№ 42, отдаленно, герой — жук).
 *449 В. Жена-колдунья — 71 (№ 50).
 450. Братец и сестрица — 227 (№ 155).
 460 В. Путешествие к судьбе — 66 (№ 45).
 465. Красавица жена — 156 (№ 107).
 465 А. Пойти туда, не знаю куда — 11 (№ 6), 118 (№ 87).
 *480 В. Падчерицу везут в лес, мышка помогает спрятаться — 243.
 *480 С. Падчерица в лесу, мышка помогает спрятаться — 42 (№ 29), 243.
 *480 Е. Мачеха и падчерица (девушка ласково обходится с предметами и животными бабы-яги, они помогают ей бежать) — 96.
 502. Медный лоб — 11 (№ 6), 61 (№ 40).
 510 А. Золушка — 38 (№ 25), 74 (№ 53), 133, 189.
 510 В. Свиной чехол — 9 (№ 4), 189, 205.
 511. Одноглазка, Двухглазка, Трехглазка — 190 (№ 130).
 513 В. Летучий корабль — 69 (№ 48).
 516. Верный слуга — 61 (№ 40), 129.
 518. Обманутые лешие — 32, 75 (№ 54), 214 (№ 147).
 519. Слепой и безногий — 32, 75 (№ 54).
 530 А. Сивка-бурка — 210 (№ 144).
 531. Конек-горбунок — 93.
 532. Незнайка — 62 (№ 41).
 533 А. Говорящая лошадиная голова (здесь: собака) — 139.
 550. Иван-царевич и серый волк — 226 (№ 154).
 551. Молодильные яблоки — 40 (№ 27), 64 (№ 43).
 552. Животные-зятья — 6 (№ 1), 37 (№ 24), 89 (№ 65), 96.
 554. Благодарные животные — 40 (№ 27).
 563. Чудесные дары — 132 (№ 97).
 565. Чудесная мельница — 132 (№ 96), 143.
 571. Диво-дивное, чудо-чудное — 115 (№ 85).
 621. Шкура вши — 47 (№ 33), 192 (№ 132).
 650 А. Иван — медвежьи уши — 76 (№ 55).
 *650 II. Еруслан Лазаревич — 111 (№ 81).
 675. По щучьему веленью — 212 (№ 146).
 677. Герой в подводном царстве — 2, 222 (№ 150).
 706. Безручка — 68 (№ 47), 194 (№ 134).
 707. Чудесные дети — 67 (№ 46), 211 (№ 145).
 708. Царевич-чудовище — 72 (№ 51), 196 (№ 136).
 715. Петух и жерновце — 124 (№ 93).
 725. Нерассказанный сон — 32, 75 (№ 54), 214 (№ 147).
 795 А*. Ангел на земле — 53 (№ 35), 58 (№ 37), 84 (№ 62).
 *813 А. Проклятая дочь — 25 (№ 16), 28 (№ 18), 202 (№ 141).
 *813 С. Проклятая дочь (дополнительно к указателю; проклятая выходит за подпольника) — 18 (№ 11), 26.
 *813 Д. Проклятый сын (дополнительно к указателю) — 22 (№ 13).
 875. Семилетка — 5, 248.
 883. Окалеветанная девушка — 90 (№ 66), 113 (№ 83).

- *884 В. Василиса Прекрасная — 73 (№ 52).
 *884 I. Покинутая жена — 56 (с добавлением другого сюжета).
 * 891. Муж возвращается на свадьбу своей жены — 214 (№ 147).
 900. Гордая невеста — 117 (№ 87).
 910 В. Три слова — 222 (№ 150).
 915. Мудрые советы — 44.
 921. Умные ответы — 4, 5, 248.
 923. «Как соль» — 193 (№ 133).
 931. Кровосмеситель — 3.
 *931 II. Евстафий Плакида (о львице) — 46 (№ 32, отдаленно),
 112 (№ 82).
 *934. Предназначенная жена — 7 (№ 2).
 935. Счастье на чужбине — 165 (отдаленно), 209.
 *936. Золотая гора — 41 (№ 28).
 *946. Бадак Борисевич — 214 (№ 147, отдаленно).
 950. Дядя и племянник (сокровищица Рампсиита) — 83 (№ 61).
 951. Царь и вор — 209.
 955. Жених-разбойник — 15, 20, 31, 48, 82 (№ 60).
 956 В. Девушка и разбойники — 15, 20, 31, 48, 92 (№ 68).
 *1006 I. Зарезь овцу, которая на тебя посмотрит — 50 (№ 34), 57.
 1061. Кто раскусит орехи (железные) — 167.
 1138. Какофей — 123 (№ 92).
 1160. Черт в замке с привидениями — 114 (№ 84).
 1162. Железный человек и черт — 49, 167.
 1164. Элая жена в яме — 114 (№ 84), 168 (№ 113).
 1225. Пошехонец без головы — 198 (№ 138).
 1289. Каждый хочет спать в середине — 198 (№ 138).
 *1360 I. Любовник в виде черта — 229.
 *1361 I. Гость Терентий — 55, 107 (№ 80), 126, 155.
 *1370 I. Ленивая жена — 224 (№ 152).
 1383. Жених вымаван в дегтю, осыпан перьями и пр. — 206.
 1384. Муж ищет людей глупее жены — 216 (№ 148).
 1387. Жених идет в погреб за пивом — 228.
 1415. Мена — 197 (№ 137).
 *1425. Глупая старуха — 122 (№ 91), 135 (№ 97).
 1450. Глупая невеста — 199, 223 (№ 151).
 1456. Слепая невеста — 199.
 1525. Ловкий вор — 215.
 1535 А. Дорогая кожа — 229.
 1536. Покойница-воровка — 16, 217, 229, 244.
 1540. С того света выходец — 216 (№ 148).
 *1541 I. Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости — 216 (№ 148).
 1600 А. Дурак-убийца — 200 (№ 139).
 1641. Энахарь — 201 (№ 140).
 1643. Дурак и берега — 200 (№ 139).
 1651*. Соль — 36 (№ 23).
 1681. Неудачи — 198 (№ 138), 206, 228.
 *1681 I. Дурак делает покупки — 200 (№ 139).
 1685 А. Дурак домовничает — 200 (№ 139).
 *1701. «Я. Никого, Караул» (поп. и работник) — 57, 234.
 1726**. Как мужик серьги у попадьи доставал — 116.
 *1734. Смех и слезы — 52.
 1735. Кто отдаст последнее, получит десятицею — 43 (№ 30), 207.
 1739. Как мужик телился — 166 (№ 112).
 *1920 D. Три брата идут в старику у костра за огнем (небылица) —
 45 (№ 31).
 *2015 I. Кумулятивные сказки — 145 (№ 100).
 *2020. Докучные сказки — 109, 110, 121 (№ 90), 125 (№ 94),
 187 (№ 129).

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- бабить — принимать роды.
баенны — домовые, банная нечисть («баенны, овиинны, морски, озерски» — различные виды нечисти).
баня. —
байна — вор (одно из значений).
барма («барма деревенский») —
баски — бабки, игра в бабки. «Баски — от оленей, от коней: бабурь, шлѣхи, конинники» (объяснение сказочника А. А. Попова из Варзуги). Бабки (также и все перечисленные названия) — надкопытные кости ног скота, их ставят и бьют биткой.
бывает.
бат — рассказчик, говорун (от «баять» — говорить).
бахарь (кот-бахарь) —
бачка — батюшка (поп).
баять, баёт — говорить, говорит.
бердо — часть ткацкого стана, род гребня. Может быть ручное бердо — дощечка с прорезанными параллельными щелями для нитей.
беседа — традиционное собрание молодежи с песнями, танцами (то же, что посиделки).
бешки. —
бобьшки — лешие, лесная нечисть.
боровье — удалец, молодец (от слова «бравый»).
бравец —
браморный. —
варака — лесная чащоба, лесной остров (одно из значений) («в той же вараке дров заготовить»).
вера — охота («вера посмотреть»).
вередить — вредить.
вешала — шесты, на которые развешивают сети для просушки.
вица — хворостина, прут, хлыст.
вблок — переволок, перешеек между двух рек; мыс, выдающийся в море, покрытый лесом.
волховье — водяные, водяная нечисть.
вльно платье — мирское платье (в отличие от монашеского).
воронѣц — доска под потолком от печки к стене, на которую кладут посуду, припасы. Также балка, поддерживающая потолок. Терчане путают воронѣц с матицей, называя матицу воронцом и наоборот.
воронѣк — вороная лошадь («Сивка-бурка, вечный воронѣк»).
ворынское царство — шуточн., или от слова «воровать», или от др. рус. слова «вороп» — набег, нападение, грабёж.
встрѣту — навстречу.
выдаваться, —
выдаться — наниматься, поступать, податься, наняться.
выздеть, вызнал — поднять, поднял.
выкопать глаза — вырвать глаза.
выпряжка — по объяснению рассказчицы: «кольцо после пряжки». —
выставать, —
выстать — подняться.
вытянуться — вылезти.

вышка
гáлиться
гнила
горноста́ль
граба́стит

грядка («титки
через грядку веснут»)
дава́ться

(давался, давайтце)
держáть пла́тье
доли́ть
домека́ться
досади́ться
его́вый
епанча́
ерма́нка
жара́тка

жа́ркая ленточка
живо́т
забе́дно
забренче́ть
заводи́ть
за́дняя, за́дня

замя́ться
запа́хивать
запе́чек, запе́чек,
запе́чок
запоезжа́ть
запроща́ть
засвети́ть
затяну́ться
(затянулась, затенулась)

зашишева́ть
зды́нуть
има́ть
кама́ш, кама́ши
ка́менка, ка́менца
ка́рбас

кати́ть
кере́жа
ки́бас, кибаса́
кй́са
клеск
клоцкí
кожу́шки, ко́жу хи
ко́кряка́
(«запели кокряка́»)

ко́лько, ко́лькой
колыба́тьце
ко́мель

— светелка в избе.
— издеваться, смеяться.
— глина, грязь.
— горноста́й.
— гребет, захватывает («уголье в жаратке граба-
стит»).

— 1) полицá, полка вровень с полатями у печки;
2) воронеж; 3) всякий поперечный шест.
— поступать, наниматься, проситься к кому-либо.

— носить, изнашивать платье.
— одолевать.
— догадываться.
— разбиться, пораниться, изувечиться.
— его.
— широкий безрукавный плащ.
— германка, немка.
— ямка на шестке русской печи, куда выгребают
жар («носом в жаратке ворочает»).

— яркая, красно-оранжевая ленточка.
— жизнь, добро, богатство.
— обидно.
— забренчать, загреметь.
— начинать, затевать.
— задняя изба (изба делится на две половины, раз-
деленные сенями; во второй, холодной поло-
вине живут летом и хранят продукты и вещи).
— запутаться («замаялся на полатях»).

— замечать.
— узкое пространство между русской печкой и
стеной.
— отъезжать, отправляться.
— заизвиняться.
— зажечь, поджечь.
— залезать, забираться.

— заворовать, заразбойничать.
— поднять.
— хватать, ловить, брать.
— ботинок, ботинки.
— печь из камней в бане.
— широкая лодка с полукруглыми носом и кормой
для устойчивости на морских волнах.
— нагружать, насыпать («стали соль катить»).

— санки, обычно из целого куска дерева.
— снасть для ловли семги (плели из бересты).
— кошелек.
— рыба́я чешуя.
— кочки (на болоте).
— одежда, верхний покров, оболочка.

— насмешливая песенка-дразнилка в детской игре,
которую поют проигравшему. По другому ва-
рианту поют: «забили как рака». Возможно,
«кокряк» — производное от слова «ко́кора» —
кривое, суковатое дерево.
— сколько, который.
— колыхаться, качаться.
— основание ствола, вообще основание, рукоять
(«у венника в ко́млю»).

- к^она́ться, к^она́ться — проситься.
к^опа^ру^ля — в старину на тонях доска с двумя ножками с одной стороны, предназначенная для спанья. Другим концом копаруля вставлялась в специальный вырез на лавке, идущей вдоль стены. Днем копаруля убиралась, чтобы не занимать места. В переносном значении — нечто кривое.
- к^ора^бь — корабль, устойчивое северное произношение (но: корабли).
к^орга — каменистая отмель.
к^оре^нь земли — основание земли, внутренняя часть, под землей.
к^оро^вашек (каравашек) — гриб-боровик (?). «Сын-коровашек» — видимо, образное уподобление.
к^оси^цы — виски.
к^осте^р, к^осте^рок — поленища, кладка дров.
к^осте^ё — кость, кости, костяк.
к^ра^сный угол — правый угол избы, напротив входа, где висят иконы; почетный угол.
- к^ро^сна — ткацкий стан (обычно с основой).
к^уйпога — низшая точка отлива (по-карельски «сухое дно».)
ку^мить (покумить) — посудачить, подумать.
ку^мка, ку^мка-невидимка — шапка; возможно, круглая шапка.
ку^нашок — комар.
ку^ропти — белые куропатки.
ку^рья — протока.
ку^тья — обрядовая каша с изюмом; шуточное прозвище церковников.
- ла^тырь — камень-алатырь, или бел-горюч камень. Значение неясно; по-видимому, первоначально связано с дохристианскими воззрениями на загробный мир (камень у входа в загробное царство?).
- ле^сйна — дерево.
ле^тось — прошедшим летом.
ли^кова́ться — целоваться, миловаться.
лу^да — каменная мель.
лу^чок — загиб, согнутый прут.
лю^ба, лю^бой — любимая, любимый.
ма^теру^щи поля — большие, тучные, природные поля (нетронутая почва).
- ма^тица — 1) центральная балка, держащая кровлю; 2) средняя балка из поддерживающих потолок (у терчан — воронец, поперечная потолочная балка в избе).
ма^чка — матушка (попадья)
ме^сто, ме^ста — постель, постели.
ми^р (крестьянский) — общество, односельчане, жители одного села.
мо^ст — всякий помост, мостки, пол, мост («мосты калиновы»).
- мо^х, мхи — болото, болота.
на^билки — часть ткацкого стана, куда вставляется бердо.
на^же^ч, на^жига^ть — нахлестать, набить (коня).
на^жива^ть — доставать, приобретать.
на^ка^пки — 1) длинные рукавицы; 2) летняя одежда с длинными рукавами, летник; 3) то же, что отнимки (см.).
- на^но^си^ться — клеветать, доносить, сплетничать.
на^па^тыш^ком — лёжа.

на рукавники

нать

невознавидеть

нежалимый

незавидеть

неочесливый

ни в губах кровь

новбй

ногушкбм

нужный, нужны

оболбчина

оборудйтся

обраббц

обрадбть

обратбсь

обрбз

оббсбть

оббслить

обсушйт

овернйтся

овбт

овбтнй

оградйт рукой

одбньб

ожерблье

окомблыши

окрутит

опбцалнт

опйцка

опалът

опбйча

опружит,

опружится

опустйт шкуру

орда («земляная орда»)

осблка

осбтоваться

остойтсь

отвбнны города

отнимать

отнймки

очбсливый

очудйтся,

очудйлсь

очунйтся,

очунйлсь

пасть

пахать

пбкло

— вставные рукава сарафана (полный старинный костюм — сарафан с рубахой — составлялся из отдельных частей; часто дарили матерью на какую-то часть костюма).

— надо.

— возненавидеть.

— нежалостливый, жестокий.

— невзлюбить.

— невежливый.

— побледнеть до того, что даже губы побелели.

— другой.

— нагишом.

— бедный, бедны.

— верхняя одежда.

— снарядиться, собраться.

— молодец.

— обрадоваться.

— собраться, приготовиться.

— 1) кадка; 2) половина обрезанной поперек бочки.

— погрузиться, тонуть, утонуть.

— обессилеть.

— высушить.

— обернуться кем-либо.

— обет.

— обетный.

— благословить, сделать магический знак рукою.

— остатки, гуца на дне («на одбни жаренный» — на остатках от перетопленного масла).

— шея, верхняя часть груди.

— обрубки рук.

— снарядить.

— обеспечить («старица опецалили»).

— опечек, шесток («нос на опйцки»).

— задрожать, растеряться («опалыл и заизви- нялся»).

— опойка, кожа («опойцата шуба» — вытертая до кожи).

— перевернуть, перевернуться.

— спустить, снять, содрать шкуру.

— страна, государство, царство.

— оселок, точильный камень.

— осесть, остановиться.

— остановиться, задержаться.

— дальние (от слова «отвонная» — внешняя, наруж- ная сторона).

— брать, вынимать.

— холщевые прошитые «ладощки», которыми берут горячие чугуны.

— заботливый, вежливый.

— очутиться, оказаться, оказались.

— прозреть, прозрели.

— наступить, настать («погода пала», «победа пала»).

— мести, подметать.

— деревянная лопата, на которой засовывают дрова в русскую печь.

пелёвка

первиценки
переводиться

передом
перемены
плёха
плотка, плоточка
побыт
повалить,
повалиться
повётъ

погода
погодиться
подаваться
подволока
подвѣрье
подкрапивная
ласточка
подкрючить
подсветить
пойво
полати

полёсовать
полица, полица
полстить холст
полунутрый пенъ
пблы двери
по-одинку
попадать
попичкать
пора́то

пёртно
посѣщцы
пососить
потѣмбалка
походить
призѣбнуть
признать
примѣстки
припасть
приставать
за кого-то
приходит, пришёл

прожиточно
прокинуться
прѣлуба
пропастъ
прѣстенъ
прощаться
прям окон
псец
пулѣтвенник

— мякина. Слово непонятное на Терском берегу, как там отсутствует земледелие (по объяснению рассказчицы: «обрезки от веревок»).

— первый удой после отела.

— переговариваться («переводят» — судят, сплетничают).

— впереди, во главе.

— смены блюд на столе.

— бранное слово (тряпка?).

— огниво, кресало.

— обычай, манера.

— лечь, улечься (обычно спать).

— сеновал (обычно над скотником), вообще крытая часть двора.

— ненастье.

— пригодиться.

— подвигаться, идти.

— чердак.

— двор, хозяйство.

— птичка-королёк.

— подставить ногу.

— поджечь.

— пойло.

— деревянный настил за печью под потолком (на полатах спят).

— охотиться.

— 1) доска-полка под потолком у печи; 2) воронец.

— мочить и расстилать холст, чтобы он стал плотнее.

— полый внутри, дуластый пенъ.

— открытые двери.

— поодиночке.

— достигать, прибывать.

— пожать, подавить.

— сильно, много, очень, весьма, крепко, больно, хорошо.

— холст.

— посечь, порубить.

— покормить грудью.

— шуточное от слова «потом», т. е. «никогда».

— идти, отправляться куда-либо.

— приподнять.

— поднять.

— род нар в избе.

— подпечек.

— вступаться, заступаться за кого-либо.

— появляться, появился («пришло озеро» — показалось, появилось озеро).

— зажиточно.

— разойтись, развеяться.

— прорубь.

— умереть, сдохнуть.

— веретено с пряжею («семь просней напярала»).

— извиняться, просить прощения.

— перед окнами.

— песец.

— сопляк.

пули	— сопли.
пульница,	— сопливая, слюнявая.
слинница	
пустошный	— редко населенный, малолюдный.
разгореться	— быть в жару.
расхмылить,	— усмехнуться.
расхмылиться	
рачиться	— растопыриваться.
решить кого-либо	— убить кого-либо.
рѣзвѣзи, рѣзвѣзи	— привязь («бык на рѣзвѣзях стоит»).
розрызть	— раскидать.
рѣсстани	— развилака дорог.
ротиться	— здесь вместо рачиться.
рубешок	— рубец, рубчик, шрам.
рухальня	— 1) ризница; 2) кладовая для мягких вещей.
рыть	— кидать, разрывать, раскидывать.
садник	— садовник.
сѣчьцы	— рубить.
сила	— армия, войско.
скѣлѣвать	— делать щель в дереве, рубить (на охоте прорубают ствол, чтобы достать из дупла зверя).
скобанный сноп	— сброшенный сноп.
скочить (скозить)	— прыгнуть, броситься, подбежать.
слина, слинка	— слюна.
слинница	— слюнявая.
снимать (водой)	— подмывать.
сорочѣнскій	— сараѣнскій, вообще южный, восточный.
сосить	— кормить грудью.
спахнуть	— смести.
справиться	— собраться, сготовиться.
срыть; срытый	— скидать, сорвать; сорванный.
стѣгѣнѣце, стѣгнѣ	— бедро.
стенѣк	— тень («стенек застенил огонь»).
стойки (в окнах)	— косяки.
стрѣту	— навстречу.
строй	— стрый, дядя по отцу, родственник («у строю на горке»).
строить	— уронить.
стюрить	— посадить, закрыть (одно из значений).
судиться	— спорить.
сулѣечка	— стеклянный сосуд.
сухара	— сушина, сухое дерево.
сухота	— сухотка, болезнь, печаль.
сушина	— сухое дерево.
тамотка	— там.
тесмяный,	— ременный.
тесмяный	
толковать	— понимать.
то́ня, то́нюшка	— 1) рыбацья избушка у моря (реки); 2) улов;
то́рбать, то́рбаться	3) однократное закидывание сети;
то́рнуть	— ударять, пихать, дергаться, рваться, биться.
то́рчик (утор)	— толкнуть.
	— 1) нарезка в бочке для вставки дна; 2) выступ от нарезки.
третьяк	— трехлетка (бык-третьяк).
тряпок	— кусок, отрывок ткани.
тупица	— дровокольный топор.
тянётся	— лезть, добираться.
укрѣпывать	— штопать, чинить.

уни́мать, унѣть	— упросить, уговорить («уняла ночевать»).
ура́зина	— палка, дубина.
уто́к	— нитка, которую ткут; она намотана на цевку (шпульку) и вставлена в челнок.
уто́р	— врезка для вставки дна бочки; выступающий над врезкой край.
уходи́ть кого-либо	— убить.
ухоро́ниться	— спрятаться.
Фа́нцева руба́шка	— шелковая рубашка (от слова «фанза» — китайская шелковая ткань).
фу́рнуть	— 1) сильно, стремительно дуть; 2) бросить, швырнуть.
хо́да	— ход, движение судна («во время ходы»).
хо́дом	— прямо, не задерживаясь.
чечу́ля мяса	— окорок.
шадр-во́лк	— щербатый волк, волк-людоед (возможно, здесь отразилось наблюдение, подтвержденное наукой, что людоедами становятся только увечные хищники).
ша́йка столова́я	— застольная компания.
ша́лыга	— посох, палка.
ша́ньга	— ватрушка (с творогом, моршкой и пр.).
шевели́ть	— трогать, затрагивать.
шелку́н	— гладкошерстный, как шелковый (горносталь-шелкун).
шело́ник	— юго-западный ветер, неудобный для мореходства («шалоник на море разбойник» — Даль).
шири́ночка	— 1) полотенце; 2) лодка раскладная (местное осмысление непонятного образа).
шиш («шиш московский»)	— вор.
шишева́ть	— воровать.
шляповáтка	— дерево с одной вершинкой и отсохшими боковыми ветвями. По поверью — обиталище лешего.
шуга́нишко	— шугай, женская короткополая кофта с рукавами; телогрея.
щи	— на Терском берегу всякое варево, суп.
яго́ль	— ягель, олений мох.
ягу́шка	— ягненок, ярка.
яди́мая	— людоедка (?).
яса́к	— язык, говор, знак.

СОДЕРЖАНИЕ¹

	Стр.
Предисловие	3
Сказочники и сказочная традиция на Терском берегу . . .	7
СКАЗКИ И ВЫЛЧКИ ТЕРСКОГО БЕРЕГА	
Умба	
Парасья Ерофеевна Попова	
1. Храбрая Олеконида	35 419
Фекла Тимофеевна Еголаева	
2. Про угольщика	38 419
Лесной	
Е. Ногина	
3. Каменная царевна	41 419
Неизвестный исполнитель	
4. Курчья пастушка	44 419
Михайлова	
5. Про солдата	46 419
Авдотья Анисимовна Мошников	
6. Иван-поваренка	48 419
7. Про Арапулку	56 419
8. Анекдот-загадка	64 419
9. Петушок да курочка	64 419
10. О разбойниках	66 420
11. Сестра-подпольница	68 420
12. Проклятая жена	69 420
13. Проклятый сын	70 420
14. Леший-кум	71 420
15. Как старуха бабила	72 420
16. О некрещеной девице	73 420
17. Пропавшая девочка	74 420
18. Как девушку «водило»	75 420
19. Про колдунью	75 420
20. Как «пугает»	75 420

¹ Первая колонка цифр обозначает страницу текста, вторая — приложения.

О л е н ь

Кристина Лукинична Талых

21. Жених-комар	77	420
22. Подмененная невеста	78	420
23. Соль	80	420
24. Про Кашея	82	420
25. Пульница-слинница	86	420
26. Кот, петух и анса	88	420

Иосиф Федорович Кожин

27. Молодильные яблоки	90	420
28. Золотая гора	94	420

Анна Степановна Кожина

29. Щуп!-щуп!	97	421
30. Архьерейский суд	99	421

Павла Никитична Кожина

31. Три брата	100	421
32. Про Турья да про Басанту	104	421
33. Вошья шкура	109	421
34. Поп и работник	115	421
35. Ангел на земле (1-я версия)	118	421
36. Как «пугает»	119	421
37. Ангел на земле (2-я версия)	119	421

К у н о м е ь

Елизавета Ивановна Сидорова

38. Как в триста три травы рассыпался	121	422
39. Про стоптанные башмаки	123	422
40. Про земляную орду	126	422
41. Иван-садник	133	422
42. Озерный жук — жених	137	422
43. Молодильные ягоды	139	422
44. Царь Косó Колесó (про гнилу коробку)	146	422
45. Счастливый день, несчастна ночь	151	422
46. Девять богатырей — по колен ноги в золоте, по локоть руки в серебре	155	422
47. Безручка	160	422
48. Морской царь	163	422
49. Агар Агарович	169	422
50. Как сосед суседку по титьке тяпнул	172	422
51. Сын-зверь	174	422
52. Василиса Прекрасная	177	422
53. Пуля-слина, опойцата шуба	183	422

54. Как отец новый дом сработал	186	422
55. Иван — медвежьи уши	192	422
56. Башня — зайти и не выйти	195	422
57. Иван-царевич и Марфа-царевна	200	422
58. Двенадцать бутылок синих водок, а красных пробок	204	422
59. Одна волосина золота, друга — серебряна, а третья — медна	206	422
60. Про разбойников	212	422
61. Шиш московский, Барма деревенский	214	422
62. Как с церкви крышу снял	215	422
63. Как англичанка здешние берега разоряла, как она ходила на здешний край (историческое предание)	216	422

Варзуга

Евдокия Дмитриевна Конева

64. Волк-шадр	217	422
65. Царь-девица, всем полкам богатырица	220	422
66. Купеческая дочь	227	422
67. Полдьявола-полчеловека	231	423
68. Разбойники и Олёнушка	233	423
69. Золотой нос	237	423
70. Курочка и петушок	238	423
71. Котята-котя	241	423
72. Глиняшка	245	423
73. Старик жил на горке	246	423
74. Сяду я на горку	249	423
75. Терем-теремок	249	423
76. Девушка и медведь	250	423
77. Кислая кума и пресная кума	253	423
78. Потомбалка	254	423
79. Краюшка хлеба	256	423
80. Ворыньское царство	257	423

Александр Александрович Попов

81. Еруслан Лазаревич	258	423
82. Мать-львица	276	423
83. Оклеветанная девушка	282	423
84. Солдат Симкин	287	423
85. «Пусть так!»	293	423

Марина Поликарповна Дьячкова

86. Король Дроздобород	299	423
87. Про царя	301	423
88. Золота головка	305	423
89. Петушок да курочка	309	423
90. Докучная	310	424

91. Про горошину	310	424
92. Какóфья	311	424
93. Петушок и жерновце	312	424
94. Докучная	314	424

Сергей Дорофеевич Заборщиков

95. Мишка, лёвка, два кобылька и голубь	314	424
96. Железный нос, деревянный хвост	320	424
97. Про горошину	323	424
98. Колобок	324	424

Мария Федоровна Заборщикова

99. Мышка-норушка	325	425

Ольга Николаевна Приданникова

100. Присказка	327	425
101. Лиса и журавль	328	425
102. Котя-котя	328	425
103. Лиса и волк	330	425
104. Как попу горло перегрыз	331	425

Аксинья Ивановна Попова

105. Алешка и ягишня	333	425
106. Потороча	335	425

Анна Васильевна Мошникова

107. Марфа-царевна	335	426

Еликонида Иоакимовна Мошникова

108. Про лешего (три былички)	341	426
109. У церковного замка	342	426

Клавдия Капитоновна Заборщикова

110. Рассказ о гаданье	342	426

Арсений Дмитриевич Заборщиков

111. Как «пугает» (два рассказа)	343	426

Чаваньяга

Ефим Григорьевич Клецов

112. Как мужик отелился	345	426
113. Лиха-баба	348	426

Марья Андреевна Семенихина

114. Лиса и медведь	352	427
115. Колобок	354	427

Михаил Михайлович Кожин

116. Оборотень	355	427

117. Как «пугает» (три былички)	355	427
Ирина Андреевна Кожина		
118. В гостях у бесов	356	427
119. Унесенная девушка	357	427
120. Обещанный ребенок	358	427
121. Бес на лодке	359	427
122. «Развяжу ли я!»	360	427
123. Как «водит» (две былички)	360	427
124. Кармакулиха	361	427
125. Встреча с нечистым	361	427
126. Разные случаи	361	427
127. «Прохожий»	362	427

Тетрино

Анна Марковна Клецова		
128. Шла баба путем	363	427
129. Про белого быка	365	427

Стрельна

Авдотья Петровна Стрелкова		
130. Мачеха и падчерица	366	428
131. Девушка свою судьбу ищет	367	428
132. Вошь и шкура	370	428
133. «Как соль»	371	428
134. Безручка	372	428
135. Отсуленные дети	375	428
136. Пестреюшко	379	428
137. Золота тетерка	381	428
138. Семь Фалнлеев	383	428
139. Глупый сын	385	428
140. Старуха-ворожея	387	428
141. Суженая от нечистого	390	428

Чапама

Александра Васильевна Стрелкова		
142. Лиса и волк	391	428
143. Заварунушко	391	428

Пялица

Демид Егорович Кузнецов		
144. Сивка-бурка	393	429
145. Еврюха-стукольник	394	429

	Стр.	
146. Про Омельку-царя	397	429
147. Тарас — много знает, а ничего не скажет	398	429
148. Кто глупее	399	429
149. На тот свет да дождем	401	429
Федора Степановна Низовцева		
150. Три слова	401	429
151. Улита	404	429
152. Жена-непряха	405	429
153. Лиса-исповедница	406	429
Петр Аксенович Кузнецов		
154. Жар-птица	407	429
155. Козелок	410	429
Ольга Ивановна Самохвалова		
156. Аленький цветочек	411	430
Паша Кузнецов		
157. Звери у корыта	412	430
Василий Аксенович Кузнецов		
158. Поблázнилось	418	430
159. На промысле	414	430
160. Как «пугало»	415	430
161. Болезнь	415	430

ПРИЛОЖЕНИЯ

Опись коллекции	418
Указатель сюжетов	432
Словарь местных слов и выражений	436

**СКАЗКИ ТЕРСКОГО БЕРЕГА
БЕЛОГО МОРЯ**

Издание подготовил
Д. М. Балашов

*Утверждено к печати
Ученым советом Института этнографии
АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая и Института языка,
литературы и истории Карельского филиала АН СССР*

Редактор издательства Н. А. Храмцова

Художник Л. А. Яценко

Технический редактор Н. Ф. Виноградова

Корректоры Г. М. Гельфер, Л. Я. Комм,
В. А. Пузиков и Г. В. Семерикова

Сдано в набор 17/XI 1969 г. Подписано к печати 3/III 1970 г.
РИСО АН СССР № 105-168 В. Формат бумаги 60×90^{1/16}. Бум.л. 14.
Печ. л. 28 = 28 усл. печ. л. Уд.-изд. л. 28. Изд. № 3904.
Тип. зак. № 587. М-09329. Тираж 11 000. Бумага № 2.

Цена 1 р. 88 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12